ՀԱԿՈԲ ՄԱՆԱՆԴՅԱՆ

АКАДЕМИЯ НАУК АРМЯНСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

ЯКОВ МАНАНДЯН

ТРУДЫ

VI

ИЗДАТЕЛЬСТВО АН АРМЯНСКОЙ ССР
ЕРЕВАН
1985

ՀԱՅԿԱԿԱՆ ՍՍՀ ԳԻՏՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԻ ԱԿԱԴԵՄԻԱ
ՊԱՏՄՈՒԹՅԱՆ ԻՆՍՏԻՏՈՒՏ

ՀԱԿՈԲ ՄԱՆԱՆԴՅԱՆ

ԵՐԿԵՐ

Զ

2262

ՀԱՅԿԱԿԱՆ ՍՍՀ ԳԱ ՀՐԱՏԱՐԱԿՉՈՒԹՅՈՒՆ
ԵՐԵՎԱՆ
1985

ԳՄԴ 63.3 (22)
Մ 243

Տպագրվում է Հայկական ՍՍՀ ԳԱ
պատմության ինստիտուտի
գիտական խորհրդի որոշմամբ

Խմբագրական հանձնաժողով
ԲԱԲԱՅԱՆ Լ. Հ., ԵՐԵՄՅԱՆ Ս. Տ., ՀԱԿՈԲՅԱՆ Վ. Ս.,
ՄԱՔԵՎՈՍՅԱՆ Ռ. Ի., ՍԱՐԳՍՅԱՆ Գ. Խ.

Հատորը հրատարակության պատրաստեցին
Լ. Հ. ԲԱԲԱՅԱՆԸ և Ռ. Ի. ՄԱՔԵՎՈՍՅԱՆԸ

Մանանդյան Հ. Հ.

Մ 243 Երկեր/խմբ. հանձնաժողով՝ Բաբայան Լ. Հ. և ուրիշ.—Եր.: ՀՍՍՀ ԳԱ հրատ. վերնախորագր.՝ ՀՍՍՀ ԳԱ, Պատմ. ին-տ. Հ.6/Հատորը հրատ. պատրաստեցին Լ. Հ. Բաբայանը և Ռ. Ի. Մաքևոսյանը. 1985.—385 էջ:

Ակադեմիկոս Հ. Մանանդյանի երկերի վեցերորդ հատորում զետեղված են աշխատություններ, որոնք նվիրված են հին և միջնադարյան Հայաստանի (V դ. մ.թ.ա.—XI դ. մ.թ.) բաղաքներին (նրանց ծագմանը, զարգացմանն ու անկմանը), միջազգային տարանցիկ առևտրին, հանապարհներին և այլն: Մեծ հետաքրքրություն են ներկայացնում հայկական և հունա-հռոմեական չափերին, կշիռներին նվիրված ուսումնասիրությունները:

Նախատեսված է հայ ժողովրդի պատմության հարցերով զբաղվող պիտանիների, ուսուցիչների և ուսանողության համար:

ԳՄԴ 63.3(22)

Մ 0505040000 / 703(02)—85 25—85

© Հայկական ՍՍՀ ԳԱ հրատարակչություն. 1985

ԽՄԲԱԳՐՈՒԹՅԱՆ ԿՈՂՄԻՑ

Ակադեմիկոս Հ. Մանանդյանի երկերի 2 հատորում զետեղված են հին և միջնադարյան Հայաստանի քաղաքների պատմության և չափագիտության լուսաբանմանը նվիրված նրա աշխատությունները: Առաջին անգամ ռուսերեն հրատարակվածները տրվում են ռուսերեն բնագրով:

Աշխատությունները տեղադրված են ժամանակագրական կարգով:

„О торговле и городах Армении в связи с мировой торговлей древних времен", Ереван, 1930.

Նույնը վերամշակված է լրացումներով վերահրատարակված 1954 թ., 347 էջ: Հատորում տրված է վերահրատարակված բնագիրը:

«Կշիռները և չափերը հնագույն հայ աղբյուրներում», Երևան, 1930, էջ 141:

«Հայաստանի քաղաքները 10—11-րդ դարերում», Երևան, 1940, 47 էջ: Նույնը տպագրվել է 1960 թ. «Քննական տեսություն հայ ժողովրդի պատմության» Բ հատորի Բ մասում: Հատորում տրված է այդ հրատարակության բնագիրը:

„Римско-византийские хлебные меры и основанные на них индексы хлебных цен", „Византийский Временник", т. 2 (27) М.—Л., 1947, *էջ 60—73.*

Հ. Մանանդյանի նշված աշխատություններում հայ պատմագրության մեջ առաջին անգամ հայ և օտար սկզբնաղբյուրների վերլուծության հիման վրա հանգամանորեն լուսաբանված են Հայաստանի հին և միջին դարերի քաղաքների, քաղաքային կյանքի, արհեստագործության, ներքին ու արտաքին և միջազգային տարանցիկ առևտրի, չափերի ու կշիռների պրոբլեմները: «О торговле и городах» կապիտալ աշխատության մեջ համակողմանիորեն տրված են քաղաքների ծագման, զարգացման և անկման պատմությունը, նրանց խաղացած դերը Արևելքի և Արևմուտքի միջև կատարվող տարանցիկ առևտրի զործում, ցույց են տրված Հայաստանի վրայով անցնող միջազգային տարանցիկ առևտրի ուղիները:

Հ. Մանանդյանի չափերի ու կշիռների մասին ուսումնասիրությունները խոշոր ներդրում են ընդհանուր չափագիտության ասպարեզում:

О ТОРГОВЛЕ И ГОРОДАХ АРМЕНИИ В СВЯЗИ С МИРОВОЙ ТОРГОВЛЕЙ ДРЕВНИХ ВРЕМЕН

(V в. до н. эры—XV в. н. эры)

ПРЕДИСЛОВИЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ

Первое издание настоящей монографии, вышедшее в свет в 1930 году в небольшом количестве экземпляров (1500), было распродано, главным образом, в Советской Армении. А между тем, книга эта, имевшая задачей восполнить недостаток в специальной работе по истории мировой торговли через Армению, предназначалась не только для историков-арменоведов, но также и для широкого круга научных работников Советского Союза—кавказоведов, востоковедов и византинистов.

Со времени первого издания настоящей книги прошло более пятнадцати лет и за это время по данному вопросу накопилось много нового материала. Было необходимо поэтому внести в текст некоторые изменения и дополнения.

В настоящем втором, переработанном и дополненном издании помещены несколько новых глав и, кроме того, рассмотрены и выяснены более подробно, чем в первом издании, пересекающие Армению и Закавказье пути мировых торговых сношений различных эпох и приведены пятнадцать пояснительных карт, иллюстрирующих эти пути.

Учитывая, что в существующей исторической и востоковедческой литературе работы по истории экономической жизни древней Армении почти отсутствуют, я счел необходимым снабдить свою работу обширными библиографическими указаниями.

Я. Манандян

Ереван.

Июль, 1946 г.

ГЛАВА I

ВНЕШНЯЯ ТОРГОВЛЯ АРМЕНИИ В ЭПОХУ ДРЕВНЕПЕРСИДСКОГО ВЛАДЫЧЕСТВА

§ 1. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА МЕЖДУНАРОДНОЙ ТОРГОВЛИ В АХЕМЕНИДСКОЙ ПЕРСИИ

Проф. Макс Вебер в «Аграрной истории древного мира» время персидского владычества при Ахеменидах предполагает периодом сильного хозяйственного застоя в занятых персами областях. «Экономическое развитие огромной, в течение полутора веков пользовавшейся почти совершенно мирным существованием, территории,—говорит Макс Вебер,—видимо, стояло на месте (никакой торговли в Персидском заливе, слабое развитие также принадлежавших к персидскому государству финикийских и со времени Пелопоннесской войны—эллинских морских городов)»[1].

Эта крайне скептическая оценка торговых сношений в эпоху Ахеменидов не совсем согласуется с достаточно определенными фактами, сообщаемыми древними источниками. Правда, темп развития обмена и торговли был в древнеперсидском государстве относительно медленным, не имел тех размеров, которые присущи были хозяйственному расцвету эллинистического Востока в IV—II вв. до н. э., однако, это было все-таки развитие, но отнюдь не полный застой.

В исторических источниках имеется ряд сообщений, относящихся ко времени древнеперсидского владычества, которые ясно указывают, что в означенную эпоху имелись налицо весьма благоприятные условия для развития и роста торговых сношений. Уже одно объединение разрозненных и враждующих между собою государств—Ассиро-Вавилонии, Лидии и Египта—в единую персидскую империю являлось, несомненно, фактом, способствующим оживлению торговых связей. Известно также, что Ахеменидны обеспечили безопасность путей сообщения. Развитию обмена и торговли должны были содействовать, кроме того, денежная реформа Дария I и улучшение веса и качества монеты.

[1] *М. Вебер,* Аграрная история древнего мира. Перевод под редакцией проф. Д. М. Петрушевского, М., с. 224.

Едва ли подлежит сомнению также укрепление и рост мировой торговли в эту эпоху. Не случайно, конечно, что как раз в VI—V вв. начинается пышный расцвет малоазийского побережья и развитие греческих торговых городов на южных и северных берегах Черного моря. С крепнущей и растущей мировой торговлей связано, по-видимому, материальное и политическое усиление скифских племен, которые через греческие колонии имели торговые сношения с иранским востоком.

При Ахеменидах, как известно, уже существовала торговая связь с Индией как сухопутная, так и морская.

После завоевания северо-западных областей бассейна Инда, Дарий I, как сообщает Геродот, поручил Скилаку из Карианды исследовать путь к устью Инда и объехать морским путем Аравию[2]. Экспедиция эта увенчалась полным успехом. Для соединения Нила с Красным морем Дарием же был восстановлен канал, сооруженный еще при прежних фараонах[3]. Из Средиземного моря открылся, таким образом, водный путь в Красное море, а оттуда в Персидский залив и в Индию[4].

Все эти крайне любопытные факты, связанные исключительно с временем царствования Дария I, являются, видимо, результатом планомерных усилий, направленных к развитию мировых торговых сношений. Созданные этими усилиями благоприятные условия международного обмена соответствовали, преимущественно, интересам ремесленных и торговых центров и старых культурных областей. Вполне понятно, что это направление государственной деятельности Дария не могло быть понято и оценено военно-земледельческой аристократией Персии.

Любопытно в этом отношении свидетельство Геродота, сообщающего, что персы Дария называли торгашом, Камбиза господином и Кира отцом[5].

Хотя развитие торговых сношений было в древнеперсидской империи более значительным, чем полагает Макс Вебер, однако нельзя не признать, что на народнохозяйственную жизнь оно оказывало лишь поверхностное влияние.

Не следует, прежде всего, упускать из виду, что торговля велась, главным образом, в определенных торговых центрах и прилегающих к ним местностях. Обширные области империи, лежавшие вдали от этих мест, жили сравнительно замкнутой жизнью и едва ли принимали участие в этой торговле. Глубин народного хозяйства ни внешняя ни внутренняя торговля почти не затрагивали и, в общем, хозяйственный строй Персии, по существу, оставался натуральным.

Подтверждением этого может служить малочисленность городов в древней Персии, что, несомненно, является показателем как слабой дифференциации населения, так и отсутствия тесной и органической связи города с основами хозяйственной жизни преобладающей части персидских областей. Государственные подати были в эту эпоху частью денежные, частью натуральные. Однако денежное хозяйство прививалось, по-видимому, очень туго.

Характерно, в этом отношении, что денежные налоги, вносимые податными округами, не пускались в обращение, а хранились в сокровищницах царя[6].

Наконец, в высокой степени показательно сообщение Геродота о том, что эллины имели у себя рынки для купли и продажи, персы же, напротив, рынками вовсе не пользовались и базарных площадей у них не было[7].

Если даже предположить, что свидетельство это относится не ко всей империи, а только к персам, в узком смысле, во всяком случае, из вышеприведенных данных можно смело заключить, что в преобладающей части древнеперсидской империи продолжали господствовать натурально-хозяйственные отношения.

Ознакомившись с хозяйственными условиями народной жизни в Ахеменидской Персии, мы, тем самым, становимся на твердую почву для решения вопроса об экономике и торговле древней Армении в эту эпоху.

§ 2. ТЕРРИТОРИЯ ДРЕВНЕЙ АРМЕНИИ В ЭПОХУ АХЕМЕНИДОВ

Время господства персов в Армении, VI—IV столетия до н. э., как известно, является начальным периодом истории армян. Armina в надписях Дария, Armenia у древнегреческих историков, названа страна, в которой жили предки современных армян.

Центральная и восточная территория древней Армении до появления в ней двигавшихся с западной Армении арменов была населена различными урартскими—алороднйскими, матиенскими и другими племенами, объединенными под властью урартийцев.

В течение IX—VI веков до н. э. народами Урартского царства была создана сравнительно высокая древняя цивилизация, определившая культурное будущее исторической Армении. О высоте этой культуры свидетельствуют не только существование письменности клинообразными знаками на халдском языке, но и раз-

---

2 *Геродот*, IV, 44.

3 *Геродот*, II, 158; IV, 39.

4 См. F. Justi, Geschichte Irans, Grundriss der Iranischen Philologie II, S 444 (Strassburg, 1913); E Spesk, Handelsgeschichte des Altertums, Bd. I, Leipzig, 1900, S. 340; Cl. Huart La pesse antique, Paris, 1925, p. 72.

5 *Геродот*, III, 89.

6 *Геродот*, III, 96.

7 *Геродот*, I, 153.

витие у халдов земледелия, скотоводства, садоводства и металлургии, а также и высокая техника у них водоорошения и постройки крепостей—городищ.

Урартское царство было сильно ослаблено еще до завоевательных передвижений арменов, во время киммерийских и скифских нашествий VIII и VII столетий до н. э. С этими движениями было связано, как полагают, также передвижение арменов.

Первоначально армены поселились здесь, как указано у Страбона (XI, 4, 8 и XI, 14, 12), в области Акилисене (в районе нынешнего Ерзнкяна) и в области Супиритисе—Шуприи, лежавшей близ истоков Зибина—Тигра, и к востоку от этой области вплоть до Калахены и Адиабены. Оттсюда именно с юга, как подробно указано в моем «Критическом обзоре истории армянского народа»[8], они проникли постепенно во внутренние и северные области Армянского нагорья.

Во время отступления через Армению «десяти тысяч» греков (401—400 г. до н. э.) границей ее, как сообщает Ксенофонт, была на юго-востоке река Кентрит[9], ныне Бохтан-су или восточный Тигр; в пределах Армении находился, по-видимому, весь бассейн западного Тигра, а также бассейн реки Евфрат—Аранания[10]; из Геродота известно, что на юго-западе Армению отделяла от Киликии река Евфрат[11], из свидетельства Страбона о позднейшем расширении Армении можно заключить, что верхнее течение этой реки и области Карин—Эрзерум и Дерджан и часть Акилисены находились в то время в обладании халибов, моссинойков и катаонов[12].

Область к западу от Кентрита Ксенофонт называет просто Арменией, а к северу от Тавра западной Арменией[13]. По его же свидетельству, правителем первой области был Оронт, а другой (западной Армении)—Тирибаз[14].

§ 3. ТОРГОВЛЯ АРМЕНИИ С ВАВИЛОНОМ ПО ЕВФРАТУ

Об экономической жизни этих двух сатрапий имеются сведения у Геродота и Ксенофонта. Сообщение Геродота касается торговли древней Армении, но оно неправильно истолковано не только в прежних работах по истории Армении, но и во всех поч-

[8] Ереван, 1944, с. 24—34.

[9] *Ксенофонт*, Анабасис, IV, 3, 1.

[10] Анабасис, IV, 5, 2.

[11] *Геродот*, V, 52.

[12] *Страбон*, XI, 14, 5 (528).

[13] Анабасис, III, 5, 17; IV, 3, 2 и сл.; IV, 4, 4.

[14] Анабасис, III, 5, 17; IV, 3, 4; IV, 4, 4.

ти новейших трудах[15].На основании этого сообщения указывают на крупную посредническую роль армян-купцов той эпохи в международной торговле. Ничего подобного в подлинном тексте Геродота нет. В тексте этом речь идет не об армянах-купцах, а о торговле в пределах Армении. Свидетельство Геродота привожу полностью в переводе Мищенка, сличенном мною с греческим подлинником. После подробного описания Вавилонии и города Вавилона, Геродот продолжает:

«Теперь я приступлю к тому, что в этой стране после самого города на мой взгляд наиболее достопримечательно. Суда их (т. е. ассирян), плавающие по реке в Вавилон, имеют круглую форму и целиком сделаны из кожи. В земле арменнев, что живут выше ассирнян, они (т. е. ассирняне) нарезывают ивы и делают из них бока судна, потом обтягивают их покровом из кож и делают подобие дна, не раздвигая стенок кормы и не суживая носа, но придавая судну круглую форму щита; после этого все судно наполняют соломой, нагружают и спускают вдоль по реке. Груз состоит преимущественно из пальмовых бочек с вином. Судно направляется с помощью двух рулей двумя стоящими лицами; одно из них тянет руль к себе, другое толкает свой руль от себя. Суда эти бывают и очень большие и поменьше; наибольшие из них поднимают пять тысяч талантов груза. В каждом судне помещается по одному ослу, а в судах большого размера по нескольку. Пришедши в судах в Вавилон и распродавши груз, они, (т. е. ассирняне) сбывают также остов судна и всю солому; кожи навьючивают на ослов и отвозят их к арменням. Вверх по реке вследствие быстроты течения суда вовсе не могут плыть, поэтому-то и делают их не деревянными, а кожаными. По прибытии с ослами обратно к арменням, ассирняне таким же способом делают себе новые суда. Таковы у них суда»[16].

В переводе вставлены мною в скобках пояснения. Смысл цитаты совершенно ясен. В торговле приевфратской Армении с Вавилоном посредниками, несомненно, были не армяне-купцы, а ассирийцы. И это вполне естественно, так как во всей Персидской империи руководящая роль в культурно-экономической жизни принадлежала древним культурным народам Востока, главным образом, семитам. Армения, с ее крайне слабой социальной дифференциацией населения, не могла, конечно, играть активной роли в торговле не только в это древнейшее время, но, как увидим, и в последующие эпохи. Утверждение проф. Халатянца, что еще

[15] Ср. *А. Гарагашян*, Критическая история Армении (на арм. языке), I, Тифлис, 1895, с. 69; *Г. А. Халатянц*, Очерк истории Армении, М., 1910, с. 98; *K. J. Sandalgian*, Histoire bocumentaire de l'Armenie, II, Rome, 1917, p, 392; *K. Aslan*, Etudes historiques sur le peuple armenien, Paris, 1909, p. 75 и др.

[16] *Геродот*, перевод с греческого Ф. Г. Мищенко, т. I, М., 1885, с. 101 (I, 194).

при Ахеменидах—«армянские купцы служили посредниками для обмена товаров через Кавказ с Скифией, через Каспийское море с восточной Азией и Китаем, вниз по Евфрату с Вавилонией и Индией, а с западной стороны—с Каппадокией»[17]—не только ни на чем не основано, но глубоко ошибочно уже потому, что никакой торговли между Передней Азией и Китаем в то время не было.

§ 4. СПОРНЫЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА О ТОРГОВЫХ СНОШЕНИЯХ АРМЯН С ФИНИКИЕЙ И ИНДИЕЙ

Ссылаясь на свидетельства пророка Иезекииля[18], обычно указывают также и на торговлю армян с финикийскими городами Тиром и Сидоном, куда будто бы привозили для продажи мулов и лошадей[19]. На самом деле, Иезекииль говорит о торговле с Финикией не Армении, а Тогармы. Отожествление же Тогармы с Арменией есть лишь предположение, вызывающее пока некоторые сомнения. Необходимо также отметить, что в сообщении Иезекииля ни слова не говорится об армянах-купцах, как посредниках этой торговли.

Но вообще говоря, вывоз из Армении лошадей, как и продажа их в торговых центрах, едва ли могут вызвать возражения.

Армения, как известно, издревле славилась своими лошадьми. Еще Геродот упоминает, что армены были богаты скотом[20]. Страбон сообщает, что «Армения имеет прекрасные пастбища для лошадей, в чем она не уступает Мидии, так что несайские лошади, которые служили персидским царям, воспитываются и здесь, а армянский сатрап посылал Персу ежегодно по 20000 жеребят для празднества Митры[21]. Ксенофонт же в Анабасисе говорит, что армянские лошади, хотя и меньше персидских, но значительно бодрее их[22].

Возможно, конечно, и вполне вероятно, что лошади эти вывозились для продажи на внешние рынки, но нужно полагать, что посредниками этой крупной торговли были не армяне-купцы, а семиты.

---

[17] Очерк истории Армении, с. 98.

[18] XXVII, 14.

[19] *K. Aslan*, Etudes historiques sur le peuple arménien, p. 75, J. Sandalgi an Histoire documentaire, II, с. 391, В. Брюсов. Летопись исторических судеб армянского народа, М., 1918, с. 29. *Адольф Бер.* История всемирной торговли, перевод Э. Циммермана, ч. 1, М., 1876, с. 39; также *Халатянц*, Очерк истории Армении и др.

[20] *Геродот*, V, 49.

[21] XI, 14, 9 (перевод Мищенко); ср. также XI, 13, 7.

[22] IV, 5, 36.

В некоторых трудах по истории древней Армении встречаются указания, что еще при основании Персидской империи Кира армяне и халды имели регулярные торговые связи с Индией и вывозили оттуда товары[23]. В подтверждение ссылаются на неопределенное свидетельство Ксенофонта в Киропедии (III, 2). На самом же деле, у Ксенофонта в указанном свидетельстве ни слова, ни даже намека нет на торговые сношения халдов или армян с Индией. В сообщении Ксенофонта говорится, что chaldai-и соседи армян, живущие в горах, служили нередко в качестве наемного войска у индийского царя, и Кир, узнав о том, что они бывали часто в Индии, просит армян и халдов дать проводников для сопровождения персидского посла, который должен был отправиться в Индию.

В первом издании настоящего труда я полагал, что ошибочны как предположения о торговых сношениях халдов и арменов с Индией, так и сообщаемый Ксенофонтом факт о частом пребывании халдаев в Индии. Я указывал тогда, что Ксенофонт, вероятно, перепутал халдов древней Армении, основавших в IX веке до н. э. могущественное Ванское царство, с халдеями, жившими на северо-западном берегу Персидского залива. Он мог знать кое-что об этих халдеях и связях их с Индией и, весьма возможно, что все слышанное о халдеях он приписал халдам, которых он ошибочно называл халдеями.

Однако в недавно изданном труде «О некоторых проблемах истории древней Армении и Закавказья»[24] я счел более вероятным другую интерпретацию свидетельства Ксенофонта, которая придает ему совершенно иной смысл.

Можно предположить, как я полагаю, что в тексте Киропедии слово Ἰνδούς, которое означает «индиец» или «индийский царь», есть искажение. По-видимому, это слово следует исправить и читать Σίνδους, что должно означать в соответствующем свидетельстве Ксенофонта «синд» или «синдский царь». Из свидетельства Плиния[25] нам известно, что реку Indus в Индии местные жители обычно называли Sindus. Не трудно поэтому догадаться, что эти названия легко могли быть перепутаны и слово Σίνδους «синд» могло быть искажено переписчиками текста Киропедии и заменено знакомым и общепонятным словом Ἰνδούς «индиец».

Предложенная мною конъектура, как мы видим, придает разбираемому свидетельству Ксенофонта совершенно новый и правдоподобный смысл.

В соотбетствующем отрывке Киропедии имеются в виду не «индийцы», а «синды», которые, как известно, в шестом веке до

---

[23] *J. Sandalgian*, Histoire documentaire de l'Arménie, II, p. 392; *А. Гарагашян*, Критическая история Армении, I, с. 70.

[24] Ереван, 1944, с. 59—60.

[25] *Plin.* Nat. Hist. VI, 21, 1 (изд. Littrè).

нашей эры, как раз в эпоху персидского царя Кира (550—539 гг. до н. э.), считались могущественным и богатым народом и жили в районе нынешней Анапы.

Греческое предание называет нам Синдскую гавань, как главный пункт, через который они вывозили свои продукты. Недалеко от этой гавани находился крупный город Горгиппия, который предание называет «царской резиденцией» синдов[26].

Находившаяся близ Азовского моря область синдов была, вероятно, известна халдам и древним персам как могущественная и богатая страна. И вполне возможно, что народ этот имел торговые связи как с халдами урартийцами, так и другими странами Ближнего Востока. Это общение синдов с культурным миром Востока следует предположить, как я полагаю, через Мэотидско-Колхидскую магистраль, которая, как мы увидим, играла роль транзитного пути международной торговли и в послехалдскую эпоху.

Свидетельства античных авторов, как мы видим, вовсе не подтверждают ни оживленной торговли армян с Индией, ни, вообще, посреднической роли армян в торговле с Вавилоном и Финикией.

Международная торговля, которая в эту эпоху не имела еще того широкого распространения и тех крупных размеров, которых она достигла после завоеваний Александра, находилась, как было выше указано в руках культурных народов древности, главным образом, семитических народов.

§ 5. ЦАРСКАЯ ДОРОГА, ПРОЛЕГАВШАЯ ЧЕРЕЗ АРМЕНИЮ

Для транзитной торговли главными магистралями, по-видимому, служили в эту эпоху южные дороги в Сирию и Египет, а также так называемая «Царская дорога», подробно описанная у Геродота (V, 52)[27]. Последняя дорога соединяла столицу Персии Сузы с бывшей столицей Лидии Сардами. Из Вавилонии эта дорога имела боковую магистраль—через Загр мимо Багистанской или Бехистунской скалы на Экбатану, а оттуда к Бактрийской и Индийской границе.

Упомянутые дороги, благоустроенные и безопасные, предназначались, очевидно, не только для почты и административных сношений, но и для караванной торговли. По сообщению Геродота, часть этой магистральной дороги проходила через Армению.

«Границу Киликии и Армении,—говорит Геродот,—образует

[26] См. *М. И. Ростовцев*, Эллинство и иранство на юге России, с. 123.

[27] О главных дорогах Ахеменидской эпохи имеются подробные сведения у Юсти.— „Geschichte Irans" в Grundriss der Iranischen Philologie, II, s. 475—476.

река Евфрат, судоходная для кораблей. В Армении находятся пятнадцать стоянок с жилыми помещениями на протяжении пятидесяти шести с половиною парасангов (около 300 км.); там же есть укрепление. По переходе из Армении в Матиену находим тридцать четыре стоянки на протяжении ста тридцати семи парасангов»[28]. Пролегающая через Армению часть дороги шла, вероятно, близ Мелитены, нынешней Малатии, по направлению к Сапфе или Безабде, теперешнему Джезире-Ибн-Омар[29]. Направление этой дороги указано у Шпека[30] из Джезире на запад по отлогостям плоскогорья Масия, затем на северо-запад к Амиду, а оттуда через Сюверек к месту переправы через Евфрат, вероятно, близ Хореса, приблизительно в середине между Самсатом и Гергером. Более вероятно, как мне кажется, что пролегавшая через Армению линия шла не в этом, а в северном направлении—через Тавр в равнину Харберта и оттуда к Евфрату около Малатии.

Несмотря на незначительность внешней торговли, можно полагать, что «Царская дорога» уже в это древнее время имела влияние на экономическое развитие юго-западной Армении. Через эту именно дорогу армены находились в ближайшем и теснейшем общении с иранским культурным миром и крупными торговыми центрами Малой Азии и Месопотамии.

Близ этой же магистрали возникли в Селевкидскую эпоху древнейшие города Армении в области Софена.

Возникновение их было обусловлено теми культурно-экономическими преимуществами, которые в эту древнюю эпоху были присущи юго-западным областям Армении.

§ 6. СЛЕДЫ ХОЗЯЙСТВЕННОГО И ОБЩЕСТВЕННОГО БЫТА У АРМЕНОВ

О внутренней жизни древней Армении в Ахеменидскую эпоху имеются сведения в Киропедии (III, 2) и Анабасисе (IV, 3, 5) Ксенофонта, который описал в качестве очевидца отступление 10000 греков через Армению к Черному морю (в 401—400 гг. до н. э.).

Главными занятиями арменов, как видно из его свидетельств, являлись земледелие, скотоводство и садоводство. Отступившие через Армению греки находили повсюду в деревнях Армении обильные запасы сельскохозяйственных продуктов: пшеницу и ячмень, стручковые плоды, изюм, ароматные вина, свиное сало и разные масла—кунжутное, миндальное и фисташковое. Упоминается также особый ячменный напиток, вроде пива, который тяну-

[28] Перевод Ф. Г. Мищенко, т. II, с. 25 (V, 52).

[29] См. F. Justi, op. cit., p. 475.

[30] *E. Speck*, Handelsgeschichte des Altertums, Bd. I, Leipzig, 1900, S. 288.

ли из кувшина через тростинку. Из домашних животных упоминаются в «Анабасисе» козы, овцы, быки, коровы, свиньи, куры и лошади.

Приведенные данные свидетельствуют о значительном развитии сельскохозяйственной культуры у арменов.

Об общественном строе страны имеются у античных писателей лишь косвенные указания. Из этих указаний видно, что основой общественного устройства арменов в ту эпоху был родовой строй. Хозяйство же этой эпохи было по существу чисто натуральным. Согласно описанию Ксенофонта, армены жили скученными поселениями, состоявшими из многих укрепленных деревень, окруженных валами и рвами. Во главе их стояли комархи, деревенские или родовые старейшины, которые являлись органами правления наряду с сатрапами.

Жилища в деревнях арменов, лежавших недалеко от верховьев Евфрата, как сообщает Ксенофонт[31], были подземные: у входа—узкие, как отверстие колодца, а внизу—просторные; вместе с людьми помещался домашний скот и домашняя птица. Отступавшие греки нашли в этих деревнях обильные запасы продовольствия и, устроив повсюду пиршества, угощали друг друга. Захваченному в плен старшине, сопровождавшему их, они разрешили взять все, что он захочет. Но он отказывался от всего; однако, «когда он встречал кого-нибудь из своих сородичей, всегда брал его к себе» (IV, 5, 32). По мнению исследователей, в подобной защите, оказываемой старшиной своим сородичам, можно усмотреть черты, свойственные родовому строю. В одной из деревень греками было захвачено 17 жеребят, которые, по словам старшины, были предназначены для персидского царя как дань (IV, 5, 24, 34). Несомненно, и этот коллективный характер дани представляет интерес и как будто бы указывает на общинно-родовую организацию деревень.

У Ксенофонта имеются сообщения об упорных войнах арменов, осевших в равнинах Арацания и верхнего течения Тигра, с кардухами и халдами, жившими в горах. Естественный прирост населения и необходимость новых пастбищ толкали арменов на дальнейшие передвижения, чем и объясняются беспрерывные войны, о которых сообщает Ксенофонт. Подтверждением правильности такого объяснения может служить любопытный рассказ в Киропедии, в котором указывается экономическая зависимость, существующая между поселениями низменностей Армении и областями нагорных пастбищ.

По рассказу Ксенофонта, армены заинтересованы были в том, чтобы халды допустили их к пользованию нагорными лет-

[31] Анабасис, IV, 5, 25—26.

22662

ՀԱՅԿԱԿԱՆ ՍՍՀ ԳԱ ԱՐՎԵՍՏԱԳԻՏՈՒԹՅԱՆ ԵՎ ԱՐՎԵՍՏԻ ՊԱՏՄՈՒԹՅԱՆ ԻՆՍՏԻՏՈՒՏ
ԳԻՏԱԿԱՆ
ԳՐԱԴԱՐԱՆ
БИБЛИОТЕКА
Ин-т востоковед. АН Арм. ССР

ними пастбищами, халды же, живущие в горах, бедные и малоземельные, добивались беспрепятственного пользования невозделанными плодородными землями, находившимися в низменных областях, занятых арменами. Из рассказа Ксенофонта видно, что мидийцы и персы искусно воспользовались междоусобиями в стране, без особого труда подчинили эти области своей власти и обеспечили в дальнейшем мирное сожительство арменов и халдов.

В результате этого мирного сожительства произошло постепенное слияние различных местных племен и арменов и возникла в течение последующих веков армянская народность, предками которой являются, следовательно, не только армены, но также и урартские, или алародийские, и другие народы и племена древнего Урарту. В связи со смешанным этногенезом армянского народа ставят его двоякое название. Между тем как большинству народов армяне известны под названием «армен»-ов, сами они называют себя не «армен»-ами, а «хай»-ами. Это последнее название «хай» является, как полагают, названием малоазийских предков армян, древнего народа страны Хайасы (Hayasa), лежавшей на северо-западе от озера Ван, с которым смешались и слились армены.

Показателем слабости социального расслоения населения служат как родовое его устройство, так и отсутствие в областях, населенных арменами, торговых городов. «Десять тысяч» греков, отступавших через эту страну в 401—400 г. до н. э., видели на своем пути лишь деревни, замки и укрепленные селения, т. н. городища, но ни одного настоящего города с характером торгового центра. Что таких городов не было в то время в этих областях, это видно, между прочим, из того, что упоминаемая Ксенофонтом резиденция сатрапа находилась в одной из деревень в особом царском замке (basileion).

Любопытно, однако, что единственный «большой, цветущий, многолюдный город „Γυμνιάς“ упоминает Ксенофонт в северной части исторической Армении, занятой тогда, как было подробно выяснено в моей работе «О некоторых проблемах истории древней Армении и Закавказья»[32], киммерийско-скифскими племенами. Путем тщательного анализа сообщений Ксенофонта о направлении маршрута отступавших греков в стране скифинов[33] удалось установить, что город Гюмния может быть отожествлен с древнеармянским городом Кумайри с нынешним Гюмри—Ленинаканом. Название города „Γυμνιάς“ вм. „Γυμριάς“, бывшего центром союза киммерийско-скифских племен, осевших в древнеармянских областях Ванаде, Шираке и Айрарате, было, по-видимому, наименованием этнического происхождения, возникшем из имени киммерийцев Gimirrai.

Все вышеприведенные данные о примитивном социально-хозяйственном быте арменов не согласуются вовсе с обычным мнением, предполагающим в эту эпоху широкое развитие в областях, занятых ими, торговли и активное участие в ней купцов-арменов. На основании всего вышесказанного можно, мне кажется, с уверенностью утверждать, что мнение это является результатом неправильного толкования свидетельств Геродота, Ксенофонта и Иезекииля и должно быть решительнейшим образом отвергнуто.

---

[32] Ереван, 1944, с. 48—55.

[33] Анабасис, IV, 7, 18—26 и 8, 1—2.

ГЛАВА II

ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ ПОДЪЕМ АРМЕНИИ И ОСНОВАНИЕ В НЕЙ ГОРОДОВ В ЭПОХУ ЭЛЛИНИЗМА

§ 7. РАСЦВЕТ ЭЛЛИНИЗМА И РАЗВИТИЕ ТОРГОВЫХ СНОШЕНИЙ С ВОСТОКОМ

Завоевание Персии Александром Македонским знаменует собою новую эпоху в хозяйственной жизни Передней Азии. Эта новая эпоха представляет собою время оживленной торговой и промышленной деятельности, основания в огромном количестве греческих колоний и городов, постепенного образования новой эллинистической культуры и, вообще, крупных культурно-экономических сдвигов, оказавших могучее воздействие на дальнейшее развитие всей Передней Азии.

До этого времени область греческой торговли находилась почти исключительно на побережьях Средиземного или Черного морей; лишь немногие города отстояли от морского берега более, чем на один день пути. Торговля с внутренними областями Азии имела, несомненно, сравнительно второстепенное значение.

Теперь же, после завоевания обширной Ахеменидской Персии, все это в корне изменилось.

Торговля приобрела мировой характер и в круг оживленных непосредственных торговых сношений были вовлечены не только Малая Азия, Месопотамия и Египет, но даже далекие от них области Средней Азии и Индии. Ближайшим последствием этого было образование на Востоке крупных центров мировой торговли—Александрии в Египте, Антиохии на Оронте и Селевкии на Тигре. На развитие и усиление обмена и денежно-хозяйственных отношений оказало большое влияние захваченное Александром огромное количество благородного металла, праздно лежавшее до того в сокровищницах персидского царя.

Торговля этой эпохи, которая необыкновенно разрослась, искала себе новых путей как на море, так и на суше.

Еще при Александре для сношений с Индией был открыт удобный морской путь от Инда к Евфрату и Тигру; им же были основаны у устьев Тигра и Инда торговые города, которые должны были служить точками опоры для этих сношений.

Крупнейшими узловыми центрами для торговли с Индией и Востоком стали упомянутые выше Александрия, Антиохия и Селевкия. По свидетельству Плиния, в I веке н. э. Селевкия на Тигре, основанная Селевком I, имела около 600 000 населения[1]. Согласно вычислению Белоха, в 60 г. до н. э., Александрия насчитывала около 500 000 жителей[2]. Относительно же Антиохии имеется сообщение у Страбона, что город этот, основанный также Селевком I, «по могуществу и величине уступал немного Селевкии на Тигре и Александрии в Египте»[3].

Восточные товары шли из Персидского залива в Селевкию, а отсюда через Зевгму в Антиохию, или же—из страны герреев по прямому пути через арабскую пустыню в Петру, а оттуда в Тир и Сидон или Александрию.

Для торговли с Аравией и Индией кроме этих сухопутных дорог существовал также и водный путь через Красное море. Этот путь, соединявший Средиземное море с Персидским заливом и Индийским океаном, существовал, как известно, и в древнее время. При Птолемеях был восстановлен и углублен прежний канал между устьем Нила и горькими озерами и, таким образом, для судов, идущих из Александрии, был открыт путь в Красное море.

По этим путям вытянулось длинной цепью преобладающее большинство эллинистических колоний и городов, которые стали прочной основой как для культурно-хозяйственного развития, так и для эллинизации Востока.

Указанные пути мировой торговли лежали на юге. Как и в Ахеменидскую эпоху, Армения могла иметь определенные связи с южными центрами мировой торговли, но для ее культурно-хозяйственного развития имели значение не столько эти центры, сколько северные страны Персии, главным образом, те эллинизированные области Селевкидской империи, с которыми она непосредственно соприкасалась.

§ 8. КОЛОНИЗАТОРСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СЕЛЕВКИДОВ В СЕВЕРНОЙ МЕСОПОТАМИИ И МИДИИ

Большинство колоний и городов в прилегающей к Армении северной Месопотамии, а также и в Мидии, были основаны Селевком Никатором (312—280 гг. до н. э.). «Вся Месопотамия,—сообщает Плиний,—принадлежала ассирийцам; у них там были только деревни, за исключением Вавилона и Ниневии. Македоня-

[1] *Plin*, VI, 30.
[2] J. *Beloch*, Griechische Geschichte, Bd. III, 1 Abth., Strassburg, 1904, S. 296.
[3] *Strabo*, XVI, 2.

не соединили их в города ввиду плодородия почвы»[4]. Большая часть этих городов—Зевгма, Апамея против Зевгмы, Антемус, Ихнан, Никефорий, Европ—были расположены по главному пути из столицы Селевкидов Антиохии в Селевкию на Тигре. Ближе к Армении находились основанные Селевком Никатором Эдесса и Антиохия в области Мигдонии (прежний Низибин). Эти два города были опорными пунктами северной линии, которая шла из Зевгмы в Эдессу, оттуда в Антиохию—Низибин, и около реки Тигра соединялась с бывшей «Царской дорогой» Ахеменидов. О греческих колониях Мидии имеется сообщение у Полибия. «По почину Александра—свидетельствует Полибий—Мидия опоясывается со всех сторон эллинскими городами для защиты ее от смежных варварских народов, за исключением впрочем Экбатаны. Этот последний город находится в северной части Мидии и господствует над странами Азии, прилегающими к Меотиде и Эвксинскому Понту»[5]. Эти города, главные между ними Рага-Европ, Апамея у Каспийских ворот, Лаодикея и др., как известно, были основаны или же заселены греческими и македонскими поселенцами не при Александре, а при Селевкидах; Антиохом Эпифаном была позднее эллинизована также и Экбатана, названная по его имени Эпифанией[6].

Эллинистические центры Мидии были расположены, главным образом, у северной караванной дороги, ведшей в Бактрию и Индию. Важным узловым пунктом на этом пути был город Экбатана, откуда через Загр имелась дорога в Селевкию и через Атропатену в Закавказские страны и к Черному морю.

Эта последняя дорога и являлась той основной магистралью, которая имела определяющее значение как для экономического развития Закавказья, так и для торговой и транзитной роли Армении. Возникновение в восточной Мидии эллинистических городов, несомненно, должно было способствовать оживлению торговли в восточных сатрапиях и росту торгового движения по всей северной магистрали. Исследование Каспийского моря, произведенное Патроклом по поручению Селевка I Никатора, проект прорытия канала между Каспийским и Черным морями, приписываемый Плинием тому же Селевку Никатору, вызывались, очевидно, интересами мировой торговли, для которой пытались открыть новые пути сообщения. Все это явно указывает, что Селевкиды уделяли внимание не только усилению торговых сношений на южных путях, но и в северо-восточных сатрапиях.

На широкое проникновение эллинизма в восточную Мидию указывает найденный в 1909 г. в горах Загра, у деревни Авромана, каменный кувшин с тремя рукописями на коже, из которых две оказались арендными договорами, написанными по-гречески[7].

Договоры эти 88-го и 22-го года до н. эры составлены при Аршакидах в деревне «Копаннс» или «Кофалис». Договаривающиеся и свидетели носят негреческие имена, но пользуются греческим языком и греческим правом. Эта находка, весьма интересная для истории эллинизма, свидетельствует с несомненностью, что влияние эллинизма в восточной Мидии было значительно не только в городских центрах, но даже в отдаленных горных областях.

Северо-западная часть Мидии или Мидия Атропатенская не входила в состав селевкидских провинций. При Александре Македонском сатрапом этой области был назначен Атропат, который утвердился здесь в качестве наследственного владетеля. Это государство стало с тех пор называться по имени основателя Атропатеной. Оно примыкало к Армении с юго-востока и с северо-востока.

Во время восстания сатрапа Мидии Молона (в 222—220 гг. до н. э.) Атропатена и пограничные с нею области находились под властью Артабазана. Описывая победоносный поход Антиоха III против Артабазана, бывшего союзником Молона, Полибий сообщает, что войска Антиоха III «перевалили через Загр и вторглись в область Артабазана, которая лежит подле Мидии, отделяясь от нее только промежуточными горами». «Некоторые части ее—продолжает Полибий—что выше Фасиса, господствуют над Понтом, и область доходит до Гирканского моря»[8]. Под Фасисом здесь подразумевается, по-видимому, не река Рион, а река Аракс»[9].

Основываясь на приведенном свидетельстве Полибия и следуя общепринятому мнению[10], я полагал в первом издании настоящего труда, что в первой четверти III в. (до н. э.) под верховной властью Артабазана была объединена обширная территория между Атропатеной и Понтом и что в состав его владений входили, вероятно, северные и прикаракские области исторической Армении вплоть до Колхиды. Территория эта соответствует приблизительно восемнадцатому податному округу Дария I, население которого, по свидетельству Геродота, составляли «матиены, сас-

[4] *Plin.*, VI, 30.

[5] *Полибий*, перевод Ф. Г. Мищенка, X 27, том II, с. 262.

[6] *Eduard Meger*, Blüte und Niedergang des Hellenismus in Asien, Berlin, 1925, S. 19.

[7] Изданы и исследованы E. H. Mins'om, Parchements of the Parthia period from Avroman in kurdistau (Journ. of Hellen. stud. XXXV, 1915), см. В. Бузескул, Открытия XIX века в области истории древнего мира, I, Восток, Пб., 1923, с. 190—191.

[8] *Полибий* V, 55, перевод Ф. Г. Мищенка, т. I, с. 592.

[9] Река Фасис и народ фасианы упоминаются в Анабасисе Ксенофонта (IV, 6). На тожество Фасиса с Араксом было указано Кипертом; см. H. Kiepert, Lehrbuch der alten Geographie, Berlin, 1878, стр. 81.

[10] См. *Markwart*, Franschahr, Berlin, 1908, S. 108; von *Gutshmid*, Geschichte Irans, Tübingen, 1888, S. 36 и др.

пейры и алародии» (III, 94). По мнению профессора Маркварта, долина Аракса с главным городом Армавиром могла быть очищена Артабазаном согласно договору, заключенному в 220 г. до н. э.; позже правителем этой области в качестве стратега был назначен Артаксиас[11].

Можно было поэтому заключить, что вплоть до второго века до н. э. господство над путями северной магистрали, ведущими через Атропатену к Понту, находилось в руках не армянов, а, главным образом, правителей Атропатены и Айраратской области.

Однако приведенное традиционное мнение, как было указано в моем «Критическом обзоре истории армянского народа»[12], довольно шатко и крайне спорно. Признав достоверным вышеозначенное свидетельство Полибия, ученые не приняли, очевидно, во внимание, что античные авторы Селевкидской эпохи имели смутное и ошибочное понятие о географии Кавказского края. В частности у Полибия, жившего во II веке до н. э., это путаное представление об этом крайне определенно видно из следующих отрывков его Истории:

1. Полибий, V, 44 (перевод Мищенка),—

«Западными частями Мидия примыкает к так называемым атропатиям, а эти последние живут недалеко от народов, граничащих с Евксинским морем. Обращенные к северу части Мидии окружены елимеями, анариаками, а также кадусиями и матиенами и возвышаются над теми частями Понта, которые граничат с Меотидою (т. е. Азовским морем)».

2. Полибий, X, 27 (перевод Мищенка),—

«Этот последний город (Экбатана) находится в северной части Мидии и господствует над странами Азии, прилегающими к Меотиде и Евксинскому Понту».

Приведенные свидетельства Полибия и, в частности, его сообщение о местоположении Атропатены близ «народов, граничащих с Евксинским морем», как видим, являются результатом недоразумения и не могут служить основой для каких-либо географических и исторических выводов.

Мне кажется, вопреки господствующему мнению, древний Айрарат, как подробно выяснено в недавней моей работе «Армавирские, греческие надписи в новом освещении»[13], находились в двадцатых числах III в. до н. э. не под верховной властью Ардтабазана, а Ервандидских царей Армении, резиденциями которых были здесь сначала Армавир, а затем Ервандашат.

[11] *Markwart*,, op. cit., 1901, S. 108. Приведенное мнение Маркварта, мне кажется, спорно. До Артаксиаса царем Армавира и Ервандашата, как будет указано ниже, был не Артабазан, а Ерванд—Orontas, которого Страбон считает последним царем Армении из рода Гидарнов (XI, 14, 15).

[12] Ереван, 1944, т. I, с. 106—107.

[13] Ереван, 1946, с. 42—46.

§ 9. РАСЦВЕТ СОФЕНЫ И ОСНОВАНИЕ ГОРОДОВ АРШАМОШАТА И КАРКАТИОКЕРТА

В Селевкидскую эпоху территорию, населенную арменами, составляли, как известно, три отдельные области: Большая или Великая Армения, Софена и Малая Армения. Ни одна из этих областей не была прочно завоевана македонянами ни при Александре, ни при его преемниках. После возникновения Селевкидского царства эти три области сохранили внутреннюю свою самостоятельность и управлялись, как и Атропатена, местными династами, которых древние источники называют часто «царями». Будучи внешне в вассальной зависимости от Селевкидов, династы Армении обязаны были платить им дань и в военное время являться на службу с войском. Пользуясь, однако, внутренними раздорами Селевкидов, верховенство их они нередко отвергали.

Несмотря на явную непокорность местных правителей, Селевкиды предпочитали действовать мирными средствами и старались подчинить их своему влиянию не столько вооруженной силой, сколько дружественными договорами или же установлением с ними родственных связей путем браков.

Не составляя органической части Селевкидской монархии, армянские земли не могли, конечно, стать районом широкой колонизаторской деятельности Селевкидов. Тем не менее, на развитие этих областей неминуемо должны были отразиться характерные изменения и быстрый прогресс культурно-экономической жизни в соседних эллинистических областях.

Местная культура в армянских землях, имевшая, преимущественно, армено-урартские корни и стоявшая под сильнейшим культурным воздействием иранизма, стала с этого времени испытывать влияние также и эллинизма, которое в последующие эпохи все более и более усиливалось.

Эллинское влияние восприняли здесь, прежде всего, местные правители-цари, породнившиеся с Селевкидами, и высшие слои населения. Дошедшие до нас монеты царей Софены и Малой Армении имеют греческие надписи. Чеканка собственной монеты, ставшая почти повсеместным явлением, служит, одновременно, показателем усиления торгового обмена и денежного обращения как во всей Передней Азии, так и в местных царствах Армении.

Из вышеназванных царств в ближайшем соседстве с эллинистическим миром находилась Софена. С юга она непосредственно примыкала к Месопотамии и лежала недалеко от главных торговых путей северной Месопотамии. Вниз по реке Евфрату, протекающей на западной ее границе, существовал, как было сказано выше, торговый путь в Вавилон, а, следовательно, и в Селевкию, куда могли доставляться товары на особых плотах, описанных Геродотом. Через Софену проходила старая «Царская дорога» и в ней же, на левом берегу Евфрата, находилась древ-

няя Томиса, укрепленная стоянка для караванов[14], ходивших в Малую Азию или Вавилонию.

Благодаря выгодному торговому положению и близости к культурному миру эллинизма, из трех вышеуказанных армянских земель древняя Софена имела, несомненно, наиболее благоприятные условия для экономического и культурного развития.

Этим, именно, и объясняется, что два значительных города древней Армении были основаны в Софене. У древних авторов упоминаются города Аршамошат (Arsamosata) и Каркатиокерт (Carcathiocerta), которые были основаны здесь, вероятно, в Селевкидскую же эпоху и являлись резиденциями местных царей.

Основание Аршамошата приписывают обычно царю Софены Аршаму, который по свидетельству Полиена (IV, 17), около 240 г. до н. эры, поддерживал Антиоха Гиеракса в войне против Селевка Каллиника (246—226 гг. до н. э.). Местоположение этого города указано у Полибия. По его словам, он был расположен «в так называемой Прекрасной равнине между Евфратом и Тигром»[15].

Согласно Плинию, Аршамошат находился очень близко от Евфрата—Арацания[16]. На основании этих сообщений, как и указаний армянских и арабских источников, полагают, что столица Софены Аршамошат лежала недалеко от левого берега Арацания, между нынешним Харпутом и Балу.

Мнения немецких ученых о точном местонахождении Аршамошата, в общем, сходятся. Приблизительное местоположение Аршамошата было определено впервые G. Hoffmann-ом[17] около ныи. селения Ярымджи, расположенного на правом берегу реки Евфрата—Арацания. В. Томашек, придерживаясь указания Hoffmann-а, местоположение Аршамошата предполагал[18] несколько к югу от Ярымджи, по левую сторону Евфрата—Арацания, на месте развалин около ныи. селения Хараба.

---

[14] Местоположение древней Томисы предполагают в области Анзитене, на пути из Харпута в Малатию, на месте ныи. деревни Кюмюрхана, см. H. Hübschmann, Die altarmenischen Ortsnamen, Strassburg, 1904.

[15] *Polyb.*, VIII, 25.

[16] *Plin.* Nat. Hist. VI, 10—Armosata Euphrati proximum, usg. M. E. Littré, Paris, 1883, t. I, p. 242.

[17] *G. Hoffman*, Addenda Zu H. Gelzer's Georgius Cyprius (Lipsiae, 1890) см. *J. Markwart*, Südarmenien und die Tigrisquellen, „Handes Amsorva, 1915» S. 102.

[18] *W. Tomaschek*, Sasun und das Quellgebiet des Tigris, Sitzungsber. d. Wiener Akad. d. Wiss. 133, № 4 1895, S. 31 и его же, Historisch—Topographisches vom Oberen Euphrat und aus Ost-Kappadokien, Kiepert—Festschrift, Berlin, 1898, S. 138.

Проф. Маркварт, ссылаясь на устные предания самих армян, приведенные у американского миссионера Elsworth Hurtigton-а[19], приурочивает[20] древний Аршамошат к ныи. Наджарану, находящемуся недалеко от сел. Хараба.

Н. Адонц, которому, по-видимому, не были известны приведенные предположения немецких ученых, местоположение Шамшата—Аршамошата определяет в Харбердской равнине, в окрестностях ныи. деревни Шамушии, «имя которой напоминает древний Шамшат»[21].

Для окончательного выяснения точного места Аршамошата необходимо, несомненно, произвести топографические и археологические изыскания в районе между Харпутом и Балу.

Другой город Софены Каркатиокерт упоминается у Страбона и Плиния. Страбон сообщает, что Каркатиокерт был царской резиденцией Софены[22]. По Плинию, Аршамошат находился недалеко от Евфрата, а Каркатиокерт—недалеко от Тигра[23]. Точное местоположение и этого города пока еще не выяснено[24]. Сомнения могут быть и относительно названия—Carcathiocerta, так как в наличных списках трудов Страбона и Плиния имеются разночтения Karthasiokerta, Arguctiocerta, Argathiocerta и др. Несмотря, однако, на отсутствие более ясных сведений об этом городе, во всяком случае, положительное и достоверное указание Страбона позволяет думать, что в его время столицей Софены был не Аршамошат, а Каркатиокерт.

Находясь близко от торговых путей Малой Азии и северной Месопотамии, столицы эти были, по-видимому, главными торговыми центрами Софены и имели, вероятно, общий облик соседних эллинистических городов. То обстоятельство, что Софена и его городские центры еще в III в. до н. э. вступили на путь торгового развития, отнюдь не является случайным. Благодаря своему исключительно благоприятному географическому расположению, Софена не только сама принимала деятельное участие во внешней торговле, но была, по-видимому, средоточием и главными воротами торговли также и для Большой или Великой Армении. Экономическое тяготение и тесная зависимость последней от Софены были обусловлены тем, что магистральные пути, идущие из

---

[19] Verhandl. der Berl. Anthropol. Gesell. 1900, S. 149, см. Markwart, ibidem, S. 102—103.

[20] *J. Markwart*, Südarmenien und die Tigrisquellen, S. 103—104.

[21] *Н. Адонц*, Армения в эпоху Юстиниана, с. 35, в этом же районе, выше Шамушии около города Пистека, предполагал местоположение Аршамошата. Guy Le strange, J. R. A. S. 1805, p. 57—см. *Markwart*, там же, с. 102.

[22] *Strabo*, Geogr. XI, 14. 2 (527).

[23] *Plin.* Nat. Hist. VI, 10.

[24] Проф. К. Леман Karkathiokerta у Страбона считает древней формой Хар-

Большой Армении в центральные области Селевкидской империи, спускались в равнины через территорию царства Софены. Некоторое ослабление этой непосредственной связи, мне кажется, можно предположить с первой половины II века до н. э. При Артаксие I началось, как известно, быстрое усиление Большой Армении; при нем же были прочно захвачены северные транзитные пути, которые, как увидим ниже, открыли новые возможности для сношений с Понтом и Востоком и для более интенсивного торгового и экономического развития северных областей Армении.

§ 10. ПРОНИКНОВЕНИЕ ЭЛЛИНИЗМА В БОЛЬШУЮ, ИЛИ ВЕЛИКУЮ АРМЕНИЮ

Об историческом прошлом Большой, или Великой, Армении в эллинистическую эпоху до последнего времени у нас не было достаточных сведений.

Как видно из свидетельств Курция Руфа (III, 2, 6 и IV, 12, 10) и Арриана (III, 8, 5 и 11, 7), во время похода на Персию Александра Великого в битве при Гавгамелах (331 г. до н. э.) участвовало вспомогательное войско Большой Армении под командой Оронта—Ерванда. Диодор (XIX, 23, § 3) и Полиэн (Strateg. IV, 8,3) упоминают приблизительно в 317 году, (до н. э.) сатрапа Большой Армении Оронта, который имел дружеские отношения с сатрапом области Персиса македонцем Певкестом. Известно также, что Каппадокии, восставшей против Селевкидов, была оказана военная помощь «царем Армении Ardoates'ом»[25], и Ариарат благодаря этой помощи окончательно упрочил за собой Каппадокийское царство (по Белоху около 270 или 260 гг. до н. э.)[26].

Приведенные случайные и крайне скудные свидетельства, содержащиеся в античных источниках, как видим, не дают нам никаких реальных сведений о самой Большой Армении и ее внутренней жизни.

Этот пробел, к счастью, в настоящее время восполнен благодаря археологическим находкам последних десятилетий, обогатившим историю как раз Большой Армении документами исключительного значения. В 1911 году на южных склонах Армавирского холма был обнаружен камень с тремя греческими надписями, а в 1927 году был найден там же другой камень с четырьмя греческими надписями. Копии всех этих надписей изданы недавно и комментированы А. И. Болтуновой. Они детально исследованы также мною[27]. Культурно-историческое значение армавирских надписей, несомненно, огромно. Они обогащают наши сведения об истории и культуре Большой Армении III—II вв. до н. э. новыми интересными данными. Они указывают, что в селевкидскую эпоху влияние эллинизма было значительно не только в Софене, но также и в Большой Армении, находившейся в то время под властью Оронтидов, т. е. Ервандидов.

При предложенном мною разъяснении вышеозначенных надписей можно прийти к крайне любопытному выводу, что в Армавире, резиденции Оронтидов, существовал греческий храм Аполлона и Артемиды, преимущественно с греческими жрецами, и что в районе Армавира жили, вероятно, также и эллинские колонисты, имевшие там земельные участки. Армавирские греческие надписи, кроме того, документально подтверждают употребление греческого языка в высших слоях общества Ервандидской Армении. Это видно из того, что на камне, открытом в 1927 году, написаны на греческом языке обращение Митраса к царю Ерванду с пожеланием здоровья, а также и сведение о трагической смерти Ерванда. Не трудно было поэтому сделать заключение, что Ервандиды, породнившись путем браков, вероятно, с Селев-

пута и полагает, что древний Каркатиокерт стоял на месте ныи. Харпута (см. Lehmann—Haupt, Armenien einst und jetzt, Berlin, 1910, Bd, I, S. 513—514). Н. Адонц предполагает, что Каркатиокерт лежал на месте Мартирополя (см. „Армения в эпоху Юстиниана", с. 31; ср. также *J. Saint-Martin*, Mém. sur l'Arménie,I, 96, 167—169). Оба эти мнения являются догадками и едва ли могут быть признаны убедительными. Маркварт, ссылаясь на мнение Дройзена у Г. Киперта, сопоставляет Karkathiokerta или Arkathikerta с Artagigarta и Птолемея, Argesikerta у Стефана Византийца (см. *Droysen*, Geschichte des Hellenismus, II, с. 712) и с Етагигертом Etagigarta у анонимного, равеннского космографа, соответствующим, по мнению Г. Киперта, безымянной станции с двумя башнями Таблиц Певтингера—Coissa. XVI² . . . XXVII ad Tygrem (см. H. *Kieperf*; Ueber die Lage der armenischen. Hauptstadt Tigranokerta, Monatsber. der Berl. Ak. d. Wis. 1873, S. 178). Местонахождение Arkathiokerta Маркварт предполагает на месте древнеармянского укрепления Ангеха, нынеш-Эгиля, где, по свидетельству Фауста, находились гробницы многих царей Армении из династии Аршакидов.

По мнению Маркварта, гробницы эти были, вероятно, не аршакидских царей, а древних царей Софены (см. *J.Markwart*, südarmenien und die Tigrisquellen, „Handes Amsorya", 1913, сент., S. 530—533). Предположение Маркварта, несомненно, более обосновано и более вероятно, чем приведенные выше предположения Лемана-Гаупта и Адонца.

[25] Diod XXXI, 19, 5.

[26] *J. Beloch*, Griechische Geschichte, Bd. III, I. Abth., S, 296, см. мою работу „Критический" обзор истории армянского народа", Ереван, 1944, с. 97—99.

[27] См. *А. И. Болтунова*, Греческие надписи Армавира, Известия Армянского филиала Акад. наук СССР, Ереван, 1942, № 1—2 и акад. *Я. А. Манандян*, Армавирские греческие надписи в новом освещении, Ереван, 1946.

жилами, к концу III века до нашей эры были сильно эллинизированы. Насколько сильно было здесь влияние эллинизма, видно, между прочим, из того, что верховным жрецом армавирского храма Аполлона и Артемиды, служителями которого были эллинские жрецы и гиеродулы, был брат царя Ерванда, вышеозначенный Митрас[28].

Из сообщений Страбона (XI, 14, 15) и Моисея Хоренского (кн. II, гл. 37—62) видно также, что упомянутый в надписях на втором камне Ерванд Последний, царствовавший в Большой Армении в конце III и в начале II века до нашей эры, был свергнут основателем династии Артаксиадов, Артаксием I.

Этим именно Ервандом, бывшим последним царем династии Ервандидов, царская резиденция была перенесена из Армавира в основанную им столицу Ервандашат. Однако, как видно из содержания армавирских греческих надписей, Армавир и после того продолжал оставаться религиозным центром Ервандидского царства и в нем верховным жрецом и царем был брат Ерванда Последнего, Митрас.

Город Ервандашат, как известно, находился в области Аршаруни, недалеко от места слияния реки Ахуряна (нынеш. Арпачай) с Араксом. Основание этого города Хоренский, который не знал о существовании в Армении царской династии Ервандидов, ошибочно приписывает армянскому царю Аршакиду Ерванду, современнику Веспасиана (69—79) и Тити (79—81) и предшественнику Арташеса, основателя города Арташата.

«Во дни Ерванда,—сообщает Хоренский,—царский двор переносится с холма, называемого Армавиром, ибо река Ерасх удалилась и в продолжительную зиму суровое дыхание северного ветра сковывало льдом ее воды так, что не было возможности иметь достаточно воды для местопребывания царя. Ерванд, вынужденный этим, ищет к тому же более неприступного места и переносит свой двор на запад, на скалистый холм, кругом которого извивается Ерасх и по противоположной стороне которого течет река Ахурян. Ерванд обводит холм (стенами) и во многих местах прорезывает скалы ниже фундамента стен до основания холма в уровень с рекою, дабы воды реки могли стекаться в вырытые углубления для продовольствия жителей. Укрепляет вышгород высокими стенами, в средине которых укрепляет медные ворота и чугунную лестницу снизу до самой двери»[29]...

Приведенное сведение Хоренского о перенесении резиденции из Армавира в город Ервандашат, как нам кажется, недостаточно оценено историками и арменоведами. Свидетельство это, конечно, не измышление самого Хоренского, как склонны были думать

[28] См. мою работу «Армавирские греческие надписи», с. 40—45, 49—57.

[29] *Хоренский*, II, 39—перевод Эмина, с. 90—91.

проф. Халатьянц[30]. Самым главным недостатком Хоренского, как признано в настоящее время, были его неправильная историческая перспектива и смешение им имен и событий, неудачно и искусственно переплетаемых им сообразно хронологической своей концепции, которая вполне добросовестно, но схоластически, была разработана им на основании книжных источников и народных сказаний. В сообщении Хоренского о Ерванде и его преемнике Арташесе смешан, по-видимому, предшественник Арташеса I Ерванд—Orontas с Осроенским царевичем Arbandes, сыном Абгара VII (Cass. Dio, LXXV, 21). Следует указать, что в сообщениях Хоренского упоминаются не только новооснованный Ервандашат и первоначальная резиденция Ерванда Армавир, но также и имеющийся в Армавире храм Солнца и Луны—Аполлона и Артемиды, возле которого находились священные платаны по шелесту и колебаниям листьев которых совершали там гадания (Хор. I, 20—II, 8, 12, 40, 49).

Все эти сообщения Хоренского, как мною подробно выяснено[31], находят себе прямое или косвенное подтверждение в новооткрытых греческих надписях Армавира.

Таким образом, вышеприведенные новые факты и выводы, как видим, не оставляют сомнения в том, что к концу III века до нашей эры эллинизм и эллинская культура успели глубоко проникнуть далеко на север, в центральные районы исторической Армении. В то же время ценные и крайне важные сведения армавирских греческих надписей о наличии в Армавире греческих поселенцев и об эллинизации культурного центра и резиденции Ервандидов позволяют прийти к выводу, что в Селевкидскую эпоху была вовлечена в круг международных торговых сношений, кроме Софены, также и Большая Армения.

В моей недавней работе «О некоторых проблемах истории древней Армении и Закавказья» было подробно выяснено[32], что Большая, или Великая Армения находилась на мировом торговом пути из Индии и Вавилонии через Мидию к Танаису. Этот международный путь шел из Мидии через Айрартскую равнину в Колхиду и оттуда вдоль восточного побережья Черного моря в Мэотиду и Южную Россию.

Можно поэтому предположить, что города Ервандидской Армении, Армавир и Ервандашат, еще в ту древнюю эпоху служили,

[30] См. *Г. Халатьянц*, Армянский эпос в истории Армении Моисея Хоренского, М., 1891, с. 215—218. Перемена русла Аракса и удаление реки от прежней столицы Армавира, по словам Халатьянца, констатируется даже нынешними путешественниками. Тем не менее, он совершенно отрицает правильность сведений и склонен считать их измышлениями самого Хоренского.

[31] «Армавирские греческие надписи», с. 43 и сл.

[32] Ереван, 1944, с. 59—60, 65—67.

по-видимому, точками опоры для торговых сношений городов Селевкидского царства с Кавказским и Северным Причерноморьем.

§ 11. МОНЕТНЫЕ КЛАДЫ ЗАКАВКАЗЬЯ ПОДТВЕРЖДАЮТ ОЖИВЛЕНИЕ ТОРГОВЫХ СВЯЗЕЙ АРМЕНИИ В ЭПОХУ ЭЛЛИНИЗМА

Предположение наше об оживлении торговых связей Армении в эпоху эллинизма подтверждается косвенно теми монетными кладами, которые обнаружены в пределах Закавказья и дореволюционной Армении, присоединенной к России. Об этих кладах издан недавно в виде краткого очерка интересный труд Е. А. Пахомова[33].

По мнению Пахомова[34], в течение всего Ахеменидского периода (VI—IV вв. до н. э.), кавказский Азербайджан, подобно большей части всего Закавказья, по-видимому, еще не знал монетного обращения. Даже такие народы, как колхи, близко расположенные к Черноморскому побережью и торговым эллинским центрам, предпочитали при Дарие I (522—485) уплачивать дань рабами, а не деньгами. Только в конце ахеменидского периода, и то в западной половине Закавказья, появляется монета.

В пределах Закавказья у Пахомова указаны лишь два случая находки ахеменидских монет: находка серебряного сикля в окрестностях мест. Сурам, Горийского у., Тифлисской губернии, и в Эриванской губернии, причем последнюю находку он считает сомнительной (с. 14).

Резкий перелом в монетном обращении Закавказья отмечает Пахомов в эпоху эллинизма, «Походы Александра Македонского—говорит он—образование его греко-азиатской монархии и усиленное движение эллинов на восток, хотя непосредственно не коснулись Закавказья, но повлекли за собой резкий перелом в жизни кавказских народов. С того времени денежное обращение устанавливается и на территории кавказского Азербайджана, и изменения денежных систем можно проследить не только по векам, но нередко и по десятилетиям» (с. 15).

По собранным в том же труде данным, «драхмы и тетрадрахмы Александра распространены в Западной Грузии, изредка встречаются в восточной, еще более часты в южной, и очень часты по всему пространству нынешней Армянской республики, равно как и в Нахичеванском крае» (с. 15).

Одновременно серебром, в западной и восточной Грузии, а

[33] *Е. А. Пахомов,* Монетные клады Азербайджана и Закавказья (Труды общества обследования и изучения Азербайджана, вып. 3, Баку, 1926).

[34] Монетные клады, с. 14.

также и в Армении, попадаются золотые статеры Александра Македонского (с. 16). Позднее, как указывает Пахомов, в монетном отношении происходит в Закавказьи любопытный раскол. На Черноморском побережьи и во всей почти Грузии, вплоть до Тбилиси, появляются золотые и серебряные монеты Лизимаха (+281 г.), при этом они настолько входят в торговый обиход, что, при их недостаточном приливе, возникает в Грузии чеканка подражений им из золота, но худшей пробы и меньшего веса. Армения же, где эти монеты не встречаются, в III—II вв. питается чеканом Селевкидов (с. 16).

Хотя труд Е. А. Пахомова не касается вовсе монетных кладов, найденных в областях дореволюционной Турецкой Армении, но это не столь важно. Процесс распространения монетного обращения не ограничивался, конечно, указанными выше областями, но охватывал также,—вероятно, еще в большей степени—южные области Армении. Как мы уже отмечали выше, местные династы Софены и Малой Армении чеканили здесь собственную монету.

Все вышеизложенное о монетных кладах, найденных в пределах Закавказья и Армении, с полной определенностью показывают, что создание в Азии греко-восточных эллинистических государств и крупные перемены в экономической жизни Востока внесли существенные изменения также в хозяйственную жизнь Закавказья и указанных выше армянских областей. Расцвет мировой торговли и новый экономический строй эллинизма способствовали, по-видимому, и здесь проникновению денежно-хозяйственных отношений и развитию торгового обмена. О распространении в эту эпоху денежного обращения в Армении свидетельствует, между прочим, чеканка собственной монеты в Софене и Малой Армении.

Основываясь на приведенных фактах, мне кажется, можно смело предположить, что эллинистическая эпоха должна считаться временем определенного перелома в экономической жизни древней Армении.

§ 12. УСИЛЕННОЕ РАЗЛОЖЕНИЕ РОДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

В Ахеменидскую эпоху, как было указано выше, господствующей формой быта у арменов был, по-видимому, родовой союз. Из сообщений Ксенофонта можно заключить, что союзы эти были объединены под властью царя—базилевса.

В Киропедии упоминаются царь арменов, современник Кира и Астиага, и его сыновья Sabaris и Tigranes; последний, по словам Ксенофонта, принимал участие в завоевательных походах Кира. Войско царя арменов, как указано в той же Киропедии, состояло приблизительно из 40 тысяч пехоты и 8 тысяч кон-

ницы, богатство же его оценивалось серебром более 3000 талантов.

Сведения эти, приведенные в историко-политическом романе Ксенофонта и почерпнутые им из устных рассказов и преданий, имеют, по-видимому, определенную историческую основу.

Можно поэтому предположить, что уже к началу возникновения ахеменидской империи вожди и родовые старейшины армянов, подпавшие под власть более могущественного царя, служили в его армии и в государственном аппарате. Такими вождями были, например, упомянутые в Багистанской клинописной надписи—Дадарш, полководец Дария Гистаспа (552—486 гг. до н. э.), воевавший против мятежников Армении и Arakha, воцарившийся в Вавилоне.

В сообщении Ксенофонта об арменах заслуживает особого внимания указание на то, что армены поставляли в персидскую армию 40 тысяч пехоты и 8 тысяч конницы. Это сравнительно многочисленное войско армянских земель участвовало, как свидетельствует Геродот (VII, 72, 73), в походе персидского царя Ксеркса на Грецию (в 480 г. до н. э.) под одним знаменем с родственными фригийцами и имело одинаковое с ними вооружение: плетеные шлемы, высокие башмаки, короткие копья, дротики, мечи и небольшие щиты.

Это огромное количество войска, которое поставляли армены, занимавшие в то время значительную часть исторической Армении, дает основание полагать, что они почти сплошь состояли из воинов.

Такое же предположение было высказано относительно картвельских племен академиком И. А. Джавахишвили. Ссылаясь на свидетельство Страбона (кн. XI, гл. 3) о свободном населении Грузии, занимавшемся одновременно и военным делом и земледелием, акад. Джавахишвили полагал, что именно этим объясняется многочисленность войска как у иберов, так и у албанцев[35].

Мне кажется, что прав также и германский ученый Маркварт, который считал, что мидийцы, завоевав Урарту, опирались на своих союзников арменов в борьбе против беспокойных местных народов этой страны. Армены, как полагал Маркварт[36], были использованы мидийцами в качестве военных колонистов и были поселены ими в наиболее важных стратегических пунктах страны.

Представляя собою крупную военную силу, эти новые поселенцы, покровительствуемые Мидией, а затем и Ахеменидской

[35] См. «Государственный строй древней Грузии и древней Армении», СПб., 1905, с. 62—63.

[36] Die Enstehung und Wiederherstellung der armenischen Nation., Berlin, 1919, S. 16.

Персией, в течение двух с половиной столетий мирного владычества мидян и персов (585—550 и 550—330), расселились постепенно в разные стороны и прочно осели в близлежащих областях.

Родовая организация, подвергшаяся постепенно значительному разложению, как было сказано выше, была в эту эпоху основой общественного строя арменов. Данные же источников об их вождях, царях—басилевсах, и многочисленном войске говорят определенно о том, что древние армены, точно так же, как и древние славяне VI—VII вв., находились на стадии «военной демократии», особо отмеченной у Энгельса в «Происхождении семьи, частной собственности и государства»[37].

На таком же уровне общественного развития находились, как не трудно убедиться при внимательном изучении сообщений античных писателей, и родоплеменные союзы мидян и древних персов. О вооруженном народе древней Персии любопытные данные имеются в «Киропедии» Ксенофонта. Эти сведения подробно приведены в известном труде Адонца «Армения в эпоху Юстиниана»[38].

Если предположения наши верны, то из сказанного можно было бы сделать вывод, что и здесь на Востоке, как в средние века на Западе, культурные государства древнего Востока были разгромлены молодыми варварскими народами, «для которых война и организация для войны», как говорил Энгельс, были в то время «регулярными функциями народной жизни»[39].

Приблизительно на подобной же ступени социального строя находилось также и развившееся из родового строя общество парфян, войско которых состояло не из рабов, как полагали западноевропейские ученые, а из свободных воинов—земледельцев, называемых «азат»-ами[40].

Само собою понятно, что сходство и параллель в общественном строе арменов и иранских народов следует объяснить не политической тесной связью этих народов, как полагают некоторые арменоведы, а, главным образом, тем, что народы эти находились на одинаковой ступени общественного развития.

О времени распадения родового общества древней Армении мнения ученых расходятся. Н. Я. Марр в критической статье о труде И. А. Джавахова «Государственный строй древней Грузии и древней Армении», возражая автору, полагает, что «в армяно-грузинском мире работа над разрушением родового быта нача-

[37] М., 1932, с. 165.

[38] СПб., 1908, с. 378—383.

[39] М., 1932, с. 165.

[40] См. мои «Заметки о феоде и феодальном войске Парфии и Аршакидской Армении», Тифлис, 1932, с. 3—7.

лась весьма рано»[41] Напротив, Н. Адонц начало этого распадения относит ко времени Зариадра и Артаксия. «Период родовых отношений—утверждает Адонц—замыкается политическими брожениями, имевшими место в Армении при Зариадре и Артаксии. К этому времени относится начало развала родового строя и нарождение новых социальных отношений. Сущность переворота выражалась в дифференциации социальной массы и возникновении начала сословности»[42]. Н. Адонц точно устанавливает не только начальный, но и конечный момент этого процесса. «Распад родовых отношений—говорит он—сопровождавшийся нарождением сословности в лице властелинов, будущих владетельных князей, завершился в бурную эпоху Тиграна Великого. Тревога военного времени создает атмосферу, благоприятную для претворения родовых отношений в сословные»[43].

Приведенная схема постепенного ослабления родовых связей, с точным определением начала и конца этого процесса, не обоснована на каких-либо, хотя бы скудных данных источников, и едва ли может быть признана правильной. Выдвигая «тревоги военного времени» в качестве фактора, способствующего социальной дифференциации, Н. Адонц упускает из виду, что упорные и продолжительные войны велись не только при Артаксии и Тигране Великом, в II—I вв. до нашей эры, но и до этого, при поступательном передвижении арменов и расселении их в новых областях. О напряженной борьбе арменов с местными халдами и кардухами сохранились, как известно, сведения в Киропедии и Анабасисе Ксенофонта. Поэтому, весьма вероятно, что уже в ту древнюю эпоху можно предположить значительный перелом родовых отношений и нарастание власти и авторитета родоначальников и вождей.

Завоевания новых территорий, покорение местных племен и подчинение их власти завоевателей, несомненно, должны были иметь влияние на расширение прав родовых старейшин и племенных вождей. Одновременно, создаваемое войной и подчинением побежденных народов экономическое неравенство уже в самую раннюю эпоху владычества арменов превращалось, по-видимому, в неравенство политическое и юридическое и способствовало, вероятно, возникновению сословности.

При объяснении этого процесса социальной дифференциации не следует, конечно, слишком переоценивать значение «тревог военного времени» и завоеваний. Необходимо иметь также в виду хозяйственный строй страны и те экономические перемены, которые произошли в Селевкидскую эпоху.

---

[41] Журнал Мин. нар. просвещ. 1908, с. 208.

[42] *Н. Адонц,* Армения в эпоху Юстиниана, СПб., 1908, с. 406.

[43] Там же, с. 410.

Мы уже видели, что экономический переворот эллинистической эпохи дал толчок хозяйственному прогрессу древней Армении. Ярким свидетельством этого прогресса, как было указано, являются чеканка собственной монеты, развитие монетного обращения и возникновение в Софене и Большой Армении древнейших торговых городов. Уже самый факт появления городов эллинистического типа служит указанием усилившейся социальной дифференциации.

Благодаря развитию торговли и монетного обращения приобретает важное значение денежный капитал. Эта новая сила, если даже считать ее роль второстепенной и поверхностной в отношении натурально-хозяйственных основ экономики древней Армении, неизбежно должна была колебать господствовавшие социальные отношения и усиливать начавшееся в предшествующую эпоху расслоение родового общества.

Выяснение времени разложения родового строя и постепенного возникновения сословности тесно связано с вопросом о начале феодализма в древней Армении.

По всей вероятности, развитие определенных зависимостей происходило одновременно и параллельно с распадом родового строя. Следовательно, начало возникновения сословности и зачатков феодализма в древней Армении можно предположить еще в раннюю эпоху до появления армянских Аршакидов, вероятно, и раньше.

§ 13. ВОЗВЫШЕНИЕ БОЛЬШОЙ ИЛИ ВЕЛИКОЙ АРМЕНИИ И ОСНОВАНИЕ ГОРОДА АРТАШАТА

После битвы при Магнесии в 189 году и поражения, нанесенного римлянами Антиоху III, подвластная Селевкидам Софена и Большая Армения были объявлены самостоятельными государствами. После того, как известно, началось быстрое усиление этих государств.

По свидетельству Страбона, Армения была прежде мала, но при Зариадре и Артаксии, первых независимых царях Софены и Большой Армении, она сильно разрослась за счет соседних стран: у мидийцев были отняты Каспиана, Фавнитида, Басоропеда, у иберов—предгорья Парнадра, Хорзена и Гогарена, лежавшая по ту сторону Куры, у халибов и моссинойков—Каренита и Дерксена, которая граничит с Малой Арменией или же составляет часть ее, у катаонов—Акилисена и местность около Антитавра и, наконец, у сирийцев Таморита[44].

Большинство этих областей было присоединено к Большой Армении и, как полагают, уже при Артаксии I ее пределы дохо-

---

[44] *Strabo,* XI, 14,5 (528).

дили в северном направлении до реки Куры и Каспийского моря. С расширением границ Большой Армении в стороны Черного и Каспийского морей, она не только прочно овладела линией магистральной сухопутной дороги, идущей через Айраратскую равнину к Понтийскому Тавру, но могла отчасти контролировать также и более северный путь, пролегающий через области албанцев и иберов в Колхиду. Захватом этих путей, быть может, и была в значительной мере обусловлена ее преобладающая роль в Закавказьи в последующие века.

После объявления Большой Армении независимым государством, как известно, Артаксий I основал столицу Арташат (Artaxiasata, Artaxata, т. е. радость Артаксия), которая, находясь на магистральном пути к портам Черного моря, стала не только политическим, но и важнейшим торговым центром древней Армении. Построенная на берегу Аракса, в богатой и плодородной Айраратской равнине, столица Арташат выдвинулась постепенно, как важный узловой пункт торговых сношений, и сделалась одним из значительных складочных мест транзитной торговли.

Об основании города Арташата имеются определенные указания у Страбона и Плутарха. «Города Армении—сообщает Страбон—следующие: Артаксата, которую называют также Артаксиасатою, и которую основал Ганнибал для царя Артаксия, и еще Арксата; оба города лежат на Араксе: Арксата на границах Автропатены, Артаксата подле Араксенской равнины; она прекрасно отстроена и служит царской резиденцией. Город этот расположен в углублении, похожем на полуостров, кругом его, исключая перешейка, тянется перед рекою стена; перешеек его обведен рвом с насыпью»[45]. Плутарх указывает на деятельное сотрудничество Ганнибала при постройке города.

«Рассказывают,—говорит Плутарх,—что карфагенянин Ганнибал, после поражения Антиоха римлянами, отправился к армянину Артаксию. Он наставлял и руководил им в полезных начинаниях и, между прочим, заметив в стране прелестное и удобнейшее место, невозделанное и запущенное, начертил на нем план города; он повел туда Артаксия и, показав место, убеждал его основать там город. Царь охотно согласился и просил его взять на себя руководство этим делом. Таким образом был построен большой и весьма красивый город, который был назван по имени царя и был провозглашен столицей Армении»[46].

[45] География Страбона, XI, 14, 6 (перевод Мищенка).

[46] *Plut.*, Lucullus, XXXI. Об основании города Арташата Арташесом I свидетельствует также Хоренский (II, 49). «Арташес,—говорит Хоренский,—отправляется на (то) место, где сливается Аракс с Мецамором. (Здесь) полюбился ему холм, на котором строит город и называет его по своему имени Арташатом» (перевод Эмина, с. 98).

Некоторые исследователи, в том числе и Т. Моммсен, считают крайне сомнительным как участие Ганнибала в основании и постройке столицы Арташата, так и самое пребывание его в Армении. Сведения эти принадлежат, по-видимому, к области легендарной традиции. Тем не менее, приведенные свидетельства весьма ценны, так как они устанавливают время основания Арташата. В сообщении Страбона существенно, кроме того, топографическое описание местоположения и укреплений Арташата. Не лишено интереса также и то, что столица древней Армении, как можно заключить из свидетельств Страбона и Плутарха, пользовалась в римском обществе славой крупнейшего и красивейшего города[47].

В Арташате, по рассказу Плутарха, труппа греческих актеров во время свадьбы парфянского царевича Пакора с сестрою армянского царя Артавазда (55—33 гг. до н. э.), разыгрывала трагедию Еврипида «Вакханки»[48]. На распущенность нравов в Артаксате, как полагают, намекает римский сатирик Ювенал в следующем стихе: sic praetextatos referunt Artaxata mores[49]. По мнению Т. Моммсена, в Арташате жил в III веке нашей эры писатель сирийского происхождения Намблих, написавший роман Babylonika в 35 книгах[50].

Все эти данные и указания наводят на мысль, что древний Арташат был одним из крупных центров эллинистического типа, вероятно, вроде Никомедии, Эдессы и других столиц, основанных династами той же Селевкидской эпохи.

Среди упомянутых выше сообщений заслуживает особого внимания указание Страбона о местоположении Арташата. Из свидетельства Страбона видно, что Арташат с трех сторон был окружен рекою. По описанию Монсея Хоренского Арташат находился на берегу Аракса, в том месте, где с Араксом сливалась река Мецамор[51]. Эти данные Страбона и Монсея Хоренского по существу весьма схожи и, мне кажется, имеют решающее значение для точного определения местоположения Арташата.

В научных трудах, как известно, господствовало мнение, что древний Арташат находился на месте нынешнего Арташара[52]. Побывав на месте, не трудно убедиться, что около деревни Арташара находятся развалины не древнего Арташата, а позднейшей столицы Двина.

[47] См. *Strabo*, XI, 14, 6; *Plut.*, Lucullus, XXXI

[48] *Plut.*, Crassus, XXXIII.

[49] *Luvenal*, II, 170.

[50] *Th. Mommsen*, Römische Geschichte, Bd. V, Berlin, 1886, S. 407.

[51] История Армении, кн. вторая, гл. 49.

[52] *H. Kiepert*, Lehrbuch der alten Geographie, Berlin, 1878, S. 81; Алишан, Айрарат, с. 395 и сл.; *Dubois F.*, Voyage autour du Caucase, Paris, 1839—43, t. III, p. 449 и след.

При этом, для определения местонахождения древнего Арташата имеет значение сообщение Истории Агафангела о том, что Просветитель Армении Григорий был брошен, по приказанию Тиридата Великого, в Арташатскую темницу, где он 15 лет томился в заключении[53]. Темница эта, названная у Агафангела Хор-Вирапом (глубокая яма), как известно, в настоящее время предполагается приблизительно в десяти километрах к юго-востоку от Камарлю, недалеко от реки Аракса против Аралыха. По свидетельству древнеармянских источников около Хор-Вирапа, находившегося близ Арташата, в VII веке была построена церковь католикосом Нерсесом III Строителем. Местоположение Арташата поэтому точно определяется в окрестностях этого древнего монастыря.

Основанная Артаксием I столица Арташат, как было указано выше, лежала на пути международного торгового движения и имела непосредственную торговую связь с теми крупными торговыми центрами Мидии, которые были основаны Селевкидами. Любопытно также, что время ее основания совпадает с эпохой высшего могущества греко-бактрийского государства и широкого развития сухопутных торговых сношений с Индией и Центральной Азией.

Оживление этой торговли, мне кажется, должно было отразиться самым существенным образом на росте и развитии городов, лежавших вдоль северной магистрали—Экбатаны в Мидии, столицы Атропатены Гандзака[54], а также и Арташата.

Крупное влияние на торговое развитие Арташата должно было иметь установление транзитных мировых сношений непосредственно с Китаем, начало которых относят к концу второго века до нашей эры. Неудивительно поэтому, что приблизительно через сто лет после своего основания, еще во время похода Лукулла в Армению (69—68 гг. до н. э.), Арташат имел славу крупного и богатого города и назван у Плутарха «Карфагеном Армении»[55].

Кроме Арташата у Страбона упоминаются в Армении еще два города: на верхнем течении Аракса город Азара[56] и на нижнем около границ Атропатены, Арксата[57]. Об этих городах ничего неизвестно кроме их названий.

Маркварт полагает, что упоминаемый у Страбона город Армении Αζορα или Αρξατα („Αρζατα)[58] находившийся на границах Атропатены, вероятно, должен быть отожествлен с древнеармянским Артазом, лежавшим, однако, не на Араксе, а на южном притоке этой реки[59]. В моей историко-географической работе «Главные пути древней Армении» подробно выяснено, что станционный пункт Artaza Таблиц Певтингера находился, действительно, недалеко от Атропатены, на пути между нынешн. Кара Айне и Зуравой[60].

[53] *Агафангел,* История Армении, гл. XX (217).

[54] *Plin.*, VI, 16 Gaza; *Strabo*, XI, 13, 3, Gazaka.

[55] *Lucul.*, XXXII.

[56] *Strabo*, XI, 14, 3 Azara.

[57] *Strab.* XI, 14, 6 Arxata.

[58] *Strab.* XI, 14, 3 и XI, 14, 6.

§ 14. ТРАНЗИТНАЯ ТОРГОВЛЯ ЧЕРЕЗ ЧЕРНОЕ МОРЕ И КРУПНОЕ ЗНАЧЕНИЕ ДОРОГИ ЧЕРЕЗ АРТАШАТ

О транзитных путях, пролегающих через Закавказье к Черному морю, дают подробные сведения Страбон и Плиний.

«Через Ирканию—говорит Страбон—протекают также Ох и Окс до впадения в море; из них Ох течет и через Нисею; некоторые говорят, что Ох впадает в Окс. Аристобул называет Окс величайшею из виденных им в Азии рек за исключением индийских; он говорит также (заимствуя это известие, как и Ератосфен, у Патрокла), что она удобна для судоходства и что по ней многие индийские товары сплавляются в Ирканское море, отсюда переплавляются в Албанию и наконец по Киру и следующим за ним местностям перевозятся в Евксин»[61]. Патрокл, у которого заимствованы эти сведения, был при Селевке Никаторе и его сыне Антиохе I правителем северо-восточных областей Ирана и ему, как отмечено выше, было поручено исследование Каспийского моря. Плиний Старший, ссылаясь на римского писателя Варрона, об этой же Каспийско-Черноморской дороге дает некоторые дополнительные указания. «При Помпее—сообщает он—было установлено обследованием, что в течение семи дней прибывают из Индии в Бактрию, к реке Икару, которая вливается в Окс; отсюда индийские товары перевозят через Каспийское море вверх по реке Куре, и по суше, самое большее в пять дней, они могут прибыть к реке Фазису, которая впадает в Черное море»[62].

Упомянутая в этих сообщениях река Окс, тождественная с нынешней Аму-Дарьей, по свидетельству Страбона и других античных писателей, впадала в то время не в Аральское, а в Каспийское море.

На основании приведенных сведений древних источников некоторые ученые склонны были думать, что в древнее время су-

[59] См. *Markwart*. Eranschahr, Berlin, 1901, S. 4 и 5.

[60] См. «Главные пути древней Армении», Ереван, 1936, с. 150—152, 247.

[61] *Strab.* XI, 7, 3, перевод В. В. Латышева, см. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе, т. I, СПб., 1890, с. 149—150.

[62] *Plin.* VI, 19, 2 (изд. M. Littré, 1883 г.).

шествовал из Бактрии к Черному морю сплошной водный путь[63]. Это мнение встретило, однако, серьезное возражение и существование такого сплошного водного пути было решительно отвергнуто, так как река Окс, нынешняя Аму-Дарья, как правильно указывалось, в то время впадала не в Каспийское, а в Аральское море[64].

Предполагают поэтому, что индийские и китайские товары перевозились к Каспийскому морю сухим путем, а затем переплавлялись через него и по Куре и Риону доставлялись в приморский город Фазис[65].

Относительно этого пути нередко высказывалось предположение, что для транзитной торговли Запада с Востоком путь этот играл не меньшую роль, чем южные дороги через Сирию и Александрию.

На крупное торговое значение этой дороги указывает, например, английский ученый Магаффи. Через прибрежные земли Черного моря—говорит Магаффи—«проходил северный караванный путь с далекого Востока, который достигал моря неподалеку от нынешнего Батуми или Трапезунда и конкурировал с караванными путями, шедшими через Сирию и Красным морем в Египет. Отсюда постоянные усилия Египта сохранить точку опоры во Фракии и на севере Эгейского моря и старания Сирии вернуть север Малой Азии. Этим объясняется также великое богатство и значение не только свободных греческих городов Черноморья, но и царства Понтийского и Вифинского, с их новыми столицами и эллинистической культурой»[66].

По мнению Магаффи, означенный северный путь шел «из Китая через Гинду-Куш к Аральскому и Каспийскому морям и затем Черным морем в греческий мир»[67]. Т. Рейнак полагает, что северным путем через Каспийское море восточные товары очень быстро и дешево могли доставляться к устью Риона[68].

На крупное торгово-экономическое значение этого же пути указывал недавно также и американский ученый Magie, который

---

[63] См. *Pauly-Wissowa*, Realencyklopädie d. class Alterthums wissenschaft; Th. Reinach, Mithridate Eupator roi de Pont, Paris, 1890, p. 223—224.

[64] *В. Бартольд*, История изучения Востока в Европе и России. СПб., 1911, с. 45; его же. Место Прикаспийских областей в истории мусульманского мира. Баку, 1925 г., с. 11.

[65] *E. Speck*, Handelsgeschichte des Alterthums, Bd. I, Leipzig 1900, S. 172. А. Дживелегов, Торговля на западе в средние века, СПб., 1900, с. 6 и др

[66] *Mahaffy*, Greck life and thought from Alex. to Roman conquest, русский перевод см. „История Греции со времени Пелопонесской войны", сб. статей, М., 1896, с. 256.

[67] Ibid с. 205.

[68] *Mithridate* Eupator, S. 223.

полагает, что римская политика, старавшаяся утвердить свое господство в Армении, Иберии и Албании, ставила своей целью сохранить контроль над северным транзитным путем через Каспийское море, которым в 65-м году нашей эры овладел Помпей[69].

Против предположений западноевропейских ученых, придавших крупное значение транзиту через северные области Закавказья, выступил недавно академик В. В. Бартольд[70]. Сведения Аристобула и Варрона, положенные в основу этих предположений, опровергаются, по его мнению, более ценными свидетельствами Теофана Митиленского, который сопровождал Помпея в походах и, как известно, был с ним в Албании.

По сообщению Теофана, албанцы совершенно не интересуются морем и, несмотря на засорение устья реки Куры, они не принимают никаких мер против этого, так как море их не интересует. Этот же автор передает, что по Каспийскому морю не может быть плавания и оно не приносит никакой пользы. «Таким образом—говорит академик Бартольд—мы имеем вполне определенные известия о западных берегах Каспийского моря, вполне опровергающие мнение Аристобула, несмотря на то, что им увлекались западноевропейские ученые»[71].

В. Гурко-Кряжин в своей статье «Прошлое и настоящее Советской Армении», помещенной в «Новом Востоке» (М., 1927, кн. 16—17), полагает также, что «торговые сношения Средней Азии с Закавказьем через Каспийское море были всегда чрезвычайно мало развиты». Помимо трудности плавания по бурному Каспийскому морю, он указывает, вполне основательно, на «отсутствие средне-азиатских монет в Закавказьи и обратно»[72].

Приведенные возражения русских ученых весьма существенны и достаточно убедительны.

Некоторые факты источников, хотя и указывают на существование через низменные области северного Закавказья торговых сношений с Востоком, но из них отнюдь нельзя делать вывода о преобладающем транзитном значении этой дороги, а тем более о серьезной конкуренции, которая будто была создана здесь южным магистралям.

Поскольку можно судить по косвенным данным источников, главной и основной артерией для транзитной торговли был не предполагаемый водный путь через Каспийское море, а сухопут-

---

[69] *Magie D.*, Roman Policy in Armenia and Transcaucasia, Ann. Report of Amer. Histor. Assoc. for 1919, I, 1923, p. 302. Ср. *W. Schur*, Die Orientpolitik des Kaisers Nero, Klio, XV, Leipzig, 1923, S. 45.

[70] Место Прикаспийских областей в истории мусульманского мира, с. 11—12.

[71] Ibid., 11—12.

[72] Новый Восток, кн. 16—17, с. 203.

ная магистраль через Экбатану и Атропатенский Гандзак. Это видно, между прочим, из свидетельства Страбона о караванной торговле сираков и аорсов. Они, сообщает Страбон (XI, 5, 8), «вели караванную торговлю и перевозили на верблюдах вьюки индийских и вавилонских товаров, получая их со стороны армян и мидийцев. Вследствие их зажиточности одежда их была покрыта золотыми украшениями. Аорсы жили близ Танаиса, а сираки около реки Ахардеона, которая, вытекая из Кавказских гор, впадает в Мэотидское море».

Карл Нейман, которым подробно был рассмотрен вопрос о первоисточниках Страбона, указывает, что приведенное сведение о транзитной торговле сираков и аорсов почерпнуто автором Географии, вероятно, у Теофана Митиленского, сопровождавшего Помпея в походах. Теофан, как полагает Нейман, считал аорсов посредниками этой караванной торговли по недоразумению. Он не принял, по-видимому, в соображение, что аорсы жили далеко на севере[73].

Большинство других исследователей, хотя, в основном, считают приведенное сообщение Страбона достоверным, но, к сожалению, совершенно игнорируют роль и значение вышеупомянутой Мэотидско-Колхидской магистрали и поэтому торговый путь из Южной России в Индию и Вавилонию предполагают в другом направлении.

Согласно нашим новым выводам, как мнение Неймана, так и означенное предположение о направлении караванного торгового пути аорсов и сираков, не могут быть признаны правильными.

Как мы уже видели выше, о тесной торговой связи южнорусских областей с культурными странами Передней Азии имеются ясные намеки и в других источниках. Что же касается направления караванного пути, то следует обратить внимание на то, что в свидетельстве Страбона этот торговый путь из Вавилонии и Индии к Танаису указан не через Мидию и Албанию или Иберию, а через Мидию и Армению. Уже само это указание Страбона дает некоторое основание догадываться, что торговые сношения аорсов и сираков с Вавилонией и Индией можно предположить, главным образом, через Арташат и по Мэотидско-Колхидской магистрали.

Должен отметить, что существование и значение Мэотидско-Колхидской дороги не были мне известны, когда я писал и печатал первое издание настоящей работы. Следуя общепринятому мнению, направление караванной торговли аорсов и сираков я предполагал тогда, главным образом, через Дербентский проход.

[73] *K. J. Neumann.* Strabons Landeskunde von Kaukasien Jahrbücher für Classische Philologie, XIII Supplementband, Leipzig, 1883, S. 349—350.

Поэтому мною не было тогда в достаточной степени оценено крупное международное значение городов Колхиды.

Как известно, главными городами были здесь Фасис (нынешн. Поти) и Диоскурия, которые, как теперь выясняется, были сборными центрами транзитной караванной торговли с Востоком и югом России.

Страбон называет Фасис «эмпорией колхов», а Диоскурию «общей эмпорией для народов, живущих выше ее и вблизи»[74]. Относительно Фасиса в «Перипле Понта Евксинского» неизвестного автора имеется определенное сообщение, что в этот греческий город, основанный милетянами, приезжали варвары из Индии и Бактрии[75].

Экономическое развитие и расцвет городов Колхиды, как мы видим, были обусловлены, главным образом, тем, что через нее проходил караванный международный путь из Индии и Вавилонии через Армению в Мэотиду.

Следовательно, можно заключить, что в Северный Кавказ и южную Россию индийские товары доставлялись не предполагаемой кратчайшей дорогой через Каспийское море, а сухим путем из Мидии и Атропатены. Существование такого дальнего и обходного пути для перевозки индийских товаров, мне кажется, косвенно подтверждает, что транзитная роль водного пути через Каспийское море сильно преувеличена.

Дорога через Экбатану и Атропатенский Гандзак, являясь на севере основной магистралью для транзитной торговли, шла из Мидии, как было указано выше, в столицу древней Армении Арташат. По указанию Плиния, город Гандзак отстоял от Арташата на расстоянии 450000 шагов (=ок. 366 километров), на таком же расстоянии от Гандзака находилась Экбатана[76]. Насколько удобно и сравнительно благоустроена была эта дорога, видно из того, что во время похода Антония (в 37 г. до н. эры) по этой именно дороге были отправлены осадные орудия римлян.

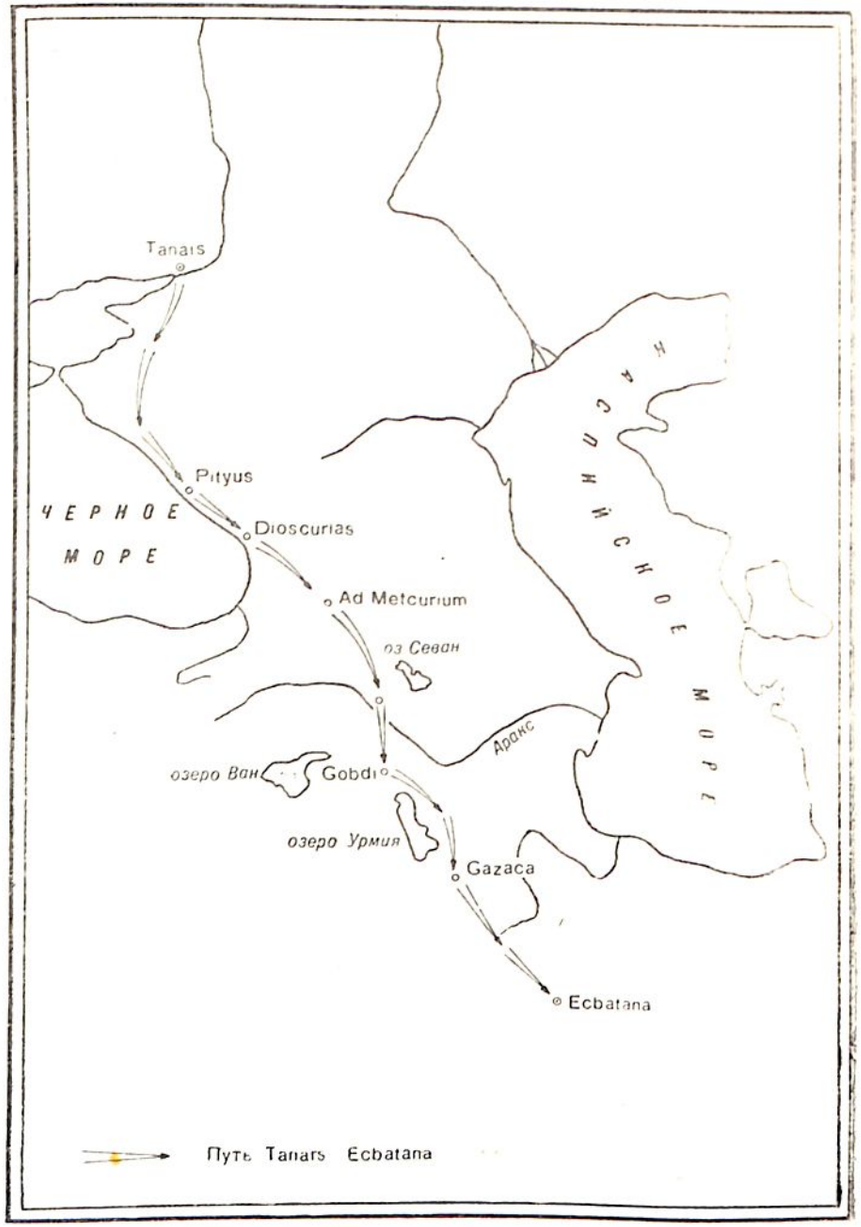
Из Арташата в эту древнюю эпоху транзитные товары шли, насколько можно судить по скудным, имеющимся у нас, данным не в Трапезунт, а, по всей вероятности, через Коману в южные порты Черного моря, главным образом в Амасос (нынешн. Самсун) и в Синоп, или же через Ганлиджу и Хоспио в Фасис и Диоскурию. Трапезунт в это древнее время не мог играть роли в транзитной торговле, так как путь к Трапезунту через горный массив Понтийского хребта был проложен, как полагают, в период римского владычества[77]. После завоевания пограничной с

[74] *Strab.*, XI, 2, 16 (498) и XI, 2, 17 (498).

[75] См. *В. В. Латышев,* Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе (СПб., 1890, т. I, с. 274).

[76] *Plin.* VI, 16, 2.

[77] *Cumont Fr.* et *Cumont Eug.*, Studia Pontica II, Bruxelles, 1906, § 34.

Малой Арменией области Дерксены (арм. Дерджан), о чем было упомянуто выше. Большая Армения получила выход к истокам реки Лика, и можно поэтому предположить, что караванная дорога из Арташата в Коману шла по долинам Аракса, верхнего Евфрата и по течению реки Лик-Келкида и Ириса.

Этот путь из Дальнего Востока был, по-видимому, одной из главных артерий товарообмена и торгового оборота городов Понтийского царства и имел, несомненно, важное значение также и для экономического развития Большой Армении. Через этот именно путь Большая Армения могла иметь не только экономическую, но и культурную связь с крупными эллинистическими центрами Понтийского царства.

По мнению Т. Рейнака, политика царей Понта и дружественные договоры, заключенные Митридатом Евпатором с Мидией Атропатенской, Иберней и Большой Арменией, объясняются отчасти интересами торговли, которая обогащала как их, так и их подданных[78]. Предположение Райнака, как видим, вполне правдоподобно. Политика дружбы с соседними восточными государствами могла быть, действительно, продиктована реальными интересами Понтийского царства и экономической зависимостью понтийской торговли от этих стран. Соображения экономического характера должны были иметь для Митридата существенное значение, так как крупные города Понтийского царства были, по-видимому, сборными центрами транзитной торговли, узловыми пунктами которой были на Востоке Арташат, Атропатенский Гандзак и Экбатана.

Мне кажется, можно также положительно утверждать, что Арташат, названный у Плутарха «армянским Карфагеном», был в эту древнюю эпоху крупнейшим и наиболее богатым городом Закавказья и имел торговое значение, как важный опорный центр для мировых торговых сношений.

[78] Mithridate Eupator roi de Pont, S. 78 и 234.

ГЛАВА III

РАЗВИТИЕ ТОРГОВЛИ И ГОРОДОВ В ЦАРСТВОВАНИЕ ТИГРАНА ВТОРОГО

§ 15. БЛАГОПРИЯТНЫЕ УСЛОВИЯ УСИЛЕНИЯ И РОСТА АРМЕНИИ В ПРЕДШЕСТВУЮЩИЕ ЭПОХИ

При Тигране Втором, называемого Великим (95—56 гг. до нашей эры) Большая, или Великая, Армения достигла наивысшего политического могущества и стала на короткое время великой державой.

Империя Тиграна, как известно, простиралась от Куры и Каспийского моря до Аравии и Палестины и от Экбатаны до Киликийского Тавра и Средиземного моря. Такому усилению небольшого, сравнительно, армянского царства способствовали не только удачно сложившаяся внешнеполитическая ситуация, но, отчасти, поступательное его развитие и интенсивный рост его населения в течение предшествующих веков.

«Ключ к успехам Тиграна Великого—полагает проф. Гр. Халатьянц—нужно искать в том огромном запасе экономических сил, который накоплялся в Армении в течение веков—в эпоху мирного владычества персов, при Селевкидах и позднее»[1]. И, действительно, в период персидского господства, а также и при Селевкидах, армянские земли не были еще государством-буфером между великими империями Запада и Востока и не служили плацдармом для их кровавой многовековой борьбы.

Впервые Армения стала ареной борьбы, начиная с 66-го года до нашей эры, когда она, вовлеченная при Помпее в сферу римского влияния, должна была, «в качестве друга и союзницы римского народа», принимать участие в войнах Рима против парфян.

До этого, при Ахеменидах и Селевкидах, положение ее было совершенно иное. Во время греко-персидских войн, завоевания Востока Александром Македонским и великих смут эпохи диадохов армянские области оставались в стороне от этих крупных мировых событий и мирное развитие их нарушалось сравнительно редко.

[1] Очерк истории Армении, М., 1910, с. 161.

Этим обстоятельством отчасти и нужно объяснить последовательный и быстрый рост населения в древнейший период исторической жизни армянов, а также богатство и благосостояние их страны, отмечаемые в древних источниках. Сильное и даже чрезмерное увеличение ко времени Тиграна II численности армянов, сливавшихся с местными народностями, подтверждается вполне свидетельствами Страбона (63 г. до н. эры—19 г. после н. эры), давшего подробное описание древней Армении эпохи Тиграна и его преемников.

Во время Геродота и Ксенофонта, в V веке до нашей эры, территория, на которой разместилась главная масса армянов, была сравнительно незначительна. Армены занимали юго-западную часть древней Армении и жили здесь преимущественно по Араксу и его притокам и далее к югу, по верхнему течению Тигра. Из свидетельства Страбона видно, что армянское население, которое расселилось отсюда в разные стороны, занимало в его время не только все почти области обширной исторической Армении вплоть до реки Куры, но составляло также значительную часть населения Адиабены и северной Месопотамии[2]. Следовательно, армены в течение IV—II вв. распространились постепенно, путем естественного нарождения и поглощения встречных инородцев, по всему армянскому нагорью и даже перешли за его пределы.

Благодаря крайне благоприятному сочетанию внешних и внутренних условий своего роста и развития и сильному размножению народонаселения Большая Армения, соединившись под властью Тиграна Великого в одно политическое целое с Софеной, стала в начале первого века до нашей эры крупным и полным жизненных сил государством, более могущественным, чем соседние мелкие царства—Осроена, Кордуена, Адиабена, Атропатенская Мидия, Албания и Иберия. Вполне понятно поэтому, что она, заключив союз с Митридатом Евпатором и обеспечив свой тыл с запада, могла противопоставить парфянскому великодержавию свое великодержавие.

Воспользовавшись наступившими у парфянских Аршакидов смутами, Тигран Второй отнял у парфян политическое господство в западных областях их государства.

Это великодержавное внешнее величие эпохи Тиграна, обусловленное не только благоприятным стечением внешних обстоятельств, но и необычайным внутренним ростом древней Армении в предшествовавшие столетия, было, как известно, кратковременным. После жестокого поражения Митридата, Лукулл, а затем Помпей, разгромив Понтийское царство, обратили свое оружие против Тиграна и созданная им империя рухнула. Под властью Армении были оставлены лишь Кордуена и Месопотамия.

[2] *Strabo*, XVI, 1, 19 (745) и XVI, 1, 26(747).

С продвижением римлян к Евфрату, Армения очутилась между могущественным Римом, напиравшим с запада, и усилившейся Парфией, и сделалась надолго форпостом римской военной мощи, выдвинутым в мир восточного иранства. Это крайне неблагоприятное буферное положение, продолжавшееся в течение последующих веков, круто изменило направление ее дальнейшей политической жизни и оказало, как увидим, отрицательное влияние на ее внутреннее и экономическое развитие.

Мне кажется, можно положительно утверждать, что для поступательного роста древней Армении наиболее благоприятным временем были последние пять веков ее исторической жизни и этим отчасти следует объяснить великодержавную ее роль в эпоху Тиграна Второго.

§ 16. ИМПЕРИЯ ТИГРАНА ВЕЛИКОГО И ЕЕ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ СТРОЙ

Приблизительно в первой половине восьмидесятых годов до нашей эры, как подробно выяснено в моей работе «Тигран Второй и Рим»[3], Тигран, начавший свое царствование с присоединения Софены, воспользовался внутренними междоусобиями, возникшими в Парфии, и предпринял свои победоносные войны против парфян.

Прежде всего он отвоевал у них семьдесят долин, уступленных им Арменией, и завоевал, кроме этого, область Большой Ахбак, расположенную вокруг нынешней Башкалы.

После того он подчинил своей власти также Адиабену и Атропатену и дошел до Экбатаны, где он предал огню замок Адрабану. Поражение парфян, естественно, привело к тому, что все соседние с Арменией государства, бывшие до тех пор вассалами парфянских Аршакидов—Кордуена, Адиабена, Атропатенская Мидия и вся Месопотамия вместе с входившими в ее состав Мигдонией и Осроеной—были вынуждены признать верховную власть Тиграна.

После армяно-парфянских войн, приблизительно в 84—83 гг. (до н. э.), Тиграну удалось завладеть и всей верхней Сирией. А затем он покорил Низменную Киликию (Cilicia Pedias) и также небольшое царство Коммагену, лежавшее на востоке от нее.

В семидесятых годах (до н. э.) он занял значительную часть Финикии и Птолемаиды, придя в соприкосновение с Иудейским царством, которое, по-видимому, также признало его верховную власть. В этом отношении заслуживает внимания свидетельство Аппиана (Syr. 48—49) о том, что власти Тиграна подчинялась вся Сирия до границ Египта.

[3] Ереван, 1943, с. 47—55.

Великая и обширная держава Тиграна II, представлявшая пеструю смесь различных племен, наречий и культур, не могла, конечно, считаться государством сплоченным, устойчивым и прочным. Под верховной властью Тиграна объединились и области с племенно-родовым патриархальным строем, и полуфеодальные страны, и эллинистические государства с их особой организацией.

Соседние царства, признавшие верховную власть «царя царей» Тиграна, по-видимому, обязаны были выплачивать ему определенную дань и выставлять, в случае войны, вспомогательные войска, при этом каждое из этих царств и каждое из самостоятельных армянских княжеств сохраняло свои прежние порядки и свою особую организацию.

Первенствующую роль в этом обширном армянском государстве Тиграна играла, несомненно, армянская землевладельческая знать, являющаяся его основным оплотом как в победоносных войнах, так и в государственных и правительственных делах. И действительно, на ответственный пост правителя Низибина был назначен его брат Гурас; управление же всей Сирией было вверено армянскому князю Багарату.

В одном из моих предшествующих трудов[4] я считал вероятным, что уже при Арташесе I в Армении имелись присущие феодальной организации зачатки и некоторые основы. Известно, что еще Плиний Старший (23—79 гг. н. э.) свидетельствует, что в его время Армения делилась на 120 префектур, именуемых им стратегиями, т. е. «воеводствами». Стратегии эти, существовавшие, по всей вероятности, уже при Тигране II, в подавляющем своем большинстве должны быть признаны, как указывает Адонц, нахарарскими землями[5], в которых экономически и политически преобладающую роль играла землевладельческая знать. Господствующее же положение в производстве занимало тогда, как я полагаю, не столько трудовое рабство, сколько полусвободное и свободное крестьянство.

У Плутарха имеется сообщение о четырех басилевсах или бдешхах, безотлучно находившихся при Тигране Великом[6]. Эти бдешхи, как полагают, были наследственными династами обширных окраинных территорий Армянского нагорья.

Следует отметить, что для обозначения знати—армянской, как и парфянской,—кроме термина nobiles, имеются у Тацита и другие термины—proceres, proceres gentium, primores gentium и megistanes. Под этими терминами, как подробно выяснено Адон-

[4] См. мою работу «Феодализм в древней Армении» (на арм. яз.), Ереван, 1934, с. 248—251.

[5] *Н. Адонц,* Армения в эпоху Юстиниана, СПб., 1908, с. 392.

[6] *Plut.,* Lucullus, XXI.

цем [7], подразумеваются бывшие родовладыки, ставшие племенными или территориальными властителями народов и областей. Властители эти, названные в одном из свидетельств Тацита мегистанами, как определенно сказано в этом же свидетельстве, имели свои земельные владения и жили в укрепленных замках, имевшихся повсюду как в равнинах, так и на возвышенностях. И надо полагать, что именно из этих территорий династов и мегистанов сложились те 120 стратегий, которые определенно указаны у Плиния.

В мирное время древнеармянский нобилитет, точно так же, как и военная аристократия у славян и германцев, усиленно занимался охотой и проводил время в пиршествах[8].

Таким образом, как видим, в письменных сообщениях античных источников, касающихся внутренней жизни доаршакидской Армении, мы находим лишь черты, свойственные средневековым варварским государствам, и явные признаки позднейшего нахарарско-феодального общества.

Мы можем поэтому заключить, что ко времени Тиграна Второго в Армении уже имелся общественный строй переходного типа от родового строя к феодальному, имеющий существенные особенности нахарарского строя Аршакидской эпохи.

§ 17. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА ТИГРАНА ВТОРОГО И ОСНОВАНИЕ ГОРОДА ТИГРАНОКЕРТА

Обширные завоевания Тиграна и расширение пределов Армении до Средиземного моря создавали почву для более тесного общения южного Закавказья с эллинистическими центрами Сирии и Месопотамии. Если бы империя «царя царей» Тиграна не распалась в 69—66 гг., эта широкая связь с творческой культурой и государственностью эллинистического юга имела бы, несомненно, крупнейшее значение как для культурного, так и экономического прогресса древней Армении.

Ряд указаний древних источников говорит нам, что сам Тигран, женатый на дочери Митридата Клеопатре и окруженный греческими философами и риторами, стремился преобразовать Армению путем широкого насаждения в ней эллинистической культуры и развития торговли, ремесел и промышленности.

Достижению этой цели должно способствовать заселение страны городским торгово-промышленным населением; поэтому из завоеванных южных государств были переселены сюда огромные массы колонистов, преимущественно городских жителей, которые были размещены со своим имуществом в новоосно-

[7] *Н. Адонц*, Армения в эпоху Юстиниана, СПб., 1908, с. 391, 392, 426 и 433—436.

[8] *Tacitus*, Annales II, 56.

банной столице Тигранокерте, также и в других центрах древней Армении.

Т. Моммсен в своей «Римской истории»[9] это принудительное выселение считает явлением необычайным и сравнивает с вавилонским пленом евреев при Навуходоносоре. Следует, однако, иметь в виду, что такие выселения были обычным явлением в государствах эллинистического периода, а также при Сасанидах и византийских императорах.

С завоеванием Месопотамии, Коммагены и Сирии в руках Тиграна оказались, кроме транзитного пути через Арташат, также и главные сухопутные магистрали мировой торговли, идущие через южную и северную Месопотамию в Зевгму и оттуда в Антиохию и к побережью Средиземного моря.

От имени Тиграна и с его изображением в городе Антиохии чеканились те красивые золотые монеты, которые в небольшом количестве дошли до нас и хранятся ныне в музеях.

Указанным транзитным территориям мирового обмена было уделено особое внимание.

Родной брат Тиграна, Гурас, оборонявший город Низибин против Лукулла[10], был, как было сказано выше, правителем Мигдонии, через которую проходила северная ветвь означенной транзитной дороги. Наместником, точнее— стратегом бывшего Селевкидского царства был назначен Bagadates[11] (=арм. Багарат), причем резиденцией его был наиболее важный торговый центр Сирии, бывшая столица Селевкидов, Антиохия. Выселенным из южной Месопотамии в Осроену арабам Скенитам[12] было поручено Тиграном взимание транзитных пошлин с товаров, перевозимых через Евфрат, главным образом, около Зевгмы.

Завершив организацию своего царства, простиравшегося от Каспийского до Средиземного моря, Тигран приступил к постройке столицы Тигранокерта, которая должна была стать политическим и культурно-экономическим центром нового государства.

Прежняя столица Арташат и столица Селевкидов Антиохия не могли, по-видимому, служить этой цели, так как находились на окраинах государства. В качестве постоянной резиденции Антиохия была неудобна и тем, что в ней Тигран терял связь с Великой Арменией, которая была основой и опорой его мощи и военных удач.

О новой столице довольно подробные сведения дают греческие и римские историки, описавшие поход Лукулла в Армению и взятие им Тигранокерта.

[9] Т. III, М., 1887, с. 40—41.

[10] *Plutarchos*, Lucullus, XXXII.

[11] *Appian*. Syr., с. 48, 49, ср. *J. Markwart*, Eranschahr, Berlin, 1901, S. 174.

[12] *Plut.*, Lucullus, XXI; *Plin*, VI, 28, 142 (изд. Littré).

Согласно описанию Аппиана[13], Тигранокерт был окружен стеной вышиною в 50 локтей, настолько широкой, что в ней были устроены конюшни для лошадей. Недалеко, вне стен города, стоял царский дворец, вокруг которого были расположены парки для охоты и пруды для рыб. Там же, вблизи, находился укрепленный замок.

Под впечатлением, очевидно, приведенного описания, Моммсен и Т. Рейнак сравнивают Тигранокерт с древней Ниневией и Вавилоном[14].

Леман Гаупт также полагает, что Тигранокерт по типу и плану напоминает ассирийские города[15]. Мне кажется, сопоставление это не совсем правильно. Вавилон и Ниневия, как известно, ни по типу, ни по своему плану не походили на города, основанные в эллинистических государствах. Они представляли необъятные пространства с группами домов, между которыми расстилались поля, луга, сады и фруктовые рощи. Главным занятием жителей были здесь не торговля и ремесла, а сельское хозяйство. Ниневия, как сообщает пророк Иона, занимала пространство в три дня пути; окружность Вавилона, обнесенного двумя концентрическими стенами, равнялась, по свидетельству Геродота, 480 стадиям[16], т. е. приблизительно 85 километрам. Столица же Тигранокерт, которая в 69 году до нашей эры была осаждена сравнительно немногочисленными войсками Лукулла, имела, несомненно, скромные размеры. Вероятнее всего, что она как по своему плану, так и по свему торгово-промышленному характеру мало чем отличалась от обычных городов эллинистического типа.

Для того, чтобы заселить новый город соответствующим городским населением, Тигран насильственно переселял туда из завоеванных стран население разоренных им в Каппадокии и Киликии городов[17] (около 77 г. до нашей эры). «Несправедливо обращался с населением (города Мазака)—говорит Страбон—Тигран армянин, когда сделал набег в Каппадокию; всех жителей он изгнал в Месопотамию и населил ими большую часть Тигранокерта: впоследствии все имевшие возможность возратились на родину по завоевании Тигранокерта римлянами»[18].

В другом месте своей «Географии» Страбон отмечает, что Тигран поселил в новой столице «жителей двенадцати эллинских городов»[19]. Аппиан определяет количество жителей, насильственно выселенных из Каппадокии и Киликии, в 300000[20]. Плутарх упоминает, кроме того, насильственное переселение в Тигранокерт жителей разрушенных областей Адиабены, Ассирии и Кордуены[21]. Этот же автор сообщает, что в Тигранокерте было много богатств и роскошных сооружений, так как все, и знатные и простые жители, оказывали из честолюбия содействие царю и способствовали разрастанию и устроению города[22].

Судя по указаниям источников, Тигранокерт, по примеру других столиц, должен был стать одним из центров эллинистической науки, искусства и литературы. В Армению был приглашен Амфикрат, выдающийся писатель и ритор той эпохи, изгнанный из Афин[23]. Метродор из Скепсиса, известный философ и политический деятель в Понтийском царстве, названный у Плиния «ненавистником римлян» (Misoromacus, Nat. Hist. XXXIV, 16, 2), был одним из ближайших советников Тиграна и написал историю последнего, которая, к сожалению, до нас не дошла[24]. В Тигранокерте находилась, как сообщает Плутарх, театральная труппа, которая была приглашена Тиграном для открытия построенного им театра[25]. Насколько глубоко было влияние эллинизма и греческого языка на высшие слои армянского общества видно из того, что сын Тиграна и его преемник Артавазд писал на греческом языке трагедии, речи и исторические произведения, из которых некоторые, по свидетельству Плутарха, существовали в его время[26].

Вполне понятно, что эта широкая эллинизация верхов общества, начавшаяся в Армении еще при Ервандидах, неминуемо должна была отразиться на эволюции религиозного миросозерцания в Армении. Национальная религия армян, сложившаяся под сильным влиянием иранизма, приобрела, как правильно указывает Гельцер[27], эллинскую окраску. Произошло и здесь смешение местных и эллинских богов, так называемая теокрасия, в которой, как известно, принимали участие все народы эллинизма.

Национальные армянские божества были отожествлены с бо-

---

[13] *App.*, Mithrid., cap. 84.

[14] *Т. Моммсен*, Римская история, т. III, М., 1885, с. 41; *Th. Reinach*, Mithridate Eupator, p. 345.

[15] *C. Lehmann-Haupt*, Armenien einst und jetzt, Berlin, 1910, S. 396—399.

[16] *Herod.*, I, 178.

[17] *Plut.*, Lucullus, XXI.

[18] *Strab.* XII, 2, 9 (539); см. перевод Мищенка, с. 550.

[19] *Strab.* XI, 14, 15 (532).

[20] *App.* Mithrid, cap. 67.

[21] *Plut.*, Lucullus, XXVI.

[22] Ibidem. XXII.

[23] Ibid. XXII.

[24] *Plut.*, Lucullus, XXII и Scol. Apoll. Riod. IV, 133 (Müller, Fragm. histor. graec. 1883, t. III, p. 204).

[25] *Plut.*, Lucul. XXIX.

[26] *Plut.*, Crassus, XXXIII.

[27] *H. Gëlzep*, Zur armenischen Götterlehre, Berichte d. Königl. Sächs. Gesellschaft der Wissenschaften, Sitzung vom 7 Dec. 1895, S. 136—146.

гами Олимпа: Арамазд—с Зевсом, Михр—с Гефестом, Анаит—с Артемидой, Нанеа—с Афиной, Астхик—с Афродитой, Тир—с Аполлоном и Ваагн—с Гераклом[28]. К этой же и предшествующей Ервандидской эпохе относится и появление в Армении греческих статуй, размещенных в крупных религиозных центрах, о чем сохранились смутные воспоминания в истории Моисея Хоренского[29].

По мнению Т. Рейнака, в результате этого процесса, Армения, с течением времени, оказалась бы эллинизированной точно так же, как соседние с нею Понт и Каппадокия. «Едва ли можно сомневаться в том,—говорит Рейнак,—что если бы армянская империя сохранилась, она, как Понт и как Каппадокия, была бы быстро эллинизирована; греческий элемент, столь могущественный в Сирии и Месопотамии, действовал бы как сильнейший фермент и мог преобразовать по своему образу все остальное ядро. Греки это чувствовали; они безропотно подчинились грубому и высокомерному деспотизму Тиграна, считая это необходимым переходным состоянием, которое готовило новую победу их цивилизации»[30].

С крушением империи Тиграна Великого процесс эллинизации не мог уже продолжаться с прежней силой. Потерпев поражение около Тигранокерта, Армения лишилась большинства своих завоеваний и потеряла связь с наиболее культурными областями эллинистического юга; кроме того, ее новая столица Тигранокерт, которая должна была стать торгово-промышленным и духовным центром империи Тиграна, была разгромлена войсками Лукулла и в значительной мере опустела. Понятно поэтому, что в культурно-общественной жизни Армении эллинизм не мог пустить глубоких корней и в последующую эпоху влияние его оказалось крайне поверхностным.

О разрушении Тигранокерта в 69-м году свидетельствует Страбон. «На город,—сообщает Страбон,—неожиданно напал Лукулл, воевавший с Митридатом, и разослал его жителей на их родины; самый город, наполовину выстроенный, он разрушил при вторжении в него и оставил на месте его только маленькую деревню»[31]. Из сообщений более поздних источников можно, однако, заключить, что в I веке нашей эры и позднее Тигранокерт, несмотря на отлив квалифицированного торгово-промышленного населения, был не маленькой деревней, как указано у Страбона, а одним из значительных городов древней Армении. Во время римско-парфянских войн при Корбулоне и Тиридате, согласно свидетельству Тацита, он был довольно крупным городом с высокими стенами. Часть этих стен омывала довольно широкая река Никефорий, а вокруг остальной части был проведен глубокий ров[32]. По сообщению армянского историка Фауста, во время войны Шапуха II с Аршаком (364—367 гг. нашей эры) «великий город Тигранокерт», находившийся в Армении под властью бдешха, был взят и разрушен Шапухом II[33].

О точном местоположении Тигранокерта высказывались ученым крайне разноречивые мнения. Объясняется это тем что, разногласие существовало и в самих источниках.

Страбон, самый древний из них, местоположение Тигранокерта указывает в Мигдонии[34], Птолемей—в Кордуене[35], Евтроп же и армянский историк Фауст—в Арзапене[36]. Тацит определенно сообщает, что Тигранокерт отстоял от Низибина на расстоянии тридцати семи римских миль[37] (=приблизительно 55 нын. километр.). Придерживаясь этого свидетельства, совпадающего с данными древнейшего источника Страбона, большинство ученых местоположение Тигранокерта предполагало к югу от Масия и Тигра, недалеко от Низибина[38].

Г. Киперт, примкнувший впоследствии к мнению Моммсена, первоначально полагал, что Тигранокерт лежал к северу от Тигра, на месте древнего города Арзна, развалины которого находятся недалеко от нын. Сгерта[39]. Расстояние между Низибином и Тигранокертом, указанное в Анналах Тацита, по мнению Киперта, могло быть искажено переписчиками; septem et triginta «тридцать семь» римских миль он предлагал исправить в centum et triginta «сто тридцать» римских миль[40]. При этой конъектуре местополо-

---

[28] Ibid., с. 137.

[29] «История Армении Моисея Хоренского», пер. Н. Эмина, М., 1893, кн. II, гл. 12. Ср. мою работу «Армавирские греческие надписи», с. 45 и др.

[30] Mithridate Eupator, 1890, p. 345.

[31] *Strabo*, XI, 14, 15 (532); перевод Мищенка, с. 542.

[32] *Tacitus*, Annales, XV, cap. 4.

[33] *Фауст*, История Армении, IV, 24 (Венеция, 1832, с. 146).

[34] *Strab.*, XVI, 1, 23 (747).

[35] *Ptol.* V, 13, 22.

[36] Eutropius, Breviarium, VI, 9 (recogn. Fr. Ruehl, Leipzig, 1897).

[37] *Tacitus*, Annales, XV, 5.

[38] Ср. *Th. Mommsen*, Die Lage von Tigranokerta, Hernes IX (1875).

[39] Monatsberichte der Akademie der Wissensch. Zu Berlin, 1873.

[40] Расстояние, указанное у Тацита, считает неправильным также и Маркварт, но неисправность текста он объясняет иначе. «Возможно также,—говорит он,—что цифра взята из греческого источника, в котором расстояния были вычислены не в римских милях, а в более крупных путевых мерах, т. е. или в греческих stathmoi, равных трем римским милям, как в описании парфянской государственной дороги Исидора Харакского, или же в парасангах, равных четырем римским милям. Цифра у Тацита, по-видимому, ошибочно отнесена к обычным для римлян путевым мерам». См. *J. Markwart*, Südarmenien und Tigrisquellen, „Handes Amsorya" 1914, февраль, с. 110.

жение Тигранокерта приходилось бы по Тациту севернее Тигра.

Следует отметить, что река Никефорий, которая омывала стены Тигранокерта (Tacit., Annales, XV, cap. 4), упоминается у Плиния, как левый приток Тигра[41]. Следовательно, свидетельство Плиния согласуется с сообщениями Евтропа и Фауста, по которым Тигранокерт находился по левую сторону Тигра, в Арзанене. Подтверждаются эти данные также указаниями древней карты Птолемея и другой географической карты, известной под названием tabula Peutingeriana. На этих картах Тигранокерт отмечен не к югу, а к северу от Тигра.

Ценные и вполне ясные указания приведенных источников на северное местоположение Тигранокерта были обстоятельно использованы лишь в последнее время.

В 1899 г. в окрестностях нынеш. Сгерта и Фаркина были произведены тщательные изыскания немецкими учеными В. Бельком и К. Леманом. Результаты этой экспедиции относительно местонахождения Тигранокерта опубликованы ими в немецких периодических изданиях[42] и изложены более подробно в специальном труде К. Лемана под заглавием Armenien einst und jetzt[43].

Пользуясь сведениями древних источников о топографических особенностях положения Тигранокерта и той местности, где в 69 г. до нашей эры произошло генеральное сражение между Лукуллом и Тиграном, К. Леман пришел к убеждению, что Тигранокерт следует отожествить не с древним городом Арзном, а позднейшим городом Маяфаркином—Мартирополем. Любопытно, что еще в сороковых годах прошлого века то же мнение, как простая догадка, было высказано германским фельдмаршалом Мольтке[44], вероятно, по соображениям чисто стратегическим.

В настоящее время с выводами Лемана согласны почти все арменоведы. Убедительность и достоверность этих выводов усиливаются, несомненно, крайне важным свидетельством армянского историка Фауста, сообщающего, что св. Епифанием была построена в Тигранокерте часовня во имя мучеников[45]. По другому преданию в городе Маяфаркине находилось несметное количество мощей мучеников, собранное епископом Марутой. Ученые вполне справедливо полагают, что предания эти находятся в связи с позднейшим греческим названием города Martyropolis—«город мучеников»[46], поэтому они заключают, что древний Тигранокерт в позднейшее время продолжал существовать под названием Мартирополя.

Что древнейший Тигранокерт должен был, действительно, находиться в нынешнем Фаркине, это подтверждается теперь и новыми данными о местонахождении отмеченных в Таблицах Певтингера станций Zanserio и Cymisa, которые, несомненно, лежали к сеzеру от Тигранокерта. Станция Cymisa римской карты, как указано в моем труде «Главные пути древней Армении»[47], тождественна с нынешним Кильдизом. Искаженное название означенной станции Cymiza следует исправить в Cyldiza СГΛΔΙZΑ вм. СГМΙZΑ,ΛΔ =М). Эта станция находилась на пути из Тигранокерта в Арташат, на расстоянии ровно 50 римских миль или около 70 километров от Тигранокерта—Фаркина, как это показано в Таблицах Певтингера.

Выбор места для резиденции «царя царей» был сделан очень удачно. Нынешний Фаркин лежит как раз в середине империи Тиграна, имеет выгодное в стратегическом отношении расположение и, находясь близко около царской дороги Ахеменидов, удобен также для международных торговых сношений.

Вопрос о местонахождении Тигранокерта, как видно, из сказанного, считается в настоящее время решенным.

§ 18. ПРЕДАНИЯ ОБ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ АРМЕНИИ В ЭПОХУ ТИГРАНА

Эпоха Тиграна, как указано выше, была временем великодержавной экспансии и наивысшего могущества Армении. Понятно поэтому, что события этой эпохи воспевались армянскими рапсодами и память о них сохранилась в устном предании армян.

О Тигране, как видно из сообщения армянского историка Монсея Хоренского, существовало в его время литературное произведение, написанное в стихах, в основе которого лежала, несомненно, изустная поэзия или же древние сказания. Из этого литературного источника заимствована Монсеем история Тиграна, которого он, и, вероятно, также и его источник, неправильно считают современником Кира и Астнага.

В истории Тиграна Хоренский дает, между прочим, краткую характеристику той эпохи и сообщает о накопленных богатствах и привольной жизни в Армении. «Став во главе мужей,—сообщает Монсей Хоренский,—и показав мужество, он (Тигран) тем

---

41 *Plin.*, VI, 31, 3 (изд. Littré, Paris, 1883).

42 *W. Belck*, Majafarkin und Tigranokerta Zeitsch. für Ethnol., 1899, c. 263—275, C. Lehmann, Ueber Tigranokerta, Verhandlungen der 46. Versammlung deutscher Schulmänner und Philologen in Strassburg, 1904, c. 25—34 и в других периодических изданиях.

43 *C. Lehmann*, Armenien einst und jetzt, Bd. I, c. 381—429, 501—523.

44 Brieft aus Türkei № 48, S. 287.

45 *Фауст*, V, 27, с. 227 (изд. 1832 г.).

46 См. К. *Müller* Cl. Ptolemaei Geographia, V, 12, S. 1951, прим. b· *Markwart*, Südarm. und Tigrisq, „Handes Amsorya" 1914, S. 112—113; Armenien einst und jetzt, I, S. 421.

47 Ереван, 1936, с. 90—92, 241.

возвысил наш народ, и нас, находившихся под игом других, сделал налагателями ярма на многих и заставляющими платить себе дань. Он умножил накопление золота, серебра, драгоценных камней и разноцветной, разнотканной одежды мужчин, равно и женщин. В такой одежде некрасивые, став красивыми, казались дивными, а красивые казались по понятиям того времени, богоподобными. Пехота очутилась на конях; пращники стали вообще меткими стрелками; паличники были вооружены мечом и копьем; (прежде) безоружные покрылись щитом и железной броней. Достаточно было одного вида этого воинства, собранного в одно, закованного в блестящие и сияющие латы, чтобы обратить неприятеля в бегство. Насадитель мира и зиждитель Тигран медом и елеем питал все возрасты»[48].

В сообщении этом, если отбросить в нем тенденциозные крайности и риторические прикрасы, запечатлены, по всей вероятности, устные воспоминания о материальном расцвете Армении в эпоху Тиграна.

Об огромных богатствах Армении и, в частности столицы Тигранокерта, как известно, свидетельствуют также и древние авторы. По сообщению Плутарха, при взятии Тигранокерта Лукуллом, кроме остального богатства города, было захвачено в нем 8000 талантов чеканными монетами[49] (=по Рейнаку приблиз. 48 мил. франков[50]). Кроме того, при заключении мира с Помпеем, Тигран должен был уплатить ему контрибуцию в размере 6000 талантов[51] (=по Рейнаку 36 мил. франков). Эти крупные суммы, доставшиеся римлянам в виде добычи или в виде контрибуции, служат показателями, что в эпоху Тиграна Армения располагала теми громадными средствами, память о которых сохранило армянское предание. Богатства эти были накоплены во время завоевательных походов и непрерывно умножались благодаря обильному приливу иностранных капиталов из покоренных стран. Наличностью больших капиталов и можно объяснить постройку на широкую ногу такого обширного и грандиозного города как Тигранокерт. Материальное довольство выражалось, как видно из указаний древних авторов, в постройках дворцов и других пышных сооружений, в успехах искусств и эллинистической культуры, а также в развитии роскоши в образе жизни господствующих классов.

Но все это составляло, очевидно, лицевую сторону жизни, которая имела свою изнанку.

В империи Тиграна, как и в его завоевательных походах, руководящую роль играла землевладельческая знать, династы и мегистаны. Крупная доля богатства покоренных стран попала, очевидно, в их руки. Они, именно, в первую очередь создали себе привольную жизнь, нарядно оделись и просторно обстроились. Разбогатевшая землевладельческая знать имела полную возможность увеличить свои земельные богатства. Будучи основой военной силы Армении и имея в своих руках обширные земли и поместья, она могла упрочить свое господство и стала, по-видимому, более сильной, чем в предшествующие эпохи. В результате такого усиления класса крупных землевладельцев усиливался, вероятно, процесс образования зависимого сельского населения.

Можно поэтому думать, что прилив заграничного капитала и укрепление привилегированного положения крупной земельной аристократии должны были существенным образом ухудшить юридическое и экономическое положение крестьянской массы, жившей на владельческих землях. Указание Хоренского, что «Тигран медом и елеем питал все возрасты», есть, очевидно, риторическая гипербола, которая правдоподобна в отношении лишь господствующих верхов.

О городских жителях, торговле и промыслах, как и вообще о внутренней жизни до Багратидской Армении, сведения армянских и античных авторов крайне скудны и отрывочны. Приходится поневоле делать выводы из случайных замечаний источников. У Моисея Хоренского и у Фауста имеются любопытные сообщения о многочисленном еврейском населении в Армении, которое, как они утверждают, было переселено из Палестины Тиграном Великим и было размещено в Арташате, Ервандашате, Армавире, Вардгесаване, Ване и в других торговых центрах. Полагают, что источниками для этих сообщений могли служить, главным образом, устное предание и, вероятно, древние историко-поэтические песни[52], которые у Хоренского пересказаны прозой.

Фауст, рассказывая о разгроме Армении после мира, заключенного персами с императором Иовианом (в 363 г. н. эры), сообщает, что в числе пленных, уведенных из городов Армении— Арташата, Вагаршапата, Ервандашата, Зарехавана, Заришата, и Вана, было около 100000 еврейских семей[53]. «Вся эта масса евреев,—говорит Фауст,— которую взяли в плен и увели из Армении, была переселена из Палестины армянским царем Тиграном

[48] История Армении Моисея Хоренского, I, 24, перевод Н. Эмина, М., 1893. В переводе допущено мною несколько отступлений.

[49] *Plut.*, Lucullus, XXIX.

[50] Mithridate Eupator, p, 363.

[51] *Plut.*, Pompeius, XXXIII. Согласно вычислениям немецкого ученого Гульча 8000 талантов составляют около 34 миллионов германских золотых марок, или около 17 миллионов золотых рублей, а 6000 талантов около 25 миллионов марок, или около 12½ милл. золотых рублей. См. *Fr. Hultsch*, Griechische und römische Metrologie, Berlin, 1882, S. 297—299 и 711.

[52] См. *М. Абегян*, Армянские народные сказания, Вагаршапат, 1901.

[53] *Фауст*, IV, 55, ср. *Л. М. Меликсет-Бек*, Armeno-Hebraica, Тбилиси, 1945, с. 245.

Великим при взятии им в плен и уводе в Армению еврейского первосвященника Гюрканоса в прежнее время»[54]. Моисей Хоренский, кроме пленения евреев вместе с первосвященником Гирканом[55], сообщает еще о первом пленении евреев во время вторжения Тиграна в Палестину и осады города Птолемаиды. «Вслед за тем—рассказывает Хоренский—Тигран идет в страну Палестинскую отмстить Клеопарте в Птолемаиде за проступок ее сына, Диониспя, против своего отца; берет в плен множество евреев и осаждает город Птолемаиду»[56].

«Тигран Средний Аршакуни—свидетельствует Хоренский в другом месте— поселил в Вардгесаване всех евреев первого пленения и из того места (впоследствии) образовалось большое торговое село. Вагарш теперь обвел его стеною и большим валом, назвав его Вагаршапатом, иначе Нор-Кахак»[57].

В приведенных сообщениях имеются, несомненно, явные анахронизмы и неправильности. Невозможно, например, пленение Гиркана Тиграном II, который умер в 56 г. до н. эры. Из вполне достоверного рассказа еврейского историка Иосифа Флавия[58] известно, что еврейский первосвященник Гиркан был взят в плен в 40 г. до н. эры и поселен не в Армении, а в Вавилоне. Несмотря, однако, на явные анахронизмы и другие неточности вышеуказанных свидетельств, ученые полагают, что самый факт переселения в Армению эллинизованного населения Иудеи, Финикии и Сирии не подлежит сомнению. Переселения эти более чем вероятны не только во время завоевательных походов Тиграна II, но и при его преемнике Артавазде (56—33 гг. до н. эры). После поражения Красса в 53 г., как известно, парфяне совместно с своими союзниками армянами вели продолжительные войны в Сирии, а в 40 г., как было сказано выше, они вторглись в Иудею и захватили там множество пленных, в том числе и первосвященника Гиркана. Часть этих пленных была, по всей вероятности, предоставлена союзникам армянам, которые участвовали с парфянами в этих походах. Таким образом, вполне возможно, что кроме «евреев первого пленения» переселенных в Армению Тиграном II, могли быть также евреи второго пленения, которые были поселены в Армении не при Тигране, как указывают Фауст и Хоренский, а при его преемнике Артавазде[59].

На основании сообщений Фауста и Хоренского о многочисленном семитическом населении указанных выше городов и торговых центров можно, мне кажется, предположить, что в эпоху Тиграна, как и позже при Аршакидах, в торговле древней Армении преобладающую роль играли не сами армяне, а иностранные поселенцы, главным образом, евреи и сирийцы. Насколько сильно было влияние семитов в торговой жизни древней Армении, видно из того, что в армянском языке наиболее обычные термины, имеющие связь с торговлей, как-то: «gaghuth» колония, «shuka» рынок, «xanuth» лавка, «hashiv» счет и др., заимствованы из сирийского.

Размещение в описываемую эпоху евреев и сирийцев в торговых центрах Армении имело, несомненно, крупное значение и сопровождалось, по-видимому, заметным прогрессом в области как торгового, так и промышленного развития страны. Распространению денежного обращения в Армении должны были способствовать, кроме того, увеличение денежного богатства страны и появление в большом количестве золотых, серебряных и бронзовых монет, чеканенных Тиграном II по прежней селевкидской системе. Чеканка собственной монеты продолжалась, как известно, и при преемниках Тиграна. Согласно указаниям Пахомова, монеты Тиграна Великого в виде, преимущественно, тетрадрахм, очень многочисленны в Эриванской губернии, попадаются в Нахичеванском крае, в пограничных юго-западных районах Азербайджана, а один экземпляр найден в Зугдидском уезде, в Мингрелии[60].

Период царствования Тиграна, как видно из всего сказанного, был временем значительного экономического прогресса и большого материального подъема Армении.

---

[54] Ibid., IV, 55.

[55] *Моисей Хоренский*, II, 19 и III, 35.

[56] Ibid., II, 14 (перевод Н. Эмина, с. 68).

[57] Ibid., II, 65 (перевод Эмина, с. 112—113); ср. также II, 16 и II, 49.

[58] *Fl. Josephus*, Antiq. Jud., XIV, 15.

[59] Об этом см. труд *М. Абегяна*, Армянские народные сказания, с. 558—563.

[60] *Е. А. Пахомов*, Монетные клады Азербайджана, с. 17.

ГЛАВА IV

ТОРГОВЛЯ И ТОРГОВЫЕ ЦЕНТРЫ АРМЕНИИ В РИМСКО-ПАРФЯНСКУЮ И ВИЗАНТИЙСКО-САСАНИДСКУЮ ЭПОХИ

§ 19. НЕБЛАГОПРИЯТНОЕ БУФЕРНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ АРМЕНИИ

После завоевания римлянами Сирии и Понта, Армения очутилась между молотом и наковальней, между могущественным Римом и империей парфян, вновь усилившихся после ослабления Великой Армении. Это положение древней Армении между соперничающими великими империями Запада и Востока, продолжавшееся в византийско-сасанидскую и византийско-арабскую эпохи, было одной из главных причин, колебавших ее благосостояние и наиболее неблагоприятно действовавших на ее политическое и внутреннее развитие.

В основе столкновений соперничающих мировых империй лежали не военные факторы, а глубокие экономические причины. Армения в этой ожесточенной борьбе играла очень часто роль плацдарма. Обладание этим плацдармом было крайне важно для враждующих империй и обусловливалось не только тем обстоятельством, что на территории Армении лежал один из боковых отростков трансазийской магистрали, но еще в большей степени стратегическим значением этой территории. «Благодаря своим физико-географическим условиям—говорит Гурко-Кряжин,—Армения всегда являлась как бы гигантской природной цитаделью, доминирующей над окружающими территориями. Не говоря о высоте отдельных ее массивов (Арарата, Алагеза, Бингель-Дага, Карабаха и др.), даже ее долины лежат на многие тысячи футов над уровнем моря. Мало того, это огромное плоскогорье, наподобие соседнего Иранского, обнесено со всех сторон как бы крепостным валом, состоящим из колоссальных массивов Армянского и Понтийского Тавра и уже упомянутой Закавказской «подковы».

Благодаря этому Армения, действительно, представляется как бы природной крепостью, обнесенной со всех сторон недоступными стенами. Это и сообщало стране во все века первоклассное стратегическое значение, поскольку владетель ее господствовал над долиной Куры, степями Азербайджана, низменностями Месопотамии и, наконец, над равнинами и незначительными по высоте плоскогориями Анатолии»[1].

Этим именно стратегическим значением армянского плоскогорья и объясняет Гурко-Кряжин скрещение и слияние истории Армении с историей мировых держав и ту упорную, ожесточенную борьбу, которая в течение тысячелетий велась между великими империями за обладание Арменией.

«Этот же именно факт—как правильно указывает Гурко-Кряжин—всегда парализовал и извращал ход исторического развития Армении, подчиняя его политико-экономическим интересам соседних, более мощных держав».

После победы Помпея, Армения, принятая в число «друзей и союзников римского народа», в течение почти одного века находилась в сфере влияния Рима. В шестидесятых годах нашей эры состоялось соглашение между Римом и Парфией и под номинальным верховенством Рима утвердилась в Армении армянская линия Аршакидов. По договорному же соглашению, Армения в 387 году была поделена между Римской империей и Сасанидской Персией. После раздела Армении, мировая борьба на Востоке приняла внешне религиозную окраску. Ввиду стратегической важности пограничной армянской территории, враждующие державы, Византия и Персия, вели крайне упорную борьбу внутри Армении, ставя себе целью религиозно-культурную ассимиляцию и поглощение ее населения. В этой продолжительной борьбе феодальные армянские области, сохранившие после раздела свой прежний нахарарский строй и внутреннюю самостоятельность, отстояли себя от поглощения. В целях сохранения своей социально-политической и религиозно-культурной самобытности, нахарарская Армения порвала связь с имперской церковью и облачилась в защитный цвет монофизитизма. Вполне понятно, что монофизитская церковь, враждебная имперской, пользовалась преимущественным покровительством Сасанидской Персии.

Войны греко-римского Запада с иранским Востоком, начавшиеся в первом столетии нашей эры, продолжались с перерывами в продолжение почти семи веков. Войны эти участились и приняли необычайно ожесточенный характер в VI и в начале VII столетия. Они настолько истощили обе стороны, что ни Византия ни Персия не могли противостоять новой военно-политической силе—арабскому халифату. Во время этих войн на Армению, находившуюся в самом узле этих событий, сыпались наиболее тяжкие удары. Войска воюющих империй, вступавшие в ее пределы, ос-

[1] *В. Гурко-Кряжин,* Прошлое и настоящее Советской Армении, «Новый Восток», 1927, кн. 16—17.

тавляли по себе страшные следы. В течение семи веков Армению периодически грабили, жгли и опустошали, уводили жителей в плен, убивали и насиловали. После таких нашествий города Армении превращались не раз в груды развалин, пустели в ней целые области, и приходилось каждый раз упорным трудом строить вновь все разрушенное и восстанавливать сызнова разгромленные города.

На развитие внутренней и экономической жизни древней Армении эти периодические катастрофы отражались крайне отрицательно. Они мешали росту ее благосостояния, вызывали длительное состояние застоя, а иногда, после особенно тяжких потрясений, экономическое развитие страны возобновлялось на пониженной основе. Достигнув сравнительно высокого уровня экономических отношений и значительного роста своих городских торговых центров, хозяйственная жизнь Армении не раз отбрасывалась назад, причем преобладающее значение приобретали в ней основы натурального хозяйства.

Резкую перемену к худшему в условиях экономического развития древней Армении мы наблюдаем, например, во второй половине IV столетия, когда она после позорного мира императора Иовиана с Персией (в 363 г.) была беспощадно разгромлена Шапухом II; некоторый застой в экономической жизни Армении вероятен во время восстаний армянских феодалов и церкви в марзбанской Армении во второй половине V века и продолжительных войн эпохи Юстиниана в VI веке, а также в конце VI и в VII столетии, во время крайне гибельной для Армении 20-летней войны Византии с Персией (572—591 гг.) и, особенно, во время той опустошительной грозы, которая разразилась над Арменией в период арабских нашествий в середине VII века.

§ 20. ФЕОДАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ПОСЛЕАРШАКИДСКОЙ АРМЕНИИ

После выхода в свет первого издания настоящего труда было напечатано в Ереване в 1934 году мое подробное исследование—«Феодализм в древней Армении» (в эпоху Аршакидов и марзбанства)[2]. В работе этой, посвященной выяснению наиболее важных вопросов социально-экономической истории Аршакидской Армении, все мои обобщения основаны на подлинных данных собранных и приведенных мною свидетельств древнеармянских и других первоисточников.

Как выяснено в этом подробном исследовании, характерной особенностью аршакидской и послеаршакидской экономической и общественной жизни Армении являлся действительно, как было уже раньше установлено[3], нахарарский строй, напоминающий во многом феодализм Западной Европы. И в Аршакидской и марзбанской Армении, как и в Западной Европе, феодальное общество представляло собою многоэтажное здание сословного характера, причем господствующим классом являлся и здесь класс военно-земледельческой аристократии, эксплуатировавший сидевших на его землях и подвластных ему крестьян.

Этот высший класс сословной знати, соответствующий сеньорам средневековой Европы, обозначается в древнеармянских источниках термином «нахарар» (=пехл. nâfaδâra «родовладыка», «главарь племени»), а крупные имения нахараров с правами государственного порядка (=«сеньория», манор», Grundherrschaft) называются в этих источниках «нахарарствами». Аршакидская Армения при Аршакидах была раздроблена на несколько десятков крупных и мелких нахарарств или княжеств, которые были вассалами армянских царей из Аршакидской династии или же подвассалами окраинных мощных княжеств. Из крупных княжеств наиболее самостоятельными были те, которые несли охранную службу на юге и севере (страны), а именно так называемые четыре бдешхства.

Нахарарские или княжеские роды, наследственные владетели крупных доменов, будучи верховными властителями в своих владениях, в качестве вассалов Аршакидских царей занимали наследственно почетные должности в государстве. Основными почетными должностями были: право возлагать корону на царя, заведывание царскими поместьями и сокровищами, высшее начальство над нахарарскими и царскими войсками, гражданское и финансовое управление, высшее судебное ведомство и другие.

Вторая социальная группа феодального общества Аршакидской Армении состояла из широкого слоя мелких землевладельцев или мелкой знати, называемого «азат»-ами, которые были вассальными слугами или Аршакидских царей или же крупных и малых нахараров—сеньоров. Сословие «азат»-ов соответствовало по своему социальному и экономическому положению «благородным воинам» или рыцарям средневековой феодальной Европы. Для них обязательна была служба в царской и в нахарарской коннице. Не подлежит поэтому никакому сомнению, что конная служба была привилегией знатных не только в средневековой феодальной Европе, но и в Армении при Аршакидах.

Для уяснения сущности вассального положения «азат»-ов наибольший интерес представляет, несомненно, вопрос о существовании феода в нахарарской Армении. Вопрос этот был впервые рассмотрен и выяснен мною во втором выпуске «Материалов

[2] Ереван, 1934 (на арм. яз.).

[3] См. *Н. Адонц*, Армения в эпоху Юстиниана, СПб., 1908.

по истории экономической жизни древней Армении»[4]. Путем внимательного анализа древнеармянских источников удалось установить, что и в нахарарской Армении, как и в Западной Европе, существовал институт условного землевладения, феод или лен, который обозначался термином «хостак», а держатель феода (feodatus или Lehnsträger) назывался—«хостакдар». Держатели «хостак»-ов были свободны от налогов, но были обязаны нести службу с земли, главным образом, военную. Из правил Шаапиванского собора (443 г.) видно, что «азат»-ов нельзя было подвергать телесным наказаниям, а исключительно лишь денежным взысканиям. У армянского историка Лазаря Парпского имеется также указание, что «азат»-ов легко было отличать от крестьян—шинаканов по их внешнему виду[5].

Особое место в сословно-иерархической лестнице феодальной Армении занимали церковь и духовенство. Как известно, своеобразной особенностью древнеармянской церкви была ее нахаризация или феодализация, состоявшая, главным образом, в том, что устройство церкви сложилось в древней Армении почти всецело под влиянием нахарарско-феодальной организации. По своим правам духовенство имело привилегированное положение «азат»-ов и наравне с «азат»-ами оно имело свободу от податей. Но самое любопытное это то, что в нахарарской Армении существовали церковные «хоста»-ки, которые в виде платы за службу предоставлялись в фактическое пользование и владение (dominium utile) церковно-служебному персоналу, причем право полной собственности (dominium directum) на эти земли принадлежало церкви. Церковные «хостак»-и имели те же существенные признаки наследственности и условности, как и феоды, получаемые «азат»-ами. Наследственность церковных ленов была в древней Армении возможна, так как наследственны были здесь в определенных родах и самое священство и духовное звание. Земли эти отбирались у духовных лиц, если последние совершали тяжкое преступление, а также в случае их невежества или же их несоответствия духовному званию.

Ниже по своему общественному положению стояли прикрепленные к земле зависимые крестьяне—«шинакан»-ы, которые, как подробно выяснено в одном из предыдущих моих исследований[6], были лично свободны и напоминали во многом византийских колонов. Это было основное податное население страны, которое платило оброк и отбывало барщину. Согласно постановлениям

[4] См. Известия Госуниверситета Армении, № 4, Ереван, 1928, с. 43—52, 73—74.

[5] См. *Лазарь Парпский,* История Армении, III, 77, Тифлис, 1904, с. 142.

[6] См. «Заметки о положении шинаканов древней Армении в эпоху марзпанства», Известия Госуниверситета Армении, Ереван, 1925, № 1.

Шаапиванского устава, за определенные правонарушения «шинакан»-ы обязаны были платить церкви денежные штрафы, которые были вдвое меньше, чем аналогичные штрафы, уплачиваемые «азат»-ами, и сообразно с этим вдвое меньше были и цифры штрафов, которые получали «шинакан»-ы с нарушителей их прав[7]. Судя по этим данным, ко времени Шаапиванского собора (в 443 г.) знатный «азат» ценился вдвое выше «шинакан»-а, в таком же соотношении предполагалось, по-видимому, и различие в имущественном их состоянии.

Вопросом величайшей важности, освещающим внутреннюю жизнь древней Армении, являлся вопрос о существовании в Армении общинного землевладения. Наличие общины в Аршакидской и Багратидской Армении не подлежало никакому сомнению, так как удалось обнаружить в источниках характерные ее элементы: мир и общинное землепользование с переделами земли[8]. Эти данные, обнаруженные в первоисточниках, дают нам возможность предположить, что в древней Армении, в связи с процессом феодализации и ростом крупного землевладения, свободная община постепенно превращалась в зависимую или крепостную. Она, по-видимому, не была уничтожена, а была лишь подчинена власти крупных собственников, причем общинники должны были за пользование своими землями нести оброк или барщину.

Внимательным изучением древнеармянских источников удалось также выяснить, что рабство играло в древней Армении значительную роль, но оно было преимущественно домашним. Рабов имели в Аршакидской Армении «нахарар»-ы и «азат»-ы, а также церкви, монастыри и даже отдельные духовные лица. Однако по объему явления рабство не могло идти ни в какое сравнение с рабством древнего Рима или Греции. Основой производства был здесь не рабский труд, а труд крестьян—шинаканов.

В средневековой Армении развивается торговля, преимущественно носившая транзитный, т. е. передаточный характер, в значительной степени обусловленный возникновением в Армении городов, расположенных на северном пути мировой торговли, идущем от Китая и Средней Азии в южные и восточные порты Черного моря.

Основным материалом для решения вопроса о древнеармянских городах нахарарской Армении при Аршакидах должны быть, конечно, главным образом, археологические данные. Но, к сожалению раскопки, которые могли бы обстоятельно выяснить характер городов этой эпохи, начаты только недавно. Имеются пока лишь скудные и недостаточные данные о древнем Вагаршапате

[7] См. «Армянская книга канонов», изд. Арсена Клытчяна, Тифлис, 1914, с. 62—64, 66—68.

[8] См. мои «Заметки о положении шинаканов», с. 5—7.

нате, который, как уже выяснено, был в то время торгово-промышленным центром «с смешанным этническим составом городского населения». В Аршакидскую эпоху город этот был окружен стенами и имел внутри крепость. В случае неприятельского нашествия, он, очевидно, служил укрепленным убежищем для окрестного населения.

О внутренней жизни аршакидских городов и о правовом положении городского населения, как мы увидим ниже, в источниках нет достаточных данных.

§ 21. МИРОВАЯ ТОРГОВЛЯ ЗАПАДА С ВОСТОКОМ

Занятые Римом прибрежные области Средиземного и Черного морей служили ему базой не только для завоевательной политики, но также и для широкой внешней торговли. Армения, через которую шли северные транзитные пути к Черному морю, играла в мирное время значительную роль в этой торговле. Ее столица Арташат сделалась, как увидим ниже, складочным местом транзитных товаров и пограничным пунктом торгового обмена.

Уже при Августе было положено начало прочным и регулярным сношениям с Востоком. По свидетельству Плиния Старшего (I в. н. эры), за восточные товары, ввозимые в Италию, Римская империя ежегодно уплачивала Индии, Аравии и серам сто миллионов сестерций[9]. «Так дорого—прибавляет Плиний—стоили нам наша роскошь и наши жены»[10].

Главными товарами, привозившимися из Индии на Запад, были в то время рис, хлопчатобумажные ткани и сырец, перец, корица, пряности, драгоценные камни и жемчуг, разного рода благовония и курения, слоновая кость, черное дерево и красильные вещества; из Китая— шелк и шелковые материи. Взамен империя вывозила в страны Востока свинец, медь, олово, золотые и узорчатые ткани египетских и сирийских фабрик, стеклянные сосуды Александрии, стеклянные товары Сирии и др. Но вывоз этот значительно отставал от ввоза, поэтому разницу приходилось оплачивать наличными деньгами. По мнению ученых[11], указанная Плинием сумма обозначает не стоимость всего импорта, а ту сумму, которую ежегодно приплачивала империя деньгами.

---

[9] Сто миллионов сестерций составляют, по Гульчу (Griechische und römische Metrologie, Berlin, 1882, с. 711—712), $21^3/_4$ миллиона марок, а по Байнсу (*Norman H. Baynes*, The Byzantine Empire, London, 1925, p. 207) несколько меньше, приблизительно 800 000 ф. стерл.

[10] Natur. Hist., XII, 41.

[11] *Norman H. Baynes*, The Byzantine empire, London, 1925, p. 207; *E. Speck*, Handelsgeschichte des Altertums, Bd. III, S. 930.

Расцвет римской внешней торговли с Востоком относят к I и II векам нашей эры.

Следует отметить, что после утверждения на армянском престоле Тиридата I и торжественного коронования его в Риме (в 66 г. н. э.) в течение почти 50 лет мир между империей и Парфией не нарушался. На развитие мировых торговых сношений этот длительный мир и дружественные отношения между Римом и Парфией оказали, разумеется, крайне благоприятное влияние. Надо принять, кроме того, во внимание, что при императоре Нероне (54—68 гг.) и династии Флавиев (69—96 гг.) римляне сделались полными хозяевами как северного, так и восточного Причерноморья, что дало им возможность установить контроль над транзитным путем мировой торговли, идущем из Танаиса через Армению и Мидию в Вавилонию и Среднюю Азию. Общепринятое мнение о преобладающем значении караванного торгового пути через Дербентский проход, как было сказано выше, не может быть признано правильным. На самом деле, преобладающее значение имел не этот путь, а Меотидско-Колхидская магистраль, шедшая из Южной России вдоль восточного побережья Черного моря через Колхиду и Артаксату—Арташат в Мидию и оттуда на восток.

Господство Рима над означенной магистралью, как и установление сплошного римского кольца вокруг Черного моря, превратившегося во внутреннее римское море, имели, конечно, для Римской империи исключительное торгово-экономическое значение. И вполне понятно также, что именно благодаря планомерной экономической политике при Нероне и трех Флавиев международная торговля и античные мировые сношения достигли в конце I века нашей эры высшего развития.

После того, как известно, внутренние смуты III века и, особенно, денежный кризис второй половины III столетия, нанесли сильный удар хозяйственной жизни империи и привели в расстройство также и торговлю. Но это была временная заминка. Вскоре мировые торговые сношения вновь ожили в Восточной Римской империи и достигли, как известно, нового расцвета в византийско-сасанидскую эпоху.

Судя по указаниям источников, внешняя торговля с Востоком в первые два века нашей эры была более значительна, чем в период развития эллинистических монархий Птолемеев и Селевкидов. По сообщению Страбона, в его время, из одной только гавани Миос-Гормос ежегодно отправлялись в Индию сто двадцать кораблей, между тем как при Птолемеях из египетских гаваней едва осмеливались проплыть Арабский залив и переступить через пролив судов двадцать[12]. Из других сообщений вид-

---

[12] *Strab.*, II, 5, 12 (118) и XVII, 1, 13 (798).

но, что морская торговля, после Страбона, значительно крепла и развивалась, так как открытия последующей эпохи облегчили связь с Индией. «Купцы—сообщает Плиний Старший—нашли кратчайшую дорогу, и таким образом Индия, благодаря стремлениям к наживе, приблизилась к нам»[13]. Известно также, что при императоре Веспасиане (69—79 гг.) плавание в Индию сократилось благодаря открытию греческим мореплавателем Гиппалом правильной смены ветров—муссонов, дующих в Индийском океане. С установлением правильных и постоянных сношений через Индийский океан, крупную роль в мировой торговле стал играть постепенно остров Цейлон. Сюда привозились Морем восточные и западные товары, сюда же съезжались отовсюду купцы для торгового обмена.

Сухопутные дороги из Дальнего Востока оставались, в общем, прежние. Они шли в Малую Азию или к берегам Средиземного и Черного морей, через узловые центры Ирана—Селевкию или Экбатану. Поэтому в сухопутной торговле с Индией и Китаем, Иран, благодаря географическому своему местоположению, играл всегда роль моста. Этим именно и объясняется постоянная посредническая роль Ирана и зависимость внешней торговли Рима, а позже и Византии, от парфян и Сасанидов. Отсюда же могущественное влияние экономических факторов на политическую историю Ближнего Востока, заполненную кровавой борьбой между древними империями.

Величайшее значение для развития мировых сухопутных сношений имела, несомненно, торговая смычка между Передней Азией и Китаем, происшедшая в Средней Азии во II веке до нашей эры. Благодаря этой смычке и развитию караванной торговли с Китаем, при Аршакидах, а особенно при Сасанидах, посредническая роль Ирана значительно усилилась.

Среди вывозимых из Китая товаров все большее и большее значение приобретал экспорт шелка и шелковых тканей. Спрос на шелковые материи, которые в Римской империи ценились почти на вес золота, непрерывно возрастал. Увеличению спроса способствовала, несомненно, роскошь в образе жизни господствующих классов. Сухим путем китайский шелк и китайские товары неминуемо должны были пройти через промежуточные области Ирана. Понятно поэтому, что монополия сухопутной торговли шелком всецело оказалась в руках парфян и они всячески оберегали свои монопольные права, доставлявшие им огромный посреднический барыш.

После падения Римской империи и образования Византийского государства, благодаря выгодному положению Византии, мировые торговые сношения, как было отмечено выше, достигли вновь значительного развития. Совершенно исключительную роль

[13] *Plin*, VI, 26, 6.

в торгово-экономической жизни Византийской империи играла основанная на берегах Босфора ее столица—Константинополь.

«Константинополь,—как указывает Маркс,—это золотой мост между Востоком и Западом»[14]. И, действительно, город этот был расположен на месте стыка Европы и Азии и через пролив Босфор пролегал путь из Черного моря в Мраморное и Средиземное. Другие крупные города империи лежали также на великих торговых путях, шедших с Востока на Запад. В Александрию через Красное море привозились товары из Аравии и Цейлона. Города Сирии—Антиохия, Дамаск, Тир, Барит и другие вели оживленную торговлю как с Индией, так и центральной Азией. Эдесса в Осроене и Трапезунт в Понте продавали по всему миру товары, полученные из Персии и Армении.

Византия получала из восточных стран шелк, пряности, ароматические вещества, слоновую кость, драгоценные камни, золото, жемчуг и пр. А сама вывозила в восточные страны сирийские и египетские стеклянные изделия, полотняные, пурпуровые ткани, тонкие вина и пр.

Показателем роли и значения Византии в мировой торговле служит, как полагают, стабильность и широкое распространение византийской золотой монеты номизмы, которая встречается почти всюду при раскопках и, очевидно, считалась надежным средством расчета как в Европе, так и в Передней Азии[15].

Сасаниды, сохранив за собой выгодную роль посредников сухопутной торговли, овладели постепенно также и торговлей с Индией на море. По мнению академика Бартольда, Сасанидов считали на востоке такими же владыками вселенной, как в Европе—римских императоров. «При военных столкновениях—говорит Бартольд—победа обыкновенно была на стороне Сасанидов; влияние их государства, если не политическое, то экономическое, простиралось гораздо дальше; торговля с Индией и Китаем, сухопутная и морская, всецело была в их руках»[16].

[14] *Маркс, Энгельс,* Соч., т. IX, с. 441.

[15] Ср. *H. Gelzer*, Byzantinische Kulturgeschichte, Tübingen, 1909, S. 112.

[16] Акад. *В. В. Бартольд,* Иран, Ташкент, 1926, с. 22; см. его же, Место Прикаспийских областей в истории мусульманского мира, Баку, 1925, с. 20.

Приведенное обобщение Бартольда нуждается, однако, в поправке. Торговля морская с Индией, как известно, находилась не исключительно в руках персидских купцов, но также и купцов Эфиопии и Индии. Бойкая торговля шла с Эфиопией через город и залив Аилу, лежавшие на северо-востоке Аравии к юго-западу от древнего города Петры. Сюда эфиопскими купцами доставлялись не только южноафриканские, но и индийские товары. У Византии, кроме того, был и непосредственный путь для сношений с Индией. Купцы Индии приезжали морским путем в греческую гавань Клизму (нынешн. Кользум около Суэца), на северной оконечности Красного моря, и привозили сюда товары

Господство Сасанидской Персии над путями мировой торговли вынудило, как известно, императора Юстиниана I заключить договор с царем Эфиопии и организовать доставку шелка морем через Цейлон. Но попытка эта не увенчалась успехом, так как на цейлонском рынке господствовали персидские купцы[17].

В конечном счете, такая же неудача постигла также императора Юстина II (565—578), который в том же шестом веке вступил в непосредственные сношения с среднеазиатскими турками, надеясь при их посредстве получить шелк через Кавказ и северные области Каспийского моря. Следует впрочем отметить, что в конце шестого века вопрос об импорте шелка не имел для Византии прежнего значения. Под конец Юстинианова царствования тайна производства шелка была известна в Византии; в 552 г. миссионерам удалось похитить эту тайну на Востоке и привезти в Константинополь в пустой бамбуковой палке некоторое количество грены. После того, начиная со второй половины шестого века, в Византийской империи выросла собственная шелковая промышленность и постепенно монопольная посредническая роль Ирана свелась к нулю.

Мировая торговля Запада на Ближнем Востоке, продолжавшаяся при Аршакидах и Сасанидах около семи веков, имела крупное влияние не только на экономическое и культурное развитие Ирана но также и прилегающих к нему стран, расположенных на путях международного обмена.

К сожалению, экономическая история Востока еще почти совсем не разработана, и вопрос о значении трансазийского пути во внутренней жизни Востока совершенно не выяснен. Между тем, даже при поверхностном изучении источников, нетрудно усмотреть, что в истории Передней Азии многие культурно-экономические, даже политические факты находятся в тесной причинной связи с мировой древней торговлей. Возникновение целого ряда новых городов в Парфии, Мидии, Армении и Месопотамии, расцвет или упадок этих центров, согласованность восточных и западных систем мер, весов и монет, материальное преуспеяние Сасанидской Персии и даже колебания в сословном строе Персии в значительной степени объясняются широким развитием мировых торговых сношений.

Из всего сказанного также видно, что в хозяйственной жизни Ближнего Востока очень важную роль играли мировые пути международного обмена. Дальневосточные пути, как известно, шли из Китая, Средней Азии и северо-западной Индии через древнюю Бактрию и Хорасан. О направлении этих путей имеются крайне

из своей страны. (См. *W. Heyd*, Histoire du commerce du Levant, Leipzig, 1923, t. I, S. 9—10.

[17] *Ch. Diehl*, Justinien et la civilisation buzantine, Paris, 1901, p. 540.

ценные первоисточники: 1) подробный маршрут, составленный Исидором Харакским, доведенный от берега Евфрата до Александрии и Арахосии (ныне Кандагар). 2) описание торгового пути из Бактр в столицу серов, заимствованное Птолемеем у географа конца I и начала II столетия Марина Тирского и 3) географическая карта, приписываемая римскому географу IV столетия Кастория, известная под названием tabula Peutingeriana.

Морской путь из Египта в Индию подробно описан в небольшом произведении на греческом языке, называемом—«Перипл моря Эритрейского» или же «Плавание вокруг Эритрейского моря»[18].

Неизвестный автор перипла дает интересные сведения не только о гаванях и торговых поселениях побережья Красного моря и Индийского океана, но также и о товарах, имеющихся в них. Как теперь полагают, сочинение это практика-купца, являющееся первоклассным источником по истории торговли, написано в конце I века нашей эры, по-видимому, в правление императора Домициана (81—96)[19].

При внимательном изучении этих источников, мне кажется, не трудно убедиться, что главная и кратчайшая магистраль среднеазиатской сухопутной торговли шла на запад не через южный торговый центр Селевкию, а чарез Экбатану. Одним из главных узловых пунктов, куда стягивались среднеазиатские торговые пути, была столица Парфии Hekatompylos. Самое название Hekatompylos, означающее «стовратный», служит указанием, что город этот был важным центром, где скрещивались отовсюду торговые пути. Еще более важным средоточием торговых путей с Востока была Экбатана, куда шли караваны не только по северной магистрали через Гекатомпил, но также по южным параллельным путям, идущим из Мерва и Самарканда через Зерех и из Индии через Кандагар. Из Экбатаны караваны шли в северном направлении в Арташат или же, минуя Селевкию, шли кратчайшим путем через Кенгавер, Керинд и Хульван в Низибин. Из Хульвана китайские и среднеазиатские товары доставлялись также в Селевкию на Тигре, которая была наиболее крупным торговым центром Востока. Но эта последняя играла первенствующую роль не в сухопутной торговле с Китаем, а в торговле с Индией, откуда китайские и индийские товары доставлялись в Селевкию с юга, главным образом, через Персидский залив. Для товаров северной, среднеазиатской торговли главными эмпориями были Низи-

[18] См. изд. Fabricius, Der Periplus des Erythräischen Meeres von einem unbekannten, Leipzig, 1883 и русский перевод „Псевдоарриан, Плавание вокруг Эритрейского моря" Вестн. древн. истории, № 2, 1940, с. 264—281.

[19] См. Вестн. древн. истории, 1940, № 2, с. 229, 264, а также введение к изданию Фабрициуса, 1883 г.

бин и Арташат. В этих же городах, как увидим ниже, находились таможни для взимания пошлин.

О международной торговле позднеримской и византийской эпох интересные сведения дают географические труды на латинском и греческом языках, из которых наиболее важными являются следующие: 1) землеописание под названием «Expositio totius mundi»[20], составленное на Востоке в половине IV века, и 2) «Христианская топография» антиохийского купца, позже—монаха, Космы Индикоплевста или Индоплавателя, настоящее имя которого, как выяснено проф. Патрикановым[21], было Константин Антиохийский. В первом из приведенных источников имеются подробные сообщения о природных богатствах, промышленности и вывозной торговле областей и городов Восточной Римской империи, а во втором, написанном между 547—549 гг.,—представляют большой интерес правдивые и ценные рассказы о караванной торговле в далеких странах Востока и описание острова Цейлона, крупнейшего рынка мировой торговли[22].

§ 22. МЕЖДУНАРОДНАЯ ТОРГОВЛЯ В АРМЕНИИ ДО НАЧАЛА VII ВЕКА

Древняя Армения, как видно из сказанного, в мировой торговле Востока играла значительную роль. Она служила транзитной территорией как для провоза китайского шелка, так и других ценных продуктов, которые экспортировались на Запад из Китая, Средней Азии и северной Индии.

Существование торговых сношений между нынешней Арменией и Бактрией считают вероятным уже в древнейшую эпоху Халдского царства.

Академик Бартольд указывает, что на обелиске ассирийского царя Салманасара II, поставленном в 842 году, имеется изображение бактрийского двугорбого верблюда. «Двугорбые верблюды—говорит он—упоминаются здесь среди дани, доставленной одним из владетелей нынешней Армении»[23]. Известно также, что те же двугорбые верблюды имелись в армиях Митридата Евпатора[24].

В эллинистическую эпоху мы наблюдаем оживление торговых сношений во всем восточно-иранском мире и в греко-бактрийском царстве. В эту именно эпоху, как было указано выше, вдоль северной торговой магистрали постепенно начали вырастать эллинистические торговые центры и, несколько позже, был основан город Арташат. По мере того, как завязывались торговые сношения между северным Ираном и черноморскими рынками, все более начинало выдвигаться значение Армении, как транзитной территории. В последующую парфяно-персидскую эпоху значительное увеличение транзита через Арташат более чем вероятно, так как в конце второго столетия до нашей эры началась мировая торговля с Китаем и был создан великий трансазийский путь.

Значительная роль, которую играла Армения в мировой торговле китайскими и среднеазиатскими товарами, продолжалась около семи веков, приблизительно до конца VI века нашей эры. К этому времени прекратился постепенно импорт китайского шелка в Византию и, одновременно, начались беспрерывные войны Византии, сначала с Персией, а затем с халифатом, и транзитное значение Армении, как увидим ниже, сильно упало.

О торговле Армении в римско-парфянскую эпоху наиболее древнее сведение мы находим у Страбона. Описывая город Комману, как важный религиозный центр Понта, Страбон, между прочим, сообщает о тесной торговой связи его с Арменией. «Комана—говорит он—хорошо населена и является значительной эмпорией для товаров, идущих из Армении»[25]. На основании этих сообщений, как и косвенных указаний римских дорожников, мне кажется, можно заключить, что в начале первого века нашей эры путь из Арташата к Черному морю шел через Саталу и Команду. Трапезунт во время Страбона не мог играть роли в транзитной торговле, так как дорога от Саталы в Трапезунт, шедшая через понтийский горный барьер, была проведена римлянами во второй половине первого века. Первоначально эта дорога обслуживала военно-политические интересы империи и город Трапезунт, в котором находилась стоянка римского флота, был базой, преимущественно, для завоевательной политики Рима. В дальневосточной торговле Трапезунт приобретал постепенно значение, начиная, вероятно, со второго столетия нашей эры, после того как императором Адрианом (117—138 гг.) была заложена здесь удобная гавань.

Целый ряд косвенных указаний позволяет думать, что римско-парфянская эпоха была временем сильного роста не только средиземноморской, но также и черноморско-среднеазиатской торговли через Низибин и Арташат.

На развитие сухопутной торговли на севере через северную Месопотамию и Армению указывает, между прочим, тот факт,

---

[20] См. Geographi latini minores, Heilbronnae, 1878.

[21] «Армянская география VII века по Р. Х.»; СПб., 1877, с. IX—XII.

[22] *Cosmas* Topographia christiana, Migne, Patr., graeca; издание Winstedt'a, Cambridge, 1909.

[23] *В. Бартольд,* Историко-географический обзор Ирана, СПб., 1903, с. 4.

[24] *Th. Reinac'h,* Mithridate Eupator, p. 227.

[25] *Strab.,* XII, 3, 36 (559).

что Римская империя чеканила для Каппадокии и Понта серебряные монеты, равные по весу Аршакидским драхмам. Любопытно также, что в первые два века римского владычества, в период мощного развития торговых сношений, мы наблюдаем в Понте, как и в Аршакидской Армении, культурно-экономический подъем; в эту же эпоху были основаны на севере новые города—Никополь, Неокесария, Себастия, Вагаршапат и Мцурн.

Расцвет этот объясняется, несомненно, значительным влиянием среднеазиатской торговли.

Параллельно с ростом мировых сношений, по всей вероятности, развивалась также внешняя торговля самой Армении. По мнению проф. Г. Халатьянца, главными предметами вывоза из Армении были—«лошади, мулы, металлы, краски (в особенности так называемая «армянская краска» сандик, вроде пурпура), зерно, вина, масло, а также разные местные изделия»[26]. К сожалению, многое в этой сводке крайне спорно и вызывает сомнения; большая часть этих предположений мало обоснована и не подтверждена свидетельствами источников.

Следует отметить, что о внешнем товарообмене Армении мы находим некоторые сведения, главным образом, в арабских источниках, античные же писатели случайно упоминают лишь те редкости, которые имелись в Армении. Плиний Старший, например, в Естественной истории упоминает следующие растения, краски и камни: растение adamantis, при приближении которого падают львы, разинув пасти[27], laser, сок растения laserpitium, которое растет в Персии, Мидии и Армении и, как лекарственное растение, экспортируется в Рим[28]; краску, приготовляемую в Армении, которую живописцы называли orobitis[29]; камень посылаемый из Армении, который назывался armenium и красил как chrysocolla[30]; alumen—квасцы[31] и точильные камни[32].

Врач Диоскорид, живший в I веке нашей эры, сообщает, что «самый лучший амом—армянский, золотистого цвета, с желтоватой древесиной и довольно приятным запахом»[33]. Митрополит Фессалоникский Евстафий, который пользовался древними источниками, в комментариях к Дионисию свидетельствует, что у армян добывался камень, которым вырезывают и просверливают печати[34].

Из Армении вывозились, несомненно, не только редкие растения, краски и камни, но и более существенные продукты. Но о них, насколько мне известно, дают сведения не писатели римского времени, а более поздние византийские и арабские источники.

В византийско-сасанидскую эпоху транзитная торговля через Армению упоминается в Кодексе Юстиниана, в императорском эдикте 408/9 года[35]. Из этого эдикта мы узнаем, что между империей и Сасанидской Персией существовало соглашение, согласно которому международная торговля производилась в трех заранее определенных пунктах: на персидской территории—в Низибине, на имперской—в Каллиникуме (ныи. Ракка на Евфрате) и на армянской—в Арташате. Наблюдение над этой торговлей со стороны Византийской империи имели особые должностные лица, называвшиеся comites commerciorum[36]. В указанных городах находились таможни, где взимались пошлины с перевозимых товаров, поэтому эти места, как видно из свидетельства Менандра, назывались dekateutêria[37].

Установление торгового обмена в определенных пограничных центрах вполне объяснимо, так как свободы передвижения в современном понимании в то время не было. По римским и, очевидно, и персидским законам въезд из одного государства в другое был строго запрещен; поэтому купцы Сасанидской Персии и Византийской империи не могли ехать и везти товары в Константинополь или Ктезифон. Они должны были торговать и сноситься между собою исключительно в тех пограничных городах, которые были установлены договорным соглашением.

Таким образом, Армения со своей столицей Арташатом была в эту эпоху не только транзитной территорией, но, одновременно, важным центром международного обмена.

Соглашение между империей и Персией, на которое имеется ссылка[38] в эдикте 408/9 года, как полагают ученые, состоялось,

---

[26] Очерк истории Армении, М., 1910, с.. 170; то же у *В. Брюсова*, Летопись исторических судеб армянского народа, М., 1918, с. 32.

[27] *Plin.* XXIV, 102, 2.

[28] *Plin.* XIX, 15, 2.

[29] *Plin.* XXXIII, 27, 1.

[30] *Plin.* XXXV, 28, 1.

[31] *Plin.* XXXV, 52, 2.

[32] *Plin.* XXXVI, 47, 1.

[33] См. *В. В. Латышев*, Известия древних писателей о Скифии и Кавказе, т. I, СПб., 1890, с. 507.

[34] Ibidem, c. 2'5; ср. также Ethnika Стефана Византийского, Латышев Известия, с. 255.

[35] Cod. Justin. IV, 63, 4.

[36] Cod. Justin. IV, 63, 6.

[37] См. *Ch. Diehl*, Justinien et la civilisation buzantine, p. 536; *K. Güterbock*, Byzanz und Persien in ihren diplomatisch—Völkerrechtlichen Beziehungen im Zeitalter Justirians, Berlin, 1906, S. 78.

[38] О соглашении с Персией имеется в эдикте следующая ссылка: ultra ea, loca, in quibus foederis tempore cum memorata natione nobis convenit IV, 63, 4 (Cod. Just.).

вероятно, в 387 или 363 гг[39]. По мнению Гютербока, указание эдикта на foedus с Персией имеет в виду договор 387 года, в котором, кроме соглашения о разделе Армении, могли быть постановления о взаимной торговле. Мне кажется, что Гютербок прав, так как в 363 г., когда состоялся договор между Иовианом и Шапухом II, Арташат находился в пределах самостоятельной Армении и, конечно, не мог быть включен в этот договор.

Этот факт, что Арташат, при самом разделе Армении, включается в договор 387 года, как один из трех пунктов международного обмена, заслуживает особого внимания. Мне думается, что включение Арташата в договор 387 года косвенно указывает нам, что столица армянских Аршакидов еще раньше, до заключения этого договора, была местом международных торговых сношений.

Когда Армения в пятом столетии стала марзбанством, столицей ее, как известно, был город Двин, расположенный около северных окраин Арташата В торговле Византии с Персией Двин продолжал играть значительную роль и был таким же торговым центром международного обмена, как и Арташат.

Самым важным предметом обмена были в Арташате и Двине, несомненно, китайский шелк и китайские шелковые материи. Об этом мы находим косвенное указание, крайне любопытное, у франкского историка Григория Турского в его главном труде «Historia Francorum».

Когда во время восстания 572 года Вардан Мамиконид и главари восстания бежали в Византию, они, как сообщает Григорий Турский, явились к императору с громадным количеством шелка, просили его покровительства и рассказали, что они находятся во вражде с персидским царем[40]. Эрист Штейн, у которого нами взято приведенное сообщение, считает возможным, что шелк этот, на самом деле, был привезен не армянами, а тюрками. Сомнение и неуверенность Штейна, конечно, неосновательны. В 572 году, как известно, повстанцы завладели Двином и вполне вероятно, что они разграбили город и захватили в нем китайский шелк, привезенный для обмена.

Город Двин, как важный центр международного обмена, подробно описан в шестом столетии Прокопием Кесарийским. «Двий—говорит он—страна очень плодоносная, имеет благорастворенный воздух и хорошую воду; отстоит от Феодосиополя на семь дней пути. Тут поля ровные, способные к конской езде; многолюдные селения, лежащие близко друг к другу, заняты торговцами: потому что из Индии, из соседственной Иверии, и почти от всех народов, подвластных персам и даже римлянам, привозят туда товары, которыми они торгуют»[41].

В приведенном описании заслуживает особого внимания сообщение Прокопия о том, что торговцами были заняты «многолюдные селения, лежащие близко друг к другу». Обязанность иноземных купцов селиться за городом и в предместьях, как правильно указывает Кулишер, соответствовала характеру торговли средних веков. В Царьграде, например, русским купцам предоставлялось жить только в предместьях у монастыря св. Мамы. Такие же предосторожности в отношении иностранных купцов соблюдались в хазарской столице Итиле, в русских городах Новгороде и Пскове и всюду в торговых центрах Запада[42]. Можно поэтому предположить, что аналогичный порядок был установлен также в Двине, где, вероятно, иноземным купцам разрешалось жить не в самом городе, а в его предместьях.

О торговле Византии с Персией, кроме упомянутых свидетельств, есть еще одно важное указание в договоре, заключенном в 562 г. между Юстинианом и Хосроем Нуширваном. Из третьего пункта этого договора видно, что соглашение четвертого века о пограничных центрах торгового обмена оставалось в силе как в пятом, так и в шестом веке[43].

Приведенные данные с полной определенностью показывают, что в парфяно-персидскую эпоху в мировой торговле Востока Армения играла довольно крупную роль.

§ 23. ГОРОДА АРМЕНИИ ДО ВРЕМЕНИ АРАБСКОГО ВЛАДЫЧЕСТВА

Транзитные сношения через Армению и международная торговля в Арташате оказывали, несомненно, благотворное влияние на экономическое развитие Армении и способствовали росту ее торговых центров, расположенных вдоль караванной магистрали.

Крайне любопытно, что время возникновения новых городов, основанных армянскими Аршакидами, совпадает с периодом наивысшего расцвета мировой торговли Рима. Едва ли это можно объяснить простой случайностью. Вероятнее всего, что подъем благосостояния Аршакидской Армении и появление в ней новых городов были, в значительной мере, обусловлены развитием тран-

---

[39] Ср. *Güterbock*, Byzanz und Persien, S. 74—75 и *J. B. Bury*, History of the later Roman Empire. II, London, 1923, p. 3.

[40] См. *Ernst Stein*, Studien zur Geschichte des byzantinischen Reiches, Stuttgart, 1919, S. 42.

[41] *Прокопий Кесарийский*, История войн римлян с персами, перевод С. Дестуниса, СПб., 1880, кн. II, гл. XXV, с. 181—182.

[42] См. *Т. М. Кулишер*, История русского народного хозяйства, М., 1925, с. 32.

[43] Ср. *Güterbock*, Bysanz und Persien, S. 78.

зитной торговли и оживлением международного обмена по северной магистрали через Арташат.

Во втором веке нашей эры армянскими Аршакидами были основаны новые города—Мцурн и Вагаршапат.

Об основании города Мцурна имеется случайная заметка в истории Фауста.

Фауст рассказывает, что князь мардпет, посетив святые места в Аштишате, отправился оттуда к реке Евфрату—Арацанию, к месту, где сливается с ней другая река, и был там убит Шаваспом Арцруни. «На этом месте— говорит Фауст—в древнее время находился город, построенный царем Санатруком, и место это называлось Мцурном»[44]. Город этот, как видно из свидетельства Фауста, был разрушен еще до V столетия. Моисей Хоренский, не зная о существовании в Армении города Мцурна, приписывает Санатруку построение города Мцбина—Низибина. «Из всех деяний Санатрука—говорит историк—считаем заслуживающим внимания только постройку города Мцбина, который, будучи поврежден землетрясением, был разрушен Санатруком и снова выстроен в более великолепном виде. Он обвел его двойной стеной с контрфорсами; (велел) поставить посреди (города) свою статую с единственной монетой в руке, что означало следующее: на построение этого города издержаны все мои сокровища и осталась одна эта (монета)»[45]. Заблуждение Моисея Хоренского легко объяснимо, так как графически вполне допустимо чтение *Մծուին* (Мцуин) вм. *Մծուրն* (Мцурн). Полагают поэтому, что в источнике, использованном Хоренским, сообщалось, вероятно, об основании Санатруком *Մծուրն*-а (Мцурн-а), но Хоренский прочитав *Մծուին* (Мцуин) вм. *Մծուրն* (Мцурн), отнес это указание к Низибину. Сведения о землетрясении и о разрушении Низибина придуманы, очевидно, самим Хоренским.

Время армянского царя Санатрука в новейших исследованиях предполагают между Тиридатом I и Аксидаром[46], следовательно, город Мцурн был построен или в последней четверти I века или же в самом начале II века. По мнению проф. Марквarта, Мцурн лежал около реки Арацания и его левого притока Карасу[47] и имел, в стратегическом отношении, очень выгодное положение, так как господствовал над путями, идущими через Балу в Мелитену, через Хнус в Карин, через Тавр в Тигранокерт и через Багаван в Арташат. Местоположение Мцурна было удобно, несомненно, и в торговом отношении, так как он находился в богатой и плодородной равнине Тарона и, вместе с тем, был расположен на выгодном месте пересечения торговых путей.

[44] *Фауст*, IV, 14.

[45] История Армении Моисея Хоренского, перевод Н. Эмина, М., 1893, с. 87 (II, 36).

[46] См. *J. Markwart*, Untersuchungen zur Geschichte von Eran, Philologus, supplementband X, erstes Heft S. 237; также *Boissevain*, Ein verschobenes Fragment des Cassius Dio, Hermes, Bd. 25, 1890, S. 329—339.

[47] Нынешний Кара-су, арм. Megh (Мел), по мнению Маркварта, соответствует реке Têleboas, упомянутой в Анабасисе Ксенофонта IV, 4, 3.

Кроме приведенного выше свидетельства Фауста, о Мцурне есть еще одно указание в «Начальной истории» у Себеоса. Согласно этому указанию, в городе Мцурне[48], в развалинах дворца царя Санатрука, был найден столб, на котором имелась надпись о первых аршакидских царях Армении и Парфии[49]. Та же «Начальная история» «философа Марабу» называет Мцурнийским и свидетельствует этим, что составитель древнейшей истории Армении был родом из Мцурна. Вышеозначенные свидетельства и, в частности, любопытные сведения об открытии в развалинах Мцурна дворца и колонны с надписью, как видим, определенно показывают, что город этот был резиденцией армянского царя Санатрука.

Кроме города Мцурна, как известно, в начальную эпоху царствования армянских Аршакидов был основан город Вагаршапат, который назывался также Nor Khaghak или Kainè polis («Новый город»). Т. Моммсен, ссылаясь на фрагмент Диона Кассия, сохранившийся в словаре Свиды (под словом Martios), основание Кайнеполя приписывает римскому полководцу Приску[50], которым в 163 г., во время войны против парфян и армян, был взят и, как полагают, разрушен город Арташат. Мнение Моммсена было принято почти всеми учеными и безоговорочно повторялось в их трудах[51]. Только в сравнительно недавнее время против взгляда Моммсена высказались Маркварт и Астурян[52].

Основателем Кайнеполя, называвшегося также Вагаршапатом, они считают сына Санатрука—Вагарша, который, как установлено новейшими изысканиями, царствовал в Армении не во время Септимия Севера (194—211 гг.), а гораздо раньше, в эпоху Адриана (117—138 гг.). Астуряном правильно указано, что в фрагменте Диона Кассия, на который ссылается Моммсен, не говорится вовсе об основании Кайнеполя Стацием Приском: в нем

[48] В подлинном тексте «Начальной истории» вм. Мцбин следует читать Мцурн.

[49] *Себеос*, История Армении, изд. Патканяна, СПб., 1879, с. 1.

[50] *Th. Mommsen*, Römische Geschichte, Bd. V, Berlin, 1886, S. 407, прим. 1

[51] Ср. *Г. Халатянц*, Очерк истории Армении, с. 311; *J. Sandalgian*, Histoire documentaire de l'Armenie, II, p. 558; *Fr. Tournebize*, Histoire politigue et religiense de l'Armenie, p. 411 и др.

[52] *Markwart*, Untersuchungen zur Geschichte von Eran, Philologus, supplementband X, erstes Heft, S. 227; *Asturian*, Die politischen Bezichungen zwischen Armenien und Rom, Venedig, 1911.

упоминается лишь, что Марцием Вером, после усмирения восстания армян, город этот был объявлен столицей Армении. Оказывается, таким образом, что утверждение Моммсена, как явно необоснованное, должно быть отвергнуто.

Приписывая основание Кайнеполя—Вагаршапата армянскому Аршакиду Вагаршу, Маркварт исходит из названия этого города Vagharshapat (Вагарш-апат), означавшего дословно «населенный Вагаршем»[53]. Переименование Вагаршапата в Kainê polis, мне кажется, могло иметь место одновременно с провозглашением его «первым городом» или столицей Армении в 163 г.

Моисей Хоренский, как было указано выше, отожествляет Вагаршапат с Вардгесаваном, в котором, как он сообщает, Тиграном Средним были поселены «евреи первого пленения». Из этого места, говорит Хоренский, образовалось большое торговое село, «Вагарш обвел его стеною с большим валом, назвав его Вагаршапатом»[54].

В другом месте той же главы об основании Вагаршапата приводится любопытный отрывок из древнеармянского народного эпоса. «Он (Вагарш),—свидетельствует Хоренский[55],—обвел стеною также большое селение Вардгеса, что на реке Касахе, о чем в легенде говорится следующее:

Отделился—пошел Вардгес-юноша
Из области Тухов к Касах-реке.
Он пришел (и) сел на Шреш-холме
Близ Артимед-города у Касах реки
Тесать да ваять врата Еруанда царя».

Хоренский, как видим, приписывает Вагаршу окружение города стеною и валом. Он, очевидно, вторую часть названия Вагаршапат приводит в связь со словом «patel»—обвести, окружить; на самом же деле, как было отмечено выше, во второй части названия Вагарш-апат мы имеем не предполагаемое им слово «pat», а пехлевийское слово âbâd, означающее «населенный». Предположение Хоренского о постройке Вагаршем стены и вала основано, по-видимому, не на исторических данных, а на неправильной интерпретации названия Вагаршапат.

Можно, как я полагаю, предположить, что город Вагаршапат, называвшийся раньше «городом Артимеда», а затем «селом Вардгеса», мог быть вновь заселен и восстановлен в качестве города Аршакидским царем Вагаршем, как об этом свидетельствует его название *Вагаршапат*. Мне думается, однако, что, вопреки предположению Хоренского, существовавший еще в Ерванд

[53] Правильная этимология названия Вагарш-апат дана у Гюмбшмана, см. Die altarmenischen ortsnamen, Strassburg, 1904.

[54] *Хоренский*, II, 16 и 65.

[55] *Хоренский*, II, 65 (перевод Эмина, с. 112).

дидскую эпоху Вардгесаван, названный позже Вагаршапатом, вероятно, уже в то древнее время был городищем и торговым средоточием и подобно Ервандашату и Армавиру был огражден стеною. Вопрос этот требует, разумеется, новых дополнительных разысканий.

Крайне любопытно, что упомянутые новые города—Мцурн и Вагаршапат—были основаны первыми Аршакидскими царями Армении в сравнительно короткий промежуток времени. После воцарения на армянском престоле Аршакида Тиридата была восстановлена столица Арташат, разрушенная римским полководцем Корбулоном (в 59 г. нашей эры). Арташат, как известно, был вновь построен италийскими мастерами и рабочими на средства, отпущенные Нероном (в 66 г.), и был переименован в Неронию. После Арташата—Неронии, в эту же эпоху, Санатруком, которого считают преемником Тиридата I, был основан Мцурн. После того, через короткое время, сыном Санатрука Вагаршем был основан Вагаршапат. Следовательно, в течение 50—70 лет были построены три крупных города: Арташат—Нерония, Мцурн и Вагаршапат. Этот любопытный факт, свидетельствующий о росте экономического благосостояния Армении, объясняется, вероятно, тем, что при Тиридате I и его преемниках между Римом и Аршакидскими царствами установились дружественные отношения, способствовавшие развитию торговли в Армении. По прекращении этих дружественных отношений, продолжавшихся около пятидесяти лет, экономическое преуспеяние Армении нисколько не ослабевало.

Во время завоевательных походов Траяна (в 115—117 гг.) были разрушены, как известно, южные торговые центры—Селевкия на Тигре, Низибин и Эдесса. С разрушением этих торговых городов должны были, несомненно, усилиться торговые сношения на северной магистрали через Экбатану—Арташат. Таким образом, благодаря временному перемещению южных торговых путей, Армения приобретала в международной сухопутной торговле первостепенное место. Естественно поэтому, что эпоха, непосредственно следовавшая за Траяном, была благоприятна как для экономического роста Армении, так и возникновения в ней новых городов. Мне кажется, этим именно обстоятельством и можно объяснить возникновение Вагаршапата, ставшего позднее столицей Армении.

Начиная с конца второго века, в связи с длительным экономическим кризисом в Римской империи, торговля Рима на Востоке сильно упала; она стала постепенно оживать в IV веке и достигла нового расцвета в Восточно-Римской или Византийской империи. В период острого экономического кризиса в Римской империи, в третьем и в начале четвертого века нашей эры, можно предположить значительное ослабление транзитной торговли через Армению и сравнительный упадок в ней городских торго-

вых центров. Следует отметить, что о возникновении новых городов в эту эпоху источники не сообщают.

О городах Армении четвертого века наиболее подробные сведения дает Фауст. Описывая беспощадный разгром и опустошение Армении Шапуром II в 364—367 гг., Фауст перечисляет разрушенные персидским царем города, жители которых были уведены в плен. По сообщению его, Шапуром II были разрушены восемь городов: Тигранокерт, Вагаршапат, Арташат, Ервандашат, Зарехаван, Заришат, Ван и Нахичеван. Уведены были в плен: из Тигранокерта—40000 семейств, из Вагаршапата—19000 семейств[56], из Арташата—40000 сем. армян и 9000 сем. евреев, из Ервандашата—20000 сем. армян и 30000 сем. евреев, из Зарехавана—5000 сем. армян и 8000 сем. евреев, из Заришата—10000 сем. армян и 14000 сем. евреев, из Вана 5000 сем. армян и 18000 сем. евреев и из Нахичевана 2000 сем. армян и 16000 сем. евреев[57]. Приведенные числа не имеют исторической ценности.

У Фауста, черпавшего свои сведения из народного предания цифры всегда чересчур преувеличены, а иногда даже баснословны. Не подлежит, однако, сомнению, что еврей и сирийцы, как было сказано выше, составляли в Армении значительную часть городского населения и играли в торговле и промышленности страны преобладающую роль.

Кроме Тигранокерта, Арташата и Вагаршапата, наиболее известных городов Армении, в сообщении Фауста упоминаются еще Ервандашат, Зарехаван, Заришат, Ван и Нахичеван.

Судя по описанию Хоренского, Ервандашат, основанный Ервандом Последним, как мы видели, первоначально был крепостью и городищем, вокруг которого были, по-видимому, сконцентрированы ремесленники и торговцы. Торговым крупным центром он стал, вероятно, несколько позднее. В Аршакидскую эпоху, как видно из свидетельств Фауста и Хоренского, Ервандашат находился в домене княжеского рода Камсараканов и был, по-видимому, таким же первоклассным центром Армении, как Арташат и Вагаршапат.

Крупное торговое значение Ервандашата, как увидим ниже, объясняется тем, что он, как и Арташат, был узловым центром близ магистрального пути в Саталу, Трапезунт, а также в Фазис и в Севастополь—Диоскурию.

К югу от Ервандашата и горного хребта Агридага, в области Багреванде, находился город Зарехаван. По свидетельству Фауста, он лежал недалеко от Багавана[58]. Мы увидим ниже, что Багавану в tabula Peutingeriana соответствует узловой пункт Ragauna (=Bagauna), откуда дорога из Арташата шла, в южном направлении, в Тигранокерт, и, в западном направлении, в Саталу. Следовательно, и город Зарехаван был расположен около главного пути караванной торговли. Основательно разрушенный во время карательных нашествий Шапура II, Зарехаван не мог оправиться и совершенно опустел. В пятом столетии он упоминается в истории Армении Лазаря Парпского, как незначительная деревня[59]. О времени его возникновения источники ничего нам не сообщают, из этимологии названия города можно лишь заключить, что Зарехаван был основан Зарехом.

Крайне скудны наши сведения также о городе Заришате, который Фауст называет «великим городом».

Из свидетельств Фауста и Хоренского известно только, что он принадлежал армянским Аршакидам и находился в области Ахновите[60], лежавшей у северо-восточного берега Ванского озера, на пути из нынешнего Патноса в Арчеш.

В числе разрушенных Шапуром II городов Фауст упоминает также Ван и Нахичеван. Ван, находившийся в области Тоспе и называвшийся у армянских историков городом Семирамиды, был, как известно, политическим и культурным центром царства халдов. История его хорошо известна из клинообразных надписей. Любопытно только, что в халдских надписях страна к востоку от Ванского озера называется Биайной, Тоспом же (в ван. надп.:—Тушпа) именуется не страна, а самая столица государства.

На пути из Экбатаны в Арташат важным торговым центром был город Нахичеван. Расположенный у северной магистрали мировых сношений, Нахичеван играл значительную роль в международной торговле, как в эту, так и в последующие эпохи. Во втором веке до нашей эры упоминается он у Птолемея под названием Naxouana (изд. К. Миллера, стр. 941). Время возникновения его точно неизвестно; на основании преданий, сохранившихся у армянских и персидских историков, основание его предполагают за много веков до нашей эры. По свидетельству Хоренского, после победы Тиграна I над Астиагом, область около крепости Нахичевана была заселена Тиграном пленными мидийцами[61]. Существование Нахичевана Хоренский, как видим, предполагает еще в VI веке до н. э. Следует, однако, отметить, что повествование Хоренского о Тигране I, как установлено новейшими изысканиями, относится, на самом деле, к Тиграну Великому; приведенное сообщение вызывает поэтому серьезные сомнения.

---

[56] В армянском тексте Фауста, как правильно указано Абегяном, в данном месте можно предположить пропуск; см. *М. Абегян*, Армянские народные сказания, с. 559—560.

[57] См. *Фауст*, IV 24 и 55.

[58] *Фауст*, V, 43.

[59] *Лазарь Парпский*, История Армении, изд. 1904 г. Тифлис, с. 63.

[60] *Фауст*, IV, 55 и Моисей Хоренский, III, 23.

[61] *Хоренский*, I, 30.

После раздела Армении между Византией и Сасанидской Персией (в 387 г. н. эры), столицей и главным торговым центром Восточной Армении стал город Двин (вероятно, со второй половины V века). В Западной же Армении возник свой центр Феодосиополь, который став резиденцией комита, с течением времени превратился в крупный торговый город. Город этот,—говорит Прокопий,—находился «недалеко от границ Персидской Армении, был издревле селением и получил от царя Феодосия (II) (408—450) наименование города и был назван по его имени»[62]. Этот же историк сообщает, что «Феодосий, царь римлян, получив царство Аршака, выстроил здесь на одном из холмов укрепление (frourion), легко доступное врагу, которое назвал Феодосиополем»[63]. По мнению проф. Адонца, армянское название города, Карин, по древнему имени области, показывает, что на месте Феодосиева замка исстари существовал если не город, то селение. «Если бы это место—говорит Адонц—впервые стало известно армянам по Феодосиополю, то вряд ли была бы надобность во вторичном и армянском названии»[64]. Мнение это не совсем правильно. Что на месте Феодосиополя стояло раньше селение, это ясно отмечено в сообщении Прокопия. Однако, ни это селение, ни самый город Феодосиополь в древнее время вовсе не именовались Карином. У древних армянских авторов, как известно, город Феодосиополь назывался Karnoy khaghakh, т. е. «город области Карина». Наименование же «город Карин» вместо «город области Карина», как правильно указано Инджиджяном[65], возникло по недоразумению в более позднюю эпоху.

После персидско-византийской войны 502—505 гг. император Анастасий (491—518), а позднее и Юстиниан I (527—565), распорядились укрепить Феодосиополь надежнее прежнего и укрепление—замок, построенный Феодосием II, превратился в прочную крепость, охраняющую восстановленный Анастасием город.

«Римский император Анастасий,—говорит Прокопий,—основал здесь город, включив весь тот холм, на котором прежде стоял замок Феодосия, в кольцо новых укреплений. Он дал этому городу свое имя, но уничтожить имя первого его основателя, Феодосия, он никак не мог. Хотя у людей вечное стремление вводить новое в то, что является общеустановленным, но они не так легко отказываются от прежде данных названий. Эти стены Феодосиополя в ширину были вполне достаточны, но их высота не соответствовала их толщине. Она была всего только самое большее в тридцать футов, вследствие чего для врагов, особенно для перс

[62] *Procopius*, De bella Persico, I, 10.

[63] *Procopius*, De aedificiis, III, 5, 2.

[64] *Н. Адонц*, Армения в эпоху Юстиниана, СПб., 1908, с. 143.

[65] *Инджиджян*, Древная Армения, Венеция, 1822, СПб., 28 прим.

сов, когда они шли штурмом, город был крайне легкой добычей. Был он легко доступен и по другой причине: он не был укреплен ни передовыми бастионами, ни рвом. А между тем, местность, которая очень близко подходила к городу, поднималась выше его стен. Поэтому против этого император Юстиниан придумал следующее: прежде всего он вырыл вокруг всех стен ров очень большой глубины, сделав его совершенно подобным ложу горных потоков, несущихся между отвесными горами. Затем ту местность, которая поднималась над стенами, он перерыл и ее природу превратил в недоступные крутизны и непроходимые углубления. А чтобы стена стала исключительно высокой и вообще неприступной, если бы кто пошел на город, он применил здесь все то, что было им сооружено в городе Даре. Сдвинув между собой очень близко стенные зубцы, так чтобы только можно было поражать идущих на приступ стен, он выстроил над ними надстройку в виде галлерей вокруг всей стены из того же камня, а над ней искусно воздвиг другие зубцы; впереди он провел круг бастионов, совершенно сходный с передней стеной в городе Даре, а из каждой башни он сделал сильное укрепление. Здесь он поместил все военные силы и приказал стратегу Армении иметь здесь пребывание. Таким образом, на дальнейшее время он сделал жителей Армении настолько сильными, что они могли не бояться нашествий персов»[66].

Об основании города Феодосиополя имеются подробные сведения также и в древнеармянских источниках. Согласно сообщению Моисея Хоренского город Феодосиополь был основан по приказанию императора Феодосия II его полководцем Анатолием.

«У подножия одной красиво-расположенной горы,—сообщает Хоренский,—Анатолий находит множество мелких и чистых ключей. Там он планировал место города, которое он окружил глубоким рвом, и заложил очень глубоко фундамент стен. На них он воздвиг превысокие, громадные башни, из коих первую назвал Феодосием в честь Феодосия. Поодаль от нее он выстроил зубчатые башни наподобие корабельных носов и провел проходы с вогнутыми углублениями, которые смотрели на гору. Такие же башни были построены против северного поля. Со стороны же востока и запада он возвел башни круглые. В центре города на возвышенном месте он выстроил много складов и назвал их Августион в честь Августа. Он провел внутрь и другие воды по многим местам скрытыми путями; наполнил город оружием и гар-

[66] *Прокопий*, О постройках, перев. с греческого С. П. Кондратьева. Вест. древ. истории, 1939, № 4, с. 240—241 (III, 5, 1—12). Ср. *Адонц*, Армения в эпоху Юстиниана, СПб., 1908, с. 143—144.

низонными войсками и назвал его Феодосиополем, дабы память города обессмертила имя императора»[67].

Об основании Феодосиополя имеется, кроме этого, любопытное сообщение в легендарном сказании—«Прения святых армянских вардапетов Моисея и Давида с диофизитами». Согласно этому сказанию, постройка Феодосиополя была поручена Феодосием II означенным вардапетом Моисею и Давиду, которые приступили к постройке, вернувшись на родину.

«Они построили башню, хосроевскую и бесстрашную противмашин и возвели три стены на одном фундаменте. Было приказано откопать и снести всю землю промеж трех стен и прокопать до центра города; затем засыпали глубокий ров неотесанными и громадными глыбами и известью и на одном фундаменте возвели три стены. Внутри со стороны города приделали к стене двести ступеней, спускавшихся все ниже и ниже, дабы не пошатнулась стена от подкопа. Равным образом и снаружи были приделаны двести ступеней, одна ниже другой, для безопасности от подкопов врага. Были придуманы и другие средства на случай, если нападут неприятели, осадят город и закроют пути в город. Они устроили подземные ходы в городе: умудрились подкопать глубоко под землей и довести подкоп до поля, на полдня пути от города, до того места, где стоят воды и образуют шамб, заросшее тростником болото; этим путем в случае осады города, они могли бы доставлять корм для скота и тростник для топлива, а неприятели ничего не знали бы об этом. На другой стороне также провели подземный ход до горы, называемой айцу-путкунк—козьи соски и завалили его большими камнями; в случае надобности конницы, можно было бы посылать за ней и въезжать в город верхом, без ведома врага.

Что касается воды, то все обстоит прекрасно, именно так, как следует; нет никого в городе, богатого или бедного, кто бы не мог пользоваться водой из подземных водопроводов. Дворцы и башни—прекрасны и выстроены из резных камней; улицы и площади, бойни и рынки—безукоризненной чистоты; церкви поражают зрителей; ворота города— высокие и широкие, стены приличные и башни все хосроевские»[68].

Быстрый рост Феодосиополя, расположенного на главном пути из Арташата в Малую Азию и в Понт, объясняется, несомненно, тем, что он, являясь административным центром имперской Армении, был, вместе с тем, узловым пунктом для внутренних и международных торговых сношений.

Относительно внутренней жизни и внутреннего устройства перечисленных выше городов мы почти не располагаем данными. Из косвенных указаний Хоренского и Иоанна Католикоса можно усмотреть, что по своему социальному положению горожане стояли выше сельчан и пользовались определенными льготами[69]. Но в чем именно заключались эти льготы и особенности внутреннего устройства городов, невозможно, к сожалению, выяснить за скудностью данных.

§ 24. ГЛАВНЫЕ ТОРГОВЫЕ ПУТИ АРМЕНИИ ПО TABULA PEUTINGERIANA

Главные пути Армении римской эпохи подробно указаны в географической карте tabula Peutingeriana, составленной, по мнению германского ученого Конрада Миллера, во второй половине четвертого века н. эры римским географом Касторием. Карта эта переиздана и подробно комментирована Кон. Миллером в его объемистом труде Itineraria Romana, Romische Reisewege an der Hand der tabula Peutingeriana (Stuttgart, 1916). Однако пути, проходившие через древнюю Армению, как увидим ниже, им разъяснены крайне неудачно.

Точное определение узловых пунктов и станций, обозначенных на означенной карте, имеет значение, прежде всего, для выяснения направлений международных транзитных путей, идущих из Китая и Средней Азии через Экбатану и Арташат к южным, восточным и северным портам Черного моря, а также для установления линий сообщения, шедших из Арташата в Тигранокерт и в Гармозику. Кроме того, уяснение спорных вопросов об этих крайне важных путях древней Армении имеет также значение для освещения целого ряда других проблем, связанных с историей войн, происходивших на территории Армении.

Следует отметить, что tabula Peutingeriana в части, касающейся Армении, недостаточно изучена историками арменоведами. Объясняется это тем, что прежние комментированные издания tabula Peutingeriana не были доступны широкому кругу местных армянских ученых. В настоящее же время сегменты X4—XII2 этого незаменимого источника расшифрованы почти полностью в моих историко-географических работах, изданных в последние десятилетия[70].

---

[67] *Моисей Хоренский*, III, 59. Ср. перевод Эмина, М., 1893, с. 200 и перевод Адонца—«Армения в эпоху Юстинианa», с. 148.

[68] См. *Адонц*, Армения в эпоху Юстинианa, с. 149. Ср. древнеармянский текст, изданный Конибером в журнале венских мхитаристов «Андес Амсоря», 1903, май.

[69] *Хоренский*, II, 8 и Иоанн Католикос, История Армении, Тифлис, 1912, с. 88.

[70] После выхода в свет первого издания настоящего труда, в котором име-

Чтобы облегчить дальнейшее изучение любопытных сведений римской карты Кастория, мы проводим ниже линии дорог, пересекающих Армению, все станционные посты и расстояния между ними.

1. Artaxata — Satala

Магистральный путь из Арташата в Саталу в tabula Peutingeriana представляется в следующем виде: Artaxata 23 Paracata 33 Coloceia (Zotozeta Ra) 24 Hariza 24 Raugonia (Ragauna Ra) 24 Colchion 24 Chadas 17 Armanas 12 Andaga (Andagas Ra) 26 Barantea 30 Adconfluentes 10 Datamisa 20 Tharsidarate 15 Autisparate 12 Calcidava (Chalchidara Ra) 15 Sinara 22 Lucus Basaro 15 Aegea (Egea Ra) 20 Darucinte 20 Salmalasso 20 Satala[71].

В тексте нашем напечатаны прописными буквами те станционные пункты, около которых в Таблицах Певтингера имеются две башни. Башни эти, как полагают Миллер и Маркварт, указывают, что эти пункты были значительными городами или военными постами[72]. Ra означает Ravennatis Anonymi Cosmographia (ed. Pinder et Parthey), в которой имеются ценные разночтения станционных названий. Цифры между станционными пунктами обозначают римские мили (milia passus = 1,4815 km).

Все расстояние между Арташатом и Саталой, как мы видим, составляет 406 римских миль или около 600 километров. Это расстояние вполне реально и соответствует действительно расстоянию между этими пунктами.

Древний город Сатала, ныне деревня Садаг, существует и по настоящее время и находится около реки Келкид. Как уже указали, известно также местоположение древней столицы Армении Арташата. На основании вполне определенных сообщений Страбона (XI, 14, 6) и армянского историка Моисея Хоренского, как мы видели, этот знаменитый город находился у слияния реки Мецамора с Араксом, недалеко от нынеш. Хор-Вирапа.

Кроме этих двух узловых центров, разъяснены мною ниже названия и местоположения еще 9 станций: двух (Coloceia, Hariza)—на линии Арташат—Багаван и семи (Chadas, Armanas, Andaga, Barantea, Calcidava, Lucus Basaro и Darucinte)—на линии Багаван—Сатала. Благодаря приведенным мною новым данным и соображениям вопрос о направлении рассматриваемых линий получает, как увидим, значительно иное освещение и спорные пути устанавливаются более точно и более обоснованно, чем это сделано в предыдущих трудах.

Линии Сатала—Арташат и Тигранокерт—Арташат, как видно из данных Таблиц Певтингера, соединялись в узловом пункте Raugonia или Ragauna и оттуда шли в Арташат через одни и те же станции— Hariza, Coloceia, Paracata. Следовательно, для определения направления этих дорог необходимо, прежде всего, выяснить местоположение Raugonia.

Конрад Миллер в своих комментариях и пояснительной карте, помещенных в Itineraria, местоположение Raugonia—Ragauna предполагает на берегу нынешней реки Суук-су, к северо-востоку от Ванского озера. Направление же пути из Саталы в Арташат он определяет через Ашкала—Сенгарич—Агверан—Ахлат—Адельдживас, т. е. вдоль северных берегов Ванского озера[73].

У Рихарда Киперта в подробной карте Малой Азии Raugonia помещена в нынешнем Парнауте, лежащем к югу от реки Аракса между Кульпом и Кагызманом. Поэтому путь из Саталы в Арташат он предполагает через Пекеридж—Илиджа—Кеприкей—Караурган—Сарыкамыш—Кагызман—Парнаут—Кульп[74].

Попытки Киперта и Миллера определить местонахождение Raugonia не могут быть признаны удачными. Марквартом совершенно правильно выяснено, что Raugonia или Ragauna, как и Sagauana у Птолемея (V, 12, 7), соответствуют древнеармянскому Багаван (=Bagauna)[75]. Чтение Bagauna вм. Ragauna графически, несомненно, легко объяснимо и тожество Bagauna с древнеармянским Багаваном, как видим, вполне ясно и очевидно. Таким образом, вопрос о местоположении этой важной узловой станции можно считать окончательно выясненным. Багаван, как известно, находился не на берегу реки Суук-су и не в нынешнем Парнауте, а был важным пунктом в древнеармянской области Багреванде и находился к северо-западу от нынешн. Диадина, там, где ныне монастырь Сурб-Карапет.

лась особая глава о главных путях древней Армении (с. 101—124), были напечатаны по данному вопросу следующие мои новые работы: 1. «Древние пути Армении», Изв. Инс. Наук и Искусств ССРА, Ереван, 1931, № 5, с. 65—89; 2. «Мелкие исследования», Ереван, 1932, с. 13—20 («Станция Hariza Таблиц Певтингера»); 3. «Главные пути древней Армении», Ереван, 1936, с. 5—270.

[71] См. Itineraria Romana, с. 676—677.

[72] *K. Miller*, Itineraria Romana, XLIV и *J. Markwart*, Südarmenien und die Tigrisquellen nach griechischen und arabischen Geographen, арм. журнал „Handes Amsorya", 1913, с. 530.

[73] См. *K. Miller*, Itineraria Romana, S. 676—677, 746—748.

[74] *R. Kiepert*, Atlas von Kleinazien in 24 Blättern, 1902—1906.

[75] *J. Markwart*, Die Entstehung und Wiederherstellung der armenischen Nation, Berlin, 1919, S. 69, прим. 10.

Отожествление Bagauna с Багаваном дает возможность установить направления путей как Bagauna—Artaxata, так и Bagauna—Satala и Bagauna—Tigranocerta.

В Таблицах Певтингера на первом пути обозначены станционные пункты Bagauna 24 Hariza 24 Coloceia (Ra Zotozeta) 33 Paracata 23 Artaxata (всего 104 римских мили или 154 километра).

Из этих пунктов Paracata соответствует, как правильно выяснено В. Бельком[76], древнеармянскому Парахоту, который упоминается у армянских историков Моисея Хоренского[77] и у Анонима[78]. В. Бельку, после произведенных им разысканий на месте, удалось установить, что древний Парахот находился на месте развалин, известных под названием Булаг-Баш, в пяти километрах к юго-востоку от нынешнего селения Ташбуруна.

Приурочиванием Paracata к нынешнему Булаг-Башу, мне кажется, выясняется также положение станции Coloceia (Ra Zotozeta), которая отстояла от Paracata на расстоянии 33 римских миль или 49 км, а от Hariza—на расстоянии 24 римских миль или 36 км. Coloceia (Ra Zotozeta) я предлагаю исправить в Zolocerta (Colo-, Zoto=Zolouceia, Zeta=certa). При этой вполне приемлемой конъектуре Zolocerta будет соответствовать древнеармянскому Дзохкерту, названному у Хоренского Цолакертом. Местоположение его, неправильно определенное мною в первом издании настоящего труда, как подробно выяснено в последующих моих работах[79], следует предположить на расстоянии около 26 километров к северу от Каравансарайского перевала, в предгорной местности к юго-западу от Хош-Хабара и Н. Чарухчи. Можно считать, как я полагаю, более чем вероятным, что упомянутая у Птолемея Ζογοκάρα (77°15′д. и 42°20′ш.), местоположение которой указано им к юго-западу от Арташата, тожественна с вышеозначенным Zolocerta—Дзохкертом.

Следует отметить, что В. Бельк[80], придерживаясь крайне спорного указания Хоренского и полагая, что Дзохкерт—Цолакерт отстоял от Парахота «на расстоянии полудневной ходьбы мужа-пешехода»[81], местонахождение Цолакерта определяет в

[76] *W. Belck*, Beiträge zur alten Geographie und Geschichte Vorderasiens, II Leipzig, 1901, S. 83—92.

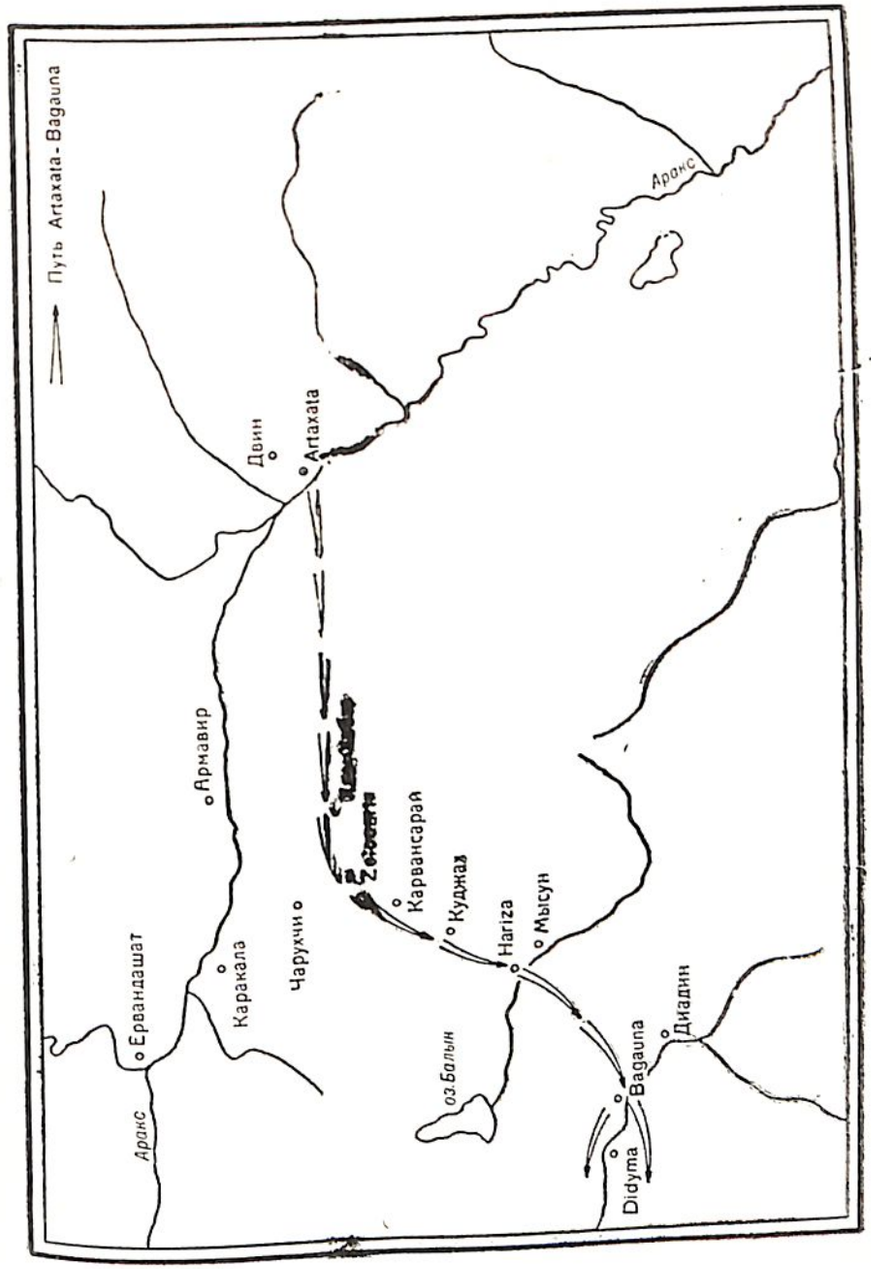
[77] *Моисей Хоренский*, История Армении, перев. Н. О. Эмина, М., 1893, с. 21 (1, 2).

[78] См. у *Себеоса*, История Армении, изд. Патканова, СПб., 1879, с. 7.

[79] См. «Мелкие исследования», Ереван, 1932, с. 3—21 и «Главные пути древней Армении», Ереван, 1936, с. 27—35, 236.

[80] *Belck*, Beitgräe, II, S. 87, 91.

[81] *Хоренский*, I, 12.

6—7 километрах к юго-западу от нынешней деревни Ташбуруна и в 12—14 километрах к западу от древнего Парахота. Это объяснение явно ошибочно. Расстояние, указанное Хоренским, ввиду искажений и разночтений в рукописях Хоренского, ученые понимают разно. Алишан, например, свидетельство это толкует иначе и то же расстояние считает равным не полудневному, а дневному пути пешехода»[82]. Мне кажется, неправильно и это предположение. На самом же деле, согласно вышеуказанному свидетельству Хоренского, как подробно выяснено в моей работе «Главные пути древней Армении»[83], Цолакерт отстоял от Парахота «на расстоянии полуторадневной большой ходьбы мужа-пешехода».

При этом толковании местоположение Цолакерта устанавливается точно в вышеуказанной предгорной местности к северу от Каравансарая.

Следующая станция Hariza, лежавшая на расстоянии 24 римских миль или 36 километров к югу от Дзохкерта—Цолакерта, отожествлена мною с нынешним местечком Арудж[84] (ср. «Арудж» у армянского историка Леонтия, гл. 34, стр. 140—141), расположенным недалеко от нынешнего Мысуна, на расстоянии около 10 километров к югу от Каравансарайского или Куджахского перевала. Древнее название нынешнего Аруджа было, по-видимому, «Haritsh», каковое название соответствует, как видим, названию станционного пункта Hariza. Предложенное же мною предположение о местоположении Hariza подтверждается еще тем, что расстояние между Bagauna и Hariza, показанное в Таблицах 24 рим. м. или 36 км., соответствует точь-в-точь расстоянию между Багаваном (нын. Учь-Килиса) и нынешним Аруджем.

Выяснением местоположений станционных пунктов Zolocerta и Hariza разрешается вопрос о направлении линии Artaxata—Bagauna. Линия эта пролегала не через Кагызман и не через Чингильский перевал, как полагали Киперт и Бельк, а из Zolocerta поворачивала на юг и спускалась в Багаван через Каравансарайский или Куджахский перевал, лежавший недалеко от древнего озера Гайлату, нынеш. Балыкгель, приблизительно в 10 километрах к северу от Hariza—Аруджа.

Определением местоположения древнего перевала, через который пролегала линия Artaxata—Bagauna, устанавливается не только путь вторжения римских легионов Помпея и других полководцев в область Айрарат, но также и вероятный путь передвижения халдов в приараксинские долины и в древний Армавир.

[82] См. *Алишан,* Айрарат, Венеция, 1890, с. 487.

[83] Ереван, 1936, с. 29—30 и сл.

[84] На десятиверстной карте бывшего Генерального штаба местоположение Аруджа указано в нескольких километрах к западу от Мысуна на берегу Балых-чая.

Через этот именно перевал следует предположить также транзитный путь международной торговли и движение караванов, идущих из Китая и Средней Азии в порты Черного моря. В правильности этого предположения можно убедиться, если иметь в виду расположение городов Армении римской эпохи. Особенно интересно в этом отношении, что один из наиболее крупных торговых центров Аршакидской Армении, город Ервандашат, названный у Фауста «великим городом», лежал недалеко от участка означенной транзитной линии близ места слияния Ахуряна, нынешнего Арпа-чая, с Араксом. К югу от горного хребта Агри-дага и Каравансарайского перевала, недалеко от узловой станции Багавана, находился другой город Зарехаван. Мне кажется, уже само это местоположение Ервандашата и Зарехавана может служить указанием, что магистральный путь из Арташата в Багаван пролегал не через Игдыр-Чингильский перевал—Баязет, а через Каравансарайский или Куджахский перевал по выясненной нами линии из Дзохкерта через Арудж в Багаван.

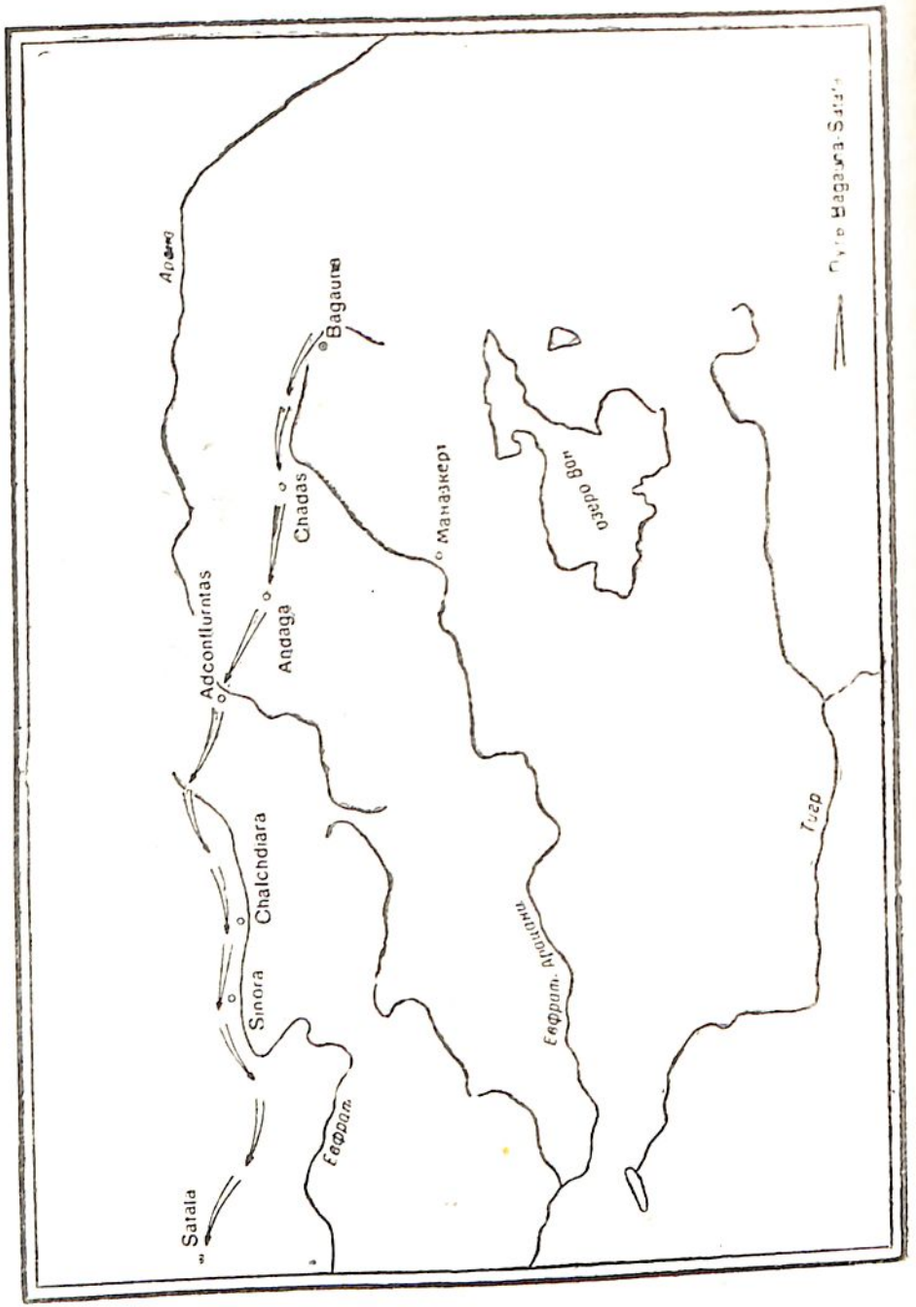
На основании целого ряда других указаний можно также с уверенностью утверждать, что район Каравансарайского перевала и вся горная местность к востоку от озера Гайлату имели первостепенное стратегическое значение и, являясь воротами Центральной Армении, охранялись могущественными крепостями. Развалины этих крепостей сохранились до наших дней и подробно описаны С. Гайкуни в его интересной работе «Багреванд»[85].

В вышеозначенной горной области к востоку от озера Гайлату находились, как подробно выяснено в моей работе «Главные пути древней Армении» (стр. 41—45 и 238), упомянутые у Страбона (XI, 14, 6) укрепления Ὀλανή (=castellum Volandum у Тацита, Анналы, XIII, 39) и Βάβυρσα. Поэтому и путь римского полководца Корбулона определяется из Внутренней Армении через Кеприкей в Багаван (Учь-Килиса) и оттуда через Арудж в горный район Каравансарайского перевала, где были осаждены и взяты им замок Volandum и другие укрепления. Можно также предположить, что Βάβυλα Птолемея, местонахождение которого указано им недалеко от Σαγαυάνα (=Багаван) и Σογοκάρα (=Zolocerta), тожественна, вероятно, с Βάβυρσα Страбона.

По описанию Таблиц Певтингера, путь из Арташата разветвлялся с узловой станции Bagauna, причем одна линия шла в Саталу, а другая—в Тигранокерт.

Общее направление первого пути устанавливается, с полной очевидностью, из Багавана, лежавшего к северо-западу от нынешнего Диадина, к югу от горной цепи Агридага, там, где ныне проходит большая караванная дорога через Каракилису в Эрзерум.

[85] Вагаршапат, 1894, с. 363—365 (на арм. яз.).

Кроме Bagauna—Багавана и Satala—Cagara, из перечисленных выше станционных пунктов правильно определено на этой линии местонахождение только одной станции Adconfluentes, лежавшей на расстоянии 133 римских миль или 197 километров от Багавана и 169 римских миль или 250 километров от Саталы. Рихард Киперт приурочивает Adconfluentes к месту впадения Пасин-су в Аракс, около нынешнего Кеприкея. И действительно, судя по вышеозначенным дистанциям, приблизительное местоположение Adconfluentes недалеко от Кеприкея более чем вероятно, и как увидим, подтверждается новыми разъяснениями, приведенными ниже, о местонахождении станционных пунктов Calcidava (Ra Chalchidara) и Armanas.

Между Bagauna и Adconfluentes лежали следующие станционные пункты: Bagauna 24 Colchion 24 Chadas 17 Armanas 12 Andaga (Ra Andacas) 26 Barantea 30 Adconfluentes.

Относительно названия и расположения станции Colchion, лежавшей на расстоянии 24 римских миль или 36 километров к западу от Багавана, не имеются указания. Местонахождение ее следует предположить недалеко от теперешней Каракилисы. Следующая станция Chadas (с двумя башнями), лежавшая на расстоянии 48 римских миль или 72 километров к западу от Багавана, была, несомненно, важным пунктом в Алашкертской равнине. Эта станция сопоставлена мною с нынешним Хаздаром (Хасдур, Ханзыр), близ которого найдена клинообразная надпись урартийского царя Менуи. По мнению Леманна, Хаздар был главным центром халдской эпохи в Алашкертской равнине[86]. Из сообщений же Гайкуни[87] видно, что в древнее время Хаздар был городом-крепостью, следы которой сохранились до нашего времени. Маркварт считает вероятным[88], что название станции Chadas имеет связь с именем епископа Багреванда и Аршаруниев Хада, назначенного заместителем католикоса Нерсеса I[89]. Правильность нашего предположения о тожестве Chadas с Хаздаром подтверждается тем, что расстояние между Bagauna и Chadas, показанное в Таблицах 48 римских миль (=72 км.), соответствует расстоянию между Багаваном и нынешним Хаздаром.

Следующая за Chadas станция Armanas, лежавшая на расстоянии 17 римских миль (=25 км.) от Chadas, как было отмечено

---

[86] *Lehmann-Haupt C. F.*, Armenien einst und jetzt, Bd. II, 2, Berlin, 1931 S. 742.

[87] *С. Гайкуни*, Багреванд, Вагаршапат, 1894, с. 17, 178—185.

[88] *Markwart*, Die Entstehung der armenischen Bistümer, hrsgg, von J. Messina, Rome, 1932.

[89] См. *Фауст*, История Армении, Венеция, 1889, с. 108—111 (IV, 12).

но мною и было правильно указано также Марквартом[90], тожественна с упомянутой у армянского историка Лазаря Парпского (II, гл. 30) деревней Арамана. По рассказу Лазаря, Вардан Мамиконян, направляясь из Персидской Армении в Византийскую, остановился для отдыха в деревне Арамана, которая находилась в области Багреванде, недалеко от Баснана и Товарацатана. Из этого свидетельства ясно видно, что деревня Арамана лежала на пути из Айрарата в Феодосиополь между нынешним Пасеном и Алашкертской равниной. Следовательно, деревня Арамана как по названию, так и по местоположению совпадает с станционным пунктом Armanas, который отстоял от Багавана на расстоянии 65 римских миль (=97 км.).

Ближайшая станция Andaga (Andacas у Анонима Равенского), около которой в Таблицах Певтингера имеются две башни, отстояла от Armanas на расстоянии 12 римских миль (= 18 км.). По своему названию она соответствует древнеармянскому Антаку, который упоминается у Алишана в «Айрарат»-е (стр. 52). Следует также указать, что на десятиверстной карте бывшего Генерального штаба недалеко от прохода Карадербента, приблизительно в 6—7 км к западу от него, отмечена деревня Эндэк, название которой почти совпадает с Andaga. Положение древнего Антака, соответствующего Andaga Таблиц, в точности неизвестно.

Следующая за Andaga (Ra Andacas) станция Barantea, лежавшая на расстоянии 26 римских миль (=39 км) от Andaga, находилась, очевидно, в Верхнем Баснане приблизительно в 45 км (=30 римских миль) к северо-востоку от нынешнего Кеприкея (=Adconfluentes).

По свидетельству Моисея Хоренского (II, гл. 6), область Верхнего Баснана в древнее время называлась также Вананд. Можно поэтому предположить, что название станции Barantea, которое должно быть исправлено в Banantea, соответствует древнеармянскому Vanand, род. пад. Vanandeay. Область эта, вероятно, названа Вананд по имени главного пункта области Banantea, сохраненного в Таблицах Певтингера.

Под станционным пунктом Adconfluentes следует, согласно рисунку Таблиц, разуметь не самое место слияния Пасин-су с Араксом, как ошибочно полагает Рихард Киперт, а предшествующую станцию. Местоположение этой станции, как подробно выяснено в моей работе «Главные пути древней Армении» (стр. 60—62), можно предположить на месте нынешней Хасан-Калы. Это видно из того, что указанное в Таблицах расстояние между станциями Chalchdiara (=Халдой-арич) и Adconfluentes в 57 римских миль (=85 км) соответствует почти точно протяжению пути из Халдой-арича (нынешнего Калдарича) в Хасан-Калу.

[90] *Markwart*, Le berceau des arméniens, Revue des études arméniennes, Paris, 1928, VIII, fasc. 2, p. 227.

На дальнейшем участке пути в Таблицах Певтингера обозначены следующие станционные пункты: Adconfluentes 10 Datamisa 20 Tharsidarate 15 Autisparate 12 Calcidava (Ra Chalchidara) 15 Sinara 22 Lucus Basaro 15 Aegea (Ra Egea) 20 Darucinte 20 Salmalasso 20 Satala.

Относительно названий и местоположений трех станционных пунктов Datamisa, Tharsidarate и Autisparate в древнеармянских источниках нет указаний. Не может быть, однако, никакого сомнения, что следующая за Autisparate станция Calcidava (Chalchidara у Анонима Равеннского) соответствует древнеармянскому Халдой-аричу, тожественному с нынешней деревней Калдарич, находящейся около переправы через Евфрат недалеко от нынешней Ашкалы.

На пути из Багавана в Саталу в Таблицах Певтингера обозначены две большие реки: река Аракс между станциями Barantea и Adconfluentes и река Евфрат, нынешний Кара-су—около станции Calcidava или Chalchidara (Ra). Конрад Миллер, игнорируя приведенные указания Таблиц на расположение этих рек, отождествляет их с древнеармянским Мурцом, называемым ныне Егри или Араз, и с Евфратом—Арацанием, нынешним Мурад-чай[91].

Согласно указанию Таблиц переход через Евфрат (Кара-су) совершался недалеко от Calcidava. Указание это крайне ценно. По пути из Cagara в Кеприкей, как раз около переправы через Евфрат, находится и ныне деревня Калдарич, которая тожественна с древнеармянским Халдой-арич. Это любопытное совпадение недостаточно оценено исследователями Таблиц. У Конрада Миллера станция Calcidava (Ra Chalchidara) отождествлена с развалинами Arablarmezar или нынешней Каракилисой, лежащей на расстоянии 10—15 километров к северу от реки Егри или Араз[92], а у Рихарда Киперта местоположение той же станции предположено на месте нынешней Илиджи, расположенной между Карасу и Эрзерумом. Последнее предположение неправильно уже потому, что местоположение станции Calcidava отмечено в Таблицах, не по левую, а по правую сторону реки Евфрата—Кара-су.

Calcidava или Chalchidara (Ra) я предлагаю исправить в Chalchdiara или в Chalchdiaris и полагаю, что название это соответствует древнеармянскому Халдой-аричу, тожественному с нынешним Калдарич.

Ближайшая станция Sinara правильно отождествлена Конрадом Миллером[93] с крепостью Синорией (Σινορία у Страбона

[91] См. Itineraria Romana, S. 745—746, пояснительная карта № 242.

[92] Там же, с. 638, 677.

[93] Там же, с. 676—677.

XII, 3, 28; Σινωρα у Плутарха, Pomp. XXII, 6), упомянутой у Страбона и других античных авторов.

Местонахождение Синории подробно рассмотрено и выяснено мною в историко-географическом моем исследовании «Главные пути древней Армении» (стр. 66—73 и 240)[94]. Древняя Σινωρία, Σίνωρα, , или Sinara, лежавшая на расстоянии 15 римских миль (=22 км) к западу от Chalchdiara, была укрепленным местом и казнохранилищем Митридата Евпатора. По рассказу Плутарха, преследуемый Помпеем Митридат укрылся именно в этом укреплении, в котором хранились его сокровища, и оттуда бежал в Колхиду[95]. Синория, согласно свидетельству Страбона, была значительным укреплением в Понтийском царстве Митридата и «находилась на границе с Великой Арменией, почему Теофан и назвал ее Синорией»[96].

Исходя из этого последнего сообщения Страбона и имея в виду положение станционного пункта Sinara на берегу Евфрата—Кара-су, можно точно установить границу между Понтийским царством Митридата и Великой Арменией. На пути из Калдарича в Садаг, местоположение станции Sinara, лежавшей в 22 километрах (=15 рим. миль) от Калдарича, находилась, конечно, не на месте нынешнего Сенгарича около Эрзерума, как полагал К. Миллер[97], и не около нынешней Аладжи, как обозначено на карте Р. Киперта, а на южных склонах Коп-дага, между нынешними Ашкалой и Личем. Следовательно, и граница между Понтийским царством и Великой Арменией устанавливается с полной определенностью в районе между Ашкалою и горным массивом Коп-дага.

Местоположение следующей станции Lucus Basaro (=«роща Basaro»), лежавшей на расстоянии 22 римских миль (=33 км) от Sinara, можно предположить в упомянутой у древнеармянского историка Асохика долине Багарича[98]. При конъектуре Bagara вм. Basaro (Г вм. С), станция эта может соответствовать древнеармянскому Багаричу (срв. Chalchdiara=Халдой-арич). Местоположение Lucus Basaro, как подробно указано в моей работе «Главные пути древней Армении» (стр. 73—76), устанавливается не в самом нынешнем Багариче, а в окрестностях его, на правом берегу реки Евфрата.

---

[94] Сравни также мою статью «Маршруты Понтийского похода Помпея и путь отступления Митридата в Колхиду». Вестник древн. ист., 1940, № 3—4, с. 95—96.

[95] *Plut*, Pomp. XXII.

[96] *Strabo*, XII, 3. 28 (перевод Мищенка, с. 566).

[97] Там же, с. 677.

[98] *Асохик*, Всеобщая история, III, гл. 27, с. 251 (СПб., 1885).

В первом издании настоящего труда следующая за Lucus Basaro станция Aegea (Egea у Анонима Равеннского) была отождествлена мною согласно с К. Миллером[99] с древней Елегией римских источников. Предположение это, однако, оказалось ошибочным. Местонахождение Елегии, как правильно указано в исторических трудах, следует предположить на месте нынешней деревни Илиджа, лежащей недалеко от Эрзерума и близ источников реки Евфрата[100]. Таким образом, как видим, как название, так и местоположение станции Aegea (Egea Ra), лежавшей на расстоянии 15 римских миль (=22 км) от Lucus Basaro, остаются пока невыясненными.

Следует отметить, что путь Calcidava—Sinara—Satala, как отмечено в моей работе «Главные пути древней Армении» (стр. 75), шел не через Мамахатун в Эрзингян, а по другой линии, которая упомянута в топографических очерках В. Штреккера. «Из Эрзерума в Эрзингян,—говорит Штреккер,—существует еще другой, несколько кратчайший путь, бывший прежде в большом употреблении, так как он частью входил в прежнюю главную караванную дорогу из Эрзерума в Константинополь (ныне оставленную с устройством пароходного сообщения между последним и Трапезунтом). Путь этот идет через Илиджу на Ашкалу... В $1^1/_2$ часах от Ашкалы начинаются Шоганские ханы, тянущиеся на пространстве часов двух вдоль правого берега Евфрата»[101]. Мне кажется, что именно по этой древней линии и по правому побережью Евфрата следует предположить путь Calcidava—Sinara—Lucus Basaro, который затем уклонялся по направлению к Aegea.

После станции Aegea в Таблицах значатся станционные пункты Darucinte 20 Salmalasso 20 Satala. К сожалению, ни Darucinte ни Salmalasso точной локализации пока не поддаются. Относительно Darucinte мною было высказано предположение[102], с оговоркой, что название этой станции, находившейся, по-видимому, в древнеармянской области Дерджане, могло иметь связь с названием Derxene—Дерджан и, быть может, подлежит исправлению в Darxinte.

---

[99] См. Itineraria Romana, c. 676.

[100] См. *F. Justi*, Geschichte Irans, Grundriss der iranischen Philologie, Bd, II, Strassburg, 1904, S. 508; ср. мои работы – „Главные пути древней Армении", с. 76—78 и „Маршруты Понтийского похода Помпея", Вест. древн. истории, 1940, № 3—4, с. 95 и 98.

[101] См. *В. Штреккер*, Топографические очерки Верхней Армении, перев. Н. Астафьева, Материалы для географии Азиатской Турции, Тифлис, 1874 (Приложения к тому III «Изв. Кавк. отд. Русск. Геогр. Общ.»).

[102] См. «Главные пути древней Армении», с. 80—82.

2. Artaxata—Tigranocerta

На древнем пути от Арташата в Тигранокерт в Таблицах Певтингера значатся следующие станционные пункты:

Artaxata 23 Paracata 33 Coloceia (Ra Zotozeta) 24 Hariza 24 Raugonia (Ra Ragauna) [39 Catispi 27 Sorue 24 Anteba 24 Nasabi 17] Isumbo 15 Flegoana 15 Dagnevana (Ra Dognavana) 26 Molchia 32 Vastauna (Ra Bastavena) 26 Patansana (Ra Patransana) 27 Dyzanas (Ra Dizanas) 22 Cymiza 20 Zanserio (Ra Zancerion) 30 Tigranocarten[103].

Цифры и названия в прямых скобках обозначены в Таблицах также в смежной дороге из Арташата в Экбатану. Вполне ясно, что одни и те же станции по ошибке переписаны два раза. Эти станции, как выяснено мною в моем подробном исследовании «Главные пути древней Армении» (стр. 85—86), являются станционными пунктами линии Artaxata—Gobdi—Paresaca. Аноним Равенский, пользовавшийся более древним и лучшим экземпляром Таблиц, вместо этих станций упоминает Didyma, Indua и Arachia, которые находились, как мы увидим, действительно, на линии Artaxata—Tigranocerta. Расстояния между ними, к сожалению, у Анонима не обозначены.

По описанию Таблиц Певтингера, путь из Арташата разветвлялся, как было сказано выше, с узловой станции Bagauna, причем одна линия шла в Саталу, а другая—в Тигранокерт.

На этой последней линии из перечисленных выше 14 станций первоначально западноевропейским ученым были известны лишь начальная станция Багаван и конечная—Тигранокерт. Преобладающее же большинство остальных станций подробно рассмотрено и истолковано только в последние десятилетия.

Вышеозначенная линия от Багавана в Тигранокерт в пояснительной карте Миллера указана вдоль южного побережья Ванского озера или же через Парнаут, Мелазгерд, Муш, Битлис.

Неприемлемость предположений Миллера очевидна. Им неправильно указаны не только местонахождение Bagauna, но также и положение конечного пункта Тигранокерта. Следовательно, неудачно определены Миллером как начальная и конечная точки линии, так и все станционные пункты.

Вторая ошибка западноевропейских ученых заключается в том, что они станционные посты Dagnevana и Vastauna отождествляют с Датваном (ныне Тадзан) и Востаном, лежавшими на побережье Ванского озера[104]. Сопоставления эти, как указано Миллером, находятся в явном противоречии со станционными расстояниями в Таблицах Певтингера. И действительно, на пути из Тигранокерта в Багаван Dagnevana значится седьмой станцией, а Vastauna—пятой. Расстояние между Тигранокертом и Dagnevana показано 183 римских мили, или 271 км., а между Тигранокертом и Vastauna—125 римских миль или 185 км. На самом же деле отождествляемый с Dagnevana нынешний Тадван, расположенный на юго-западном берегу Ванского озера, находится на более близком расстоянии от Тигранокерта, чем отождествляемый с Vastauna Востан, который лежит на юго-восточном берегу Ванского озера, против острова Ахтамар.

Можно поэтому с уверенностью заключить, что указанное совпадение названий случайное, и для определения линий Тигранокерт—Багаван такое совпадение не имеет, конечно, никакого значения.

Местоположение Тигранокерта, как было сказано выше, выяснено немецкими учеными В. Бельком и К. Леманом. После тщательных изысканий, произведенных в окрестностях нынеш. Сгерта и Фаркина, Тигранокерт отожествлен ими с нынешним Фаркином, и с этим мнением согласны теперь все арменоведы.

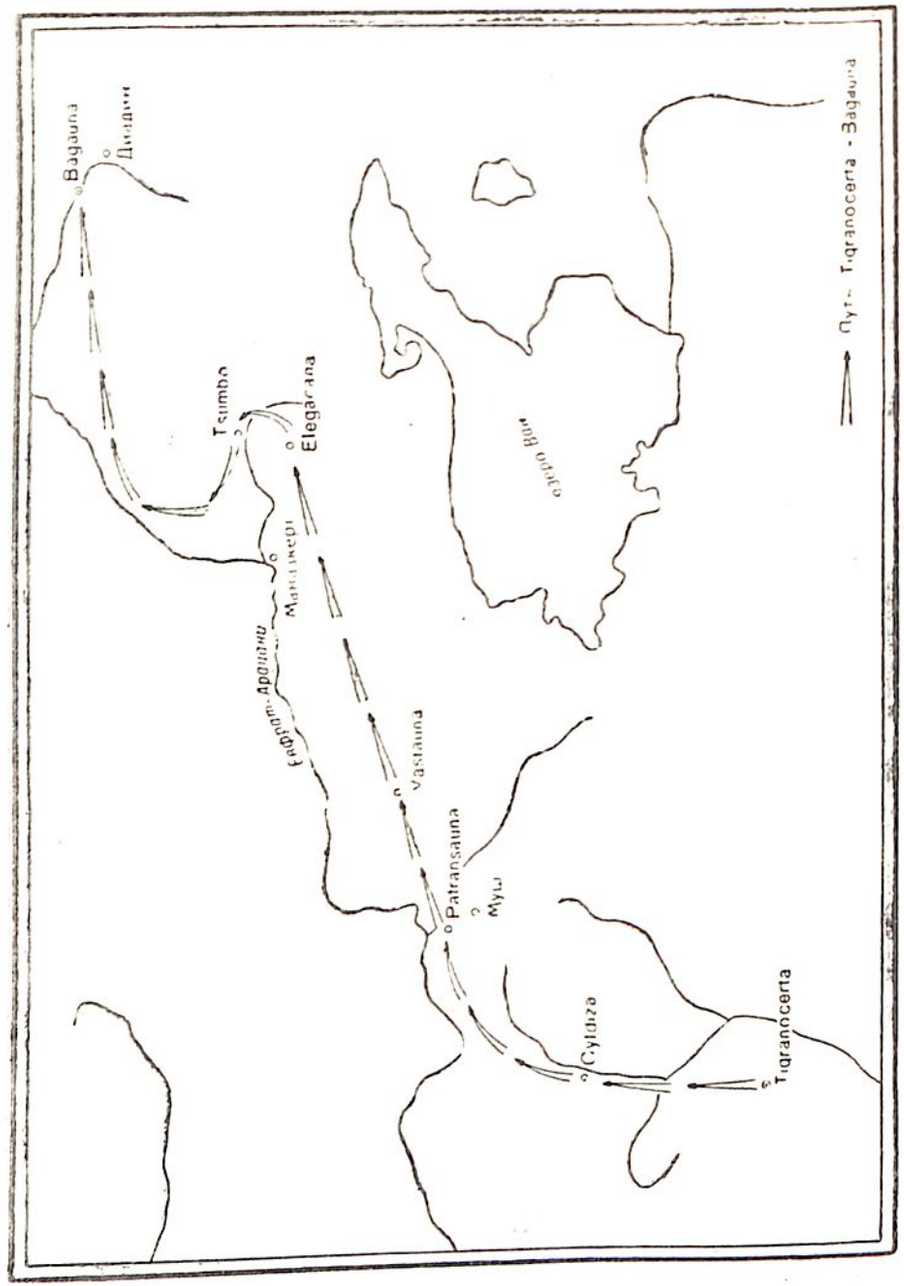
Приурочиванием Raugonia к Багавану и Тигранокерта к нынешнему Фаркину вопрос о направлении рассматриваемого пути выясняется с полной определенностью. Путь этот, как увидим, шел из области Багреванда, в котором находилась узловая станция Багаван, через области Апахунию и Харк в область Тарон и оттуда через нынешние Шеник и Перджики спускался в Фаркин—Тигранокерт.

Следующие за Bagauna станции Таблиц—Nasabi, Anteba, Sorue и Catispi—как было сказано выше, являются станционными пунктами смежной дороги из Арташата в Экбатану. На линии же Artaxata—Tigranocerta находились после Bagauna, как свидетельствует Аноним Равенский, станции Didyma, Indua и Arachia. И действительно, станция Didyma, следующая за Bagauna, как правильно было указано Хачатряном (в тезисах к докладу, прочитанному им в Институте истории культуры СССР), существует и поныне под древним именем Дидем. Тождественная с Didyma нынешняя деревня Дидем лежит к западу от Багавана, около левого берега реки Арацания.

Относительно названия и расположения станционного пункта Indua древнеармянские источники не дают нам указаний. Упомянутая же у Анонима Равенского станция Arachia, как я полагаю, может быть сопоставлена с названием области Archene (см. Plin., Hist. Nat. VI, 31, 1—3, изд Littré, Paris, 1883, стр. 260—261), через которую протекала река Евфрат—Арацаний. По мнению Маркварта, область Archene, по-видимому, тождественна с древнеармянским Harkh'ом и в древнейшее время включала в

[103] См. Itinerarla Romana, с. 745—748.

[104] См. *Miller*, Itinerarla Romana, S. 745 и J. Markwart, Südarmenien und Tigrisquellen, „Handes Amsorya", 1914, S. 106.

себя, кроме Harkh-a древнеармянских источников, также и Апахунию и другие смежные районы[105]. Если признать связь Arachia с Archene, то можно предположить, что вышеозначенная область была названа Archene по имени главного пункта области Arachia, сохраненного в Таблицах Певтингера. Различие окончаний этих названий Arch-ene и Arach-ia, легко объяснимо, если иметь в виду, что древние Kommag-ene, Melit-ene и Mati-ene в греческой надписи на северной стене Фаркина—Тигранокерта называются соответственно—Kommag-ia, Melit-ia и Mat-ia[106].

Для определения направления линии Artaxata—Tigranocerta через вышеуказанные области Апахунию, Харк и Тарон решающее значение имеют, кроме того, предлагаемые мною объяснения, касающиеся трех ближайших станционных постов—Isumbo 15 Flegoana 15 Dagnevana (Ra Dognavana). Отмеченные пункты, судя по расстоянию между Тигранокертом и этими станциями, приходятся как раз в области Апахунии и прилегающем к ней Харке, в которых древнеармянские источники упоминают селения Цумб[107], Елегакан и Доневанк.

Местоположение этих селений в точности неизвестно, но так как Цумб находился в Апахунии, а Елегакан и Доневанк в Харке, то вполне ясно, что Цумб был расположен к северо-востоку от означенных двух станций и занимал такое же положение в отношении их, как Isumbo в отношении Flegoana и Dagnevana.

Станция Isumbo (с двумя башнями), название которой я предлагаю исправить в Tsumbo, соответствует, очевидно, древнеармянскому селению Цумбу, находившемуся, по свидетельству Асохика[108], на возвышенном и укрепленном месте в области Апахунии, прилегающей к области Харк. Местоположение станции Tsumbo, как указано в моем подробном исследовании «Главные пути древней Армении» (стр. 105—106), можно предположить к северо-востоку от Мелазгерда, в окрестностях нынешних Патноса или же Зомнка[109].

Ближайшая станция Flegoana тождественна с древнеармянской деревней Елегакан, лежавшей, по свидетельству Асохика[110],

[105] *Markwart*, Südarmenien und die Tigrisquellen, Wien, 1930, S. 77.

[106] См. *Lehmann-Haupt*, Armenien einst und jetzt, Bd. I, S. 416.

[107] См. *Инджиджян*, Древняя Армения, с. 120 и 130. Древние Цумб и Елегакан упоминаются в истории Асохика (см. Всеобщая история Степаноса Таронского, Асохика по прозванию, перевод Н. Эмина, М., 1864, II. 2 и III. 41), а о Доневанке, как отмечено у Инджиджяна, имеется сообщение в записи Евангелия, 1316 г.

[108] «Всеобщая история», III, гл. 41.

[109] Необходимо отметить, что на тождество Isumbo с Цумбом имеется указание также в работе Маркварта („Südarmenien und die Tigrisquellen", S. 412), вышедшей в свет одновременно с первым изданием настоящего труда.

[110] См. «Всеобщая история», перевод Н. Эмина, М., 1864, II, гл. 2.

в области Харк. Согласно свидетельству Миллера (Itineraria, S. 447, прим. 2) в слове Flego-ana между о и а имеется в пергаменте трещина. Можно поэтому предположить, что между о и а была еще одна буква, которую невозможно теперь разобрать. Основываясь на предложенном мною сопоставлении Flegoana с арм. Елегакан, я полагаю, что Flegoana следует исправить в Elegacana.

Следует отметить, что проф. Маркварт вместо Flegoana читает Flegosana и предлагает исправить Flegosana в Elegosine. Название это он сопоставляет с арм. «елегнашен» («построенный из камыша») или же с «елегнацин («рождающий камыш»). Так как Маркварт отожествляет Dagnevana с нынешним Тадваном, поэтому местоположение Flegoana=Elegosine он предполагает в 15 римских милях от Тадвана, на северном берегу Ванского озера[111]. Предположения Марквардта как о названии, так и о местоположении станции Flegoana, как видим, явно ошибочны.

Со станционным пунктом Dagnevana (Dognevana у Анонима Равеннского), лежавшим в 15 римских милях (=22 км) от Flegoana, тождественен, несомненно, вышеозначенный Доневанк (=вероятно, Dagnevana), находившийся также в области Харк

Древнеармянские области Анахуния и Харк, через которые шел путь из Багавана в Тигранокерт, как известно, были расположены: первая—к северу от Мелазгерда по течению реки Аракцания, а вторая—к западу от него. Таким образом, общее направление рассматриваемого пути устанавливается не по южным или северным побережьям Ванского озера, как полагают Миллер и Маркварт, а через Багреванд, Анахунию, Харк, Тарон и горную цепь Тавров.

Выяснением местоположения станционных пунктов Didyma, Arachia, Isumbo, Flegoana, Dagnevana устанавливаются, как мне кажется, путь отступавших Ксенофонта и Десяти тысяч греков[112], а также и путь Корбулона, шедшего из Арташата в Тарон[113], через те древнеармянские области, в которых находились эти пункты. Большинство ученых предполагало до сих пор, что Корбулон, направляясь из-под Арташата в Тарон и Тигранокерт, подвергся нападению мардов в области Мардастане, лежавшем к востоку от Ванского озера[114]. При этом предположении путь

[111] См. *Markwart*, Südarmenien und Tigrisquellen, „Hand. Amt.", 1914, S. 16.

[112] Ср. мою работу «О некоторых проблемах истории древней Армении и Закавказья», Ереван 1944, с. 52.

[113] *Tacit.*, Annales, XIV, 23 и 24.

[114] *H. Hübschmann*, Die altarmenischen Ortsnamen, Indogerm. Forschungen Bd. XVI 1904, S. 239. *Н. Адонц*, Армения в эпоху Юстиниана, СПб. 1908, с. 417.

Корбулона определяется через Беркри, Востан и южное побережье Ванского озера в Тарон и оттуда в Тигранокерт. Проф. Маркварт совершенно правильно указывает на невероятность и несостоятельность предположения о продвижении Корбулона из Багавана в Тигранокерт по обходному и дальнему пути через Беркри и Востан в Тарон и оттуда в Тигранокерт[115]. Сам Маркварт полагает, что область мардов, через которую шли римские легионы Корбулона, следует искать к северу от Тарона. Предположение Марквардта приблизительно согласуется с приведенными нами данными о направлении линии Багаван—Тигранокерт. Исходя из этих новых данных, мне кажется, можно предположить, что упомянутая у Тацита страна мардов находилась в горной области нынешнего Ала-дага.

Ближайшая после Dagnevana станция Molchia не поддается объяснению. Следующая же станция Vastauna (Bastavena, у Анонима Равеннского), отстоявшая от Molchia на расстоянии 32 римских миль (=48 км), находилась, как нетрудно установить, на месте нынешнего Бостакенда, который в древнее время назывался, по-видимому, Баст-аван (=Bastauna или Bastavana). Соименная деревня Баст существует и в настоящее время в районе Спаркерт Битлисского вилайета[116].

Ближайшая станция Patansana (Patransana, у Анонима Равеннского), лежавшая на расстоянии 26 римских миль (=39 км) от Vastauna, соответствует древнеармянскому Патранс-авану, поэтому название этой станции следует исправить в Patansauna (ср. Bagauna=Багаван). Местоположение Patansauna следует искать недалеко от Муша. Одноименная с этой станцией деревня Патранс имеется и теперь в районе Спаркерт Битлисского вилайета[117].

После Patansana в Таблицах значатся станционные пункты Dyzanas (Ra Dizanas) 22 Cymiza 20 Zanserio (Ra Zancerion) 30 Tigranocerta.

В моем подробном исследовании «Главные пути древней Армении» (стр. 114) я полагал, что название станции Dyzanas (Ra Dizanas), вероятно, искажено из Arzanas (=Arzan, syr. Arzôn). Это предположение мое является, конечно, лишь догадкой и нуждается в подтверждении какими-либо данными. Не подлежит, однако, никакому сомнению, что следующая станция Cymiza, лежавшая на расстоянии 22 римских миль (33 км) от Dyzanas, тождественна с нынешним Кильдизом, обозначенным на десятиверстной карте бывшего Генерального штаба на пути из Мушской равнины в Фаркин—Тигранокерт к северу от деревни Нерджики.

[115] *Markwart*. Die Entstehung und Wiederherstellung der armen. Nation, S. 23.

[116] См. А-До, Ванский, Битлисский и Эрзерумский вилайеты (на арм. яз.), Ереван, 1912, с. 94.

[117] Там же.

Искаженное название означенной станции я предлагаю исправить в CΓΛΔIZA вместо CΓMIZA (Λ Δ = M).

Следующая станция Zanserio (Zancerion у Анонима Равеннского), лежавшая на расстоянии 20 римских миль (=30 км) от Cymiza—Кильдиза, может быть сопоставлена с Зоникартом, упомянутым у Barhebraeus'a[118]. Вполне возможно, что вышеозначенные названия Zanserio или Zancerion искажены из Zancerta. Местоположение Зоникарта указано у Barhebraeus'a в местности Hesnā de Zājid около места слияния реки Dēbā с рекой Arsînōs. Основываясь на этом свидетельстве, местонахождение Зоникарта Маркварт предполагает около реки Евфрата—Арацания, против нынешнего Пистека[119]. Мне кажется более вероятным, что под рекою Arsînōs подразумевается не Евфрат—Арацаний, а нынешняя река Кульп-су, находящаяся в древней области Арзанене (=сир. Arzôn).

Приурочиванием станций Cymiza и Zanserio к нынешним Кильдизу и Зоникарту подтверждается с полной очевидностью отождествление древнего Тигранокерта с нынешним Фаркином, подробно обоснованное в трудах Лемана и Белька.

И действительно, местоположение Фаркина-Тигранокерта, лежавшего в 50 римских милях (=75 км) от Cyldiza, приходится как раз на означенном расстоянии к югу от этой станции, соответствующей нынешнему Кильдизу.

Следует отметить, что направление древнего пути из Мушской равнины в Тигранокерт правильно определено в трудах германских ученых Карбе и Экгардта.

По указанной нами линии через нынешние Нерджики, Кильдиз и Шеник предполагает Карбе[120] путь Ксенофонта и отступивших с ним греческих войск. Так же и Экгардт полагает[121], что наиболее удобным путем для передвижения войска Лукулла из Кордуены в Мушскую равнину была дорога через Нерджики и Шеник.

Таким образом, согласно вышеприведенным новым данным, путь Bagauna—Tigranocerta ясно определяется через нынешние Дидем, Зомик, Бостакенд в Мушскую равнину и оттуда по вышеописанной линии в Фаркин—Тигранокерт.

3. Artaxata—Sebastopolis

Кроме рассмотренных линий Artaxata—Satala и Artaxata—Tigranocerta, в Таблицах Певтингера приведена также линия Artaxata—Sebastopolis. На этой линии значатся следующие станционные пункты: Artaxata—30 Strangira (Ra Stranguria, civitas Stranguriana; после Stranguria имеется у Анонима Равеннского станция Janio) 14 Condeso (у Анонима Равеннского после Condeso значится станция Gavala) 10 Misium (у Ra после Misium'a —Savatinum) 14 Gaulita; (Ra Gaulitia, после нее Tendava) 40 Pogas 7 Apulum (Ra Apolum) 5 Caspiae (Ra Caspi) 45 Ad Mercurium (у Анонима Равеннского вместо этой станции значится Errmu) 35 Ad fontem felicem (Ra Fontfelice) 60 Sebastopolis (Ra Sevantopoli и Sevastolis)[122].

Приведенный путь из Artaxata в Sebastopolis Миллер предполагает через Армавир—Каракала—Ардаган—Коблиан—Рион. Это предположение, как увидим, ошибочно и не оправдывается данными Таблиц. На самом же деле путь этот шел не через Армавир и Ардаган, как полагает Миллер[123], а через нынешние Аштарак и Ганлиджу в Хоспию и оттуда через Абастуман и Рион в Севастополь—Диоскурию.

Ближайшую после Artaxata станцию Strangira (Ra Stranguria), лежавшую на расстоянии 30 римских миль (=45 км) от Арташата, можно предположить на месте древнего Аштарака. Название Аштарак (=башня), как остроумно установлено Н. Я. Марром, возникло путем народной этимологии из Strang-urina, или, вернее, Shtrang-urina «змееград». По мнению Марра, в дохристианскую эпоху, по-видимому, Аштарак был местом культа дракона—змея-вишапа и древняя церковь была сооружена там на развалинах языческого капища этого дракона-вишапа[124].

За станцией Strangira находилась станция Janio, которая в Таблицах Певтингера пропущена, но сохранилась у Анонима Равеннского. Если название станции Janio искажено из Tancio или Tanco, то станцию эту можно сопоставить с армянским Tshanci (род. пад. Tshancoy), лежавшим в нынешнем Апаране к северу от Аштарака.

Следующая станция Condeso, как правильно отмечено на карте Р. Киперта[125], соответствует нынешнему Кондахсазу, произношение которого подверглось, по-видимому, ложной этимологизации под влиянием тюркского языка.

---

[118] См. Chron. eccles., Vol. II, P. 615—616, ed. Abbeloos et Lamy.

[119] См. *Markwart*, Südarmenien und die Tigrisq., S. 100—101.

[120] *H. Karbe*, Der Marsch der Zehntausend vom Zapates zum Phasis—Araxes, 1898.

[121] Die armenischen Feldzüge des Lukullus, Klio, Bd., X, 2, S. 202—206.

[122] См. K. *Miller*, Itineraria Romana, S. 653—654.

[123] Там же, с. 649—650, 653—654.

[124] См. *Марр*, Легенды об основании Куара в Армении и Киева на Руси, Известия ГАИМК, т. III, Л., 1924, с. 278.

[125] Karte von Kleinarien, Berlin, 1902.

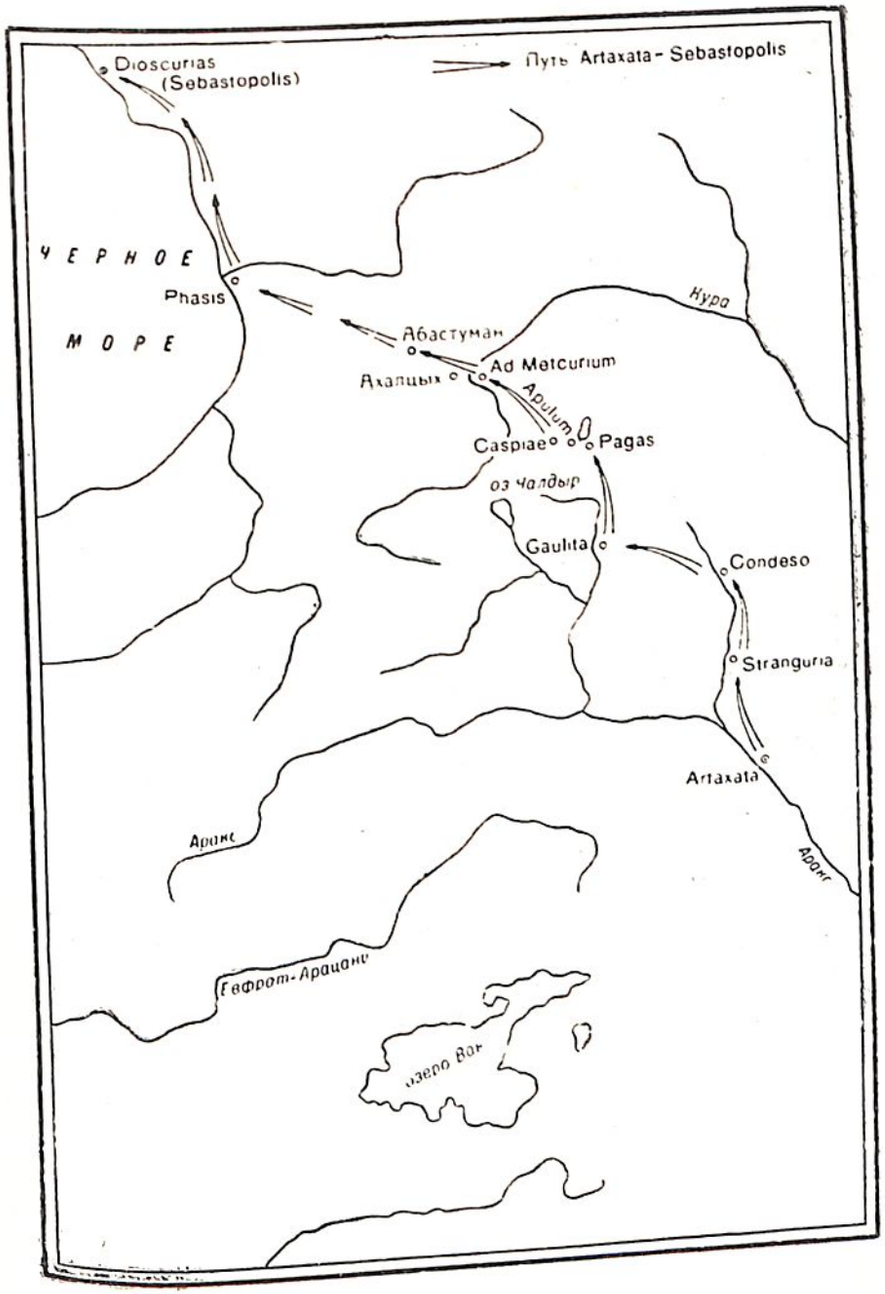
Расстояние между Аштараком и Кондахсазом в настоящее время равно, приблизительно, 50 километрам. Если в Таблицах расстояние между Strangira и Condeso показано 14 римских миль (=21 км), то объясняется это, конечно, тем, что в Таблицах пропущена станция Janio. В первоначальном тексте Таблиц имелись, очевидно, следующие станции и расстояния: Strangira [XX?] Janio XIV Condeso.

Придерживаясь указаний Анонима Равеннского, имевшего перед собой исправный и древний список римской карты, мы можем также восстановить и дальнейший путь из Condeso в Gaulita: Condeso [?] Gavala 10 Misium [?] Savatinum 14 Gaulita (Ra Gaulitia).

Местоположения и названия следующих за Condeso трех станций— Gavala, Misium, Savatinum —остаются пока невыясненными. Совершенно очевидно, однако, что станция Caulita (Ra Gaulitia) как по своему названию, так и по местоположению соответствует нынешней деревне Ганлиджа, в которой находится средневековый армянский монастырь Мармашен. У селения Ганлиджи, богатого памятниками материальной культуры древних эпох, были открыты, как известно, клинообразные халдские надписи. Название Gaulita, несомненно, искажено и должно быть исправлено в Ganlita (t=арм. дж, срав. Aretissa=Ардджиш)

После Gaulita у Анонима Равеннского упомянута станция Tendava, пропущенная в Таблицах Певтингера; а за Тендавой значатся, как в Таблицах, так и у Анонима станции Pagas 7 Apulum (Apolum у Анонима Равеннского) 5 Caspiae (Ra Caspi), названия и местоположения которых выяснены Томашеком[126]. Со станционным пунктом Pagas тождественна, несомненно, нынешняя Пога, находящаяся у южного берега озера Тапаравани. Следующая станция Apulum (Ra Apoium), отстоявшая от Pagas на расстоянии 7 римских миль (=10 км), соответствует по своему названию и местоположению, как правильно указывает Томашек, нынешнему селению Абулу. Большая же станция Caspiae с двумя башнями (Caspi у Анонима Равеннского), лежавшая на расстоянии 5 римских миль (=8 км) от Apulum (Ra Apolum), по мнению Томашека, может быть признана тождественной с нынешней Хоспией, которая значится на картах к югу от города Ахалкалаки. Дорога от Gaspiae—Хоспии шла, по-видимому, в северо-западном направлении близ нынешних городов Ахалкалаки и Ахалцыха. Не подлежит поэтому никакому сомнению, что местоположение следующего станционного пункта Ad Mercurium, лежавшего на расстоянии 45 римских миль (=67 км) от Gaspiae, можно предположить к югу от Ахалцыха около реки Куры. Ad Mercurium, как было указано

[126] Tomaschek, „Caspiae", см. Pauly-Wissowa Realenc.

мною в историко-географическом моем подробном труде[127], следует исправить и читать Ad Metcurium (=«около Куры»). Под этим названием разумеются, как нетрудно догадаться, берег и место перехода реки Куры, называемой грузинами Mtkuari. Здесь, к юго-востоку от нынешнего Ахалцыха, производилась, вероятно, в старину, как и ныне, переправа через реку. Следует иметь в виду, что в горных странах, вследствие топографических их особенностей, дороги, проложенные по направлениям, указываемым естественными условиями природы, оставались в общем неизменными также и в последующие века.

Дальнейшая линия пути от станции Ad Metcurium до станции Ad fontem felicem (=«Около благоденственного источника») у реки Рион, протяжением около 110—120 км, называющаяся ныне Имеретинской дорогой, подробно описана в «Армении» Линча[128]. В Таблицах Певтингера на линии этой, по-видимому, пропущена после Ad Metcurium станция Ermu, которая значится у Анонима Равеннского, имевшего перед собой исправный и древний список этой карты. В работе моей «Круговой путь Помпея в Закавказье»[129] мною было высказано предположение, что Ermu может быть искажено из Emru и имеет, вероятно, связь с названием имеретин.

Таким образом, дорога от станции Ad Medcurium в Sebastopolis восстанавливается в следующем виде— Ad Metcurium [?] Ermu (Ra) 35 Ad fontem felicem (Ra Fontfelice) 60 Sebastopolis— и с достаточной определенностью устанавливается через Ахалцых, Абастуман и Зекарский перевал до реки Риона и оттуда в Севастополь.

Под Sebastopolis в Таблицах Певтингера, как правильно полагает Конрад Миллер[130], подразумевается Севастополь—Диоскурия. Однако расстояние в 60 римских миль (=90 км) между Ad fontem felicem и Sebastopolis, как было указано в моей работе «Главные пути древней Армении» (стр. 134), соответствует, на самом деле, расстоянию не в Диоскурию—Севастополь, а в Фасис—Севастополь. Что под Sebastopolis-ом в Таблицах подразумевается Диоскурия—Севастополь, это не подлежит сомнению, так как в них после Sebastopolis подробно обозначены станционные пункты линии, идущей из Диоскурии в Фасис: Sebastopolis 4 Stempeo (Ra Stelippon) 4 Tassiros (Ra Tasbiros) 12 Cyanes 4 Sicanabis 19 Chobus 16 Cariente 3 Phasin. Эти станционные пункты, расположенные по побережью Черного моря между Диоскурией—Севастополем и Фасисом—Севастополем, упоминаются, как известно, кроме Sicanabis'a, также и в периплe Аррнана: Stempeo или Stelippon=Астелефос, Tassiros или Tasbiros=Тарсурас, Cyanes=Сингамес, Chobus=Хобос, Cariente Хариент[131].

Рассмотренная нами дорога из Арташата в Диоскурию—Севастополь, как мы уже отмечали выше, имела выдающееся военное и торговое значение, так как она составляла южную часть Меотидской—Колхидской магистрали, через которую южно-русские степи имели общение с культурными странами древнего Востока.

4. Artaxata—Gobdi—Paresaca

Кроме рассмотренных линий в Таблицах приведена также линия Artaxata—Ecbatanis, на которой значатся следующие станционные пункты:

Artaxata 39 ...Catispi 27 Sorvae (Sorue) [24][132] Anteba 24 Nasabi 17 Gobdi (Ra Gobdie) 24 Filadelfia 20 Tris peda (Ra Tarspedo) 45 Paresaca 4 Arabum (Ra Aradum) 7 Eneca 4 Rhasum (Ra Rapsum) 4 Ad tomenta (Ra Tumerta) 4 Naucanio 6 Nicea Niallia (Ra Nicaniclo) 50... Ecbatanis (Ra Ecbatanas)[133]. Следует отметить, что станции Artaxata и Nicea Niallia не объединены соединительной линией с Catispi и Ecbatanis. Нетрудно поэтому догадаться, что после Artaxata и Nicea Niallia пропущено в Таблицах несколько станционных пунктов. К. Миллер совершенно правильно указывает, кроме того, что после станции Paresaca междустанционные расстояния обозначены не в римских милях, а в парасангах.

Направление приведенного пути К. Миллер определяет через станционные пункты, лежавшие недалеко от нынешних центров Маку, Хой, Маранд, Тавриз, Марага и развалин Тахт-и-Сулейман.

---

127 «Главные пути древней Армении», с. 130 и 246.

128 «Армения», т. I, Тифлис, 1910, с. 63—96.

129 См. Вестник древней истории, 1939, № 4, с. 78, прим. 3.

130 Itineraria Romana, S. 653—654.

131 См. *Латышев*, Scythica et Caucasica, с. 221 и сл. Ср. *Л. А. Ельницкий*, Из историч. географии древней Колхиды, Вест. древней истории. 1938, № 2, с. 312—317.

132 Станционные пункты Sorue и Anteba и расстояние между ними 24 римских мили ошибочно обозначены, как мы видели, в смежной дороге Artaxata—Tigranocerta.

133 См. *K. Miller*, Itineraria Romana, s. 781—782.

На самом же деле, линия эта пролегала действительно через Хой, но не через Маку, Маранд и Тавриз. Она, как подробно выяснено в моей работе «Главные пути древней Армении» (стр. 139—172), шла от Арташата в юго-западном направлении до станции Catispi, которая находилась в древнеармянской области Коговите, тянулась затем в юго-восточном направлении через древнеармянскую область Артаз до нынешнего Хоя и шла оттуда через нынешний Тасвидж в Paresaca. Путь из Арташата в Экбатану мною выяснен лишь до станции Paresaca, лежавшей недалеко от границ Сасанидской Персии, т. е. та часть пути, которая находилась в пределах Аршакидской Армении.

Название станции Catispi, лежавшей, как отмечено на римской карте tabula Peutingeriana, к югу от горной цепи Азат—Масиса или Агри-дага, соответствует упомянутому у армянского историка Себеоса Ордспу[134]. Catispi подлежит исправлению в Ortispi или Ortispu (Or вм. Ca)[135].

Путем тщательного анализа вышеуказанных свидетельств Себеоса удается также выяснить, что местоположение Ордспу (=Catispi) можно предположить недалеко от нынешнего Тапариза и к юго-востоку от Каракенда (=Scaracanti у Пеголотти)[136]. Здесь, именно около Тапариза, находятся и теперь развалины двух древних крепостей[137], близ которых, как я полагаю, и следует искать Ortispi Таблиц Певтингера.

Как отмечено выше, после Artaxata пропущены несколько станционных пунктов и поэтому, совершенно очевидно, что Artaxata отстояла на расстоянии 39 римских миль (=58 км) не от Ордспу, а от близлежавшей другой станции.

Отождествление станционного пункта Catispi (=Ortispi) с древнеармянским Ордспу, лежавшим в области Коговите, дает нам возможность установить, что расстояние между этой станцией и Gobdi, показанное в Таблицах, 92 римские мили (=136 км), соответствует, действительно, расстоянию между Ордспу и Хоем, тождественным с станционным пунктом Gobdi.

После станции Catispi, на расстоянии 27 римских миль (=40 км), находилась станция Sorvae или Sorue. Издатель Географии Птолемея, Карл Мюллер, полагает, что станция эта тождественна с Terua у Птолемея, расположенной к северу от Naxouana—Нахичевана[138]. Основываясь на этом, направление пути Artaxata—Ecbatanis он указывает не через Хой, а через Нахичеван. Эти

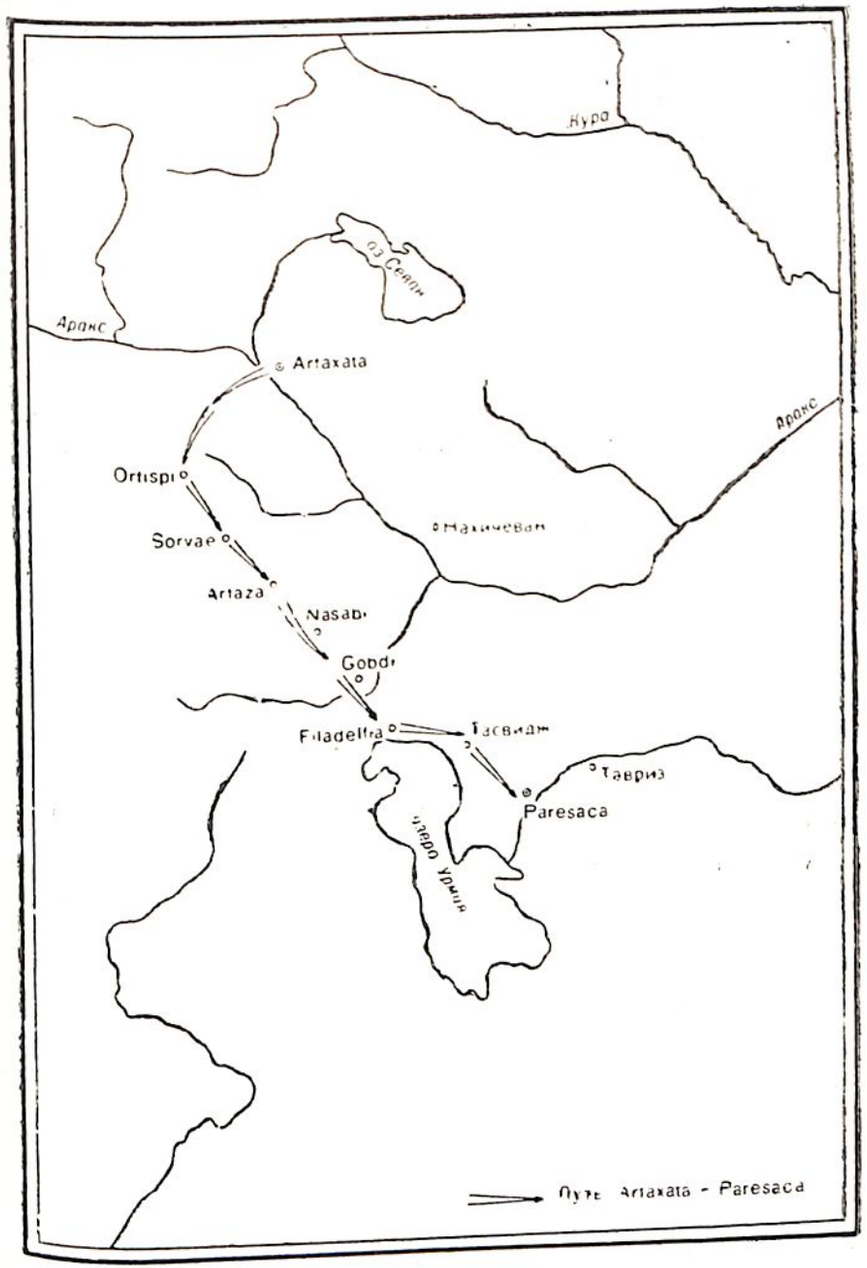
[134] См. изд. Малхасяна, Ереван, 1939, гл. 40 (с. 92) и гл. 42 (с. 99).

[135] Отождествление Catispi с Ордспу правильно отмечено С. Еремяном. См. его карту «Торговые пути Юго-Кавказа в конце IV века».

[136] См. «Главные пути древней Армении», с. 147—149, 246.

[137] См. *Алишан*, «Айрарат», Венеция, 1890, с. 508.

[138] См. Claudii Ptolemaei geographie, eb K. Müller, v. I, Paris, 1901 (Tab. 34).

предположения Мюллера явно ошибочны и не оправдываются данными Таблиц Певтингера. Исходя из вышеизложенных новых данных, местонахождение станции Sorvae или Sorue, лежавшей на расстоянии 27 римских миль (=40 км) от Catispi, следует искать не в районе Нахичеванской области, а на пути из Каракенда в Хой, в районе между Хараба—Архачан и Акдизе.

Ближайшая станция Anteba отстояла от Sorvae (или Sorue) на расстоянии 24 римских миль (36 км). Название этой станции сильно искажено и должно быть исправлено в Artaza. Чтобы убедиться в правильности этого предположения, следует иметь в виду графические особенности письма Таблиц[139]. Буквы b и z настолько похожи в Таблицах друг на друга, что они неправильно воспроизведены на древних картах. Например, на исторической карте XVII века, перепечатанной в Atlas historique Ханзадяна, названия станционных пунктов Hariza и Dyzanas приняли искаженные формы Hariba и Dybanas [140]. Обычны и смешения букв n и r, а также e и a.

Как подробно указано в моей работе «Главные пути древней Армении» (стр. 150—152), станция Artaza, находившаяся в древнеармянской области Артазе, была, вероятно, главным центром этой области. Можно было поэтому предположить, что означенная область была названа Артазом по имени главного пункта. Местоположение станции Artaza, которая лежала на расстоянии 51 рим. м. (=76 км) от Catispi—Ордспу, следует искать к юго-востоку от армянского монастыря апостола Фаддея, на пути между Кара-Айне и Зуравой.

На ближайшем отрезке пути в Таблицах обозначены следующие станционные пункты: Anteba 24 Nasabi 17 Gobdi (Ra Gobdie). Последняя из этих станций Gobdi, по мнению К. Миллера, Маркварта и других ученых, тождественна с нынешним Хоем. Правильное чтение названия станции Gobdi или Gobdie К. Миллер предполагает Gobai [141], а Маркварт — Chobde. Новоперсидское название Chôj возникло, по мнению Маркварта, из древнего Chôδ-a [142].

Приурочиванием станционного пункта Gobdi к нынешнему Хою представляется возможность определить название и местоположение также станционного пункта Nasabi, отстоявшего на расстоянии 17 римских миль (=25 км) от Gobdi и 24 римских миль (=36 км) от Anteba. Станция Nasabi, как было подробно разъяснено в моей работе «Главные пути древней Армении» (стр. 162—163), может быть сопоставлена с древней Нварсак, которая

[139] См. в Itineraria Romana, S. LII, „Zur Verständniss der Schrift".

[140] См. Atlas historique, par Z. Khanzadian, Paris, 192, (carte № 9, planche V).

[141] Itineraria Romana, S. 781.

[142] Südarmenien und die Tigrisquellen, S. 420, 209.

лежала, согласно указанию древнеармянского историка Лазаря Парбского[143], на пути из Хоя в марзбанскую Армению. Возможно, что название Nasabi есть описка вместо Нварсак. Искажение это могло произойти под влиянием названия Nisibi—Низибина, хорошо известного переписчикам Таблиц. Любопытно, что именно вследствие этой ошибки переписчиков направление пути Artaxata—Nasabi указано на карте девятой атласа Ханзадяна не в сторону Экбатаны, а в сторону Низибина[144].

Из станции Gobdi—Хоя дорога шла в юго-восточном направлении в нынешний Тасвидж и отсюда по восточному берегу Урмийского озера в Paresaca, причем на этой линии в Таблицах обозначены следующие станционные пункты: Gobdi (Ra Gobdie) 24 Filadelfia 20 Trispeda (Ra Tarspedo) 45 Paresaca.

Местоположение ближайшей после Gobdi станции Filadelfia, лежавшей на расстоянии 24 римских миль (=36 км) от Хоя, следует искать не между Хоем и Марандом, как полагает К. Миллер[145], а между Хоем и Тасвиджем, в районе северного прибрежья Урмийского озера. Следует отметить, что и в парижском издании Географии Птолемея Филадельфия помещена Карлом Мюллером на северном берегу озера Урмия[146].

Местоположение следующей станции Trispeda или Tarspedo, отстоявшей от Gobdi—Хоя на расстоянии 44 римских мили (=65 км), приходится как раз на месте нынешнего Тасвиджа (или Тарсвиджа). Название Trispeda, несомненно, искажено и искажение, по-видимому, возникло путем осмысления непонятного римлянам названия места под влиянием латинских слов tres, tris «три» и pes, pedis «нога». Tarspedo соответствует, вероятно, Тарсвиджу, первоначальная древняя форма которой, к сожалению, нам неизвестна.

Местоположение следующей станции Paresaca, отстоявшей на расстоянии 45 римских миль (67 км) от Tarspedo—Тарсвиджа, следует предположить недалеко от нынешней реки Аджи-чая и к востоку от прибрежья Урмийского озера. Принимая во внимание, что расстояния из Artaxat в Paresaca обозначены в Таблицах в римских милях, а из Paresaca в Ecbatanis в парасангах, можно с уверенностью заключить, что при возникновении архетипа Таблиц, в шестидесятых годах IV века, граница между Сасанидской Персией и Аршакидской Арменией пролегала около станции Paresaca. Можно также предположить, что границей Аршакидской Армении со стороны Сасанидской Персии являлась,

[143] «История Армении», гл. 89 и 91.

[144] См. Atlac historique, par Z. Khanzadian, Paris, 920 (carte № 9, planche V).

[145] Itineraria Romana, S. 781.

[146] См. Claudii Ptolemaei geographia, vol. I, Paris, 1901 (Tab. 34).

по-видимому, река Аджи-чай. Название станции Paresaca естественнее всего сравнить с армянским Парск, древнеармянским наименованием Персии, и предположить, что означенная станция была названа Paresaca как начальный пункт и вход в Сасанидскую Персию.

Вышеприведенное наше определение границы Аршакидской Армении с восточной стороны Урмийского озера, как подробно выяснено в моей работе «Главные пути древней Армении» (стр. 166—171), совершенно ново и в корне подрывает установившееся мнение о владениях армянских Аршакидов IV века в Атропатене. Ссылаясь на свидетельства армянского историка Фауста[147], ученые обычно полагают, что Атропатенский город Гандзак, отличный от одноименного города в Закавказье, находился в пределах Аршакидской Армении [148]. Мнение это, основанное на неправильном толковании соответствующих свидетельств Фауста, противоречит, как видим, указаниям Таблиц Певтингера.

В вышеозначенной моей работе установлено, что Тавриз и Атропатенский Гандзак, лежавшие к югу от Аджи-чая, находились, несомненно, в Сасанидской Персии, как об этом свидетельствует и историк Фауст.

Выяснив станционные пункты, через которые проходили линии Sebastopolis — Artaxata и Artaxata — Gobdi — Paresaca, мы тем самым, как мне кажется, подробно установили тот древний торговый путь, который через Армению и по Мэотидско-Колхидской дороге шел из Средней Азии и Индии к Танаису.

5. Круговой путь Artaxata—Sanora—Анонимная станция.

На этой круговой линии, которая подробно разъяснена Марквартом[149], значатся следующие станционные пункты:

Artaxata 20 Geluina (у Анонима Равеннского вместо Artaxata и Geluina значатся Gravete и Tegamia) 24 Sanora 12 (у Ra после Sanora следуют Tilida и Liponissa) Lala (Ra Laia) 10 Ugubre (Ra Ucubri) 40 Teleda (Ra Telada) 44 Lezela (в стороне от линии) 9 Philado (Ra Teladalfir) [?]. Большая анонимная станция (у Анонима Равеннского—Armastica; после анонимной станции в Таблицах обозначено несколько станционных пунктов без названий и расстояний, у Анонима же Равеннского после Armastica следуют Sazala, Camia, Gareas, Belalus, Aquilleam, Castillum, Tarsambaram, Axara portum, Cipropolim) Lazo (Ra Jazo) 16 Satara (Ra Cacara) 18 Bustica 24 Sanora (после Sanora у Анонима Равеннского и в Таблицах Geluina и Artaxata)[150].

Направление приведенной круговой линии Конрад Миллер предполагает через Ордубад—Тавриз—Гандзак (Lazo, Jazo= Gaza) в город Cyropolis (около нынешнего Решта) и оттуда через Астара—Ленкорань к месту слияния Аракса с Курой, а затем вдоль реки Аракс в Ордубад—Арташат.

На этом пути узловая станция Sanora отождествлена с Ордубадом и отсюда, как полагает Миллер, дорога шла в Teleda—Philado —[город без названия] или же в Satara—Lazo —[тот же город без названия].

В. Бельк узловую станцию Sanora отождествляет не с Ордубадом, а с нынешним Баш-Норашеном, лежащим между Арташатом и Нахичеваном[151]. Древнее название Баш-Норашена (=«главная Нора—деревня») Бельк предполагает Нора и думает, что в Sanora начальный слог Sa есть грузинский префикс, служащий для образования названий мест. Толкование это вряд ли правильно. Нора-шен означает по-армянски «Новая деревня» и образование Sanora из арм. «нор» («новый») крайне искусственно и едва ли допустимо. Более удачно, несомненно, предположение К. Миллера о тождестве станционного пункта Lazo (Ra Jazo) с Gaza или Gazaca античных писателей. Но и это сопоставление невозможно, так как расстояние между Artaxata и Lazo показано в Таблицах всего 102 рим. м. (=153 км).

Относительно направления этой же линии, как было сказано выше, подробное разъяснение дано недавно проф. Марквартом.

Сопоставляя данные Таблиц Певтингера с данными анонимного равеннского космографа[152], Маркварт устанавливает, что под обозначенным в Таблицах городом без названия следует разуметь не Cyropolis, как это полагал К. Миллер, а Armastica или Armazike [153], главный город Иберии. Поэтому весь круговой путь у него обозначен к северу от Арташата между Севанским озером и бассейном реки Куры. Название станционного пункта Geluina (Ra Tegamia) Маркварт предлагает исправить в Gelam-(i) а и сопоставляет его с армянским Гегам, местностью в области

[147] «История Армении», III, 7, IV, 1, 4, 5, 34 (Венеция, 1889, с. 16, 141, 191, 202, 205, 241).

[148] См. *Markwart*, Eranschahr, S. 109; *Адонц*, Армения в эпоху Юстиниана, с. 226 и сл.; *Hübschmann*, Die altarmenischen Ortsnamen и др.

[149] См. *Markwart J.*, Skizzen zur historischen Topographie und Geschichte von Kaukasien. Das Itinerar von Artaxata nach Armastica auf der römischen Weltkarte, Wien, 1928.

[150] См. Itineraria Romana, 654—655. Ср. *Markwart*, Skizzen, S. 8.

[151] *W. Belck*, Beiträge zur alten Geographie und Geschichte Vorderasiens, Leipzig, 1901, I, S. 34—38.

[152] Anonymus Ravennas, II, 8, p. 61—62 и II, 12, p. 73.

[153] *Strabo*, XI, 3, 5.

Сюнии, лежавшею у юго-западного побережья Севанского озера. Станцию Lalla, находившуюся между Sanora и Ugubre, он отождествляет с крепостью Лал, которая упоминается в Грузинской хронике и у Ибн-ал-Атира[154], местоположение ее он предполагает в древнеармянской области Гугарке. Исходя из этих новых данных, направление кругового пути он определяет приблизительно через нынешний Дилижан вдоль реки Акстафы в Казах и оттуда в сторону Тбилиси, а затем вдоль реки Дебеда-чая в Караклис и в район Делижана, в котором, по мнению Маркварта, находилась узловая станция Sanora[155].

Кроме рассмотренных путей в Таблицах Певтингера обозначены также линии из Тигранокерта в Мелитену и Нисибин и из Саталы в Трапезунт, Севастию и Мелитену. Пути эти имели для Армении важное значение, так как по ним она имела постоянные сношения с северной Месопотамией, Каппадокией и Понтом.

Общее направление этих дорог и местоположения расположенных на них станций рассмотрены и приблизительно выяснены в Itineraria Romana Миллера и у Адонца[156].

Рассмотренные нами данные Таблиц, как видим, устанавливают основные линии путей, пересекающих Армению, и выясняют пути, идущие из Тигранокерта и Саталы в Арташат.

Для нас особенно важно, что указания Таблиц дают также возможность определить транзитные магистрали, которые от узлового центра Арташата шли в юго-восточном направлении в Экбатану и в юго-западном или северо-западном направлении к южным или восточным портам Черного моря. Направления этих мировых торговых путей, как мы видели, устанавливаются совершенно точно.

§ 25. ВЕСА, МОНЕТЫ И МЕРЫ ЖИДКОСТЕЙ ВИЗАНТИЙСКО-САСАНИДСКОЙ ЭПОХИ

О весах и мерах византийско-сасанидской эпохи существует в древнеармянской литературе труд Анании Ширакского[157], автора второй половины VII века нашей эры. Изучению этого труда, как

[154] См. *M. Brosset.* Histoire de la Géorgie, I, p. 228 и Ibn al-Athir, X, p. 25—28. Ср. также в Географии Птолемея Lala (V, 12, 5, p. 939).

[155] Вышеозначенный путь рассмотрен и С. Еремяном в статье его «Торговые пути Закавказья в эпоху Сасанидов» (Вест. др. ист., 1939, № 1, с. 81—91), но разъяснения его малоубедительны и более чем спорны.

[156] *Н. Адонц,* Армения в эпоху Юстиниана, с. 38 и 75—84. См. также *J. G. C. Anderson,* Studia Pontica, I, Bruxelles, 1903 и Cumont Fr. et Eug., Studia Pontica, II, Bruxelles, 1906.

[157] «О весах и мерах», см. *Анания Ширакский,* изд. К. Патканьяна, СПб., 1877, с. 27—34.

и вообще пояснению мер, весов и монет, встречающихся в произведениях древнеармянской литературы, посвящена специальная работа Ар. Авгеряна[158]. Работа эта, изданная в 1821 г., сохраняет значение, как единственный свод свидетельств армянских источников о древних мерах и весах. В комментариях к фактическому материалу автором указаны греческие, персидские, латинские и еврейские названия мер и весов, сравнены между собою меры одного рода и сообщены о них сведения, заимствованные из метрологических словарей и сборников начала девятнадцатого века. В книге Авгеряна мы не находим, однако, самого главного: не указано в ней вовсе отношение древних мер и весов к нынешним.

Для того, чтобы ориентироваться в известиях источников, касающихся экономической жизни Армении и соседних стран, и для того, чтобы выяснить и использовать цифровые данные этих известий для истории древних цен, торговли и финансов, необходимо, конечно, определить точное отношение мер и весов, подробно указанных в труде Авгеряна, к нынешним метрическим.

Тщательное изучение упомянутого выше труда Анании Ширакского, мне кажется, дает полную возможность переложить на современные единицы как указанные им меры веса, так и меры жидкостей и сыпучих тел.

Меры веса Анании Ширакского рассмотрены мною и определены в нынешних граммах в одном из предыдущих моих трудов («Материалы по истории экономической жизни древней Армении, I», Известия Института наук и искусств ССР Армении, № 2, Эривань, 1927). Исходя из свидетельства Анании, согласно которому серебряный персидский «драм» равнялся $^1/_{80}$ «литр»-ы, я мог безошибочно заключить, что под «литр»-ой разумеется у Анании литра или византийский фунт весом в 326,4 грамма, а под «драм»-ом—сасанидская драхма весом в 4,08[159] нынеш. грамма.

Другие меры веса, бывшие в употреблении во время Анании Ширакского, выразятся, следовательно, в следующих отношениях:

ячменное зерно $= {}^1/_4$ карата $= 0{,}04^{18}/_{18}$ грамма,
assarion или lepton $=$ 2 ячм. зерна $= 0{,}09^4/_9$ г,
«пшит» $=$ 3 ячм. зерна $= 0{,}14^1/_6$ г,
keration $=$ 4 ячм. зерна $= 0{,}18^8/_9$ г,
«синг» $=$ 4 карата $= 0{,}75^5/_9$ г,
grammarion $=$ 6 каратов $= 1{,}13^3/_9$ г,

[158] «Разъяснение мер и весов предков», Ар. Авгеряна, Венеция, 1821.

[159] Для определения единиц веса и мер в нынешних граммах мы пользовались трудом Декурдеманша—*J. A. Decourdemanche,* Traité pratique des Poids et mesures des peuples anciens et des arabes, Paris, 1909.

trimission=8 каратов=1,51$^{1}/_{9}$ г,
semission=12 каратов=2,26$^{2}/_{3}$ г,
«сатер» или драхма=17 каратов=3,4 г,
«драм»=$^{1}/_{80}$ литры=4,08 г,
„дахекан“ и nomisma=24 карата=4,53$^{1}/_{3}$ г,
siklos, „мелиарис“=36 каратов=6,8 г,
статер=4 «драм»-а=16,32 г,
унция=4 сикла=27,2 г,
litra=12 унций=326,4 г,
«пайвасик»=50 литр=16 килогр. 320 г,
kentênarion=100 литр=32 килогр. 640 г,
талант=10.000 «драм»-ов=125 литр=40 кил. 800 г,
„khankhar“=10.000 „дахекан“-ов=138$^{5}/_{9}$ литр=45 килогр. 333$^{1}/_{3}$ г.

Крайне любопытно, что Анания Ширакский дает смешанную таблицу византийских и персидских мер весов. Объясняется это, конечно, тем, что в древней Армении, в которой находился один из главных пунктов международной торговли, были в употреблении меры веса как византийские, так и сасанидские. В таблице Анании сравнены между собою единицы веса этих двух систем и вычислены точно весовые отношения их друг к другу.

Вместе с мерами веса указаны у Анании следующие монеты:

1) византийская золотая монета номисма или «дахекан», весом в 4,53$^{1}/_{3}$ грамма;

2) сасанидская серебряная монета, названная у Анании «драм»-ом, весом в 4,08 гр.;

3) другая серебряная монета римско-византийской системы, названная «сатер» или «драхме», весом в 3,4 грамма;

4) серебряный «сатар» (stater), равный 4 сасанидским «драм»-ам, весом в 16,32 грамма и

5) серебряная монета «мелиарис» (=miliarêsion), соответствующая по весу большой серебряной монете императора Ираклия I (6,8 г).

В приведенных таблицах особый интерес представляют сасанидская мера веса «пайвасик» и сасанидская серебряная монета «драм» или дирхем. Определение их точного веса дает возможность разрешить некоторые вопросы, касающиеся государственных доходов Арабского халифата и Сасанидской Персии.

Как было подробно выяснено в моей работе «Веса и меры в древнейших армянских источниках»[160], «пайвасик», как сасанидская мера веса, неизвестная западноевропейским метрологам, впервые точно устанавливается на основании свидетельства Анании Ширакского. Он был равен 4000 сасанидских дирхемов

[160] Ереван, 1930, с. 39—43.

(=4,08 г) или 50 византийским фунтам, весом в 326,4 грамма и составляла половину римского centumpondium'а или византийского кентинария (32 кг 640 г: 2=16 кг 320 г)[161].

«Пайвасик», как мера веса, упоминается также у Себеоса и у Табари. Рассказывая о восстании мидян и о том, насколько обременительны были налоги, выплачиваемые ими арабам, Себеос упоминает «пайвасик» в следующем своем сообщении: «В этом году,—говорит он,—мидяне восстали против власти исмаильтян и убили главного сборщика податей царя исмаильтян... Ибо они не могли переносить горького и тяжелого подданства и бремени наложенных на них налогов; от них ежегодно требовали 365 пайвасиков денег, а кто не мог уплатить, с того брали за каждую драхму по одному человеку»[162].

Указанную в приведенном сообщении сумму ежегодных налогов мидян можно точно определить: она равняется 365×4000=1460000 сасанидских дирхемов и составляет по весу 365×16,320=5956 кг 800 г серебра сасанидскими дирхемами.

О сасанидском «пайвасик»-е и дирхеме имеется интересное свидетельство также у Табари.

«Ему (Хосрою Парвизу),—сообщает Табари,—докладывают, что в этот год (в 18-й год его царствования, 607/8 год) доходы его с земельного налога и других источников весили чеканными монетами 420 миллионов мискалей, и эта сумма, считая 10 дирхемов равными 7 мискалям, составляет 600 миллионов дирхемов. Он же (Хосров) приказывает отнести эти деньги в казнохранилище, которое он сам построил в Ктезифоне и назвал Багар... Хосрой. В то же место приносят старыми монетами, чеканенными сыном Иездигерда Перозом и сыном Пероза Кавадом, 12000 пайвасиков, каждый из которых составлял чеканными монетами 4000 мискалей, всего, следовательно, 48 миллионов мискалей»[163].

Приведенные вычисления и меры веса свидетельства Табары неправильно истолкованы Теодором Нельдеке и в трудах других западноевропейских востоковедов. Слово «пайвасик» Нельдеке переводит Beutel «мешок», между тем как в данном месте это слово имеет специальное значение меры веса. Но он совершенно правильно указывает, что мискаль соответствует здесь по весу сасанидской серебряной монете дирхему. И действительно, в сообщении Табари отмечено, что «пайвасик» составлял «чеканными монетами 4000 мискалей», а в свидетельстве Анании Ширакского сказано, что «пайвасик» был равен 4000 сасанидских

[161] См. *Анания Ширакский,* изд . Патканьяна, с. 29.

[162] «История епископа Себеоса», перевод Ст. Малхасянца, Ереван, 1935, с. 125 (гл. 49).

[163] См. *Th. Noeldeke,* Tabari—Geschichte der Perser und Araber zur Zeit der Sasaniden, Leyden, 1879, S. 354—355.

дирхемов. Отсюда нетрудно сделать вывод, что означенный мискаль соответствовал по весу сасанидскому дирхему. А следовательно, нетрудно также вычислить, что указанные у Табари государственные доходы Сасанидской Персии в 18-й год царствования Хосроя Парвиза (607/608 г. н. э.) были равны, как выяснено мною в «Материалах по истории экономической жизни древней Армении»,[164] (I), 420 миллионам мискалей или сасанидских дирхемов весом (420000000×4,08) в 1713600 килограммов серебра сасанидскими дирхемами.

Основываясь на нумизматических данных, сообщенных Перчем, и предполагая, что стоимость сасанидского серебряного дирхема может быть приравнена к 70 пфеннингам или 86 сантимам, а арабского дирхема древней эпохи к 40 пфеннингам или 50 сантимам, Нельдеке определяет доход Сасанидской Персии 607/8 г. сасанидскими дирхемами около 294 миллиона марок или 360 миллионов франков, а арабскими дирхемами всего лишь 240 миллионов марок или 300 миллионов франков. Из этих двух противоречивых цифр Нельдеке считает вероятной первую цифру.

Мы увидим, однако, ниже, что в сообщении Табари никакого противоречия нет и что вычисления Нельдеке основаны на явном недоразумении.

А. Христенсен в своей работе „L'empire des Sassanides“ [165], основываясь на приведенных вычислениях Нельдеке, дал почему-то предпочтение второй цифре (300 милл. фр.). А Адольф Кремер, который пользовался свидетельствами Ибн-Хордадбеха и Кодамы, доход Сасанидской Персии в 607/8 г. предполагает 420—600 миллионов дирхемов[166], упустив из виду вышеприведенное отношение мискаля к дирхему 7 : 10 (420 миллионов мискалей = 600 миллионам дирхемов).

Под означенным у Табари дирхемом, как было подробно отмечено в моих работах[167], несомненно, подразумевается арабский дирхем халифа Абдлмелика весом в 2,83$^1/_3$ г, отношение которого к сасанидскому мискалю-дирхему было действительно 7:10 (2.83$^1/_3$: 4,08).

Таким образом, путаница и недоразумения в вышеозначенных трудах легко устраняются и выясняется, что доходы Хосроя Парвиза в 18-й год его царствования составляли 420 миллионов сасанидских дирхемов (=4,08), равных 600 миллионам арабских

[164] См. Изв. Инст. наук и искусств ССР Армении, 1927, № 2, с. 32.

[165] Kobenhavn, 1907, p. 58.

[166] *A. Cremer*, Culturgeschichte des Orients unter den Chalifen, I, Wien, 1875, S. 257.

[167] См. «Материалы по истории экономической жизни древней Армении», I, с. 33 и «Веса и меры», с. 45.

дирхемов Абдлмелика (=2,83$^1/_3$), а именно: 420000000×4,08= 1713600 кг серебра сасанидскими дирхемами.

В моих метрологических трудах я уже указывал[168], что стоимость сасанидского дирхема, соответствующая тогдашнему отношению золота и серебра, была более высокая, чем та, которая обычно вычисляется серебряными рублями или серебряными франками. Серебряными рублями сасанидский дирхем по количеству заключавшегося в нем серебра (4,08 г) может быть приравнен 0,226$^2/_3$ сер. руб[169]. Весовое отношение чистого серебра к чистому золоту в серебряных рублях дореволюционного времени было равно приблизительно 23:1. Поэтому если предположить обычное отношение серебра к золоту в Сасанидской Персии как 10:1, то тот же сасанидский дирхем будет соответствовать 0,226$^2/_3$×2,3 = приблизительно 52 зол. коп.

Следует, кроме того, иметь еще в виду, что высокопробные серебряные рубли, франки или марки имеют фактически характер разменной монеты, причем весовое их отношение к золотым монетам различно: в России 23:1, а во Франции 15,5:1. Поэтому при определении весового отношения древних серебряных монет к нынешним получаются цифровые выводы, несоответствующие действительному денежному соотношению серебряных рублей, серебряных франков или серебряных марок. Поясним это примером. Так как наш серебряный рубль содержит в себе чистого серебра 18 граммов, а французский высокопробный серебряный пятифранковик—22$^1/_2$ грамма, то, при сравнении с ними сасанидского дирхема (=4,08 г), вес последнего будет равен 0,226$^2/_3$ сереб. руб. (4,08:18) или (4,08:4,5) 0,906$^2/_3$ сер. фр. На самом же деле 0,226$^2/_3$ сер. руб. по действительной своей стоимости соответствует в золотой валюте не 0,906$^2/_3$ фр., а 0,604$^4/_9$ фр. Это несоответствие между весом и действительной стоимостью монет совершенно отпадает при подсчете старинных серебряных монет нынешними золотыми, приняв в соображение соответственное отношение серебра к золоту.

На основании вышеизложенного, т. е. полагая отношение серебра к золоту в Сасанидской Персии 10:1 и считая упомянутые у Табари мискали-дирхемы полновесной монетой из чистого серебра, можно заключить, что сасанидский дирхем весом в 4,08 г соответствовал приблизительно, как было сказано выше, 50 золотым копейкам. Согласно этому вычислению, годовой доход Персии в 607/8 г., составлявший 420 миллионов сасанидских дирхемов, можно определить максимально в 210 миллионов золотых

[168] См. «Веса и меры», с. 45—46 и «Материалы по истории экономической жизни древней Армении», II, Изв. Гос. ун. Арм., Ереван, 1928, № 4, с. 81.

[169] См. мою работу «Материалы», I, Инст. наук и искусств ССР Армении, 1927, № 2, с. 33.

рублей (420000000×50) или в 560 миллионов зол. фр. Получается, следовательно, более значительная сумма, чем та, которая указывается в вышеозначенных трудах.

Приведенные цифры придется, конечно, соответственно уменьшить, если отношение серебра к золоту окажется в то время иным и если будет установлено, что в сасанидских дирхемах VII века имелся определенный процент лигатуры.

Следует, однако, отметить, что даже при сокращении означенных крупных цифр на несколько десятков процентов, мы вынуждены все-таки признать, что эпоха Сасанидов была для Ирана эпохой исключительно высокого развития денежного обращения и торговли, а также, как указывает Бартольд, «высшего процветания материальной культуры, какого страна впоследствии никогда больше не достигала»[170].

Перевод мер веса, употреблявшихся в Армении в византийско-сасанидскую эпоху, как видно из вышеизложенного, не представляет больших затруднений.

Более труден и сложен, несомненно, вопрос о мерах жидкостей и сыпучих тел. В особой главе об этих мерах Анания Ширакский перечисляет меры жидкостей, как и сыпучих тел, взятых им из совершенно различных метрических систем и определяет их вместимость с помощью основной меры ксеста. Следовательно, для перевода означенных мер на современные единицы необходимо выяснить вместимость и соответствующий вес ксеста.

Согласно указанию Анании, ксест, служивший основной мерой, которой измерялись другие однородные меры, был метрической единицей непостоянной и имел в разных местах различную величину. Анания Ширакский дает сведения о ксестах, бывших в употреблении в Александрии, Понте, Италии и Никомедии, а также о ксесте, который он называет «эллинским». Этот последний ксест был той основной единицей, которой определены у него другие меры.

При внимательном изучении подлинного текста Анании можно, мне кажется, прийти к заключению, что «эллинский» ксест Анании соответствует распространенному на Востоке официальному римскому или эллинистическому ксесту, данные о котором собраны в метрологическом исследовании германского ученого Оскара Видебанта[171]. По мнению Видебанта, в эпоху владычества Рима ходячей мерой на Востоке был не италийский ксест, а официальный римский ксест, называвшийся xestês hrômaikos. Емкость италийского ксеста или секстария, наполненного водой, указана у Видебанда 0,544 нын. литра, емкость же римского ксеста, наполненного маслом, указана в 0,453 нын. литра. Так как весовое отношение воды и масла древние метрологи предполагали 10:9, то вес входившего в xestês hrômaikos масла будет равен 408 нын. граммам.

Указания Видебанта очень ценны и оправдываются имеющимися у Анании сведениями о ксестах. Анания также упоминает особо италийский и «эллинистический» ксесты. Первый ксест, согласно Анании, соответствует по весу 20 унциям, т. е. 544 нын. граммам, а второй ксест, как выяснено мною в подробном моем метрологическом труде[172], соответствовал по весу 15 унциям или 408 нын. г и был тождествен с эллинистическим и римским ксестом xestês hrômaikos, употреблявшимся на Востоке.

Определив основную меру ксест, нетрудно, разумеется, выяснить величину и остальных мер, так как все они сравнены у Анании с «эллинским» ксестом.

В приведенной ниже таблице указаны мною отношения к ксесту некоторых наиболее ходячих мер жидкостей, упоминаемых у Анании Ширакского и Епифана Кипрского[173], причем эти меры переложены на современные единицы как по их емкости, так и по соответствующему весу.

Определяя по вышеозначенному ксесту меры жидкостей Анании и Епифания, получаем следующую таблицу этих мер, вычисленных в килограммах и литрах[174].

Ксест эллинистический или ближневосточно-римский = 15 унциям;

(1 унция = 27,2 г); соответственный вес = 408 г; емкость этого ксеста, наполненного водой или вином = 0,408 нын. литра, а наполненного маслом = 0,408×100/90 = 0,453⅓ л.

Ксест италийско-римский и никомедийский = 20 унциям (1 унция = 27,2 г); соответственный вес = 544 г; емкость этого ксеста, наполненного вином = 0,544 л.

Ксест александрийский и понтийский = 2 римским фунтам (1 litra или lidra = 326,4 г); соответственный вес = 652,8 г; емкость этого ксеста, наполненного маслом = 0,652,8×100/90 = 0,725⅓ л.

Котила, Kotyle (= tryblion, paropsis) = ½ ближневосточно-римского ксеста весом в 408 г; соответственный вес = 204 г; емкость котилы, наполненной маслом = 0,204×100/90 = 0,226⅔ нынеш. литра.

---

[170] См. *В. Бартольд*, Персидская надпись на стене анийской мечети Манучe, СПб., 1911, с. 16, прим. 2.

[171] *Oskar Viedebantt*, Forschungen zur Metrologie des Altertums, Leipzig, 1917, S. 133—155 (гл. XI, Das hellenistische und das amtliche römische Hohlmass des Ostens).

[172] См. «Веса и меры в древнейших армянских источниках», с. 60—61.

[173] См. *O. Viedebantt*, Quaestiones Epiphanianae metrologicae et criticae, Lipsiae, 1911, Paul de Lagarde, Symmikta, I—II, Goettingen, 1877, 1880.

[174] В нижеприведенной таблице отмечены звездочками те меры жидкостей, которые упоминаются только у Епифания Кипрского.

* Алабастр = 1/2 александрийского ксеста; соответственный вес 326,4; емкость алабастра, наполненного маслом = 0,3264 × × 100/90 = 0,362 2/3 л.

Кампсак, Kampsakês (также stamnos) = 4 александрийским ксестам[175], соответственный вес = 2 кг 611,2 г; емкость кампсака, наполненного маслом = 2,6112 × 100/90 = 2,901 1/3 л.

Хус, chus = 6 ближневосточно-римским ксестам; соответственный вес = 2 кг 448 г; емкость хуса, наполненного маслом = 2,448 × × 100/90 = 2,72 л.

Мар, maris, marês (назывался также saton. in liquidis) = 50 ближневосточно-римским ксестам; соответственный вес = 20 кг 400 г; емкость мара, наполненного вином = 20,4 л; емкость мара, наполненного маслом = 20,4 × 100/90 = 22,66 2/3 л.

* Collathon (сирийская мера жидкостей) = 25 ближневосточно-римским ксестам; соответственный вес = 10 кг 200 г; емкость collathon-a, наполненного вином = 10,2 л; емкость collathon-a, наполненного маслом = 10,2 × 100/90 = 11,33 1/3 л.

* Мар понтийский = 20 александрийским ксестам; соответственный вес = 13 кг 56 г; емкость понтийского мара, наполненного вином = 13,056 л; емкость этого же мара, наполненного маслом = 14,50 2/3 л.

* Гидрия, hydria (понтийская мера жидкостей) = 10 александрийским ксестам; соответственный вес = 6 кг 528 г; емкость гидрии, наполненной вином = 6,528 л; емкость гидрии, наполненной маслом = 7,25 1/3 л.

Небел, nebel = 150 ближневосточно-римским ксестам; соответственный вес = 61 кг 200 г; емкость небела, наполненного вином = 61,2 л.

§ 26. ХЛЕБНЫЕ МЕРЫ ВИЗАНТИЙСКОЙ ЭПОХИ И ОСНОВАННЫЕ НА НИХ ИНДЕКСЫ ХЛЕБНЫХ ЦЕН

Хлебные меры византийско-сасанидской эпохи, приведенные у Анании Ширакского, подробно рассмотрены мною и определены в нынешних килограммах и литрах в вышеупомянутом метрологическом моем исследовании «Веса и меры в древнейших армянских источниках». Им же посвящена также и специальная моя статья, помещенная во II (XXVII) томе «Византийского Временника»[176].

В византийско-сасанидскую эпоху, как известно, основными хлебными мерами служили на Ближнем Востоке артабы или же

[175] См. *O. Viedebantt*, Quaestiones Epiphanianae, Lipsiae, 1911, S. 54, 65.

[176] См. «Римско-византийские хлебные меры и основанные на них индексы хлебных цен», Византийский Временник, II, (XXVII), М., 1947.

модии различного размера. Зерно измеряли артабами в Египте, а модиями—в азиатских провинциях и областях. Западноевропейские метрологи считают твердо установленным размер египетской артабы; что же касается размера модиев, о них предположения их крайне противоречивы и спорны. Неопределенность размеров модиев и послужила, очевидно, причиной того, что финский ученый Миквиц, при составлении индекса хлебных цен римско-византийской эпохи[177], определил лишь цены для Египта, где употреблялись хлебные меры артабы, хлебные же цены других стран Ближнего Востока, в которых в употреблении были модии, не мог определить и не принял в расчет.

У Анании Ширакского, как было сказано выше, основной единицей измерения жидких и сыпучих тел служит ближневосточно-римский ксест, вмещавший в себя 15 унциев или 408 г зерна. Этот ксест, соответствовавший аттическому дикотилу, египетскому hin-у и еврейскому log-у, был общераспространенной мерой на всем эллинистическом Востоке еще до владычества римлян. И он именно и назван у Анании эллинским ксестом в отличие от византийского.

При определении размеров более крупных хлебных мер исследователь сталкивается с большими трудностями. Объясняется это тем, что сведения первоисточников о них, главным образом относительно ближневосточных модиев, неправильно истолкованы в западноевропейской метрологической литературе.

Новое освещение получил этот вопрос в вышеупомянутых моих трудах. Исходя из свидетельств Анании Ширакского, сопоставленных с данными Епифания Кипрского и других письменных памятников, удалось выяснить наличие на Ближнем Востоке трех различных модиев и двух различных артаб, которые были, по-видимому, официальными и основными хлебными мерами византийско-сасанидской эпохи. Система этих мер представляет следующую картину:

1. Италийско-римский модий = 20 римским фунтам весом в 326,4 г, 16 ближневосточно-римским ксестам весом в 408 г и 4 еврейским кабам весом в 1 кг 632 г; соответственный вес = 6 кг 528 г[178].
2. Ближневосточно-римский модий = 30 римским фунтам, 24 ближневосточно-римским ксестам и 6 еврейским кабам; соответственный вес = 9 кг 792 г.
3. Двойной италийско-римский модий или modius castrensis = 40

[177] *Mickwitz*, Goldwertindex der römisch—byzantinischen Zeit, Aegyptus XIII, 1933.

[178] Относительно емкости мер сыпучих тел в работах западноевропейских метрологов имеются непримиримые разногласия. Поэтому мы считаем целесообразным определить соотношения их не по их емкости, а только по соответственному весу.

римским фунтам, 32 ближневосточно-римским ксестам и 8 еврейским кабам; соответственный вес = 13 кг 56 г.

4. Артаба италийско-римская = 3 италийско-римским модиям, 2 ближневосточно-римским модиям и $1^1/_2$ модиям, называемым castrensis; соответственный вес = 19 кг 584 г.
5. Артаба ближневосточно-римская или египетская = $4^1/_2$ италийско-римским модиям, 3 ближневосточно-римским модиям и $2^1/_4$ модиям, называемым castrensis; соответственный вес = 29 кг 376 г.

Что вышеприведенные хлебные меры правильно определены по их весу, свидетельствует целый ряд существенных соображений.

Италийско-римский модий соответствовал совершенно точно аттическому hekateus-у и эллинистическому модию, распространенному повсюду на Востоке и сохранившемуся здесь в качестве римской официальной меры. Он подробно рассмотрен и правильно определен в метрологическом исследовании Видебанта[179], а также и французскими метрологами[180]. Интересное документальное подтверждение соответственного веса этого модия сохранилось у Плиния Старшего в его Historia Naturalis[181]. Этот модий, наполненный хлебным зерном, привозимым в Рим из Галлии, Херсонеса или Александрии, Плиний считает равным по весу 20 римским фунтам (326,4×20 = 6 кг 528 г).

Также и размер двойного италийско-римского модия или modius castrensis, называвшегося в Понте кипром и содержащего 20 александрийских ксестов или 40 римских фунтов зерна (326,4×40 = 13 кг 56 г), данными источников подтверждается с полной определенностью. О том, что этот модий содержал, действительно, 40 римских фунтов зерна, определенно свидетельствует греческий математик I в. н. э. Герон Александрийский[182]. Кроме того, и из вычислений Ф. И. Успенского, основанных на метрологических материалах IX—X вв., также видно, что этот модий σπόριμος μόδιος (или modius castrensis) осеменял 200 кв. саж. земли и был равен сорока литрам или римским фунтам[183].

Из вышеприведенных мер большой интерес представляет ближневосточно-римский модий, заключавший в себе 9 кг 792 г зерна. Этот модий, употреблявшийся также в Армении в византийско-сасанидскую эпоху, насколько мне известно, в метрологических трудах не упоминается.

---

179 *Forschungen*, S. 56—66 и 133—151.

180 См. *Decourdemanche*, Traité pratique, Paris, 1909, p. 97—99.

181 XVIII, 12, 3—4.

182 См. Metrologici scriptores, ed. Hultsch, I, p. 190, 17.

183 См. *Ф. И. Успенский*, Византийские землемеры, Труды VI Археологического съезда в Одессе, 1884, Одесса, 1888, с. 287—290 и 293—294.

По свидетельству Анании Ширакского, означенный модий соответствовал персидскому «грив»-у. Можно поэтому предположить, что этот модий-грив был ходячей мерой не только в Армении, но и в Сасанидской Персии.

В моих метрологических трудах[184] было, кроме того, выяснено, что ближневосточно-римский модий, соответствовавший по весу 9 кг 792 г, был тождествен также с еврейским большим модием-сатоном, называвшимся священной мерой и равным 6 кабам или 24 логам, и с большим модием понтийцев, равным, как сообщает Епифаний Кипрский, 24 ближневосточно-римским ксестам.

Вместимость ближневосточно-римского модия, вычисленная мною на основании свидетельств Анании, подтверждается также следующим косвенным указанием. В моих «Материалах по истории экономической жизни древней Армении»[185] было выяснено, что вес употребительной в Армении хлебной меры «кайт»-а соответствовал 19 кг 584 г. А ближневосточно-римский модий или «грив», как сказано выше, соответствовал по весу 9 кг 792 г. Следует отметить, что меры эти переложены мною на современные единицы независимо друг от друга и на основании совершенно различных данных. Сравнивая же полученные нами цифры соответствующего им веса, мы видим, что мера «кайт» равнялась точ-в-точь двум модиям-гривам (19 584:9 792 = 2). Это точное процентное отношение модия-грива к хлебной мере «кайт»-у, мне кажется, может служить новым доказательством правильности наших вычислений.

Так как выяснение размера древнеармянской хлебной меры «кайт»-а представляет большой интерес для сравнительной метрологии, мы считаем не лишним дать о ней более подробные сведения. Точное определение ее размера имеется в Задачнике Ананнии Ширакского в следующем свидетельстве:

«Была у меня житница, в которой было двести «кайт»-ов ячменя; мыши забрались туда и съели весь ячмень; я поймал одну из мышей и подверг ее наказанию; она призналась и сказала: «Мне досталось восемьдесят зерен». Итак, узнай, сколько всего было в житнице зерен, а также сколько было мышей, которые их съели»[186].

В решении этой задачи[187] сказано, что в житнице было 82944000 зерен ячменя. Таким образом, емкость «кайт»-а, согласно

---

184 См. «Римско-византийские хлебные меры», и «Веса и меры», с. 70—75, 78—79 и др.

185 См. Известия Гос. унив. Армении, 1928, № 4, с. 55 и 76.

186 См. «Вопросы и решения вардапета Анании Ширакаци», издал и перевел И. А. Орбели, Пг., 1918, с. 51.

187 Там же, с. 55.

но этой задаче, получается 82944000:200=414720 ячменных зерен, или же, как правильно вычислено Г. Тер-Мкртчяном[188], 60 литр или римских фунтов. И действительно, в трактате Ананин «О весах и мерах» указано, что римский фунт или литра вмещал 6912 ячменных зерен, следовательно, 414720 ячменных зерен составляли 414720:6912=60 литр или римских фунтов или же 326,4×60=19 кг 584 г.

Приведенное свидетельство Ананин, устанавливающее точный размер древнеармянского «кайт»-а, крайне ценно. Оно подтверждает мнение Видебанта о размере вышеуказанной италийско-римской артабы, упомянутой у Африкана. Как сообщает Африкан[189], большая артаба была равна $4^1/_2$ италийским модиям, а малая, которой в его время пользовались римляне, была равна 3 модиям[190]. Под модиями, как совершенно правильно указывает Видебант, в свидетельстве Африкана подразумеваются италийско-римские модии (=6 кг 528 г). Поэтому артаба в $4^1/_2$ модия была, очевидно, ближневосточно-римской или египетской артабой, называемой артабой птолемейской, равной по весу, как было указано выше, 29 кг 376 г, а артаба в 3 модия соответствовала упомянутой выше италийско-римской артабе, равной по весу 19 кг 584 г.

Италийско-римские и ближневосточно-римские основные хлебные меры, как видно из вышеизложенного, устанавливаются не грубо и приблизительно, как часто утверждают в метрологической литературе, а совершенно точно.

Западноевропейскими учеными опубликованы недавно две работы об индексах цен позднеримской и византийской эпох, в которых приведены также индексы хлебных цен[191]. Авторы этих статей, основываясь на данных папирусов или же других источников, дают не только индексы средних хлебных цен по векам, но устанавливают также падение этих цен в более поздние века. В частности, Острогорский указывает и на различие цен в Египте и других частях Византийской империи.

Следует, однако, отметить, что составителям указанных индексов, пользовавшимся метрологическими трудами ученых преимущественно старой школы, не было известно, что в западных и восточных областях Римской, а позднее и Византийской, империи в качестве официальных мер употреблялись италийско-римские и ближневосточно-римские модии и артабы различных размеров. Поэтому некоторые основные выводы их исследований крайне спорны и едва ли приемлемы.

Главнейший камень преткновения у Миквица заключается в том, что он, при составлении для Египта индекса хлебных цен, считает артабы однообразными в размерах. Это положение, конечно, спорно. У Острогорского приведено свидетельство P. Strassb., 40, 569 года[192], в котором определенно указаны артабы, «измеряемые официальной мерой малой формы». Следовательно, можно предположить, что под артабами могли в папирусах подразумеваться как артабы египетские или ближневосточно-римские (=29 кг 376 г), так и артабы италийско-римские (=19 кг 584 г).

Кроме того, при составлении индекса цен ранневизантийского периода, Миквиц приводит максимальные цены эдикта Диоклетиана, но цены в применении к modii castrensis не принимает в расчет, так как размеры этих модиев он считает неустановленными. Мне кажется не совсем правильно и это его указание. Размер модия castrensis, как мы видели, был равен двум итало-римским модиям или 40 римским фунтам (=13 кг 56 г)[193]. Для определения средних цен эта мера представляла, несомненно, особый интерес, так как наименование ее точно указано и размер ее нетрудно было определить.

Из вышеприведенных данных об италийско-римских и ближневосточно-римских модиях и артабах, как видим, можно заключить, что индексы хлебных цен, имеющиеся даже в новейших трудах, нуждаются в проверке и что составителями их должны быть приняты во внимание те новые данные о хлебных мерах византийско-сасанидской эпохи, которые определены нами при помощи ценных свидетельств метрологического тракта «О весах и мерах» Анании Ширакского.

---

[188] См. *Г. Тер-Мкртчян*, Анания Ширакский, Вагаршапат, 1896, с. 19 (на арм. яз).

[189] См. *Lagarde*, Symmikta, I. S. 169—170, 75—77.

[190] См. *Forschungen*, S. 136—137 и 143.

[191] *G. Ostrogorsky*, Löhne und Preise in Byzanz, Byzantinische Zeitschrift, 1932, Bd. 32, 2 Halbjahrsheft, S. 293—333 и *Gunnar Mickwitz*, Ein Goldwertindex der römisch-byzantinischen Zeit, Aegyptus, XIII, Fasc. I, 1933, S. 95—106.

[192] Löhne und Preise in Byzanz, S. 296.

[193] Этот размер указан совершенно правильно у Пигулевской, см. «Месопотамия на рубеже V—VI вв. н. э.», М., 1940, с. 77.

ГЛАВА V

ТОРГОВОЕ ЗНАЧЕНИЕ АРМЕНИИ В ЭПОХУ АРАБСКОГО ХАЛИФАТА И ЦАРСТВА БАГРАТИДОВ

§ 27. ЗАСТОЙ ТОРГОВЛИ И УПАДОК ГОРОДОВ АРМЕНИИ В ПЕРВЫЕ ВЕКА АРАБСКОГО ВЛАДЫЧЕСТВА

Эпоха арабского владычества и, особенно, конец VII века и весь VIII век были для Армении временем тягчайших испытаний и катастроф, подрывавших внутреннее ее благосостояние и отражавшихся крайне отрицательно на ее экономическом развитии.

Не успев оправиться от упорных и изнурительных войн предшествовавших византийско-сасанидской эпохи, Армения, начиная с 640 г. нашей эры, испытывала все ужасы и бедствия арабских нашествий. Опустошительные набеги арабов, сопровождавшиеся грабежом, разорением и уводом жителей в плен, повторялись периодически с юга, из Месопотамии (в 640 г.), и с юго-востока, из Азербайджана (в 642—643 и 650 гг.), и в результате Армения на определенных условиях внутренней автономии и сохранения феодально-нахарарского строя признала власть арабского халифата.

Арабское владычество установилось в Армении в начале пятидесятых годов VII века и продолжалось до утверждения в Армении царской династии Багратидов (с 652 до 887/8 гг.). В первый период нового владычества, начиная с 652 до 750 гг., в течение почти целого столетия, Армения находилась под властью халифов Омейядов; с 750 же до 887/8 гг., т. е. до образования царства Багратидов, Армения подчинялась халифам из рода Аббасидов. В первый период арабского владычества центр халифата находился в Дамаске, и главную роль в новом завоевательном государстве играли арабы Сирии; во второй же период центром сделался Багдад, основанный в 762 году, и главную роль в халифате играли иракские арабы и принявшая магометанство персидская знать.

При Омейядах, особенно в начальный период их господства, арабское владычество в Армении, равно как и эксплуатация ими

населения, конечно, главным образом эксплуатация низших его слоев, были сравнительно мягкие и терпимые. Эта мягкая и осторожная политика завоевателей объясняется тем обстоятельством, что Омейяды учитывали крупное стратегическое и военное значение Армении и желали, сохраняя ее внутреннюю самостоятельность и прежние нахарарские порядки, использовать ее военные силы для защиты своих новых границ против Византии и хазаров. Однако арабское владычество, даже в эту эпоху, было для Армении бедственным. Во время периодически повторявшихся войн между халифатом и Византией, Армения неоднократно меняла свою ориентацию и беспощадно опустошалась и той и другой стороной. Если она оставалась верна халифату—жестоко наказывали ее греки, если же она переходила на сторону Византии—мстили ей арабы.

Опустошение и экономическое разорение Армении в период владычества Омейядов вполне определенно отмечены в хронике сирийского историка Дионисия из Тель-Махрэ. Описывая военный поход арабского полководца Масламы в Византию (в 716—717 гг.) и его появление в долине реки Арацания и во внутренней Армении, Дионисий пишет:

«Раньше вся эта страна бросалась в глаза и имела многочисленное население, много виноградников, зерновых посевов и всякого рода прекрасных деревьев. С тех пор она опустошилась и в ее областях не осталось больше населения»[1].

Если в первый период владычества халифата Армения разорялась в результате арабско-византийских войн, происходивших часто на ее территории, то во второй период владычества халифата, главным образом в VIII веке, Армения обескровливалась не столько вследствие этих войн, сколько под гнетом тяжелых и невыносимых налогов, служивших причиной общенародных восстаний, которые подавлялись «огнем и мечом».

При господстве Омейядов, особенно в первый период этого господства, государственные налоги в Армении были сравнительно не тяжелые. По словам Самуила Анийского, халифат при своем утверждении в Армении «взимал с каждого двора по четыре дирхема, по три модия просеянной пшеницы, по одной волосяной веревке и по одной рукавице. Со священников же, равно как с «азат»-ов и со всадников, приказано было не взимать налога»[2].

В приведенной выдержке имеются в виду: модий или грив, равный по весу 9 кг 792 г; дирхем—сасанидская серебряная монета, соответствовавшая, как было сказано выше, приблизитель-

[1] См. „Chronique de Denys de Tell-Mahré", publ. et trad. par. J.—B. Chabot, Paris, 1895, p. 12.

[2] См. *Самуил Анийский*, Вагаршапат, 1893, с. 82.

но 50 золот. коп. Следовательно, 3 модия пшеницы составляли 29 кг 376 г, а 4 дирхема—около 2 золотых рублей. Реальная стоимость этой суммы в VII веке была довольно высокая. Пуд пшеницы в седьмом веке приблизительно ценился, как будет подробно указано в одной из следующих моих работ, в 35—50 золотых копеек.

Налоговая политика халифата в Армении подверглась коренному изменению при халифе Хишаме (724—743 гг.). В 724—725 гг. в Армении была проведена по приказу Хишама всеобщая перепись и были учтены люди, скот и земля. После этой перемены отменялись прежние налоговые привилегии автономной Армении и налоги впредь подлежали взиманию не с домов или с дымов, как раньше, а подушно, а также по размеру и, вероятно, по качеству земельных угодий. Таким образом, вводилась новая система поголовной подати, налога на скот и поземельного налога. Эта система обратилась вскоре в настоящее бедствие для страны и, в особенности, для крестьян и низших слоев городского населения.

Еще до этой всеобщей переписи, при халифе Язиде II (720—724), правителем Армении был назначен ал-Джаррах ибн-Абдуллах ал-Хаками и им были впервые введены в Армении арабские веса и меры.

«После него (Херта),—свидетельствует Баладзори,—был назначен правителем Армении ал-Джаррах ибн-Абдуллах ал-Хаками из племени масхидж. Когда он прибыл в Бердау, ему донесли о злоупотреблениях в здешних мерах и весах, и он их устранил, введя новую точную меру, известную под названием джаррахитской, которая и до настоящего времени в ходу у жителей»[3].

Следствием тяжелых потрясений, пережитых Арменией в VIII в., были продолжительный упадок культуры[4], а также застой и даже регресс экономической жизни Армении, сопровождавшийся сильным ослаблением денежно-хозяйственных отношений. Крайне показательны в этом отношении сообщения источников, описывающих положение Армении и северной Месопотамии в третьей четверти восьмого века. По свидетельству армянского историка Леонтия, при халифе Мансуре (754—775) Армения оказалась не в состоянии уплатить Аббасидам денежные налоги за недостатком в стране серебра и благородных металлов[5]. Ясно, какие пагубные последствия должен был иметь этот факт. Из сообщения Леонтия видно, что население продавало за бесценок свое имущество и никак не могло собрать требуемой суммы для уплаты налогов. По свидетельству Михаила Сирийца, в северной

[3] См. *Баладзори*, Книга завоевания стран, перевод П. К. Жузе, Баку, 1927, с. 16.

[4] *Н. Я. Марр*, Кавказский культурный мир и Армения, с. 36—37.

[5] *Леонтий*, История Армении, СПб., 1887, гл. 33 и 34, с. 135 и 139.

Месопотамии жители отдавали своих детей сборщикам налогов за 5 дирхемов, там же продавали волов и ослов по 1 дирхему[6].

Историк косвенно указывает нам ещё и на другую причину этой убыли денег и ослабления денежных отношений.

«И после него [халифа ал-Мансура],—сообщает Леонтий[7],—наследовал его власть сын его Махди Махмет. Он был благороднее своего отца и был лучшего нрава. Он открыл все казнохранилища, которые держал запертыми безбожный Абдул, и раздал жалованье своим войскам. Он уничтожил, кроме того, заставы на границах, чтобы тем дать купцам возможность торговать и удовлетворить нуждающихся. Появилось изобилие на земле, увеличилось добывание серебра, и жители отдохнули от насилий налоговых требований. И хотя он увеличил налоговое бремя, однако, вследствие нахождения серебра наша страна отдохнула от злых страданий бедствия: в дни его правления было найдено в нашей стране Армении серебро в горах, из которых стали добывать чистую серебряную руду для нужд жителей».

Экономический упадок Армении в VIII в., с постепенным возвращением от денежного хозяйства к натуральному, объясняется, как мы видим, не только указанными выше политическими потрясениями, но также и прекращением международной сухопутной торговли с Черноморскими портами. Этот культурно-экономический застой и продолжительный упадок транзитной торговли через Армению совершенно упускаются из виду в новейших трудах по истории Армении. Мало того, начало нового расцвета торговли и городов в Армении в этих трудах связывают иногда с началом развития мировой торговли при Омейядах. Предположение это, как видим, находится в явном противоречии с вышеизложенными данными и не оправдывается вовсе теми фактами, которые известны нам о торговых отношениях халифата с Византией. Несмотря на крайне благоприятные условия, созданные для широкого мирового общения арабскими завоеваниями, не подлежит никакому сомнению, что Армения в первые времена арабского владычества утратила свое место в международной торговле. Мировая торговля халифата развивалась, как известно, не в пограничных с Византией областях, а главным образом с Китаем, Индией, Испанией и со всей южной Европой. Эпоха расцвета арабского халифата, как правильно указывает Гурко-Кряжин[8], означала беспрерывную борьбу между ним и Византией. Непосредственные торговые сношения с последней были почти невозможны. От Понтийского Тавра и до Средиземного моря простиралась широкая пограничная полоса, усеянная с

[6] *Михаил Сириец*, Летопись, Иерусалим, 1871, с. 352.

[7] *Леонтий*, История Армении, гл. XXXVII, с. 154.

[8] *В. Гурко-Кряжин*, Прошлое и настоящее Советской Армении. Новый Восток, 1927, кн. 16—17, с. 206.

обеих сторон фортами и военными поселениями, которые в течение веков вели пограничные войны.

Международные торговые сношения через Армению с Трапезунтом стали возможны, как увидим, в период упадка халифата и политического усиления Византии и армянских Багратидов. В VII же и VIII веках, в эпоху военной и политической мощи арабского халифата и ожесточенной борьбы с Византией, Армения была не экономическим, а исключительно военным и стратегическим форпостом халифата, и международная торговля в ней, сокращавшаяся в предшествующую эпоху, в рассматриваемое время была прервана и совершенно замерла.

Прекращение торговых сношений с Византией не могло не отразиться на состоянии городов Армении, игравших роль в международной торговле. Города эти, сильно пострадавшие во время арабских нашествий и периодических восстаний и войн, приобрели несколько иное значение. Они стали военно-административными центрами арабского господства и были заселены арабами, преимущественно колониями арабских ветеранов. Армянские и арабские источники упоминают гарнизоны и военные поселения арабов в Двине, Нахичеване, Арчеше и Феодосиополе. Значение армянских городов, как укрепленных военных баз и опорных пунктов арабского владычества, ясно видно из того, что сами арабы называли их—«пограничными крепостями Армении»[9].

Главным городом Армении оставался Двин, который был резиденцией арабских правителей. Разрушенный во время восстаний и войн конца VII и начала VIII века, Двин, как сообщает армянский историк Леонтий[10], был восстановлен Абд-ал-Азизом, который был правителем Армении при халифе Валиде (705—715 гг.).

«А Абд-ал-Азиз,—свидетельствует Леонтий,—став правителем нашей страны Армении, умиротворил ее, оградив от всяких несправедливых нападений, и суровыми попреками смирил кичливую надменность сынов Исмаила. Он вновь построил город Двин сильнее и обширнее по величине, чем он был раньше, укрепил его воротами и запорами, окружил городские стены вырытым рвом и наполнил его водой для защиты крепости».

Из сообщений того же историка видно, что особое внимание было уделено арабами городу Феодосиополю, который арабские источники называют Каликала. И это вполне понятно, так как Феодосиополь охранял магистральные пути, идущие из Трапезунта и Малой Азии через равнины Аракса в Азербайджан и в Ми-

[9] См. *J. Laurent*, L'Arménie entre Byzance et l'Islam depuis la conquête arabe jusqu'en 886, Paris, 1919, p. 178; *Thoodschian H.*, Die inneren Zustände Armeniens unter Aschot I, Diss., Berlin, 1904, S. 118.

[10] *Леонтий*, История Армении, гл. X, с. 36.

дию. Арабы называли его «могущественной крепостью для народов Азербайджана, Джабала и Рея»[11].

Находясь на крайнем западе арабских владений, город Феодосиополь подвергался часто нападению и разгрому, причем стены и укрепления его неоднократно разрушались византийцами. В 756 г. он был восстановлен арабским правителем Армении Язидом, а в 833 г.—халифом Мотасымом[12] (833—842 гг.). Защита этой первоклассной крепости была поручена Язидом военному поселению арабов, которые одновременно держали в повиновении окрестное христианское население. Армения, как сообщает Леонтий, должна была содержать их и доставлять им необходимые продукты пропитания[13].

Военные посты арабов имелись также в северном Закавказье, и крайне любопытно, что новые города были основаны ими не в Армении, а в пределах нынешнего Азербайджана. Главным военным форпостом против византийцев был на севере, несомненно, город Тбилиси. По сообщению Баладзори, в двадцати фарсахах от Тбилиси и в сорока от Бердаа (арм. Партав) Мерваном ибн-Мухаммедом в первой половине восьмого века был построен город Кисал[14].

По мнению Минорского, название этого города следует предположить не Kisāl или Kusāl, как ошибочно указано в некоторых арабских рукописях, а Kisāl. Основываясь на приведенных у Баладзори расстояниях, Минорский отождествляет Касал с нынешним Казахом на берегу реки Акстафы, являющимся узловым пунктом, откуда дороги расходятся в разные стороны: одна на запад—по правому берегу реки Куры—в Тбилиси, другая на восток через Гянджу в Бердаа и третья—на юг через Дилижан и Ереван в Двин[15]. Он совершенно правильно отмечает, что долина реки Акстафы имела важное коммуникационное значение для сообщения с южными областями, расположенными в бассейне реки Аракс.

Главари арабов, построившие укрепления Касала, хотели, очевидно, полагает он, имея прямую связь с Двином и Нахичеваном, контролировать путь из Бердаа в Тбилиси.

Тот же автор свидетельствует, что при халифе Османе (644—656 гг.) Сальманом ибн-Рабиа древний город Шамхор был засе-

[11] *J. Laurent*, L'Arménie entre Byzance et l'Islam, p. 176, Ibn Haukal BGA., II, 1873, p. 295.

[12] Ibidem, p. 176—177.

[13] *Леонтий*, История Армении XXIX, с. 130.

[14] См. *M. Ghażarian*, Armenien unter der arabischen Herrschaft, Marburg, 1903, S. 58. Beladhori, éd de Goeje, Leiden, 1870, p. 207. Проф. П. К. Жузе в русском переводе Баладзори (Баку, 1927, с. 17), Кисал считает не названием города, а названием области, в которой был построен город.

[15] См. *Minorsky*, Transcaucasia, Journal Asiatique, Juli, 1930, p. 73—90.

лен арабскими войсками; разрушенный саварднтами (арм. «северник»), он был восстановлен в 854 г. правителем Армении Бугой.

«Некоторые из жителей Бердаа сообщили мне,—говорит Баладзори,—что Сальман ибн-Рабна ал-Бахили послал в город Шамхор, считавшийся древним городом, армию, которая и заняла его. С тех пор (город) не переставал быть населенным и цветущим, пока его не разрушили саварднты. Это был народ, который стекался с разных сторон, усиливался и бесчинствовал после того, как Язид ибн-Усайд покинул Армению. Но в 240 (=854) году его восстановил Бута, клиент Мутасим-билляха, да помилует его бог, будучи правителем Армении, Азербайджана и Шимшата, и поселил в него часть хазар, которые явились к нему с просьбой о протекции, так как они желали принять ислам. Туда же он перевел купцов из Бердаа и назвал город Мутавакилией»[16].

В 844 г. Мухаммедом ибн-Халидом был основан город Гандзак (Гянджа—Кировабад) и был населен арабами из Диарбекра[17]. К востоку от Гандзака, недалеко от впадения Тертера в Куру, находился главный город Аррана Партав, называемый у арабов Бердаа, который был резиденцией правителя всей арабской Армении, т. е. Азербайджана, Грузии и Армении.

Перечисленные города, служившие военно-политическими базами арабов, были одновременно значительными торговыми центрами и до второй половины IX века, как мне кажется, они играли в международной торговле более значительную роль, чем города Армении. Этот крайне важный факт, недооцениваемый в исторических трудах, объясняется, по-видимому, прекращением торговых сношений с Византией и перемещением международной торговли в бассейн реки Куры. Оживление торговли в восточной Грузии и в нынешнем Азербайджане связано, несомненно, с расцветом восточной торговли хазар и славян. Начиная с VII века, как известно, на северных берегах Понта и в степях между Доном и Днепром начали утверждаться хазары. «В VIII веке,—говорит Ключевский,—среди них водворились из Закавказья евреи и арабы. Еврейское влияние здесь было так сильно, что династия хазарских каганов со своим двором, т. е. высшим классом хазарского общества, приняла иудейство. Раскинувшись на привольных степях по берегам Волги и Дона, хазары основали средоточие своего государства в низовьях Волги. Здесь столица их Итиль скоро стала огромным разноязычным торжищем, где рядом жили магометане, евреи, христиане и язычники. Хазары вместе с волжскими болгарами стали посредниками живого торгового обмена, завязавшегося между балтийским севером и арабским востоком приблизительно с половины VIII в. около того времени, когда при Аббасидах центр халифата переместился из Дамаска в Багдад»[18]. В торговле этой кроме хазар и волжских болгар принимала участие, как известно, также и Киевская Русь. По сообщению арабского географа Ибн-Хордадбе, современника Рюрика и Аскольда, купцы руссов возили товары из отдельных частей своей страны к Черному морю, где царь Рума взимал с них в виде пошлины десятину; они же отправлялись по Танаису (Дону), славянской реке, и доходили до хазарского города Хамлиха (восточн. половина Итиля), где властитель Хазарии брал с них также десятину; оттуда они выходили в Каспийское море и затем в Гурган, откуда иногда отправляли свои товары на верблюдах в Багдад[19]. Из целого ряда свидетельств арабских источников ясно видно, что северная торговля Закавказья, завязавшаяся в VIII веке, достигла наибольшего развития в IX и X веках. Не случайность, конечно, что экономическое процветание Тбилиси и городов Азербайджана относится как раз к этому времени. И можно с уверенностью предположить, что появление здесь новых городов и пышный расцвет столицы Бердаа—Партава объясняются, главным образом, развитием международной торговли с югом России.

Из всего изложенного следует, что, начиная с VIII века до нового подъема торговли в царстве Багратидов, в то время как были забаррикадированы транзитные пути через Армению и города Армении находились в состоянии упадка, международные торговые сношения переместились на север и преобладающую роль в этой торговле играли города северного Закавказья.

§ 28. ВОЗРОЖДЕНИЕ ТОРГОВЛИ И РАСЦВЕТ ГОРОДОВ АРМЕНИИ В IX—X И ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XI ВЕКА

Истории Армении, политической и отчасти внутренней в эпоху царства Багратидов, в последнее время уделено особое внимание. Кроме целого ряда диссертаций на немецком языке[20], по истории Армении эпохи Багратидов мы имеем обстоятельный труд германского ученого Маркварта[21]. Следует, однако, отметить, что

[16] *Баладзори*, текст и перевод Жузе, Баку, 1927, с. 13—14.

[17] *Laurent*, p. 177; *Моисей Каганкатваци*. История Агван, перевод К. Патканьяна, СПб., 1861, с. 270 (III, 20). Ср. *J. Markwart*, Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge, Leipzig, 1903, S. 462.

[18] Проф. *В. Ключевский*, Курс русской истории, М., 1914, часть I, с. 146.

[19] Там же, с. 147—148; *Markwart*, Osteurop. und Ostas. Streifzüge, S. 203, 350—352. De Goeje, Bibl. Geogr. Arab., VI, p. 115.

[20] *A. Daghbaschian*, Gründung des Bagratidenreiches durch Aschot Bagratuni, Diss., Berlin, 1893; *Thopdschian H.*, Die inneren zustände Armeniens unter Aschot I, Diss., Berlin, 1904, *Akulian A.*, Einverleibung armenischer Territorien durch Byzanz im XI, Jahrhundert, Diss., Grüningen, 1912 и др.

[21] *J. Markwart*, Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge.

рассматриваемый нами вопрос о транзитной торговле затронут в них крайне сжато. К счастью, пробел этот восполняет во многих отношениях классический труд W. Hayd'a „Histoire du commerce du Levant" (Leipzig, 1923), который служит несомненно, капитальным пособием по истории торговли средних веков.

Экономическое возрождение Армении и новый расцвет ее городских центров стали возможны, как мне кажется, начиная со второй половины IX века, благодаря коренному изменению внешнеполитической ситуации, крайне выгодному для политического и экономического развития Армении.

Со второй половины IX века происходило, как известно, распадение и ослабление халифата и постепенное усиление Византийской империи. С переходом правления к македонской династии, еще при Василие I (867—886) Византия воспользовалась ослаблением халифата и сокрушительными ударами уничтожала оборонительные позиции арабов, откуда они беспрерывно, почти ежегодно, совершали набеги на пограничные округа Малой Азии. В 872 г. Василием I была взята и разрушена Тефрика. После того византийцы могли свободно действовать против оборонительных линий, и, шаг за шагом, овладевая неприступными укреплениями арабов, они проникали в области между Малатией и восточной Киликией. В царствование Романа Лекапена (920—944 гг.) византийцы продолжали начатый натиск еще с большим успехом. «С новым упадком халифата при Муктадире (908—932 гг.)—говорит А. Мюллер,—военные успехи естественно стали мало-помалу слабеть и свершилось неслыханное в течение вот уже более ста лет дело—железное кольцо крепостей было порвано армяно-византийским генералом Иоанном Куркуасом. Греки овладевают в 314 (926) Малатией, в 315 (927) наводняют Армению вплоть до столицы ее, Двина, в 316 (928) занимают запад страны до Эрзерума, а в 317 (929) и север Месопотамии, между Маяфаркином, Амидом (нынешний Диарбекир) и Малатией; хотя арабские наместники, действуя из Мосула и Тарса, совершали неоднократные попытки оттеснить войска Куркуаса, но это удавалось им лишь временно. С 322 (934) на долгое время потеряны были для ислами Самосата, Малатия и вся западная Армения»[22].

Во время победоносного натиска Византии на оборонительные укрепления арабов, ориентация феодальной Армении, ее отношение к воюющим империям приобретали, несомненно, особенно важное значение. По мнению Лорана[23], победа Василия I могла бы быть более полной, если бы армяне обрушились на правый фланг арабов или если бы они помогли императору перенести военные действия глубже на восток. Этой крайне выгодной для

[22] *А. Миллер,* История ислама, перевод с немецкого, под редакцией прив.-доцента Н. А. Медникова, СПб., 1895, том II, с. 236—237.

[23] *J. Laurent,* L'Arménie entre Byzance et l'Islam, p. 260.

Армении ситуацией и объясняется, как правильно полагает Лоран[24], резкая перемена политики халифата в отношении феодальной Армении. Еще в 862 г. Ашот Багратид, названный впоследствии Великим, получил в свои руки управление Арменией с титулом «князя князей». Оставаясь верным халифату и нейтральным во время победоносных войн Василия I, Ашот двадцать пять лет оставался «князем князей» и при нем Армения усиливалась как политически, так и экономически. После четверти века правления, в 887/9 г., от халифа Мотамида (870—892 гг.) он получил корону и титул царя. Титул этот был признан также императором Василием I. Следует, однако, отметить, что царской династии Багратидов не удалось вовсе подчинить своей власти непокорных феодалов. Крупные феодалы не были склонны слушаться своего сюзерена царя, оставшегося вассалом и данником халифа. Непослушные феодалы искали помощи или у халифата или же у соседних эмиров, не менее могущественных, чем Багратиды. Несмотря на льстивую и внешне благожелательную политику в отношении Багратидов, сепаратизм и восстания мятежных феодалов всячески поощрялись и даже провоцировались извне, так как объединение Армении в могучее царство не было желательно ни халифату, ни Византии, ни соседним мощным эмиратам. Понятно поэтому, что царский титул Багратидов остался голым титулом без раельного содержания; в X столетии, как известно, все крупные феодалы Армении и Закавказья стали также «царями» и имели такое же царское облачение и корону, как и преемники Ашота I.

После жестокой расправы Саджида Юсуфа с Смбатом I (890/1—913/4 гг.) и последовавших затем смут и восстаний, сопровождавшихся беспощадным опустошением страны, в Армении, начиная со второй четверти X века, более ста лет господствовало сравнительное спокойствие. Не принимая активного участия в войнах Византии с арабами и оставаясь внешне вассалами халифата, багратидские цари поддерживали дружественные отношения одновременно и с Византией и с халифатом. Мир и спокойствие в их владениях не нарушались ни той, ни другой сторонами.

Благодаря своему положению на одной из главных магистралей мировой торговли Багратидская Армения, связанная договором дружбы с Византией и в первое время узами вассалитета с халифатом, стала идеальной нейтральной территорией для транзитной торговли и международных отношений. Безопасность и мирные условия жизни являлись, несомненно, фактором крайне благоприятным для экономического возрождения и преуспевания страны. Но не этим объясняется беспримерно быстрый рост ее экономического развития. Развитие это, как и пышный расцвет

[24] Там же, с. 263—273.

ее городских центров, объясняются, как совершенно правильно указано Гурко-Кряжиным, тем, что «Армения, при данной ситуации, превратилась в буфер не только политический, но еще более того экономический, поскольку ее территория являлась единственным транзитным путем для торговых сношений между двумя враждующими империями»[25].

Начало быстрого экономического возрождения Армении следует отнести ко второй половине IX века. Начавшееся возрождение, как сказано выше, было прервано во время смут, восстаний и карательных экспедиций Саджида Юсуфа. После того, в X и в первой половине XI столетия, экономическое развитие страны и рост ее городов достигли постепенно наивысшего расцвета.

Цветущее состояние Армении багратидского периода видно прежде всего из того, что арабские авторы этой эпохи считали Армению одной из наиболее богатых стран халифата. Сведения эти подтверждаются также сообщениями армянских источников. О благосостоянии Армении при первых багратидских царях любопытное свидетельство находим, например, у армянского историка Асохика. «Во дни Смбата I,—сообщает он,—и во время управления его отца в нашем отечестве (всюду) царствовал мир и каждый, по словам пророка, возлежал под виноградником и смоковницей своей. Поля превратились в селения, селения в города по многолюдству своему и богатству, так что даже пастухи стали являться в шелковых платьях»[26].

Сведение Асохика о шелковых платьях пастухов, конечно, явная гипербола, так как в другом моем труде будет показано, что в рассматриваемую эпоху положение низших классов значительно ухудшилось; но в остальном приведенное свидетельство вполне достоверно и соответствует аналогичным известиям арабских источников.

Аналогичное сведение дает о благосостоянии Армении при Смбате I (890/1—913/4) также и историк Иоанн Католикос. «А нашей стране Армении,—свидетельствует он[27],—господь оказал в те дни благорасположение, защитил ее и благоприятствовал во всех добрых начинаниях. Все пребывали тогда в своих наследственных владениях и, присвоив земли, развили виноградники, насадили рассадники оливковых деревьев и садов; они вспахали пашни вне терний и собирали урожай сторицею; переполнились хлебные амбары по окончании жатвы и наполнились погребы вина после сбора винограда; ликовали горы, так как на них раз-

[25] В. *Гурко-Кряжин,* Прошлое и настоящее Советской Армении, Новый Восток, 1927, кн. 16—17, с. 206.

[26] Всеобщая История Степаноса Таронского, Асохика по прозванию, перевод Н. Эмина, М., 1864, III, 3, с. 109.

[27] *Иоанн Католикос,* История Армении, Тифлис, 1912, с. 198—199.

множились пасущиеся стада крупного скота и овец. Наши главные нахарары, чувствуя себя в безопасности и избавившись от разбойных набегов, построили в местах уединения, селах и поселках каменные церкви, залив их массивно известью».

О богатстве новых городов, основанных в эту эпоху и ставших крупными торговыми центрами, интересные сведения сообщает армянский историк XI века Аристакес Ластивертский. Город Ани, который со второй половины X века стал столицей Багратидов, он называет городом «всемирно известным»[28]. О «величественном и знаменитом во всех странах» городе Арцне, находившемся недалеко от Феодосиополя, Аристакес сообщает, что богатства его доставлялись сюда «морем и сушей»[29]. Точно также, описывая город Карс, Аристакес отмечает зажиточность жителей этого города и подчеркивает вновь, что богатства их были накоплены «с моря и суши»[30]. Приведенные свидетельства, хотя и косвенно, но вполне определенно подтверждают, что главным источником обогащения городов Армении была развившаяся вновь международная торговля.

Что Армения служила транзитной территорией для международных торговых сношений, на это имеется прямое указание у армянского историка Ионна Католикоса[31]. Тогда в конце IX века сын Саджа, эмир Афшин, возмущенный дружбой Багратидов с Византией, двинулся против Смбата I, этот последний, по словам Иоанна, через своих послов убеждал Афшина, что дружба эта принесет халифату лишь пользу. Благодаря сближению с империей, он сможет преподнести ему и халифу пышные одежды, украшения и утварь: кроме того, купцам халифата будет открыта дорога в Византию и, таким образом, торговые сношения обогатят халифатскую казну.

На основании приведенных свидетельств и других указаний источников можно с уверенностью заключить, что руководящей силой хозяйственной жизни Армении, способствовавшей быстрому росту ее городов, была внешняя торговля Византии с Востоком, которая установилась вновь через буферную территорию царства Багратидов.

Рост материальных богатств в стране и скопление в руках феодальной знати и церкви значительных денежных средств создавали необычайно благоприятные условия для развития строительства. Города Армении, преимущественно те, которые лежали у транзитной магистрали, богатели, обстраивались и ширились. Цари и крупные феодалы Армении соперничали друг с другом ве-

[28] *Аристакес Ластивертский,* История, Тифлис, 1912, гл. 24, с. 162.

[29] Там же, гл. 12, с. 78.

[30] Там же, гл. 15, с. 91.

[31] *Иоанн Католикос,* История Армении, Тифлис, 1912, с. 159—160.

ликолепием сооружаемых ими храмов, дворцов и других строений. Нужно было иметь, несомненно, громадные средства, чтобы построить такие монументальные соборы и храмы, развалины которых сохранились до нашего времени в Ани и в Карсе. Крайне показательно в этом отношении также грандиозное, стоившее огромных затрат, строительство в царстве Гагика Арцруни (908—936 гг.), главным образом, в Ахтамаре, подробно описанное в истории Фомы Арцруни[32].

Наличность в стране свободных капиталов, имевшихся в распоряжении крупных феодалов и господствующих классов, объясняется не только развитием международной торговли, общим благосостоянием страны и увеличением численности народонаселения, но также и незначительностью суммы той дани, которую разбогатевшая Армения платила арабам. Арабский историк Ибн-Халдун ежегодные налоги Армении конца VIII века определяет в 13 миллионов дирхемов. По данным арабского географа Ибн-Хордадбе, налоги Армении, включая и другие страны Закавказья, составляли в сороковых годах IX века 4 миллиона дирхемов. В середине X века, в период экономического расцвета Армении, размер налогов, судя по сведениям Ибн-Хаукаля, нисколько не увеличился и составлял приблизительно те же 4 миллиона дирхемов, из коих 1000000 дирхемов приходился на долю Багратидов Армении[33]. Из косвенных указаний армянских источников видно, что Багратиды даже эту низкую дань платили крайне неаккуратно и азербайджанские эмиры, считавшиеся одновременно наместниками Армении, вступали часто со всей армией в пределы Армении и взимали причитающиеся халифату налоги под угрозой нападения и опустошения страны[34].

Таким образом, как видно из вышеизложенного, мнение, высказываемое в новейших армянских исследованиях об обременительном двойном налоге, уплачиваемом Багратидами, и о том, что развитие производительных сил страны в эту эпоху находилось в худших условиях, чем в прошедшую, совершенно голословно и произвольно[35]. Не подлежит никакому сомнению, что рас-

[32] *Фома Арцруни*, История рода Арцруниев СПб., 1887, IV, 6—8, с. 290—299.

[33] См. *Chazarian M.*, Armenien unter der arabischen Herrschaft, S. 66—67 *J. Laurent*, L'Arménie entre Byzance et l'Islam, p. 161; Alf. von Kremer, Culturgeschichte des Orients unter den Chalifen, Wien. 1875, Bd. I, S. 358 и 377.

[34] Ср. *Фома Арцруни*, IV, 3, с. 283, 284; Иоанн Католикос, с. 167, 205 и Асохик, III, 18, с. 199.

[35] Утверждение, что Багратиды платили налоги одновременно и халифу и эмиру решительно ни на чем не основано. Из сообщений арабских и армянских источников ясно видно, что налог, уплачиваемый Багратидами, получал не сам халиф, а эмир Азербайджана, который вносил халифу определенную сумму, установленную со всего податного округа, включая и Армению.

сматриваемая эпоха была временем не только развития торговли и расцвета городов, но и мощного роста производительных сил страны, преимущественно—как увидим ниже—в области ремесленного труда и промышленности. Мною было уже отмечено в одном из предыдущих моих трудов широкое распространение в эту эпоху денежного обращения, способствовавшее развитию денежно-хозяйственных отношений[36].

В X—XI вв., как определенно свидетельствуют армянские надписи, происходил процесс замены натуральных повинностей крестьян денежными платежами[37] (коммутация). Из сообщений Ластивертского нетрудно также усмотреть, что этот процесс повсеместного углубления денежного хозяйства сопровождался болезненными явлениями, вызванными усилившейся ролью ростовщического капитала и жестокой эксплуатацией низших слоев населения.

Описывая разгром сельджуками города Арцна в 1049 г., Аристакес Ластивертский свидетельствует, что здесь «были установлены закон о росте и процентах и начисления на пшеницу, чем оскверняется земля и создается препятствие для утробы приносить в надлежащее время плод для пропитания людей. Тот, кто обманывал товарища, хвалился, что он мудр, а тот, кто похищал, говорил, что он могуч. Богачи захватывали жилища немущих сородичей и рубежи их полей»[38]. Этот же автор, рассказывая о взятии и разгроме города Ани Алп-Арсланом в 1064 г., упоминает особо ростовщичество и социальное нестроение в нем. «Вследствие же избытка неправедностей, творившихся в нем,—пишет Аристакес Ластивертский,—сгорел величественный и красивый дворец и все здание превратилось в земляную груду, а лихоимства и коварства, происходившие в нем, прекратились. Это удел неправедных городов, которые строятся на крови других и богатеют за счет бездомных, трудящихся в поте лица, укрепляют дома свои на лихве и нарушениях прав, сами же жадно ищут себе удовольствия и неги, не имея в душе никакой жалости к бедным и бесприютным, и не чураются грязных дел, будучи охвачены страстями»[39].

В последние дни армянского царства в Ани и перед вторжением турецких племен жизнь феодальной Армении, как справедливо указывает Н. Я. Марр, представляла антитезу экономической угнетенности трудящегося армянского населения и скопления богатств в руках немногочисленных членов господствовавших

[36] История Армении в эпоху тюрко-татарских нашествий. Ереван, 1922, с. 93 (на арм. яз.).

[37] См. *К. Костанянц*, Летопись на камнях, СПб., 1913, с. 5, 6, 13.

[38] См. *Аристакес Ластивертский*, XII, с. 79—80.

[39] Там же, XXIV, с. 167. Ср. Н. Я. Марр, Ани, с. 30.

сословий. О колоссальных богатствах, имевшихся в руках хотя бы только духовенства, интересные сведения дает нам армянский историк Матвей Эдесский. При взятии города Арцна сельджукскими полководцами Ибрагимом и Кутульмышем, пишет он, «сокровищницу хорепископа Давтака захватил Ибрагим: его сокровища навьючили на сорок верблюдов; из его дома выходили на пахотные работы восемьсот плугов по шести пар быков в каждом»[40]. В противоположность зажиточности и богатству знати, купцов и духовенства, трудящееся население Ани, как показывают раскопки этой столицы, ютилось в жалких лачужках и логовах, вырытых в каменистой почве.

На тяжелое экономическое положение трудового населения указывает, между прочим, и то, что мы имеем сведения о происходивших в эту эпоху крестьянских восстаниях (в первой четверти X века). По свидетельству армянского историка Иоанна Католикоса, враждебно относившегося к повстанцам, «низшие слои хотели быть более компетентными, чем высшие слои, и слуги по-соломоновски помышляли о том, чтобы господа обулись в лапти и ходили пешком и чтобы сами они сели на величественных и топчущих коней: они возгордились, зазнались и подняли большое восстание»[41].

Помимо восстаний, усилилось в X—XI вв. также и религиозно-социальное движение секты тондракийцев, подвергавших жестокой критике господствующее вероучение и организацию феодальной церкви. Учение этой секты, приверженцами которой были широкие массы трудящегося бедного народа, отстаивало демократическое христианство и в условиях того времени являлось социальным протестом не только против официальной церкви, но и против гнета господствовавших классов.

Армянские секты павликианов и тондракийцев, подвергавшиеся в Византийской империи и Армении жестоким преследованиям, периодически выселялись в Болгарию и другие страны. Идеология их, как полагают теперь, была воспринята в Болгарии богомилами, а позднее также альбигойцами. И именно эти «сектанты, как указывает Н. Я. Марр, «потоками своей крови подлодотворили почву для более счастливых европейских реформационных движений»[42].

Любопытны в эту эпоху и другие противоречия, нарастающие в идеологической области. С одной стороны, получила сильное развитие церковная схоластическая письменность, в которой наблюдаются порывы мистического и эсхатологического характера, предвозвестники близкого крушения феодального строя, с другой стороны, зарождается светская и народная литература, в которой воплощаются чаяния и устремления трудовых масс.

В то время как в древнем городе Ереване, как сказано в армянской легенде о Козерне[43], ученый монах и духовидец Иоанн Козерн, окруженный трепещущими и стонущими князьями и знатью, объяснял им в начале XI века страшные и потрясающие небесные знамения и говорил им с плачем и в глубокой скорби о том, что связанный сатана освобожден от уз на смерть тварям, и что земля отныне погрузится в мрак, в это самое время в Сасунских горах трудовой армянский народ бодро распевал свой великий эпос «Давид Сасунский» и мудро предчувствовал создание нового мира справедливости и радости.

Явное обострение социальной борьбы в X—XI вв. объясняется, как мы сказали, углублением денежно-хозяйственных отношений, усилившейся ролью ростовщического капитала и, по-видимому, повышением также тяжести требовавшихся с крестьян денежных платежей.

Косвенным указанием происшедших сдвигов в хозяйственной жизни Армении могут служить религиозно-нравственные рассуждения Аристакеса Ластивертского о добром старом времени и жалобы его на алчность и корыстолюбие господствующих классов и на рост ростовщичества с сопутствовавшими ему явлениями концентрации имущества и земель неимущих в руках богачей[44].

Можно поэтому думать, что в рассматриваемую эпоху хозяйственная жизнь Армении перестраивалась на новых началах. Развитие ремесла и торговли, увеличение удельного веса торгового ростовщического элемента, процветание и рост городских центров содействовали, несомненно, зарождению новых экономических и социальных отношений, и возможно, что эти новые силы с течением времени вызвали бы крушение феодального строя, если бы развитие это не было прервано событиями средины XI века и нашествием сельджуков.

§ 29. ГОРОДА АРМЕНИИ БАГРАТИДСКОЙ ЭПОХИ

О городах Армении багратидского времени мы имеем более подробные сведения, чем о городах сасанидской эпохи.

Наиболее крупный торговый центр Армении Двин во второй половине IX века был разрушен, как известно, землетрясением. Он был вновь восстановлен и, благодаря своему местоположению, продолжал играть роль узлового пункта в транзитной торговле;

[40] См. *Матвей Эдесский*, Хронография. Вагаршапат, 1898, с. 103.

[41] См. *Иоанн Католикос Драсханакертский*, История Армении, Тифлис, 1912, с. 258—259.

[42] См. *Н. Я. Марр*, Ани, с. 30.

[43] См. *Н. Я. Марр*, Сказание о католикосе Петре и ученом Иоанне Козерне, СПб. 1895, с. 19—34.

[44] *Аристакес*, XII, с. 80 и XXIV, с. 167.

одновременно, как увидим ниже, Двин был выдающимся центром местной промышленности. Наиболее подробные сведения сообщают о нем арабские писатели X века Истахрий, Ибн-Хаукаль и Мукаддасий.

«Дабиль,—пишет ал-Истахрий в своем труде «Книга путей царств»,—больше Ардабиля; город этот служит столицей Армении и в нем дворец правителя подобно тому, как дворец правителя Аррана в Бердаа и дворец правителя Азербайджана в Ардабиле. Вокруг Дабиля стена; здесь много христиан, и соборная мечеть города рядом с церковью. В этом городе выделываются шерстяные платья и ковры, подушки, сидения, шнуры и другие предметы армянского производства. У них же добывается краска, называемая «кирмиз» и ею красят сукно. Я узнал, что это червяк, который прядет вокруг себя наподобие шелковичного червя; а, кроме того, узнал я, что там же выделывают много шелковых материй. Дабиль столица Армении и в нем Санбат (Сумбат I), сын Ашута (Ашот I). Город постоянно находился в руках знатных христиан, а христиане составляют большую часть обитателей Армении, она же «царство Арман»[45].

Другой арабский географ Ибн-Хаукаль, живший значительно позже Истахрия, в своем географическом труде под заглавием также «Книга путей и царств» почти буквально приводит означенное сообщение Истахрия и от себя добавляет лишь следующее: «В Дабиле выделывается много шелковых одежд. Что же касается до этих последних, то им много подобного в земле Рум, хотя эти и более ценны. А что касается до произведений, называемых «армянскими тканями», то это «бутт»[46], сидения, ковры, покрывала, коврики и подушки; нет им подобных среди предметов земли из конца в конец и во всех направлениях»[47].

Подробные сведения сообщает о Двине также арабский писатель второй половины X века Ал-Мукадассий, который много места отводит описанию самого города. «Дабиль,—пишет он,—значительный город; в нем неприступная крепость и большие богатства, имя его древнее; сукна его знамениты; река в нем многоводна; окружают его сады; город имеет предместья; крепость его надежна; площади его крестообразны; пашни его восхитительны; соборная мечеть на громадном холме, а рядом с мечетью церковь; курды наблюдают за городом; при городе есть цитадель; постройки жителей его из глины и камня; у города много ворот, как Баб-Кейдар, Баб-Тифлис и Баб-Ани. При всех его достоинствах преобладают в нем христиане; теперь уже уменьшилось его население и крепость его разрушилась»[48].

На пути из Двина в Трапезунт возникли в эту эпоху новые города—Ани, Карс и Арцн.

Ани упоминается еще в V веке, как значительная крепость в домене княжеского рода Камсараканов. Впоследствии область Ширака, вместе с ней и крепость Ани, были приобретены Ашотом Мсакером (+826 г.). Утвердившись в Аршарунии, Ширакe и прилегающих областях, Багратиды избрали своей резиденцией сначала Багаран, затем Еразгаворк-Ширакаван и Карс, и только во второй половине X века, при Ашоте III Милостивом (953—977 гг.), столица Багратидов была перенесена в Ани. Прикрытая с востока и юга рекою Ахурян, с запада—ущельем Цахкоцадзор, и окруженная стенами и укреплениями, построенными Ашотом III в 963—964 гг. и его сыном Смбатом II (977—990 гг.), новая столица сделалась одним из наиболее сильных городов Армении и стала одновременно центром международной и транзитной торговли.

В настоящее время об этом городе имеется капитальная работа акад. Н. Я. Марра[49]. Культурный облик его установлен, чуть ли не в деталях, систематическими раскопками Марра, произвелись в конце XIX и в начале XX вв. на территории развалин Ани. Анийские находки дали обильный материал для восстановления культурного быта этого крупного торгового центра с его развитой ремесленно-промышленной жизнью, караван-сараями, мостами, банями, водопроводами и другими прекрасными зданиями и сооружениями церковного и светского характера. Продукция ремесленной и художественно-ремесленной промышленности, найденная во время раскопок, ярко показала, что культурная жизнь Ани и городов Багратидской Армении находилась на более высоком уровне развития, чем в средневековых городах Западной Европы.

На пути из Ани и Артанудж и в Арцн находился город Карс, который первоначально был также крепостью, и с развитием международной торговли с черноморскими портами постепенно вырос и стал одним из главных торговых центров Багратидской Армении. Во время царствования Ашота Железного (914—928

---

[45] См. Bibl. Geog. Arab., издание de Goeje, I, p. 188; русский перевод Караулова, „Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа", вып. XXIX, 1901, с. 19.

[46] «Бутт», как указывает Караулов,—большое полотнище шелку, надевавшееся на голову и ниспадавшее с плеч, см. «Сборник материалов», вып. XXXVIII, с. 123.

[47] См. Bibl. Geog. Arab., ed. de Geoje, II, p. 245; рус. перевод Караулова, „Сборник материалов", вып. XXXVIII, 1908, с. 92.

[48] См. Bibl. Geogr. Arab., ed. de Goeje, t. III, p. 377, а также „Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа", вып. XXXVIII, Ал-Мукадассий, перевод Н. А. Караулова, с. 9—10.

[49] *Н. Я. Марр,* Ани, книжная история города и раскопки на месте городища, Л.—М., 1934.

гг.) Карс был удельным городом его брата Абаса, и после того как царство перешло к Абасу, Карс стал резиденцией нового царя. Перенесение столицы в Ани, как сказано выше, имело место при Ашоте Милостивом, сыне Абаса I. Другой сын Абаса I Мушег, как известно, не признал власти анийского царя и, таким образом, наряду с Анийским возникло новое царство—Карсское или Ванадское.

Следующим крупным городом на пути в Трапезунт был город Арцн, находившийся недалеко от Феодосиополя (=Карин—Эрзерум). По свидетельству византийского писателя XI века Михаила Атталиата[50], Арцн, основанный около покинутого и опустевшего Феодосиополя, был крупным не укрепленным городом с удобным местоположением и в нем торговали товарами, которые привозились из Персии, Индии и остальной Азии. Известный византийский хронист Георгий Кедрин сообщает также, что «Арцн—город открытый и очень богатый, с многочисленным населением. Там жили купцы местные и большое число сирийцев, армян и других народов. Сильные своей численностью, они не находили нужным жить внутри стен, несмотря на близость Феодосиополя, большого и сильного города с неприступными укреплениями»[51].

Мы уже видели выше, что о международной торговле Арцна и о богатствах, накопленных в нем «с моря и суши», свидетельствует также Аристакес Ластивертский.

На пути к восточному побережью Черного моря находился город Артанудж, который в IX—X вв. был резиденцией грузинской ветви Багратидов.

О широких торговых связях этого города интересные сведения дает Константин Порфирородный[52] (913—959 гг.). Из сообщений его видно, что Артанудж был торговым центром для сношений между Трапезунтом, Иберией, Абхазией и Арменией; от торговли этой, говорит Константин, Багратиды Артануджа получали значительные пошлины. Города Армении, судя по приведенным данным, имели торговые сношения не только с Трапезунтом, но также и с областями восточного побережья Черного моря.

О цветущем состоянии городов, лежавших в бассейне реки Куры, упоминалось выше. Не подлежит, конечно, сомнению, что Багратидская Армения имела торговые связи и с этими городами. Среди этих северных городов наиболее крупным торговым

[50] *J. Laurent*, L'Arménie entre Byzance et l'Islam, p. 44, W. Heyd, Histoire du commerce du Levant, I, p. 44—45; *Михаил Атталиат*, История, Бонн, 1853, с. 148

[51] *J. Laurent*, p. 44; *Георгий Кедрин*, Хроника, Бонн, 1838, II, с. 577.

[52] *J. Laurent*, p. 43; *J. Markwart*, Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge, S. 183; *Konstant Porphyr.*, De administrando imperio, cap. 46.

центром был, несомненно, город Бердаа—Партав. В X веке, как видно из сообщений арабских источников, город этот превосходил по величине все остальные города Закавказья и Азербайджана и занимал пространство в фарсах в длину и несколько меньше в ширину[53].

«Что касается до Бердаа,—пишет ал-Истахрий,—то это город большой, более фарсаха в длину и в ширину, здоровый, цветущий и весьма обильный посевами и плодами. В Ираке и Хорасане после Рея и Испагани нет города более значительного, более цветущего и более красивого по местоположению и по угодьям, чем Бердаа... Из Бердаа вывозится много шелку. Червей шелковичных вскармливают на тутовых деревьях, не принадлежащих никому. Много его (шелку) отправляется оттуда в Персию и Хузистан... Около ворот Бердаа, называемых «Воротами курдов», рынок по имени «ал-Кюркий», величиною фарсах в квадрате. На него собирается народ каждое воскресенье, и стекаются сюда люди из всевозможных стран, даже из Ирака. Этот рынок значительнее рынка «Кульсере»... Казнохранилище у них в соборной мечети по сирийскому обычаю, а сирийские казнохранилища всегда в мечетях. Казнохранилище это имеет крытую свинцом плоскую крышу с железной дверью на девяти колоннах. Дворец правителя рядом с соборной мечетью в городе, а рынки в предместьи города»[54].

Крупное торговое значение Бердаа видно также из того, что арабский историк ал-Мукаддасий называет его Багдадом этой области.

«Бердаа,—сообщает Мукаддасий,—главный город, большой, квадратный, расположен на равнине; при нем громадное укрепление; рынки его под сенью частых навесов; за рынком соборная мечеть; город этот—Багдад этой области; дома их прекрасны, из обожженного кирпича и гипса. Приятный, красивый и богатый плодами город! Часть колонн соборной мечети из гипса и кирпича, а часть из дерева»[55].

Любопытно также и другое сообщение Мукаддасия: «Из Бердаа,—пишет он,—вывозят покрывала и попадаются там превосходные мулы; устраивается в Бердаа в воскресные дни рынок, называемый «Кюркию»[56], на который собираются жители этой

[53] См. *В. Бартольд*, Историко-географический обзор Ирана, СПб., 1903, с. 151.

[54] См. Cibl. Geogr. Arab., изд. de Goeje, t. I, p. 182—184 и русск. перевод Н. А. Караулова, „Сборник материалов", вып. XXIX, 1901, с. 7—9. Аналогичное сообщение дает Ибн-Хаукаль в своей „Книге путей и царств", см. перевод Караулова, „Сборник материалов", вып. XXXVIII, с. 86—87.

[55] См. Bibl. Geogr. Arab., t. III, p. 37 и русский перевод Караулова, „Сборник материалов", вып. XXXVIII, 1908, 7—8.

[56] От арм. слова кюраки (греч. заимств.) =воскресенье.

области и других округов... Продают на этом рынке шелк и одежды. Нет ничего подобного выделывающимся у них шкурам и коврам, кошенили, покрывалам, краске, плоду, называемому «зукал», касбувии и рыбе «тиррих». У них есть фиги и каштан, крайне хорошего качества»[57]. Приведенное свидетельство Мукаддасия очень важно, так как в нем упоминаются кошениль (арм. vordan karmir) Айраратской равнины, «касбувий» (=вероятно, арм. «газпен» или «казпин»)—особого рода манна Мушской области и известная рыба «тарех» Ванского озера, которые имелись и продавались на рынке Бердаа—Партава. Основываясь на этом сообщении Мукаддасия, можно, мне кажется, заключить, что между Арменией и северными городами Закавказья существовала тесная торговая связь.

Тяжкий удар процветанию Бердаа—Партава был нанесен нашествием руссов в 943 г. После того город не мог уже оправиться от разгрома; крепость и окраины его развалились, число жителей уменьшилось и преобладающую роль в торговле стала играть постепенно Гянджа, которая в XI веке сделалась главным городом Аррана и прилегающих областей.

Через упомянутые выше города Армении основная транзитная линия международной торговли шла в Трапезунт. Согласно свидетельству арабского историка Масуди, в Трапезунте каждый год устраивались ярмарки, которые посещались черкесами и купцами мусульманскими, византийскими, армянскими и другими[58]. «Трапезунт—сообщает географ Истахрий—пограничный город греков; наши купцы едут все туда; все материи греческого производства и вся парча, которые импортируются в мусульманские страны, проходят через Трапезунт»[59]. Из этих и других свидетельств источников ясно видно, что в рассматриваемую эпоху Трапезунт был главным торговым пунктом восточного Черноморья и играл в международной торговле исключительную роль.

Кроме упомянутых выше крупных торговых центров Армении—Двина, Ани, Карса и Арцна,—расположенных вдоль главной караванной магистрали, в международной торговле играли значительную роль также и другие торговые пункты Армении, лежавшие, главным образом, на южных путях Армении. Эта южная группа торговых центров находилась или в царстве Арцрунидов или же в мусульманских эмирствах, возникших на территории

[57] См. *Караулов*, «Сборник материалов», вып. XXXVIII, 1908, с. 14—15 и Bibl. Geogr. Arab., t. III, p. 379.

[58] *W. Heyd*, Histoire du commerce du Levant, I, p. 44, *Masoudi*, Les prairies d'or, texte et traduction par Barbier de Meynard et Povel de Conteville, Paris, 1861—1877, II, p. 3.

[59] *W. Heyd*, p. 44; *Istachri*, Livre der routes et des; royaumes, éd. de Goeje, I, p. 148.

древней Армении в конце VIII и в IX ст. В этой группе наиболее важными торговыми пунктами были Ван, Востан, Беркри, Арчеш, Маназкерт, Хлат, Багеш, Арзн, Маяфаркин и Амид.

Большой интерес представляет вопрос о типе и характерных особенностях этих городов и о численности их населения. Мы уже отметили выше, что города багратидской эпохи возникали обычно около древних крепостей. Они являлись прежде всего средствами обороны и потому окружены были крепкими стенами, за которыми в случае войны укрывалось окрестное население. Судя по некоторым указаниям источников, городская жизнь как в менее значительных, так и в крупных городах вращалась в сельскохозяйственной атмосфере. Значительная часть населения состояла в них из землевладельческой аристократии, крупной и мелкой, а также из городских жителей, которые имели свои сады, огороды и земледельческое хозяйство[60]. Крупные города, принимавшие деятельное участие в международной торговле, были одновременно средоточием торгового и ремесленного населения. Благодаря своим широким хозяйственным связям города эти вели обширную торговлю не только византийскими и халифатскими товарами, но и своими промышленными изделиями, которые находили сбыт на территории всего Закавказья и далеко за его пределами.

О восточном типе городов Багратидской Армении имеются разъяснения в моей работе «Города Армении в X—XI столетиях»[61]. Основываясь на долголетних работах в Ани Н. Я. Марра и Т. Тораманяна, возможно было с уверенностью заключить, что как город Ани, так и другие крупные города Багратидской Армении, мало отличались от мусульманских городов Передней Азии.

Крупные города Персии и Средней Азии, как это видно из сообщений акад. В. Бартольда, состояли из трех частей, называемых «кухендуз» (цитадель), «шахристан» (собственно—город) и «рабад» (предместье). Шахристан был окружен в городах особой стеной и составлял внутреннюю часть города. Вокруг соборной мечети были расположены в нем главные базары и в нем же находился «кухендуз», т. е. крепость или вышгород. За стенами шахристана находился «рабад», т. е. предместья или пригороды, которые считались составной частью города и были иногда окружены внешней стеной. В шахристане обычно жили арис-

[60] О том, что в городах Армении сельское хозяйство составляло одну из важных отраслей занятий, имеются косвенные указания у армянских историков и в надписях города Ани; ср. Матвей Эдесский, История, Иерусалим, 1860, с. 121 и 556 (о Давтуке); *К. Костанянц*, Летопись на камнях, СПб., 1913, с. 19 и 27 и др.

[61] Ереван, 1940, с. 20—22.

кратия и господствующие классы, а в рабаде—преобладающая часть торгово-промышленного населения и низшие слои городского люда. Рабад также имел свои рынки и в нем находились отдельные ремесленные кварталы.

Как известно, опустелые развалины Ани сохранили нам характер и своеобразный тип крупных городов средневековой Армении. И крайне любопытно, что эти армянские города по своему плану и внешнему виду почти полностью соответствуют средневековым городам мусульманского Востока. Нетрудно, прежде всего убедиться, что окруженная стенами внутренняя часть Ани была шахристаном этого города, и она названа, действительно, «шахастан»-ом в историческом труде Аристакеса Ластивертского[62]. Внутри шахристана находились крепость, или вышгород, и дворец, соответствующие вышеозначенному «кухендуз»-у. А «рабад»-ом назывались, очевидно, в Ани, примыкавшие к шахристану пригороды, составлявшие наиболее обширную часть города.

О численности населения крупнейших городов Багратидской Армении—Двина, Ани, Арцна—источники дают некоторые косвенные сведения. Армянский историк Фома Арцруни сообщает, например, что в 893 г. во время землетрясения в Двине погибло в нем 70 тысяч жителей[63]. Согласно сообщению Георгия Кедрина, при взятии и поджоге города Арцн сельджуками в 1049 г. было уничтожено в нем огнем и мечом140000 человек[64]. Матвей Эдесский определяет цифру убитых в Арцне в 150000 человек[65]. В городе Ани числилось, по словам историков, 100000 жителей и 10000 домов[66]. По свидетельству Матвея Эдесского во время осады города Ани Алп-Арсланом в 1064 г. служились в нем обедни в тысяче и одной церквах[67].

Приведенные цифры, конечно, крайне спорны и мало достоверны, но они, как мне кажется, позволяют все же предположить, что численность населения крупных городов Багратидской Армении была значительно больше, 10—20 тысяч, средней численности средневековых городов Европы, и можно, следовательно, думать, что по количеству жителей они значительно превышали эти города.

При определении численности населения Ани ссылаются обычно на незначительный размер площади, занимаемой городом внутри стен, всего около 150 десятин; на этой площади могло,

[62] См. *Аристакес Ластивертский*, Тифлис, 1912, с. 63 (гл. X).

[63] *Фома Арцруни*, III, 22, с. 231; ср. Иоанн Католикос, с. 162—163.

[64] *M. J. Saint-Martin*, Mémoires historiques et géographiques sur l'Arménie, Paris, 1819, t. II, p. 206.

[65] *Матвей Эдесский*, I, 73, с. 121.

[66] *И. Орбели*, Развалины Ани, СПб., 1911, с. 27.

[67] *Матвей Эдесский*, II, 88, с. 177.

конечно, уместиться лишь незначительное население. Ссылка эта, однако, ровно ничего не доказывает. Т. Тороманян, производивший разыскания в Ани и в его окрестностях, совершенно правильно указывает, что большая часть населения г. Ани жила не внутри, а вне городских стен[68]. В прилегающих к стенам окрестных районах найдены повсюду развалины и следы городских домов, церквей, бани и обнаружено обширное кладбище площадью более 1 кв. км.

Таким образом, цифра населения в 50—100 тысяч для Ани возможна и вполне допустима.

§ 30. ДАННЫЕ ИСТОЧНИКОВ О ХОЗЯЙСТВЕ И ПРОМЫСЛАХ БАГРАТИДСКОЙ АРМЕНИИ

О хозяйственной жизни Багратидской Армении и о предметах, экспортируемых из Армении в халифат, некоторые случайные, но крайне любопытные сведения можно найти в трудах арабских географов и историков. Сведения эти приведены довольно подробно в книге Лорана—L'Arménie entre Byzance et l'Islam (стр. 35—42).

В историческом труде Табари имеется сообщение о том, что Армения вывозила свой хлеб в Багдад[69]. Свидетельство это крайне важно. Оно указывает, что феодально-землевладельческое хозяйство Армении было втянуто в международный торговый оборот.

Как важный предмет экспорта, у арабских авторов особенно часто упоминается рыба «тарех» Ванского озера и «сурмахи» (Surmahi)[70] реки Аракса и Куры. Характерно, что в средние века сушеная и соленая рыба являлась предметом широкого потребления не только в западной Европе, но и на Востоке. Мы уже видели выше, что «тарех» продавался на рынке города Бердаа. Рыба эта и вывоз ее в Месопотамию, Сирию и в Ирак упоминаются у Ибн-Хаукаля, Истахрия и Якута[71]. Ибн-Хаукаль сообщает также

[68] *Т. Тороманян*, Ани—город или крепость? См. журнал «Этнографическое обозрение», Тифлис, 1912, кн. XXII, с. 61—84.

[69] *Laurent*, p. 38; *Ghazarian M.*, Armenien unter der arabischen Herrschaft, S. 68; *Tabari*, éd. de Goeje, Leiden, 1879—93, III, p. 272—275.

[70] *Istachri*, BGA, I, p. 183; *Ibn Fakih*, BGA, V, p. 296 (шурмахи); по мнению Н А. Караулова, «Сурмахи—шамая; это очень жирная и вкусная рыба, употребляемая преимущественно в копченом виде», см. *Н. А. Караулов*, Сведения арабских писателей о Кавказе, Армении и Азербайджане, Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа XXIX с. 60.

[71] *Laurent*, p. 39; *Ibn Haukal*, BGA, II, p. 248; *Istachri*, BGA, I, p. 190; *Yakout*, Geographischer Wörterbuch, hrsg. v. Wüstenfeld, Leipzig, 1866—1873, II, S. 458

о вывозе рыбы «сурмахи» в Ирак и в Рей[72]. Относительно права на рыболовство в Ванском озере интересное свидетельство имеется у Баладзори. «Что касается озера Тирриха—сообщает он—то (Хабиб ибн-Маслама) его не тронул, и оно оставалось свободным до тех пор, пока правителем Джазиры и Армении не был назначен Мухаммед ибн-Мерван ибн-ал-Хакам[73], который наложил руку на весь улов и продавал его, извлекая из этого большую для себя прибыль. После него озеро перешло к Мервану ибн-Мухаммеду, у которого было потом отнято»[74]. Следует также отметить, что в податном списке Ибн-Халдуна значится, что Армения должна была, кроме упомянутых выше денежных налогов, ежегодно давать халифату натурой—20 ковров, 580 фунтов «ракм» (Rakm?), 10000 фунтов соленой рыбы, 200 мулов и 30 соколов[75].

Крайне любопытны сведения арабских источников о вывозе из Армении строительного леса. По свидетельству арабского географа Ибн-ал-Факиха, в лесах Армении добывали деревья огромной толщины; особенно значительную роль играло в торговле ореховое дерево[76]. О больших лесах на склонах Арарата сообщает также Истахрий[77]. На основании приведенных данных можно, по-видимому, предположить, что в Багратидскую эпоху лесная площадь Армении сохраняла значительные размеры.

Еще в древнейшие времена Армения славилась, как мы видели, своими лошадьми. Армянские лошади высоко ценились и в арабскую эпоху. По сообщению Ибн-Хаукаля, ввиду крепости и выносливости армянских мулов, на них был большой спрос во всем Хорасане, Ираке и в Сирии[78].

Арабские и армянские источники упоминают также целый ряд продуктов горной промышленности, добывавшихся в Багратидской Армении.

В последней четверти VIII века, как видно из сообщения армянского историка Леонтия, в горах Армении, вероятно в Сюнике, были открыты месторождения серебра. Рассказывая о тяже-

[72] *Ibn Haukal*, BGA, II, p. 241.

[73] Мухаммед ибн-Мерван был правителем Армении с 695 по 705 гг.; см *Laurent*, p. 338.

[74] *Баладзори*, Книга завоевания стран, текст и перевод П. К. Жузе. Баку, 1927, с. 10.

[75] *A. Kremer*, Culturgeschichte des Orients unter den Chalifen, I, S. 358; *Ghazarian M.*, Armanien unter der arabischen Herrschaft, S. 68.

[76] *Laurent*, p. 40; *Thopdschian*, Die inneren Zustände von Armenien, 1904, S. 149; *Ibn Fakih*, BGA, V, p. 125.

[77] *Laurent*, p. 40; *Thopdschian*, Die inneren Zustände, S. 150; *Istachri*, p. 191, „Сборник материалов", вып. XXIX, с. 27.

[78] *Laurent*, p. 39; *Ibn Haukal*, BGA, II, p. 248; „Сборник материалов", XXXVIII, с. 97.

лых денежных налогах при первых Аббасидах и о бедственном положении Армении, вызванном недостатком денег и благородных металлов, Леонтий свидетельствует, что добывание серебра в этих горах, в значительной мере, способствовало устранению острого денежного кризиса.

Известно, что еще древнейшие аборигены Армении были знакомы с употреблением и добычей железа, меди и других металлов. Не подлежит, конечно, сомнению, что разработка и плавка железных и медных руд производились в Армении также и в багратидскую эпоху. В историко-географическом словаре Якута месторождения железа указаны в кантоне Таруберана и Вараж-нунии и около Палу[79]. В той же Варажнунии, а также и в Гукарке и других местах имелась медная руда[80]. Из других ископаемых в источниках упоминаются бура и мышьяк, экспорт которых давал прибыль.

В окрестностях Ванского озера, свидетельствует Ибн-Хаукаль в своей «Книге путей и царств», добывается натровая соль, вывозимая в Ирак и Джазиру для хлебопеков. Близ этого же озера находятся копи мышьяка, вывозимого в прочие земли; добывается здесь красный и желтый мышьяк»[81].

Согласно Якуту и Ибн-ал-Факиху, в Армении добывались, кроме того, горная смола, ртуть, медный купорос, серебро и свинец[82]. Из месторождений соли, упоминаемых в нескольких областях, наибольшее значение имели, несомненно, соляные копи Кульпа.

О добывании и обработке металлов дают сведения также и армянские источники. В «Истории Агван» Моисея Каганкатваци упоминаются мастера, имеющие познание в золотопромывании, добывании серебра, железа и в выделке меди[83].

О многообразных изделиях обрабатывающей промышленности свидетельствуют не только древнеармянские авторы, но и те вещественные памятники, которые найдены во время раскопок, главным образом в городе Ани. Раскопками в Ани обнаружено, как известно, большое количество предметов гончарного, кузнечного, оружейного, ювелирного, текстильного и других промыслов.

Предметы эти, большинство которых было, несомненно, мест-

[79] *Ghazarian M.*, S. 74—75; *Laurent*, p. 41; *Yakout*, I, p. 455, 480, IV, p. 92.

[80] *Laurent*, p. 41; *Ghazarian M.*, S. 74—75; *Yakout*, I, p. 455; *Hübschmann* Ortsnamen, S. 164.

[81] См. *Ибн-Хаукаль*, Bibl. Geogr. arab., II, p. 248; «Сборник материалов», XXXVIII, с. 97.

[82] *Laurent*, p. 41; *Yakout*, I, p. 455; *Ibn Fakih*, BGA, V, p. 297; ср. *Н. А. Караулов*, „Сборник материалов", вып. XXXI, 1902 г., с. 39.

[83] *Моисей Каганкатваци*, История Агван, перевод К. Патканьяна, СПб., 1861, II, 16, с. 131.

ного происхождения, указывают на развитие в Армении всякого рода ремесел. К сожалению, не всегда возможно различить вещи, относящиеся к багратидскому времени и к более поздним эпохам.

Из перечисленных отраслей промышленности наиболее крупное значение имела текстильная промышленность. По данным арабских источников, в багратидскую эпоху она развивалась с необыкновенной быстротой и работала не только для местного, но также и для широкого внешнего рынка. О различных армянских тканях и изготовляемых из них изделиях, преимущественно города Двин, имеются сообщения у Ибн-Хаукаля, Истахрия и других арабских авторов[84]. В свидетельствах этих упоминаются ткани Двина, известные под названием marizi, пояса стоимостью в 1—10 динаров, тюрбаны, покрывала, наволоки, подушки, занавесы и материи для дивана. Наиболее ценные ткани были из шелка и шерсти. Они подробно упоминаются в следующих свидетельствах Ибн-Хаукаля:

1. «Выделывают в Дабиле пуховые и шерстяные ткани для ковров, подушек, сидений, шнуров и иного рода армянских произведений, окрашенных кирмизом»[85].

2. «В этих городах и в областях, лежащих между ними, есть товары, предметы ввоза, разные сорта необходимых животных, овец и материй, ввозимых в разные страны, известных у них и пользующихся славой, как армянские шнуры, приготовляемые в Саламасе и продаваемые от одного до десяти динаров за штуку, и ничего подобного нет в прочих землях. Вышеупомянутые армянские материи выделываются в Дабиле; в Меранде, Тебризе, Дабиле и областях Армении изготовляются армянские сидения и ковры, известные под названием армянских «мехфур»; немного подобного им во всех странах, в которых выделка тканей имеет сходство с армянской выделкой. Точно так же в Армении выделываются: платки, узорчатые покрывала и шали, выделываемые в Мияфарикане и разных местах Армении»[86].

В городе Двин изготовлялась также пестрая с цветами шелковая материя bozjun[87]. Текстильные изделия Армении экспортировались не только в восточные области халифата, но также и в Византию. Из указания Кремера, основанного на свидетельствах арабских источников, видно, что в Трапезунте, главном портовом центре международной торговли, продавались превосходные армянские шелковые ткани dybâg и bozjun, а также и другие материи[88]. О богатых одеждах, шитых золотом и шелками, и роскошных материях для диванов, с узорами и фигурами, имеется свидетельство у Иоанна Католикоса[89]. Шитое золотом и шелками платье найдено, как известно, в Ани во время раскопок 1908 г[90].

Все эти данные свидетельствуют как о цветущем состоянии текстильного производства, так и о вывозе его изделий на внешние рынки.

Следует еще упомянуть, что предметом значительного экспорта были, по-видимому, также и армянские ковры. Выше было указано, что в податном списке Ибн-Халдуна значится, что халифат получал из Армении ежегодно 20 ковров. Армянские ковры, как видно из указания академика В. Бартольда, пользовались большой известностью; они упоминаются в числе подарков, посланных газневидским султаном Махмудом Кадыр-хану кашгарскому[91]. Свидетельства эти подтверждают, как мне кажется, экспортное значение коврового производства Армении.

Расцвету текстильной промышленности Багратидской Армении способствовали, несомненно, превосходные краски, которые в изобилии имелись в Армении.

Из сообщений греческих, римских и древнеармянских источников мы знаем, что Армения еще в древнее время славилась своими минеральными и растительными красками. Страбон в своей Географии (XI, 14, 9) сообщает, что в Сиспиритиде (Сперe) есть «металл сандик (sandyx), который называется также армянскою краскою и похож на пурпур». У Плиния, как мы видели, упоминаются приготовляемая из хризоколлы краска orobitis и камень armenium. В Географии, приписываемой Моисею Хоренскому, упоминается чернильный орешек[92]. В арабскую эпоху большой известностью пользовалась армянская краска кошениль, которая добывалась в Айраратской долине.

В арабских источниках она называлась «кирмиз»[93]. Армянская кошениль, как было указано выше, продавалась на рынке города Бердаа. По сообщению Истахрия, из Бердаа экспортиро-

---

[84] *Laurent*, p. 41; *Ibn Haukal*, BGA, II, p. 244—246; Сборник материалов, XXXVIII, с. 95—97; BGA, I, с. 188 и др. Истахрий сообщает, что «в городе Дабил (Двине) выделывались шерстяные платья и ковры, подушки, сидения, шнуры и др. предметы армянского производства. См. *Караулов*, Сборник материалов, XXIX, с. 19.

[85] См. «Сборник материалов», XXXVIII, с. 92= Bibl. geogr. arab., II, p. 244. Ср. аналогичные сообщения Ал-Мукаддасия, «Сборник материалов», XXXVIII, с. 14= BGA, III, с. 380.

[86] «Сборник материалов», XXXIII, с. 94—95=BGA, II, p. 246.

[87] *Kremer Alf.*, Culturgeschichte des Orients, S. 342.

[88] Ibidem, с. 342.

[89] *Иоанн Католикос* (Тифлис, 1912), с. 198, 210.

[90] *И. Орбели.* Развалины Ани, 1911, с. 47.

[91] *В. Бартольд,* Историко-географический обзор Ирана, СПб., 1903, с. 150.

[92] *Моисей Хоренский,* Венеция, 1843, с. 607.

[93] *Istachri*, BGA, I, p. 188; *Ibn Fakih*, BGA, V, p. 297; ср. Караулов, "Сборник материалов", XXIX, с. 19 и XXXI, с. 39.

валась в Индию и в другие страны краска марена[94]. Ввиду высокой цены кошенили и марены, следует полагать, что краски эти, пользовавшиеся широкой известностью, были одним из наиболее прибыльных экспортных товаров Армении. По мнению Heyd'a, кошенилью пользовались, по-видимому, также и в Багдаде для окраски шелковых тканей, которые под названием «кирмизи» экспортировались в Европу[95]. Красильное ремесло, в особенности крашение в красную кошенилевую краску, процветало, конечно, и в самой Армении. Наиболее крупным центром красильного промысла был, по-видимому, Арташат, который Баладзори называет также Кирмиз, т. е. городом кошенилевых красилен[96].

Цветущее состояние торгово-промышленной деятельности в Багратидской Армении, как видим, не подлежит никакому сомнению.

§ 31. ВНУТРЕННЯЯ ЖИЗНЬ ГОРОДОВ БАГРАТИДСКОЙ ЭПОХИ

В связи с ростом городов и развитием в них промышленности, возникает, естественно, вопрос о внутреннем строе этих городов и о социальном положении городского и, в частности, ремесленного населения. На вопрос этот, к сожалению, невозможно дать прямого и определенного ответа, так как относительно внутренней жизни городов Армении мы почти не располагаем данными.

Любопытно в этом отношении, что еще Моисей Хоренский, отражающий взгляды феодально-землевладельческой знати, горожанам отводил второе место после феодальной аристократии, выше сельчан. Сельскому населению предписывалось, как свидетельствует Хоренский, почитать горожан наравне с вельможами[97].

У Иоанна Католикоса имеется также указание, что католикос Нерсес III (641—661 гг.), построив близ Эчмиадзина храм Звартноц, поселил в той местности многочисленное население «на городских началах»[98]. Приведенные сообщения свидетельствуют о каких-то льготах и особых правах городского населения, но в чем заключались эти льготы и какое устройство имели города, трудно выяснить за скудностью данных.

Основываясь на неизданных надписях XIII века, в которых упоминаются «ерицани» или «старейшины» города Ани, Марр считал возможным заключить, что в городе Ани «слагалась», быть может и сложилась, самостоятельная городская жизнь с городскими старейшинами во главе и с законодательной властью в пределах города». Он полагал, кроме того, что «все клонит к тому, чтобы утверждать, что Ани и есть то горнило, в котором армянский феодализм был претворен, еще на родине, в армянский буржуазный мир»[99].

Следует отметить, что старейшины города Двин также упоминаются в арабских источниках IX и X вв. Так, арабский историк Баладзори (конец IX в.), которым описаны победоносные походы Габиба ибн-Масламы в Армении и Грузии, сообщает, что «старейшины города Двин, в том числе Бармак ибн-Абдуллах», рассказали ему, что из Армении Габиби двинулся со своими войсками в Грузию[100]. А арабский географ Ибн-Хаукаль в своей «Книге путей и царств», написанной в 977/8 г., сообщает также, что город Дабиль был в давние времена в руках багратидского царя Смбата I и его предков и «что город находился во власти знатных из числа его жителей»[101].

Не отрицая важности приведенных сообщений, я считаю, во всяком случае, более чем вероятным, что города багратидской эпохи, принадлежавшие крупным феодалам и ставшие большею частью их резиденциями, находились под властью этих сеньоров и имели режим сеньериальный. Управлялись они, как и западноевропейские города, с сеньериальным режимом, должностными лицами, назначаемыми владетелями их, багратидскими царями и другими крупными сеньорами. Одним из главных должностных лиц армянских городов, как видно из надписей города Ани, был мухтасиб (=араб. muhthasib), который взимал городские сборы и налоги[102], имел, по-видимому, надзор за рынками, мерами и весами и исполнял также и другие полицейские функции[103]. Упоминание в городах Багратидской Армении мухтасибов, обычных должностных лиц арабских городов, может служить, как мне кажется, косвенным указанием, что по своему типу и

---

[94] *W. Heyd*, Histoire du commerce du Levant, II, p. 609; *Istachri* BGA, I, p. 190; ср. Караулов, Сборник материалов, вып. XXIX, с. 25. У *Heyd'a* вывозимая из Бердаа—Партава марена (rubia tinctorum) названа кошенилью. На изобилие марены в Армении имеется указание также у Ибн-ал-Факиха, см. „Сборник материалов", вып. XXXI, 1902, с. 39=BGA, V, с. 297.

[95] *W. Heyd*, p. 609.

[96] *Laurent*, p. 42; Баладзори, перев. П. К. Жузе, с. 10.

[97] *Моисей Хоренский*, перев. Н. Эмина, II, 8, с. 61.

[98] *Иоанн Католикос*, с. 88.

[99] См. *Н. Я. Марр*, Ани, Л.—М., 1934, с. 35.

[100] См. *Баладзори*, Книга завоевания стран, перевод Жузе, Баку, 1927 г., с. 11.

[101] См. «Сборник материалов», вып. XXXVIII, 1908, с. 92—93. Bibl. geogr. arab., II, p. 245.

[102] *К. Костанянц*, Летопись на камнях, СПб., 1913, с. 27 и 221.

[103] См. *J. Karst*, Sempadscher Kodex, Strassburg, 1905, Bd. I, S. 162 и Bd. II, S. 233; *Kremer Ad.*, Culturgeschichte des Orients, Bd. I, S. 423—426.

по существу своего внутреннего устройства армянские города имели значительное сходство с городами халифата.

В связи с хозяйственным развитием городов и с увеличением их ремесленного населения возникает также вопрос о социальном положении городских ремесленников и о существовании в Багратидской Армении цеховой организации ремесла. За неимением конкретных исторических сведений, уяснение и этого вопроса крайне трудно. На основании косвенных соображений можно лишь догадаться, что корпоративный амкарский строй ремесленников армян, существовавший в более позднее время, восходит своими корнями к периоду промышленного развития городов в древние эпохи[104]. Из исследований по внутренней жизни Византии и арабского халифата известно, что групповые объединения ремесленников существовали в багратидскую эпоху в городах как византийской империи, так и халифата[105].

Можно поэтому думать, что аналогичные организации ремесленников имелись, вероятно, и в Багратидской Армении, находившейся под сильным культурным влиянием этих государств. Предположение это, конечно, простая лишь догадка и можно надеяться, что более обоснованное разъяснение вопроса станет возможным после опубликования неизданных надписей средневековых армянских городов.

§ 32. ГЛАВНЫЕ ТОРГОВЫЕ ПУТИ БАГРАТИДСКОЙ ЭПОХИ

В римско-парфянскую и византийско-сасанидскую эпохи транзитный караванный путь, соединявший Экбатану с южными черноморскими портами, шел, как было сказано выше, через Алашкертскую равнину по линии Арташат (или Двин)—Парахот—Дзохкерт—Багаван—Артамана—Калдарич—Сатала. Недалеко от этого пути находились, как мы видели выше, древние армянские города Ервандашат и Зарехаван. В багратидскую эпоху для караванного движения и международной торговли имел преобладающее значение не этот путь, а новая магистраль, идущая из халифата в Трапезунт через города Ани, Карс и Арцн. Перемещением основного транзитного пути и объясняются как быстрое возвышение этих новых городов, так и та выдающаяся роль, какую они играли в международной торговле.

Из Карса новая магистраль проходила в Арцн—Феодосиополь—Трапезунт, по всей вероятности, через нынешний Сарыкамыш. Карс был одновременно важным узловым пунктом и имел

[104] См. *Ю. Ф. Ахвердов*, Тифлисские амкары, Тифлис, 1883, с. 4—9.

[105] См. *Christo M. Macri*, L'organisation de l'économie urbaine dans Byzance sous la dynastie de Macédoine, Paris, 1925; *Kremer Alf.*, Culturgeschichte des Orients, Bd. II, S. 186—188.

постоянную торговую связь через Артанудж с восточными портами Черного моря и через Ардаганскую область с Абхазией и Грузией.

Кроме вышеозначенной основной магистрали существовал еще другой южный путь, идущий из северо-западных областей халифата и нынешнего Персидского Азербайджана в Месопотамию, Сирию, Малую Азию и в Понт. Путь этот, имевший для международной торговли с Византией сравнительно второстепенное значение, описан в арабских источниках, главным образом у Истахрия, Ибн-Хаукаля и Мукаддасия.

Путь из Ардабиля в Амид

1. Ал-Истахрий, «Сборн. мат.» XXIX, стр. 33—35=BGA, I, p. 194: «От Ардабиля до Мераги 40 фарсахов; от Мераги до Дахаррakана, города с мечетью, два перехода; от него[106] до Урмии, города, 2 перехода; от Урмии до Саламаса 2 перехода; от Саламаса до Хувея 7 фарсахов; от Хувея до Беркери 30 фарсахов; от Беркери до Арджиша один день; от Арджиша до Хилата 3 дня[107], из Хилата до Бедлис один день; от Бедлиса до Мияфарикина 3 дня[108] и от Мияфарикина до Амида 2 дня».
2. Ибн-Хаукаль, «Сборник материалов», XXXVIII, стр. 104=BGA, II, p. 253—254.
«От Ардабиля до Мераги около 40 фарсахов; от Мераги до Урмии по озеру около 20 фарсахов, а берегом озера около 30 фарсахов; от Урмии до Саламаса—2 перехода; от Саламаса до Хувея—9 фарсахов; от Хувея до Беркери—30 фарсахов; от Беркери до Арджиша два дня пути; от Арджиша до Хилата 3 дня; от Хилата до Бадлиса 3 дня; от Бадлиса к Арзану до Мияфарикина 4 дня; от Мияфарикина до Амида—2 дня пути».
3. Ал-Мукаддасий, «Сборник матер.» XXXVIII, стр. 18=BGA, III: «От Ардабиля до Меяниджа 2 перехода; ...от Меяниджа до Хунаджа один переход; далее до Кур-сере один переход; затем до Мераги один переход; оттуда до Харракана или до Урмии по два перехода; потом до Саламаса столько же; за-

[106] Считаю не лишним отметить существенные варианты списков, указанных у Караулова (список болонский—A, список берлинский—B, отрывки готанские, копию с которых дал Миллер—C—со слов «от него» имеют: «от него до Табриза 2 перехода; оттуда до Меранда 2 перехода и из Меранда о Саламаса один переход».

[107] A и B—«один день».

[108] C—«от Бедлиса до Арзана 2 дня и от Арзана до Мияфарикина один день.

тем до Хувея один переход; оттуда до Беркери 5 переходов; затем до Арджиша 2 перехода; затем до Ахлата или до Бадлиса по 3 перехода; из Бадлиса в Амид или Мияфарикин по 4 перехода»[109].

Внимательное изучение приведенных сообщений дает возможность установить, что из Ардабиля нужно было ехать в Мерагу, как указано у Мукаддасия, через Меянидж, Хунадж и Куль-сере, а из Мераги можно было ехать в Хувей или Хой в трех различных направлениях: 1) из Мераги в Дехаркан, а затем по Урмийскому озеру в город Урмию и оттуда через Саламас в Хувей, 2) из Мераги берегом озера в южном, а затем в северо-западном направлении в город Урмию и оттуда через Салмас в Хувей и 3) из Мераги в Дехаркан и оттуда через Тавриз и Маранд в Хувей.

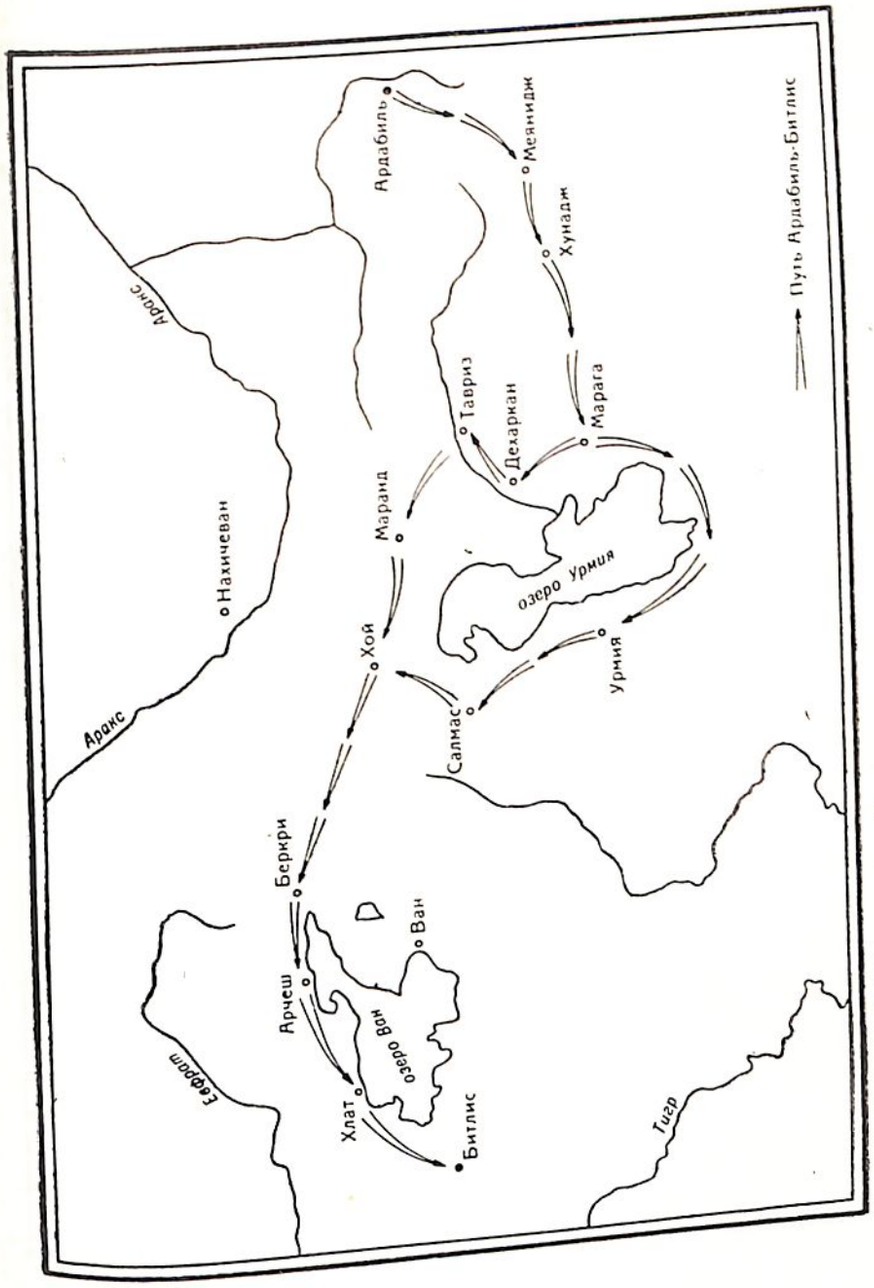
По мнению Караулова, день пути у арабов равнялся 5—7 фарсахам, т. е. 30—40 км[110]. Торговый путь из Хоя в Амид шел в Беркри, по-видимому, через Котурский перевал и отсюда по северному побережью Ванского озера в Хлат и из Хлата через Битлис и Фаркин в Амид, нынешний Диарбекир.

Начиная от Арчеша, приведенная дорога имела ответвление, известное из армянских источников. Ветвь эта шла в Малую Азию через следующие пункты: Арчеш—Маназкерт—Хнус—Эрзерум—Ерзингян—Сивас.

У вышеупомянутых географов подробно указано также направление дороги из Мераги в Двин.

Путь из Мераги в Двин

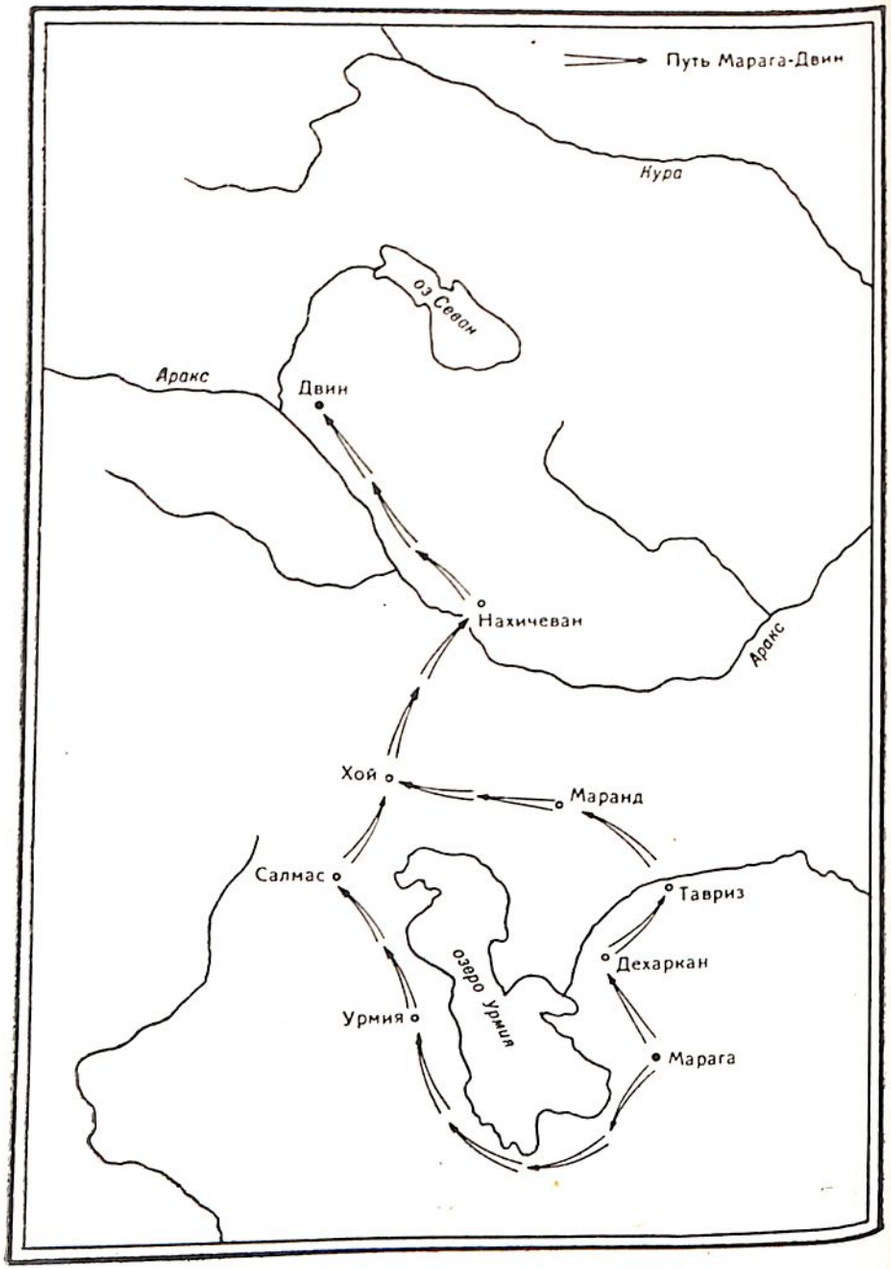
1. Ал-Истахрий, «Сборн. матер.», XXIX, стр. 35=BGA, I, p. 194: «От Мераги до Урмии 30 фарсахов; от Урмии до Саламаса 14 фарсахов; от Саламаса до Хувея 7 фарсахов; от Хувея до Нашава 3 дня и от Нашава до Дабиля 4 перехода».
2. Ибн-Хаукаль, «Сборн. матер.», XXXVIII, стр. 104=BGA, II, p. 254: «Путь из Мераги в Дабиль: через Урмию и Саламас в Хувей—53 фарсаха; из Хувея в Нашава—5 дней, а из Нашава в Дабиль 4 перехода».
3. Ал-Мукаддасий, «Сборн. матер», XXXVIII, стр. 17 (=BGA, III): «От Дубиля до Нашава 4 перехода: до Хувея три дня пути; до Саламаса 2 перехода; затем до Урмии один пере-

---

109 У Ибн-Хордадбе, писателя середины IX в., расстояния из Мераги в Хувей показаны в фарсахах; (Из Мераги) в Дахарраканн 11 фарсахов, затем в Тебриз 9 фарсахов, далее в Меранд 10 фарсахов, потом в ал-Хан 4 фарсаха, наконец, в Хувей 6 фарсахов, см. «Сборник материалов», XXXII, с. 9=BGA, VI, с. 120.

110 См. «Сборник материалов», XXIX, с. 59, прим. 21.

ход; далее от Харракан 2 перехода, оттуда до Мераги столько же».

У Ибн-Хордадбе имеется, кроме того, сообщение о пути из Меранда через Нашава в Дабиль:

«От Меранда до долины (реки) 10 фарсахов; оттуда до Нашава 10 фарсахов, затем до Дабиля 20 фарсахов[111].

«Переход» или «манзил», как указывает в своих историко-географических трудах Маркварт, означает у арабских географов не дневной путь, а станционное расстояние приблизительно в 4 фарсаха[112]. На самом же деле, в приведенном итинерарие «переход» или «манзил» был равен не 4, а 5 фарсахам. У Ибн-Хордадбе и у Кодамы расстояние «от Нашава до Дабиля» показано в 20 фарсахов, а у Истахрия, Ибн-Хаукаля и Мукаддасия—4 перехода. Совершенно очевидно поэтому, что на пути из Нахичевана в Двин «переход» или «манзил» был равен не 4, а 5 фарсахам, как это правильно указывает Караулов.

У арабских географов Истахрия, Ибн-Хаукаля и Мукаддасия, подробно указан также путь, идущий из Двина в Бердаа или Партав, которым Багратидская Армения была связана с восточным Закавказьем, нынешним Азербайджаном. Эта северная линия представляется, согласно их описанию, в следующем виде:

Путь из Двина в Партав

1. Ал-Истахрий, «Сборн. матер.», XXIX, стр. 33=BGA, I, p. 193: «От Бердаа до Калькатуса 9 фарсахов; из Калькатуса в Метрис 13 фарсахов; из Метриса в Давмис 12 фарсахов; из Давмиса в Кылькуй 16 фарсахов; от Кылькуй до Сисаджана 16 фарсахов и от Сисаджана до Дабиля 16 фарсахов».
2. Ибн-Хаукаль, «Сборн. матер.», XXXVIII, стр. 101—102=BGA, II, p. 251.
«От Бердаа до Калькатуса 9 фарсахов, от Калькатуса до Метриса—13 фарсахов, а отсюда до Давмиса—12 фарсахов; от Давмиса до Кайлаквина—16 фарсахов; от Кайлаквина до Сисаджана—16 фарсахов; Сисаджан—город приятный, средней величины; от Сисаджана до Дабиля—16 фарсахов».
3. Ал-Мукаддасий, «Сборн. матер.», XXXVIII, стр. 17 (=BGA, III, p. 181):
«От Калькатус до Метриса 2 перехода; оттуда до Думиса 2

---

[111] См. «Сборник материалов», XXXII, с. 11—13=BGA, VI, p. 122. Ср. также Кудама. «Сборник материалов», XXXII, с. 27=BGA, VI, p. 213: «от Меранда до ас-Сари по долине 10 фарсахов; от долины до Нашава 10 фарсахов, от Нашава до Дабиля 20 фарсахов».

[112] См. *Markwart J.*, Eranschahr, Berlin, 1901, S. 188, 257, 288 и Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge, Leipzig, 1903, S. 239.

перехода; до Киль-вей 2 перехода, а затем попадаешь в армянскую страну Дубиль»[113].

Караулов полагает, что приведенные в арабских источниках расстояния не всегда точны. По его мнению «это легко объясняется тем, что расстояния измеряли ходом верхового животного; арабы, живя на равнине, проходили свои расстояния скорее, чем путешествуя в гористых местах Кавказа, где расстояние действительно могло показаться гораздо большим, чем было на самом деле; к измерению расстояния другими способами арабы редко прибегали»[114]. Согласно Истахрию и Ибн-Хаукалю расстояние между Двином и Бердаа было равно 82 фарсахам, т. е. приблизительно 470 км[115]. Это, действительно, как будто многовато. То же расстояние у Ибн-Хордадбе и у Кодамы показано гораздо меньше: у Ибн-Хордадбе—7 переходов и у Кодамы—9 переходов[116].

Направление приведенного итинерария Караулов предполагает от Бердаа на юго-запад по реке Тертер, затем к югу на Метрис, оттуда на запад к Арпа-чаю и вдоль этой реки к Сисаджану около реки Аракс, который Караулов сопоставляет с нынешним Кисаджаном, лежащим недалеко от Аракса и Арпа-чая[117]. У Караулова удачно определены только направления линий из Бердаа в Калькатус и из Сисаджана в Дабиль, а направления остальных линий, как мы увидим ниже, указаны им неправильно.

Вышеозначенный путь из Двина в Партав подробно рассмотрен мною в работе моей «Главные пути древней Армении»[118]. Путь этот, как выяснено в моей работе, устанавливается с полной очевидностью через древний Каланкатуйк, область Хатерк и нынешний Зодский перевал в область Сотк, затем вдоль южного побережья Севанского озера в область Гелакуни и оттуда через Селимский перевал в область Сисакан и в северо-западном направлении в Двин.

Из вышеозначенных станционных пунктов Калькатус, отстоявший на расстоянии 9 фарсахов (=ок. 50 км) от Бердаа, тождествен, несомненно, с древним Каланкатуйком[119], лежавшим на левой стороне реки Тертера недалеко от нынешней деревни Мадагиса[120].

При разъяснении названий следующих трех станционных пунктов следует иметь в виду, что они, непонятные и непривычные для арабского слуха, подверглись сильным искажениям. Переписчики внесли много путаницы, смешивая сходные буквы и перемещая точки.

Следующая за Калькатусом станция Метрис лежала, по всей вероятности, в армянской области Hatherkh (род. пад. Hatheriths). Название Metrīs я предполагаю исправить в Hatrīs и полагаю, что искажение произошло от смешения схожих по начертанию арабских букв h и m, а также от недочета в постановке точек. Название Hatrīs соответствует названию области в которой эта станция находилась.

Следующая станция Daumīs, отстоявшая на расстоянии 12 фарсахов от Hatrīs-а, находилась в прилегающей к Hatrīs-у области Comk (Sautkh, род. пад. Sautiths). Название Daumīs без всякого насилия можно исправить в Zautīs, так как смешения арабских букв d и z, а также m и ṭ, обычны в рукописях. Поэтому можно предположить, что Zautīs является названием соответствующей древнеармянской области.

Ближайшая станция Киль-Куй у Истахрия и Кайлаквин у Ибн-Хаукаля (имеются также разночтения «Киль-Курэ», К-н-клуин» и «Киликун»)[121], как правильно полагает Маркварт[122], соответствует названию древнеармянской области Gelakhuni . Станция эта находилась, действительно, в прилегающей к Zautīs-у области Gēlakūnī. .

Следующая станция Сисаджан соответствует, также названию древнеармянской области Сисакан[123], в которой эта станция находилась. Ближайшая же станция Дабиль или Двин находилась, как сообщают вышеозначенные географы, на расстоянии 16 фарсахов от Сисаджана.

По данным арабских географов, узловым пунктом торговых путей в Закавказье был кроме Дабиля—Двина также Бердаа. Из Бердаа подробно обозначены у Истахрия и других географов пу-

---

[113] В приведенном сообщении Мукаддасия, как правильно отмечено Карауловым, текст неисправен и имеется пропуск.

[114] См. «Сборник материалов», вып. XXIX, с. 68, прим. 68.

[115] Мы увидим ниже, что в основу рассмотренных нами арабских и армянских итинериариев положены арабская миля, равная 1917, 6 м и арабский фарсах, равный 5752, 8 м.

[116] См. «Сборник материалов», XXXII, с. 11=BGA, VI, p. 122 и там же, с. 29=BGA, VI, p. 227.

[117] См. карту Кавказского края, Армении и Азербайджана, составленную Карауловым на основании сведений арабских географов и приложенную к его вышеозначенным статьям, «Сборник материалов», XXXVIII (1908), с. 128.

[118] Ереван, 1936, с. 175—204, 248—250.

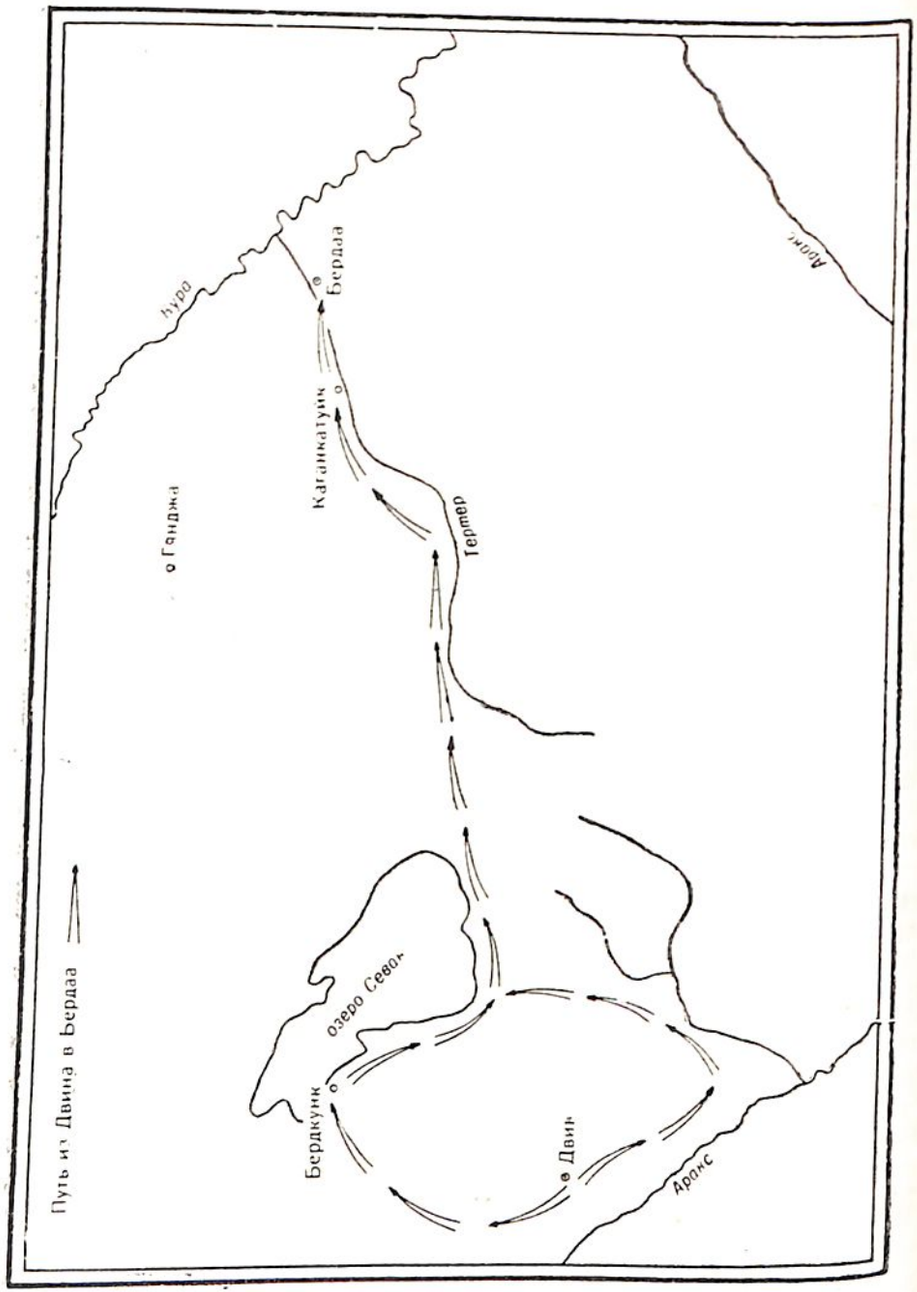
[119] См. *Markwart*, Das Itinerar von Artaxata nach Armastica, Wien. 1928, S. 56.

[120] См. *М. Бархударян*, История Албании, Вагаршапат, 1902, с. 31.

[121] См. «Сборник материалов», XXIX, с. 32 и 33.

[122] Das Itinerar von Artaxata nach Armastica, S. 56.

[123] Там же.

ти, идущие в Тбилиси, Ардебиль и в Баб-ул-Абваб, нынешний Дербент.

Путь из Бердаа в Тбилиси

1. *Ал-Истахрий,* «Сборн. матер.», XXIX, с. 31—33=BGA, I, p. 193. «Из Бердаа в Джанза, город, 9 фарсахов; из Джанза в Шамкур 10 фарсахов, от Шамкура до Хунана, города, 21 фарсах; от Хунана до Кала-ибн-Кандаман 10 фарсахов и от Кала до Тифлиса 12 фарсахов».
2. *Ибн-Хаукаль,* «Сборн. матер.», XXXVIII, с. 101=BGA, II, p. 251; «От Бердаа до Джанзы, значительного города,—9 фарсахов» от Джанзы до Шамкура 10 фарсахов; от Шамкура до города Хунана 11 фарсахов; от Хунана до Кала-ибн-Кандаман 10 фарсахов; от Кала до Тифлиса 12 фарсахов; всего 52 фарсаха».
3. *Ал-Мукаддасий,* «Сборн. матер.», XXXVIII, с. 17=BGA, III, p. 381—382.
«От Бердаа до Юнана, до Берзенджа, до Джанза и до Кальякатус по одному переходу...
Из Джанза в Шамкур один переход; затем в Хунан 3 перехода; до Кала-ибн-Кандаман один переход и затем до Тифлиса 2 перехода».
4. *Ибн-Хордадбэ,* «Сборн. матер.», XXXII, с. 11=BGA, VI, p. 122: «От Бердаа в Тифлис 10 переходов».
5. *Кудама,* «Сборн. мат.», XXXII, с. 29=BGA, VI, p. 227: «От Бердаа до города Мутеваккилии [=Шамкура] 6 переходов; от города Мутеваккилии до Тифлиса 10 переходов».

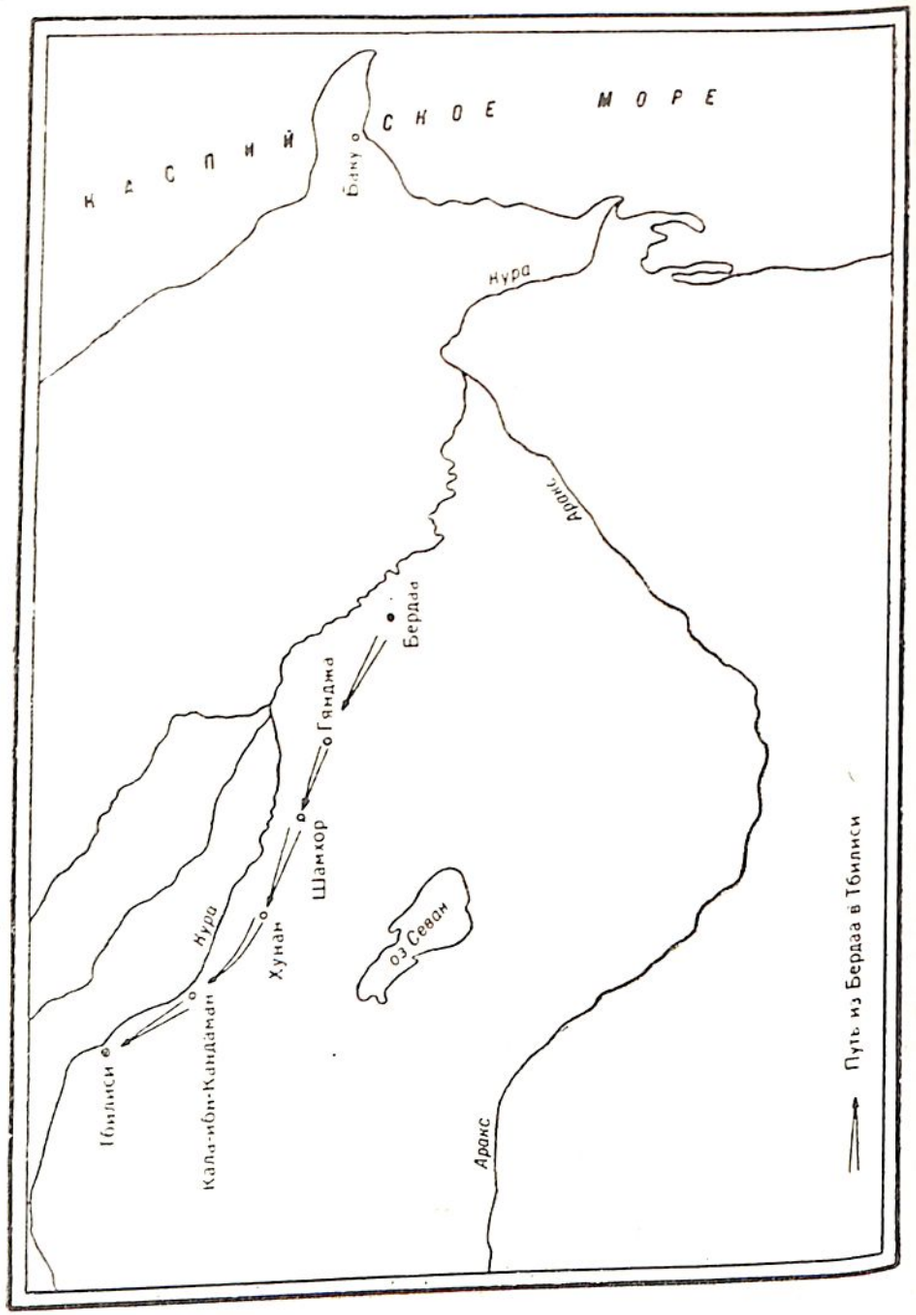
По мнению Маркварта, станция Кала-ибн- Кандаман, отстоявшая от Тбилиси на расстоянии 12 фарсахов (=около 70 км), находилась в грузинской области Гардабане, упомянутой у Ванахушти[124]. Местоположение ее Маркварт предполагает около места слияния реки Храм с Курою на месте нынешних развалин крепости Кыз-Кала[125]. Местоположение же следующей станции Хунана, отстоявшей от Кала-ибн-Кандамана на расстоянии 10 фарсахов (=ок. 57 км) и сопоставляемой им с древнеармянским Нпагакерт-ом, он указывает приблизительно на полпути между Шамхором и Кыз-Калой[126].

Относительно вышеозначенных расстояний в арабских фарсахах Караулов правильно указывает, что приведенные у Истах-

[124] *Wachuscht,* Description géographique de la Géorgie, ed Brosset, p. 179.

[125] Ср. аналогичное мнение Караулова, «Сборник материалов», XXXVIII, с. 22, прим. 7.

[126] См. Das Itinerar von Artaxata nach Armastica S. 30—31. Местоположение Хунана Караулов предполагает «на холме Ах-Тоура немного ниже реки Акстафы на правом берегу Куры», см. «Сборн. мат.», XXXVIII, с. 22.

рия расстояния значительно разнятся от действительных, которые можно рассчитать в настоящее время; например, между Гянджой и Тифлисом действительное расстояние составляет 181 в., а Истахрий дает более 300 в[127]. Неточности эти в значительной мере объясняются, несомненно, неисправностями текстов Истахрия и Ибн-Хаукаля, которые, как мне кажется, можно легко устранить, приняв во внимание разночтения списков, отмеченные в примечаниях у Караулова. По устранении в тексте Истахрия и Ибн-Хаукаля грубых и явных ошибок, путь из Бердаа в Тбилиси представляется в совершенно ином виде, соответствующем приблизительно действительным расстояниям.

Из Бердаа до Гянджи 9 фарсахов; из Гянджи в Шамхор 4 фарсаха[128], из Шамхора в Хунан 11 фарсахов[129], из Хунана в Кала-ибн-Кандаман 10 фарсахов; из Кала-ибн-Кандамана в Тифлис 12 фарсахов; всего 46 фарсахов или приблизительно 276 километров.

Путь из Бердаа в Ардабиль

1. *Ал-Истахрий,* «Сборн. мат.», XXIX, с. 29=BGA, I, p. 192: «Из Бердаа в Юнан 7 фарсахов; из Юнана[130] в Байлакан 7 фарсахов; из Байлакана в Варсан 7 фарсахов, из Варсана в Балхаб[131] 7 фарсахов; из Балхаба в Берзенд 7 фарсахов и из Берзенда в Ардабиль 15 фарсахов».
2. *Ибн-Хаукаль,* «Сборн. мат.», XXXVIII, с. 101=BGA, II, p. 251: «От Бердаа до Юнана 7 фарсахов; от Юнана до города Байлакан 7 фарсахов; от Байлакана,—а это город здоровый, богатый источниками, лесами, садами и плодами; он лежит на рукавах реки, а на них мельницы,—7 фарсахов до Варсана, города больше Байлакана, обширнее и гуще населенного; он в большом количестве снабжен рынками и товарами и в нем есть все, что бывает в больших городах; вокруг него стена, и в нем есть особый квартал для городских рынков. От Варсана до Балхаба 7 фарсахов. Балхаб—станция и населенная местность; в нем при дороге постоялые дворы и караван-сараи, где останавливаются путники. От Балхаба до Берзенда, города, близкого по своему состоянию к Байлакану, 7 фарсахов; от Берзенда до Ардабиля 15 фарсахов между селами и станциями по правой и по левой стороне дороги».

[127] См. «Сборник материалов», XXIX, с. 68, прим. 68.
[128] См. «Сборник материалов», XXIX, с. 31, прим. f—E «четыре» (E=персидский вариант Ибн-Хаукаля).
[129] См. «Сборник материалов», XXVIII, с. 101—«11 фарсахов».
[130] В примечаниях у Караулова отмечены следующие разночтения (вышеуказанных списков), A—неясно без точек, B—«уман», C—«Тубан» и «Туман».
[131] A—«...лхаб», B—неясно, C—Теглаб».

3. *Ал-Мукаддасий,* «Сборн. матер.» XXXVIII, с. 17=BGA, III, p. 381: «От Бердаа до Юнана... по одному переходу; от Юнана до Байлакана один переход; потом до Варсана один переход; до Балхаба один переход, до Берзенда один переход, а затем до Ардабиля два перехода».
4. *Ибн-Хордадбэ,* «Сборн. мат.», XXXII, с. 9—13=BGA, VI, p. 121—122:
«От Ардабиля до Хушша 8 фарсахов; далее до Берзенда 6 фарсахов... Путь от Берзенда до пустыни Баласаджан, а оттуда до Варсана, крайнего пункта области Азербайджан, 12 фарсахов.. От Варсана до Бердаа 8 переходов... От Варсана до Дармана 3 фарсаха. Затем до Байлакана 9 фарсахов. Далее до Бердаа 14 фарсахов».
5. *Кудама,* «Сборн. мат.», XXXII, с. 25—27=BGA, VI, p. 213: «От Ардабиля до Хан-Бабека 8 фарсахов; от Хан-Бабека до Берзенда 6 фарсахов; от Берзенда до Бахлаба 12 фарсахов... Отправляющемуся из Варсана в Бердаа надо итти от Варсана до Кумама 3 фарсаха, потом до Байлакана 7 фарсахов и потом до Бердаа 3 фарсаха».

Относительно приведенного пути из Бердаа в Ардабиль имеется подробное разъяснение у Караулова. По его мнению, станционный пункт Юнан или Дерман соответствует нынешнему Дейрану; далее, недалеко от слияния Куры с Араксом находился Байлакан; еще далее вверх по течению Аракса, в устье нынешней реки Кара-су, лежал Варсан; дальнейший же путь в Ардабиль пролегал по течению Кара-су[132].

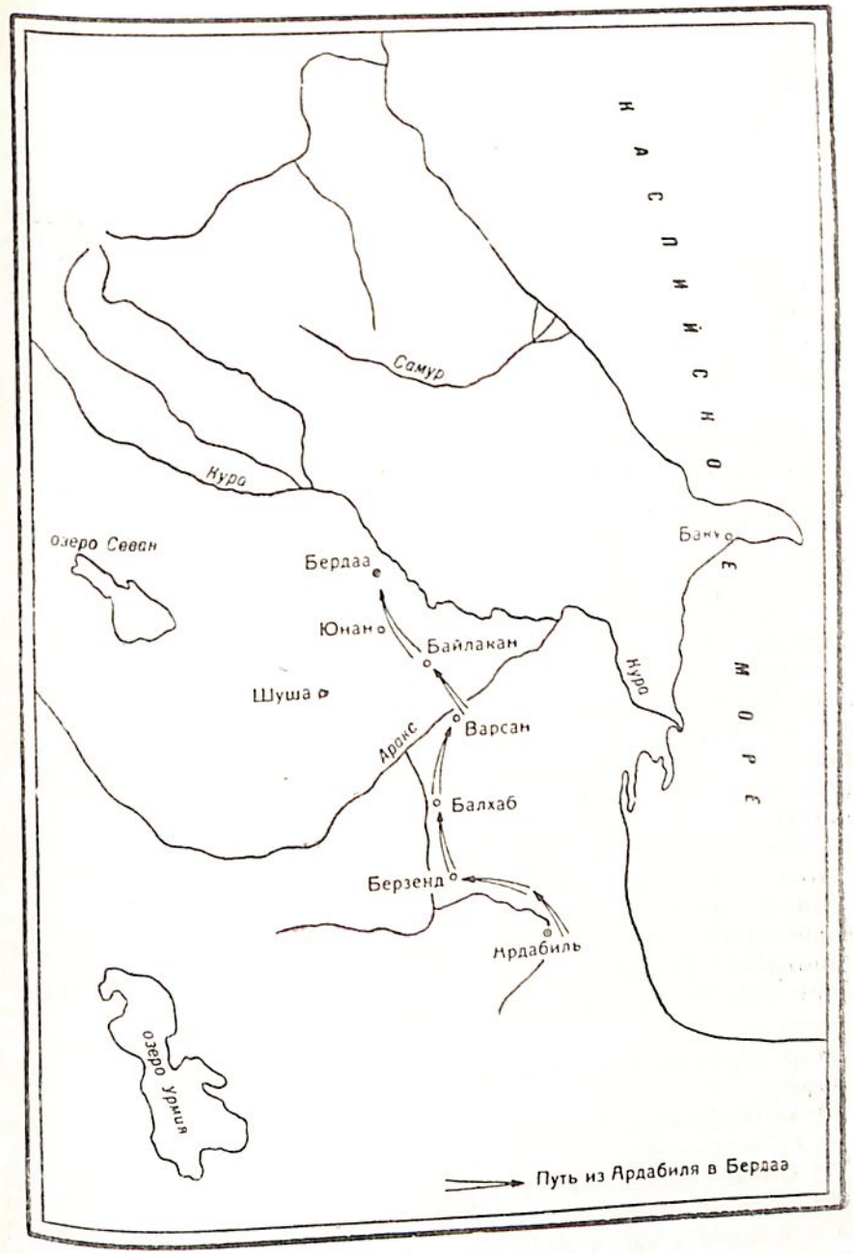
Это направление считается в настоящее время более чем спорным. Развалины Байлакана, как указывает Минорский, находятся не около места слияния Куры с Араксом, а в нынешнем Карабаге к юго-востоку от города Шуши[133]. А развалины Варсана, местоположение которого указано Карауловым около устья реки Кара-су, как полагает Минорский, находятся на берегу реки Аракс и называются ныне развалинами Алтана[134]. Новая локализация Байлакана и Варсана исключает, как видим, предположенное Карауловым северное направление этого пути к месту слияния Куры с Араксом.

Путь из Бердаа в Баб-ул-Абваб

1. *Ал-Истахрий,* «Сборн. матер.», XXIX, с. 29—31=BGA, I, p. 192: «Из Бердаа в Берзендж 18 фарсахов; из Берзенджа на брод

---

132 См. «Сборник материалов», XXIX, с. 67, прим. 59.
133 См. *Minorsky,* Hudūd al-'Alam, London, 1937, p. 398.
134 См. *Minorsk,* Hudūd al-'Alam, London, 1937, p. 395.

через Куру в Шемахию 14 фарсахов; из Шемахии в Шарван[135] 3 дня пути; из Шарвана в Абхаз[136] 2 дня пути; из Абхаза в Джасар-Самур 12 фарсахов и из Джасар-Самура[137] в Баб-ул-Абваб 20 фарсахов[138].

2. *Ибн-Хаукаль,* «Сборн. мат.», XXXVIII, с. 101=BGA, II, p. 251: «От Бердаа до Берзенджа, значительного торгового города на реке Куре, 18 фарсахов; от Берзенджа, перейдя в брод Куру, до Шамахии 14 фарсахов; от Шамахии до Шарвана 3 дня пути; от Шарвана до Абхаза 2 дня пути и от Абхаза до Джасар-Самура 12 фарсахов; от Джасар-Самура до Баб-ул-Абваба 20 фарсахов».
3. *Ал-Мукаддасий,* «Сборн. мат.», XXXVIII, с. 17=BGA, III, p. 381: «От Бердаа до Берзенджа... по одному переходу; ...от Берзенджа до Шемахии 2 перехода; до Шарвана 3 перехода; до Абхаза 2 перехода; далее до Джасар-Самура 2 перехода и затем до Баб-ул-Абваба 3 перехода».

Направление приведенного пути из Бердаа в Баб-ул-Абваб (Дербент) Караулов определяет через Шарван (=Шемаха), Абхаз (=Куба) и Джасар-Самур (=«Самурская плотина»).

Приведенные сопоставления у Караулова Ширван=Шемаха и Абхаз=Куба, как выяснено теперь, явно ошибочны[139]. Интересные разъяснения о вышеозначенных станционных пунктах дает Минорский в своем капитальном историко-географическом труде «Худуд-ал-Алам». Он полагает, что название станционного пункта Берзендж следует исправить и читать Бардедж. Основываясь на вышеуказанном свидетельстве Мукаддасия, местоположение Бардеджа Минорский предполагает на расстоянии не 18 фарсахов от Бердаа, а лишь одного дневного перехода. Поэтому станцию эту он предположительно локализует на правом берегу реки Куры, напротив нынешнего Кепри-кенда, находящегося на расстоянии приблизительно 34 км к востоку от Бердаа[140].

Ближайшая после Шемахи (=Шемаха) станция Шерван, находившаяся от Шемахи на расстоянии трех дней пути, как предполагает Минорский, соответствует, вероятно, древнему Шабарану или Шаварану, столице Ширвана[141].

---

135 В примечаниях у Караулова отмечены следующие разночтения: А—«Шабаран».

136 А—«ал-Ла-хан», В—«Ай-Лайджан».

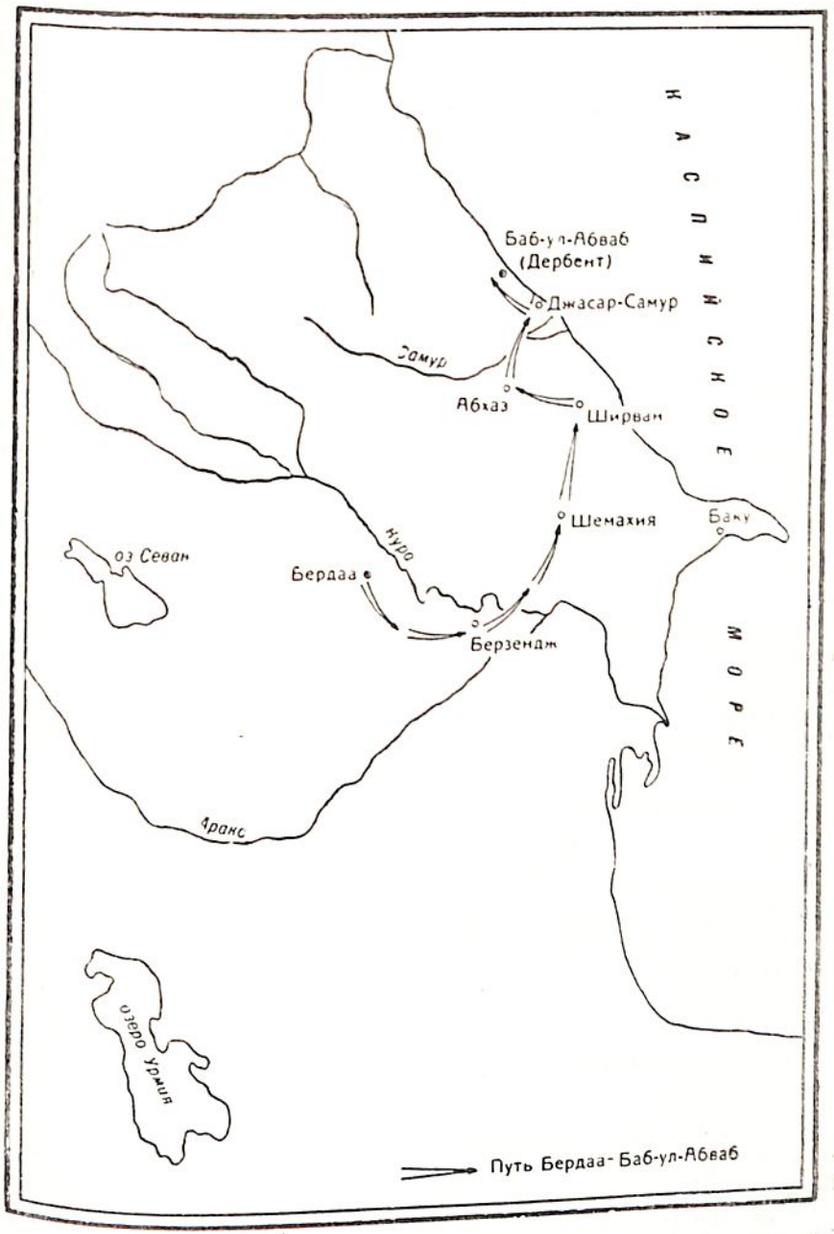
137 С—«ас-Самур».

138 С—дает «меньше десяти фарсахов».

139 «Сборник материалов», XXIX, с. 67, прим. 60. Ошибка эта была замечена и исправлена самим Карауловым. См. «Сборник материалов», XXXVIII, с. 22. а также вышеуказанную его карту.

140 См. «Худуд-ал-Алам», с. 403.

141 Там же, с. 404.

О путях багратидской эпохи, пересекающих Армению, имеются сведения также в средневековых армянских итинерариях, которые к сожалению, мало изучены и даже не все изданы. Один из этих итинериариев напечатан в так называемой «Лисьей книге», изданной в Амстердаме (в 1668—9 гг.) и затем в Марселе (в 1676—8 и 1683 гг.). Французский перевод марсельского текста 1683 г. помещен у Сен-Мартена в его „Mémoires historiques et géographiquess sur l'Arménie" (II. p. 395—397). Дорожник этот, как удалось недавно выяснить, тождествен с тем итинерарием, который сохранился в эчмиадзинской рукописи 971—981 гг, (№ 2679, по каталогу Геворкян, № 102).

Армянский текст древнейшего этого списка был опубликован в моем исследовании о Моисее Хоренском, а русский перевод этого текста—в моей статье «Средневековый итинерарий в армянской рупокиси X столетия», помещенной в Сборнике Академии наук, посвященном сорокалетнему юбилею акад. Н. Я. Марра[142]. Текст этот представляет, несомненно, особый интерес, так как им устанавливается предельная дата возникновения итинерария—до 971—981 гг. н. э. Кроме того, список этот имеет сравнительно с прежними печатными изданиями некоторые подробности, а в самом начале текста дает крайне ценные сведения о древних милях и стадиях, которые, как увидим, являются ключом для точного и бесспорного определения расстояний итинерария.

Приводим текст нового списка в русском переводе лишь с теми разночтениями марсельского издания «Лисьей книги» (1683), которые существенны для содержания итинерария.

Армянский итинерарий багратидской эпохи

(Обозначения: Е=эчмиадзинская рупокись, № 2679, М=марсельское издание «Лисьей книги», 1683 г.).

«О знании расстояний в милях. Стадий—170 шагов, шаг—6 стоп, стопа—16 пальцев, миля—7 стадий; по персидскому счету стадий—143 шага, миля—1000 шагов, фарсах—3 мили.

(1) Из Двина в Карин 200 миль; из Карина до пограничного рва[143] 100[144]; оттуда в Колонию 90; оттуда в *Неокесарию*[145] 100; оттуда в Амасию 80; оттуда в Гангру 105[146]; оттуда в Ангару 80; оттуда в Константинополь 120[147]; оттуда в Рим 3000[148].

(2) Из Двина в Хлат 170 миль; оттуда в Хлимар 80; оттуда в Урфу 180; оттуда к реке Евфрат 40; [оттуда в Эмесу 150][149]; оттуда в Дамаск 120[150]; оттуда к горе Фавору 90; оттуда в Иерусалим 100.

(3) Из Двина в Берткунк 60 миль; оттуда в Партав 160; оттуда к Каспийскому морю 90.

(4) Из Двина в Нахичеван 70 миль; оттуда в Гандзак Шахастан 120; оттуда в Ктезифон 370; оттуда в Куфу 70; оттуда в Басру 140; оттуда к Персидскому заливу 20.

(5) Из Гандзака[151] в Ниневию 120[152]; оттуда в Низибин 120[153]; оттуда в Урфу 150.

(6) Из Нахичевана в Ардебиль 200 миль; оттуда в Варданакерт 70; оттуда в Пайтакаран 60; оттуда к Каспийскому морю 50[154].

(7) Из Двина в Кульп 50; оттуда в Котакевх 120[155], оттуда в Тифлис 140; оттуда в Хунаракерт 70; оттуда в Партав 100.

(8) Из Иерусалима в город Александрию 500; оттуда в Пентаполис 1000; оттуда в Триполис 350[156]; оттуда в Африку 1500[157], оттуда в Септе 900; оттуда к Океану 2000[158]. Конец расстояний в милях».

В приведенных данных армянского итинерария содержатся, как видим, крайне любопытные сведения о путях, идущих из Двина через Карин, Хлат и Нахичеван в крупные торговые центры Византийской империи и Арабского халифата.

Следует, прежде всего, отметить, что в настоящем итинерарие, как подробно выяснено в моей работе «Главные пути древ-

---

142 См. мою работу «Разрешение проблемы Моисея Хоренского», Ереван, 1934, с. 85—87 и сборник «Академия наук академику Н. Я. Марру», М.—Л., 1935, с. 723—728.

143 М—«до рва, отделяющего страну армян от страны греков».

144 М—«120».

145 М—«в Неокесарию, Е ошибочно в «Никию».

146 М—«130».

147 М—«320».

148 М—«6000». Е—90 вм.=3000.

149 Это расстояние, пропущенное в Е., имеется в М.

150 М—«100».

151 Под Гандзаком подразумевается, несомненно, Гандзак Шахастан и под Ниневией—Мосул.

152 М—«100».

153 В М—пропущено расстояние из Ниневии в Низибин.

154 Весь этот отрывок (6) не имеется в М.

155 М—«в деревню Кот 105».

156 М—«300».

157 М—«1030».

158 М—«к неизвестному океану 1000». В французском переводе Сен-Мартена расстояния между Амасией и Ангорой показано всего 108 миль, между Константинополем и Римом 3000 миль, из Хлимара в Эдессу 160 миль, из Берткунка в Партав 140 миль и из Партава к Каспийскому морю 20 миль.

ней Армении»[159], начальная часть пути из Двина в Партав указана не в направлении через Шарур, Сисакан и Селимский перевал, как у арабских географов, а в совершенно ином направлении—через Ереван, Еленовку и Каранлуг. Обе дороги объединялись в области Гелакуни и шли в Партав через Зодский перевал.

Местоположение Берткунка, отстоявшего от Двина на расстоянии 60 миль (=115 км), устанавливается в древнеармянской области Мазазе к юго-востоку от Еленовки, приблизительно на месте Агкалы, около которой лежат теперь развалины древнего города.

Особенно важно упоминание в армянском итинерарие пути из Двина в Кохб и отсюда в Кот-гех и Тбилиси. По мнению Маркварта, Кохб тождествен с нынешним Кульпом. Из Кульпа дорогу в Тбилиси он предполагает через нынешний Ленинакан (Александрополь) в Кот-гех, который он считает пограничным пунктом между Арменией и Грузией. Направление этого пути из Ленинакана через Кот-гех в Тбилиси Маркварт затрудняется определить за отсутствием данных о местонахождении Кот-Геха[160]. Определение этого пути, мне кажется, возможно, если иметь в виду расстояние между Кульпом и Тбилиси: от Кохба в Кот-гех 120 или 105 миль и от Кот-геха в Тбилиси 140 миль. Марквартом правильно указано, что путь от Кульпа шел в Ленинакан справа от реки Арпа-чая. Из Ленинакана в Тбилиси существуют, как известно, три дороги: 1) восточная—вдоль реки Бамбакчая и Дебеда-чая, 2) средняя—через нынешн. Воронцовку и Екатериненфельд и 3) западная—через город Ахалкалаки—Бакуриани—Боржом и затем вдоль реки Куры. Из этих дорог вышеуказанному расстоянию (260 или 245 миль=приблизительно 500 или 470 км) соответствует наиболее дальний западный путь через Ахалкалаки—Бакуриани—Боржом.

И, действительно, на этом пути, приблизительно на расстоянии около 105—120 миль[161] (=ок. 200—230 км) от Кульпа, находится между городом Ахалкалаки и станцией Годоляры деревня Котелия, которая, по-видимому, тождественна с Кот-гехом дорожника. Предположение наше более чем вероятно, так как и дальнейшее протяжение пути из Котели в Тбилиси также соответствует расстоянию, указанному в дорожнике (140 миль=приблизительно 268 км).

В приведенном древнейшем списке армянского итинерария особенно ценно, как отмечено выше, имеющееся за заглавием сообщение о милях и фарсахе. В сообщении этом упоминается стадий, равный 170 шагам, и стадий «по персидскому счету», равный 143 шагам. Под последним стадием, как выяснено в метрологическом моем труде «Веса и меры в древнейших армянских источниках»[162], древние армянские писатели подразумевают стадий или аспарез персидской линейной системы, называемый в египетско-арабской системе ghalva, равный 230,112 м[163]. В пространной «Географии Моисея Хоренского» длина этого персидского стадия определена не в 143, а 144 шага. Чтение 144 вместо 143, как видно из подробных вычислений в моем труде «Веса и меры», следует признать более правильным. Поэтому шаг этот будет равен 230, 112:144=1,598 м.

При определении имеющегося в списке другого стадия следует иметь в виду, что длина его обозначена в круглой цифре. На самом же деле стадий это, как нетрудно догадаться при внимательном метрологическом обследовании, был равен не 170, а $171^{3}/_{7}$ шага (1200/7).

Линейные и путевые меры приведенного отрывка, на основании изложенных данных, выразятся, следовательно, в следующих отношениях:

1. Шаг 1/114 персидского стадия=230,112:144=1,598 м;
2. Стадий=1200/7 шага=1,598×1200/7=$273,9^{3}/_{7}$ м;
3. Миля=7 стадиям=1200 шагам=1598×1200=1917,6 м;
4. [Фарсах=3 милям=1917,6×3=5752,8 м];
5. Стадий «по персидскому счету»=144 шагам=1,598×144=230,112 м;
8. Миля персидская=1000 шагам=1598 м;
9. Фарсах=3 милям=1598×3=4794 м.

Вычисления эти не подлежат сомнению, так как приведенные линейные и путевые меры вполне реальны и имеются все в сравнительной метрологии Декурдеманша[164]. Первая миля и соответствующий ей фарсах являются арабскими путевыми мерами, которыми обозначены расстояния в вышеозначенных арабских итинерариях. Вторая же миля соответствует действительно персидской новой миле, которая была тождественна с римской милей в 5000 вавилонских стоп (=0,3196×5000=1598 м).

Не подлежит также никакому сомнению, что в основу приведенного средневекового армянского итинерария положена арабская миля, равная 1917,6 м. Проверить это нетрудно данными самого итинерария. Указанное в нем между Двином и Нахичеванью

---

[159] Ереван, 1936, с. 194—195, 249.

[160] *Markwart*, Das Itinerar von Artaxata nach Armastica, S. 55—57.

[161] Следует отметить, что для восстановления подлинных цифр необходимо сличить и обследовать все существующие списки приведенного дорожника и использовать их для критического издания текста.

[162] Ереван, 1930, с. 98—110.

[163] Ср. *J. A Decourdemanche*, Traité pratique des poids et mesures des peuples anciens et des arabes, Paris, 1909, p. 82 и 88.

[164] Ср. J. A. Decourdemanche Traité pratique des poids et mesures des Peuples anciens et des arabes, Paris, 1909, p. 67, 68, 76, 82, 88, 133 и 135.

ном расстояние в 70 арабских миль, составляющее (1917,6×70= =134,232), соответствует действительно расстоянию между нынешним Арташатом, находящимся на месте Двина, и городом Нахичеваном. По прежнему почтовому тракту расстояние из Нахичевана до селения Камарлю, которое лежит в нескольких километрах к югу от Арташата—Двина, составляет и теперь 127 км. Следовательно, вышеозначенные наши выводы подтверждаются вполне и этими реальными данными.

Так как приведенный итинерарий сохранился в рукописи 971—981 гг. и расстояния в нем обозначены в арабских милях, то вполне ясно, что время его появления следует предположить в VII—X вв. В итинерарие этом, как выяснили мои изыскания[165], имеются точки соприкосновения с «Армянской географией», приписываемой Моисею Хоренскому; поэтому нетрудно было заключить, что приведенный итинерарий является произведением багратидской эпохи и написан в IX веке.

При изучении и датировке памятников древнеармянской письменности путеводной нитью служила для меня та общая концепция социально-экономического развития Армении, которая отмечена в моих трудах. По моему убеждению, памятники вроде «Армянской географии» и «Расстояний в милях», представляющие особый интерес для бюргерства и армянского купечества, могли появиться в Армении в эпоху развития торговли и международных сношений именно в IX веке. Отнести их к первым векам арабского владычества было бы крайне сомнительно, так как VII—VIII вв. были для Армении временем застоя международной торговли.

Вышеприведенными сведениями арабских и армянских источников устанавливаются, как видим, основные пути сообщения Армении и Закавказья в эпоху Арабского халифата. Следует заметить, что для более обстоятельного изучения рассмотренных путей необходимо обследовать и опубликовать и те неизданные итинерарии, которые имеются в древних армянских рукописях.

---

[165] См. Сборник «Академия наук академику Н. Я. Марру», с. 726—728.

ГЛАВА VI

ТОРГОВЛЯ И ГОРОДА АРМЕНИИ ПОСЛЕ ПАДЕНИЯ БАГРАТИДСКОГО ЦАРСТВА

§ 33. ПОЛОЖЕНИЕ АРМЕНИИ В ЭПОХУ ТЮРКО-ТАТАРСКИХ НАШЕСТВИЙ

Политическое усиление Армении в эпоху Багратидов объясняется, как совершенно правильно указывает Валерий Брюсов, постепенным распадением халифата и слабостью тех двух монголотов, между которыми всегда находилась буферная Армения[1].

В первой половине XI века, при императоре Василие II (976—1025 гг.), Византийская империя покорила после упорной сорокалетней борьбы могущественное Болгарское царство и резко изменила свою политику в отношении феодальной Армении и возникших здесь мелких царств. Выступив активно на Востоке, она подчинила своей власти мусульманские эмирства, расположенные вокруг Ванского озера, и включила постепенно в состав империи Тайк (в 1001 г.), часть Грузии (в 1023 г.), Васпуракан (в 1016 г.) и Анийское царство Багратидов (в 1045 г.). Из присоединенных областей землевладельческая знать была выселена массами, главным образом в Киликию и Малую Азию. Местные военные силы были распущены и заменены пришлыми имперскими войсками. И после того, как этими мерами было сломлено сопротивление господствовавшего сословия, введена была всюду имперская администрация.

Анийское царство Багратидов и город Ани были заняты византийцами в 1045 г., и уже через три года, в 1048 г., тюркские орды под предводительством Ибрагима Яннала и Кутулмыша вторглись в Армению со стороны Васпуракана и, по словам армянского историка Аристакеса Ластивертского, дошли до Басиана и Вагаршавана, опустошив и разгромив области к северу от Ванского озера.

После того нашествия сельджуков в Армению, имевшие первоначально характер грабительских набегов, периодически возоб-

---

[1] *В. Брюсов*, Летопись исторических судеб армянского народа, с. 68.

новлялись, и каждый раз тюркские полчища беспощадно опустошали все новые и новые области и возвращались обратно, унося с собой богатую добычу и уводя множество пленных. Византийская империя, которая должна была сдерживать натиск сельджуков, не проявляла должной энергии в охране своих северо-восточных границ. Мало того, византийские императоры, Константин Мономах (1042—1054 гг.) и Константин Дука (1059—1067 гг.), действуя в видах оздоровления имперских финансов, урезывали жалованье войскам и сокращали всюду кадры армии. Понятно поэтому, что при султане Алп-Арслане (1063—1072 гг.) сельджуки без особенного труда завоевали горные области Армении и отсюда, спустившись в Малую Азию, добрались постепенно, при преемниках Алп-Арслана, почти до ворот Константинополя.

Нашествия сельджуков нанесли Армении, преимущественно ее центральным и южным областям, тяжкий удар. Экономическое и культурное ее развитие было резко прервано, благосостояние ее пало и численность населения сильно уменьшилась. И теперь, как и в эпоху арабского владычества в VIII веке, хозяйственная жизнь страны отбрасывалась назад. Культурно-экономический упадок страны и состояние длительного застоя видны, между прочим, из того, что перерыв строительства в коренной Армении, как установлено новейшими обследованиями, падает как раз в эту эпоху. «По камням, извлекаемым в наше время раскопками из-под земли,—свидетельствует Н. Я. Марр,—читаем, что в коренной Армении замерло строительство с 1061 г. по 1150 г.»[2].

После завоевания Армении сельджуками армянское царство возродилось на далеком юго-западе, у Средиземного моря, в горах Киликийского Тавра.

Невыносимые условия жизни в коренной Армении вынуждали армян эмигрировать в соседние страны, и много армян поселилось в городах и районах, расположенных в прибрежных областях Средиземного моря, где имелось уже значительное армянское население, переселившееся сюда при захвате Византией царства Арцрунидов в Васпуракане и Аннйского и Карского царств Багратидов.

Здесь они, захватив некоторые византийские крепости, укрепились в горах Тавра и постепенно присоединили к своим владениям прилегавшие территории Киликии.

Мало-помалу на греческой территории возникли небольшие армянские княжества, из которых особенно усилилось княжество, основанное Рубеном (1080—1098) и его преемниками. Рубениды, оказавшие большую помощь крестоносцам, успешно боролись против Византии, опираясь, в свою очередь, на крестоносцев. С течением времени они подчинили своей власти мелких соседних князей и стали основателями Киликийского армянского царства, столицей которого был сначала Тарс, а потом Сис. Наивысшего расцвета Киликийское царство достигло при Левоне II (1187—1219), который был торжественно коронован в Тарсе (в январе 1198 г.) как король Киликийской Армении.

[2] *Н. Я. Марр,* Кавказский культурный мир, с. 41.

Царство Рубенидов, имевшее постоянную связь с европейскими государствами, находилось под влиянием западноевропейского феодализма, но одновременно сохраняло значительные специфические армянские черты древней феодально-нахарарской системы. Киликийское царство распадалось на графства и баронии, и в нем имелись, как и в западноевропейских странах, сословие рыцарей—древнеармянских азатов, называемых дзнаворами, и сословие зависимых крестьян и крепостных, называемых шинаканами и париками. При дворе армянского короля имелись должности: канцлера, ведавшего царской канцелярией, начальника войска, называвшегося коннетаблем или спасаларом, капеллана, сенешаля и др.

Экономическое оживление средиземноморских стран, обусловленное торговыми связями крестоносцев и итальянских городских республик с мусульманским Востоком, коснулось и Киликийского царства. Уже в XII в., после первого крестового похода (1096—1099), начались оживленные торговые сношения, главным образом Генуи и Венеции с Сирией, Палестиной и Киликией, а затем, в монгольскую эпоху, начиная со второй половины XIII в., сильно развилась караванная торговля через киликийский порт Айас с Тавризом и Султанией. В киликийских городах Айасе, Тарсе и Адане итальянскими купцами были организованы колонии и фактории. И, таким образом, богатое армянское купечество Киликии, имевшее коммерческие связи с коренной Арменией и мусульманскими восточными странами, было втянуто в мировую торговлю с Западом.

Цветущее состояние Киликийского царства, как и его политическое и военное могущество, в значительной мере объясняются тем, что основная и наиболее удобная караванная магистраль мировой торговли шла на Восток через территорию Киликии.

Начиная с конца XIII в., положение Киликийского царства, как и всех христианских государств, образованных европейцами на Востоке, стало быстро ухудшаться. В 1268—1291 гг. бахристанскими мамелюкскими султанами Египта были завоеваны Антиохия и города и крепости Сирии, принадлежавшие крестоносцам. Очутившись в непосредственном соседстве с могущественным египетским государством, Киликийская Армения подвергалась периодическим набегам мамелюков и истощалась постоянными войнами с ними. Страну обессиливали также вмешательства пап в церковные дела Киликийской Армении и внутренние религиозные распри.

В XIV в. началась длительная агония Киликийского царства.

Египетские мамелюки были недовольны тем, что короли Киликии поддерживали дружественные сношения с ильханами Ирана и западными державами и обращались к ним за помощью. Предоставленная своим силам, Киликийская Армения не могла выдержать одна борьбу против могущественных арабских государств. Ее окончательное падение произошло в 1375 г., и последний король Лев V, уведенный в плен в Каир, умер в Париже в 1393 г.

В XII в., в цветущую эпоху Киликийского царства, возродилась и восстала из развалин коренная Армения.

Основанная сельджуками обширная империя просуществовала недолго. Стремления талантливого хорасанского перса Низам ал-Мулька, состоявшего визирем при султане Алп-Арслане (1063—1072) и Мелик-шахе (1072—1092), создать централизованное и мощное сельджукское государство не увенчались успехами. Империя сельджуков, достигшая в царствование Мелик-шаха высшего блеска и могущества, после его смерти стала разлагаться вследствие междоусобий, возникших среди членов сельджукской династии. Обширная империя постепенно распалась на отдельные независимые и полунезависимые государства, в которых правили различные ветви сельджукской династии.

Начиная с конца XI в., в центральной и южной Армении утвердились мусульманские эмирства: Шеддадиды—в Ани, Шах-Армены—в Хлате и более мелкие эмирства в Карсе и Эрзеруме. Армянские же княжества сохранились, главным образом, в северо-восточной Армении—в Дзорагете, Ташире, Сюнии и в горных районах Южной Армении—в Сасуне, Моксе и Рштунии.

Полагают, что еще до сельджукского завоевания в Армении уже существовали курдские и мусульманские (арабские) феодальные владетели, которые были подчинены крупным армянским феодалам. И они, именно, главным образом, выдвинулись и стали играть видную роль в Армении, подпавшей под власть завоевателей сельджуков-мусульман.

В период ослабления и разложения сельджукской империи усилилось грузинское царство Багратидов. Уже в начале XII в., при Давиде II Строителе (1080—1125), оно, покорив и подчинив своей власти кавказских горцев, организовало мощную армию, главным образом, из кыпчаков, живших в то время в степях Северного Кавказа и вскоре не только отвоевало занятые сельджуками области, но распространило свою власть далеко вокруг на соседние страны. В 1122 г. Давид Строитель вернул Грузии ее древнюю столицу Тбилиси. В 1123 г., по предложению представителей горожан Ани, он взял этот город и его крепость.

Преемники Давида не только удержали завоеванные ими области, но приобрели еще новые территории. При Георгии III (1156—1184 гг.) грузинские войска окончательно овладели армянской столицей Ани, которая в течение XII в. несколько раз переходила от Шеддадидов в руки грузин. Временем наивысшего могущества Грузии считается, как известно, царствование дочери Георгия III, Тамары (1184—1213 гг). При ней почти вся северо-восточная Армения была завоевана ее полководцами Захарием и Иване Долгорукими—армянскими князьями. Под сюзеренней властью этого нового княжеского рода феодальная Армения была вновь восстановлена, как вассальная область Грузии. К этому, именно, времени относится возникновение новых армянских княжеских родов—Орбелянов, Вачутянов, Прошянов, Допянов и др.—получивших обширные владения в завоеванных областях Армении, главным образом, в северо-восточных и центральных районах Армении. Еще при Мелик-шахе и его даровитом визире Низам-ал-Мульке в армянских областях водворились некоторый порядок и внутренная безопасность. О шурине Мелик-шаха Исмаиле ибн-Якуте, назначенном правителем Армении и Азербайджана, армянские источники отзываются с большой похвалой. При нем восстановлялись всюду разрушенные и опустошенные местности, и культурно-экономическое состояние Армении постепенно улучшалось. В XII в. города и области Армении продолжали расти и развиваться также и под властью Шеддадидов, Шахли Арменов и других мусульманских эмиров. Можно поэтому полагать, что еще до отвоевания этих областей у эмиров Грузией благосостояние в них было значительно восстановлено. С возникновением же в освобожденной Армении армянских княжеств, как во всей Грузии, так и в этих областях, мы наблюдаем необычайно быстрый подъем культурно-экономической жизни и развитие строительства и зодчества.

Вскоре, однако, для Армении настали тяжелые времена. Возродившаяся Армения сильно пострадала в 1225—1231 гг. во время опустошительных набегов Хорезм-шаха Джелал-эд-дина, бежавшего после разгрома Хорезма монголами в Азербайджан и вторгнувшегося оттуда в Армению и Восточную Грузию. После этого новый тяжкий удар был нанесен Армении в 1236—1244 гг. монгольским нашествием, что привело к утверждению на Руси татарского ига. Из сообщений армянских источников видно, что потрясения, испытанные Арменией во время этих нашествий, не были столь продолжительны и ужасны, как во время сельджукских нашествий. Монголы не встретили здесь упорного сопротивления. Феодальные владетели Армении принуждены были подчиниться власти новых завоевателей. Сохранив в Армении ее феодальный строй и предоставив феодалам часть их прежних прав и владений, монголы использовали этот строй как готовый аппарат местного управления и использовали также военные силы феодальной Армении в дальнейших своих завоевательных походах против сельджукидов Малой Азии, Багдадского халифата, сирийско-египетского государства мамлюков и золотоордынских ханов.

Политика монголов в отношении феодальной Армении в основном была аналогичной с их политикой на Руси: они всячески стремились не допускать значительного усиления крупных феодалов и поощряли рознь среди княжеских групп. В Армении, как и на Руси, духовенство было освобождено от ряда повинностей и обязанности платить государственные налоги. Монголы считали церковь влиятельной политической силой и использовали ее в своих интересах.

В начальный период монгольской эпохи культурно-экономическое развитие Армении хотя и продолжалось, но уже не тем быстрым темпом, как в эпоху господства Грузии и ее вассалов—могущественных армянских князей Долгоруких (Мхаргрдзелы). На благосостоянии страны вредно отражалось постоянное участие в походах монголов, непомерно высокие и многообразные налоги с населения и тяжелые повинности. Для точного установления этих налогов и повинностей монголы проводили периодические переписи населения.

Начиная с первой половины XIV в., экономическое положение коренной Армении начало резко ухудшаться вследствие крайне тяжелых налогов и безнаказанных вымогательств монгольской администрации и сборщиков податей. Деятельность откупщиков была тяжелым народным бедствием как повсеместно в Монгольской империи, так и в Грузии и Армении. Неудивительно поэтому, что массы армянского крестьянства и горожан покидали насиженные места и разбегались. Об этом свидетельствует указ монгольского хана Абу-Саида (1316—1335), высеченный на стене аннйской мечети Мануч‍э, о защите населения от незаконных и разорительных поборов. В указе этом есть ясное указание на то, что ко времени его издания город Ани и области Армении стали приходить в запустение, так как жители Ани и прилегающих областей, разоренные непосильными налогами, оставляли свои дома и имущество и уходили из родной страны.

После Абу-Саида и прекращения в Персии монгольской династии обширное государство ильханов распалось на несколько мусульманских владений. На обладание Тавризом и закавказскими областями попеременно предъявляли притязания новые династии Чобанидов и Джеланридов, золотоордынские ханы и туркмены Кара-коюнлу. В это смутное время хотя жизнь еще теплела в некоторых армянских областях, общее положение Армении все более и более ухудшалось.

В последней четверти XIV века армянские области испытали вновь тягчайшее потрясение во время периодических нашествий Тамерлана (в 1386—7, 1395—96 и 1400—1403 гг.). Нашествия эти, сопровождавшиеся массовыми избиениями жителей и беспощаднейшим разгромом, совершенно опустошили Армению и окончательно приостановили ее дальнейшее развитие.

После смерти Тамерлана, сыновьям его не удалось удержать в своих рукак обширные завоевания отца. В 1407 г. Арменией вновь овладели туркмены Кара-коюнлу («черного барана»), а в 1467 г., после поражения и смерти Джеханшаха, туркмены Кара-коюнлу должны были уступить свое место другому туркменскому племени Ак-коюнлу («белого барана»), во главе которого стоял Узун-Хасан. Из сообщений армянских источников видно, что затяжной застой и регресс экономической жизни армянских областей продолжались и в XV столетии.

§ 34. ГОРОДА И ТОРГОВЫЕ СНОШЕНИЯ АРМЯНСКИХ ОБЛАСТЕЙ ДО ВРЕМЕНИ МОНГОЛЬСКОГО ВЛАДЫЧЕСТВА

Во второй половине XI века Армения, как было сказано выше, представляла бедственную картину. По образному выражению Н. Я. Марра, сельджуки не оставили в ней камня на камне[3]. Во время опустошительных нашествий подверглись беспощадному разгрому почти все города.

В 1048 году тюркскими ордами, вторгшимися со стороны Васпуракана, был взят и обращен в пепел неукрепленный город Арцн; жители частью были перебиты, частью же погибли в пламени. В последующие эпохи город этот был восстановлен и, как известно, оставшиеся в живых жители поселились в Феодосиополе, который был ими назван Арцном или Арзном Рума (=ныне Эрзерум).

Обычным путем вторжений сельджукских полчищ был путь через Васпуракан; поэтому уже при первых грабительских набегах были разгромлены и опустошены города, находившиеся на северном побережьи Ванского озера.

По сообщению Аристакеса Ластивертского, очевидца сельджукских нашествий, в 1053 г. подвергся ночью внезапному нападению город Карс; нападение это сопровождалось массовым избиением жителей, беспощадным грабежом и поджогом города; спаслась лишь часть населения, бежавшая в цитадель[4].

Завоевание центральных и северных областей Армении совершалось впервые при султане Алп-Арслане (1063—1072 гг.). В 1064 г. Алп-Арсланом был взят и предан страшному разграблению город Ани. Позднее в 1072 г. Ани был куплен у Алп-Арслана Шеддадидами.

«Спустя немного лет после взятия Ани турками,—пишет Н. Я. Марр,—в 1072 г., у города паявился хозяин в лице Абулсувара, местного мусульманского князя из курдского рода Шед-

[3] Кавказский культурный мир, с. 41.

[4] См. *Аристакес Ластивертский*, гл. XV.

дада, резидировавшего в Двине. Этот род имел связи с племенем Ревенди, откуда происходил Саладин. Купив Ани, Абулсувар доверил город Манучэ, своему сыну. Б приводимом случае для нас громадный интерес представляет то, что Шеддадид, таким образом, не завоевывает, а покупает разгромленный город. Констатируемый факт купли-продажи имеет ту сугубую ценность, что он, с одной стороны; определяет тип мусульманского князя, с другой—вскрывает ценность Ани и в разрушенном его виде. Шеддадид не только воин, но и «купец»... в мусульманине-покупателе перед нами выступает, заведомо, гражданин богатого Двина, знающий цену такому товару, как торговый или имеющий все задатки стать торговым, притом природою и искусством прекрасно защищенный город»[5].

Под владычеством Шеддадидов Ани стал вновь цвести и развиваться и, с возрождением международной торговли, играл значительную роль как важный торговый центр на пути в Трапезунт.

Владычество Шеддадидов в Ани продолжалось с перерывами от 1072 г. до 1199 г. После взятия города Ани Георгием III (в 1161 и 1174 гг.) правители города назначались грузинским царем, но при преемнице Георгия, царице Тамаре, как видно из анийских надписей, наследственным владетелем Ани был, начиная с 1199 г., амир-спасалар Захарий, а позже его сын Шаханшах.

В XII и в начале XIII века, при Шеддадидах, как и при Захаридах, на благосостоянии и развитии Ани тяжело и остро отражались опустошительные набеги соседних государств. Как отмечено было выше, в течение XII века Ани несколько раз переходил из рук Шеддадидов в руки грузин, и каждый раз, после захвата города Грузией, за обладание богатым и укрепленным городом возникала упорная борьба с соседними мусульманскими княжествами.

Еще в 1123 г. царь Грузии Давид Строитель без борьбы и кровопролития занял город Ани при помощи самих же анийцев, возбужденных против Шеддадида Абулсувара. По свидетельству армянских источников, христианское население города было недовольно Абулсуваром, так как он превратил анийский собор в мечеть и, кроме того, имел намерение продать Ани эмиру города Карса за 60000 динариев.

Сын Абулсувара Фадлун, получив помощь от сельджукского султана, подверг Ани тяжелой осаде, сопровождавшейся голодом и опустошениями; поэтому уже в 1126 г. преемник Давида Строителя Димитрий уступил Фадлуну город на определенных условиях.

В 1161 г. Ани был осажден Шах-Арменом Сукманом II, но на помощь городу подоспел Георгий III, нанесший Сукману II жестокое поражение, и Ани был вновь занят грузинскими войсками. В 1163 г. Ани был осажден войсками сельджукского султана Арслан-шаха и атабега Ильдигиза и перешел во власть турок-сельджуков. В 1174 г. грузины вновь завладели городом, однако и на этот раз они вынуждены были уступить город вновь Шеддадидам.

О том, что Ани в 1174 году не был окончательно присоединен к Грузии, свидетельствуют современник этих событий Мхитар Гош[6] и, кроме того, персидская надпись 1198/9 г. Кей-Султана Шеддадида на центральном анийском минарете. Из содержания этой надписи видно, что в 1198/9 г. в Ани властвовал Кей-Султан Шеддадид, которым было сделано распоряжение о концентрации торговли хлопком и хлопчатобумажными изделиями вокруг центральной мечети.

«Я Кей-Султан,—гласит эта надпись[7],—сын Махмуда, сына Шавара, сына Манучахра Шеддади, ради долгоденствия всех моих предков и потомков, повелели мы: продажа хлопка и хлопчатобумажных изделий от этого места, где находится мечеть Абул-Мамаран, до лавки на улице Себиль допускается. Торговлю здесь же производить повелели мы. Всякий кто этим приказом пренебрежет, будет пленником гнева (всеславного) и всевышнего бога. В летосчисление года пятьсот девяносто пятого [=1198/9 хр. эры]. Те, кто твердо сохранят, да будут благословенны богом, аминь».

Ужасное потрясение испытал Ани при Захаридах. В 1209 г. Ардебильский султан, воспользовавшись отсутствием Захаридов, напал неожиданно на Ани и, перебив жителей, предал город страшному опустошению.

Приведенные данные показывают, что в XII веке мирное и спокойное течение жизни в Ани прерывалось довольно часто и город неоднократно подвергался нападениям и опустошениям. Все это не могло, конечно, не отразиться на его культурно-экономическом развитии и, мне кажется, не совсем правы ученые, которые эпоху владычества Шеддадидов считают временем наивысшего культурного творчества Ани[8]. Предположение это мало вероятно еще и по другим, более существенным, соображениям.

Культурно-экономическое развитие городов Армении, как указано было выше, находилось обычно в тесной связи с развитием мировых торговых сношений по транзитным путям, пролегавшим через Армению. Мы уже видели, что в Багратидскую эпо-

[5] См. *Н. Я. Марр,* Ани, с. 32.

[6] См. *Алишан,* Айапатум, Венеция, 1901, с. 390.

[7] См. *Л. Т. Гюзальян,* Персидская надпись Кей-Султана Шеддади в Ани, сборник «Академия наук СССР—академику Н. Я. Марру», М.—Л., 1935, с. 629—641.

[8] Ср. *И. Орбели,* Развалины Ани, 1911, с. 20.

ху, в X и в первой половине XI века, вследствие целого ряда объективных причин—забаррикадирования южных сухопутных магистралей, постоянных войн между арабами и византийцами и др. Армения превратилась временно в буферную территорию для торговых сношений халифата с Византией. Благодаря этим именно благоприятно сложившимся объективным условиям мы наблюдаем в Багратидской Армении возникновение и невероятно быстрый рост новых городов—Ани, Карса и Арцна и пышное развитие в них торгово-промышленной жизни, которое рассмотрено нами в одной из предыдущих глав.

После сельджукских нашествий для развития городов и культурно-хозяйственной жизни армянских областей создавалась постепенно совершенно новая ситуация.

С завоеванием сельджуками Месопотамии, Сирии и Малой Азии и с коренным изменением политической обстановки на Ближнем Востоке Армения перестала играть прежнюю роль и утратила сразу то первостепенное место в международной торговле, какое она занимала в Багратидскую эпоху. Крупные перемены и резкие сдвиги в мировой торговле произвели, как известно, крестовые походы. Завоевав прибрежные области Сирии и завладев главными портами сирийского побережья, крестоносцы завязали прямые торговые связи с мусульманским Востоком и, таким образом, значение северных торговых путей было сильно поколеблено.

В XII веке хотя транзитная торговля через Ани, Карс и Феодосиополь—Эрзерум возобновилась, но она, по-видимому, не имела уже тех размеров, каких она достигла в багратидскую эпоху.

Относительное благосостояние городов Армении, предполагаемое после сельджукских нашествий в XII веке, невозможно поэтому объяснить развитием международной торговли с Западом. Культурное и экономическое оживление в этих городах, как правильно полагают ученые, стояло, вероятно, в тесной связи с общим развитием городской жизни в мусульманских странах Переднего Востока[9]. Преобладающее большинство этих городов до конца XII века находилось, как известно, под властью мусульманских эмиров, причем наиболее крупные города стали политическими и экономическими центрами мелких мусульманских династий Шеддадидов, Шах-Арменов, эмиров Карса и Феодосиополя—Эрзерума и др. Понятно, что между этими мусульманскими эмирствами и новообразовавшимися государствами Сельджукидов должны были установиться постоянные и оживленные сношения и теснейшее общение как культурное, так и экономическое.

История внутренней жизни и материальной культуры мусульманского Востока при Сельджукидах, к сожалению, почти не изучена и не выяснена. Мало выяснены также та внутренняя эволюция и те изменения, которые должны были произойти в культурной и социальной жизни городов и областей Армении под владычеством мусульманских эмиров.

О терпимом отношении мусульманских эмиров к армянской церкви и христианскому населению имеется ясное сообщение в истории Вардана. По свидетельству Вардана, при Шах-Армене Сукмане II и его преемниках армянские монастыри и церкви пребывали в течение шестидесяти лет в «глубоком мире»[10]. Этот же историк, близкий по времени к рассматриваемой нами эпохе, называет атабега Ильдигиза, Шах-Армена Сукмана II и эмира Феодосиополя—Эрзерума Сардуха «христолюбивыми» и «благоустроителями» своих областей[11].

Археологические изыскания в Ани подтверждают, что именно с XII века архитектурные памятники Ани носят явные признаки теснейшего общения с ирано-мусульманским искусством.

«Своеобразный аннийский церковный архитектурный стиль,—пишет Н. Я. Марр,—создающий эпоху в истории армянского искусства, не принадлежит феодальной Армении. Насколько позволяют судить обнаруженные и обследованные пока памятники, собственный стиль в Ани возникает и развивается в XII и XIII вв., пожалуй, с конца XI в., в союзе с гражданской архитектурою, имеющею, в свою очередь, связь с восточным искусством, иранским и мусульманским, стиль, сказывающийся в особых пропорциях построек, особых рисунках орнаментов, особом характере работы и самих материалов. Этот новый стиль проявляет много сродных, прямо-таки сходных черт с искусством не только в христианской Грузии, но и среди мусульман-сельджуков»[12].

Мусульманское владычество должно было отразиться и на социальном укладе местной жизни и возможно, что оно способствовало демократизации городских центров Армении, но вопрос этот, к сожалению, не может быть выяснен с достаточной определенностью за отсутствием точных сведений.

По мнению Н. Я. Марра, значение городов Армении в международной торговле вновь выдвинулось в блестящее время грузинского царства в начале XIII века[13]. И действительно, в указанное именно время возникла вновь благоприятная ситуация для международной торговли с Западом через Трапезунт и Черное море.

---

[9] Ср. *И. Орбели*, Развалины Ани, СПб., 1911, с. 19.

[10] *Вардан*, История, Венеция, 1862, с. 124.

[11] Там же, с. 124.

[12] *Н. Я. Марр*, Ани, с. 35.

[13] *Н. Я. Марр*, Кавказский культурный мир и Армения, с. 43; *его же*, Ани, с. 33.

После четвертого крестового похода, закончившегося взятием и разгромом Константинополя (в 1204 г.), на территории Византийской империи были основаны новые государства, частью франкские и частью греческие. В том же 1204 г. Алексеем Комнином, при помощи усилившегося Грузинского государства была основана Трапезунтская империя. С возникновением Латинской империи преобладающее положение заняла в ней Венеция, получившая лучшую часть византийских владений, лучшие гавани и наиболее важные стратегические пункты. Достигнув высшей степени политического и экономического могущества и став мощной «колониальной империей» на Востоке, Венеция повсюду искала новые рынки и расширяла на севере свои торговые сношения с портами Черного моря.

Вслед за Венецией завязала постоянное сношение с черноморскими портами также и другая итальянская республика Генуя.

В мировой торговле с Востоком играли теперь главную роль итальянские городские республики. Обороты этой торговли значительно увеличивались, так как в международный обмен вовлекались новые рынки как на Западе, так и на Востоке.

Таким образом, начиная с первой половины XIII века можно предположить новый расцвет черноморской торговли и значительное оживление международных торговых сношений через Трапезунт.

К этому времени относится, по-видимому, и начало нового, более интенсивного развития городов Армении, связанных транзитной магистралью с Трапезунтом. Армянские купцы, выдвинувшиеся еще в эпоху расцвета арабской торговли, имели теперь, как правильно указывает Н. Я. Марр[14], мировые связи и постоянные сношения с крупными центрами левантской торговли, в которых, со времени сельджукского нашествия, возникли значительные армянские колонии.

Судя по эпиграфическим данным и некоторым указаниям источников, торговые колонии армян появились в XI—XIII вв. и позднее не только в соседней Грузии, в Крыму и в других черноморских портах, но также и в торговых районах Средней Азии и в городе Булгаре на Волге.

О существовании армянской колонии в Семиречьи свидетельствует надгробный камень с армяно-сирийской надписью 1323 г., найденный на Пишпекском кладбище[15]. Любопытно также, что каталонская карта упоминает о монастыре «армянских братьев» на озере Иссык-Куль[16]. Армянские могильные надписи сохранились также в городе Булгаре на Волге[17].

В интересной статье[18], посвященной походу малоазийских турок на Судак (в 1221 или 1222 гг.), А. Якубовский, на основании персидско-арабских источников, дает ценные указания о торговой жизни Крыма и половецких степей в начале XIII века. В статье этой, между прочим, сообщается, что город Судак был крупным торговым центром, со смешанным купеческим населением, состоящим из алан, армян, хазар, русских, половцев и византийцев.

В период XI—XIII вв. значительные армянские колонии, возникли, как известно, также и в других важнейших портах Черного моря.

Торговое сословие городских центров коренной Армении, имевших связь с усилившимися повсюду армянскими колониями, с развитием черноморской торговли в XIII веке, приобрело вновь значение в транзитной торговле с Востоком.

По данным новейших археологических изысканий, начиная с первой половины XIII века, эпохи господства в Армении княжеского рода Захаридов в Ани, Карсе, Двине, Нахичеване и других торговых городах Армении, можно констатировать заметное оживление культурной жизни и значительный рост городского строительства. Крайне любопытно, что эта новая эпоха развития городов коренной Армении как раз совпадает со временем нового расцвета мировой торговли в Трапезунте и в других портах Черного моря. Можно поэтому думать, что этот подъем, материальный и культурный, был обусловлен, в значительной мере, успехами внешней торговли.

«Через Ани,—говорит Марр,—прошла живительная артерия, ветвь великих торговых путей. Ани сделался средоточием торговли и обмена между Востоком и Западом, унаследовав, таким образом, значение более древнего и более известного армянского города Двина. С этим связаны постройки караван-сараев в Ани и десятки прекрасных каменных мостов на реке Ахурян. Слагалась, быть может, и сложилась в Ани самостоятельная городская жизнь с городскими старейшинами во главе и с законодательной властью в пределах города. Так что Ани, соприкасаясь, с одной

---

[14] Кавказский культурный мир, с. 43.

[15] См. *Н. Марр.* Надгробный камень из Семиречья. Зап. Вост. Отд. Р. Арх. Общ., VIII, с. 344—349.

[16] См. *В. Бартольд.* История изучения Востока в Европе и в России. Пб., 1911, с. 75 и Д. Хвольсон Syrisch Nestor. Grabinschriften aus Semirjetschie, Mem. de l'Academie des Sc., VII, serie, t. XXXVII, № 8, 1890, p. 127.

[17] *В. Бартольд.* Место прикаспийских областей в истории мусульманского мира, с. 63.

[18] *А. Якубовский.* Рассказ Ибн ал-Биби о походе малоазиатских турок на Судак, половцев и русских в начале XIII в. Византийский Временник, т. XXV, 1928.

стороны, с эпохой нахарарства или господства независимых князей древней Армении, с другой, соприкасается с периодом возникновения и распространения армянских колоний»[19].

Из изданных эпиграфических памятников, относящихся к XIII веку, видно, что в рассматриваемую эпоху в руках господствующей землевладельческой знати и торгового класса имелись крупные денежные богатства. Об этом свидетельствует, например, анийская надпись 1215 г. Тиграна Оненца[20]. Последний на свои средства выстроил в Ани монастырскую церковь св. Григория, богато разукрашенную тонкой резьбой и фресками, принес в дар для украшения церкви драгоценные камни, жемчуг, золотые и серебряные лампады, построил помещения для монастырской братии и ишханов и дал монастырю в собственность многочисленные деревни, лавки, маслобойни, мельницы, дома, земли, сады, баню и другое недвижимое имущество.

Эта интересная надпись, впервые обнародованная Саргисяном, в переводе гласит: «Лета 664 (=1215) благодатью и милостью Божьею, во время господства в городе Ани... амирспасалара и мандатуртухуцеса Захарии и его сына Шаханшаха, я Тигран... сын Сымбатовича Суляма, из рода Оненц... построил монастырь св. Григория, что раньше назывался часовней Богоматери, на месте, скалистом с обрывами и поросшем колючками, купленном мною на благоприобретенные деньги от собственников... и окружил я стеною... и разукрасил многими украшениями... и украсил образосодеянными иконами, отделанными золотом, серебром, драгоценными камнями и жемчугом, равно как золотыми и серебряными лампадами... и построил я всякого рода жилища, богато украшенные, для монахов и высокопоставленных лиц и поставил там священников, и отдал ему (монастырю) в собственность... (1) половину села Горохонец, (2) пять данговˆ[21] каменоломни (при нем), (3) половину села Мшакунец, (4) половину села Капгуц, (5) целиком село Цамакцов, (6) село Хузац-Махмунд в Карсской земле, (7) два данга села Цунда, где стоит крест, (8) гостинницу-фундук в городе, (9) собственную баню и водопроводное сооружение—«мил» на площади, (10) гостинницу-хан-пар с лавками и (1) гостинницу-фундук со сводчатым перекрытием, (12) баню с сенником, (13) хлев и сенник Тер-Саргиса, купленное мною гумно, (14) маслодавильню о двух колесах, (15) хлевы и сенники у ворот монастыря, (16) огород перед монастырем, (17) пастбищный склон между воротами Глидзора и

[19] См. *Н. Я. Марр,* Ани, с. 35.

[20] *К. Костанянц,* Летопись на камнях, Bibliothea armenogeogrica II, СПб., 1913, с. 58—59.

[21] «Данг» имеет значение $^1/_6$, следовательно 5 дангов=$^5/_6$.

рекой, (18) огород на берегу реки, купленный и устроенный мною, (19) у Двинских ворот полмельницы—весь помол, (20) в другой мельнице в неделю два дня помола, (21) в Глидзорской мельнице одной в неделю два дня помола, (22) от Бешкенакапа до моста половину реки, купленную мною, (23) от гостинницы-хапара, называемой Папенц, четыре данга, а также лавку у ее двери, (24) все дома, находящиеся на улице Адеценц, (25) много земель, купленных около ворот города, (26) один сад в Ереване, (27) один сад в Ошакане, (28) один сад в Коше, (29) один сад, называемый Сазот, в Аруче; (30) один сад в Мрене, (31) один сад в Цмаке, называемом «землею католикоса», это было куплено; много еще земель, имеющихся в закладе, не внесены в этот акт, но отданы монастырю: если хозяева отсчитают золото нашему монастырю (земли им вернуть), о чем написано мною в другом завещании; сверх того я построил и реставрировал монастырь, называемый Бехенц, и обогатил его всякими дарами»[22].

Приведенная надпись, как правильно замечает Н. Я. Марр, отражает облик и природу человека, вышедшего в люди лично стяженным богатством[23]. Тигран Оненц, несомненно, типичный для своей эпохи купец-капиталист. В его руках, как мы видим, были сосредоточены огромные богатства, добытые торговлей, не исключая торговли деньгами. В надписи имеется прямое указание на то, что Тигран давал крупные ссуды под залог недвижимых имуществ. И Н. Я. Марр считает вполне возможным, что в ту эпоху происходил переход княжеских и дворянских вотчин в руки крупных купцов-капиталистов.

Столь же важно свидетельство надписи 1283 г. монастыря Гошаванка о денежных средствах, которыми располагал в первой половине XIII в. один из крупных представителей армянского торгового сословия Умек. «...Я Чар,—говорится в этой надписи,— сын парона Умека, внук Чара, родом из Маназкерта, во время владычества над миром Каранунна и в царствование в Грузии Багратида Димитрия; моим отцом Умеком был куплен Гетик за сорок тысяч красных дукатов, а я Чар купил Овк, со всеми его пограничными частями, в тяжелое время, когда отчины стоили дешево, а золото дорого, за четыре тысячи красных дукатов и дал (в дар) Гетикской (церкви) Богородицы...[24]».

По свидетельству армянского историка XIII века Кирнака Гандзакского[25], упомянутый в надписи отец Чара Умек был богатым купцом в городе Феодосиополе—Эрзеруме, откуда он,

[22] См. *К. Костанянц,* Летопись на камнях, СПб., 1913, с. 58—59; ср. *Н. Я. Марр,* Ани, с. 33—34.

[23] Там же, с. 34—35.

[24] *К. Костанянц,* Летопись на камнях, с. 124—125.

[25] *Кириак Гандзакский,* История Армении, Тифлис, 1910, с. 349.

после разгрома этого города монголами (в 1242 г.), переселился в Тбилиси. Сорок тысяч золотых дукатов, на которые был куплен Гетик, составляли, по-видимому, лишь небольшую часть богатства Умека, и его состояние, несомненно, во много раз превышало эту сумму. В приведенной надписи, кроме того, заслуживает внимания, что в первой половине XIII века упоминаются в Армении, в большом количестве, «красные дукаты». Крайне важно также свидетельство надписи, что во второй четверти XIII века недвижимая собственность стоила дорого, и золото ценилось несравненно дешевле, чем во времена Чара, в восьмидесятых годах XIII века. Этот любопытный факт дешевизны денег во второй четверти XIII века, обусловленный наличием в Армении значительных денежных средств, как и упоминание в надписи итальянских дукатов, могут служить свидетельством, косвенно подтверждающим участие городов Армении в международной торговле с итальянскими городскими республиками.

Другим косвенным показателем развития в Армении при Захаридах внешней торговли и присутствия в руках господствующего класса свободных богатств служат, как мне кажется, успехи зодчества и городского строительства рассматриваемой эпохи те уцелевшие остатки роскошных храмов и монументальных построек, большинство которых возникло, как известно, в первой половине XIII века.

О том, что северо-восточная Армения с начала XIII века имела торговые связи с Генуей, имеются крайне ценные сведения в кратком очерке армянского ученого Алишана «О торговле армян»[26]. К сожалению, источники этих сведений у него не указаны. Согласно Алишану, в начале XIII века городская республика Генуя заключила торговый договор с правителем Карса, а в 1257 году один из сановников Генуи приезжал в Карс с торговыми целями. Таким образом, участие городов Захаридской Армении в черноморской торговле подтверждается, как видим, и прямыми свидетельствами.

Резюмируя все вышеизложенное, мы можем, несмотря на скудность и отрывочность приведенных данных, заключить, что развитие городов и торговли домонгольской Армении прогрессировало параллельно с расцветом мировой черноморской торговли, вновь усилившейся с начала XIII века.

§ 35. РАЗВИТИЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ ТОРГОВЛИ В МОНГОЛЬСКУЮ ЭПОХУ И УЧАСТИЕ В НЕЙ НАРОДОВ АРМЯНСКОГО НАГОРЬЯ

Тяжкий удар процветанию городов Армении нанесло монгольское нашествие. В 1239 г. монгольскими войсками, под предводительством Чармахана, были взяты города Ани и Карс и преданы ужасному разгрому. Через несколько лет, в 1242—44 гг. при преемнике Чармахана—новом военачальнике Бачу, такая же участь постигла юго-западные города армянского нагорья—Феодосиополь—Эрзерум, Ерзингян и Хлат.

Во время повторных вторжений монгольских полчищ Армения была изрядно опустошена и разорена, но ее экономическое развитие прервалось лишь временно. Потрясение, пережитое Арменией, на этот раз не было продолжительным и армянские области пострадали сравнительно меньше, чем мусульманские земли восточной Персии и аравийского Ирака.

Следует также отметить, что монголы, не встретив со стороны Захаридов упорного и длительного сопротивления, не уничтожили здесь местных феодалов. Последние, признав их верховную власть, сохранили, в общем, не только свои владения, но отчасти и феодальные права.

После непродолжительного застоя, нормальная жизнь восстановилась в опустошенных областях сравнительно быстро и во второй половине XIII века мы наблюдаем в Армении новое оживление строительства и культурно-экономической жизни, о чем свидетельствуют, между прочим, богатые и роскошные храмы, дворцы и другие сооружения, возникшие повсеместно в начальную эпоху монгольского владычества.

Крайне любопытна в этом отношении надпись 1261 года, найденная в Мрене на парадных дверях дворца, построенного Сахмадином.

«Летом 710 (=1261 г.),—гласит надпись,—во время владычества над миром Гулагу хана, я, Сахмадин, сын Аветика, купил это царственное место Мрен, от Арташира, сына Шахншаха, на благоприобретенные мною средства в пользование себе и детям моим. Бог да даст в счастии пользоваться ими на вечные времена. Лета 725 во время владычества над миром Абаги хана, так как не было для парона летней резиденции и дворца, я, Самтин, скупил эти виноградники и сады, которые называются Аркайутьюн, каждый от соответственного хозяина, начертал своим умом, без мастера, план, заложил основание этого дворца и сада и окончил в десять лет. Бог да даст в счастии пользоваться им парону Сахматину из рода в роды. Израсходовано на этот дворец 40000 золотых дукатов-дахеканов»[27].

Упомянутый в этой надписи Сахмадин, как нетрудно догадаться, был, как и вышеозначенные Тигран Оненц, Умек и Чар, представителем крупного армянского купечества. Расходы по постройке его летнего дворца в Мрене составили, огромную для того времени сумму в 40000 дукатов-дахеканов. Под дукатами под-

[26] *Л. Алишан,* Сисакан, Венеция, 1893, с. 437—438.

[27] См. *Н. Я. Марр.* Новые материалы по армянской эпиграфике, Зап. Вост. Отд. Рус. Арх. Общ., том VIII (1893), с. 83—84.

разумеваются, очевидно, венецианские золотые монеты, стоимость которых была равна, как полагают, 12 золотым франкам[28]. Следовательно, на постройку дворца было израсходовано приблизительно полмиллиона золотых франков.

Международные торговые сношения с Западом при монголах достигли, как известно, большего развития, чем в сельджукскую эпоху.

У армянского историка Кириака Гандзакского имеется ценное сведение, что караваны купцов пользовались неприкосновенностью еще при Чармахане, завоевавшем Армению. По свидетельству Кириака, некто Симеон, родом сириец, которого звали «Рабан Ата», прибывший к Чармахану с особой грамотой от хакана, защищал повсюду мирное христианское население, спасал многих от смерти, освобождал пленных и даже строил церкви в мусульманских областях. «А его люди купцы,—сообщает Кириак,—которые имели от него тамгу, т. е. знак и письмо, смело разъезжали по всей стране, и никто не осмеливался трогать тех, кто называл имя Рабана[29].

Обширная монгольская империя, объединившая под властью династии Чингизидов культурные страны Дальнего и Ближнего Востока, не могла не способствовать торговому обмену. При монголах мировая торговля, несомненно, ширилась и захватывала все новые и новые области. В международном обмене участвовали, с одной стороны, Персия, Закавказье, южная Россия, Средняя Азия, Монголия, Китай, с другой стороны, при широком посредничестве итальянских городских республик Средиземноморье, Черноморье, Италия и Западная Европа.

Известно также, что при монголах преобладающее значение имели не южные транзитные пути, а северные—через Каспийский Туркестан, и Хиву и Сарай к северным портам Черного моря и через Армению в Трапезунт. Объясняется это отчасти тем, что монголам, несмотря на неоднократные попытки, не удалось прочно завоевать Сирию и захватить в свои руки вместе с северными также и южные караванные пути.

Перемещение путей и преобладающая роль, какую теперь играли в торговле северные страны, имели своим следствием возникновение крупных торговых центров на главных магистралях—из Дальнего Востока через Ургенч и Сарай в южную Россию и через северную Персию и Армению к Черному морю. Со второй половины XIII века наиболее важным торговым пунктом стал в Азербайджане город Тавриз, перестроенный в качестве Большого города при Газан-хане (1295—1304 гг.). Кроме Тавриза возник здесь же в северо-западной Персии новый торговый центр

[28] Ср. *Heyd W.*, Histoire du Commerce du Levant, Leipzig, 1923, I, p. 496.

[29] *Кириак Гандзакский*, История Армении, Тифлис, 1910, с. 262.

Султания, построенный в конце XIII и в начале XIV века, при ильхане Аргуне (1284—1291 гг.) и его преемниках.

В связи с вышеуказанным перемещением путей мы наблюдаем в монгольскую эпоху большое оживление морской торговли также на Черном море.

Возникают и здесь крупные центры международной торговли, главным образом, на северном побережьи Черного моря. В шестидесятых годах XIII века генуэзцы приобретают в Крыму город Каффу, нынешнюю Феодосию, которая под их владычеством имела крупное торговое значение и сделалась центром генуэзских колоний на Черном море. Таким же крупным торговым центром был в монгольскую эпоху город Тана, стоявший на месте нынешнего Азова.

Опираясь на свой флот и на свои черноморские колонии, генуэзцы, как и венецианцы, старались расширить свои торговые сношения и искали повсюду новые рынки и новые пути. Во второй половине XIII века, как видно из ценного сообщения Марко Поло[30], генуэзские суда, перенесенные из Черного моря, плавали также и в Каспийском море. По словам Марко Поло, отсюда шел тот шелк, что назывался «geele»[31]. W. Heyd и академик Бартольд полагают, что целью стремлений генуэзских купцов был здесь, главным образом, гилянский шелк, который в это время стал предметом международной торговли[32].

Генуэзские и венецианские купцы, как видно из данных итальянских источников, во время владычества Хулагидов вели через Армению караванную торговлю с Тавризом и Султанией и имели в Тавризе свои конторы и даже свои консульства.

У флорентийца Бальдуччи Пеголотти (в начале XIV века) приведено описание торгового пути, идущего из Айаса через Армению в Тавриз[33]. Путь этот шел через Сивас и Ерзингян в Эрзерум и из Эрзерума в Тавриз.

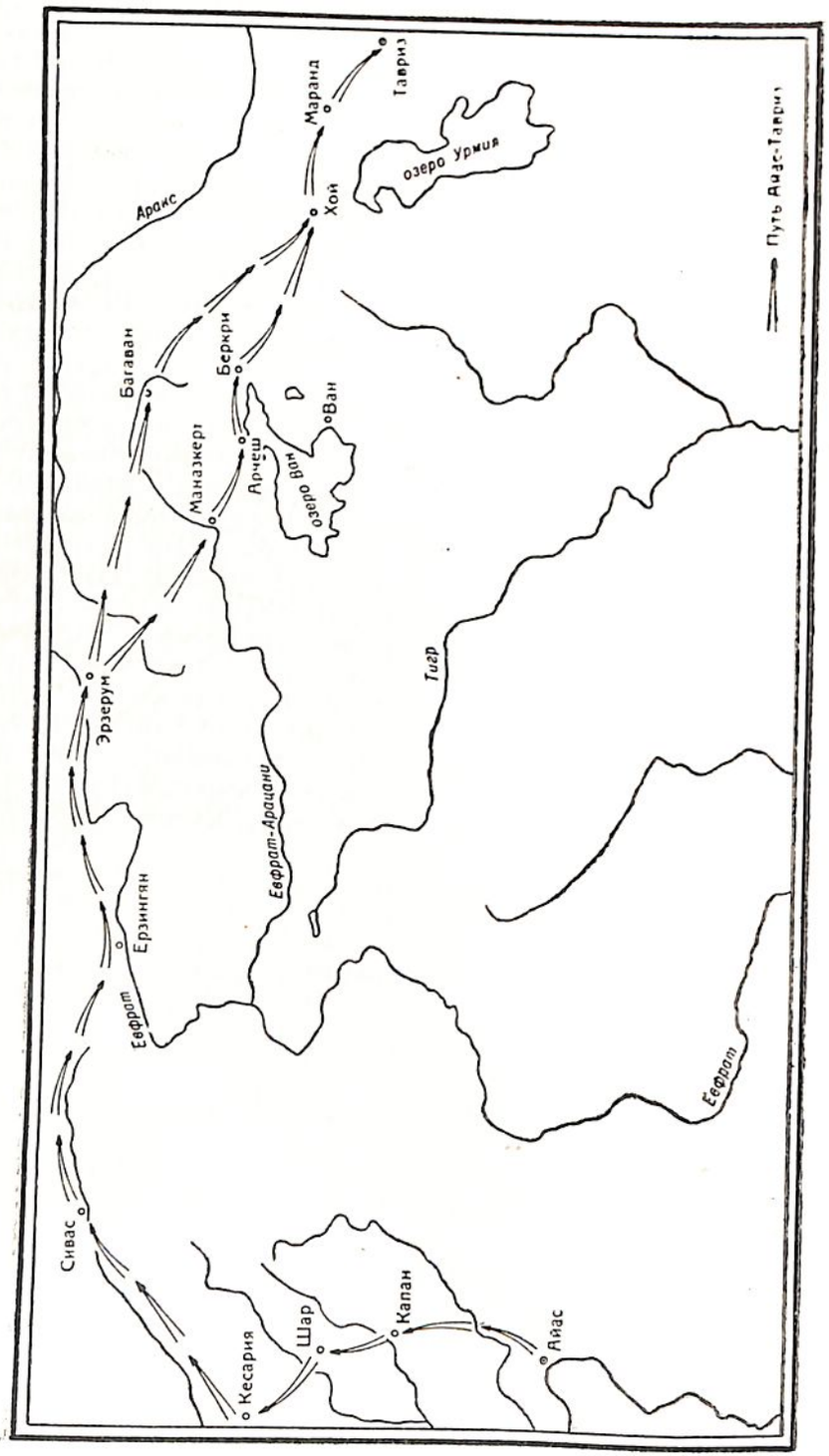
Киликийская Армения, как было сказано выше, начиная с XIII века, принимала деятельное участие в мировой торговле За-

[30] См. *И. П. Минаев*, Путешествие Марко Поло, СПб., 1902, кн. I, гл. XXIII, с. 31.

[31] Там же, с. 31, у Минаева в примечании приведены разночтения: gelle, ghelle, ghele и ghellie.

[32] *W. Heyd*, Histoire du commerce du Levant, Leipzig, 1923, II, с. 112; *В. В. Бартольд*, Место прикаспийских областей в истории мусульманского мира, с. 73.

[33] La pratica della mercatura scritta da Fracesco Balducci Pegolotti опубликовано у Pagnini в его труде: Della decima e delle altre gravezze, della moneta e della mercatura de Fiorentini fino al secola XVI, t. III, Lisbona e Luca, 1766; См. *W. Heyd*, Histoire du commerce du Levant, II, p. 112—117.

пада с Востоком. Важнейшим портом был здесь Айас, а значительными торговыми городами, в которых итальянские купцы имели свои фактории, были Сис, Мамистра (Мсис), Адана и Тарс. По свидетельству Марко Поло в Айасе можно было купить всевозможные пряности, шелковые ткани, расшитую золотом парчу и другие товары, которые доставлялись сюда из внутренней Азии. Сюда же приезжали купцы Венеции, Генуи и других стран, чтобы продать свои товары и купить то, что им было нужно. Марко Поло сообщает, кроме того, что в его время, во второй половине XIII века, Айас был обычным исходным пунктом, откуда западноевропейские купцы и путешественники ездили в дальневосточные страны; в этот же порт они прибывали при возвращении.

Путь из Айаса в Тавриз, имевший мировое значение, описан у Пеголотти очень подробно. Основываясь на его данных, направление этого пути пытались определить Юль и Киперт[34]. Позднее этот вопрос был подробно рассмотрен в капитальном труде Гейда «История левантской торговли»[35].

Узловыми пунктами означенного пути, как теперь выяснено, были Кайсери или Кесария, Сивас, Ерзингян, Эрзерум и Хой.

На первом отрезке пути указаны у Пеголотти следующие станционные пункты: Ajazzo (=Айас), Colidara, Gandon и Casena. В. Гейд ближайшую от Айаса станцию Colidara отождествляет с крепостью Копидарой[36], лежавшей на северной границе царства Рубенидов, в горах Тавра. Название и местоположение следующего станционного пункта Gandon, как указывает Гейд, пока что не выяснены. Местоположение же четвертой станции Casena Киперт предполагает в горной области Казандаг, а, по мнению Гейда, Casena тождественна с Кокисоном армянских источников, с нынешним Гексюном[37]. Направление пути из Айаса в Сивас—Киперт предполагает через нынешние Мисис, Сис и горы Казандаг на север. Однако Гейд, не соглашаясь с ним, направление этого пути указывает вдоль реки Джихана до Анабада, затем вдоль реки Анабад-су и ущелье Габана в Гексюн и оттуда на северо-запад к верховьям реки Сарис-су и, наконец, к реке Галису и вдоль нее в Сивас. Направление пути через Габан, как отмечает Гейд, подтверждается свидетельством грамоты 1201 года Левона II, из которого видно, что при переходе через

---

[34] См. *M. Yule*, Cathay and the way thither, vol. II, London, 1866, p. 299—311 и статью Киперта. Sitzungsberichte der philoshist. Classe der Berl. Akad. 1881, S. 901.

[35] Histoire du commerce du Levant, II, p. 112—117.

[36] Арм. «Копидара» или «Копидар», см. *Алишан,* Сисван, Венеция, 1885, с. 157—158.

[37] См. *W. Heyd*, Histoire du Commerce du Levant, II, p. 113; *Kiepert H.* Sitzungsberichte der phil.-hist. Classe der Berl. Akad., 1881, S. 901.

Джихан генуэзцы должны были платить пошлину владетелю крепости Габана[38]. Это указание Гейда заслуживает внимания, и можно, действительно, предположить, что караванный путь из Айаса шел по долине реки Джихана на северо-восток и затем на север через Габан и Гексюн. Не подлежит, однако, сомнению, что неправильно определено Гейдом дальнейшее направление этого пути. Как известно, в последнее время было определенно выяснено, что четвертая станция Casena тождественна не с Гексюном, как полагал Гейд, а с городом Кайсери или Кесарией, лежавшим на пути из Айаса в Сивас. Совершенно очевидно поэтому, что дорога шла от крепости Габана дальше—не к верховьям Сарис-су, а на северо-запад через нынешний Шар, лежащий, по мнению Киперта[39], на месте Команы Каппадокийской.

На втором отрезке пути Пеголотти указаны станции: Casena (=Кайсери), Gavazera dell'amiraglio, Gadue, Gavazera di casa Jacomi, Salvastro (=арм. Севастия). На этой линии из Кайсери—Кесарии в Сивас—Севастию два станционных пункта были караван-сараями (Gavazera). Между ними упомянута станция Cadue, название и местоположение которой пока не выяснены.

Из Сиваса в Ерзингян указаны у Пеголотти следующие станционные пункты: Salvastro, Dudriaga, Greboco, Mughisar, Arzinga. Станционный пост Dudriaga отождествлен Гайдом с нынешней деревней Тодурга[40], лежащей недалеко от озера Тодурга-гель, а Юлем—с нынешним Dubpuru[41] (арм. Теврик, Тефрика византийцев), лежащим к северо-западу от нынешнего Эгина. Четвертую станцию Mughisar Гейд считает возможным отождествить с нынешним местечком Мухар, лежащим к югу от гор Чимендаг[42]. Между Dudriaga Mughisar находилась станция Greboco, которую Киперт очень удачно сопоставляет со станцией Agreboce, отмеченной на карте братьев Pizigani 1367 г., и крайне остроумно отождествляет Greboco и Agreboce с Araxaraci римских итинериариев. Приведенные сопоставления не могут, конечно, считаться окончательными и вопрос об означенных станционных пунктах нуждается в новом изучении. Совершенно очевидно, однако, что кратчайшей и удобной дорогой из Сиваса в Ерзингян был не путь через Дивриги, как предполагает Юль, а

[38] См. там же, с. 114.
[39] См. Atlas antiquus, elfte Auflage, S. 8 (Namenverzeichniss).
[40] См. Atlas antiquus elfte Auflage, S. 8, (Namenverzeichniss), с. 115.
[41] Там же, прим. 7.
[42] Там же, с. 115.

магистральная линия через Эндерес и Рифайе, которая указана Гейдом.

Из Ерзингяна в Эрзерум отмечены у Пеголотти станции: Arzinga(=Ерзингян), Gavazera sulla montagna, Ligurti, Ponte, Gavazera fuori d'Arzerone, Bangni d'Arzerone.

На этой линии указаны два караван-сарая, один мост, очевидно, через Евфрат, бани около Эрзерума (Bangni d'Arzerone) и только одно населенное место Ligurti, местоположение которого пока что не выяснено. Относительно моста через Евфрат Гейд дает следующее разъяснение. В наши дни, замечает он, караваны переходят реку Евфрат через древний мост Котур приблизительно на половине дороги между Ерзингяном и Эрзерумом около Мамахатуна. На пути же, описанном Пеголотти, по-видимому, этот мост находился ближе к Эрзеруму. И, действительно, Киперт указывает, что существовал в прежнее время другой северный путь, и реку Евфрат переходили не около Мамахатуна, а недалеко от Ашкалы[43]. Это указание, как я полагаю, правильно. Мы уже видели выше, что и древний путь Таблиц Певтингера Satala—Artaxata шел не через Мамахатун, а значительно севернее—через Шоганские ханы и Ашкалу, а переход через Евфрат совершался около деревни Калдарич, отстоявшей от Ашкалы на расстоянии около 7 километров. Гейд указывает также, что под Bangni d'Arzerone следует предполагать здание близ Эрзерума, в котором находились бани и таможня.

Направление пути Ajazzo-Arzerone, как видим, устанавливается, в общем, с достаточной определенностью. Путь этот шел из Айаса в Эрзерум через Габан, Кайсери, Сивас, Эндерес, Рифайе, Ерзингян, Ашкалу и Калдарич.

Эрзерум был важным узловым пунктом для караванных торговых сношений как с Малой Азией и Киликией, так и с первоклассным центром восточно-черноморской торговли с Трапезунтом. Из Трапезунта караванный путь шел в Эрзерум через нынешний Байбурт, который в итальянских источниках назван Papertum.

Отсюда, из Эрзерума, оба пути из Айаса и Трапезунта шли в Тавриз через станционные пункты, которые подробно отмечены у Пеголотти: Arzerone, Bangni d'Arzerone verso Torisi, Polorbecch, Sermessa calo, Aggia, Calacresti, Tre chiese, sotto Larcanoe, Scaracanti, Locche, Piana di Falconieri, li Camuzoni, Piana del Fiume rosso, Condro, Sandoddi, Torisi[44].

Первая после Arzerone станция Bangni d'Arzerone verso Torisi, лежавшая на пути из Эрзерума в Тавриз, была по мнению Гейда, как и вышеупомянутая станция Bangni d'Arzerone, станционным помещением, в котором находились бани и тамо-

[43] См. Atlas antiquus elfte Auflage, S. 8 (Nomenverzeichniss). с. 115.
[44] См. *W. Heyd*, p. 116.

жня. За этой станцией следовала станция Polorbecch, которую Гейд совершенно правильно отождествляет с древнеармянским Polorabahag, вернее, «Болорапахак», нынешним Кеприкеем, лежавшим у впадения Пасин-су в Аракс. Здесь караваны переходили реку через древний мост с семью арками, который теперь называется Чобан—Кепри[45].

Следует отметить, что описанная Пеголотти караванная магистраль, шедшая из Эрзерума в Хой, тождественна с древним путем Таблиц Певтингера, подробно рассмотренным нами выше в § 24.

Надо иметь в виду, что дороги в горных странах, проложенные в древности по направлениям, указанным естественными условиями природы, должны были, в общем, оставаться неизменными также и в последующие века.

Следующая за Polorbecch станция Sermessa calo, названная в географическом труде Oderico de Pordenone (начала XIV в.) Sarbisacalo, как полагает Гейд, вероятно, находилась в горной области Делибаба. Название этой станции Sermessa calo или Sarbisacalo пока что не поддается объяснению[46]. Остаются невыясненными как название, так и местоположение, следующей за Sermessa calo станции Aggia.

Ближайшие после Aggia станции Calacresti и Trechiese, т. е. «Три церкви», как правильно указывает М. Юль[47], соответствуют нынешним селам Каракилиса и Учь-Килиса («Три церкви»). Мы же видели выше, что Учь-Килиса тождественна с древнеармянским Багаваном и с станционным узловым пунктом Bagauna Таблиц Певтингера. Таким образом, как видим, линия из Arzerone в Tre chiese шла, как и в римское время, через нынешний Кеприкей и Алашкертскую равнину в древней Багаван, названный у Пеголотти Tre chiese.

За станцией Tre chiese находился станционный пункт sotto Larcanoe, что означает по-итальянски «Под Ноевым ковчегом». Гейд локализует эту станцию в нынешнем Диадине и полагает, что станция была названа sotto Larcanoe, так как оттуда можно было видеть большой Масис. Можно думать, однако, что местоположение станции sotto Larcanoe следует предположить значительно восточнее Диадина, так как селение это находится сравнительно очень близко от Учь-Килисы.

Следующая станция Scaracanti тождественна, несомненно, с нынешним Каракендом[48], недалеко к юго-востоку, от которого

[45] Там же.

[46] Там же.

[47] См. *M. Yule*, Cathay, II, p. 301 и *W. Heyd*, Histoire du commerce du Levant, II, p. 116.

[48] См. *W. Heyd*, II, p. 116; ср. *Kiepert*, Sitzungsberichte der philos.-histor. Classe der Berl. Akad., 1881, S, 901.

находилось, как было выяснено нами в § 24 настоящего труда, местоположение станционного пункта Ortispi Таблиц Певтингера.

Название и местоположение следующей станции Locche не выяснены. Ближайшая же от нее станция Piána di Falconieri, как подробно выяснено в историко-географическом моем труде «Главные пути древней Армении»[49], находилась в долине Тайзавар, лежавшей на пути из Каракенда в Хой. Piana di Falconieri означает по-итальянски «долина соколиной охоты», и любопытно, что на означенном именно пути в древнеармянских источниках упоминается местность под названием—«Базудзор» или «Соколиное ущелье»[50], которая может быть сопоставлена с Piana di Falconieri. Секретарь английского посольства в Тегеране Морьер, который в 1809 году ехал из Тавриза через Хой в Эрзерум, описывая этот древний путь, свидетельствует, что в долине Тайзавар, недалеко от деревни Кара-Айне, находилось болото, на поверхности которого видно было бесчисленное количество диких уток и других птиц[51]. Можно поэтому предположить, что именно в этих районах следует предположить Piana di Falconieri, т. е. «долину соколиной охоты».

Местоположение и название следующей станции li Camuzoni не выяснены. Ближайшая же после li Camuzoni станция Piana del Fiume rosso (т. е. «долина реки красной»), как правильно разъяснено Кипертом, тождественна с долиной нынешней реки Кизиль-чая[52], арм. «Кармир-гет» («Красной реки»), названной на карте Линча Акчай.

После этой станции обозначен у Пеголотти станционный пункт Condro, который в первом издании настоящего труда был мною отождествлен с нынешним Котуром, расположенным к югу от реки Кизиль-чая. Однако внимательное изучение главных путей Армении римской эпохи и, в частности, дороги Artaxata—Gobdi—Paresaca, убедило меня, что описанный Пеголотти путь шел в Тавриз не через город Котур и Котурский перевал, а через древнеармянскую область Артаз и через Хой. Поэтому в моей работе «Главные пути древней Армении» я считал более вероятным[53], что Condro соответствует, по-видимому, Gobdi Таблиц Певтингера, персидское название которого как полагает Маркварт, было сначала Chôδ, а затем Chôj [54].

[49] Ереван, 1936, с. 147, 154, 159.

[50] *Леонтий*, История, СПб., 1887, гл. II, с. 7.

[51] См. *J. Morier*, A Journey through Persia, Armenia and Asia Minor to Constantinople, London, 1812.

[52] См. статью Киперта в Sitzungsberichte der philos.-histor. Classe der Berl. Akademie, 1881.

[53] Ереван, 1936, с. 147, прим. 2.

[54] См. *Markwart*, Südarmenien und die Tigrisquellen, S. 209 и 420.

Из Хоя в Тавриз упоминаются в древних источниках две дороги: одна через Маранд и Софиан, а другая—через Тасвидж или Tarspedo, Таблиц Певтингера, шедшая по восточному берегу Урмийского озера. Направление пути, описанного у Пеголотти, Киперт предполагает не через Маранд, а через Тасвидж, так как на этой линии имеются постройки древних таможен[55]. Этот вопрос, однако, пока неясен. Он может быть решен, если удастся выяснить название и местоположение станционного пункта Sandoddi, лежавшего между Condro и Torisl.

Кроме приведенной караванной магистрали, описанной у Пеголотти, существовала еще и другая дорога из Трапезунта и Малой Азии через южную Армению в Тавриз, о которой имеются краткие сведения в путешествиях Марко Поло и Лангеле. Англичанин Гольфрид Лангеле, ездивший в Персию (в 1292—1293 гг.) в качестве посла английского короля Эдуарда I, возвратился, как известно, из Тавриза в Трапезунт через Хой, Арчеш, Маназкерт и Эрзерум. Из описания Армении Марко Поло нетрудно усмотреть, что и братьям Поло был известен этот южный путь через Арчеш. Кроме «самого отменного города» Армении Арзинга (=Ерзингян), упоминаются у Марко Поло еще два города—Арчеш и Эрзерум[56].

Этот второй путь, который я в первом издании настоящего труда считал второстепенной для транзита дорогой, играл, как указывает И. П. Петрушевский[57], также важную роль в монгольскую эпоху. Он подробно приведен у современника Пеголотти, писателя первой половины XIV века Хамдаллаха Казвини, который упоминает на нем следующие станционные пункты: Маранд—Хой—Арджиш—Маласджирд (Маназкерт)—Хнус—Арзан ар-Рум (Эрзерум)—Арзинджан (Ерзингян)—Сивас[58]. По мнению Петрушевского, роль главной караванной магистрали играл не путь, описанный Пеголотти, который Казвини не упоминает, а вышеозначенный второй путь. Я думаю, что из данных, как итальянских, так и арабских и персидских источников, можно заключить, что оба вышеуказанные пути играли одинаково важную роль в международной транзитной торговле.

По мнению Гейда, торговое значение Тавриза и караванной магистрали через Армению в Трапезунт и Айас сильно возросло после разгрома Багдадского халифата и города Багдада Хулагуханом в 1258 г. До этого Багдад занимал в международной торговле такое же первенствующее место, как и Тавриз, но после 1258 г. выступили на первый план сначала Тавриз, а затем Султания.

Какое громадное значение придавалось генуэзцами торговле с Индией через Тавриз, видно, между прочим, из крайне важных сообщений епископа Султании Guillielmus Adae, содержание которых приведено у Гейда[59]. По словам Гейда, в неизданном труде епископа Adae („De modo exstirpandi Saracenos") имеются сведения о грандиозном проекте генуэзцев, касающемся широкой торговли с Индией, который был разработан с согласия Аргун-хана (1284—1291 гг.). Генуэзцы предлагали Аргун-хану создать особый порт в Персидском заливе и всю индийскую торговлю предполагали направить в этот порт. Имелось также в виду, что сторожевые военные суда, стоявшие в Адене, должны были закрыть путь всем купеческим судам, направлявшимся в Египет через Красное море. По мнению Гейда, проект этот не был осуществлен, так как Генуя была к концу XIII в. сильно ослаблена внутренней борьбой, возникшей между партиями гвельфов и гиббеллинов.

О том, что Тавриз в монгольскую эпоху был важнейшим центром международной торговли с Индией, свидетельствует Марко Поло, возвратившийся через Персию в Европу в 1293—1294 гг. «Торис—сообщает Марко Поло—большой город в стране Ирак; много там и других городов и городищ, но Торис самый лучший в целой области, о нем поэтому и расскажу вам. Народ в Торисе торговый и занимается ремеслами; выделываются тут очень дорогие золотые и шелковые ткани. Торис на хорошем месте; сюда свозят товары из Индии, из Бодака (=Багдада), Мосула, Кремозора (=Гармсира) и из многих других мест; сюда за чужеземными товарами сходятся латинские купцы. Покупают тут также драгоценные камни, и много их здесь»[60].

По мнению Гейда[61], из Тавриза вывозились, преимущественно, те дорогие восточные товары, на цены которых не оказывали существенного влияния дальность пути и их вес. Вывоз их через северную Персию и Армению был выгоден, так как с многоценных товаров в монгольской империи взимали более умеренные пошлины, чем в Египте.

Главными предметами вывоза из Тавриза были пряности—перец кубеба, нард, гвоздика, мускатный орех, имбирь и корица, драгоценные камни, преимущественно, бирюза и рубины, жемчуг, лазурь-лазурит, шелк прикаспийских областей, индиго, амбра, мускус, ладан, дорогие материи—taftah, zendado, bucherame, setu-

[55] Там же и так же, Heyd, II, p. 117.

[56] См. *И. П. Минаев,* Путешествие Марко Поло, кн. I, гл. XXII, с. 28.

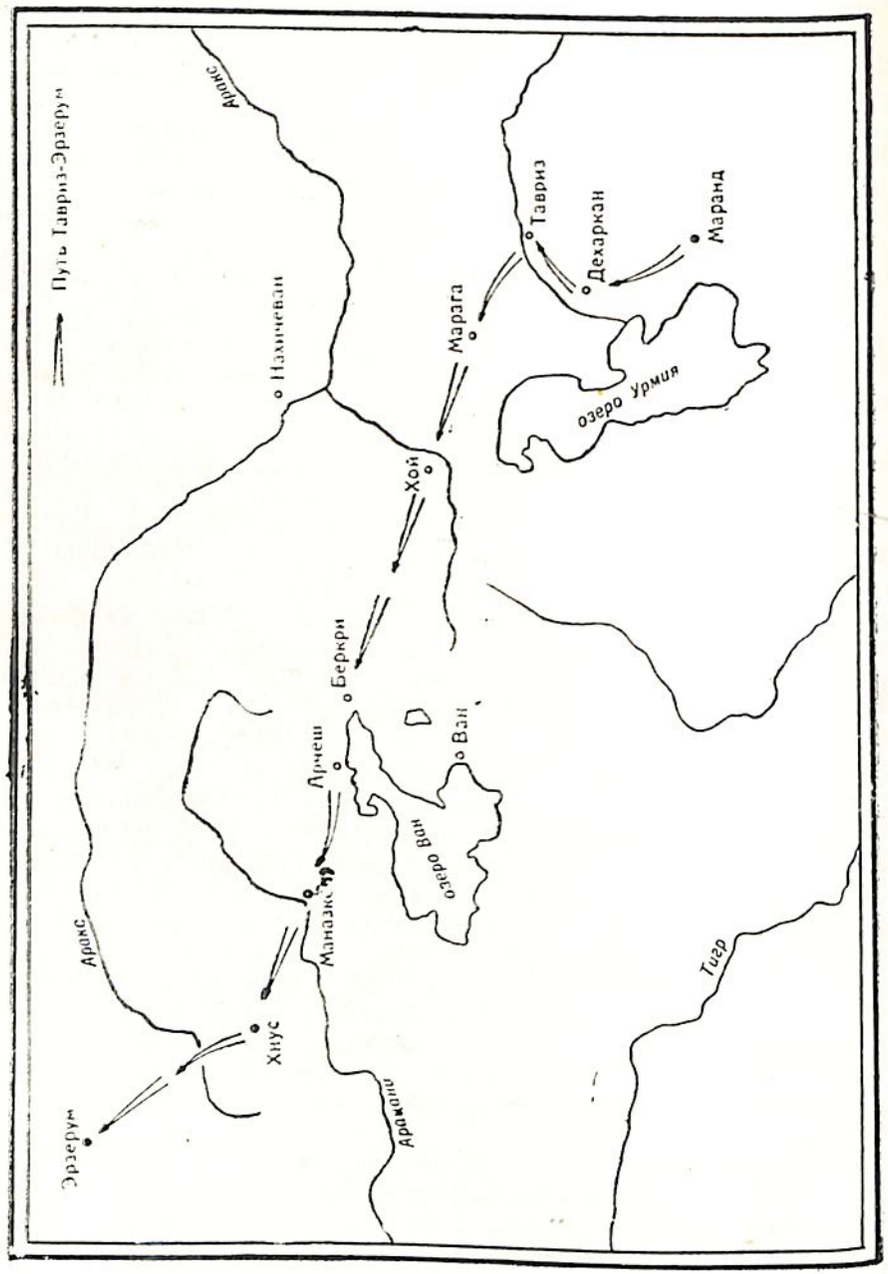
[57] *И. П. Петрушевский,* Хамдаллах Казвини, как источник по социально-экономической истории восточного Закавказья, Изв. Ак. наук СССР, отд. общ. наук, 1937, с. 914.

[58] *Хамдаллах Казвини,* «Нузхат ал-кулуб», ed. by G. Le Strange, Gibb memorial series, vol. XXIII, p. 182—184.

[59] *W. Heyd,* II, p. 111.

[60] *И. П. Минаев,* Путешествие Марко Поло, кн. I, гл. XXVI, с. 36.

[61] *W. Heyd,* II, p. 78.

nis и др. О предметах ввоза в Тавриз мы находим лишь некоторые косвенные свидетельства у Пеголотти и в завещании венецианца Pietro Viglioni, написанном в Тавризе в 1264 г. В этих свидетельствах упоминаются товары и фабрикаты, привезенные с запада—сукна Венеции, Ломбардии, Германии и Фландрии, полотно, меха, камлот и олово[62].

Для выяснения вопроса, о том, как отражалась торговля монгольской эпохи на развитие городов Армении, необходимо принять в соображение два чрезвычайно важных факта.

В византийско-сасанидскую и багратидскую эпохи центрами международной торговли, как было сказано выше, являлись столицы Армении, теперь же центральным пунктом международного обмена стала столица ильханов Тавриз, а затем Султания. Армения не могла вследствие этого претендовать на то положение в международной торговле, какое она занимала в цветущее время багратидского царства. Другим крайне важным фактом, заслуживающим особого внимания, является перемещение магистральной линии транзитных сношений из Ани и Карса на юг, Пасинскую и Алашкертскую равнины и в районы Арчеш—Маназкерт—Муш.

Об этом можно заключить не только на основании прямых указаний Пеголотти, но и тех сведений, которые имеются у Лангеле и у других авторов.

Естественно поэтому, что ни у одного из средневековых европейских путешественников, проезжавших через Армению в Тавриз или Трапезунт, не упоминаются в описаниях их путешествий северные города Армении Ани и Карс. Некоторые сведения об Ани сообщает лишь Рубрук, проехавший через Ани в 1255 г., но он, как известно, ехал в Малую Азию не из Тавриза, а из Сарая—через Дербент—Шемаху—Нахичеван—Ани и Камах на Евфрате[63].

И. П. Петрушевский в своей вышеуказанной статье «Хамдаллах Казвини как источник социально-экономической истории восточного Закавказья» полагает, что отмеченное мною перемещение путей караванной торговли на юг вызвало захирение городов и упадок городской жизни не только в центральных областях Армении, но и в северном Закавказье, нынешнем Советском Азербайджане[64]. «В целом,—пишет Петрушевский,—если сопоставить данные Казвини о городах южного и северного Азербайджана, получим картину обратную той, какую рисуют нам арабские географы IX—X вв. (и даже еще в значительной степени Якут для

[62] *W. Heyd*, II, с. 110 и 132.

[63] См. The journey of William of Rubruck of the eastern parts of the world (1253—1255), translated by William Woodville, Rockhill London, 1900, p. 273.

[64] См. Известия Академии наук СССР, отд. общ. наук, 1937, с. 902 и след.

начала XIII в.). В этот период наиболее крупные центры ремесла и торговли были сосредоточены на севере, в нынешнем северном Закавказье—Дербенд, Бердаа, Тбилиси, Двин...

...В XIV в. описание Казвини дает нам обратную картину: в южном Азербайджане многочисленные города (и в первую очередь Тавриз), развитое ремесло и торговля, в северном Азербайджане—упадок старых центров торговли, ряд городов (Байлакан и др.)—в развалинах»[65]. Этот упадок городов северного Азербайджана в монгольскую эпоху Петрушевский объясняет отчасти и тем, что территория северного Азербайджана периодически подвергалась опустошению и разорению во время войн между Джучидами Золотой Орды и Хулагидами Ирана.

Следствием перемещения торговых путей и образования новых центров мировой торговли в нынешнем иранском Азербайджане явились также ослабление торгового значения Ани и Карса и постепенный их упадок. Крайне любопытно в этом отношении, что процесс обеднения города Ани, начавшийся с начала XIV века[66], падает как раз в цветущую эпоху итальянской торговли с Тавризом и Султанией.

Как известно, историческое предание армян гибель Ани приписывает землетрясению 1319 г[67]. Предание это опровергается, как полагают Н. В. Ханыков и академик Бартольд[68], изданной ими персидской надписью ильхана Абу-Саида (1316—1335 гг.), в которой указывается на разорение и запустение Ани вследствие непосильных поборов и податей. Из свидетельств армянских надписей начала XIV века также видно, что город Ани, несмотря на свое привилегированное положение и принадлежность к удельным имениям («хасинджу») ильханства, экономически был ослаблен крайне тяжелыми и непосильными налогами и благосостояние его постепенно падало.

Вышеозначенная надпись Абу-Саида, содержащая текст указа (ярлыка), была выбита на видном месте, на стене аннйской мечети Мануче, для защиты населения от незаконных и разорительных поборов. «Пусть кроме тамги и справедливой пошлины—говорится в надписи[69]—ничего другого не взимают, и ни с какого человека под предлогом (податей) калан, немери, тарх и других ничего не требуют, как перед этим в городе Ани и других областях Грузии по причине (податей) калан, немери, незаконных ассигнований и (подати) тарх[70] поборы производили и применяли насилие. (Местность) стала приходить в запустение, люди из простого народа рассеялись, старосты города и области по причине (податей) калан и тернагир имущество недвижимое, движимое и семьи свои покинули и ушли».

Сведения, содержащиеся в приведенной надписи и свидетельствующие о причине запустения Ани, как видим, крайне ценны, но, мне кажется, было бы ошибочно материальное обнищание Ани и его постепенный упадок приписывать только и исключительно чрезмерности податей или же неустройствам монгольского государственного управления. Главной и основной причиной, вызвавшей упадок Ани, как указано нами выше, были перемещение торговых путей на юг и утрата городом Ани своего первостепенного места в международной торговле. Если бы не эта причина, мне кажется, чрезмерные поборы едва ли могли вызвать то состояние упадка и обеднения, о котором говорится в ярлыке.

Вопреки вышеупомянутому преданию армян, город Ани, как видно из целого ряда указаний источников, продолжал существовать и в последующие века. В середине XV века в нем чеканивалась золотая монета, в XVI веке он представлял собою только деревню, а с XVIII века уже в виде развалин, принадлежал турецким бекам Хатун-оглы[71].

Вместе с упадком Ани, обусловленным перемещением торговых путей на юг, мы наблюдаем отлив армянского торгового населения и вслед за ним также и земледельческой массы из Ани и прилегающих к нему областей на юг России и оттуда на запад—в Польшу и Галицию.

В то время как развитие экономической жизни замирало постепенно на севере и город Ани шел неуклонно к упадку, международные торговые сношения через Кеприкей и Алашкертскую равнину или же через Маназкерт и Арчеш вызвали в первой по-

---

[65] Там же, с. 910—911.

[66] См. *В. Бартольд,* Персидская надпись на стене аннйской мечети Мануче. Аннйская серия № 5, СПб., 1911, с. 9.

[67] О землетрясении 1319 г. сообщает неизвестный продолжатель хроники Самуила Аннйского, Вагаршапат, 1893, с. 157. В сообщении этом говорится, однако, не о гибели Ани, а о разрушении от землетрясения монастыря и церкви св. Фаддея в Артазе и многих деревень в области Гехаркуни.

[68] *Бартольд,* там же, с. 10 и Н. В. Ханыков, Melanges asiatigues, II. p. 61—68.

[69] См. перевод В. Бартольда, там же, с. 7.

[70] Под вышеозначенным термином «тарх» исследователи разумели до недавнего времени особую подать, действительное значение которой не было им ясно. Однако, как выяснено теперь в статье Ализаде, под именем «тарх» следует подразумевать принудительную поставку для казны или местных правителей по расценке в несколько раз меньше рыночной цены разных товаров. Тархом назывался также порядок, при котором казна или местные правители заставляли торговцев покупать в обязательном порядке разного рода предметы торговли по высокой расценке, превышающей рыночные цены. См. *А. А. Ализаде,* К истории феодальных отношений в Азербайджане в XIII—XIV вв. Термин «тарх». Известия АзФАН, № 3, за 1942 г.

[71] См. *И. Орбели,* Развалины Ани, с. 28.

ловине XIV века значительное оживление в южных областях Армении, расположенных на караванных путях.

Экономическое оживление на юге и цветущее сравнительно состояние южных областей Армении можно видеть хотя бы из того, что в монгольскую эпоху эта южная часть государства ильханов, называемая Великой Арменией (столицей ее считался город Ахлат на берегу Ванского озера), по своей доходности стояла значительно выше Грузии, в состав которой входили северные области Армении.

В географическом труде Хамдаллаха Казвини, в котором приведены цифры податей отдельных областей монгольского государства в 1336 г., сообщается, что Грузия доставляла в казну ильханов 120 томанов и 2000 динаров[72] (120×10 000+2 000=1 202 000 динаров); Великая же Армения—39 томанов (39×10 000=390 000 динаров).

Приведенные цифры податей подтверждают, как мне кажется, наше предположение о сравнительном экономическом благосостоянии юга Армении, так как Великая Армения монгольской эпохи, вносившая в казну ильханов 390 000 динаров, т. е. приблизительно одну треть податной суммы Грузии, по своим размерам была несравненно меньше одной трети обширного Грузинского государства, в состав которой входили многочисленные грузинские, армянские и другие области.

О цветущем состоянии городов юга Армении некоторые сведения имеются в средневековых путешествиях, главным образом, у Марко Поло.

Любопытно в этом отношении, что в путешествии Марко Поло город Ерзингян, лежавший на караванном пути из Айаса в Тавриз, назван «самым отменным городом» Великой Армении. «Великая Армения,—сообщает Марко Поло,—страна большая; начинается она у города Арзинга, где выделывается лучший в свете бокаран. Есть тут также отличные бани и самые лучшие в мире источники. Живут там армяне и подвластны они татарам. Много там городов и городищ. Самый отменный город—Арзинга. Там живет архиепископ. Есть еще города Арзирон [=Эрзерум] и Арзис [Арчеш]»[73].

В подробной версии путешествия Марко Поло, появившейся в итальянском печатном издании Рамузио, имеются интересные сообщения о южных городах Муше и Мардине, как о важных торгово-промышленных центрах, в которых занимались выделкой разных тканей. «За этой областью [Курдистаном]—говорится у Рамузио—есть другая, которая зовется Мус и Меридин; тут родится множество хлопчатника, из него выделывают боккасин и разные другие ткани. Здесь есть ремесленники и купцы, все они подчинены татарскому царю»[74].

Аналогичные сведения о производстве различных тканей в Мардине и Ерзингяне дает также и арабский путешественник XIV века Ибн-Батута. По свидетельству последнего, в Мардине выделывали ткани из нежной козлиной шерсти, называемой almerizz, а в Ерзингяне производили прекрасные материи и изготовляли из местной меди чаши и особой формы канделябры на трех ножках, называемые baïsoûs [75]. Здесь же, в Ерзингяне, имелись превосходно устроенные базары[76].

В связи с перемещением торговой магистрали на юг и оживлением международных торговых сношений через Эрзерум—Кеприкей—Багаван и Эрзерум—Маназкерт—Арчеш, заслуживает внимания и другой любопытный факт. Из свидетельств армянских и арабо-персидских источников известно, что Хулагу-хан основал в Алатаге, в равнине, называемой Даран или Дарн-дашт, летнюю резиденцию, которая одновременно должна была стать одним из торговых центров ильханства. Местонахождение этой монгольской резиденции, в которой насильственно были поселены купцы[77], французский ученый Сен-Мартен и армянский историк Чамчян предполагали[78] в муганской равнине у низовьев Куры и Аракса. Между тем, как совершенно правильно указано в новейших трудах, под Алатагом следует разуметь горную область к югу от Багавана и Диадина.

---

[72] Как известно, по предписанию Газан-хана (1295—1304 гг.) вес серебряного монгольского динара был установлен в 3 мискаля, т. е. в 3 золотника или 12,75 грамма. Основываясь на означенном весе серебряного динара, академик Бартольд определяет его ценность по количеству заключавшегося в нем серебра в 75 коп. сер. По этому расчету вышеуказанные налоги Грузии составляют 75×1202000=901500 руб., а подати Великой Армении—75×390000=292500 руб. (см. *В. Бартольд*, Персидская надпись на стене анийской мечети Мануче, с. 18, 19, 23 и 24). На неудобства перевода древних серебряных монет на современные серебряные рубли, франки и марки впервые указано в моем труде «Материалы по истории экономической жизни древ. Армении (II)», см. Изв. гос. унив. Армении 1928, № 4, с. 81—82.

[73] *И. П.Минаев*, Путешествие Марко Поло, с. 27—28 (кн. I, гл. XXII). В переводе Минаева напечатано в тексте—Аргирон и Дарзизи, правильные же чтения—Arziron и Arzis—указаны в примечании.

[74] Там же, с. 33, примечание 1.

[75] Vayage d' Ibn Batoutah, texte arabe, accompagné d'une traduction par C. Defrémery et le D-r B. R. Sanguinetti, t. II, Paris, 1854, p. 143, 263, 294.

[76] Там же, с. 294.

[77] См. *W. Heyd*, Histoire du commerce du Levant, II, p. 108.

[78] *M. J. Saint-Martin*, Mémoires historiques et géographiques sur l'Armenie, t. II, Paris, 1819, p. 283; *М. Чамчян*, История Армении, Венеция, 1786, III, с. 259.

Приведенное сведение об основании резиденции ильханов и нового центра торговли в Алатаге определенно свидетельствует, что в монгольскую эпоху центр тяжести торгово-экономической жизни Армении был перенесен из северных областей в южные, и кроме того, подтверждает, как видим, общий почти всем городам Армении факт, что все они возникали в древнее время на караванных путях международной торговли.

Резиденция хулагидов в Алатаге, несмотря на свое благоприятное местоположение, просуществовала, однако, недолго. Она не могла окрепнуть и развиться, так как с ослаблением и падением хулагидской династии южные области Армении лишились своего международного торгового значения и экономическому благосостоянию их был нанесен сокрушительный удар опустошительными нашествиями Тамерлана.

Международные торговые сношения с Тавризом и затем с Султанией, достигшие значительных размеров после разрушения Багдада в 1258 г., продолжались до падения монгольского государства ильханов.

После смерти Абу-Саида (в 1335 г.) царство ильханов, как известно, распалось на множество второстепенных владений. Вспыхнувшие после того междоусобные войны и усилившиеся повсюду произвол и анархия приостановили караванное движение через Армению, и международная торговля со столицами ильханов пошла постепенно на убыль и временно прекратилась.

Из свидетельств итальянских источников известно, что как во второй половине XIV века, так и в XV веке, делались неоднократные попытки, исходящие с востока, вновь наладить прерванную торговую связь. Усилия эти увенчивались успехом лишь временно, так как вследствие постоянных войн, как и быстрой смены и политической неустойчивости династий Чобанидов, Джелаиридов, Тимуридов, туркменов Кара-коюнлу и Ак-коюнлу, не всегда удавалось восстановить безопасность караванных путей через юг Армении, необходимую для успехов международной торговли. Насколько затруднительны и опасны были здесь передвижения, видно хотя бы из того, что в XV веке исходным пунктом путешествий в Тавриз и Персию был обычно не Трапезунт, а город Тана.

В XV веке, после разрушения Тимуром Астрахани (1395 г.) и Багдада (1400 г.), для транзитной европейско-азиатской торговли вновь приобрели важное значение караванные пути, пролегавшие через юг Армении. Совершенно исключительной была и в этом веке хозяйственная роль Тавриза, откуда восточные товары вывозились в Европу через сирийские порты. По словам Шильдбергера, бывшего на Востоке в начале XV века, доход сына Тимура, Мираншаха (1405—1408 гг.), с города Тавриза превышал доходы могущественнейшего христианского монарха, так

как город этот был центром огромных торговых оборотов[79]. В 1460 году право сбора торгово-ремесленного налога (тамги) и пошлин в Тавризе было отдано за шестьдесят тысяч червонцев[80].

Начиная с конца XV века для мировой торговли с Индией и Китаем создалась, как известно, совершенно новая обстановка и сухопутные караванные магистрали не имели уже того значения, какое им было присуще в предшествовавшие эпохи.

Великие открытия конца XV века коренным образом изменили пути мировой торговли. В 1498 г. португалец Васко де Гама, обогнув мыс Доброй Надежды, достиг гавани Каликут, бывшей в то время средоточием торговых сношений Индии с Передней Азией. Почти одновременно с этим, в 1492 г. Христофор Колумб открыл Антильские острова, а затем и Америку. Эти два важных события, почти совпавшие друг с другом по времени, произвели в области мирового торгового обмена коренной переворот.

После открытия прямого морского пути в Индию и Китай, прилегающие к Черному морю области лишились своего прежнего положения в международной торговле. Естественно поэтому, что и торговое развитие Армении приняло в последующие эпохи другой характер и она не могла, конечно, иметь значение для торговых сношений с Индией или Китаем.

---

[79] См. *Шильдбергер И.*, «Путешествие Ивана Шильдбергера по Европе, Азии и Африке с 1394 по 1427 год», перевод Ф. Бруна. Записки Новороссийского университета, Одесса, 1857, т. I, Вып. 1—2, с. 47.

[80] См. *И. П. Петрушевский*, Государства Азербайджана в XV веке. Известия «АзФАН», Баку, № 7, за 1944 г., с. 88.

УКАЗАТЕЛЬ
ЦИТИРОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Абегян М., Армянские народные мифы (на арм. яз.), Вагаршапат, 1901.

Авгерян Ар., Разъяснение древних мер и весов (на арм. яз.), Венеция, 1821.

А-До, Ванский, Битлисский и Эрзерумский вилайеты (на арм. яз.), Ереван, 1912.

Адонц Н., Армения в эпоху Юстиниана, СПб., 1908.

Akulian Aram, Einverleibung armenischer Territorien durch Byzanz im XI Jahrhundert, Diss., Grüningen, 1912.

Ализаде А. А., К истории феодальных отношений в Азербайджане в XIII—XIV вв. Термин «тарх». Известия «АзФАН», № 3, 1942 г.

Алишан Г., Айрарат (на арм. яз.), Венеция, 1890.

Алишан Г., Сисван (на арм. яз.), Венеция, 1885.

Алишан Г., Сисакан (на арм. яз.), Венеция, 1893.

Алишан Г., Айапатум (на арм. яз.), Венеция, 1911.

Анания Ширакский, Труды изд. К. Патканова, СПб., 1877.

Анания Ширакский, Вопросы и решения, изд. и перевод Н. А. Орбели, СПб., 1918.

Anderson J. G. C., Studia Pontica, I, Bruxelles, 1903.

Anonymi Ravennatis, Cosmographia, ed. M. Pinder et Parthey, Berolini, 1860.

Appiani Alex., Rom, Hist., De rebus Suriacis.

Аристакес Ластивертский. История, Тифлис, 1912.

Aslan Kèvork Etudes historiques sur le peuple arménien, Paris, 1909.

Асохик, Стефан Таронский. Всеобщая история, СПб., 1885; перевод Н. Эмина, М., 1864.

Asturian, Die politischen Beziehungen zwischen Armenien und Rom, Venedig, 1911.

Ахвердов Ю. Ф., Тифлисские амкары, Тифлис, 1883.

Баладзори, Книга завоевания стран (две главы), текст и перевод проф. П. К. Жузе, Баку, 1927.

Baynes Norman H., The Byzantine empire, London, 1925.

Бартольд В., Историко-географический обзор Ирана, СПб., 1903.

Бартольд В., История изучения Востока в Европе и в России, СПб., 1911.

Бартольд В., Персидская надпись на стене Анийской мечети Мануче, Анийская серия № 5, СПб., 1911.

Бартольд В., Место Прикаспийских областей в истории мусульманского мира, Баку, 1925.

Бартольд В., Иран, Ташкент, 1926.

Бархударян М., История Албании (на арм. яз.), Вагаршапат, 1902.

Belck W., Majafarkin und Tigranokerta, Zeitschrift für Ethnologie, 1899.

Belck W., Beiträge zur alten Geographie und Geschichte Vorderasiens, Heft I—II, Leipzig, 1901.

Beloch J. Griechische Geschichte, Dritter Band, I und II Abteil, Strassburg, 1904.

Бер Адольф, История всемирной торговли, перевод Э. Циммермана, ч. I. М., 1876.

Brosset M., Histoire de la Gèorgie depuis l'antiquité jusq'au XIX siècle, traduite du gèorgien, Pètersbourg, 1849—1858, 5 vol.

Брюсов В., Летопись исторических судеб армянского народа, М., 1918.

Boissevain, Ein verschobenes Fragment des Cassius Dio, Hermes, Bd. 25, 1890

Бузескул В., Открытия XIX и начала XX века в области истории древнего мира, I, Восток, Пб., 1923.

Bury J. B., History of the later Roman Empire, vol. I—II, London, 1923.

Вардан, Всеобщая история, Венеция, 1862, русский перевод Н. Эмина, М., 1861.

Wachuscht Description Gèographique de la Gèorgie, ed. Brosset S.-P., 1892.

Вебер М., Аграрная история древнего мира, перевод под редакцией Д. М. Петрушевского, М.

Viedebantt O., Forschungen zur Metrologie des Altertums. Leipzig, 1917.

Viedebantt O., Quaestiones Epiphanianae metrologicae et criti ciae, Lipsiae 1911.

Гарагашян А., Критическая история Армении, I (на арм. яз.), Тбилиси, 1895.

Гайкуни С., Багреванд (на арм. яз.), Вагаршапат, 1894.

Gelzer H. Zur armenischen Götterlehre, Berichte der Königl. Sächs. Gesellschaft der Wissenschaften, Sitzung vom 7 December 1895.

Gelzer H. Byzantinische Kulturgeschichte, Tübingen, 1909.

Geographi latini minores, Heilbronnae 1878.

Georgius Cedrenus, „Сводная история", Bonn, 1838.

Herodoti, Historiarum libri IX, Bibl. Teubn., перевод с греческого Ф. Г. Мищенка, т. I, Москва, 1885.

Ghazarian, M., Armenien unter der arabischen Herrschaft, Marburg, 1903.

Гурко-Кряжин В., Прошлое и настоящее Советской Армении, «Новый Восток», кн. 16—17.

Гюзальян Л. Т., Персидская надпись Кей-Султана Шеддади в Ани, сборник «Академия Наук СССР—академику Н. Я. Марру», М.—Л., 1935.

Güterbock K. Byzanz und Persien in ihren diplomatisch—volkerrechtlichen Beziehungen im Zeitalter Justinians Berlin, 1906.

Heyd W., Histoire du commerce du Levant, I—II, Leipzig, 1923.

Hoffmann G., Addenda zu H. Gelzer's Georgius Cyprius, Lipsiae, 1890.

Huart Cl., La Perse antique et la civilisation iranienne, Paris, 1925.

Hübschmann H., Die altarmenischen Ortsnamen, Sonderabdruck aus dem 16. Bande der indogermanischen Forschungen, Strassburg, 1904.

Daghbaschian A. Gründung des Bagratidenreiches durch Aschot Bagratouni, Diss., Berlin, 1893.

Decourdemanche J. A., Traité pratique des poids et mesures des peuples anciens et des arabes, Paris, 1909.

Дионисий Тельмахрский, Chronique de Denys de Tell-Mahré, publ. et trad. par J. —B. Chabot, Paris, 1895.
Джавахов И., Государственный строй древней Грузии и древней Армении, СПб., 1905.
Дживелегов А., Торговля на Западе в средние века, СПб., 1904.
Diehl Ch., Justinien et la civilisation byzantine au VI siècle, Paris, 1901.
Diodorus, Biblioth. histor, Bibl. Teubn.
Droysen J. G. Geschichte des, Hellenismus, 2 Aufl. 3 Bde, Gotha, 1877.
Dubois de Montpéreux F., Voyage autour du Caucase, I—VI, Paris, 1839—1843.
Eckhardt Kurt, Die armenischen Feldzüge des Lukullus, Klio, Bd. IX, Heft 4 und Bd. X, Heft 1—2.
Ельницкий Л. А., Из исторической географии древней Колхиды. Вест. древ. ист., 1938, № 2 (3).
Еремян С., Торговые пути Закавказья, Вест. др. ист., 1939, № 1.
Eutropius, Breviarium historiae romanae. recogn. Fr. Ruehl, Leipzig, 1897.
Ибн-Батута, Voyage d'Ibn Batoutah, texte arabe, accompagne d'une traduction par C. Defrémery et le Dr. B. R. Sanguinetti, Paris, 1854.
Иезекииль, Библия.
Инджиджян, Древн. Армения (на арм. яз.), Венеция, 1882.
Иоанн Католикос, История Армении, Тбилиси, 1912.
Караулов Н. А., Сведения арабских писателей о Кавказе, Армении и Азербайджане. Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа XXIX (1901), XXXI (1902) и XXXII (1903).
Karbe Hans, Der Marsch der Zehntausend vom Zapates Zum Phasis—Araxes, Wissenschaftliche Beilage zum Jahresbericht des Königstädtischen Gymnasiums zu Berlin, 1898.
Karst J., Sempadscher Kodex aus dem XIII, Jahrhundert, Bd I—II, Strassburg, 1905
Kiepert H., Lehrbuch der alten Geographie, Berlin, 1878.
Kiepert H., Atlas antiquus, Elfte Auflage, Berlin.
Kiepert H., Ueber die Lage der armenischen Hauptstadt Tigranokerta, Monatsber. d. Berl. Akad. der Wiss. 1873.
Kiepert M. H., Étude sur l'Itinéraire de l'Asie occidentale, de Pegolotti, Sitzungsberichte der philos.-hist. Cl. der Berl. Ak., 1881.
Kiepert R., Atlas von Kleinasien in 24 Blättern, 1902—1906.
Кириак Гандзакский, История Армении, Тбилиси, 1910.
Ключевский В., Курс русской истории, часть I, М., 1914.
Corpus juris civilis, ed Mommsen, Krüger, I—III, Berlin, 1886—1895.
Konstantinos Porphyrogennetos, De administrando imperio, Bonnae, 1829—40.
Cosmas, Topographia christiana, ed. Winstedt, Cambridge, 1909.
Костанянц К., Летопись на камнях, СПб., 1913.
Kremer Alf. Culturgeschichte des Orients unter den Chalifen, Bd. I—II, Wien 1875.
Ксенофонт, Xenophontis Anabasis et Kyroupaideia, Bibl. Teubn.
Кулишер И. М., История русского народного хозяйства, М., 1925.
Cumont Fr. et *Cumont Eug.*, Studia Pontica, II, Bruxelles, 1906.
Lagard P. de, Symmikta, I—II, Goettingen, 1877, 1880.

Лазарь Парпский, История Армении, Тбилиси, 1904.
Латышев В. В., Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. СПб., 1890.
Lehmann—Haupt C. F., Armenien einst und jetzt; Bd. I, Berlin, 1910; Bd. II Erste Hälfte, Berlin, 1926.
Lehmann C. F., Über Tigranokerta, Verhandl. der 46. Versammlung, deutscher Philologen und Schulmänner in Strassburg, Leipzig, 1904.
Леонтий, История Армении, СПб., 1887, русский перевод К. Патканьяна, М., 1862.
Линч Х. Ф. Б., Армения, путевые очерки и этюды, в двух томах, рус. перевод Ел. Джунковской, Тбилиси, 1910.
Лисья Книга, Марсельское издание 1683 г.
Laurent, J., L'Arménie entre Byzance et l'Islam depuis la conquête arabe jusqu'en 886, Paris, 1919.
Magie D., „Roman Policy in Armenia and Transcaucasia", „Ann. report of Amer. Histor. Assoc. for 1919", I. 1923.
Mahaffi, Greck life and thought from Alexander to Roman conquest; русский перевод нескольких глав этой книги см. „История Греции со времени Пелопонесской войны", сборник статей, перевод под редакцией Н. Н. Шамонина и Д. М. Петрушевского, вып. 2, М., 1896.
Macri Christo M., L'organisation de l'èconomie urbaine dans Byzance sous la, dynastie de Macèdoine (867—1057). Paris, 1925.
Манандян Я. А., История Армении в эпоху тюрко-татарских нашествий (на арм. яз.), Ереван, 1922.
Манандян Я. А., Веса и меры в древнейших армянских источниках (на арм. яз.), Ереван, 1930.
Манандян Я. А., Материалы по истории экономической жизни древней Армении, II (на арм. и рус. яз.), Известия Гос. Унив. Армении, № 4, 1928.
Манандян Я. А., Заметки о положении шинаканов в древней Армении в эпоху марзбанства (на арм. яз.), Изв. Гос. Унив. Армении, Ереван, 1925, № 1.
Манандян Я. А., Древние пути Армении (на арм. яз.), Изв. Инст. Наук и Искусств ССРА, Ереван, 1931, № 5.
Манандян Я. А., Мелкие исследования («станция Hariza», Таблиц Певтингера), Ереван, 1932.
Манандян Я. А., Разрешение проблем Монсея Хоренского (на арм. яз., резюме на рус. и нем. яз., стр. 211—228), Ереван, 1934.
Манандян Я. А, Феодализм в древней Армении (в эпоху Аршакидов и марзбанства), Ереван, 1934 (на арм. яз.).
Манандян Я. А., Средневековый итинерарий в армянской рукописи X столетия, сборник «Академия Наук СССР—академику Н. Я. Марру», М.—Л., 1935.
Манандян Я. А., Главные пути древней Армении (на арм. яз., резюме на рус. и нем. яз., стр. 235—268), Ереван, 1936.
Манандян Я. А., Тигран Второй и Рим, в новом освещении по первоисточникам, Ереван, 1943.

Манандян Я. А., Города Армении в 10—11 столетиях (на арм. яз.), Ереван, 1940.
Манандян Я. А., Круговой путь Помпея в Закавказье, Вестн. древ. ист., 1939, № 4.
Манандян Я. А., Маршруты понтийского похода Помпея и путь отступления Митридата в Колхиду, Вест. древ. ист., М., 1940, № 3—4.
Манандян Я. А., О некоторых проблемах истории древней Армении и Закавказья, Ереван, 1944.
Манандян Я. А., Критический обзор истории армянского народа (на арм. яз.), Ереван, 1944.
Манандян Я. А., Армавирские греческие надписи в новом освещении, Ереван, 1946.
Манандян Я. А., Римско-византийские хлебные меры и основанные на них индексы хлебных цен, Византийский Временник. II (XXVII), М., 1947.
Markwart J. Eranschahr nach der Geographie des Ps. Moses Xoren. Berlin, 1901
Markwart J. Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge, Leipzig, 1903.
Markwart J. Untersuchungen zur Geschichte von Eran, Sonderabdruck aus dem „Philologus", „Supplementband X, Heft 1.
Markwart J. Südarmenien und Tigrisquellen, „Handes Amsorya", 1913, 1914, 1915; полный текст—Wien, 1930.
Markwart J., Die Entstehung und Wiederherstellung der armenischen Nation, Berlin, 1919.
Markwart J., Das Itinerar von Artaxata nach Armastica auf der römischen Weltkarte, Skizzen zur historischen Topographie und Geschichte von Kaukasien, Wien, 1928.
Markwart J., Die Entstehung der armenischen Bistümer, hrsgg. von J. Messina, Rome, 1932.
Markwart J., Le berceau des arméniens, Revue des études arméniennes, Paris, 1928, VIII, fasc. 2.
Марр Н. Я., Новые материалы по армянской эпиграфике, ЗВО, т. VIII, 1893—1894.
Марр Н. Я., Надгробный камень из Семиречия с армянско-сирийской надписью 1323 г. ЗВО, т. VIII, 1893—1894.
Марр Н. Я., Кавказский культурный мир и Армения, Пг., 1915.
Марр Н. Я., Критическая статья в журнале Мин. Народ. Просв., 1908.
Марр Н. Я., Грузинская поэма «Витязь в барсовой шкуре» Шоты из Рустава и новая культурно-историческая проблема, Пг., 1917.
Марр Н. Я., Легенды об основании Куара в Армении и Киева на Руси, Изв. ГАИМК, т. III, Л., 1924.
Марр Н. Я., Ани, книжная история города и раскопки на месте городища, Л.—М., 1934.
Матвей Эдесский, История, Иерусалим, 1868.
Меликсет-Бек Л. М., Armeno-Hebraica, Тбилиси, 1945.
Meyer Eduard, Blüte und Niedergang des Hellenismus in Asien, Berlin, 1925.
Mickwitz Gun., Ein Goldwertindex der römisch-byzantinischen Zeit, Aegyptus, anno XIII, Fasc. 1, 1933.

Miller Konrad, Itineraria Romana, Reisewege an der Hand der Tabula Peutingeriana, Stuttgart, 1916.
Минаев И. П., Путешествие Марко-Поло, перевод старофранцузского текста, СПб., 1902.
Minorsky V., Hudūd al-'Alam, The regions of the world., London, 1937.
Minorsky V., Transcaucasia, Jurnal Asiatique, Juli. 1930.
Mits E. H., Parchments of the Parthia from Avroman in Kurdistan, Journ. of Hellen. Stud. XXXV, 1915.
Михаил Сириец, Хроника, Иерусалим, 1871.
Михаил Атталиат, История, Боннское изд. 1853.
Моисей Каганкатваци, История албанской страны, М., 1860; русский перевод К. Патканьяна, СПб., 1861.
Моисей Хоренский, Труды, Венеция, 1843; русский перевод Н. Эмина, М., 1893.
Moltke H., von, Briefe über Zustände und Begebenheiten in der Türkei (1835—1839), Berlin.
Mommsen Th. Die Lage von Tigranokerta, Hermes, IX, 1875.
Mommsen Th., Römische Geschichte. Bd. 1—3 und 5. Berlin, 1881—1886; русский перевод 3-го тома см. перевод А. Веселовского. Москва, 1887.
Morier J., A. journey through Persia, Armenia and Asia Minor to Constantinople, London, 1812
Мюллер А., История ислама с основания до новейших времен, перевод с немецкого под ред. прив.-доцента Н. А. Медникова, т. I—IV, СПб., 1895—1896.
Neumann K. J. Strabons Landeskunde von Kaukasien, Jahrbücher für Classische Philologie, XIII, Supplementband, Leipzig, 1883.
Noeldeke Th., Tabari, Geschichte der Perser und Araber zur Zeit der Sasaniden, Leyden, 1879.
Орбели И., Развалины Ани, изд. журнала «Нева», СПб., 1911.
Ostrogorsky G. Löhne und Preise in Byzanz, Byzantinische Zeitschrift, 1932, Bd. 32, 2 Halbjahrsheft.
Патканов К., Армянская география VII века по Р. Х., СПб., 1877.
Pauly-Wissowa, Realencyklopädie d. class, Alterthumswissenschaft.
Пахомов Е. А., Монетные клады Азербайджана и Закавказья. Труды О-ва обследования и изучения Азербайджана, вып. 3, Баку, 1926.
Pegolotti Francesco Balducci, La pratica della mercatura, издано у Pagnini в его труде—Della decima e delle altre gravezze, della moneta e della mercatura de Fiorentini fino al secolo XVI, t. III, Lisbona e Lusa, 1766. Я пользовался теми сведениями и выдержками из труда Пеголотти, которые приведены у Алишана в Сисване и у W. Heyd'a в его Histoire du commerce du Levant.
Петрушевский И. П., Хамдаллах Казвини как источник по социально-экономической истории восточного Закавказья, Изв. Ак. Наук СССР, отд. общ. наук, 1937.
Петрушевский И. П., Государства Азербайджана в XV веке, Известия, «АзФАН», Баку, 1944, № 7.

C. Plinii Secundi, Naturalis Historiae. см. Historie naturelle de Pline avec la traduction en français, par M. É. Littré, t. I—II, Paris, 1883.
Пигулевская Н. В., Месопотамия на рубеже V—VI вв. н. э., М., 1940.
Plutarchi vitae, graece et latione, ed. Th. Döhner et F. Döbner, Paris, 1846—1855, vol. I—V.
Полибий, Всеобщая история в 40 книгах, перевод Ф. Г. Мищенка, т. I—III, М., 1890—99.
Прокопий Кесарийский, История войн римлян с персами, перевод С. Дестуниса, комментарий Г. Дестуниса, кн. I, СПб., 1876, кн. II, СПб., 1880.
Прокопий Кесарийский, О постройках, перевод с греческого С. П. Кондратьева, Вест. древ. ист., 1939, № 4.
Ptolemaei Claudii geographia, ed. K. Müller, v. I, Paris, 1901.
Reinach Th., Mithridate Eupator roi de Pont, Paris, 1890.
Ростовцев М. И., Эллинство и иранство на юге России, Пг., 1918.
Рубруквис The journey of William of Rubruck to the eastern parts of the world (1253—1255), translated by William Woodville Rockhill, London, 1900.
Самуел Анийский, Хроника, Вагаршапат, 1893.
Sandalgian J., Histoire documentaire de l'Arménie des âges du paganisme (1410 av.—305 apr. J. C.), t. I—II, Rome, 1917.
Себеос, История, СПб., 1874; русский перевод Ст. Малхасянца, Ереван, 1939.
Saint-Martin M. J., Mémoires historiques et géographiques sur l' Arménie, t. I—II, Paris, 1817—1819.
Strabonis, Geographica, Bibl. Teubn.; русский перевод Ф. Г. Мищенка, М., 1879.
Сысоев В. М., Бердаа, Изв. Азерб. Археол. о-ва, Баку, 1926, вып. II.
Тацит, Ocuvres complétes de Tacite, traduction du bureau de Lamalle, revue par M. Charpentier, t. I—Annales, t. II—Histoire, Paris.
Тер-Мкртчян Г., Анания Ширакский (на арм. яз.), Вагаршапат, 1896.
Tomaschek W., Sasun und das Quellengebiet des Tigris, Sitzungsber der Wiener Akad. d. Wiss., Bd. 133, № 4, 1895.
Tomaschek, „Caspiae", См. Pauly-Wissowa Realencycl.
Tomaschek. W., Historisch-Topographisches vom Oberen Euphrat und aus Ost-Kappadokien, Kiepert-Festschrift, Berlin, 1898.
Thopdschian H., Die inneren Zustände Armeniens unter Aschot I, Diss., Westasiat. studien, Berlin, 1904.
Тораманян Т., Ани—город или крепость? Этнографическое обозрение, XII, Тбилиси, 1912.
Tournebize Fr. Histoire politique et religieuse de l' Arménie, Paris, 1900.
Успенский Ф. И., Византийские землемеры, Труды VI Археологического съезда в Одессе, 1884, Одесса, 1888.
Fabricius, Der Periplus des Erythräischen Meeres von einem Unbekannten, Leipzig, 1883; русский перевод „Псевдоарриан, Плавание вокруг Эритрейского моря", Вест. древ. ист. 1940, № 2.
Фауст, История Армении, Венеция, 1832.
Flavius Josephus, Bibl. Teubner.
Фома Арцруни, История Арцрунидов, СПб., 1887.
Халатьянц Г., Армянский эпос в истории Армении Моисея Хоренского, М., 1896.
Халатьянц Г., Очерк истории Армении, М., 1910.
Хамдаллах Казвини, Нузхат ал-кулуб, ed. by G. Le stronge, Gibb memorial series, vol. XXIII.
Khanzadian Z., Atlas historique, Paris, 1920.
Хвольсон Д., Syrisch-Nestor. Grabinschriften aus Semirjetschie Mém. de l' Ac. des. sc., VII Serie, t. XXXVII, № 8, 1890.
Чамчян М., История Армении (на арм. яз.), I—III, Венеция, 1784—1786.
Speck E., Handelsgeschichte des Altertums, Be. I—V, Leipzig, 1900—1906.
Stein Ernst, Studien zur Geschichte des byzantinischen Reiches, Stuttgart, 1919.
Schur W., Die Orientpolitick des Kaisers Nero, Klio, XV, Leipzig, 1923.
Yule M., Cathay and the way thither, vol. II, London, 1866.
Juvenalis Janius, mit erklär. Anmerk. v. L. Friedländer, Bd. I—II, Leipsrae, 1895.
Justi F., Geschichte Irans, Grundriss der Iranischen Philologie, II, Strassburg, 1903.
Якубовский А., Рассказ Ибн-ал-Биби о походе малоазийских турок на Судак, половцев и русских в начале XIII века, Византийский Временник, т. XXV (1927), Л., 1928.
Якут— Jakut¸s Geographischer Wörterbuch, brsg. von P. Wüsten feld, Leipzig, 1866—1873.
Остальные арабские источники—Ibn Fakih, Ibn-Haukal, Ibn-Chordadbeh, Istachri, Kodama, Tabari цитированы, главным образом, по изданиям de Geogr. Arab., а Ibn-al-Athir по изданию Тернберга. Lugd.-Batav., 1851—1876.
Christensen A., L'empire des Sassanides, Kobenhavn, 1907.
Шильдбергер И., «Путешествие Ивана Шильдбергера по Европе, Азии и Африке с 1394 по 1427 год, перевод Ф. Бруна. Записки Новороссийского университета, Одесса, 1857, т. I, вып. 1—2.
Metrologici scriptores, ed, Hultsch, I.

ԿՇԻՌՆԵՐԸ ԵՎ ՉԱՓԵՐԸ ՀՆԱԳՈՒՅՆ ՀԱՅ ԱՂԲՅՈՒՐՆԵՐՈՒՄ

(Կշիռները և տարողության ու երկարության չափերը որոշված են և վերածված այժմյան կիլոգրամների, լիտրերի ու մետրերի)

ԱՌԱՋԱԲԱՆ

Հին Հայաստանի ներքին կյանքի պատմության վերաբերյալ մատենագրական կարևորագույն վկայությունները, որոնց մեջ հին կշիռներով ու չափերով իվական տեղեկություններ են հաղորդված Հայաստանի տնտեսական կյանքի մասին, պատմաբանների և տնտեսագետների համար մնում են մինչև այժմ մութ և անհասկանալի և չեն կարող օգտագործվել, որովհետև հին կշիռների ու չափերի քաշը ու տարողությունը դեռևս չեն որոշված ու վերածված այժմյան կշռական միավորների։

Այդ բացը զգալի է մանավանդ այժմ, երբ Հայաստանի և Մերձավոր Արևելքի անցյալի պատմագիտական հետազոտությունները դրվում են հետզհետե նոր հունի մեջ և ուսումնասիրվում ու լուսաբանվում է այդ երկիրների ներքին ու տնտեսական կյանքը։

Աչքի առաջ ունենալով մատնանշված այդ բացը՝ մենք ձեռնարկել ենք այս ուսումնասիրության և մանրախույզ քննության ենթարկել այն կարևոր ու անմշակ նյութերը, որ հանդիպում են հայկական աղբյուրներում և վերաբերում են Հին Հայաստանում գործածվող կշիռներին ու չափերին։ Պետք է ասել, որ այդ նյութերի ուսումնասիրությունը բավական բարդ խնդիր է։ Հին կշիռները, չափերը, ինչպես և դրամները, նույնը չեն եղել զանազան դարաշրջաններում։ Արաբական տիրապետության ժամանակ, նաև ուշ միջնադարում, Հայաստանում շրջանառության մեջ են եղել արաբական և ուրիշ դրամներ, նաև նոր կշիռներ ու չափեր, որոնք քննության են առնվելու մեր հետագա աշխատություններից մեկում։ Իսկ մեր այս ուսումնասիրության մեջ առաջին անգամ փորձ է արված որոշելու այժմյան կիլոգրամներով, լիտրերով և մետրերով, նախ և առաջ, Անանիա Շիրակացուն վերագրված կշիռները և տարողության ու ասպարիսական չափերը, հատկապես նրա այն կշռական ու չափական միավորները, որոնք գործածվել են Հայաստանում բյուզանդական-սասանյան դարաշրջանում։

Անանիա Շիրակացու «Յաղագս կշռոց և չափուց» գրվածքը, ինչպես հայտնի է, հրատարակված է Հ. Ավգերյանի «Բացատրութիւն չափուց և կշռոց» աշխատության մեջ (Վենետիկ, 1821)։ Այնուհետև նույն աշխատությունը տպագրված էր նաև Ք. Պատկանյանի «Անանիայի Շիրակունւոյ, Մնացորդք բանից» հրատարակության մեջ (Ս. Պետերբուրգ, 1877)։

Հ. Ավգերյանի հրատարակությունը կատարված է վենետիկի 7 ձեռագիրներից, որոնց մասին հրատարակիչը տալիս է հետևյալ տեղեկությունը.

«Զի եօթանեքին օրինակք չափուց և կշռոց՝ զոր ունիմք ի գրատան մերում, և որոշեմք զնոսա յընթացս գործոյս Ա, Բ, Գ, Դ, Ե, Զ և Է մերում, և որոշեմք զնոսա յընթացս գործոյս Ա, Բ, Գ, Դ, Ե, Զ և Է թուանշանօքս, կամ հատակօք են, և կամ աղաւաղեալ յանհմտութենէ գրչաց։ Թէպետև ամենեքին խօսին յաղագս կշռոց, այլ Ա, Դ և Ե միայն յաւելուն ընդ կշիռս և զչափս։ Նոյնպես Դ և Ե միայն դնեն ի սկզբան կշռոց զասպարիսական չափս խորենացւոյն։ Յորոց և Ա և Բ միայն կրեն ի ճակատու զանուն Անանիայի Շիրակացւոյ։ Մեք զամենեսին առհասարակ ընծայեմք նմին, թէպէտև յետինք համառօտեալ իցեն զբանս նորա և կամ յաւելեալ ինչ ի նոսա։ Սակայն՝ Ա օրինակն՝ թէպէտև սխալագիր է բազմօք, բայց ընդարձակ է և որոշ քան զամենեսին. որ և սկսեալ ի փոքունց՝ հանէ ի վեր ուրոյն ուրոյն վերնագրովք՝ նախ զկշիռս և ապա զչափս։ Է սա համառօտութիւն իմն բանիցն Եպիփանու՝ ընդհակառակն դասակարգութեամբ։

Զսա՝ իբրև հարազատ գործ Անանիայի Համարողի, ուղղագրեալ բազդատութեամբ եօթանեցունց օրինակացդ և բանից Եպիփանու՝ դնեմք առանձին աղիւսակաւ կշռոցն ի նախադրունս գործոյս։ Դ և Ե օրինակք ընտիր են գրչութեամբ և միաբան ունին զկշիռս և զչափս միայն երրակի տարրերին յառաջնոյ անտի. նախ՝ զի համառօտագոյն են քան զնա. երկրորդ՝ չունին ի ճակատու զանուն Անանիայի և ոչ զվերնագիր ի վերայ իւրաքանչիւր կշռոց և չափուց. և երրորդ՝ յաւելուն ի սկզբան անդ զասպարիսական չափս։ Վասն որոյ և մեք զսոցա ևս զուղղագիր օրինակ արժան համարեցաք առանձինն դնել ի նախադրունս գործոյս զկնի ասպարիսական չափուց խորենացւոյն։ Իսկ Բ, Գ, Զ և Է օրինակք են համառօտութիւնք ևեթ Ա, Դ և Ե օրինակաց Շիրակացւոյն։

Սակայն և այնպէս բաղմօք ուղղեն զվրիպանս նոցա»[1]: Իսկ Ք. Պատկանյանի հրատարակությունը կատարված է դարձյալ Վենետիկի ձեռագիրներից մեկի (թվահամարը չէ նշանակված) ընդօրինակությունից, որ նրան ուղարկել է Ղ. Ալիշանը[2]:

Մեր աշխատության մեջ Շիրակացու վկայությունները կշիռների ու չափերի մասին մեջ են բերված Հ. Ավգերյանի հրատարակությունից:

Բացի վերոհիշյալ հրատարակություններից օգտվել ենք նաև, գլխավորապես, J. A. Decourdemanche-ի Traité pratique des poids et mesures des peuples anciens et des arabes աշխատությունից (Paris, 1990): Մետրոլոգիայի վերաբերյալ այս գործնական ձեռնարկին մենք գերագասության ենք տվել, որովհետև այդ ձեռնարկում համեմատված են իրար հետ թե հին ու թե միջին դարերի զանազան սիստեմների կշիռները և չափերը, որոնք գործ էին ածվում Հունաստանում, Հռոմում և Մերձավոր Արևելքում:

Շիրակացու կշիռների ու պարունակական կամ տարողության չափերի հիմքը կազմում էին, ինչպես կտեսնենք, հռոմեական-բյուզանդական լիտրը և հռոմեական (ըստ երևույթին նաև բյուզանդական) քսեստը: Համաձայն Դեկուրդեմանշի թվաբանական համեմատական հաշիվներին՝ այդ լիտրի կշիռը մենք ընդունել ենք 326,4 այժմյան գրամ, իսկ հռոմեական քսեստի կշռորդը՝ 408 գրամ: Լիտրի և քսեստի այս կշիռները, թեև աղեքսանդրյան դպրոցի հույն չափագետների ու արաբական մաթեմատիկոսների վկայությունների օգնությամբ ստացել է Դեկուրդեմանշը թվաբանական տեսական հաշիվների միջոցով, սակայն նրա թվական տվյալները համապատասխանում են, իրոք, բյուզանդական լիտրի և հռոմեական քսեստի կշիռներին: Ինչպես հայտնի է, Լուվրի թանգարանում գտնվող 532 կամ 533 թվի բյուզանդական լիտրի կշիռը հավասար է 324 այժմյան գրամի: Տարբերությունը Դեկուրդեմանշի տեսականորեն հաշված լիտրի և բյուզանդական իրական կշռաքարի միջև, ինչպես տեսնում ենք, շատ չնչին է: Մենք նախընտրել ենք Դեկուրդեմանշի տեսական թվերը, որովհետև նրանք հեշտացնում են զանազան սիստեմների կշիռների ու չափերի բաղդատությունները, որ մատնանշված են նաև մեր ուսումնասիրության մեջ:

Մեծ դժվարություն պատճառեց ինձ Շիրակացու չափերի, մասնավորապես, քսեստի որոշումը: Չափերի կշռորդները որոշելիս՝ մենք օգտվել ենք բացի Դեկուրդեմանշի աշխատությունից նաև Oskar Viedebantt-ի նորագույն ուսումնասիրությունից Forschungen zur Metrologie des Altertums (Leipzig, 1917) և, հատկապես, նրա

[1] Տե՛ս «Յառաջաբանութիւն», էջ 4, 5:

[2] Տե՛ս «Անանիայի Շիրակունւոյ, Մնացորդք բանից», առաջաբան:

կարևոր նոր եղրակացություններից արևելքում գործածվող հռոմեական պաշտոնական չափերի մասին (տե՛ս վերոհիշյալ ուսումնասիրության մեջ՝ գլ. XI, էջ 133—150՝ Das hellenistische und das amtliche römische Hohlmass des Ostens): Վիպերանտն իր աշխատությունների մեջ փորձում է վերաքննել հին մետրոլոգիայի հաստատուն և անխախտ համարվող սկզբունքները, և խիստ ուշագրավ է, որ նրա եղրակացությունները հելլենիստական-հռոմեական քսեստի մասին հաստատվում են Շիրակացու չափերի նաև մեր ուսումնասիրությամբ:

Երկար ջանքերից հետո, ինձ թվում է, հաջողվել է մեզ գտնել նաև ասպարիսական չափերի լուծումը: Հ. Ավգերյանն ասպարիսական չափերը ևս, որ հիշատակված են Վենետիկի Դ և Ե ձեռագիրներում, վերը ևս, որ հիշատակված են Վենետիկի Դ և Ե ձեռագիրներում, վերը բացատրությունը.

«Զկնի առանձինն կարգելոյ ի նախադրունս գործոյս համառօտ ծանօթութեամբք զբանս եպիփանու, Շիրակացւոյն և Խորենացւոյն՝ կարևոր դատեցաք ուրոյն արձանացուցանել և զբանս Դ և Ե օրինակաց Շիրակացւոյն. որ է կարճ ի կարճոյ և ընտիր բովանդակութիւն երեցունց նախակարգեալ գործոցդ: Եւ թէպէտ ոչ կրէ նա ի ճակատու զանուն Շիրակացւոյն, այլ մեք նմին ընծայեմք և զայս՝ վասն լինելոյ նմա համառօտութիւն ինչ կշռոց և չափուց նորին. վասն որոյ և ի վերջ համառօտութիւն՝ զկնի ճակատու երկոնագրիս անխիղճ եղաք զանուն Շիրակացւոյն՝ զկնի ճակատու երկոցունց օրինակացդ» (տե՛ս «Բացատրութիւն» էջ 37, ծան. 1):

Թեև Ավգերյանի այս կարծիքը խիստ վիճելի է և անհավանական, որովհետև Վենետիկի Դ և Ե ձեռագիրների աղբյուրը Խորենացուն վերագրված աշխարհագրությունն է, մենք նպատակահարմար համարեցինք ասպարիսական չափերը ևս քննության առնել կշիռների և տարողության չափերի հետ միասին սույն ուսումնասիրության մեջ: Մեզ հետաքրքրող խնդիրը ո՛չ թե այդ չափերի հեղինակի հարցն է, որ կարող է բանասիրական առանձին քննության, այլ այդ չափերի որոշումն այժմյան մետրերով, որ նույնքան կարևոր է՝ ինչպես և կշիռների ու տարողության չափերի ճշտումը:

Ասպարիսական չափերը որոշելու համար մենք ի նկատի ենք ունեցել այդ չափերի մասին միայն այն վկայությունները, որ տպագրված կան հետևյալ հրատարակություններում՝

1. Հ. Ավգերյան, «Բացատրութիւն չափուց և կշռոց նախնեաց», էջ 33—37:

2. «Անանիայի Շիրակունւոյ, Մնացորդք բանից», հրատար. Ք. Պ., Ս. Պետերբուրգ, 1877, էջ 32—33:

3. «Աշխարհացոյց Մովսեսի Խորենացւոյ», հրատ. Ա. Սուքրյանի, Վենետիկ, 1881, էջ 7։

4. «Մովսէսի Խորենացւոյ մատենագրութիւնք», Վենետիկ, 1843, էջ 588։

5. Ղ. Ալիշան, Այրարատ, Վենետիկ, 1890, էջ 412—413։

6. Saint-Martin M. J., Mémoires historiques et geographiques sur l'Armenie, t. 11, Paris, 1819, էջ 379։

Պետք է սակայն մատնանշել, որ թե այս և թե կշիռների ու տարողության չափերի վերաբերյալ տպագրված բնագրերը բավարար չեն և ունեն կասկածելի ու վիճելի ընթերցվածներ, որ հետագա հրատարակություններում անհրաժեշտ է ճշտել և ուղղել էջմիածնի ու մյուս մատենադարանների համապատասխան ձեռագրերների օգնությամբ։ Այդ աշխատանքը հնարավոր կլինի ապագայում, երբ հրատարակված կլինեն էջմիածնի և մի քանի այլ մատենադարանների ձեռագրերնի ցուցակներն ընդարձակ բովանդակությամբ։ Իսկ այժմ հրատարակված բնագրերի հետ մենք կարողացել ենք բաղդատել էջմիածնի մատենադարանի մեզ ծանոթ հետևյալ երեք ձեռագրները՝ № 596 (=Կար. ցուց. 582), № 2195 (=Կար. ցուց. 2152) և № 125 Լազարյան ճեմարանի։

Առաջին երկու ձեռագրերն ունեն Անանիա Շիրակացու թե՛ կշիռների և թե՛ չափերի ընդարձակ բնագիրը, որ հրատարակված է Ավգերյանի բացատրության մեջ՝ էջ 21—32, իսկ Լազարյան ճեմարանի ընտիր ձեռագրում կա նույն կշիռների ու չափերի համառոտ բնագիրը և սկզբում նաև աստղաբիսական չափերը՝ համապատասխան Վենետիկի Դ և ե ձեռագիրների բնագրին (տե՛ս Ավգերյան, Բացատրություն, էջ 37—39)։ Իմ աշխատության մեջ նշանակված են և այս ձեռագիրների կարևոր ու տարբեր ընթերցվածները։

Ներկա ուսումնասիրության համար անհրաժեշտ էր ձեռքի տակ ունենալ նաև Եպիփան Կիպրացու «Յաղագս չափուց և կշռոց» գրվածքի հունարեն ընդարձակ բնագիրը, որ հրատարակել է Պ. Դըլագարդը (Symmicta II, Göttingen, 1880)։ Եպիփանի այս գրվածքը, ինչպես հայտնի է, Անանիա Շիրակացու գլխավոր աղբյուրն է, և մի քանի մութ ու վիճելի վկայություններ Շիրակացու երկում լուսաբանվում են հենց Եպիփանի բնագրի օգնությամբ։ Դըլագարդի այդ ընդարձակ հրատարակությունը դժբախտաբար մենք չկարողացանք ձեռք բերել, ուստի օգտվել ենք Եպիփանի հունարեն այն բնագրից, որ տպված է Հ. Ավգերյանի աշխատության սկզբում (Բացատրություն, էջ 1—20)։

Անանիա Շիրակացուն վերագրված «Յաղագս կշռոց և չափուց» գրվածքի մասին, սովորաբար, այն կարծիքն է հայտնվել, որ իբր այդ

գրվածքը պարզ հետևողություն է Եպիփան Կիպրացու համանուն աշխատության և իբր նրա մեջ խոսվում է միմիայն Հին և Նոր Կտակարաններում հիշատակված կշիռների ու չափերի մասին[3]։ Այդ կարծիքը խիստ չափազանցված է և ընդունելի չէ։

Ինչպես ներքև կտեսնենք, Շիրակացու կշիռների ընդարձակ բնագիրը (Հ. Ավգերյան, Բացատրություն, էջ 21—27) վերաբերում է ո՛չ միայն Հին և Նոր Կտակարաններում հիշատակված կշիռներին, այլ գլխավորապես, ոսկի և արծաթ փողերին, որ նրա ժամանակ շրջանառության մեջ են եղել Հայաստանում, նաև այն հռոմեական-բյուզանդական և մասամբ Սասանյան շրջանի պարսկական կշիռներին, որ գործածվել են, հավանորեն, Հայաստանում չորեքորդ դարում։ Հին և Նոր Կտակարանների կշիռներն ավելի մանրամասն, քան այդ ընդարձակ բնագրում, հիշված են Վենետիկի Դ և ե օրինակներում, նաև Գ ձեռագրի հավելվածում։ Թեև այստեղ Եպիփան Կիպրացու աղդեցությունն ավելի է որոշ ու ակնբախ և մեջ են բերված նրա հետևողությամբ եբրայական չափեր, բայց այդ չափերը համեմատված են հելլենական և հռոմեական չափերի հետ։ Շիրակացու աշխատության մեջ մեզ համար ամենակարևորը հենց այդ է, որ նրա մոտ համեմատված են իրար հետ տարբեր սիստեմների կշիռներ և չափեր և որ այդ թվական համեմատությունները հիմք են ծառայում մեզ որոշելու այժմյան կիլոգրամներով և լիտրերով այն գլխավոր ու հիմնական կշիռները ու չափերը, որ գործածվել են Հայաստանում բյուզանդական-սասանյան ժամանակաշրջանում։

Առանձին ուշադրության արժանի է նաև այն, որ Շիրակացու գրվածքի ուսումնասիրությամբ պայուսակի ու մոդի մասին ստացվում են կարևոր ու անակնկալ նոր եղրակացություններ, որոնք հետաքրքիր մի նորություն են մասնագետ մետրոլոգների համար։

ԱՆԱՆԻԱ ՇԻՐԱԿԱՑՈՒՆ ՎԵՐԱԳՐՎԱԾ ԿՇԻՌՆԵՐԸ

Անանիա Շիրակացու կշիռների համառոտ լուսաբանությունը մենք տվել ենք «Նյութեր Հին Հայաստանի տնտեսական կյանքի պատմության, 1» մեր նախորդ ուսումնասիրության մեջ, որ լույս էր տեսել Պետության և արվեստի Ինստիտուտի Տեղեկագրի № 2-ում, Երևան, 1927, էջ 29—30 ևն։ Հիմնվելով Շիրակացու խիստ կարևոր վկայության

[3] Տե՛ս Հ. Գ. Զարբհանալյան, Հայկական հին դպրության պատմություն, Վենետիկ, 1897, էջ 463. Կ. Բասմաջյան, Ամիրտովլաթի Ամասիացվո Անգիտաց անպետ, Վիեննա, 1927, էջ իէ և ուրիշ.։

վրա՝ որ «դրամ ըստ պարսկական լեզուին անուանեցաւ և յարծաթոջ՝ տպաւորեցաւ, որ է ձ մասն լտեր»՝ մենք մատնացույց էինք արել, որ այդ վկայության մեջ ի նկատի է առնված, անտարակույս, սասանյան արծաթ դրամը, որի կշիռը, ինչպես հայտնի է, մոտավորապես չորս գրամ էր։

Արդ՝ եթե սասանյան արծաթ դրամը կազմում է լիտրի $^1/_{80}$-րդ մասը՝ միանգամայն պարզ է, որ Շիրակացու լիտրը հռոմեական սիստեմի լիտրն է, որը, ինչպես հայտնի է, բաբելոնական տաղանդի 1/100-րդ մասն էր և հավասար էր այժմյան կշռով մոտ 324,4 գրամի[2]։ Իսկ հռոմեական սիստեմի այս լիտրը, ինչպես գիտենք կշռաբանական ուսումնասիրություններից, սովորական էր բյուզանդական կայսրության մեջ։

Այսպիսով՝ վերոհիշյալ լիտրի ու դրամի ճշտմամբ որոշվում են այնուհետև Շիրակացու բոլոր կշիռներն այժմյան գրամներով ու կիլոգրամներով, որ ներքև առաջ ենք բերում ընդարձակ ու մանրամասն լուսաբանությամբ։

ԴՆԴԵՀԱՏ (լատին. granum).

Գարեհատ կշիռների ամենափոքր միավորն է, որով Անանիա Շիրակացին որոշում է իր մյուս կշիռները։

Քանի որ լիտրի կշիռը մենք որոշեցինք 326,4 գրամ, իսկ նրա կշիռը Շիրակացու մոտ ցույց է տրված 6912 գարեհատ, ուստի մեկ գարեհատը հավասար կլինի այժմյան գրամներով 326,4:6912=0,04 13/18 գրամի։

ԱՍՍԱՐԻՈՆ (հուն. assarion, լատ. assarius).
ՂԵՊՏՈՆ (հուն. lepton), ԴԱՆԴ (պրս. և պհլ. dang).

Անանիա Շիրակացու վկայությունը՝

«Կշիռ 2[3] գարեհատաց կոչի ասսարիոն. իսկ ըստ հելլենականին ղեպտոն կոչի. բայց ըստ երբայեցւոցն նուազութիւն, որ է անօսր. և ըստ հայումս կոչի դանդ»։

Իբրև երկու գարեհատի կշիռ՝ ասսարիոնը, ղեպտոնը և դանդը հավասար են ուրեմն՝ $0,04^{13}/_{18}\times 2=0,09$ 4/9 գրամի։

---

[1] Շիրակացու Ավգերյանի հրատարակած բնագրում «յարծաթ ոչ» պետք է ուղղել «յարծաթոջ»։

[2] Տե՛ս Decourdemanche, Traité pratique, էջ 22։

[3] Շիրակացու բնագրի հայկական թվերը մենք փոխարինել ենք այժմյան թվերով։

Վենետիկի Դ և Ե օրինակներում և Լազարյան ճեմարանի № 125 ձեռագրում ասսարիոնը հիշված է հետևյալ հատվածներում՝

1. Հ. Ավգերյան, Բացատրություն, էջ 37—38 և № 125 ձեռագր. թ. 419—«Տաղանդն կշռոյ անուն է, որ է 125 լիտր. և 125 լիտրն իննհազար ասսարիոն ըստ համարոյ».

2. Բացատրություն, էջ 38 և № 125 ձեռ. թ. 419—«Մոնաթն իննհազար ասսարիոն է. ըստ հելլենականին դնփատոն կոչի, որ է անօսր, որ է դանդ, զոր Քրիստոս հինգ ձագի վաճառ ասաց. և ըստ եբրայեցւոցն ասսարիոնն նուազութիւն կոչի։ Ըստ ժամանակին դահեկանն 60 ասսարիոն էր և դահեկանն էր արծաթի»։

Ասսարիոնն այս հատվածներում դրամ է և տաղանդի 1/9000-րդ մասն է։ «Ըստ թուոյ» և «ըստ համարոյ» խոսքերով կշիռների վերաբերյալ գրվածքներում ակնարկված են, իմ կարծիքով, դրամները։ Տաղանդը, որի կշիռը 125 լիտր էր, ինչպես ներքև կտեսնենք, հավասար էր՝ 326,4×125=40 կիլ. 800 գր.։ Ուրեմն՝ ասսարիոնը հավասար կլինի այս վկայություններում՝ 40.800:9000=4,53 $^1/_3$ գրամի։

«Նյութեր Հին Հայաստանի տնտեսական կյանքի պատմության, 1» (տե՛ս գիտ. և արվ. ինստ. Տեղեկագրում, № 2, էջ 41—42) նախորդ մեր աշխատության մեջ վերոհիշյալ հատվածներում մենք լավագույնն էինք ընդունել Վենետիկի Դ օրինակի «ասպարիոն» ընթերցվածը՝ փոխարեն «ասսարիոն»-ի։ Այս ենթադրությունը թվում է ինձ այժմ անհավանական։ Մատնանշված վկայությունների աղբյուրն է, ինչպես պարզվեց վերոհիշյալ մեր աշխատությունը տպագրվելուց հետո, Եպիփան Կիպրացու ընդարձակ բնագիրը, որ հրատարակել է Դըլագարդը[4] (Symmikta II, Göttingen, 1880, էջ 194, 17)։

Համաձայն Եպիփան Կիպրացու վկայության՝ տաղանդը 125 լիտր է, 125 լիտրը 6000 դեպտոն է կամ ասսարիոն և 60 ասսարիոնը մեկ դենար է (հայերենում դենարի փոխարեն՝ դահեկան)։ Եպիփանի այս հաշվով, ինչպես բացատրել է Վիդեբանտը, ասսարիոնի կշիռը հավասար կլինի՝ 40.8000:6000=6,8 գրամի, իսկ դենարը համապատասխան կլինի՝ 6,8×60=408 գր.[5]։

Թե ինչո՞ւ Եպիփանի այս պարզ վկայությունը հայերենում փոփոխման է ենթարկվել և տաղանդը հավասար համարվել 9000 ասսարիոնի՝ այդ կարող է հատուկ քննության։

---

[4] Եպիփանի համապատասխան վկայությունը տե՛ս Օսկար Վիդեբանտի ուսումնասիրության մեջ՝ Antike Gewichtsnormen und Münz füsse, Berlin, 1923, էջ 80։

[5] Տե՛ս Antike Gewichtsnormen, էջ 81։ Վիդեբանտի մոտ հռոմեական լիտրի կշիռը ցույց է տրված 320 գր., ասսարիոնի՝ 6,666 գր., տաղանդի՝ 40 կիլոգր. և դենարինը՝ 400 գր.։

Անհրաժեշտ է նաև մատնանշել, որ կշիռների վերաբերյալ Վենետիկի Դ և Ե ձեռագիրները դանգի մասին ևս ունեն հետևյալ ուշագրավ վկայությունը՝

«Դրամն 6 դանգ է և դանգն 12 գարի»[6]:

Այս հատվածում դանգի կշիռը, ինչպես տեսնում ենք, ցույց է տրված ո՛չ թե երկու, այլ 12 գարի: Հ. Ավգերյանը ձեռագրական տարբեր խմբերի այս հակասությունը փորձում է վերացնել հետևյալ մեկնությամբ՝

«Դրամն 6 դանգ է և դանգն (Իմա՛ վեց դանգն) 12 գարի»:

Սակայն բոնաղբոսիկ այս լուսաբանությունը միանգամայն անընդունելի է, որովհետև դրամ-դրաքմեն՝ Դ և Ե ձեռագիրների վկայության համաձայն՝ սատերի $^1/_4$ մասն էր ու սիկղի $^1/_2$-ը և նրա կշիռը, ինչպես կտեսնենք, հավասար էր 3,4 գրամի: Պարզ է ուրեմն, որ դանգի կշիռը պետք է ընդունել վերոհիշյալ վկայության մեջ ո՛չ թե երկու, այլ 12 գարի՝ $0{,}04\ ^{13}/_{18} \times 12 = 0{,}56\ ^2/_3$ գրամ: Իսկ գրամ-դրաքմեն, որի կշիռը ցույց է տրված 6 դանգ կամ 72 գարհատ՝ ճիշտ և ճիշտ հավասար կլինի 0, $56^2/_3 \times 6 = 3{,}4$ գրամի:

Վերոհիշյալ Դ և Ե ձեռագիրները դանգի մասին ունեն նաև մի այլ վկայություն՝

«Սիկղն 2 գրամ, սրբութեան սիկղն 20 դանգ»[7]:

Այս վկայության մեջ սիկղը Հին Կտակարանի ժամանակաշրջանի եբրայական սիկղն է, որի կշիռը հավասար էր, ինչպես ցույց է տվել Վիդեբանտը, 13,6 գր. [13,333][8] դրամը համապատասխանում է եբրայական bekah-ին (=6,8 գր.) և դանգը՝ եբրայական gerah-ին (=0, 68 գր.):

Պետք է ասել, որ թարգմանական հին գրականության մեջ, և մասնավորապես, Հին և Նոր Կտակարանների հայերեն թարգմանություններում՝ կշիռների և չափերի օտար անունները հայերենում փոխարինված են հաճախ Հայաստանում գործածվող կշիռների ու չափերի անուններով: Օրինակ՝ հուն. saton, metrêtês, gomor, koros են թարգմանված են «գրիւ». հուն. assarion, obolos, լատ. siliqua՝ «դանգ». հուն. kabos, chus, choinix՝ «կապիճ»: Թարգմանիչները, ինչպես

[6] Հ. Ավգերյան, *Բացատրություն*, էջ 38 և 75:

[7] *Տե՛ս նույնը*, էջ 38:

[8] *Տե՛ս* Oskar Viedebantt, Antike Gewichtsnormen und Münzfüsse. էջ 72—105: Վիդեբանտը եբրայական արծաթ սիկղ-դրամի կշիռը ենթադրում է 13,333 գրամ: Սիկղի այս քաշը տարբերվում է մեր տված կշռից (=13,6 գր.), որովհետև Վիդեբանտը հռոմեական լիտրի կշիռը, որի 1/24-րդ մասն էր սիկղ-դրամը, ընդունում է 320 գրամ, իսկ մենք 326,4 գրամ (համաձայն Դեկուրդեմանշի):

տեսնում ենք, անտես են արել, որ Հայաստանում գործածվող կշիռները և չափերն իրենց քաշով ու տարողությամբ տարբեր են եբրայական ու այլ սիստեմների կշիռներից ու չափերից: Ինքնըստինքյան հասկանալի է, որ թարգմանական գրականության նման վկայությունները չեն կարող նշանակություն ունենալ Հայաստանում կիրառվող կշիռների ու չափերի ճշտման համար:

Շատ պարզ է ուրեմն, որ վերոհիշյալ վկայության մեջ ևս՝ «սիկղն 2 գրամ. սրբութեան սիկղն 20 դանգ»՝ ցույց է տրված ոչ թե Հայաստանում գործածվող սիկղի, գրամի և դանգի կշռական հարաբերությունը, այլ եբրայական սիկղի, բեկահի և գեռահի:

Կարևոր վկայությունը դանգի մասին, իմ կարծիքով, Դ և Ե ձեռագրերի ոչ թե այս, այլ առաջին տեղեկությունն է, որի համաձայն դանգը որոշվում է իբրև վեցերորդ մաս դրամ-դրաքմեի: Ինչպես պարզ երևում է մատենագրական և ուրիշ վկայություններից, դանգը՝ որ գործածվում էր Հայաստանում, համապատասխանում էր իրապես հունական որոդոսին և կազմում էր դրամի 1/6-րդ մասը: Ստեփանոս Օրբելյանն իր պատմության մեջ վկայում է, որ 839 թվականին Սյունաց Տեր-Դավիթ եպիսկոպոսը գնել էր Սյունաց Փիլիպպե իշխանից Արծիվ գյուղը և վճարել էր նրան՝

«10.000 դրամ որ լինի ի մէն մի 6 դանգ»[9]:

Այս դանգի կշիռը, դժբախտաբար, չի որոշվում, որովհետև դանգի, ինչպես և որոդոսի կշիռները փոփոխական էին և կախված էին այլազան դրամների կշիռներից. ուստի անհրաժեշտ է նախ պարզել՝ թե որ դրամն ի նկատի է առնված այս վկայության մեջ:

Ուշագրավ է, որ Մխիթար Գոշի մոտ դանգը ցույց է տրված նաև իբրև վեցերորդ մասն դահեկանի՝

«Զի դահեկան—վկայում է Գոշը—յաղագս անախտ բնութեան ոսկւոյն խորհուրդ է աստուածութեանն Քրիստոսի..... Իսկ վեց դանկ-ն խորհուրդ ժամանակացն գալստեանն. իսկ չորս թասուն՝ օրինակ չորից խորհուրդ ժամանակացն աւետարանացն. իսկ երկոտասան գարին տարերց և խորհուրդ չորիցն աւետարանացն. իսկ երկոտասան գարին ի դանկ-երկոտասան առաքելոցն. իսկ եօթանասուն և երկու գարին ի դահեկան եօթանասուն և յերկու առաքելոցն. իսկ դրամն օրինակ բնութեան մեր, զի մարդ տառիւքն է անդրադարձութիւն»[10]:

Ինչպես հայտնի է, դանգը՝ որը կշռի ու մանր փողի անուն էր՝

[9] «Պատմութիւն նահանգին Սիսական», Թիֆլիս, 1911, գլ. ԼԲ, էջ 204—205:

[10] «Մխիթարայ Գոշի Դատաստանագիրք Հայոց», հրատ. Վահան ծ. վ. Բաստամյանցի, Վաղարշապատ, 1880, էջ 287—288 (Ա, գլ. ՃԻ):

գործ է ածվել ուշ միջնադարում նաև իբրև քանակական թվական՝ համազոր 1/6-ի։

Ավելորդ չեմ համարում առաջ բերել ներքև գլխավոր դրամների և դահեկանի ու նրանց համապատասխանող դանգերի կշիռները, որ հավանորեն շրջանառության մեջ էին Հայաստանում սասանյան և արաբական տիրապետության ժամանակ՝

1. Նոր ատտիկական կամ հռոմեական «դրաքմէ»-ն, բյուզանդական արծաթ դրամը	3,4 գրամ
նրան համապատասխանող դանգը . .	0,56⅔ գր.
2. Սասանյան դրամը	4.08 գր.
դանգը	0,68 գր.
3. Արաբական արծաթ դրամը, որ համապատասխանում էր Աբդլ-Մելիքի ոսկի դենարին[11]	4,25 գր.
դանգը	0,708⅓ գր.
4. Արաբական օրինական դրամը (misɪy)[11]	3,96⅔ գր.
դանգը	0,66⅑ գր.
5. Աբդլ-Մելիքի արծաթ դրամը[12]	2,8⅓ գր.
դանգը	0,472⅔ գր.
6. Ոսկի դահեկանը (solidus, nomisma)	4,53⅓ գր.
դանգը	0,75⅝ գր.
7. «Պօտաատ»[2] դահեկանը (Botaniates)	2,26⅔ գր.
դանգը	0,37⅞ գր.

ՓՇԻՏ (նոր պարսկ. (pischiz?)

Անանիա Շիրակացու վկայությունը՝

«Կշիռ 3 գարեհատաց ըստ պարսկական լեզուի կոչի փշիտ»։

Իբրև երեք գարեհատի կշիռ՝ Շիրակացու փշիտը հավասար կլինի ըստ վերոհիշյալ հաշվի $0,04^{13}/_{18} \times 3 = 0,14^{1}/_{6}$ դրամի։

Կերատ (հուն. keration, լատ. caratus).

Անանիա Շիրակացու վկայությունը՝

«Կշիռ 4 գարեհատաց լինի միոյ կերատի կշիռ»։

Շիրակացու կերատի կշիռը հավասար կլինի այժմյան գրամներով՝ $0,04^{13}/_{18} \times 4 = 0,18^{8}/_{9}$ գրամի։

---

[11] Տե՛ս Decourdemanche, Étude metrologique et numismatique sur les misgals et les dirhems arabes, Revue numismatique, IV série, t. 12, Paris, 1908, էջ 219։

[12] Տե՛ս իմ աշխատությունը՝ «Նյութեր Հին Հայաստանի տնտեսական կյանքի պատմության, II», Տեղեկագիր Պետհամալսարանի, Երևան, 1928, № 4, էջ 65—72։

ՍԻՆԳ.

Անանիա Շիրակացու վկայությունը՝

«Կշիռ 4 կերատաց կոչի սինգ»։

Այժմյան կշռով Շիրակացու սինգը հավասար կլինի՝ $0,18^{8}/_{9} \times 4 = 0,75^{5}/_{9}$ գր.։

Սինգի նկատմամբ կարևոր է այստեղ մատնանշել, որ նա Շիրակացու կշիռների սիստեմի մեջ հավասար է դահեկանի $^{1}/_{6}$-ին։ Մխիթար Գոշը, ինչպես վերև տեսանք, դահեկանի $^{1}/_{6}$-րդն անվանում է ո՛չ թե սինգ, այլ դանգ։

ԳՐԱՄԱՐ (հուն. grammarion).

Շիրակացու վկայությունը՝

«Կշիռ 6 կերատաց լինի գրամար մի»։

Այժմյան կշռով Շիրակացու գրամարը հավասար կլինի՝ $0,18^{8}/_{9} \times 6 = 1,13^{3}/_{9}$ գր.։

Գրամարի այս կշիռը կատարելապես համապատասխանում է հռոմեական serupulus-ի (=seriptulus=հուն. grammarion) կշռին, որը հռոմեական as-ի կամ լիտրի (=326,4 գր.) 1/288 մասն էր՝ 326,4 : 288 = $1,13\ ^{3}/_{9}$ գր.։

ՏՐՄԵՍ (հուն. trimission, լատ. tremissis).

Շիրակացու վկայությունը՝

«Կշիռ 8 կերատաց լինի տրմէս մի»։

Շիրակացու Դ և ե օրինակներն ունեն այսպես՝

«Տրմէս երրորդ մասն դահեկանի է»[13]։

Իսկ Դ ձեռագիրն ունի նաև հավելված

«Դահեկանն 3 տրմէս է»[13]։

Այս կշիռն անվանվել է լատ. tremissis և հուն. trimission, որովհետև դահեկանի 1/3 մասն էր։

Այժմյան կշռով Շիրակացու տրմեսը հավասար կլինի՝ $0,18^{8}/_{9} \times 8 = 1,51^{1}/_{9}$ գր.։

ՍԻՄԵՍ (լատ. semis, հուն. sêmission).

Շիրակացու վկայությունը՝

«Կշիռ 12 կերատաց լինի սիմէս մի»։

Վերոհիշյալ Դ և ե օրինակներն ունեն այսպես՝

---

[13] Տե՛ս Հ. Ավգերյան, Բացատրություն չափուց և կշռոց, էջ 39 և 179։

«Սիմէս կէս դահեկանի է»[14]։

Իսկ Դ ձեռագիրն ունի նաև հավելված՝

«Դահեկանն 3 տրմէս է և 2 սիմէս է»[14]։

Լատիներեն semis նշանակում է կես և semissis անվանվել է այս կշիռը՝ որպես կշիռ կես դահեկանի։

Ինչպես հայտնի է, բացի ոսկի դահեկանից (nomisma, solidus) Բյուզանդիայում գոյություն ուներ նաև փոքր արժեքի ոսկի փող՝ հավասար դահեկանի $^1/_3$-ին և $^1/_2$-ին։ Այդ ոսկի փողերը ևս անվանվում էին trimission, tremissis և sêmission, semissis:

Այժմյան կշռով Շիրակացու սիմեսը հավասար կլինի՝ $0,18^8/_9 \times 12 = 2,26^2/_3$ գր.։

Ուրեմն՝ կես դահեկանոց ոսկի փողի կշիռը եղել է նույնպես $2,26^2/_3$ գր.։ Ինչպես այս հաշիվներից տեսնում ենք, ուշ միջնադարի «պօտատ» դահեկանը, որ վերև հիշեցինք, կատարելապես համապատասխանում է բյուզանդական հնագույն շրջանի sêmission կամ semissis կես դահեկանոցին։

ԴԱՀԵԿԱՆ ԵՎ ՆՈՄԻՍՄԱ.

Շիրակացու վկայությունը՝

«Կշիռ 24 կերատաց լինի դահեկան մի։ Եւ մանր բաժանեալ զդահեկանն՝ լինի սիմէս 2, տրմէս 3, գրամար 4, սինգ 6, կերատ 24, փշիտ 32, դանգ 48 և գարեհատ 96»։

Վենետիկի Բ ձեռագիրը, որի թվահամարը չի նշանակված Ավգերյանի մոտ, դահեկանն անվանում է «մթխալ» և վկայում՝

«մթխալ որ է դահեկան մի... մթխալն 24 կուտ է»[15]։

Դահեկանի իբրև ոսկի փողի մասին՝ Շիրակացու ձեռագիրները տալիս են հետևյալ վկայությունը՝

«Նոմիսմայ ըստ հռովմայեցւոցն դահեկան անուանի. վասն զի նոմիսմայ անուն էր թագաւորի և ըստ իւրում անուանն նոմիսմայ անուանեաց»[16]։

Վենետիկի ձեռագիրներից Բ օրինակը դահեկանի մասին ունի նաև հետևյալ վկայությունը՝

«Դահեկանն մի ոսկի է, որոյ կշիռն յամենայն աղինս մի և նոյնն է, և թէ ուրեք գտանիցի պակաս, արտաքոյ քանակի ոսկւոյն է, զոր և գաղտ անուղղայք արարեալ են»[17]։

[14] Տե՛ս նույնը, էջ 39 և 162։

[15] Հ. Ավգերյան, Բացատրություն, էջ 27 և 71։

[16] Նույնը, էջ 25 և 140։

[17] Նույնը, էջ 27, ծանոթ.։

Իբրև 24 կերատի կշիռ դահեկանը հավասար կլինի՝ $0,18^8/_9 \times 24 = 4,53^1/_3$ գր.։

Ի նկատի առնելով դահեկանի և այժմյան ոսկի ռուբլու և ոսկի ֆրանկի կշիռները՝ կարելի է որոշել նրա դրամական արժեքն այժմյան ոսկի փողով, ընդունելով, իհարկե, որ դահեկանը լիակշիռ էր և պարունակում էր իր մեջ $4,53^1/_3$ գրամ համապատասխան մաքրության ոսկի։ Որովհետև ռուսական 15 ռուբլիանոցը պարունակում է իր մեջ 11,612 գրամ ոսկի և մեկ ոսկի ռուբլին $0,774\ ^2/_{15}$ գրամ՝ լիակշիռ և լիագին դահեկանը համապատասխան կլինի այս հաշվով $4,53^1/_3 : 0,774^3/_{15} = 5,85$ ոսկի ռուբլու։ Ֆրանսիական ոսկի ֆրանկը հավասար լինելով $^3/_8$-րդ ոսկի ռուբլու՝ դահեկանը համապատասխան կլինի $5,85 \times 8/3 = 15,6$ ոսկի ֆրանկի։

Պետք է սակայն ի նկատի ունենալ, որ դահեկանի մեջ ոսկին կարող էր երբեմն զգալի չափով պակաս լինել խառնուրդի պատճառով։ Այդ դեպքում, բնականաբար, դահեկանի արժեքը համապատասխան տոկոսով պակաս կլինի 5,85 ոսկի ռուբլուց կամ 15,6 ոսկի ֆրանկից։

Դահեկանի մասին Վենետիկի Դ և Ե օրինակներում և Լազարյան ճեմարանի № 125 ձեռագրում կա նաև հետևյալ վկայությունը՝

«Դենարն դահեկանի անունն է. և դահեկանն 24 կերատ. և կերատն կորիզ եղջրաւենոյ, որ է դորից գալւոց կշռորդ. և 24 կերատն լինի 96 գարեհատ... մոնաքն ինն հազար ասարիոն է... ըստ ժամանակին դահեկան 60 ասարիոն էր. և դահեկանն էր արծաթի»[18]։

Այս հատվածի վերջին մասը, ինչպես վերև ասացինք, առնված է Եպիփան Կիպրացուց։ Դահեկանն այստեղ համապատասխանում է հունական դենարիոն -ին, որն ըստ Վիդեբանտի նշանակում է այս նարեն բնագրի dênarion -ին, որն ըստ Վիդեբանտի նշանակում է այս հատվածում «տասնոց» և հավասար է 408 գրամի[19]։

ՍԱՏԵՐ (հուն. statêr) և ԴՐԱՔՄԻ (հուն. drachmê).

Շիրակացու վկայությունը՝

«Կշիռ սիմեսի և գրամարի կոչի ըստ Եբրայեցւոցն սատեր. և ըստ Հելլենականին ոբղոս. և ըստ Եգիպտացւոց քաղկոս. վասն զի Աղեքսանդրացիք զարծաթն քաղկիմա կոչեն։ Եւ ըստ Հասարակաց խօսից կոչի դրաքմէ։ Որ է ը մասն ունկոյ։ Իսկ ըստ Հռովմայեցւոցն կապետոն կոչի. վասն զի կապու[20] գլուխ լսի. քանզի Աւգոստոս կայսր եդ հարկս ըստ գլխոյ դրաքմէ մի»։ Շիրակացին այս հատվածում ի նկատի ունի,

[18] Բացատրություն, էջ 27, № 125 ձեռ. Լազարյան ճեմարանի, թ. 419։

[19] Տե՛ս Antike Gewichtsnormen und Münzfü, էջ 81 և 98։

[20] Լատին. caput նշանակում է գլուխ։

անշուշտ, նոր ատտիկական կամ հռոմեական-բյուզանդական դենար-դրաքմեն, որի կշիռը, իրոք, 1/8-րդ ունկի էր և հավասար էր այժմյան կշռով՝ 27,2:8=3,4 գրամի։

Այս դենար-դրաքմեն, Շիրակացու վկայությամբ, եբրայեցիներն անվանում էին սատեր, հելլենացիները՝ որդոս, աղեքսանդրացիները՝ քաղկոս և հռոմայեցիները՝ կապիտոն։ Շիրակացու այս տեղեկությունները, իմ կարծիքով, կարոտ են առանձին քննության օտար աղբյուրների օգնությամբ։ Ինչպես հայտնի է, հունական obolos-ը, որ համապատասխանում էր վերոհիշյալ դանգին, դրամի կամ դրաքմեի $^1/_6$-րդ մասն էր, ուստի կասկածելի է և անհավանական, որ այս դենար-դրաքմեն «ըստ հելլենականին» անվանվեր որդոս։

Քաղկոսի մասին Շիրակացու վկայության աղբյուրն է Եպիփանի «Յաղագս չափուց և կշռոց» աշխատությունը, որի հունարեն բնագիրը և գրաբար թարգմանությունը տպագրված են Հ. Ավգերյանի Բացատրության մեջ։

Եպիփանի վկայության համաձայն՝

«Քաղկոսք. զայսոսիկ եգիպտացիք գտին. արծաթի տպաւորեցան երկու. և աղեքսանդրացիք զարծաթիս կոչեն քաղկոս (հուն. chalkina)։ Եւ է կշիռ քաղկոսին ութերորդ մասն ունկոյ, որպէս և դրաքմէին»[21]։

Առանձնապես ուշագրավ է Շիրակացու վկայության մեջ «կապիտոն»-ի հիշատակությունը, որ նա համապատասխան է համարում դենար-դրաքմեին։

Վենետիկի Դ և ե ձեռագրները նույն այս կապիտոնի մասին ունեն հետևյալ տեղեկությունը.

«Աշխարհագիր, ըստ հռովմայեցւոց կապիտոյն, որ է ըստ գլխոյ, ղի կապա [լատ. caput] գլուխ է»[22]։

Շիրակացու կապիտոնը, ինչպես ուղիղ մեկնել են Հ. Ավգերյանը և Հ. Հյուբշմանը, համապատասխանում է լատիներեն capitum [exactio] և հունարեն kapiton գլխահարկին։ Սակայն Շիրակացու վկայությունը, որ կապիտոն գլխահարկն Օգոստոս կայսեր ժամանակ հավասար էր դենար-դրաքմեի, իմ կարծիքով, ճիշտ չէ։ Այդ սխալն ուշադրության չի առնված Հ. Ավգերյանի Բացատրության մեջ, ինչպես և նրա հիշած աղբյուրներում, ուստի և կապիտոնի վերաբերյալ մեկնությունն Ավգերյանի մոտ բավական խառնաշփոթ է և անհավանական[23]։

Ինձ ավելի քան հավանական է թվում, որ Շիրակացին կապիտոնը և դրաքմեն նույնակշիռ է համարել, ի նկատի ունենալով կապիտոնի մասին Ավետարանի հետևյալ վկայությունը՝

«Մատթ. ԺԷ, 23—26—«Իբրև հկին նոքա ի Կափառնաում, մատեան որք զերկրամեանն պահանջէին առ Պետրոս, և ասեն. վարդապետ ձեր ո՞չ տայ զերկդրամեանն. և ասէ՝ այո։ Եւ իբրև եմուտ ի տուն՝ յառաջեաց քան զնա Յիսուս և ասէ. զի՞ դու թուի քեզ Սիմոն. թագաւորք աշխարհի յումմէ՞ առնուն զհարկս կամ զվասն, յորդւո՞ց իւրեանց թէ յօտարաց։ Եւ իբրև ասաց թէ յօտարաց, ասէ ցնա Յիսուս. ապա ուրեմն աղատ են որդիքն։ Բայց զի մի՛ գայթակղեսցուք զնոսա, երթ ի ծով և ընկեա կարթ, և զառաջին ձուկն որ ելանիցէ՝ առ և բաց զբերան նորա, և գտանիցես սատեր. և զայն առեալ տացես նոցա ընդ իմ և ընդ քո»։

Այս հատվածը, ինչպես պարզ երևում է նրա բովանդակությունից, վերաբերում է հենց կապիտոն գլխահարկին, որ վճարում էին հռոմեական կայսրության Օգոստոս կայսեր ժամանակ։

Արդ՝ կապիտոնը, ինչպես վկայում է Մատթեոս ավետարանիչը, եղել է «ըստ գլխոյ» մեկ «երկրամեան» (հունարեն բնագրում՝ didrachmon), իսկ Հիսուսից ու Պետրոսից միասին՝ մեկ սատեր (հուն. բնագրում՝ statêr)։

Ինձ թվում է, որ այս «երկդրամեան»-ը կամ didrachmon-ը, որ հավասար է 1/2 սատերի, կարելի է այստեղ հասկանալ իբրև նոր Ատտիկական կամ հռոմեական երկու դենար-դրաքմե (3,4×2=6,8 գրամ), որ համապատասխանում էր եբրայական մեկ բեկահ-դրաքմեի (=6,8 գր.)։

Շիրակացու վերոհիշյալ տեղեկությունը, որ «Աւգոստոս կայսր եդ հարկս ըստ գլխոյ դրաքմէ մի», կարելի է համապատասխան համարել Մատթեոս ավետարանչի վկայության, եթե Շիրակացու մատնանշած գլխահարկն «ըստ գլխոյ դրաքմէ մի» հասկանանք ոչ թե դենար-դրաքմեի իմաստով (=3,4 գր.), այլ բեկահ-դրաքմեի, որն իրոք ուներ մեկ դրամ (=6,8 գր.)։ Սակայն ինքը «երկդրամեանի» կամ դիդրաքմայի կշիռ (=6,8 գր.)։ Սակայն ինքը Շիրակացին այդ բեկահ-դրաքմեն և դենար-դրաքմեն նույնակշիռ է համարել, համահավասար 3,4 գր.։

Վերոհիշյալ մեր դիտողություններից կարելի է ուրեմն հետևեցնել, որ կապիտոն հարկն Օգոստոս կայսեր ժամանակ (31 թ. Ք. Ա.—14 թ. Ք. հ.) ոչ թե մեկ դենար-դրաքմե էր (=3,4 գր.), ինչպես վկայում է Շիրակացին, այլ մեկ «երկդրամեան» կամ բեկահ-դրաքմե՝ հավասար երկու դենար-դրաքմեի (=6,8 գր.)։

Սիկղ (հուն. sikłos) և շէքէլ (?)

Շիրակացու վկայությունը՝

21 Տե՛ս Բացատրություն, էջ 17։

22 Նույնը, էջ 38—39 և 44։

23 Տե՛ս Ավգերյան, Բացատրություն, էջ 44, 78, 81—82, 85—86 և 158—160։

«Կշիռ դահեկանի և սիմէսի կոչի ըստ երրայեցւոցն սիկղ. և ըստ հելլենականին մէտ. և ըստ հռովմայեցւոցն մեղիարիս. և ըստ հայոց փորչէ, որ է դ մասն ունկոյ և ունի 36 կերատաց կշիռ»։

Շիրակացու կշռական սիստեմի մեջ սիկղը, որ ուներ 36 կերատի կշիռ (յուրաքանչյուր կերատը՝ 0,188 $^{8}/_{9}$ գր.), այժմյան գրամներով հավասար կլինի՝ 0,188 $^{8}/_{9} \times 36 = 6,8$ գրամի։

Բացի այս փոքր սիկղից Վենետիկի ձեռագիրներում, որոնցից օգտվել է Հ. Ավգերյանը և որոնց թվահամարները չեն նշանակված, հիշվում է նաև մի ուրիշ մեծ սիկղ, որ անվանվում է «սրբութեյան սիկղ»։

Այս մեծ սիկղին են վերաբերում հետևյալ վկայութիւնները՝

1. Վենետիկի Գ, Ե և Զ ձեռագիրներում (տե՛ս Հ. **Ավգերյան**, Բացատրութիւն, էջ 38 և 163)—«Սիկղն 2 գրամ. սրբութեան սիկղն 20 դանգ»։

2. Վենետիկի Գ ձեռագրի հավելվածում (տե՛ս նույնը, էջ 27 և 163)—«Որպիսութիւնք կշռոց՝ որք յիշին ի Սուրբ գիրս, պարզ մեկնութեամբ ստուգեալ։ Սիկղն և երկդրամեանն և դիդրաքմայն 2 գրամ են. և 2 գրամն 20 դանկն է... 25 սիկղն մնաս մի է»։

Սրբութեյան այս սիկղն ըստ վերոհիշյալ վկայութիւնների համապատասխանում է Վիդեբանտի մոտ հիշված արծաթ սիկղ-գրամին[24], որի կշիռը երկու անգամ ավելի էր փոքր սիկղի կշռից և հավասար էր՝ $6,8 \times 2 = 13,6$ գրամի։ Նույն վկայութիւնների մեջ դրամը, որ մեծ սիկղի կամ դիդրաքմայի 1/2 էր, վերև հիշված բեկահդրաքմեն է, որի կշիռը հավասար էր 6,8 գրամի։

Շիրակացու վկայութեամբ՝ փոքր սիկղը, որի կշիռը 1½ դահեկան էր կամ 2 դենար-դրաքմե ($3,4 \times 2 = 6,8$ գր.), անվանվում էր «ըստ հելլենականին՝ մէտ. և ըստ հռովմայեցւոցն մեղիարիս. և ըստ հայոց՝ փորչէ»։ «Մէտ»-ը, ինչպես հայտնի է, հանդիպում է Հին Կտակարանի գրաբար թարգմանութեյան մեջ՝ Ա. Մնաց. ԻԸ, 14. Առակ. ԺԶ, 11. Եսայ. Ե, 15 և Իմաստ. ԺԱ, 23։ Հին Կտակարանի հունարեն բնագիրը «մէտ» բառի դիմաց ունի hropê (կշեռքի միջին կետ կամ լծակ) կամ stathmos (կշիռ, քաշ)։

Շիրակացու տեղեկութիւնը, որ փոքր սիկղն «ըստ հելլենականին» անվանվել է «մէտ», ինչպես տեսնում ենք, չի համապատասխանում Հին Կտակարանի գրաբար թարգմանութեյան վկայութիւններին, ուստի կարոտ է դեռ առանձին քննութեյան։

[24] Antike Gewichtsnormen und Münsfüsse, էջ 70։ Վիգեբանտի մոտ այդ մեծ սիկղի կշիռը ցույց է տրված 13,333 գր., որովհետև հռոմեական լիտրի կշիռը նա ենթադրում է 320 գրամ։

Շիրակացու վերոհիշյալ վկայութեյան մեջ ուշագրավ է նաև այն, որ փոքր սիկղը և մեղիարիսը (հուն. miliarêsion, լատին. milliarensis) համարվում են նույնակշիռ։ Ուրեմն՝ մեղիարիսի կշիռը հավասար է ընդունվում երկու հռոմեական կամ բյուզանդական դենար-դրաքմեի՝ այժմյան գրամներով $3,4 \times 2 = 6,8$ գր.։ Արդ, այդ մեղիարիսը համապատասխանում է Հերակլ կայսեր ժամանակ (610—641 թ.) կտրված արծաթ փողին, որի կշիռը հավասար էր, իրոք, երկու դենար-դրաքմեի =(6,8 գր.)։ Dectionnare des antiquites grecques et romaines ընդարձակ բառարանում (հրատ. M. Edmond Saglio և Edmond Pottier՝ Paris) Հերակլի miliarêsion-ի կշիռը ցույց է տրված 6,820 գրամ, որ համապատասխանում է կատարելապես Շիրակացու վկայութեյանը։

ՈՒՆԿԻ (հուն. ugkia, լատ. uncia).

Շիրակացու վկայութիւնը՝

«Կշիռ 6 դահեկանի լինի ունկի մի։ Եւ մանր բաժանեալ զունկին՝ լինի սիկղ 4, դահեկան 6, սատեր 8, սիմէս 12, տրմէս 18, գրամար 24, սինգ 36, կերատ 144, փշիտ 192, դանգ 288 և գարեհատ 576»։

Շիրակացու ունկին, որ հռոմեական և բյուզանդական հիմնական կշիռներից մեկն էր, այժմյան գրամներով հավասար կլինի՝ 6,8 (=փոքր սիկղ)$\times 4 = 27,2$ գր.։

ԼԻՏՐ (հուն. litra, լատին. librá).

Շիրակացու վկայութիւնը՝

«Կշիռ 12 ունկոյ կոչի լիտր. և թարգմանի ըստ հռովմայեցւոց լեզուին հարթութիւն. բայց անուանի յամենայն լեզուաց լիտր։

Եւ մանր բաժանեալ զլիտրն՝ լինի ունկի 12, սիկղ 48, դահեկան 72, սատեր 96, սիմէս 144, տրմէս 216, գրամար 288, սինգ 432, կերատ 1728, փշիտ 2304, դանգ 3456, և գարեհատ 6912»։

Հռոմեական և բյուզանդական այս լիտրի կշիռը, որ 12 ունկի էր, այժմյան գրամներով հավասար կլինի՝ $27,2 \times 12 = 326,4$ գրամ։

Վենետիկի Բ ձեռագրի հավելվածում այս լիտրն անվանվում է լաղարիկոն՝

«Լիտրայ, որ է լաղարիկոն, 72 մթխալ»[25]։

Իմ նախորդ աշխատութիւններից մեկում ես մատնանշել էի, որ Մխիթար Գոշի Դատաստանագրքում հիշատակված է նաև մի ուրիշ լիտր հետևյալ վկայութեյան մեջ՝

[25] Բացատրութիւն, էջ 27 և 90։

«Կովու լիտր եղն միայն լիցի»[26]։

Այս լիտրը, ինչպես ենթադրել էի վերոհիշյալ աշխատությանս մեջ[27], Շիրակացու հիշած բյուզանդական լիտրը չէ (=326,4 գր.), այլ ըստ երևույթին, արաբական ժամանակվա Իրաքի լիտրն է, որի կշիռը հավասար էր 408 գրամի կամ 1 ռուսական ֆունտի։ Այս հետևությունը առաջվել էր Դատաստանագրքի Վենետիկի օրինակի լուսանցքի նկատողությունից և ձեռագրական այն ընթերցվածներից, որ մանրամասն առաջ են բերված Բաստամյանցի ծանոթության մեջ։

«Մեր օրինակի մեջ—ասում է Բաստամյանցը—լուսանցքի վերայ գրած է օտարի ձեռքով իբրև բացատրություն լիտր բառի՝ ճ (100) գրամ կշիռ եղ, որով կամենում է իբր ասել թե մի լիտրը հաւասար է հարիւր դրամ կշռին։ —Վենետիկի օրինակի մեջ գրած է լըտրեղեն (անշուշտ՝ լըտր եղն), իսկ այդ բառի տակ կցած է լուսանցքի վերայ այսպիսի ծանօթութիւն՝ Այսպէս ի հնագոյն. ի մի օրին. «լիտր իւղն». յերիս խանգարեալ օրինական՝ «կովու հարիւր դրամ կշիռ իւղ տացեն»։ Սոյնպէս գրած է և № 488, 749 Սին. Կարապ. օրի. մէջ՝ «յեվ կովու ճ (100) դրամ կշիռ եղ տացեն»[28]։

Այս կարևոր ընթերցվածները գանվում են Դատաստանագրքի ձեռագիր հին օրինակներում, ուստի հավանական պիտի համարել, որ Մխիթար Գոշի մոտ հիշատակված լիտրի կշիռը եղել է, իրոք, 100 գրամ։ Բյուզանդական լիտրի կշիռը (=326,4 գր.), ինչպես գիտենք, հավասար էր 80 դրամի (դրամը=4,08 գր.), սակայն Իրաքի լիտրը, որ գործ է ածվել արաբական աշխարհակալության ժամանակ գրեթե ամեն տեղ՝ անգամ Սպանիայում, Ֆրանսիայում և Ռուսաստանում՝ այժմյան կշռով 408 գրամ էր, և հենց այս լիտրը, իմ կարծիքով, համապատասխանում է Դատաստանագրքում մատնանշված լիտրին, որի կշիռը, ինչպես տեսանք, հավանորեն, 100 գրամ էր։

ՄԱՍ (հուն. μᾶ).

Շիրակացու վկայությունը՝

«Մնասն ըստ Իտալացւոցն 44 ունկեաց կշիռ է, որ լինի 3 լիտր

[26] «Մխիթարայ Գոշի Դատաստանագիրք Հայոց», հրատար. Վ. Բաստամյանցի, Վաղարշապատ, 1880, Բ, ա, էջ 315։

[27] «Նյութեր Հին Հայաստանի տնտեսական կյանքի պատմության, II», Տեղեկագիր Պետհամալսարանի, 1928, № 4, էջ 57—58։

[28] «Դատաստանագիրք», Բ, ա, էջ 315, ծանոթ. 678։

[և կէս][29] և ունի 8 ունկի. և ըստ Եբրայեցւոց մնասն արծաթի թարգմանի. և ըստ Եբրայեցւոց[30] 2 լիտր և կէս»։

Իտալացւոց մնասի նկատմամբ Վենետիկի ձեռագիրները տալիս են տարբեր և հակասական վկայություններ՝

1. Ա, Բ և Գ ձեռագիրները՝ «Մնասն ըստ իտալացւոցն 44 ունկեաց կշիռ է, որ լինի 3 լիտր և կէս. և ըստ Եբրայեցւոց մնասն արծաթի թարգմանի»[31].

2. Դ և Ե օրինակները՝ «Մնասն ըստ իտալացւոցն 44 ունկեաց կշռորդ է. ըստ Եբրայեցւոցն 2 լտեր և կիսոյ. և ըստ Եբրայեցւոց արծաթի թարգմանի»[32].

3. Զ օրինակը՝ «Եբրայեցիք քանքար կոչեն (զտաղանդն) և մնասն նոյն է»[33].

4. Է օրինակը՝ «Մնասն 3 լիտր է»[34]։

Ձեռագիրների հակասական տեղեկություններից դուրս կան անհասկանալի սխալներ և վրիպակներ նաև Հ. Ավգերյանի տպագիր աշխատության մեջ։ Վերև հիշված ձեռագիրների վկայություններն առաջ խաղտության մեջ։ Վերև հիշված ձեռագիրների վկայություններն առաջ են բերված Ավգերյանի մոտ՝ էջ 25 և 39՝ նաև հետևյալ բովանդակությամբ՝

1. էջ 25, ծանոթ. 1՝ «Բ և Գ ունին միայն 3 լիտր» [փխ. «3 լիտր և կես», տես վերև].

2. էջ 29, Դ և Ե օրինակների վկայությունը՝ «Մնասն ըստ իտալացոց 45 ունկեաց կշռորդ է» [փխ. «44 ունկեաց կշռորդ է», տե՛ս վերև]։

Ուշագրավ է, որ էջմիածնի № 1654 ձեռագրում (Կար. Յուց.), որի բովանդակությունը մանրամասն առաջ է բերված Ն. Ֆինկի Kleinere mittelarmenische Texte ուսումնասիրության մեջ, «Յաղագս կշռոց» հատվածում՝ մնասի կշիռը ցույց է տրված «երկու լիտր»[35]։ Կարևոր է նաև այն, որ Եպիփանի «Յաղագս չափուց և կշռոց» գրվածքում, որից օգտվել է Անանիա Շիրակացին, իտալացոց մնասի մասին գոնում ենք դարձյալ բոլորովին այլ տեղեկություն՝

[29] Էջմիածնի № 596 և № 2195 ձեռագիրներն ունեն՝ «3 լտեր և 8 ունկի» (Բ. 200 բ, և 535 ա)։

[30] Ավգերյանի մոտ հիշվում է, որ Բ ձեռագիրն ունի «ըստ Եբրայեցւոց Բ լտեր և կէս»։ Նույն. ընթերցվածն ունի նաև էջմիածնի № 2195 ձեռագիրը Բ. (535 ա)։

[31] Բացատրություն, էջ 132։

[32] Նույնը, էջ 132—133։

[33] Նույնը, էջ 133։

[34] Նույնը, էջ 133։

[35] Տե՛ս Zeitschrift für armenische Philologie, Marburg 1903, Bd. I, էջ 205։

«Մնաս, որ կոչի Եբրայեցերէն մնիմի։ Իսկ մնասն ըստ իտալացւոց է՝ քառասուն սատեր, այն է՝ 20 ունկի. որ է լիտր մի և ութ ունկի»[36]։

Ծպիփանի այս վերջին վկայությունը որոշում է, իրոք, հռոմեական սիստեմի 20 ունկիանոց մնասը, որի կշիռը հավասար էր՝ 27,2×20=544 գրամի[37]։

Ինչ վերաբերում է Շիրակացու հիշատակած իտալացոց մնասին՝ նրա կշիռը որոշելու համար անհրաժեշտ է նախ վերականգնել մնասի վերաբերյալ Շիրակացու բնագրի ուղիղ ընթերցվածը հնագույն և լավագույն ձեռագրերների օգնությամբ։ Ուստի հերթական ու կարևոր մի խնդիր է այս տեսակետից՝ ձեռնարկել «Յաղագս կշռոց ու չափուց» Շիրակացու գրվածքի գիտական հրատարակությանը բազդատությամբ էջմիածնի և մյուս մատենադարանների ձեռագիրների։

Շիրակացին, ինչպես վերև տեսանք, հիշում է երկու տարբեր մնաս՝ «ըստ իտալացւոց» և «ըստ եբրայեցւոց»։ Եբրայեցոց մնասի կշիռը նրա մոտ ցույց է տրված՝ «2 լիտր և կէս»։ Եթե ենթադրենք, որ այս վկայության մեջ ևս լիտրը հռոմեական և բյուզանդական լիտրն է (=326,4 գրամ)՝ եբրայեցոց մնասի կշիռը հավասար կլինի՝ 326,4×2½=816 գրամի։ Սրդ՝ ուշադրության արժանի է, որ վիդեբանտը եբրայական ծանր մնասի կշիռը որոշել է հենց 816[38] գրամ։

Եբրայական մնասը հիշատակված է նաև Վենետիկի Դ ձեռագրի հավելվածում՝

«10 դանկն դրամ մի է. 20 դանկն 2 դրամ, որ է սիկղ մի. 25 սիկղն մնաս մի է. մնասն 50 դրամ է. վաթսուն մնասն քանքար մի է, որ է 3000 դրամ»[39]։ Սիկղն այս հատվածում, ինչպես վերև տեսանք, հավասար էր 13,6 գրամի։ Ուրեմն՝ մնասն այստեղ հավասար կլինի՝ 13,6×25=340 գր.։ Այս մնասը նոր ատտիկական մնասն է, որ Եպիփան կիպրացու մոտ անվանված է արծաթի[40]։

ԿԵՆԴԻՆԱՐ (հուն. kentênarion).

Շիրակացու վկայությունը՝

«Կենդինարն 100 լիտր է. և անուանեցաւ ըստ հռովմայեցւոց լեզուին. զի կենդու [լատ. centum] 100 լսի. և է կենդինարն 7200 դահեկան։ Եւ մանր բաժանելով զկենդինարն, լինի ունկի 1200, սիկղ 4800, սատեր 9600, սիմէս 14.000, տրմէս 21.600, դրամար 28.800, սինգ 43.200, կերատ 172.800, փշիտ 230.400, դանգ 345.600, և գարեհատ 691.200»։

Կենդինարը Շիրակացու մոտ համապատասխանում է, ինչպես տեսնում ենք, հռոմեական centupondium-ին և բյուզանդական kentênarion-ին և նրա կշիռն այժմյան կիլոգրամներով հավասար կլինի՝ 326,4 (լիտր)×100=32 կիլոգր. 640 գր.։

Կենդինարի նույն այս կշիռը մատնանշված է նաև Անանիա Շիրակացու «Յաղագս հարցման և լուծման» գրվածքում հետևյալ հարցման մեջ՝

«Այսպէս լուայ ի վարդապետէն եթէ գողեան մտին ի Մարկիանու պրիկլին և գողացան ղկէս և զչորրորդ գանձուն, և մտեալ գանձատուրացն պրիկլին և գողացան ղկէս և զչորրորդ գանձուն, և մտեալ գանձատուրացն տին չորեք հարիւր և քսան և մի կենդինար և երեք հազար և վեց հարիւր դահեկան։ Արդ գիտեա ի մնացելոցս իմ ընդ ամենայն ո՞րչափ էր դանձն»[41]։

Լուծումների մեջ տրված է այս հարցման հետևյալ պատասխանը՝

«Լեալ էր դանձն կենդինար հազար և վեց հարիւր և ութսուն և վեց»[42]։

Շիրակացու այս հարցման մեջ, ինչպես պարզ երևում է նրա լուծումից, «երեք հազար և վեց հարիւր դահեկան»-ը համապատասխանում է 1/2 կենդինարի, ուստի կենդինարի կշիռը հավասար կլինի դարձյալ՝ 4,53 1/3 (=դահեկան)×7200=32 կիլոգր. 640 գր.։

ԴՐԱՄ (պհլ. dram, նոր պարսկ. diram).

Շիրակացու վկայությունը՝

«Դրամ ըստ պարսկական լեզուի անուանեցաւ. և յարծաթոջ տպաւորեցաւ, որ է ձ մասն լտր»։

Մեր նախորդ աշխատության մեջ («Նյութեր Հին Հայաստանի տնտեսական կյանքի պատմության, 1» տե՛ս Գիտ. և Արվ. Ինստիտուտի Տեղեկագիր, № 2, էջ 30) մենք բացատրել էինք արդեն, որ Շիրակացու դրամը սասանյան արծաթ դրամն է, որը հավասար է նաև աստրական դրաքմեին և ատտիկյան թույլ դրաքմեին։

Այդ դրամը, լինելով 1/80-րդ լիտր, հավասար կլինի՝ 326,4:80=4,08 գր.։

---

[36] Բացատրություն, էջ 17—18։

[37] Decourdemance, Traitè pratique, էջ 22։

[38] Antike Gewichtsnormen und Münzfüsse, էջ 80։ Վիդեբանտի հաշվով ծանր մնասի կշիռը 800 գրամ է և ոչ 816, որովհետև հռոմեական լիտրի կշիռը նա ընդունել է 320 գրամ և ոչ 326,4 գր.։

[39] Բացատրություն, էջ 27, ծանոթ. 2։

[40] Տե՛ս Viedebant, Antike Gewichtsnormen, էջ 81 և հետ.։

[41] Տե՛ս Հ. Օրբելի, Յաղագս հարցման և լուծման Անանիայի վարդապետի Շիրակացւոյ, Պետրոգրադ, 1918, էջ 18։

[42] Նույնը, էջ 29։

Արաբները, ինչպես հայտնի է, սկսեցին առաջին անգամ դրամ կարել Աբդլ-Մելիքի ժամանակ (685—705 թ.) և այնուհետև դանազան կշռի արծաթ դրամներ նրանք կարում էին նաև Աբբասյանների իշխանության շրջանում: Իսկ Շիրակացու ժամանակ, արաբական տիրապետության սկզբնական շրջանում, ամենատարածված արծաթ փողը Հայաստանում եղել է, հավանորեն, սասանյան արծաթ դրամը, որը և առանձնապես հիշատակված է Շիրակացու վերոհիշյալ հատվածում, թեև այդ դրամը կշռական միավոր չէ հռոմեական-բյուզանդական սիստեմի, որ նրա մոտ բացատրված է:

Ուշադրության արժանի է նաև այն, որ կշիռների վերաբերյալ վենետիկի ձեռագիրներում, որոնցից օգտվել է Հ. Ավգերյանը, դրամ են անվանվել՝ բացի սասանյան արծաթ դրամից՝ նաև կշռական ուրիշ սիստեմների դրաքմենները: Այս հանգամանքը պատճառ է հանդիսացել, որ այդ ձեռագիրների խառն ու շփոթ թվացող վկայությունները մնացել են մինչև այժմ մութ և անհասկանալի:

Ինձ թվում է, որ դրամի վերաբերյալ հանելուկային թվացող այդ տեղեկությունները հասկանալու համար անհրաժեշտ է ի նկատի ունենալ, որ ձեռագիրներում դրամ են անվանված կշռական հետևյալ տարբեր միավորները՝

1. Սասանյան արծաթ դրամը՝ հավասար 4,08 գր.

2. Շիրակացու փոքր սաաները կամ դրաքմեն՝ հավասար 3,4 գր. (=դենար-դրաքմե).

3. Եբրայական բեկահ-դրաքմեն՝ հավասար 6,8 գր.: Իսկ «երկդրամեան» է անվանված՝

4. մեծ սիկղը կամ դիդրաքման՝ հավասար 13,6 գր.:

Հենց այս տարբեր սիստեմների կշռական միավորները, որ անվանված են դրամ, մատնանշված են վենետիկի ձեռագիրների հետևյալ վկայություններում՝

1. Դ և ե ձեռագիրների բնագրում (տե՛ս Բացատրություն, էջ 38)—«կենդինարն 100 լիտր է. և լիտրն 72 դահեկան. և դրամով յորժամ կշռես՝ 80 դրամ»:

Այս վկայությունը վերաբերվում է, անշուշտ, սասանյան դրամին: կենդինարը = 32 կիլ. 640 գր., լիտրը = 326,4 գր., դրամը = 324,4 : 80 = 4,08 գր.:

2. Դ և ե ձեռագիրների բնագրում (Բացատրություն, էջ 38)—«50 ունկին 200 սիկղ է... որ է դահեկան 300. սաաերն կէս ունկոյ է, որ է 4 դրամի կշռորդ»:

Այստեղ դրամ դենար-դրաքմեն է՝ հավասար 3,4 գր., ունկին = 27,2 գր., սիկղը = 6,8 գր., դահեկանը = 4,53 1/3 գր., սաաերը = 13,6 գր.:

3. Դ և ե ձեռագիրների բնագրում (Բացատրություն, էջ 38)—«Դրաքմէն 2 դրամակշիռ է. դիդրաքմայն 4 դրամակշիռ է. դիդրաքմայն և սամէն 2 դրամակշիռ է. դիդրաքմայն 4 դրամակշիռ է. դիդրաքմայն և սամերն մի է»: Այստեղ դրամակշիռը եբրայական բեկահ-դրաքմեի 1/2 է: Դրաքմեն = 6,8 գր., դրամակշիռը = 3,4 գր., դիդրաքման = 13,6 գր., սաաերը = 13,6 գր.:

4. Դ և ե ձեռագիրների բնագրում (Բացատրություն, էջ 38)—«Սիկղն 2 դրամ, սրբության սիկղն 20 դանգ»:

5. Բ ձեռագրի հավելվածում (Բացատրություն, էջ 27),—«Սիկղն և երկդրամեանն և դիդրաքմայն 2 դրամ են, և 2 դրամն 20 դանկն է... 10 դանկն դրամ մի է. 20 դանկն 2 դրամ, որ սիկղ մի»:

Այստեղ դրամը բեկահ-դրաքմեն է՝ հավասար 6,8 գր., սիկղը, դիդրաքման և երկդրամյանը = 2 դրամ = 13,6 գր., դանկը = 1/2 սիկղ = 1/10 բեկահ-դրաքմե կամ դրամ = 0,68 գր.:

Մեր այս լուսաբանություններից երևում է, որ դրամների մասին ձեռագրական տեղեկությունները քննելիս՝ պետք է նախ որոշել, թե ո՛ր դրամին են վերաբերվում ձեռագրական վկայությունները:

Ավելորդ չի լինի այստեղ մատնանշել, որ Շիրակացու ժամանակ Հայաստանում շրջանառության մեջ գործածվող արծաթ փողը, գլխավորապես, սասանյան արծաթ դրամն էր (=4,08 գր.) և, հավանորեն, նաև հերակլ կայսեր մեղիարիսը (=6,8 գր.):

«Նյութեր Հին Հայաստանի տնտեսական կյանքի պատմության, I»-նախորդ իմ աշխատության մեջ[43] ընդունելով սասանյան դրամը մաքուր արծաթից և նրա կշիռը 4,08 դրամ՝ այդ դրամն արծաթի իր պարունակությամբ ես համապատասխան էի համարել ռուսական արծաթ ռուբլու 22 2/3 կոպեկին: Պետք է սակայն ասել, որ հին արծաթ փողերի կշռական բաղադրությունն այժմյան արծաթ փողերի հետ, որ գիտական նորագույն երկերի հետևությամբ առաջ են բերված նախորդ իմ աշխատություններում, կարող է առիթ ծառայել որոշ թյուրիմացությունների: Ինչպես հայտնի է, այժմյան բարձր պրոբի արծաթ ռուբլիները, ֆրանկները կամ մարկերը փաստորեն մանր դրամ են և սրանց հարաբերությունը ոսկի փողի հանդեպ Ռուսաստանում 23:1 է, իսկ Ֆրանսիայում՝ 15,5:1: Հենց այս պատճառով էլ սասանյան արծաթ դրամի ու նոր արծաթ փողերի կշռական հարաբերությունը, որ մեջ է բերվում եվրոպական և ռուսական նորագույն աշխատություններում, չի համապատասխանում նրանց իրական փողային հարաբերությանը: Պարզենք այդ օրինակներով:

[43] Տե՛ս Գիտ. և արվ. ինստիտուտի Տեղեկագիր, № 2:

նակով։ Որովհետև ցարական արծաթ ռուբլին պարունակում էր իր մեջ 18 գրամ մաքուր արծաթ, իսկ ֆրանսական բարձր պրոբի 5 ֆրանկը՝ $22\frac{1}{2}$ գրամ, սասանյան արծաթ դրամը (=4,08 գր.) համապատասխան կլինի $0,22\frac{2}{3}$ արծ. ռուբ. (4,08:18), բայց $0,906\frac{2}{3}$ արծ. ֆրանկի (4,08:4,5)։ Սակայն, իրապես, $0,22\frac{2}{3}$ արծ. ռուբ. որպես փող համարժեք է ոչ թե $0,906\frac{2}{3}$ ֆր., այլ $604\frac{4}{9}$ ֆր.։

Այդ համաձայնությունը, որ առիթ է դառնում թյուրիմացությունների, վերանում է՝ երբ հին արծաթ փողերի դրամական արժեքը որոշում են ոսկի այժմյան փողով, ուշադրության առնելով արծաթի ու ոսկու հարաբերությունը հին ժամանակներում։ Ուստի այս վերջին հաշիվները շատ ավելի հարմար են և ընդունելի, քան վերոհիշյալ հաշիվները, որ հիմնված են հին և ժամանակակից դրամների մաքուր արծաթի բաղադատության վրա։

ՍԱՏԵՐ ՄԵՋ ԵՎ ՊԱՅՈՒԱՍԻԿ

Շիրակացու վկայությունը՝

«Եւ սատեր 4 դրամաց կշիռ. և պայուասիկն 50 լիտր է, որ է 1000 սատեր՝ որ լինի 4000 դրամակշիռ և թիւ»։

Քննենք նախ սատերի վերաբերյալ ձեռագրների թե այս և թե մյուս վկայությունները։

Շիրակացու բնագրի մեջ հիշատակված սատերը, որ հիշվում է սասանյան արծաթ դրամից հետո և պայուասիկից առաջ, անտարակույս, նույն այդ դրամին վերաբերյալ սատերն է, և նրա կշիռը հավասար կլինի ուրեմն՝ $4,08\times4=16,32$ գրամի։

Վենետիկի ձեռագիրների հավելվածներում, որոնք առաջ են բերված Ավգերյանի բացատրության մեջ, հիշատակված են, ինչպես կտեսնենք, տարբեր սիստեմների սատերներ, ուստի այդ վկայությունները ևս, ինչպես և դրամի վերաբերյալ տեղեկությունները, մնացել են մինչև այժմ մութ և անհասկանալի։

Վենետիկի ձեռագիրներում հիշատակված են, իմ կարծիքով, հետևյալ տարբեր սատերները.

1. Սասանյան չորսդրամյան սատերը՝ $4,08\times4=16,32$ գր.
2. Փոքր սատերը կամ դենար-դրաքմեն՝ 3,4 գր.
3. Հռոմեական 1/2 ունկիանոց սատերը՝ 27,2:2=13,6 գր.
4. Եբրայական մեծ սիկղը կամ դիդրաքման, որ անվանված է նաև սատեր՝ հավասար է 13,6 գր.։

Այս տարբեր սատերները մատնանշված են Վենետիկի ձեռագրների հետևյալ վկայություններում՝

1. Շիրակացու բնագրում (Բացատրություն, էջ 26)—«դրամ ըստ պարսկական լեզուի անուանեցաւ և յարծաթոջ տպաւորեցաւ, որ է ձ մասն լտեր։ Եւ սատեր 4 դրամաց կշիռ»։

Սատերն այստեղ հավասար է՝ $4,08\times4=16,32$ գր.։

2. Բ ձեռագրի հավելվածում (Բացատրութ., էջ 27)—«սատեր, որ է 18 կուտ [կերատի]», նույն հավելվածում ներքև՝ «սատերն ը մասն

Անանիա Շիրակացու բնագիրը ոչ միայն ուղիղ է, այլ և խիստ ուշագրավ ու հետաքրքիր մի վկայություն է, որ հնարավորություն է տալիս որոշելու Սասանյան Պարսկաստանի կարևորագույն կշիռներից մեկը։

Պարսկական պայուասիկը, որի կշիռը Շիրակացու մոտ ցույց է տրված «50 լիտր, որ է 1000 սատեր», այժմյան կիլոգրամներով հավասար կլինի՝ 326,4×50= 16 կիլոգր. 320 գր.։ Ուրեմն՝ պայուասիկը, ինչպես տեսնում ենք, հավասար է եղել բյուզանդական 1/2 կենդինարի (32 կիլ. 640 գր.:2=16 կիլոգր. 320 գր.)։

Պայուասիկի ու սասանյան արծաթ դրամի կշիռների ճշտումը կարևոր ու ուշագրավ է այն տեսակետից, որ հնարավորություն է տալիս որոշելու այժմյան կիլոգրամներով Մարաստանի հարկն արաբական տիրապետության սկզբնական շրջանում և Սասանյան Պարսկաստանի եկամուտը Խոսրով Պարվեզի թագավորության 18-րդ տարում (607/8 թվին)։

Սեբեոսը, խոսելով մարաց ապստամբության մասին արաբական ծանր հարկապահանջության պատճառով, հիշում է պայուասիկը հետևյալ հատվածում՝

«Քանզի ոչ կարացին համբերել դառն և դժնդակ ծառայութեանն և հարկին ծանրութեանն՝ որ ի վերայ նոցա, զի անդրէն ի նոցանէ միոյ միոյ ամի առնուին 3կե 365 պայուասիկ դրամ. և որ ոչն կարէր տալ առնուին ընդ միոյ միոյ դրամի մարդ մի, և ի բաց բարձին զհեծելութիւն և զիշխանութիւն աշխարհին»[45]։

Պայուասիկը, ինչպես վերև տեսանք, հավասար էր 4000 սասանյան արծաթ դրամի (4,08×4000=16 կիլ. 320 գր.), ուրեմն՝ Մարաստանի հարկը, լինելով 365 պայուասիկ, անում է 365×4000=1.460.000 սասանյան արծաթ դրամ, իսկ նրա կշիռը=365×16,320=5956 կիլ. 800 գր.։

Պայուասիկի մասին մի ուրիշ կարևոր վկայություն գտնվում է Տաբարիի պատմության մեջ։ Նրա մոտ հանդիպում են դրամական խոշոր գումարների հաշիվներ, որոնց մեջ հիշատակված է, իմ կարծիքով, հենց նույն այս պայուասիկը, որ Th. Noeldeke-ն թարգմանել է Beutel[46]։

Տաբարիի վկայություններից երևում է, որ պայուասիկն իրրև դրամական մեծ կշիռ նույնքան տարածված ու սովորական է եղել Սասանյան Պարսկաստանում, ինչպես կենդինարը Բյուզանդական կայսրության մեջ։

Տաբարիի պատմելով Խոսրով Պարվեզն իր թագավորության 18-րդ տարում 607/8 թվին կարգադրել էր հաշվել պետական ամբողջ մուտքը, որ ստացվել էր հարկերից և եկամուտների մյուս աղբյուրներից։

«Նրան զեկուցում են—վկայում է Տաբարին—որ այդ տարում նրա եկամուտները հողային հարկից և մյուս աղբյուրներից կշռում են կորցված փողով 420 միլիոն մթխալ և այդ գումարը, հաշվելով 10 դիրհեմը 7 մթխալ, անում է 600 միլիոն դիրհեմ։ Նա հրամայում է այդ փողը տանել գանձատուն, որ ինքը կառուցել էր Տիզբոնում և անվանել Բահար... Խոսրով։ Նույն տեղը բերում են հին դրամներով, որ կարել էին Հազկերտի որդին Պերոզը և Պերոզի որդին Կավադը, 12,000 Beutel՝ յուրաքանչյուր Beutel-ը կտրված փողով 4.000[47] մթխալ, ուրեմն ընդամենը 48 միլիոն մթխալ...»[48]։

Թ. Նյոլդեկեն ենթադրում է, որ մթխալն այստեղ, հավանորեն, պետք է հասկանալ իբրև սասանյան արծաթ դրամի կշիռ։ Այս ենթադրությունը հաստատվում է, իրոք պայուասիկի կշռի վերոհիշյալ որոշմամբ։ Տաբարիի վկայությունների մեջ Beutel-ի կշիռը կտրված դրամով 4000 մթխալ է, իսկ Շիրակացու մոտ, ինչպես տեսանք, պայուասիկը «լինի 4000 դրամի կշիռ և թիւ»։ Այս համեմատությունից կարելի է հետևեցնել, որ Beutel-ը համապատասխան լինելով պայուասիկին, մթխալը ևս նույն վկայություններում գործ է ածվում սասանյան արծաթ դրամի կշռի իմաստով։

Պայուասիկի ու սասանյան արծաթ դրամի կշիռները, ինչպես վերև տեսանք, այժմյան դրամներով հավասար էին, առաջինը՝ 16 կիլոգր. 320 գր., իսկ երկրորդը՝ 4,08 գր.։ Ուրեմն այս կշիռների համաձայն Սասանյան Պարսկաստանի ընդհանուր եկամուտը 607/8 թվին պետք է ընդունել 420.000.000×4,08=1.713.600 կիլոգրամ սասանյան արծաթ դրամ կամ 420.000.000:4.000=105.000 պայուասիկ։

Հիմնվելով դրամագետ Pertsch-ի հաղորդած տվյալների վրա և ընդունելով սասանյան դրամի արծաթի արժեքը մոտ 70 պֆեննինգ կամ 86 սանտիմ, իսկ արաբականինը (հնագույն շրջանի)՝ մոտ 40 պֆեննինգ կամ 50 սանտիմ՝ Թ. Նյոլդեկեն Սասանյան Պարսկաստանի ընդհանուր եկամուտը 607/8 թվին հաշվում է՝ սասանյան դրամով մոտ 294 միլիոն մարկ կամ 360 միլիոն ֆրանկ, իսկ արաբական դիրհեմով՝ միայն 240

---

[45] «Պատմութիւն Սեբէոսի եպիսկոպոսի ի Հերակլն», հրատ. Ք. Պատկանյանի, Պետերբ., 1879, էջ 147 (Դլ. Լէ)։

[46] Տե՛ս Th. Noeldeke, Tabari Geschichte der Perser und Araber zur Zeit der Sasaniden, Leyden, 1879, էջ 355, 376 և 377։

[47] Տաբարիի գերմաներեն թարգմանության մեջ տրված է 40.000, որ պարզապես վրիպակ է։

[48] Տե՛ս Th. Noeldeke, Tabari, էջ 354—355։

միլիոն մարկ կամ 300 միլիոն ֆրանկ[49]: Այս երկու հակասական թվերից Նյոլդեկեն հավանական է համարում առաջինը:

Ա. Խրիստենսենը իր «L'empire des Sassanides» (Kobenhavn, 1907, էջ 58) աշխատության մեջ հիմնվել է Նյոլդեկեի նույն այս հաշիվների վրա, սակայն առանց որևէ բացատրության դերադասություն է տվել երկրորդ թվին (300 միլիոն ֆրանկ):

Ադոլֆ Կրեմերը, որ օգտվել է Իբն Խորդադբեհի և Կոդամայի աղճատված վկայություններից, Սասանյան Պարսկաստանի ընդհանուր եկամուտը նույն թվին ենթադրում է 420—600 միլիոն դիրհեմ[50], անուշադիր թողնելով մթխալի ու դիրհեմի 7-ը առ 10-ը հարաբերությունը՝ 420 միլիոն մթխալ=600 միլիոն դիրհեմ:

Վերոհիշյալ ենթադրությունները մի քանի կարևոր կետերում ուղիղ չեն, որովհետև չեն համապատասխանում վերև ճշտված կշիռների հաշիվներին:

Պայուսիկի ու սասանյան դրամի կշիռների ճշտմամբ որոշվում է ոչ միայն Սասանյան Պարսկաստանի եկամուտը 607/8 թվին, այլ լուսաբանվում է նաև մթխալի և դիրհեմի 7-ը առ 10-ը հարաբերությունը, որ Նյոլդեկեի մոտ սխալ է մեկնված:

Տաբարիի վկայությունների մեջ մթխալը, ինչպես տեսանք, գործ է ածված որպես կշիռ սասանյան արծաթ դրամի: Պարսկական այդ մթխալը, ըստ երևույթին, անսովոր էր արաբական ժամանակներում, ուստի անհրաժեշտ է համարվել վերոհիշյալ գումարները հաշվել նաև արաբական դիրհեմով, որի կշիռը եղել է 7/10 մթխալ: Հիմնվելով Բելադորիի վկայության վրա՝ Թ. Նյոլդեկեն մատնացույց է անում, որ կային տարբեր դիրհեմներ, որոնց կշիռը հավասար է եղել 1 կամ 4/5 կամ 1/2 մթխալի[51]: Եվ իրոք, արաբական օրինական մթխալը, ինչպես հայտնի է, հավասար էր այժմյան $5^2/_3$ գրամի, օրինական դիրհեմը՝ $3,96^2/_3$ գրամի (=4/5 մթխալ)[52] և Աբդլ-Մելիքի դիրհեմը՝ $2,83^1/_3$ գրամի (1/2 մթխալ):

Տաբարիի վկայություններում, իմ կարծիքով, ի նկատի է առնված հենց այս վերջին հնագույն ժամանակի Աբդլ-Մելիքի դիրհեմը, որի հարաբերությունը սասանյան մթխալի կամ արծաթ դրամի հանդեպ գրեթե 7-ը առ 10-ն է՝ $2,83\ ^1/_3 : 4,08$:

---

49 Տե՛ս Noeldeke, Tabari, էջ 355, ծանոթ. 1:

50 *A. Cremer*, Culturgeschichte des Orients unter den Chalifen, Wien, 1875, I, 257.

51 Tabari, էջ 355, ծանոթ. 1:

52 Տե՛ս Decourdemanche, Traitè pratique, էջ 25—28 և 47:

Ուրեմն՝ նոր այս հաշիվների համաձայն ոչ միայն վերանում է Նյոլդեկեի մատնանշած սասանյան մթխալ-դրամի և արաբական դիրհեմի արժեքների սխալ հարաբերությունը, ինչպես և մարկերով ու ֆրանկներով հաշված գումարների անհասկանալի տարբերությունը, այլև ստացվում է Սասանյան Պարսկաստանի 607/8 թվի ընդհանուր մուտքի համար հաստատուն գումար՝ 1.713.600 կիլոգրամ սասանյան արծաթ դրամ:

Եթե ընդունենք մթխալը որպես սասանյան դրամ մաքուր արծաթից և նրա կշիռը 4,08 գր.՝ այդ դրամն արծաթի իր պարունակությամբ համապատասխան պետք է համարենք ցարական արծաթ ռուբլու $22^2/_3$ կոպեկին (այդ ռուբլին պարունակում էր իր մեջ մոտ 18 գր. մաքուր արծաթ): Սասանյան Պարսկաստանի եկամուտը 607/8 թվին իր կշռով հավասար կլինի $420.000.000 \times 22^2/_3 = 95.200.000$ արծաթ ռուբլու: Նույն ձևով կարելի է այդ եկամուտի գումարը վերածել ֆրանսիական արծաթ ֆրանկների կամ գերմանական արծաթ մարկերի:

Որովհետև ֆրանսիական բարձր պրոբի 5 ֆրանկը պարունակում է իր մեջ $22^1/_2$ գրամ մաքուր արծաթ և մեկ ֆրանկը՝ 4,5 գր., ուստի սասանյան դրամը համապատասխան կլինի՝ $4,08 : 4,5 = 0,906^2/_3$ արծ. ֆր.: Ուրեմն՝ վերոհիշյալ եկամուտը կլինի այս հաշվով՝ $420.000.000 \times 0,906^2/_3 = 380.800.000$ ֆր.:

Վերև մենք ասացինք, որ հին արծաթ դրամների կշռական բաղադրությունն այժմյան արծաթ փողերի հետ, որ հանդիպում է հաճախ եվրոպական և ռուսական գիտական ուսումնասիրություններում, թերի և անընդունելի մի հաշվարկ է, որ առիթ է ծառայում խառնաշփոթումների ու թյուրիմացությունների: Հենց այդ պարզ երևում է վերև առաջ բերված հաշիվներից: Մինչդեռ Սասանյան Պարսկաստանի վերոհիշյալ եկամուտը ռուսական արծաթ փողով անում է 95.200.000 ռուբլի, ֆրանսիական արծաթ փողով հավասար կլինի 380 միլիոն 800 հազար ֆրանկի: Սակայն, իրապես, 380.800.000 ֆրանսիական արծաթ ֆրանկը որպես փող համարժեք է ոչ թե 95.200.000 ռուբլու, այլ 142.800.000 ռբ.:

Ավելի ուղիղ կլինի, անշուշտ, Սասանյան Պարսկաստանի 607/8 թվի եկամուտի գումարը վերածել այժմյան ոսկի փողի, ի նկատի առնելով արծաթի ու ոսկու հարաբերությունը յոթերորդ դարի սկզբներում:

Եթե արծաթի և ոսկու հարաբերությունը ենթադրենք այդ ժամանակներում մոտավորապես 1:10, որ հավանական է՝ սասանյան արծաթ դրամի դրամական արժեքը համապատասխան կլինի մոտ 50 այժմյան ոսկի կոպեկի: Ուրեմն՝ վերոհիշյալ եկամուտը հավասար կլինի՝ մոտ 210.000.000 ոսկի ռուբլու կամ 560.000.000 ոսկի ֆրանկի:

Ինչպես տեսնում ենք, Սասանյան Պարսկաստանի տարեկան այդ եկամուտը կազմում է այժմյան ոսկի փողով ավելի մեծ գումար, քան մինչ այժմ ենթադրել են։

ՏԱՂԱՆԴ (հուն. talanton)

Շիրակացու վկայությունը՝

«Տաղանդն 125 լիտր է. զսա թուղք մոնադ կոչեն։ Եւ մանր բաժանելով զտաղանդն՝ լինի ունկի 1500, սիկղ 6000, սատեր 12.000, սիմէս 18.000, տրմէս 27.000, գրամար 36.000, սինգ 54.000, կերատ 216.000, փշիտ 288.000, դանգ 432.000, գարեհատ՝ 864.000։ Եւ լինի տաղանդն դահեկան 9.000»։

Տաղանդի կշռի նկատմամբ Վենետիկի ձեռագրերների մեջ տարաձայնություններ չկան։ Տաղանդի կշիռը նրանց մեջ ցույց է տրված 125 լիտր, ուստի այժմյան կիլոգրամներով տաղանդը հավասար կլինի՝ 326,4×125=40 կիլոգր. 800 գր.։

Բացի այս տաղանդից Վենետիկի Գ օրինակի հավելվածում հիշվում է նաև երբայական մի այլ կշռի տաղանդ հետևյալ հատվածում (Բացատրություն, էջ 27)՝

«20 դանկն 2 դրամ, որ է սիկղ մի. 25 սիկղն մնաս մի է. մնասն 50 դրամ է. վաթսուն մնասն քանքար մի է, որ է 3000 դրամ. քանքարն և տաղանդն նոյն է»։

Մնասը այս հատվածում, ինչպես վերև տեսանք, հավասար էր 340 գր.։ Ուրեմն՝ քանքարն այստեղ հավասար կլինի՝ 340×60=20 կիլ. 400 գր.։

Դանկը=0,68 գր., դրամը=6,8 գր., սիկղը=13,6 գր., քանքարը=3.000 դրամի=3.000×6,8=20 կիլ. 400 գր.։

ԲԱՆԲԱՐ (=երբ. kikkar).

Շիրակացու վկայությունը ըստ Ավգերյանի՝

«Քանքարն 138 լիտր է։ Եւ մանր բաժանեալ զքանքարն լինի՝ դահեկան 9936, սիմէս 19.872, տրմէս 29.807, գրամար 39.744, սինգ 59.616, կերատ 238.464, փշիտ 317.952, դանգ 476.928, գարեհատ 953.856։ Եւ հաւաքեալ զամենայն մասունս քանքարի՝ լինի դահեկան 9936»։

Քանքարի մասին այս հաշիվները, որ ըստ Ավգերյանի ունեն Վենետիկի Ա, Բ և Գ ձեռագիրները (տե՛ս Բացատրություն, էջ 186) ճիշտ չեն։ Վենետիկի այն օրինակը, որից օգտվել է Ք. Պատկանյանը, նաև էջմիածնի № 596 (=կար. ց. 582) և № 2195 (=կար. ց. 2152) ձեռագրերը

(էջ 201բ և 535բ), քանքարի մասին տալիս են հետևյալ ուղիղ վկայությունը՝

«Քանքարն է 138 լիտր և կես երրեակ և ութետասնեակ։ Եւ մանր բաժանեալ զքանքարն լինի՝ դահեկան 10.000, սիմէս 20.000, տրմէս 30.000, գրամար 40.000, սինգ 60.000, կերատ 240.000, փշիտ 320.000, դանգ 480.000 և գարեհատ 960.000։ Եւ հաւաքեալ զամենայն մասունս քանքարի լինի դահեկան 10.000»։

Արդ՝ Շիրակացու ժամանակ, ինչպես ուղիղ ենթադրել է Գ. Տեր-Մկրտչյանը[53], պետք է անպատճառ կոտորակն ունենար միավոր համարիչ, ուստի «կէս, երրեակ և ութետասնեակ»=1/2+1/3+1/18=8/9։ Շիրակացու քանքարը, ինչպես տեսնում ենք, հավասար է ոչ թե 138, այլ $138^{8}/_{9}$ լիտրի։

Այս վերջին ճշտված հաշվով Շիրակացու քանքարը հավասար կլինի այժմյան կիլոգրամներով՝ 326,4×$138^{8}/_{9}$=45 կիլոգր. $333^{1}/_{3}$ գր.։

Այսպիսով Շիրակացու քանքարի մասին ստացվում է միանգամայն ճիշտ եզրակացություն, որ հաստատվում է նրա և մյուս կշռական միավորների թվական պարզ ու հասկանալի հարաբերությամբ։ Մինչդեռ Շիրակացու տաղանդը հավասար էր, ինչպես տեսանք, 10.000 սասանյան դրակի, Շիրակացու քանքարը հավասար է նույնպես 10.000 արծաթ դրամի, Շիրակացու քանքարը հավասար է նույնպես 10.000 ոսկի դահեկանի։

Այս վերջին մեր դիտողությունները, ինձ թվում է, ցույց են տալիս իրենց հերթին, որ Շիրակացու տաղանդը՝ իբրև կշռական միավոր՝ իրենց հերթին, որ Շիրակացու տաղանդը՝ իբրև կշռական միավոր՝ պատկանում է, հավանորեն, Սասանյան Պարսկաստանի կշռական սիստեմին, իսկ Շիրակացու քանքարը՝ հռոմեական և բյուզանդական սիստեմներին։

Վերջացնելով Շիրակացու կշիռների մասին մեր այս ուսումնասիրությունը՝ ավելորդ չենք համարում մեր հիմնական եզրակացությունները տալ նաև առանձին աղյուսակի մեջ։ Այդ աղյուսակում զետեղված են Շիրակացու բնագրի բոլոր կշիռները բացի մնասից, որի կշիռը, ինչպես տեսանք, անորոշ է մնում, որովհետև ձեռագրական վկայությունները խառնաշփոթ են և աղճատված։

Սասանյան արծաթ դրամը, մեծ սատերը և պայուսակը դրված են աղյուսակի վերջում՝ իբրև սասանյան կշռական սիստեմի միավորներ։ Իսկ տաղանդը, որ ես նույնպես համարում եմ նույն այս սիստեմի կշիռ, զետեղված է հռոմեական-բյուզանդական կշիռների շարքում, որովհետև մեր վերոհիշյալ ենթադրությունը կարող է թերևս վիճելի համարվել։

[53] Տե՛ս «Անանիա Շիրակացի», Վաղարշապատ, 1896, էջ 17—18։

Դարեհատ								1
Ասսարիոն								$1^1/_3$
Փշեր								2
Կերատ							1	8
Սինդ						1	$1^1/_2$	96
Գրամար					1	4	6	960
Տրմես				1	12	48	72	9600
Միմես			1	100	1200	4800	7200	420 00
Մատեր		1	$1^1/_4$	125	1500	6000	9000	$13333^1/_3$
Դահեկան	1	$1^1/_9$	$1^7/_{18}$	$138^8/_9$	$1666^2/_3$	$6666^2/_3$	10000	
Միկղ								
Ունկի								
Լիտր								
Կենդինար								

Դրամ սաս. 4,08 գր.=1/80 լիտր=3/20 ունկի=9/10 դահեկան են։
Սատեր (մեծ) 16,32 գր.=1/20 լիտր=3/5 ունկի=3 3/5 դահեկան են։
Պայուսակ 16 կիլ. 320 գր.=1000 սատեր (մեծ)=4000 սարս. դրամ=50 լիտր=1/2 կենդինար են։

ԱՆԱՆԻԱ ՇԻՐԱԿԱՑՈՒՆ ՎԵՐԱԳՐՎԱԾ ՉԱՓԵՐԸ

Վերածված այժմյան կշիռների և չափերի

Ինչպես վկայում է Հ. Ավգերյանը, Վենետիկի յոթը ձեռագիրներից միայն երեքը՝ Ա, Դ և ե օրինակները՝ ունեն բացի կշիռներից նաև Շիրակացուն վերագրված չափերը.

«Յեօթանց անտի օրինակաց չափուց և կշռոց Շիրակացւոյն գրոս ունիմք առ մեզ՝ Ա օրինակն ունի գայս վերնագիր սխալագիր՝ Անիայ Շիրակացուն համարողի վասն կշռոցն. որ և զկնի կշռոցն յարէ զչափս՝ առանց երկրորդելոյ զանուն հեղինակին, եղեալ առանձին վերնագիր այսպէս՝ Յաղագս չափոց։ ..... Իսկ Դ և ե յառաջ քան զկշիռս և զչափս դնեն և զասպարիսական չափս Խորենացւոյն, սովին վերնագրով՝ Յաղագս ընթացից արեգական և համարոյ չափուցն»[1]։

Այս վերջին Դ և ե ձեռագիրները, ինչպես և Լազարյան ճեմարանի № 125 ձեռագիրը, որ բաղդատության համար ստացել էինք էջմիածնից, կազմում են առանձին խումբ և նրանք չունեն կշիռների ու չափերի ընդարձակ բնագիր, այլ տալիս են միայն համառոտ տեղեկություններ թե ասպարիսական չափերի և թե կշիռների ու տարողության չափերի

[1] *Բացատրություն, էջ 21, ծան. 1։*

							1	0,04$^{13}/_{18}$ գր.
						1	2	0,09$^4/_9$ գր.
					1	$1^1/_2$	3	0,14$^1/_6$ գր.
				1	$1^1/_3$	2	4	0,18$^8/_9$ գր.
			1	$1^1/_3$	$5^1/_3$	8	16	0,75$^5/_9$ գր.
		1	$1^1/_2$	4	6	12	24	1,13$^3/_9$ գր.
	1	$1^1/_3$	2	6	$10^2/_3$	16	32	1,51$^1/_9$ գր.
1	$1^1/_2$	2	3	8	16	24	48	2,26$^2/_8$ գր.
$1^1/_2$	$2^1/_4$	3	$4^1/_2$	12	24	36	72	3,4 — գր.
2	3	4	6	18	32	48	96	4,53$^1/_3$ գր.
3	$4^1/_2$	6	9	24	48	72	144	6,8 — գր.
12	18	24	36	144	192	288	576	27,2 գր.
144	216	288	432	1728	2304	3456	6912	326,4 գր.
14400	21600	28800	33200	172800	230400	345600	691200	32կ. 640 գր.
18000	27000	36000	54000	216000	288000	432000	864000	40կ. 800 գր.
20000	30000	40000	60000	240000	320000	480000	960000	45կ. $333^1/_3$

մասին։ Հ. Ավգերյանի մոտ Շիրակացուն վերագրված տարողության չափերի ընդարձակ բնագրի հրատարակությունը կատարված է, ուրեմն, միայն Վենետիկի Ա ձեռագրից։

Բացի Ավգերյանի հրատարակած այս բնագրից մենք օգտվել ենք նաև էջմիածնի մատենադարանի № 596 և 2195 ձեռագիրներից։ Առաջին ձեռագիրն ունի նաև հետևյալ վերնագիրը՝ «Յաղագս չափուց. Անանիայի Շիրակունւոյ համարողի յաղագս չափոյ եւ չափուց եւ պատարաց», իսկ երկրորդ ձեռագրի վերնագրի մեջ Շիրակացու անունը չի հիշատակված։

Այս երկու ձեռագրերի համեմատությունը տպագրի հետ, դժբախտաբար, մեր սպասած արդյունքը չտվեց։ Չափերի բնագրի աղճատումները, որ տեղ-տեղ ակներև են, մնացին անփոփոխ։ Ուստի անհրաժեշտ է հետագայում գտնել ավելի ընտիր ձեռագրիներ և, ըստ կարելվույն, վերականգնել չափերի անաղարտ բնագիրը։

Շիրակացու չափերը քննելուց առաջ հարկավոր է նախապես տարողության հին չափերի մասին տալ մի քանի ընդհանուր բացատրություններ։

Դեկուրդեմանշի կարծիքով՝ հին չափական սիստեմներից և ոչ մեկում գոյություն չեն ունեցել տարողության չափեր այժմյան իմաստով[2]։ Նրա ասելով՝ հին ժամանակներում ամեն ինչ ծախում էին կշռով։ Հաճախակները, օրինակ, ծախում էին պարկով, որի մեջ լցնում էին

[2] *Տե՛ս* Traité pratique, *էջ 53—55։*

այնքան հացահատիկ, որքան որ հարկավոր էր կշռել։ Իսկ այն չափերը, որ մնացել էին հին ժամանակներից և պահվում են այժմ թանգարաններում, համապատասխանում են դարձյալ կշռական որոշ միավորների, սակայն նրանց ծավալը և տարողությունը որոշված են համաձայն տարբեր մթերքների թեթևության կամ ծանրության։ Պայմանական այդ հարաբերությունը ենթադրվել է ըստ Դեկուրդեմանշի ջրի կամ գինու կշռի համեմատությամբ՝ ցորենի համար 100 առ 80, ձիթայուղի համար 100 առ 90, մեղրի համար՝ 3 առ 2 ևն.[3]։

Օրինակ, հունական քսեստը՝ ջրով կամ գինով լցված՝ կշռում էր 408 գրամ և համապատասխան էր այժմյան 0,408 լիտրի, սակայն ձիթայուղի քսեստի տարողությունը պետք է լիներ 1/9-ով ավելի, այսինքն $0,408 \times 100/90 = 0,453^1/_3$ այժմյան լիտր։ Նույն 408 գրամ ջրակշռորդի համապատասխանող ցորենի ամանի ծավալը կլիներ ոչ թե 0,408 այժմյան լիտր, այլ մեկ քառորդով ավելի, այսինքն $0,408 \times 100/80 = 0,510$ այժ. լիտր., իսկ մեղրինը կիսով ավելի, այսինքն՝ $0,408 \times 3/2 = 0,612$ այժմյան լիտր։ Դեկուրդեմանշի ասելով, երբեմն չափերը որոշվում էին որոշ տարվա ցորենի կշռի համեմատ։ Եգիպտոսում, օրինակ, պրեֆեկտը կարգադրած է եղել, որ ցորենի այդ տարվա բերքը հավաքեն, հաշվելով նրա միջին ծավալը 103[4]։

Այդ նշանակում է, որ այդ տարվա ցորենի թեթևության պատճառով վերոհիշյալ հարաբերությունն ընդունվելու էր ոչ թե 100 առ 80, այլ 103 առ 80։

Այս ընդհանուր բացատրություններն անհրաժեշտ է ի նկատի ունենալ հասկանալու համար մեր այն լուսաբանությունները, որ վերաբերվում են Շիրակացու մատնանշած հին չափերին։

Շիրակացու մոտ հիմնական չափը, որով որոշված են մյուս չափերը, հին այն քսեստներից մեկն է, որոնց կշռորդները ցույց են տըրված նրա մոտ հռոմեական-բյուզանդական լիտրերով կամ ունկիներով։ Ուրեմն՝ այդ չափերի լուծման բանալին գտնելու համար հարկավոր է նախ որոշել, թե որը հին քսեստներից հիմք է ծառայել Շիրակացու չափական հաշիվների։ Այդ հաշիվների լուծման ամբողջ դժվարությունն էլ հենց այն է, որ Շիրակացու չափերի բնագրում քսեստների վերաբերյալ վկայությունները, ինչպես ներքև կտեսնենք, խիստ աղճատված են։ Սակայն, այնուամենայնիվ, նրա մյուս չափերի ուշադիր քննությամբ հաջողվում է պարզել, որ այդ հիմնական քսեստը հելլենական քսեստն է, որի կշռորդն էր 15 ունկի կամ 408 այժմյան գրամ։ Ընդունելով այս

[3] Traitè pratique, էջ 6։
[4] Նույնը, էջ 53 և 8։

քսեստը որպես հիմնական միավոր Շիրակացու հաշիվների, ինչպես կտեսնենք, մենք, իրոք, հնարավորություն ենք ստանում ապահով կերպով վերծանելու և լուծելու նրա մյուս չափերը։

Մեր ստացած եզրակացությունը Շիրակացու հիմնական այս քսեստի մասին խիստ կարևոր է գերմանական նոր ուղղության մետրոլոգների համար, որոնք վերաքննում են այժմ համեմատական մետրոլոգիաների համար, որոնք վերաքննում են այժմ համեմատական մետրոլոգիական հին պղրոցի պնդումները և սկզբունքային հիմնավորումները։ Նոր ուղղության գլխավոր ներկայացուցիչներից մեկը, Օսկար Վիդեբանտ՝ իր աշխատություններից մեկում[5] ենթադրում է, որ եգիպտական «հին»-ը, որի կշռորդը կամ ջրակշիռը 408 այժմյան գրամ էր, գործ է ածվել որպես քսեստ նախ Պտոլեմյանների ժամանակ և ապա հռոմեական տիրապետության շրջանում տարածվել է Արևելքում իբրև պաշտոնական հռոմեական քսեստ (xestês hromaikos)։ Հռոմեական այս քսեստին, վիդեբանտի կարծիքով, տարբեր է իտալական-հռոմեական ոտը, վիդեբանտի կարծիքով, տարբեր է իտալական-հռոմեական սեքստարիուսից կամ քսեստից (xestês italikos), որի ջրակշիռը հռոմեական 20 ունկի էր, այժմյան կշռով՝ 544 գրամ։ Արդ՝ Շիրակացու հիմնական քսեստը, ինչպես տեսնում ենք, հենց այդ հելլենիստական-հռոմեական քսեստն է, որը, ըստ երևույթին, չափական ամենատարածված միավորն է եղել ո՛չ միայն Եգիպտոսում, այլև Առաջավոր Ասիայի արևմտյան երկիրներում։ Ուշադրության արժանի է նաև այն, որ չափերի վերաբերյալ վերոհիշյալ ձեռագրերներում բացի հռոմեական պաշտոնական այս քսեստից հիշվում է առանձին նաև իտալական-հռոմեական մյուս քսեստը, որը, ինչպես կտեսնենք, նույնպես հիմք է ընդունվել չափական որոշ հաշիվների։

Շիրակացու գրվածքը, այս տեսակետից, ուշագրավ մի աղբյուր է համեմատական մետրոլոգիայի՝ հետաքրքիր ու կարևոր նաև մասնագետ մետրոլոգների համար։

Շիրակացու չափերի ընդարձակ բնագրի, ինչպես և վենետիկի Դ և Ե ձեռագրերի խմբի, վկայությունները, որ ներքև քննության են առնված, արտատպություն են Հ. Ավգերյանի հրատարակությունից (տե՛ս Բացատրություն, էջ 28—32 և 39)։ Սակայն Ավգերյանի բնագրի մեջ տեղ-տեղ ուղղված են աղավաղություններն էջմիածնի № 596 (= Կար. ցուց. 582) և № 2195 (= Կար. ցուց. 2152) ձեռագրերի բաղդատությամբ[6]։ Ծանոթությունների մեջ նշանակված են այդ ձեռագրերի տարբերությունները։

[5] O. Viedebantt, Forschungen zur Metrologie des Altertums, Leipzig, 1917, էջ 133—150։
[6] Ծանոթությունների մեջ № 596 ձեռագիրը ցույց է տրված A տառով, իսկ № 2195 ձեռագիրը՝ B տառով։

մեայն կարևոր ընթերցվածները։ Պարզ կերպով աղավաղված բառերը, ինչպես և քերականական ու ուղղագրական ընթերցվածները, ուշադրության չեն առնված։

ՔՍԵՍՏ (հուն. xestês, լատին. sextarius).

Շիրակացու վկայությունը՝

«Չափ առաջնորդ չափուց քսեստ և այսպէս ամենայն լեզուք անուանեն[7]. բայց ըստ աշխարհաց աշխարհաց այլ և այլ չափ է։ Ըստ Աղեքսանդրացւոց և Իտալացւոց և Պոնտացվոց 2 լտերաց կշռորդ է և կաստրէսիոն[8] 22 ունկեաց կշռորդ. իսկ ի Նիկոմիդիա 20 ունկեաց կշռորդ է։ Բայց ըստ հելլենականին քսեստն սակաւ ինչ պակաս է ի գ (3)լտերաց կշռորդէ»[9]։

Վենետիկի Դ և ե ձեռագիրներում, նաև Լազարյան ճեմարանի № 125 օրինակում՝

«Քսեստ ըստ ամենայն լեզուաց կոչի. բայց ըստ գաւառի գաւառի այլ և այլ չափ է։ Ըստ Աղեքսանդրացւոցն 2 լտերաց կշռորդ է. և ըստ Իտալացւոց և Կաստրացւոց 20 ունկեաց»։

Չափերի վերաբերյալ ձեռագիրների այս երկու խումբը, ինչպես տեսնում ենք, մի քանի կարևոր կետերում իրար չեն համապատասխանում։ Իտալացոց քսեստի կշռորդը Շիրակացու ընդարձակ բնագրում ցույց է տրված 2 լիտր, իսկ Դ և ե ձեռագիրների խմբում՝ 20 ունկի։ Նմանապես տարբեր են նաև նրանց վկայությունները «կաստրէսիոս»-ի կամ «Կաստրացւոց» քսեստի մասին։ Վերոհիշյալ քսեստները կարող են, ուրեմն, հատուկ քննության նաև ուրիշ աղբյուրների օգնությամբ։

1. Աղեքսանդրացոց քսեստի մասին կարևոր է Եպիփան Կիպրացու հետևյալ վկայությունը՝

«Քսեստ ըստ Աղեքսանդրացւոց ունի կշիռ երկուց լտերաց իւղոյ»[10]։

Այս վկայությունը համապատասխանում է թե՛ Շիրակացու չափերի ընդարձակ բնագրի և թե՛ ձեռագիրների մյուս խմբի վկայության։ Ուստի Աղեքսանդրացոց քսեստի կշռորդը կարող ենք ընդունել 2 հռոմեական լիտր՝ $326,4 \times 2 = 652,8$ գր.։ Եպիփանի վկայությունից երևում է, որ Աղեքսանդրացոց քսեստն ուներ «կշիռ երկուց լտերաց իւղոյ»։ Ուրեմն՝ այդ քսեստն իր տարողությամբ հավասար կլինի $0,6528 \times {}^{100}/_{90} = 0,725^{1}/_{5}$ այժմյան լիտրի։

[7] A (№ 596) և B (№ 2195) ունեն՝ «և կոչի յամենայն լեզուաց քսեստ անուն»։

[8] Ավգերյանի բնագրում՝ «ըստ Կաստրացւոց», որ իր ուղղումն է։

[9] Ավգերյանի բնագրում՝ «ի Դ լտերաց կշռորդէ», A «չերեք լտերաց կշռորդաց», B «չԳ լտերաց կշռորդաց»։

[10] Բացատրություն, էջ 15։

2. Պոնտացոց քսեստը հիշվում է անուղղակի կերպով նույնպես Եպիփան Կիպրացու մոտ՝ հետևյալ հատվածում.

«Մարիս չափ է առ Պոնտացիս՝ երկու հիդրիա, իսկ հիդրիա է 10 քսեստ առ նոսա, մինչև լինել կիւպրոսի [Ավգերյանն առաջարկում է ուղղել՝ մարիսի] քսան քսեստ ըստ Աղեքսանդրացւոց»[11]։

Այս վկայության մեջ ևս, ինչպես և Շիրակացու չափերի ընդարձակ բնագրում, ինչպես տեսնում ենք, հիշվում է, որ Պոնտացոց չափերի հիմք ծառայող քսեստը համապատասխան է եղել Աղեքսանդրացոց քսեստին։ Ուրեմն՝ Շիրակացու վկայությունը կարելի է համարել հավանական և Պոնտացոց այդ քսեստի կշռորդը ենթադրել դարձյալ 2 հռոմեական լիտր, այսինքն՝ 652,8 գրամ։

3. Իտալացոց քսեստի մասին ձեռագիրների վերոհիշյալ երկու խումբը տալիս են հակասական տեղեկություններ։ Մինչդեռ Շիրակացու ընդարձակ բնագրում իտալական քսեստը համապատասխան է համարվում Աղեքսանդրացոց և Պոնտացոց քսեստին և նրա կշռորդը ցույց է տրված 2 լիտր, Վենետիկի Դ և ե օրինակներում, ինչպես և Լազարյան ճեմարանի № 125 ձեռագրում, նույն քսեստի կշռորդը հավասար է ընդունվում 20 ունկի։ Ուղիղ է, անշուշտ, երկրորդ վկայությունը։ Իտալական-հռոմեական սեքստարիուսը կամ քսեստը, ինչպես հայտնի է, գլխավորապես, գինու չափ էր և նրա կշռորդը, իրոք, 20 ունկի էր՝ $27,2 \times 20 = 544$ այժմյան գրամ։ Որովհետև այդ քսեստը, գլխավորապես, գինու չափ էր, ուստի նրա տարողությունն այժմյան չափով հավասար կլինի 0,544 լիտրի։

4. «Կաստրէսիոս» քսեստը ձեռագիրների Դ և ե խմբում հիշվում է իբրև «Կաստրացւոց» քսեստ։ Հիմնվելով, ըստ երևույթին, այս վերջին վկայության՝ Շիրակացու չափերի ընդարձակ բնագրում «կաստրէսիոս» ընթերցվածը Հ. Ավգերյանը համարել է աղճատում և ուղղել է «ըստ Կաստրացւոց»։ Այդ ուղղումն ընդունելի չէ։ «Կաստրէսիոս»-ը համապատասխանում է հունարեն „kastrêsios“ քսեստին (լատին. castrensis, բանակային), ուստի ընդարձակ բնագրի ընթերցվածը միանգամայն ուղիղ է։

«Կաստրէսիոս» քսեստը շատ քիչ է ծանոթ և նրա կշռորդը դժվար է ճշտիվ որոշել, որովհետև նրա մասին վկայությունները հակասական են։ Վենետիկի Դ և ե օրինակների և Լազարյան ճեմարանի № 125 ձեռագրի համաձայն այդ քսեստի կշռորդը հավասար է եղել 20 ունկիի,

[11] Նույնը, էջ 19։

այսինքն՝ այժմյան 544 գր.: Ասորական մի վկայության համաձայն[12] նա համապատասխան է եղել Աղեքսանդրացոց քսեստին, որի կշռորդը, ինչպես տեսանք, 652,8 այժմյան գրամ էր: Իսկ Շիրակացու չափերի ընդարձակ բնագրում նրա կշռորդը հավասար է համարվում 22 ունկիի, այսինքն՝ 27,2×22=598,4 գր.: Ուրեմն «կաստրէսիոս» քսեստի կշռորդի համար ունենք երեք հակասական թվեր՝ 1. 20 ունկի=544 գր., 2. 2 լիտր=652,8 գր. և 3. 22 ունկի=598,4 գր.:

5. Նիկոմեդիայի քսեստը հիշվում է միայն Շիրակացու չափերի ընդարձակ բնագրում և նրա կշռորդը հավասար է համարվում իտալական քսեստի կշռորդին՝ 20 ունկի կամ այժմյան կշռով 544 գրամ:

6. Հելլենական քսեստը, որ հիմք է կազմում Շիրակացու չափական հաշիվների, հիշվում է դարձյալ միայն ընդարձակ բնագրում: Այդ քսեստի կշռորդի վերաբերյալ վկայությունը, իմ կարծիքով, խիստ աղճատված է: Վենետիկի Ա ձեռագրի համաձայն՝ «ըստ հելլենականին քսեստն սակաւ ինչ պակաս է ի դ լտերաց կշռորդէ», իսկ էջմիածնի № 596 և № 2195 ձեռագիրների վկայությամբ՝ «ըստ հելլենականին քսեստն սակաւ ինչ պակաս է յգ [A. յերեք] լտերաց կշռորդաց»: Ձեռագիրների այս վկայությունները աղճատված պիտի լինեն հենց այն պարզ պատճառով, որ այս մեծության հելլենական կամ այլ քսեստ բնավ գոյություն չի ունեցել: Հելլենական կամ հունական քսեստի կշռորդը, ինչպես հայտնի է, եղել է 408 գրամ[13]: Հենց այս քսեստը, որին համապատասխանում էին հին եգիպտական hin-ը և պտոլեմյանների սեքստարիուսը կամ քսեստը, ինչպես վերև ասվեց, տարածված էր Արևելքում հռոմեական տիրապետության ժամանակ իբրև հռոմեական պաշտոնական քսեստ (xestês hromaikos):

Իմ կարծիքով, ավելի քան հավանական է, որ Շիրակացին որպես հելլենական քսեստ ի նկատի ունի նույն այս հելլենական-հռոմեական քսեստը: Այդ պարզ երևում է հենց նրա չափական հաշիվներից, որոնք դյուրությամբ լուսաբանվում են և լուծվում, երբ քսեստի կշռորդը մենք ենթադրում ենք 408 գրամ, որ հավասար է 1 և ¼ հռոմեական լիտրի: Ինձ թվում է, որ աղճատումը վերոհիշյալ ձեռագիրներում կարող էր առաջ եկած լինել կոտորակային այս թվի պատճառով: Շիրակացու նախնական բնագրում կարող էր եղած լինել «մէկ և չորեակ» կամ «ա և դ (կոտորակային նշանով)», որ հետագայում կոտորակային թվի անհասկանալի լինելու պատճառով կարող էր հեշտությամբ աղճատվել և դառնալ «ի դ լտերաց կշռորդէ» կամ «յգ լտերաց կշռորդաց»:

Ամփոփելով Շիրակացու քսեստների վերաբերյալ մեր դիտողությունները՝ ստանում ենք նրանց կշռորդների մասին հետևյալ եզրակացությունները.

1. Աղեքսանդրացոց և Պոնտացոց քսեստների կշռորդը=2 հռոմեական լիտր=652,8 այժմյան գրամ, իսկ որպես ձիթայուղի չափ՝ նրանց տարողությունը=0,725⅓ այժմյան լիտր.

2. Իտալական և Նիկոմեդիայի քսեստների կշռորդը=544 այժմյան գրամ, իսկ որպես գինու չափ՝ նրանց տարողությունը=0,544 այժմյան լիտր.

3. «Կաստրէսիոս» քսեստի կշռորդը մնում է անորոշ, որովհետև նրա մասին վկայությունները հակասական են՝ ա. 20 ունկի=544 գր., բ. 2 լիտր=652,8 գրամ և գ. 22 ունկի=598,4 գրամ:

4. Հելլենական կամ հելլենիստական-հռոմեական քսեստի կշռորդը=1¼ լիտր կամ 15 ունկի=408 գրամ, իսկ որպես ձիթայուղի չափ՝ նրա տարողությունը=0,408×100/90=0,453⅓ այժմյան լիտր:

«ԿՈՏԻՂ» (հուն. kotylê).

Շիրակացու վկայությունը՝

«Կոտիւղ կոչի քսեստին կէսն»[14]:

Նպիփան Կիպրացու մոտ (Բացատրություն, էջ 14)՝

«Կոտիւղ է չափ. և է կէս քսեստ. և կոչեցաւ կոտիւղ վասն ընդ երկուս ղքսեստն բաժանելոյ»:

Ընդունելով Շիրակացու հելլենական քսեստի կշռորդը 408 գրամ, «կոտիւղ»-ի կշռորդը հավասար կլինի՝ 408:2=204 գր.: Եվ իրոք՝ այս «կոտիւղ»-ը համապատասխանում է հինգ եգիպտական hin-ի և բերայական log-ի ½-ին և ատտիկական ու հելլենիստական-հռոմեական «կոտիւղ»-ին[15]:

Իբրև ձիթայուղի չափ՝ նրա տարողությունը հավասար կլինի՝ 0,204×100/90=0,226⅔ այժմյան լիտրի:

---

12 Տե՛ս Dictionnaire des antiquites grecgues et romaines (sextarius). Նաև P. de Lagarde. Symmicta II, էջ 193:

13 Տե՛ս Decourdemanche, Traitè pratique, էջ 93 և Viedebantt, Forschungen zur Metrologie des Altertums, էջ 56—66:

14 Այսպես ունի Վենետիկի Ա ձեռագիրը, իսկ էջմիածնի A և B ձեռագիրներն ունեն՝ «կոտիւղ կոչի կիսոյ քսեստի, վս. ը. ս. բաժանելոյ»:

15 Տե՛ս Viedebantt, Forschungen zur Metrologie des Altertums, էջ 60, 129 հն. Նաև Decourdemanche Traitè pratique, էջ 98, 100:

ՏՐԻՎՂԻՈՆ (հուն. tryblion) և ՊԱՐԱՊՍԻԴՈՍ (հուն. paropsis, սեռակ. հոլ. paropsidos).

Շիրակացու վկայությունը՝

«Տրիւղիոն[16] սկաւառակ է բոլորակ և խոր. նոյն[17] և պարապսիդոս[18] կոչի, և ունի կէս քսեստի»։

Եպիփան Կիպրացու մոտ (Բացատրություն, էջ 14)՝

«Տրիւբղիոն անօթ է խոր և լայն, որպէս պարոփսիս. և ունի զչափ կէս քսեստի»։

Ըստ Վիդեբանտի ատտիկական «կոտիւղ»-ն անվանվել է նաև tryblion, ուստի նրա կշռորդը հավասար է վերոհիշյալ «կոտիւղ»-ի կշռորդին։

ԲԻՍԻՆ (հուն. bission, bissin).

Շիրակացու վկայությունը՝

«Բիսին բոլոր ապակեղէն ունի կէս լտեր և կոչի ըստ հայումս շիշ»[19]։

Վենետիկի Դ և ե օրինակներում և Լազարյան ճեմարանի № 125 ձեռագրում՝

«Շիշ իւղոյն որ յԱւետարանին՝ բեսին է, բոլոր ապակաղէն. ունէր կէս լիտր»[20]։

Եպիփան Կիպրացու մոտ (Բացատրություն, էջ 14)՝

«Աղաբաստր իւղոյ. է բեկիսն ապակեղէն, որ տանի լիտր մի իւղ. և է չափ կէս քսեստի։ Եւ կոչեցաւ աղաբաստր վասն դիւրաբեկութեանն»։

Բիսինը, ինչպես հայտնի է, անոթ էր, որ գործածվում էր Աղեքսանդրիայում, իսկ աղաբաստրը (հուն. alabastron) հիշվում է Ավետարանում և հայերենում թարգմանված է շիշ՝ տե՛ս Մատթ. ԻՋ, 7. Մարկ. ԺԴ, 3 և Ղուկ. է, 37։

Եպիփան Կիպրացու համաձայն՝ աղաբաստրը պարունակում էր իր մեջ մեկ լիտր յուղ և որպես չափ հավասար էր կես քսեստի։

Պարզ է ուրեմն, որ քսեստն այստեղ Աղեքսանդրիայի քսեստն է, որի կշռորդը հավասար էր 2 լիտրի, իսկ աղաբաստրի կշռորդը կլինի՝ 1 լիտր կամ 326,4 այժմյան գրամ։ Իբրև յուղի չափ՝ աղաբաստրի տարողությունը հավասար կլինի՝ $0,3264\times100/90=0,362^2/_3$ այժմյան լիտրի։

Շիրակացու մոտ բիսինի կշռորդը ցույց է տրված կես լիտր, որ չի համապատասխանում Ավետարանի (տե՛ս Հովհ. ԺԲ, 3) և Եպիփան Կիպրացու վկայություններին։ Եթե Շիրակացու վկայությունը չհամաբերենք աղճատված կամ անհավասար և ընդունենք, որ բիսին-շիշը պարունակում էր իր մեջ կես լիտր յուղ՝ նրա կշռորդը հավասար կլինի 163,2 գր., իսկ տարողությունը՝ $0,1632\times100/90=0,181^1/_3$ այժմյան լիտրի։

ՊԵՄԵՆԻԱ (hemina?) և ՊԵԴԵԻՍ կամ «ՊԵՂԻՍ» (pelvis կամ *pedelvis ?).

Շիրակացու վկայությունը (տե՛ս էջմիածնի № 596 ձեռագ., էջ 203ա)՝

«Պեմենիա[21] ապակի է[22] պարզ. զ մասն քսեստի... Պեդես[23] կրկին ապակի[24] է և ունի նոյն չափ զ մասն քսեստի»։

Այս չափերին համապատասխանող օտար անունները դեռևս գտնված չեն։

Եթե վավերական համարվի Շիրակացու վկայությունը՝ սրանց կշռորդը հավասար կարող է լինել՝ 408 : 6 = 68 գրամի։

ԿԱՄՓՍԱԿ (հուն. kampsakés, լատ. capsaces).

Շիրակացու վկայությունը՝

«Չափ 4 քսեստաց կոչի կամփսակ[25], որ հայք սրուակ ասեն»։

Վենետիկի Դ և ե օրինակներում և Լազարյան ճեմարանի № 125 ձեռագրում (Բացատրություն, էջ 39)՝

«Կափսակ այրւոյն՝ զոր հայն սրուակ ասէ, 4 քսեստաց չափ, որպէս սափորն մանանայինն»։

Եպիփան Կիպրացու վկայությունը (Բացատր., էջ 14)՝

«Կամփսակ ջրոյ. է չափ 12 քսեստաց ջրոյ։ Իսկ կամփսակն պատրաստեալ վասն եղիայի՝ էր չորս քսեստ»։

Վերոհիշյալ ձեռագրներում կամփսակի չափը, ինչպես տեսնում

---

[16] Ա տրիվղոն, A. տրիւիլով, B. տրիւղիոն։

[17] AB նպ.։

[18] B պարափսիդոս։

[19] Այսպես ունեն A և B, իսկ Ավգերյանի բնագիրն ունի «բեսին է բոլորակ ապակեղէն. ունի կէս լիտր և կոչի ըստ հայոց շիշ»։

[20] Բացատրություն, էջ 39 և 60։

[21] Ա պիմէնիայ, B պեմենիայ։

[22] Ա ապակեղէն փխ. ապակի է։

[23] Ա պեղիէս կամ պեդիէս, B պեդէիս։

[24] B կրկինապատիկ փխ. կրկին ապակի։

[25] A և B կամփսակ, Տպ. (Ավգ.) կապսակ։

ենք, որոշված է համաձայն Եպիփան Կիպրացու վկայության: Ուրեմն՝ ի նկատի է առնված Հին Կտակարանում հիշատակված կամիսակը (Գ. Թագ. ԺԷ, 12.14.16), որը յուղի ման էր:

Այդ ման-ի չափը բոլոր վկայություններում ցույց է տրված 4 քսեստ, սակայն դժվար է որոշել, թե արդյոք այս քսեստը Աղեքսանդրացոց քսեստն է, թե եբրայական log-ը, որը համապատասխանում էր հելլենիստական-հռոմեական քսեստին:

Եթե քսեստը հավասար ընդունենք Աղեքսանդրացոց քսեստին՝ կամ փոսակի կշռորդը կլինի՝ $652,8 \times 4 = 2$ կիլոգր. 611,2 գրամ, իսկ որպես յուղի չափ՝ նրա տարողությունը կլինի՝ $2,6112 \times 100/90 = 2,901\frac{1}{3}$ այժմյան լիտր: Բայց եթե նույն քսեստը ենթադրենք հավասար եբրայական log-ին և հելլենիստական-հռոմեական քսեստին՝ կամիսակի կշռորդը կլինի՝ $408 \times 4 = 1$ կիլոգր. 632 գրամ, իսկ տարողությունը՝ $1,632 \times 100/90 = 1,81\frac{1}{3}$ այժմյան լիտր:

ԽՈՒԶԱ (հուն. khouza կամ khous).

Շիրակացու վկայությունը՝

«Չափ 6 քսեստի ըստ Եբրայեցւոցն կոչի քուզայ. որ է ԺԲ մասն արդուի»:

Եպիփան Կիպրացու մոտ (Բացատրություն, էջ 15)՝

«Քուս է 8 քսեստ. իսկ որ կոչին սրբութեան՝ 6 քսեստ, որ է երկոտասաներորդ մասն մետրետեսի»:

Շիրակացու աղբյուրն այստեղ ևս, ինչպես տեսնում ենք, Եպիփան Կիպրացու համապատասխան վկայությունն է:

Վերոհիշյալ վկայություններում մատնանշված քուզան, արդուն և մետրետեսը հայտնի չափեր են և ճշտիվ որոշվում են: Շիրակացու արդուի և Եպիփանի մետրետեսի կշռորդը հավասար էր, ինչպես ներքև կտեսնենք, 29 կիլոգր. 376 գր., ուստի քուզայի կշռորդը կլինի՝ $29,376 : 12 = 2$ կիլոգր. 448 գրամ: Քուզան ցույց է տրված միաժամանակ 6 քսեստի հավասար: Պարզ է ուրեմն, որ քսեստն այստեղ եբրայական log-ն է կամ հելլենիստական-հռոմեական քսեստը, որի կշռորդը 408 գրամ էր: Այս երկրորդ հաշվով ևս քուզայի կշռորդը դարձյալ հավասար կլինի՝ $408 \times 6 = 2$ կիլոգր. 448 գր.:

Արդ՝ որովհետև քուզան գործ է ածվել, գլխավորապես, իբրև ձիթայուղի չափ՝ նրա տարողությունը պետք է ենթադրել՝ $2,448 \times 100/90 = 2,72$ այժմյան լիտր:

ԿԱԲՈՍ (հուն. kabos).

Շիրակացու վկայությունը՝

«Չափ 11 քսեստի կոչի կաբոս, որ է կէս մոդոյ»: Վենետիկի Դ և Ե օրինակներում և Լազարյան Ճեմարանի № 125 ձեռագրում բացատրություն, էջ 39՝ «Կաբոս կէս մոդոյ»:

Եպիփան Կիպրացու վկայությունը (Բացատր., էջ 12)՝

«Կամոս (ուղղել՝ կաբոս) ելանէ ի նոյն եբրայական բարբառոյ. և է չափ Հաւասար չորրորդ մասին մոդոյ»:

Եպիփան Կիպրացու ընդարձակ բնագրում, որ հրատարակել է Դըլագարդը (Symmikta II, էջ 186), կաբոսի մասին կա նաև մի ուրիշ կարևոր տեղեկություն՝

«Կաբոսը .... երբեմն մոդի 1/4-ն է, երբեմն 1/5 և երբեմն 1/6-ը»[26]:

Վիդեբանտի ենթադրությամբ, եբրայեցիների մոտ գործ են ածվել երեք տարբեր մոդ: Փոքր մոդը հավասար է եղել 4 կաբոսի և 16 լոգի, միջին մոդը, որ անվանվել է նաև սատոն՝ 5 կաբոսի և 20 լոգի, իսկ մեծ մոդը, որ նույնպես անվանվել է սատոն՝ 6 կաբոսի և 24 լոգի[27]: Այս բացատրությունից երևում է, որ եբրայական կաբոսի կշռորդը եղել է ըստ Եպիփան Կիպրացու 4 լոգ կամ հելլենիստական-հռոմեական քսեստ, այսինքն՝ $408 \times 4 = 1.632$ կիլոգրամ: Հավանական է նաև, որ Եպիփան Կիպրացին՝ ընդունելով իր առաջին վկայության մեջ կաբոսը հավասար «չորրորդ մասին մոդոյ», ի նկատի ունի փոքր մոդը:

Եբրայական կաբոսը որպես մոդի չորրորդ մաս, հավանորեն, ցորենի և չորեղենի չափ էր: Նրա տարողության ճշտումը, ինչպես երևում է մետրոլոգիական նորագույն աշխատություններից, դեռևս վիճելի մի խնդիր է:

Դեկուրդեմանշը, ինչպես վերև ասվեց, ենթադրում է, որ ցորենի չափերը որոշվում են կշռորդների կամ ջրակշիռների համեմատ և հավմանաձայն վերոհիշյալ պայմանական հարաբերության (100 առ 80): Օրինակ, եբրայական լոգի կշռորդն էր 408 գրամ, հետևաբար՝ այս կշռորդի համեմատ ցորենի ծավալը կամ համապատասխան ցորենաչափի տարողությունը կլինի՝ $0,408 \times 100/80 = 0,51$ այժմյան լիտր[28]: Իսկ Վիդեբանտի կարծիքով, ջրակշռի համեմատ որոշվել է նախ պայմանական բանաի կարծիքով, ջրակշռի համեմատ որոշվել է նախ պայմանական հարաբերությամբ (100 առ 90) եբրայական լոգը կամ հելլենիստական-

[26] Տե՛ս O. Viedebantt, Forschungen zur Metrologie des Altertums, էջ 131:
[27] Նույնը, էջ 132:
[28] Տե՛ս Traitè pratique, էջ 100:

հռոմեական քսեստը, իբրև ձիթայուղի չափ, իսկ ապա նույն այդ չափը դործ է ածվել նաև իբրև ցամաքեղենի չափ։ Այս հաշվով՝ եբրայական լոգը կամ հելլենիստական-հռոմեական քսեստը, թե իբրև ձիթայուղի և թե իբրև ցամաքեղենի չափ, իր տարողությամբ հավասար կլինի՝ $0,408 \times 100/90 = 0,453^1/_2$ այժմյան լիտրի[29]։

Ի նկատի ունենալով այս անհաշտելի տարաձայնությունը՝ ներքև մենք ցորենի և ցամաքեղենի չափերի տարողությունը տալիս ենք համապատասխան թե Դեկուրդեմանշի ցորենաչափերի և թե Վիդեբանտի չորեղենաչափերի։

Եպիփան Կիպրացու մատնանշած եբրայական կաբոսի տարողությունը որոշվում է ուրեմն՝

1. համաձայն Դեկուրդեմանշի ցորենաչափերի՝ $1,632 \times 100/80 = 2,04$ այժմյան լիտր։

2. համաձայն Վիդեբանտի չորեղենաչափերի՝ $1,632 \times 100/90 = 1,81^1/_3$ այժմ. լիտր։

Անանիա Շիրակացու մոտ կաբոսը, ինչպես տեսանք, համարվում է «չափ 11 քսեստի... որ է կէս մոդոյ»։

Ուղիղը, անշուշտ, ոչ թե այս, այլ Եպիփանի վկայությունն է։ Ինձ թվում է, որ Շիրակացին կաբոսը շփոթել է կադոսի հետ, որը իրապես կեսն էր, բայց ոչ մոդի, այլ մեարեւեսի։

Կաբոսի վերաբերյալ Շիրակացու այս նոր տեղեկությունը կարող է դեռ առանձին քննության։

Ավելորդ չի լինի նաև մատնանշել, որ այս կաբոսը պետք է զանազանել կապիճից, որը տարբեր չափ է և չի հիշատակված Շիրակացու մոտ։ Հ. Ավգերյանն իր բացատրության մեջ[30], ինչպես և Ք. Պատկանյանը Շիրակացու չափերի իր հրատարակած բնագրում[31], այս կաբոսը համապատասխան են համարել կապիճին, որ միանգամայն անհավանական է և անընդունելի։

ԵՒԻՄԱ (?)

Շիրակացու վկայությունը՝

«Չափ 11 քսեստի կոչի եւիմա[32] ըստ Թեբայեցւոց լեզուի. և է նոյն չափ կէս մոդոյ»։

Եպիփան Կիպրացու համապատասխան հատվածը՝

«Ապորիմայ չափ է միայն առ Թեբայեցիս և է կէս սայիտ։ Իսկ սայիտն ճշմարիտ է 22 քսեստ»[33]։

Շիրակացու մոտ այս չափի անունը կարող է աղճատված լինել։ Հ. Ավգերյանը ենթադրում է, որ «եւիմա»-ն պետք է ուղղել համաձայն Եպիփանի բնագրի «ապորիմայ»։ Սակայն այս ուղղումը բավական բռնազբոսիկ է և վիճելի։ Հունարենում մոդի կեսն անվանվել է hemiekton, որ նույնպես չէր կարող հայերենում դառնալ «եւիմա»։ Ինչպես տեսնում ենք, «եւիմա» անվան աղճատված լինելը վերջնական կերպով դեռ չէ ապացուցվում, ուստի պետք է այդ ընթերցվածը պահել առժամանակ անփոփոխ։

Ըստ Շիրակացու և Եպիփանի «եւիմա»-ն կամ «ապորիմա»-ն կես մոդի կամ սայիտի չափ էր։ Ներքև մենք կտեսնենք, որ այս մոդի կամ սայիտի կշռորդը կարելի է ենթադրել 9 կիլոգր. 792 գր., ուստի «եւիմա»-ի կշռորդը կլինի՝ 4 կիլոգր. 896 գր.։ Այդ չափը, հավանորեն, հացի և չորեղենի չափ էր։ Ուրեմն նրա տարողությունը վերոհիշյալ բացատրությունների համաձայն կարող ենք ենթադրել՝

1. համաձայն Դեկուրդեմանշի հացաչափերի՝ $4,896 \times 100/80 = 6,12$ այժմ. լիտր (volume en blé), իսկ

2. համաձայն Վիդեբանտի չորեղենաչափերի՝ $4,896 \times 100/90 = 5,44$ այժմ. լիտր։

Մոդի մասին խոսելիս՝ մենք կբացատրենք, թե ինչու «եւիմա»-ն համարվում է Շիրակացու մոտ «չափ 11 քսեստի»։

ՄՈԴ (հուն. modios, լատ. modius).

Շիրակացու վկայությունը՝

«Չափ իբ քսեստաց լինի մոդ մի. որ կոչի խոստովանութեամբ ըստ իբ պկաւորաց, և ըստ իբ գրոց կտակարանաց, և ըստ իբ գրոց այբուբենից եբրայեցւոց. զոր կոչեն չափ սրբութեան»։

Եպիփան Կիպրացու մոտ (Բացատրություն, էջ 4)՝

«Սատոս կոչի ի նոյն եբրայական լեզուէ առեալ. և է իգական առնսա, իսկ ի հելլենականն չեզոք. քանզի սատոն ասի և ոչ սատոս։ Եւ է մոդ գերագեղուն, զի լինու զմոդ և առաւելու քան զնա քառորդիւ։ Իսկ սատա ըստ նոյն եբրայական բարբառոյ նշանակէ առումն կամ բարձումն. իբր զի՝ որ չափէն, սովոր է առնուլ կամ բառնալ զչափ ինչ։

Իսկ անունս մոդ՝ բաղում ճշդութեամբ եբրայեցւոց անտի գտանի չափ քսանևերկու քսեստաց. ոչ վայրապար և կամ անխորհուրդ, այլ չափ քսանևերկու քսեստաց բաղում ճշդությամբ եկն»։

29 Տե՛ս Viedebantt, Forschungen zur Metrologie des Altertums, էջ 123—151։

30 Բացատրություն, էջ 30, 97 և 108։

31 «Անանիայի Շիրակունւոյ, Մնացորդք բանից», էջ 31։

32 Ա եւիմայ, AB եւիմա, Ավգերյանն ուղղել է «ապորիմայ» համաձայն Եպիփանի բնագրի։

33 Բացատրություն, էջ 15։

Դարձյալ Եպիփան Կիպրացու մոտ (Բացատրութ., էջ 11)՝

«Վասն այսորիկ և եբրայեցիք կոչեն զնա չափ սրբութեան. որ է իբ քսեստ ըստ յառաջագոյն ասացելոցս: Քանզի բազումք յայլոց ազգաց՝ կամ յաւելին և կամ բարձին ի չափոյ աստի. իսկ եբրայեցիք ճշդութեամբ պահեցին զիիւ նորա: Այն զի և առ Հռովմայեցիս նոյնօրինակ չափ մոդ կոչի եւն»:

Եբրայական այս չափերի վրա, որոնք Եպիփանի մոտ անվանվում են մոդ, սատոն և սրբության մոդ, անհրաժեշտ է մի փոքր երկար կանգ առնել, որովհետև այդ չափերը սխալ են լուսաբանված ինչպես Լեման-Հաուպտի և Վիդեբանտի, նույնպես և Դենկուրդևանշի աշխատություններում:

Կաբոսի վերաբերյալ մեր բացատրության մեջ վերև մենք տեսանք, որ եբրայեցիները ունեցել են, ինչպես վկայում է Եպիփանը, երեք տարբեր մոդ: Փոքր մոդի տարողությունը ստացվում է ըստ Եպիփանի 16 լոգ կամ քսեստ, միջին մոդի, որ անվանվել է նաև սատոն, 20 լոգ կամ քսեստ, և մեծ մոդի, որ անվանվել է նույնպես սատոն, 24 լոգ կամ քսեստ: Այժմյան լիտրերով. այս մոդերի տարողությունը ցույց է տրված Վիդեբանտի մոտ՝ 7,248 լիտր, 9,06 լիտր և 10,872 լիտր:

Եպիփանն իր առաջին վկայության սկզբում բացատրում է, որ սատոնը «է մոդ գերազեղուն, զի լնու զմոդ և առաւելուկ քան զնա քառորդիս»: Լեման-Հաուպտի կարծիքով՝ այս մոդը եբրայական մեծ մոդն է՝ հավասար 22 քսեստի. ուստի սատոնը նա ենթադրում է հավասար $27^1/_2$ քսեստի ($22 \times 5/4 = 27^1/_2$)[34]: Այս լուսաբանությամբ, ինչպես տեսնում ենք, վերոհիշյալ երեք մոդին ավելանում է նաև չորրորդը: Վերև մենք հիշեցինք, որ եբրայեցիների մոտ գոյություն են ունեցել երկու մոդ-սատոն՝ փոքր=20 քսեստի և մեծ=24 քսեստի: Փոքր մոդի հանդեպ սրանց հարաբերությունն էր 5:4 և 6:4: Որովհետև Եպիփանի վկայության մեջ սատոնը կամ «գերազեղուն մոդ»-ը հավասար էր 5/4 մոդի՝ միանգամայն պարզ է, որ մոդն այստեղ եբրայական փոքր մոդն է (=16 քս.), իսկ սատոնը՝ միջին մոդը (=20 քս.), որոնց հարաբերությունը ստացվում է ճիշտ և ճիշտ՝ 20:16=5:4:

Վիդեբանտը, որ քննության է ենթարկել Լեման-Հաուպտի վերոհիշյալ ենթադրությունը, ոչ միայն չի նկատել նրա հիմնական սխալը, այլ և ինքն իր հերթին սխալ է լուսաբանել Եպիփան Կիպրացու ասորական ընդարձակ բնագրի այն կարևոր վկայությունը, որ վերաբերվում է եբրայական մեծ սատոնին: Ասորական բնագրում ասված է, որ ընդլայնած մոդում հավելումը կես մոդ է[35]:

[34] Տե՛ս Viedebantt, Forschungen, էջ 128, նաև Klio XIV, էջ 351:

[35] Տե՛ս Viedebantt, Forschungen, էջ 131:

Նման տեղեկություններ այս սատոն-մոդի մասին տալիս են նաև Սևիլլացին և Եվսեբիոսը[36]: Ըստ Իսիդորի՝ «սատոնը չափի տեսակ է, որը գործածվել է Պաղեստինում՝ տարողությամբ 1 1/2 մոդ»: Իսկ Եվսեբիոսի վկայությամբ՝ սատոնը մեկ և կես մոդ է, հավասար 24 քսեստի: Այս տեղեկություններն ամենևին չեն հակասում Եպիփանի հունարեն բնագրի վկայության, այլ վերաբերվում են, անշուշտ, եբրայական մեծ սատոնին (=24 քս.):

Վիդեբանտը, մեկնելով Եպիփանի մոտ հիշված 22 քսեստ պարունակող մոդը՝ ենթադրում է, որ այդ մոդը համապատասխան կարող է լինել փոքր սատոն-մոդին (=9,06 լիտ.): Իսկ իրոք այդ մոդը, որ Եպիփանի ու Շիրակացու մոտ անվանված է սրբության մոդ, հենց այն մեծ սատոնն է, որ հիշատակված է ասորական ընդարձակ բնագրում և Իսիդորի ու Եւսեբիոսի վկայություններում: Վիդեբանտի սխալն առաջ է եկել հունարեն բնագրի սխալ ըմբռնումից: Մեր նոր լուսաբանությամբ՝ Եպիփանը վերոհիշյալ իր վկայության մեջ հիշել է նախ եբրայական փոքր մոդը (=16 քս.), հետո՝ փոքր սատոնը կամ միջին մոդը (=20 քս.=փոքր մոդի 5/4-ին), իսկ վերջում՝ սրբության մոդը կամ մեծ սատոնը (=24 քս.=փոքր մոդի 6/4-ին): Որ սրբության մոդը և մեծ սատոնը միևնույն չափերն են՝ այդ պարզ երևում է Շիրակացու վկայությունից արդուի մասին, որը հավասար էր 3 սրբության մոդի: Որովհետև այդ արդուի տարողությունը, ինչպես ներքև կտեսնենք, 72 քսեստ էր, ըստ Վիդեբանտի չորեղենաչափերի մոտ 32,60 այժ. լիտ., ուրեմն՝ շատ պարզ է, որ սրբության մոդը համապատասխան կլինի եբրայական մեծ սատոնին և նրա տարողությունը հավասար կլինի 24 քսեստի կամ ըստ Վիդեբանտի հաշվի՝ 10,872 այժ. լիտրի:

Եպիփանի, ինչպես և մյուս աղբյուրների, վկայությունները, ինչպես տեսնում ենք, պարզ են ու որոշ, սակայն սխալ են հասկացված վերոհիշյալ աշխատություններում:

Եպիփանի վկայությունների մեջ միակ վիճելի կետը, որ կարոտ է հատուկ լուսաբանության, նրա այն տեղեկությունն է, որ իբր սրբության մոդը հավասար է եղել 22 քսեստի: Վիդեբանտը ենթադրում է, որ այս քսեստը տարբեր է եբրայական լոգից և հելլենիստական-հռոմեական քսեստից: Որովհետև նա սրբության մոդը համապատասխան է ընդունում եբրայական փոքր սատոնին (=9,06 այժմ. լիտր), ուստի այդ քսեստը նա ենթադրում է հավասար՝ 9,06:22=0,4118 այժմ. լիտրի: Այս ենթադրությունը չի կարող ճիշտ լինել, որովհետև սրբության մոդը, ինչպես տեսանք, համապատասխան էր իրոք եբրայական մեծ

[36] Նույնը, էջ 131:

սատոնին (=ըստ Վիդեբանտի 10,872 այժմ. լիտրի)։ Ուրեմն՝ եթե ընդունենք, որ եբրայեցիներն ունեցել են բացի լոգից նաև մի ուրիշ քսեստ՝ այդ քսեստը հավասար կլինի Վիդեբանտի հաշիվների համաձայն 10,872:22=0,494$^{2}/_{11}$ այժմ. լիտրի։

Եբրայական այս նոր քսեստի խնդիրը կարող է, իմ կարծիքով, դեռ հատուկ ուսումնասիրության։

Անցնենք այժմ Շիրակացու վկայության։

Շիրակացու ընդարձակ բնագրի մեջ ևս եբրայական սրբության մոդը՝ համապատասխան Եպիփանի վկայության՝ համարվում է «չափ 22 քսեստաց»։ Ուշագրավ է սակայն, որ Ք. Պատկանյանի հրատարակած բնագրում նույն սրբության մոդը համարվում է «չափ 24 քսեստաց»[37]։

Ըստ երևույթին, այս ընթերցվածը եղել է Վենետիկի այն ձեռագրում, որի ընդօրինակությունը հիմք է ծառայել Պատկանյանի հրատարակության։

Եթե սրբության մոդն ընդունենք որպես «չափ 24 քսեստաց», այդ դեպքում՝ քսեստը համապատասխան կլինի եբրայական լոգին և հելլենիստական-հռոմեական քսեստին, և խիստ ուշագրավ է, որ հենց այս վերջին քսեստը բանալի է ծառայում և լուսաբանում թե սրբության մոդը և թե Շիրակացու մյուս մեծ չափերը։ Ընդունելով՝ որ սրբության մոդի տարողությունը եղել է 22 քսեստ կամ 24 լոգ և որ այդ մեծ քսեստը հավասար է եղել 1 $^{1}/_{11}$ եբրայական լոգի (24:22=1 $^{1}/_{11}$)՝ ներքև մենք տալիս ենք նախ այդ մոդի կշռորդը և ապա նրա տարողությունն այժմյան չափով թե Դեկուրդեմանշի և թե Վիդեբանտի հաշիվների համաձայն։

Եբրայական լոգի կշռորդը, ինչպես վերև տեսանք, հավասար էր 408 գր.։ Հետևապես՝ սրբության մոդի կշռորդը կլինի՝ 408×24=9 կիլոգր. 792 գր.։

Նրա տարողությունը կարող ենք ենթադրել՝

1. Համաձայն Դեկուրդեմանշի ցորենաչափերի՝ 9,792×100/80=12,24 այժմ. լիտր, իսկ

2. Համաձայն Վիդեբանտի չորեղենաչափերի՝ 9,792×100/90=10,88 այժմ. լիտ.։

Եբրայական այս մեծ մոդի կշռորդը և տարողությունը, իմ կարծիքով, սխալ է որոշված ոչ միայն գերմանական վերոհիշյալ ուսումնասիրություններում, այլև Դեկուրդեմանշի Traite pratique աշխատության մեջ։ Դեկուրդեմանշն այս մոդը համարում է չափ 21 $^{3}/_{5}$ լոգի և նրա

[37] «Անանիա Շիրակունւոյ, Մնացորդք բանից», էջ 31։

կշռորդը ենթադրում է 8 կիլ. 812,8 գր., իսկ համապատասխան ցորենաչափը՝ 11,016 այժմ. լիտր։ Իր աշխատության մեջ նա առանձնապես հիշում է, որ ոմանք սատոն-մոդը հավասար են ընդունում 24 լոգի կամ 1/3 epha-ի։ Ինքն այդ ենթադրությունը գտնում է սխալ։ Սակայն Անանիա Շիրակացու երկը, որ կարևոր նոր աղբյուր է հին չափերի որոշման համար, հաստատում է ոչ թե Դեկուրդեմանշի, այլ հենց նրա մատնանշած հակառակ կարծիքը։ Ինչպես ներքև կտեսնենք, արդուի և քոռի վերաբերյալ Շիրակացու հաշիվների քննությունից ևս պարզ հետևում է, որ սրբության մոդը կամ մեծ սատոնը եղել է իրոք արդուի (կամ եբրայական epha-ի) 1/3-ը և քոռի 1/30-ը և ոչ 3/10-ը կամ 3/100-ը, ինչպես կարծել է Դեկուրդեմանշը։

Արդ՝ ի նկատի ունենալով Շիրակացու այդ նոր կարևոր ցուցումները, ինձ թվում է, անհրաժեշտ է Դեկուրդեմանշի համապատասխան աղյուսակի մեջ (էջ 100) մացնել որոշ ուղղումներ, ընդունելով սատոն-մոդի կշռորդը 9 կիլոգր. 792 գր.։

Եբրայական այս մեծ սատոն-մոդի մասին Եպիփան Կիպրացին տալիս է վերոհիշյալ իր երկրորդ վկայության մեջ մի խիստ կարևոր տեղեկություն, որ անուշադիր են թողել մասնագետ մետրոլոգները։

Եպիփանի ասելով՝ «բազումք յայլոց ազգաց կամ յաւելին և կամ բարձին ի չափոյ աստի» և միայն հռոմեացիներն ունեցել են «նոյն-օրինակ» մի չափ, որ կոչվել է մոդ։ Այս վկայությունը, իմ կարծիքով, ավելի քան հավանական է։ Քանի որ հռոմեական պաշտոնական քսեստը, որ տարածված էր Մերձավոր Արևելքում, համապատասխանում էր հին եգիպտական hin-ին և եբրայական log-ին և այդ քսեստը հիմնական միավոր էր մյուս չափերի համար՝ կարելի է իհարկե ենթադրել, որ 16 քսեստանոց հռոմեական պաշտոնական մոդից դուրս, որ համապատասխանում էր եբրայական փոքր մոդին, գոյություն է ունեցել Արևելքում նաև 24 քսեստանոց մեծ մոդ, որ համապատասխան է եղել եբրայական մեծ սատոն-մոդին։ Այս ենթադրությունը հաստատվում է նրանով, որ Հայաստանում, ինչպես ներքև կտեսնենք, այդ մեծ մոդը գործ է ածվել իրոք Շիրակացու ժամանակ յոթերորդ դարում։ Իսկ Հին Հայաստանում գործածվող այս մոդը, ինչպես և մյուս չափերի մեծագույն մասը, հենց այն պաշտոնական հռոմեական չափերն են, որոնք տարածված էին թե՛ այն պաշտոնական հռոմեական չափերն են, որոնք տարածված էին թե՛ այստեղ և թե հարևան երկրներում հռոմեական և ապա բյուզանդական աշխարհակալության ժամանակաշրջանում։

ԳՐԻՎ (նոր պարսկ. girib) և ԿԱՅԹ

Շիրակացու վկայությունը՝

«Չափ 22 քսեստաց լինի գրիւ մի, որ է նոյն չափ մոդոյն»։

Վենետիկի Դ և Ե ձեռագիրներում[38] (Բացատրութ., էջ 39)՝

«Գրիւք 3, որ է մի մոդ, որ է չափ սրբութեան. իսկ հելլենացւոցն 3 չափ ասէ»։

Շիրակացու վկայության մեջ հիշված գրիվը, որը նա համապատասխան է համարում սրբության մոդին, իմ կարծիքով, գործ է ածվել Հայաստանում Շիրակացու ժամանակ։ Ուստի Շիրակացու տեղեկությունն առանձնապես կարևոր է ու ուշադրության արժանի։

Կարելի է նմանապես ենթադրել, որ գրիվը, որի անունը պարսկական է, եղել է, հավանորեն, Սասանյան Պարսկաստանի գլխավոր չափերից մեկը։ Ըստ երևույթին, հռոմեական պաշտոնական մեծ մոդը և Սասանյան Պարսկաստանի գրիվը եղել են միևնույն մեծության չափեր։ Ուշագրավ է այդ տեսակետից, որ հռոմեական պաշտոնական քսեստի կշռորդը (=408 գր.) ճիշտ և ճիշտ հավասար է սասանյան 100 արծաթ դրամի (=4,08 գր.), ուստի դժվար չէ կռահել, որ այդ քսեստը, ինչպես և գրիվը, կարող էին լինել ընդհանուր տարողության չափեր միջազգային առևտրական գործածության համար։ Այդ շատ հավանական է, որովհետև նույն նպատակով, ինչպես վերև տեսանք, հարմարված էին իրար նաև բյուզանդական և սասանյան կշիռները և դրամները, օրինակ՝ կենդինարը և պայուսիկը։

Որ գրիվը Հայաստանի հիմնական չափերից մեկն էր, այդ ապացուցվում է նրանով, որ նրա կշռորդը ճիշտ և ճիշտ համապատասխանում է Հայաստանում գործածվող կայթի կշռորդի $^1/_2$-ին։

Տարողության չափերի որոշումն այնքան կարևոր մի խնդիր է Հայաստանի և հարևան երկիրների տնտեսական և ներքին կյանքի հետագա ուսումնասիրությունների համար, որ ես ավելորդ չեմ համարում կանգ առնել նաև այս վերջին չափի վրա, թեև նա չէ հիշատակված Շիրակացու «Յաղագս չափուց» գրվածքում։

Կայթի մասին, ինչպես հայտնի է, կարևոր մի վկայություն կա Շիրակացու «Յաղագս հարցման և լուծման» երկում, հետևյալ հարցման մեջ՝

«Շտեմարան մի էր իմ յորում կայր գարի կայթ երկու հարեւր. մկունք մտին և զամենայն գարին կերան. ես մուկն մի կալայ ի նոցանէ և պատուհասեցի. նա խոստովանեաց և ասէ՝ Յիս ութսուն հատ եհամ։

[38] Լազարյան ճեմարանի № 125 ձեռագիրն ունի (էջ 419բ)՝ «Գրիւք 3 է մի մոդ, որ է չափ սրբութեան, իսկ հելլենացին 3 չափ ասէ»։

Արդ գիտեա թէ ընդ ամենայն քանի՞ հատ լեալ էր յշեմարանին և կամ քանի՞ մկունքն որ կերան»[39]։

Հիմնվելով այս հարցման պատասխանի վրա՝ Գ. Տեր-Մկրտչյանը կայթի կշռորդը հաշվել է 60 բյուզանդական լիտր[40], որ Շիրակացու կշիռների վերոհիշյալ մեր լուծման համաձայն հավասար կլինի՝ 326,4×60=19 կիլ. 584 գր.։

Գրիվի կշռորդը, որ համապատասխան էր սրբության մոդի կշռորդին, ինչպես գիտենք, հավասար էր 9 կիլ. 792 գր., հետևապես՝ գրիվը եղել է ուղիղ կայթի կեսը։

Գրիվի և կայթի տարողությունը կլինի՝

1. Համաձայն Դեկուրդեմանշի ցորենաչափերի—

ա. գրիվի տարողությունը՝ 9,792×100/80=12,24 այժմ. լիտ.

բ. կայթի տարողությունը՝ 19,584×100/80=24,48 այժմ. լիտ.

2. Համաձայն Վիդեբանտի չորեղենաչափերի—

ա. գրիվի տարողությունը՝ 9,792×100/90=10,88 այժմ. լիտ.

բ. կայթի տարողությունը՝ 19,584×100/90=21,76 այժմ. լիտ.

Որ այդ չափերը այն պաշտոնական չափերն են, որ Հռոմեական տիրապետության ժամանակ ընդունված էին Մերձավոր Արևելքում, այդ երևում է բժիշկ Աֆրիկանուսի չորեղենաչափերի վերաբերյալ վկայություններից, որ քննված են Վիդեբանտի հետազոտություններում[41]։ Վիդեբանտի հաշվով՝ Աֆրիկանուսի մոտ հիշված հռոմեական արտաբոսը (Artabê kata tên hrômaikên khrêsin) հավասար է եղել 21,75 այժմ. լիտրի։ Իսկ այդ, ինչպես տեսնում ենք, կայթի տարողությունն է, որ վերև մենք հաշվել ենք նաև Վիդեբանտի չորեղենաչափերի համեմատ։

Մի ուրիշ կարևոր տեղեկություն նման արևելյան չափերի մասին գտնում ենք նաև Եպիփան Կիպրացու մոտ։ Եպիփանը պոնտական չափերի մասին ունի հետևյալ վկայությունը (Բացատրություն, էջ 19)՝

«Կիւպրոս է չափ ցամաքեղինաց առ նոյն Պոնտացիս՝ երկու մոդ... մինչև լինել կիւպրոսի 20 քսեստ. քանզի մեծ մոդն առ նոսա է 24 քսեստ»։

Այս վկայությունը հասկանալու համար պետք է ի նկատի ունենալ, որ «կիւպրոս»-ի կշռորդը որոշված է այստեղ Աղեքսանդրացոց քսեստներով, իսկ մեծ մոդինը՝ հելլենիստական-հռոմեական քսեստներով։ Նկատի առնելով, որ մեծ մոդինը՝ 652,8×20=13 կիլ. 56 գր., իսկ Ուրևմն՝ «կիւպրոս»-ի կշռորդը կլինի՝ 408×4=9 կիլ. 792 գր.։ Վկայության սկզբում «կիւպրոս»-ը մեծ մոդինը՝ 408×4=9 կիլ. 792 գր.։

[39] Տե՛ս «Յաղագս հարցման և լուծման», հրատ. Հ. Օրբելիի, էջ 28։

[40] «Անանիա Շիրակացի», Վաղարշապատ, 1896, էջ 19։

[41] Forschungen, էջ 136, 139։

հավասար է համարվում երկու փոքր մոդի, հետևապես՝ փոքր մոդի կշռորդը կլինի՝ 13,056:2=6 կիլ. 528 գր.:

Այսպիսով որոշվում են Պոնտացոց հետևյալ չորեղենաչափերը՝

1. Փոքր մոդ՝ 6 կիլ. 528 գր.=16 հնդ.-հռոմ. քսեստի.
2. Մեծ մոդ՝ 9 կիլ. 792 գր.=24 հնդ.-հռոմ. քսեստի.
3. «Կիւպրոս»՝ 13 կիլ. 56 գր.=32 հնդ.-հռոմ. քսեստի:

Այս չափերի համար ստացվում է հետևյալ հարաբերությունը 16:24:32 կամ 2:3:4:

Նույն չափերի տարողությունը կլինի՝

1. Ըստ Դեկուրդեմանշի ցորենաչափերի՝
   ա. փոքր մոդի՝ 6,528×100/80=8,16 այժմ. լիտ.
   բ. մեծ մոդի՝ 9.792×100/80=12,24 այժմ. լիտ.
   գ. «կիւպրոս»-ի՝ 13,056×100/80=16,32 այժմ. լիտ.
2. Ըստ Վիդեբանտի չորեղենաչափերի՝
   ա. փոքր մոդի՝ 6,528×100/90=7,25$^1/_3$ այժմ. լիտ.
   բ. մեծ մոդի՝ 9,792×100/90=10,88 այժմ. լիտ.
   գ. «կիւպրոս»-ի՝ 13,056×100/90=14,5$^2/_3$ այժմ. լիտ.:

Պոնտացոց մեծ մոդը, ինչպես տեսնում ենք, համապատասխանում է Շիրակացու գրիվին, իսկ նրանց փոքր մոդը՝ Արևելքում գործածվող հռոմեական պաշտոնական մոդին, որը լուսաբանված է Վիդեբանտի հետազոտություններում[42]:

Ինձ թվում է, որ Շիրակացու ժամանակ հռոմեական այս փոքր մոդը ևս գործ է ածվել Հայաստանում իբրև հիմնական չափ՝ հավասար 2/3 գրիվի և 1/3 կայթի:

Գրիվի մասին Վենետիկի Դ և Ե ձեռագրերների վերև մեջ բերված վկայությունը վերաբերվում է Հին և Նոր Կտակարաններում հիշված tria metra չափին, որ հայերենում թարգմանված է «3 գրիւք»[43]: Հայտնի է արդեն, որ Հին և Նոր Կտակարանների հայերեն թարգմանության մեջ գրիվ է թարգմանված ոչ միայն հունարեն metron-ը, այլև ouphi-ն, saton-ը և metrêtês-ը, որ տարբեր մեծության չափեր են: Ինքնըստինքյան հասկանալի է, որ թարգմանական գրականության նման վկայությունները չեն կարող հիմք ծառայել համեմատական ուսումնասիրության:

ՍԱԿԻՏԱՐ (?) և ՍԱՅԻՏ.

Շիրակացու վկայությունը՝

[42] Forschungen, էջ 137:
[43] Ծնն. ԺԸ, 6: Ելք ԺԶ, 36. Եսայ. ե, 10:

«Չափ 22 քսեստաց կոչի սակիտար[44]. որ է նոյն չափ մոդոյ»:

Վենետիկի Դ և Ե օրինակներում[45] և Լազարյան ճեմարանի № 1255 ձեռագրում՝

«Սայիտն խեցեղէն է չափ 22 քսեստաց»:

Եպիփան Կիպրացու հաղորդած տեղեկությունները՝

1. «Իսկ սայիտն ճշմարիտ է 22 քսեստ»[46]:
2. «Սաբիթա. է սա բառ ասորւոց և թարգմանի չափ հնձանի, և է 22 քսեստ առ Ասկալոնացիս»[46]:

Հ. Ավգերյանը Վենետիկի Ա ձեռագրի «սակիտար» ընթերցվածն ուղղել է «սաբիթայ»: Իմ կարծիքով, Շիրակացու «սակիտար»-ը համապատասխանում է ավելի շուտ եբրայական սայիտին: Հայերեն «սակիտար» ընթերցվածը կարոտ է, անշուշտ, լեզվական քննության:

Սակիտարը, ինչպես երևում է վերոհիշյալ վկայություններից, եղել է «չափ 22 քսեստաց» և նույն մեծության չափ է, ինչպես սրբության մոդը և գրիվը:

ՄԱՐ (=պարս. maris, պոնտ. marês).

Շիրակացու վկայությունը՝

«Չափ 50 քսեստի լինի մար մի. և ըստ հելլենականին սատոն կոչի. զոր կոչեն չափ հնձանի»:

Վենետիկի Դ և Ե օրինակներում[47] և Լազարյան ճեմարանի № 1255 ձեռագրում՝

«Մար՝ ըստ հելլենացւոցն սատոն, 50 քսեստ. և է չափ հնձանի»:

Սատոնը և մարիսը, իբրև հեղուկաչափեր, հիշվում են նաև Եպիփան Կիպրացու հետևյալ վկայություններում՝

1. «Ներեղ գինւոյ, որ է չափ 150 քսեստաց: Սատոնն ունի 56 քսեստ»[48].
2. «Մարիս չափ է առ Պոնտացիս՝ երկու հիդրիա. իսկ հիդրիա է 10 քսեստ առ նոսա, մինչև լինել կիւպրոսի (Ավգերյանն ուղղում է՝ մարիսի) քսան քսեստ ըստ Աղեքսանդրացւոց»[49].

[44] Ա Բ սակիտար, Ա սագիտար, Տպ. սաբիթայ (Ավգերյանի ուղղումն է):
[45] Բացատրություն, էջ 39:
[46] Նույնը, էջ 15:
[47] Բացատրություն, էջ 39:
[48] Նույնը, էջ 14:
[49] Նույնը, էջ 19:

3. «կողաթոն[50] է չափ հեղանիւթոց առ Ասորիս՝ կէս սատոն. և է 25 քսեստ»[49]:

Եպիփան Կիպրացու այս վկայութիւններից երրորդը կատարելապէս համապատասխանում է Շիրակացու վկայութեան, որովհետև նրա մէջ էլ սատոնը որպես հեղուկաչափ հավասար է 50 քսեստի:

Եպիփանի երկրորդ վկայության մեջ Պոնտացոց մարիսը որոշված է Աղեքսանդրացոց քսեստներով, ուստի նրա կշռորդը հավասար կլինի՝ $652,8 \times 20 = 13$ կիլ. 56 գր. (=32 հելլեն.-հռոմ. քսեստի):

Եթե Շիրակացու վկայության մեջ քսեստը համարենք հելլենիստական-հռոմեական քսեստ, այդ դեպքում՝ վերոհիշյալ մարի կամ սատոնի կշռորդը կլինի՝ $408 \times 50 = 20$ կիլոգր. 400 գր.:

Ի նկատի առնելով, որ մարը, գլխավորապես, գինու չափ էր՝ նրա տարողությունը պետք է ենթադրել—

1. համաձայն Դեկուրդեմանշի հաշիվների՝ 20,4 այժմ. լիտ., իսկ

2. համաձայն Վիդեբանտի հեղուկաչափերի՝ $20,4 \times {}^{100}/_{90} = 22,64$ այժմ. լիտրի:

Ուշագրավ է, որ մոտավորապես նույն մեծությունն ունի հռոմեական պաշտոնական գինու metrêtês-ը (=21,75 այժմ. լիտ.), որ մատնանշված է Վիդեբանտի հետազոտություններում[51]:

ԱՐԴՈՒ, ԱՐՏԱԲՈՍ (հուն. artabê).

Շիրակացու վկայությունը՝

«Չափ 72 քսեստաց լինի արդու մի. և ըստ հելլենականին արտաբոս կոչի. բայց եգաւ յեգիպտացւոցն որ կոչի[52] որմոր, որ է բարեժողով. և եբրայեցիք վարին նովին չափով՝ յեգիպտացւոց առեալ»:

Վենետիկի Դ և ե օրինակներում[53] և Լազարյան ճեմարանի № 125 ձեռագրում՝

«Արտաւի՝ որ ասի արդու, չորրորդ մասն մոդոյ, որ է 72 քսեստ»:

Եպիփան Կիպրացու համապատասխան վկայությունը՝

«Արտաբէ է չափ առ եգիպտացիս և է հօթանասուն և երկու քսեստ. Բաղում ճշդութեամբ և սա այսպէս ունի: Հօթանասուն և երկու արք

[50] Ասորաց այս կողաթոնը կարող է համապատասխան լինել kailtè հեղուկաչափին, որ հիշատակված է մի քանի անգամ Դիոնիսիոսի ասորական ժամանակագրության մեջ. տե՛ս Chronique de Denys de Tell-Mahre, publ. par J-B. Chabot. Paris. 1895. էջ 83 և 113:

[51] Forschungen, էջ 134:

[52] Տպ. որ կոչի չիմ:

[53] Բացատրություն, էջ 39:

յայնժամ զաշտարակն շինեցին, յորժամ յհօթանասուն և երկու լեզուս ի միոյ անտի բաժանեցան. յորմէ և Մերոպէս կոչեցան վասն բաժանման բարբառոյն: Սոյն այս չափ և մետրետէս կոչի ըստ չափու սրբութեան»[54]:

Վենետիկի Դ և ե օրինակներում, ինչպես և Լազարյան ճեմարանի № 125 ձեռագրում, արդուն կամ արտաբոսը՝ որ հավասար էր 72 քսեստի, համարվում է «չորրորդ մասն մոդոյ»: Այս վերջին մասում ձեռագիրների ընթերցվածը, ըստ երևույթին, աղճատված է: Հ. Ալիշանն ուղղում է՝ «երեք մասն [ի չորից մասանց] մեդիմնոսի»[55]: Իմ կարծիքով՝ կարելի է նաև ուղղել՝ «գ չափ մոդոյ»:

Արդուի կշռորդն ըստ վերոհիշյալ վկայությունների հավասար կլինի՝ $408 \times 72 = 29$ կիլոգր. 376 գր.:

Նրա տարողությունը կարելի է ենթադրել՝

1. համաձայն Դեկուրդեմանշի ցորենաչափերի՝ $29,376 \times 100/80 = 36,72$ այժմ. լիտ., իսկ

2. համաձայն Վիդեբանտի չորեղենաչափերի՝ $29,376 \times 100/90 = 32,64$ այժմ. լիտր:

Հենց ուղիղ այսպես որոշված է եգիպտական արտաբոսի և եբրայական epha-ի տարողությունը Դեկուրդեմանշի և Վիդեբանտի աշխատություններում[56]:

Որովհետև եգիպտական արդուն կամ արտաբոսը մետրոլոգիական երկերում հավասար է ընդունվում 72 քսեստի և քսեստը համապատասխան է համարվում հին եգիպտական hin-ին կամ եբրայական log-ին, ուստի շատ պարզ է, որ մեր վերոհիշյալ եզրակացությունը Շիրակացու հիմնական քսեստի մասին միանգամայն հաստատուն է և հիմնավոր:

ԿՈՈՒ կամ ԿՈՐՈՍ (հուն. khor և koros).

Շիրակացու վկայությունը՝

«Չափ 880 քսեստի լինի քոռ մի. և կոչի եբրայեցւոցն և ասորւոց՝ ի հայոց առեալ[57]. և է 40 մոդոյ չափ: Եւ քոռն ըստ հելլենականին կորոս լսի. և է նոյն չափ 40 մոդոյ, որ ունի 880 քսեստ»:

Վենետիկի Դ և ե օրինակներում և Լազարյան ճեմարանի № 125 ձեռագրում՝

«Կորոս ըստ հելլենացւոցն և եբրայեցւոցն քոռ, որ է 30 մոդ»:

[54] Բացատրություն, էջ 12—13. Համեմատ նաև Viedebantt, Forschungen, էջ 146:

[55] Նույնը, էջ 51:

[56] Տե՛ս Traité pratique, էջ 100 և Forschungen, էջ 131, 139 եւն:

[57] A. եբրայեցւոց և յասորոց ի հայոց առեալ, B. եբրայեցւոց և ասորոց և ի հայոց առեալ:

Եպիփան Կիպրացու մոտ (Բացատրություն, էջ 3)՝

«Արդ՝ առեալ եղև կորոն եբրայական բարբառոյ, որ կոչի քոռ. և է 30 մոդ։ Եւ քոռ կոչի ի նմանութենէ բլրոյ. քանզի քարիւ կոչեն զբլուրն. և երեսուն մոդ բլրաձև դիզացեալ՝ առնէ բեռն մի ուղտոյ»։

Վկայությունները քոռի մասին, ինչպես տեսնում ենք, իրար չեն համապատասխանում։ Առաջին վկայության մեջ քոռը հավասար է համարվում 40 մոդի կամ 880 քսեստի, իսկ մյուս վկայություններում՝ 30 մոդի։

Եբրայական քոռի նկատմամբ ուղիղ է, անշուշտ, երկրորդ տեղեկությունը, որովհետև եբրայական քոռը հավասար էր իրոք 10 epha-ի կամ եգիպտական արդուի (29,376×10) և 30 սատոն-մոդի (9,792×30) և նրա կշռորդը Դեկուրդեմանշի մոտ ցույց է տրված 293 կիլոգր. 760 գր.[58]։

Շիրակացու ընդարձակ բնագրի վկայությունը վերաբերվում է, ըստ երևույթին, մի ուրիշ մեծ քոռի, որը կարող էր հավասար լինել ո՛չ թե տասը epha-ի կամ արդուի, այլ 10 հելլենական մեդիմնոսի։ Հելլենական մեդիմնոսի կշռորդն էր ըստ Դեկուրդեմանշի 39 կիլ. 168 գր.[59], ուրեմն՝ նրան համապատասխանող քոռը հավասար կլիներ 10 մեդիմնոսի կամ 40 սատոն-մոդի՝ 9,792×40=391 կիլոգր. 680 գր.։ Վիդեբանտ իր Հետազոտություններում ենթադրում է[60], որ այդ մեդիմնոսը գոյություն է ունեցել Արևելքում՝ իբրև հելլենիստական-հռոմեական չափ։ Ուրեմն՝ բավարար կերպով լուսաբանվում է նաև Շիրակացու ընդարձակ բնագրի վկայությունը։ Սղճատված կարող է լինել Շիրակացու բնագրում միայն քոռի անվան բացատրությունը։ Քոռը, ինչպես հայտնի է, եբրայեցերեն բառ է և թե հունարենում և թե մյուս լեզուներում փոխառություն է եբրայերենից։

Շիրակացու վկայությունը մեկնելիս պետք է նաև ի նկատի ունենալ, որ 880 քսեստը (40×22) մեծ քսեստներ են, որոնք հավասար են 960 հելլենիստական-հռոմեական քսեստի։

Ամփոփելով մեր ասածները՝ կարող ենք եզրակացնել, որ վերոհիշյալ վկայություններում հիշատակված են երկու տարբեր չափեր՝ փոքր և մեծ։

Փոքր կամ եբրայական քոռի կշռորդը հավասար է եղել՝ 293 կիլոգր. 760 գր., իսկ մեծ կամ հելլենիստական-հռոմեական քոռի՝ 391 կիլոգր. 680 գր.։

[58] Traité pratique, էջ 100։

[59] Նույնը, էջ 98։

[60] Forschungen,, էջ 137։

Այժմյան լիտրերով նրանց տարողությունը կլինի՝

1. ըստ Դեկուրդեմանշի ցորենաչափերի—

ա. եբրայական կամ փոքր քոռի՝ 293,76×100/80=367,2 այժմ. լիտ.

բ. հռոմեական կամ մեծ քոռի՝ 391,68×100/80=489,6 այժմ. լիտ.

2. ըստ Վիդեբանտի չորեղենաչափերի—

ա. եբրայական կամ փոքր քոռի՝ 293,76×100/90=326,4 այժմ. լիտ.

բ. հռոմեական կամ մեծ քոռի՝ 391,68×100/90=435,2 այժմ. լիտ.։

Շիրակացու նոր վկայությունն այս մեծ քոռի մասին, ինչպես տեսնում ենք, հաստատում է նորից Վիդեբանտի կարծիքը հելլենիստական-հռոմեական չափերի մասին, որ գործածվում էին Արևելքում և միանգամայն տարբեր էին իտալական չափերից։

ԳՈՄՈՐ (հուն. gomor).

Վենետիկի Դ և Ե օրինակների[61] և Լազարյան ճեմարանի № 125 ձեռագրի վկայությունը՝

«Գոմոր, որ է արդու ըստ հելլենացւոցն՝ 15 մոդոյ չափ»։

Եպիփան Կիպրացու համապատասխան հատվածը[62]

«Իսկ ղեթէկ՝ որպէս ի մարգարէն ասի, թէ՝ Վարձեցայ ինձ ղեթեկի գարւոյ և յօրինակս ինչ գոմորի գարւոյ, որ է նոյն. քանզի հնգետասան մոդ նշանակեն այդոքիկ»։

Որովհետև հունարենում gomor են անվանված եբրայական խոմեռը և ղոմեռը, որոնք տարբեր չափեր են, ուստի պետք է ի նկատի ունենալ, որ գոմորն այս վկայությունների մեջ համապատասխանում է եբրայական խոմեռին։ Այս գոմոր-խոմեռը թե վերոհիշյալ ձեռագրերում և թե Եպիփանի մոտ հավասար է համարվում 15 մոդի։ Անհասկանալի է թե Եպիփանի մոտ հավասար է համարվում 15 մոդի։ Անհասկանալի է միայն, թե ինչո՞ւ այդ գոմորը հայերեն վկայություններում համապատասխան է ընդունվել հելլենական արդուին։

Ինչպես տեսնում ենք, գոմոր-խոմեռը հավասար է եղել եբրայական քոռի կեսին, ուստի նրա կշռորդը պետք է լիներ՝ 293,760:2=146 կիլոգր. 880 գր.։

Այժմյան լիտրերով նրա տարողությունը կարելի է ենթադրել—

1. ըստ Դեկուրդեմանշի ցորենաչափերի՝ 146,88×100/80=183,6 այժմ. լիտ., իսկ՝

[61] Բացատրություն, էջ 39։

[62] Նույնը, էջ 3։

2. ըստ Վիդեբանտի չորեղենաչափերի՝ 146,88×100/90=163,2 այժմ. լիտ.։

«ԿԻԻԱԹՈՍ» (հուն. kyathos)

Շիրակացու վկայությունը՝

«Կիւթոս չափ է գինւոյ արկանելոյ յապակիս. և կոչի ըստ Ատթիկեցւոց լեզուի անդլիտերիոն. գինեհան է երկայնադասակ, որպէս զճաշակ. վասն ի խորութենէ կարասոյն զգինի հանելոյ»։

Եպիփան Կիպրացու մոտ (Բացատրություն, էջ 14)՝

«Կիւաթոս է վեցերորդ քսեստի»։

«Կիւաթոս»-ը, ինչպես հայտնի է, վեցերորդ մասն էր ոչ թե քսեստի, այլ կոտյուլի։

ԿԱԴԱՄԱԴԵԿՈՎԲ ԵՎ ՄԱՍՄԱՐՈՎԲ

Շիրակացու վկայությունը՝

«Կադամադեկովբ և մասմարովբ ի գրոց յեբրայականաց ոչ է թարգմանեալ. արդ՝ ո՞ւր գրանիցես զայս անուանս։ Գիտասջիր, եթէ կադամադեկովբն ըմպելի ասի և մասմարովբն ճաշակ, որով զգինին հանեն»։

Եպիփան Կիպրացու մոտ (Բացատրություն, էջ 14)՝

«Մեդեկովբ կոչէ զկիւաթոսս գիրն և մասմարովբ զգիւղիսաներս. զորս և իթմոսս կոչեմք. և երկոքին ևս վարին նովին անուամբ. քանզի և զնոյն ունին զօրութիւն»։

Այս երկու անոթները հիշատակված են Հին Կտակարանում, սակայն նրանց անունները հայերենում աղճատված են։ Սբրայական համապատասխան բառերն են, ինչպես ուղիղ մեկնել է Հ. Ավգերյանը[63], «մէնաքիյօթ» և «միզրաքօթ»։

Շիրակացու չափերի այս լուծումը, որով հաստատվում է, ինչպես տեսանք, Վիդեբանտի նոր տեսությունը Մերձավոր Արևելքում գործածվող հելլենիստական-հռոմեական չափերի մասին, ո՛չ միայն կարևոր աղբյուր է համարվելու համեմատական մետրոլոգիայի, այլ և անհրաժեշտ մի ձեռնարկ է լինելու պատմաբանների և տնտեսագետների համար, որոնք ուսումնասիրում են Հին Հայաստանի և հարևան երկրների տնտեսական անցյալը։

Մեր հետագա աշխատություններից մեկում մենք լուսաբանելու ենք այն բոլոր մատենագրական վկայությունները, որոնք մեկնվում են

[63] Բացատրություն, էջ 98։

կշիռների, դրամների ու չափերի վերոհիշյալ լուծումների օգնությամբ։ Սակայն այստեղ ավելորդ չեմ համարում ցույց տալ մի օրինակով այդ նյութերի հավաքման ու մշակման կարևորությունը։

Դիոնիսիոս Տելմահարցու ասորական ժամանակագրության մեջ հանդիպում են, ինչպես հայտնի է, ուշագրավ վկայություններ կենսամթերքների գների մասին ութերորդ դարում, որ հնարավոր չէ եղել լուսաբանել, որովհետև անհասկանալի են մնացել նրա մատնանշած չափերը։

Դիոնիսիոս Տելմահարցին վկայում է, որ հյուսիսային Միջագետքում ութերորդ դարի վաթսունական թվականներին, բերքի առատ տարիներում, կենսամթերքները եղել են խիստ արժան և ցորենը, գինին ու տանու կենդանիները ծախվել են հետևյալ գներով՝

1. 766/67	թվին[64]	25—30	gribé	ցորենը . . .	1 դինարի,
»		40—45	kailté	գինին . . .	1 դինարի,
2. 768/69	թվին[65]	30	qephizé	ցորենը . . .	1 զուզալի,
»		40	spâdé	գինին . . .	1 զուզալի,
»		8	litré	ձիթայուղը . .	1 զուզալի,
3. 769/70	թվին[66]	30—40	gribè	ցորենը . . .	1 դինարի,
»		1	գառը	. . . . .	1 զուզալի,
»		1	այծը	. . . . .	1 զուզալի,
»		1	կովը	. . . . .	5 զուզալի,
»		1	էշը	. . . . .	4 զուզալի։

Այս կարևոր վկայությունը, որ նշանակություն ունի հին գների պատմության համար, մնացել է մինչև այժմ անվերծանելի՝ չափերի անորոշության պատճառով։ Ֆրանսերեն թարգմանության ծանոթություններից մեկում (էջ 31) ժամանակագրության հրատարակիչն ասում է, որ անկարելի է որոշել այդ չափերը, ինչպես և կշիռները, որովհետև տարբերբեր տեղերում և զանազան դարաշրջաններում գործ են ածվել տարբեր չափեր ու կշիռներ։ Նույն ծանոթության մեջ հիշվում է միայն, որ Bar Hebraeus-ը qephize-ն հավասար է համարել մեկ իշաբեռի։

Շիրակացու չափերի մեր լուծումը կարող է, իմ կարծիքով, բանալի ծառայել ոչ միայն հայ աղբյուրների վկայությունների, այլ անգամ Տելմահարցու այս չափերի լուսաբանության։

Տելմահարցու մոտ gribè ցորենաչափի անունը համապատասխանում է, ինչպես տեսնում ենք, Շիրակացու գրիվին։ Վերև մենք տեսանք, որ Մերձավոր Արևելքում գործ են ածվել, գլխավորապես, հռոմեական

[64] Chronique de Denys de Tell-Mahré, էջ 83։
[65] Նույնը, էջ 90։
[66] Նույնը, էջ 113։

պաշտոնական չափեր։ Շիրակացու և Եպիփանի վկայությունների քննությունից երևաց, որ այդ սիստեմի ցորենաչափերը գործածական են եղել ոչ միայն Հայաստանում, այլ և Պոնտոսում։ Ինձ թվում է, որ Տելմահարցու gribè-ն ևս նույն սիստեմի չափ է և իր տարողությամբ հավասար է Շիրակացու գիվին։

Թեև արաբական տիրապետության ժամանակ գոյություն է ունեցել մի ուրիշ մեծության չափ, որ նույնպես անվանվել է garibe կամ den, սակայն այս garibe-den-ի կշռորդը հավասար էր 261,12 կիլոգրամի և նրան համապատասխանող cafiz-ի կշռորդը՝ 32,64 կիլոգրամի և այդ չափերը, ինչպես դժվար չէ համոզվել ծանոթանալով Տելմահարցու վկայություններին, ոչ մի կերպ չեն հարմարվում այդ վկայություններին[67] և չեն կարող հիմք ընդունվել նրանց լուսաբանության։ Նույն վկայություններն իմաստ են ստանում և հասկանալի են դառնում միայն այն դեպքում՝ երբ գրիբեն և Շիրակացու գրիվը համարում ենք համապատասխան չափեր։

Տելմահարցու գրիբեի կշռորդը կարող ենք ուրեմն ենթադրել՝ 9 կիլ. 792 գր.։

Համարելով գրիբեն հռոմեական սիստեմի մեծ մոդին հավասար՝ Տելմահարցու gephize-ն կարելի է համապատասխան ընդունել հելլենիստական-հռոմեական խոյնիքսին, այսինքն՝ գրիվի 1/8-ին։ Հնարավոր է սակայն և ոչ պակաս հավանական, որ քեփիզեն, լինելով պարսկական սիստեմի չափ (համմտե՝ հայեր. և պհլ. կապիճը), կարող էր նաև հավասար լինել, ինչպես ենթադրել է Պ. Դըլագարդը[68], գրիվի 1/10-ին։

Քեփիզեի կշռորդը կլինի ուրեմն՝ կամ 9,792:8=1 կիլ. 224 գր. և կամ 9,792:10=979 1/2 գր.։

Ցորենի վերոհիշյալ գների որոշման համար այս փոքր չափի վիճելի լինելը նշանակություն չունի, որովհետև այդ գները հնարավոր է որոշել գրիվի կշռորդի համեմատ։

Տելմահարցու մոտ գինու մեծ չափը անվանված է kailtè։ Չափի այս անունը, ինչպես տեսնում ենք, համապատասխան է հայերեն կայթին։ Վերև մենք մատնացույց էինք արել, որ այդ կայլտեն կարող է թերևս համապատասխան լինել Եպիփանի մոտ հիշված ասորական կողաթոնին, որ հավասար էր 25 քսեստի։ Եթե այս ենթադրությունը, որ մենք անում ենք վերապահությամբ՝ հաստատվի նոր ու հիմնավոր տվյալներով՝ կայլտեի կշռորդը կստացվի՝ 408×25=10 կիլ. 200 գր.։

---

67 Համմտե Chronique de Denys, էջ 31, 52, 53 և 125։

68 Տե՛ս Th. Noeldeke, Tabari, էջ 246, ծան. 6, նաև Lagarde, Gesam. Abhandlungen, Leipzig, 1866, էջ 198 և հն.։

Գինու փոքր չափի ստադեի ճշտումը կարող ենք դարձյալ անտես առնել, որովհետև գինու վերոհիշյալ գները որոշվում են արդեն կայլտեի կշռորդի համեմատ։

Մնում է մեզ քննել նաև դինարի և զուզայի դրամական արժեքը։ Դինարը կամ արաբական ոսկի փողն է, որ համապատասխանում է մոտ 5 1/2 ոսկի ռուբլու, կամ հաշվեդրամ է՝ հավասար 10 զուզայի։ Տարբերությունն այս վերջին դեպքում ևս իմ հաշվով մեծ չի լինում, եթե զուզան համապատասխան համարենք արաբական ծանրաքաշ արծաթ դիրհեմներին (=4,25 կամ 3,96 2/3 գր.)։

Արդ՝ ընդունելով դինարի դրամական արժեքը հավասար մոտ 5 1/2 ոս. ռուբլու և զուզայի արժեքը՝ մոտ 50—55 կոպ.՝ կարող ենք վերոհիշյալ գները մոտավորապես որոշել.

1. 25—30 գրիբե ցորենի գինն էր մոտ 5 1/2 ոս. ոբ., ուրեմն՝ 1 գրիբեն (=9 կիլ. 792 գր. կամ 24 ֆունտ) արժեր 22—18 ոս. կոպ., իսկ մեկ փութը (=1 2/3 գրիբե)՝ 36—30 ոս. կոպ.

2. 40—45 կայլտե գինու գինն էր դարձյալ մոտ 5 1/2 ոս. ոբ., ուրեմն՝ 1 կայլտեն (=10 կիլ. 200 գր. կամ 10,2 այժմ. լիտ.) արժեր 14—12 ոս. կոպ.

3. տանու կենդանիների գները ոսկի ռուբլով կլինեն՝

1 գառը	. . .	1 զուզա[69] կամ մոտ 50—55 կոպ.,
1 այծը	. . .	1 զուզա կամ մոտ 50—55 կոպ.,
1 կովը	. . .	5 զուզա կամ մոտ 2 ոբ. 50—2 ոբ. 75 կոպ.,
1 էշը	. . .	4 զուզա կամ մոտ 2 ոբ.—2ոբ.—20 կոպ.։

Մեր այս հաշվի մեջ անհավանական կարող է լինել գինու գինը և հետագա ուսումնասիրություններում անհրաժեշտ է ճշտել կայլտե չափի տարողությունը և կշռորդը, որ կարող են պակաս լինել 25 քսեստից։

Սրանով մենք ընդհատում ենք չափերի վերաբերյալ մեր ուսումնասիրությունը և տալիս ենք ներքև քննության առնված չափերի կշռորդությունը և տալիս ենք ներքև քննության առնված չափերի կշռորդությունը և տարողությունը կիլոգրամներով և լիտրերով երկու առանձին ները և տարողությունը կիլոգրամներով և լիտրերով երկու առանձին աղյուսակների մեջ. առաջին աղյուսակը վերաբերվում է վերև հիշված ու որոշված հեղուկաչափերին, իսկ երկրորդը՝ ցորենաչափերին։

---

69 Հնարավոր է մի ուրիշ հաշիվ ևս։ Եթե ապագայում, որ զուզան համապատասխանում է Աբդ-Մելիքի արծաթ դիրհեմին (=2,8 1/3 գր.), իսկ դինարը

Չափերը	Կշռաքարերը կիլոգրամներով	Տարողությունն այժմ. լիտրերով: Գինկուբրեմանշի հաշիվների համեմատ	Տարողությունն այժմ. լիտրերով: Վիդերանդի համեմատ	Գրական աղբյուրները	Ծանոթություն
Քսեստ Ադեքսանդրացոց և Պոնտացոց (ձիթայուղի)	0,6528	0,725[1]/3	0,725[1]/3	Շիրակ. ընդարձ. համառոտ և եպիփան	
Քսեստ Իտալացոց և Նիկոմեդիայի (գինուց)	0,544	0,544	0,544	Շիրակ. ընդարձակ և համառոտ խումբ.	
Քսեստ Հռոմեական (ձիթայուղի)	0,3984	—	—	Շիրակ. ընդարձակ	վիճակի
Քսեստ հելլենիստական-հռոմեական (ձիթայուղի)	0,408	0,453[1]/3	0453[1]/3		
Կոտիլոն, տրիլիտրոն, պարապսիդոս (ձիթ.)	0,204	0,226[2]/3	0,226[2]/3	Շիրակ. ընդարձ. համառոտ և եպիփան	
Բիսին (ձիթայուղի)	0,1632	0,181[1]/3	0,181[1]/3	Շիրակ. ընդարձ. և համառոտ	վիճակի
Գեմեկնեա, պեկնս (?)	0,068	—	—	Շիրակ. ընդարձ.	
Կամփսակ (ձիթայուղի)	1,632 կամ 2,6112	1,81[1]/3 կամ 2,901[1]/3	1,81[1]/3 կամ 2,901[1]/3	Շիրակ. ընդարձ. համառոտ և եպիփան	
Քուզա (ձիթայուղի)	2,448	2,72	2,72	Շիրակ., եպիփան	
Մար կամ սատոն (գինուց)	20,400	20,4	22,64[4]/9	Շիրակ. ընդարձ. և համառոտ	

Չափերը	Կշռաքարերը կիլոգրամներով	Տարողությունն այժմյան լիտրերով: Գինկուբրեմանշի հաշիվների համեմատ	Տարողությունն այժմյան լիտրերով: Վիդերանդի չորեղենաչափի համեմատ	Գրական աղբյուրը	Ծանոթություն
Կարոս (Շիրակ) (եպիփ)	? 1,632	? 2,04	? 1,81[1]/3*	Շիր. ընդ. և համ. Եպիփան կիսր.	Վիճակի — տարատեսակ չափերի կշռաքարերն, որոնք մեր մատենագրության մեջ հանդիպում են, անշուշտ, մեր մատնանշած կշռորդներից:
Նեփմա (?) և ապորիւմայ	4,896	6,12	5,44	Շիրակ. ընդ. և եպիփ. կիսր.	
Մոդ փոքր. եբր. հռոմ. և պոնտացոց	6,528	8,16	7,25[1]/3	Եպիփան կիսր.	
Մոդ միջին, եբրայակ.	8,160	10,2	9,06[2]/3	Եպիփան կիսր.	
Մոդ մեծ, եբրայակ. հռոմ պոնտացոց	9,792	12,24	10,88	Շիրակ ընդար. և Եպիփ. կիսր.	
Գրիվ	9,792	12,24	10,88	Ան. Շիրակ. ընդ.	
Կայք, արաաբե հռոմեակ.	19,584	24,48	21,76	Շիրակացի	
Կիւպրոս պոնտ.	13,056	16,32	14,52 3	Եպիփան կիսր.	
Արդու, արաաբոս	29,376	36,72	32,64	Շիր. ընդ., համ. Եպիփ.	
Քոռ=մեծ մոդի	293,760	367,2	326,4	Համ. խումբ. և եպիփ.	
Քոռ=40 մեգիմնոսի	391,680	489,6	435,2	Շիրակ ընդաբ. Համառ. խումբ, Եպիփան	
Գոմոր—խոմեռ	146,880	183,6	163,2		

* Վիդերանտի չորեղենաչափերին համապատասխանող կշռորդները տարբեր կլինեն, անշուշտ, մեր մատնանշած կշռորդներից:

ԱՍՊԱՐԻՍԱԿԱՆ ՉԱՓԵՐԸ

Լուսաբանված և վերածված այժմյան չափերի

Ասպարիսական չափերի վերաբերյալ կարևորագույն նյութերը, որ հանդիպում են հաճախ հայերեն ձեռագիրներում, ինչպես հայտնի է, դեռևս հրատարակված չեն: Պարզ է, որ այս չափերի մանրամասն ու մանրազնին քննությունը հնարավոր կլինի ապագայում, երբ բոլոր այդ ցրված նյութերը հավաքված կլինեն և հրատարակված ձեռագրերի համեմատությամբ:

Մինչ այդ՝ այս ուսումնասիրության մեջ մենք աշխատել ենք լուսաբանել երկայնության չափերին վերաբերվող միայն այն աղքատիկ տեղեկությունները, որ տպագրված են Հ. Ավգերյանի Բացատրության և «Անանիայի Շիրակունւոյ, Մնացորդք բանից» հրատարակության մեջ: Օգտվել ենք, բնականաբար, այն բուն աղբյուրներից, որոնք մատնանշված են այդ հրատարակություններում:

Այդ բուն աղբյուրներն են՝

1. Մովսես Խորենացուն (կամ Անանիա Շիրակացուն) վերագրված Աշխարհացույցի համառոտ խմբագրությունը՝ տե՛ս «Մովսէսի Խորենացւոյ մատենագրութիւնք», Վենետիկ, 1843, էջ 585—616, նաև Saint-Martin, Mémoires historiques et géographiques sur l'Arménie, T. II, Paris 1819, էջ 318—377.

2. Նույն Աշխարհացույցի ընդարձակ խմբագրությունը՝ տե՛ս «Աշխարհացոյց Մովսեսի Խորենացւոյ, յաւելուածովք նախնեաց», հրատ. Ա. Սուքրյան, Վենետիկ 1881.

3. «Յաղագս ընթացից արեգական եւ համարոյ չափուց» վենետիկի Գ և Ե օրինակներում և Լազարյան ճեմարանի № 125 ձեռագրում՝ տե՛ս Բացատրություն, էջ 35.

4. Երկարության չափերի մասին Անանուն հեղինակի հատվածը, որ տպագրված է Սեն-Մարտենի վերոհիշյալ աշխատության մեջ՝ տե՛ս Mémoires, II, էջ 379. նաև մի համառոտ վկայություն Ալիշանի Այրարատում (էջ 413, ծան. 6):

Ասպարիսական չափերի համառոտ հիշատակությունները, որ գտնվում են այս աշխատություններում և քննության են առնված ու լուսաբանված մեր ուսումնասիրության մեջ՝ ո՛չ միայն որոշում են Հայաստանում գործածվող երկայնության չափերի հին սիստեմներից մեկը, այլ անակնկալ նոր տվյալներ են հայտ բերում, խիստ ուշագրավ հա-

մեմատական մետրոլոգիայի համար, որ կարող են ելակետ ծառայել նոր հետախուզումների ու կարևոր ընդհանրացումների:

Վերոհիշյալ հրատարակությունների համապատասխան հատվածներում ի նկատի են առնված, իմ կարծիքով, հինգ տարբեր մեծության ասպարեսներ և զանազան սիստեմների չափեր. ուստի աղբյուրների վկայությունները մենք մեջ ենք բերում առանձին առանձին: Ծանոթությունների մեջ նշանակում ենք միայն այն կարևոր ու տարբեր ձեռագրական ընթերցվածները, որ վերաբերվում են հատկապես երկայնության չափերին:

ԱՍՊԱՐԻՍԱԿԱՆ ՉԱՓԵՐՆ ԱՇԽԱՐՀԱՑՈՒՅՑԻ ՀԱՄԱՌՈՏ ԽՄԲԱԳՐՈՒԹՅԱՆ ՄԵՋ

«Եւ առաւել յարատեաս կոյս քան զայս չէ ուրուք զերդ երկրի տեսանել և կամ գիտացեալ, որպէս ասէ Պտղոմէոս. այլ անծանօթ կոչի երկիր և Ովկիանոս: Յորոյ ինքնադիր բոլորակին տիեզերագրութեանցն առեալ Պապայ Աղեքսանդրացւոյ համառօտաբար երկրագրութեամբ, յորմէ մեր ծայրաքաղ արարեալ գրեցաք զմեծամեծսն և զնշանաւորսն միայն. և զչափս որչափութեանցն ոչ ըստ յատակի երկրի, այլ ըստ յարաբարձր լերանց տեսութեանց ընդ օդս անցանելով ի ձեռն գործարանաց, նկատելով զնշոյլս արեգական և լուսնի և աստեղաց ըստ անցնիւր եւթն նահանգացն փոփոխման սահմանաց: Եւ է սահմանն բան կարճառօտ յայտնիչ բնութեան ենթակայ իրողութեանն, որ դիւր ի ներքս փակէ և զայլն ի բաց որոշէ, և չափէ զմասն: Եւ է մասն հինգ հարիւր ասպարէզ, և ասպարէզն է հեռագնացութեամբ՝ այս ինքն է վտաւան մի: Եւ է ասպարէզն, ըստ օդաչափութեան քայլս հարիւր, և քայլն վեց ոտն, և ոտն վեշտասան մատն[1]. մղոնն ասպարէզ մի: Իսկ ասպարիզաց ասպարէզն է հարիւր քառասուներեք քայլ. և մղոնն է եւթն ասպարէզ, որպէս զի լինել գետնաչափութեամբ մղոնն հազար քայլ. և փարսախն երեք մղոն է: Բայց օդաչափութեամբ է մասն հինգ հարիւր ասպարէզ ի լայնն երկրաչափութեան, և նոյնպէս երկայն չորեքկուսի. որպէս զի լինել մասինն եւթանասունեմի մղոն, չորք եւթն ևս քսանևութ»[2]:

Այս հատվածի մեջ հիշվում են երկու տարբեր ասպարեսներ՝ մեկն— «ըստ օդաչափութեան», իսկ մյուսը՝ որ անվանվում է «ասպարիզաց ասպարէզն»,—ըստ գետնաչափութեան: Առաջին ասպարեսը կամ ստա-

[1] Ծանոթության մեջ ասված է՝ «Մի օրինակ յաւելու. եւ լրնի ասպարէզն վեց հարիւր քառասունեւերեք ոտն միով պակաս զի ի վերոյ զասպարէզն փոխանակ հարիւր քայլից հարիւր և եւթն ասացեալ էր համաձայն ընդ այլում օրինակի»:

[2] Տե՛ս «Մովսէսի Խորենացւոց մատենագրութիւնք», էջ 587—588:

գիոնը այն հիմնական չափն է, որով չափել են երկրագունդը հատուկ գործիքների միջոցով: Ինչպես հայտնի է, առաջին անգամ այդ երկրաչափումները կատարել էր նշանավոր հին աշխարհագրագետ Երատոսթենեսը (275—195 թ. նախ ք. Ք.), որը համարվում է հիմնադիր մաթեմատիկական աշխարհագրության: Այնուհետև նման չափումներ արել են նաև Հիպարքոսը, Պոսիդոնիոսը, Պտոլեմեոսը և ուրիշները:

Պետք է սակայն մատնանշել, որ այդ չափումների ճշտության մասին գիտնականները մինչև այժմ չեն կարողացել վերջնական կարծիք հայտնել, որովհետև վիճելի է համարվել և անորոշ ստադիոնի մեծությունը, որը հիմք է ընդունվել վերոհիշյալ չափումների համար: Օրինակ, Երատոսթենեսի ստադիոնի երկարությունը զանազան գիտնականներ ենթադրել են 158 մետրից մինչև 185 մետր:

Այդ տեսակետից, իհարկե, խիստ հետաքրքիր է որոշել, թե ի՛նչ մեծության չափ է համարվել աշխարհագրական ստադիոնն Աշխարհացույցի մեջ, որ գրված է, հավանորեն, յոթերորդ դարում:

Ուշադիր քննությամբ այս էական հարցը, ինչպես կտեսնենք, ո՛չ միայն լուծվում է, այլ ստացվում են նաև ուշագրավ հետևություններ մի նոր սիստեմի չափերի մասին, որոնք չեն հիշատակված ինձ ծանոթ մետրոլոգիական նորագույն երկերում:

Աշխարհացույցի հրատարակիչները և քննադատներն ուշադրության չեն առել, որ այս աշխատության հեղինակը կամ թարգմանողը աշխարհագրական ստադիոնի մեծությունն աշխատել է պարզել, համեմատելով նրան «ասպարիզաց ապասրէղի» հետ: Իմ կարծիքով, այս վերջին ասպարեզը հենց այն լուծման բանալին է, որով ճշտվում են ո՛չ միայն վերոհիշյալ ասպարեսն «ըստ օդաչափութեան», այլ և վերև հիշված աղբյուրների բոլոր մյուս չափերը, որ ներքև մենք քննելու ենք

«Ասպարիզաց ասպարէզ»-ը, որ Աշխարհացույցի ընդարձակ խմբագրության մեջ անվանված է «Պարսից ասպարէզ», եղել է մյուս ասպարեսների համեմատությամբ, ինչպես պարզ երևում է նրա «ասպարիզաց ասպարէզ» անունից, ամենամեծ ասպարեսը: Այս ուշագրավ ու պարզ ակնարկը նրա որոշման համար խիստ կարևոր մի ցուցումն է: Ինչպես հայտնի է, Մերձավոր Արևելքում ամենամեծ ասպարեսը Պարսից հենց ասպարեսն էր, որի երկարությունը 230,112 մետր էր[3]: Այդ մեծ ասպարեսը, որն արաբական շրջանում անվանվում էր ghalva, ամենատարածված չափերից մեկն էր և Դեկուրդեմանշի մոտ մատնանշված է իբրև ստադիոն նաև նոր փիլետերյան (էջ 76) և եգիպտական-արաբական (էջ 88) չափական սիստեմներում:

[3] Decourdemanche, Traité pratique, էջ 82.

Արդ՝ վերոհիշյալ վկայության համաձայն՝

«ասպարիզաց ասպարէզն է հարիւր քառասուներեք քայլ. և մղոնն է եւթն ասպարէզ, որպէս պի լինել գետնաչափութեամբ մղոնն հազար քայլ»:

Հիմնվելով այս տեղեկության վրա՝ հնարավոր է, ինչպես տեսնում ենք, պարզել այն քայլի երկարությունը, որով որոշված են թե «ասպարիզաց ասպարէզ»-ը և թե ասպարեսն «ըստ օդաչափութեան»: Համապատասխան հաշիվներն անելիս՝ անհրաժեշտ է ի նկատի ունենալ, որ Աշխարհացույցի վկայություններում կոտորակները մեծ մասամբ չեն նշանակված: Սակայն հատվածի բովանդակությունից դժվար չէ հետևցնել, որ «ասպարիզաց ասպարէզ»-ը պետք է ենթադրել, ինչպես տեսնենք, որ Հ. Ավգերյանը (Բացատրություն, էջ 35, ծանոթ. 13), ո՛չ թե 143, այլ $142^{6}/_{7}$ կամ $^{1000}/_{7}$ քայլ:

Ընդունելով «ասպարիզաց ասպարէզ»-ի կամ «Պարսից ասպարէզ»-ի երկարությունը 230,112 այժմ. մետր՝ քայլը ստանում ենք հավասար՝ $230{,}112:{}^{1000}/_{7}=1{,}610784$ մետրի: Այնուհետև թվաբանական պարզ հաշիվների միջոցով որոշվում են առանց դժվարության նաև վկայության մյուս չափերը հետևյալ երկարությամբ՝

1. մատ՝ $1{,}610784:96=0{,}016779$ մետր.
2. վոտ՝ $1{,}610784:6=0{,}268464$ մետր.
3. «ասպարէզ ըստ օդաչափութեան»՝ $1{,}610784\times100=161{,}0784$ մետր.
4. մղոն՝ $230{,}112\times7=1610{,}784$ մետր:

Աշխարհագրական ստադիոնի երկարությունը, ինչպես երևում է այս հաշիվներից, Աշխարհացույցի համառոտ խմբագրության մեջ ենթադրվել է 161,0784 մետր:

Այս հաշիվը սկզբում ինձ թվում էր կասկածելի, որովհետև վերոհիշյալ մեծության քայլ[4] կամ ստադիոն չափական և ո՛չ մի սիստեմում չէր հանդիպում: Սակայն, շարունակելով ասպարիսական չափերի ուսումնասիրությունը՝ ես համոզվեցի, որ այդ նոր քայլը, ինչպես և ստադիոնը, կարող են միանգամայն իրական լինել և հաշիվները հնարավոր, որովհետև վերոհիշյալ մղոնի երկարությունը, որ հավասար է 1610,784 մետրի, հաստատվեց մեր մյուս հաշիվներից մեկում, որը վերաբերվում է Սեն-Մարտենի հրատարակած Անանուն հեղինակի հատվածին: Այդ կարևոր հատվածի լուծումը մանրամասն տալու ենք ներքև:

[4] Այս քայլը, որ հավասար է համարվում վեց ոտի, համապատասխանում է, ինչպես այդ ուղիղ նկատել է Ք. Պատկանյանը, հին orgyia-ին (=գիրկ.) տե՛ս Армянская география VII века, СПБ, 1877, էջ 9.

Ուշադրության արժանի է և առանձնապես հետաքրքիր, որ Աշխարհացույցի համառոտ խմբագրության աշխարհագրական ստադիոնը (= 161,0784 մետրի) գրեթե համապատասխանում է Երատոսթենեսի ստադիոնի այն երկարության, որ գերմանական գիտնականները ենթադրել էին առաջ 157,5 մետր[5], իսկ նորերս՝ ճշտելով իրանց նախկին հաշիվները՝ համարում են 159,8 մետր (=փիլետերյան-հռոմեական մղոնի $^1/_{10}$-ին)։

Տարբերությունը մեր և այս հաշվումի, ինչպես տեսնում ենք, խիստ աննշան է, ընդամենը՝ 161,0784—159,8=1,2784 մետր։

Նույն այս աշխարհագրական ստադիոնի մասին բոլորովին այլ տեղեկություններ և ուրիշ հաշիվներ տրված են «Յաղագս ընթացից արեգական և համարոյ չափուց» հատվածում և Աշխարհացույցի ընդարձակ խմբագրության մեջ, որ մինչև այժմ ուշադրության չեն առնվել, թեև նույնքան հետաքրքիր են, ինչպես և Աշխարհացույցի համառոտ խմբագրության վկայությունը։

Մենք նպատակահարմար ենք գտնում Աշխարհացույցի ընդարձակ բնագրի վկայությունից առաջ քննել նախ առաջին հատվածը, որը տպագրված է Հ. Ավգերյանի Բացատրության մեջ՝ էջ 37։

«ՅԱՂԱԳՍ ԸՆԹԱՑԻՑ ԱՐԵԳԱԿԱՆ ԵՒ ՀԱՄԱՐՈՅ ՉԱՓՈՒՑ».

«Եթէ կամիցիս գիտել, թէ այսօր արեգակն քանի հոլովումն առնու՝ և կամ քանի ասպարէզ ընթանայ, կա՛լ զժամս աւուրն, երեսնապատակեա՛, և այնչափ հոլովումն առնու. կա՛լ զհոլովմունսն, հինգհարիւրապատկեա՛, և այնչափ ասպարէզ ընթանայ։

Ասպարէզն է ըստ օդաչափութեան քայլ 107. և քայլն 6 ոտն. և ոտն 16 մատն։ Եւ մղոնն 7 ասպարէզ։ Իսկ ըստ Պարսից ասպարիսին 143 քայլ[6] որպէս լինել գետնաչափութեամբ մղոնն 1000 քայլ։ Եւ խրասխըն 3 մղոն։ Բայց օդաչափութեամբ երկրաչափութիւն մասն 500 ասպարէզ ի լայն և յերկայն՝ չորեքկուսի միաչափ»[7]։

Լուծման բանալին այստեղ ևս, ինչպես վերև ասացինք, «ասպարիզաց ասպարէզն» է, որ անվանված է այս հատվածում «Պարսից ասպարէս»։

Ասպարեսն «ըստ օդաչափութեան» ցույց է տրված այստեղ 107 քայլ։ Քայլը, որ վեց ոտի է հավասար՝ կրկնակի քայլ է կամ orgyia (=գիրկ), որովհետև սովորական հին քայլը մեծ մասամբ այդ մեծ քայլի 1/2 էր։

Առաջին հայացքից կարող է թվալ, որ աշխարհագրական ստադիոնին վերաբերվող «ՃԷ քայլ» ընթերցվածը գրչի սխալ է, սակայն ի մոտ քննելով ամբողջ հատվածը՝ դժվար չէ համոզվել, որ այստեղ ասպարես-ստադիոնի հաշիվը միանգամայն տարբեր է վերոհիշյալ հաշվից։

Այս երկրորդ վկայության մեջ ասպարեսն «ըստ օդաչափութեան» կամ աշխարհագրական ստադիոնը համարվում է, ինչպես տեսնում ենք, 1/7 մղոն։ Ինձ թվում է, որ այս հաշվի հեղինակը ենթադրել է այդ մղոնի երկարությունը 750 քայլ։ Հենց այդ երկարությունն ի նկատի ունենալով՝ նա ասպարեսն «ըստ օդաչափութեան» հաշվել է 750/7 կամ 107 1/7 քայլ։ Կոտորակները վերոհիշյալ հատվածում ևս, ինչպես և Աշխարհացույցի վկայության մեջ, անտես են առնված։ Հետևաբար՝ ստադիոնի երկարությունը պետք է ընդունել ոչ թե 107, այլ $107^1/_7$ քայլ։ Պարսից ասպարեսը ևս, ինչպես վերև ասացինք, պետք է ընդունենք հավասար $142^5/_7$ կամ 1000/7 քայլի։

Այս նոր և տարբեր հաշվի համաձայն երկրորդ վկայության չափերը ստացվում են հետևյալ երկարությամբ՝

1. Պարսից ասպարեսը՝ 230,112 մետր,
2. քայլը՝ 230,112:1000/7=1,610784 մետր,
3. մատը՝ 1,610784:96=0,016799 մետր,
4. ոտը՝ 1,610784:6=0,268464 մետր,
5. ասպարեսն «ըստ օդաչափութեան»՝ 1,610784×750/7=172,584 մետր,
6. այս ասպարիսին համապատասխանող մղոնը՝ 172,584×7=1208,088 մետր (!?)։

Նոր այս հաշվի հեղինակը աշխարհագրական ստադիոնի երկարությունը ենթադրել է, ինչպես տեսնում ենք, այժմյան չափով 172,584 մետր։ Ուշագրավ է, որ այս մեծության ստադիոնը համապատասխանում է ճիշտ և ճիշտ 1/10-րդ մասի փիլետերյան նոր բաժանման մղոնի, որի երկարությունը Դեկուրդեմանշը հաշվել է 1725,84 մետր[8]։

Թեև աշխարհագրական այս ստադիոնը հնարավոր է ենթադրել իրական չափ, սակայն, իմ կարծիքով, ստադիոնի և մղոնի հաշիվն ամբողջությամբ վերցրած խիստ վիճելի է։ Անհասկանալի է և միանգամայն անհավանական ամենից առաջ ստադիոնին համապատասխանող մղոնի երկարությունը (=1208,088 մետր.)։ Հատվածի հեղինակն ի նկատի պիտի ունենար գուցե փիլետերյան-հռոմեական մղոնը, որն՝ ըստ Վիդեբանի

[5] Տե՛ս O. Viedebantt, Klio 14 (1914), էջ 207 եև։

[6] Լազարյան Ճեմարանի № 125 ձեռագրում՝ «143 քայլ և մղոնն 7 ասպարէզ»։

[7] Բացատրություն, էջ 37, տե՛ս նաև «Անանիայի Շիրակունւոյ, Մնացորդք բանից», էջ 32—33։

[8] Traite pratique, էջ 76։

տի ենթադրության՝ նույնքան ծանոթ և տարածված չափ է եղել Արևելքում, ինչպես և Հռոմեական տարողության չափերը։ Վիդեբանտի հաշվով՝ այդ մղոնը հավասար է եղել 750 կրկնակի քայլի կամ orgyia-ի, սակայն նրա և ստադիոնի հարաբերությունը եղել է ո՛չ թե 7:1, այլ $7^1/_2$: 1։ Փիլետերյան-Հռոմեական մղոնի երկարությունը Վիդեբանտի մոտ ցույց է տրված 1598 մետր, իսկ ստադիոնի՝ 213,13 մետր[9]։

Դժվար է, իհարկե, ճշտիվ որոշել այն նախադրյալները, որոնք հիմք են ծառայել վերոհիշյալ հաշվի։ Ինձ համար թե այդ նախադրյալները և թե ամբողջ հաշիվը դեռևս մութ են։ Հարցի վերջնական պարզաբանումը թողնում ենք մասնագետ մետրոլոգներին և հրավիրում նրանց ուշադրությունը նաև այս երկրորդ հաշվի վրա։

Անցնենք այժմ Աշխարհացույցի ընդարձակ բնագրին, որի մեջ կա կարևոր մի ցուցում, որ կարող է, իմ կարծիքով, հիմք ընդունվել նաև երրորդ հաշվի։

ԱՍՊԱՐԻՍԱԿԱՆ ՉԱՓԵՐՆ ԱՇԽԱՐՀԱՑՈՒՅՑԻ ԸՆԴԱՐՁԱԿ ԲՆԱԳՐԻ ՄԵՋ.

«Իսկ Իպառքոս զբաղաքս ծովական չափով աւանդեաց եւ զլուսնի պակասութիւն յԱռբիլայ ութ ժամ աւանդեալ, ի Կարքեդոն երկոտասան արժանաւորեալ։ Բայց Մաոին Տիւռեացի երկրական բոլորակէն ուղղեալ՝ որչափ կարէ ցուցանել ժամադիտակն, առնէ զտիեզերագրութիւն ըստ ճանապարհակցութեանն ընդ օդդ անցանելով, ի ձեռն գործարանացն նկատելով զնշոյլս արեգական և լուսնի և աստեղաց, ըստ անցնիւր եօթն նահանգաց փոփոխման սահմանաց։

Եւ սահման է բան կարճառօտ յայտնիչ բնութեան ենթակայ իրացն, որ զիւրն ի ներքս փակէ, և զայլոցն ի բաց որոշէ։ Եւ չափն է մասն, եւ մասն ասի հինգ հարիւր ասպարէզ. և ասպարէզն հեռակցութիւն վաւանի, և ըստ օդաչափութեանն հարիւր եօթն քայլ. եւ քայլն վեց ոտն, եւ ոտն վեշտասան մատն. եւ լինի ասպարէզն վեցհարիւր քառասուն եւ երեք ոտն միով պակաս։ Եւ մղոնն է եօթն ասպարէզ. իսկ Պարսից՝ ասպարէզն է հարիւր քառասուն և չորս քայլ. եւ դեռնաչափութեամբ՝ հազար քայլ. և հրասախն է երեք մղոն։ Եւ երկրաչափութեամբ՝ մասն ի հինգ հարիւր ասպարէզ չորեքկուսի. որպէս պի լինել մասինն եօթնհնասուն եւ մի մղոն և չորեակ, եօթնեակ և քսան և ութեկ մի»[10]։

[9] Forschungen, էջ 126 և 128։

[10] Տե՛ս «Աշխարհացույց Մովսեսի Խորենացւոյ յաւելուածովք նախնեաց», հրատ. Ա. Սուքրյան, Վենետիկ, 1881, էջ 6—7։

Առաջին հայացքից այս վկայությունը թվում է համապատասխան «Յաղագս ընթացից արեգական» հատվածի նախորդ վկայության։ Միակ տարբերությունն այն է, որ Պարսից մղոնը ցույց է տրված այստեղ ո՛չ թե «եկ» (143), այլ «հարիւր քառասուն և չորս քայլ» (144)։ Կարելի է, բնականաբար, ենթադրել, որ Աշխարհացույցի ընդարձակ խմբագրության ձեռագրերում «եկ» (144) ընթերցվածը «եկ»-ի փոխարեն սխալ է։ գ և դ տառերի շփոթումը, ինչպես հայտնի է, ամենագրի սխալ է։ գ և դ տառերի շփոթումը, ինչպես հայտնի է, ամենաընդհանուր սխալն և ձեռագրական ընթերցվածներում։ Այդպես էր նաև մենք ենթադրում էինք։

Սակայն ի նկատի ունենալով աշխարհագրական ստադիոնի որոշման բացառիկ կարևորությունը, մենք անհրաժեշտ համարեցինք ընդունել այս ընթերցվածը ևս հիմք մեր հաշիվների։ Եվ հետախուզումներն այս ուղղությամբ տվին այնպիսի արդյունքներ, որոնք ո՛չ միայն ցույց են տալիս «եկ» (144) ընթերցվածի հարազատությունը, այլ և հնարավորություն են ընձեռում քննելու աշխարհագրական ստադիոնի հարցը բոլորովին նոր լուսաբանությամբ։

Ընդունելով «ասպարիզաց ասպարէզ»-ը կամ Պարսից ասպարեսը (=230,112 մետր) հավասար 144 քայլի, ստանում ենք այս քայլի երկարությունը՝ 230,112:114=1,598 մետր։ Իսկ այս մեծության քայլը, որ միանգամայն իրական ու հին ժամանակներում գործածվող չափ է, Դեկուրդեմանշի մոտ հիշատակված է հին չափական սիստեմներից մեկում, որ նա անվանում է որմնադիրների սիստեմ (sistème des macons)։ Մատնանշված այս սիստեմում վերոհիշյալ քայլը, որ համապատասխանում էր հին orgyia-ին, անվանվում է ձող։ Որ այս ձողը և Աշխարհացույցի ընդարձակ բնագրի քայլը միևնույն չափն են՝ այդ կասկածից դուրս է, որովհետև թե՛ այդ քայլը, թե՛ ձողը և թե՛ orgyia-ն հավասար են համարվում 6 ոտի։ Արդ՝ ուշադրության արժանի է և առանձնապես հետաքրքիր, որ որմնադիրների սիստեմում մեծ չափերը նշանակված են տասնորդական հաշվով։ Ձողը=1,598 մետրի, ստադիոնը=100 ձողի=159,8 մետրի, մղոնը=1000 ձողի կամ 10 ստադիոնի=1598 մետրի[11]։ Ուշագրավ է նաև, որ Վիդեբանտի մոտ նույն այս մղոնը ցույց է տրված իբրև փիլետերյան-հռոմեական մղոն[12]։ Իսկ ամենակարևորն այն է, որ ստադիոնը=159,8 մետրի կատարելապես համապատասխանում է Երատոսթենեսի աշխարհագրական ստադիոնի այն երկարության, որ վիդեբանտի նորագույն հաշվով հավասար էր, ինչպես վերև տեսանք, 159,8 մետրի։

[11] Decourdemanche, Traité pratique, էջ 67—68 և 135։

[12] Forschungen, էջ 126։

Կարո՞ղ է արդյոք այս զուգադիպումը լինել պատահական։ Իհարկե, ո՛չ։

Իմ կարծիքով, ավելի քան պարզ է, որ Աշխարհացույցի ընդարձակ բնագրի մեջ՝ «Հարիւր քառասուն և չորս» թիվը պետք է համարել վավերական և լավագույն ընթերցված։ Հավանական է նաև, որ հետագա այս խմբագրության մեջ օդաչափության ասպարիսին վերաբերվող նախնական վկայությունը ենթարկվել է փոփոխության։ Ուշադրությամբ քննելով երկու խմբագրությունը, ինձ թվում է, կարելի է վերականգնել սկզբնական բնագիրը հետևյալ բովանդակությամբ՝

«Եւ է ասպարէզն ըստ օդաչափութեան քայլ հարիւր. և քայլն վեց ոտն. և ոտն վեշտասան մատն ... Իսկ ասպարիզաց ասպարէզն է հարիւր քառասուն և չորս քայլ»։

Այս նոր լուսաբանությամբ նախնական վկայության մեջ չափերը ստացվում են հետևյալ երկարությամբ՝

1. «Ասպարիզաց ասպարէզ»-ը կամ «Պարսից ասպարէզ»-ը՝ 230,112 մետր,
2. քայլը՝ 230,112 : 144 = 1,598 մետր,
3. մատը՝ 1,598 : 96 = 0,016$^{31}/_{48}$ մետր,
4. ոտը՝ 1,598 : 6 = 0,266$^{1}/_{3}$ մետր և
5. ասպարես «ըստ օդաչափութեան»՝ 1,598 × 100 = 158,8 մետր։

Այս հաշվով ստացված չափերը բոլորն էլ իրական են և Դեկուրդեմանշի մոտ մատնանշված են՝ առաջին ասպարեսը որպես փիլետերյան և Պարսից ասպարես, իսկ մյուս չափերն իբրև որմնադիրների սիստեմի չափեր։ Ինչպես տեսնում ենք, նոր այս լուսաբանությամբ օդաչափության ասպարեսի երկարությունը ճիշտ և ճիշտ համապատասխան է ստացվում երատոսթենեսի վերոհիշյալ ստադիոնին։ Ուրեմն՝ կատարելապես հաստատվում է այն նոր կարծիքը, որի համաձայն երատոսթենեսի ստադիոնը ենթադրվում է 159,8 մետր։

Կարևոր այս եզրակացության վրա հրավիրում ենք մասնագետ մետրոլոգների ուշադրությունը։

Որ Աշխարհացույցի յոթերորդ դարի սկզբնական բնագիրը հետագա ժամանակներում զանազան փոփոխումների է ենթարկվել՝ այդ, ինչպես տեսանք, միանգամայն պարզ է ու որոշ։

Ավելորդ չենք համարում մեր ենթադրությունները, որ վերաբերվում են աշխարհագրական ստադիոնին, ամփոփել ներքև առանձին աղյուսակի մեջ, մանրամասն մեջ բերելով բոլոր մեր հաշիվները՝ իբրև անհրաժեշտ նյութ ու կարևոր կռվան ապագա ճշտումների և լրացումների։

Օգտվելիք չափերի հաշիվները մեր գրախոսության մեջ

Հա-շիվ-ների № №	Չափերը	Ֆուտի հետ	Լուծումները մետրերով	Իրական չափ է, թե՞ վիճելի	Մանրամասնություններ
1	«Ասպարիզաց ասպարէզ»	142$^{6}/_{7}$	230,112	Իրական	Այս հաշիվը մեզ ուշադրության է արժանի վիճելի է, սակայն վիճելի է։
»	1 քայլ	1	230,112 : 1000 7 = 1,610784	Իրական	
»	1 մատ	1/96	230,112 : 96 = 0,016779	վիճելի	
»	1 ոտ	1/6	1,610784 : 6 = 0,268464	վիճելի	
»	Պարսից ասպարէզ	100	1,610784 × 100 = 161,0784	Չնայած իրական	Այս հաշիվը նույնպես վիճելի է։
2	Վավեր. քիւրփշամբս ասպարէզ	142$^{6}/_{7}$	230,112	Իրական	
»	1 քայլ	1	1,610784	Վիճելի	
»	1 մատ	1/96	0,016779	— » —	
»	1 ոտ	1/6	0,268464	— » —	
»	Պարսից ասպարէզ	100	1,610784 × 780/7 = 172,5684	Իրական	Օգտվելիք չափերի հաշիվները մեր գրախոսության մեջ։
3	Վավեր. քիւրփշամբս ասպարէզ	107$^{1}/_{7}$	1,610784 × 780/7 = 172,5684	Իրական	
»	1 քայլ	144	230,112	Իրական	
»	1 մատ	1	230,112 : 144 = 1,598	Իրական	
»	1 ոտ	1/96	1,598 : 96 = 0,016$^{31}/_{48}$	Իրական	
»	Պարսից ասպարէզ	1/6	1,598 : 6 = 0,266$^{1}/_{3}$	Իրական	
»		100	1,598 × 100 = 159,8	Իրական	

ԱՆԱՆՈՒՆ ՀԵՂԻՆԱԿԻ ՉԱՓԵՐԸ

Անանուն հեղինակի վկայությունը, ինչպես վերև ասացինք, տպագրված է Սեն-Մարտենի Mémoires historiques et géographiques sur l'Armenie *աշխատության մեջ (II, էջ 379) և այս երկից արտատպված է նաև Ք. Պատկանյանի «Անանիայի Շիրակունւոյ, Մնացորդք բանից» հրատարակության մեջ (էջ 32)։*

Այս կարևոր վկայությունը, որի լուծումը տալու ենք ներքև, առաջ ենք բերում անփոփոխ։ Ուղղել ենք միմիայն ակներև ու անվիճելի վրիպակները և նշանակել սխալ ընթերցվածները մեր ծանոթություններում։

Անանուն հեղինակի վկայությունը՝

«Տարին 12 ամիս է և 5 օր, 52 շաբաթ և 1 օր. ամիսն 30 օր է. շաբաթն 7 օր է. օրն 24 ժամ է ընդ տիւն և ընդ գիշերն. և ժամն 30 մասն է։ Ամիսն 720 ժամ է և 24 ժամն 720 մասն է. տարին 8760 ժամ է և 14 բիւր մասն և բիւր [ընդ]. ժա է (?). և մասն 500 ասպարէզ է, և ասպարէզն վտաւան հեռացութիւն է։ Թաւալումն արեգական 500 ասպարէզ է և ասպարէզն [500] նետաձիգ է[13]. նետաձիգն 150 քայլ է. քայլն 6 ոտն է. ոտն 16 մատն է։ Մղոնն 7 ասպարէզ է։

Կալ զժամ աւուրն երեսունապատակեա՝ այնչափ հոլովումն առնու արեգակն։ Կալ զհոլովումն հինգհարիւրապատակեա՝ այնչափ ասպարէզ ընթանայ։ Յորժամ օրն 12 ժամ լինի՝ 360 հոլով առնու և 180.000[14] ասպարէզ ընթանայ։ Մէկ ժամն 30 մասն է. մասն մէկ հոլով է. մէկ հոլովն 500 ասպարէզ է. ասպարէզն 300 կանգուն է. քայլն 14 բուռն է. մէկ կանգունն 7 բուռն է. մեկ քայլն 7 ներբան է. մէկ ներբանն 16 գարեհատ է. մէկ մղոնն 7[15] ասպարէզ է. մէկ մղոն 48 խրասխ է։ Խրասխն 22 քայլ է և 44 կանգուն է. մէկ մղոնն 1050 քայլ է և 2100[16] կանգուն. 10 ասպարէզն 1500 քայլ է. 20 ասպարէզն 3000 քայլ է. 40 ասպարէզն 6000 քայլ է. 100 ասպարէզն 30.000 կանգուն է. 500 ասպարէզն 75.000 քայլ[17] է. 10 հոլովումն 82 մղոն է։ (?). լայնութիւն արեգականն 500 ասպարէզ է և 150.000 կանգուն»։

Այս հաշիվը խիստ կարևոր է, որովհետև նրա մեջ ասպարեսը և մղոնը համեմատված են զանազան չափերի հետ։ Վկայության առաջին մասում՝ «քայլն 6 ոտն է. ոտն 16 մատն է. մղոնն 7 ասպարէզ է»

---

[13] *Բնագիրն այստեղ, անշուշտ, աղավաղված է. պետք է լինի՝ «ասպարէզն նետաձիգ է. նետաձիգն 150 քայլ է»։*

[14] *Տպ. ընդ. ուղղել ենք ընդ։*

[15] *Տպ. ե. ուղղել ենք է։*

[16] *Տպ. ոե. ուղղել ենք սե։*

[17] *Տպ. մղոն. ուղղել ենք՝ քայլ։*

քաղված է ասպարիսական նախորդ վկայություններից։ Իսկ վկայության երկրորդ մասի հաշիվները միանգամայն տարբեր են և քայլն այնտեղ հավասար է ցույց տրված ո՛չ թե 6 ոտի, այլ 7 ներբանի։

Լուծման բանալին այստեղ ևս, իմ կարծիքով, ասպարեսի չափն է, որը մենք դարձյալ համապատասխան ենք ենթադրում վերոհիշյալ «ասպարիզաց ասպարէզ»-ին (=230,112 մետր)։ Հենց այս լուսաբանությամբ որոշվում են, ինչպես կտեսնենք, ո՛չ միայն Անանուն հեղինակի վերոհիշյալ չափերը, այլ և այն չափական սիստեմը, որին դրանք պատկանում են։

Անանուն հեղինակի մոտ ամենից առաջ ուշադրության արժանի է, որ ասպարեսի երկարությունը ցույց է տրված 150 քայլ, իսկ մղոնինը՝ 150×7=1050 քայլ։ Պարզ է, որ այս քայլն իր երկարությամբ տարբեր է վերև քննված քայլերից։ Վերև մենք համաձայն Աշխարհացույցի վկայությունների, քայլը հաշվել էինք՝ 230,112:142⁶/₇=1,610784 մետր կամ 230,112:144=1,598 մետր. իսկ Անանունի մոտ քայլի երկարությունը ստանում ենք՝ 230,112:150=1,53408 մետր։

Անանունի մոտ բացի ասպարեսից և քայլից հիշատակված են՝ մղոն, խրասխ, կանգուն, ներբան, բուռն և գարեհատ։

Քննենք առանձին առանձին նաև այս չափերը։

Ուշագրավ է խիստ, որ մղոնը թե Աշխարհացույցի համառոտ ու ընդարձակ խմբագրություններում, թե «Յաղագս ընթացից արեգական» հատվածում և թե այս վկայության մեջ ենթադրվում է հավասար 7 հատվածում և թե այս վկայության մեջ ենթադրվում է հավասար 7 ասպարեսի։ Չափական զանազան հին սիստեմների մեջ մղոնի երկարությունը, ինչպես հայտնի է, եղել է, մեծ մասամբ, 7½, 7⅓, 8⅓ կամ 10 ստադիոն։ Հայ աղբյուրների միաբանությունը մղոնի հաշվում առանձնապես աչքի է ընկնում։ Անգամ աշխարհագրական ստադիոնին համապատասխանող մղոնը հայ աղբյուրները համարել են 7 ասպարես։ Միակերպ այս ցուցմունքները, իմ կարծիքով, հավանական մի ակնարկ են, որ ասպարիսական չափերի հայ հեղինակներին հայտնի է եղել, գլխավորապես, այդ մղոնը։ Ըստ երևույթին, հենց այդ չափի յոթնասպարիսյան մղոնը գործածական է եղել Հայաստանում նրանց ժամանակ։ Որ Հայաստանում գործածվող երկայնության չափերի սիստեմներից մեկը, հավանորեն, յոթնորդական մի սիստեմ էր՝ այդ անհավանական չէ, ինչպես կտեսնենք, նաև ուրիշ նկատառումներով։

Համաձայն մեր լուծման Անանունի հատվածում մղոնի երկարությունը կլինի՝ 230,112:7=1610,784 մետր։ Աշխարհագրական ստադիոնին վերաբերվող մեր առաջին հաշվում, ինչպես վերև տեսանք, ասպարեսն ուղիղ «ըստ օդաչափութեան» ճիշտ և ճիշտ հավասար էր ստացվել այս թեան

մղոնի $^1/_{10}$-ին՝ 161,0784 մետր։ Նույն հաշվում քայլը 1,610784 մետր էր. ուրեմն՝ եթե առաջին հաշվի չափերն իրական համարվեն, Անանունի մղոնը հավասար կլինի 1000 այդ մեծության քայլի։

Խրասխի մասին Անանունի հատվածում կա հետևյալ վկայությունը՝

«Մէկ մղոնն 48 խրասխ է. խրասխն 22 քայլ է և 44 կանգուն է»։

Շատ պարզ է, որ խրասխն այստեղ չունի հրասախի կամ փարասախի իմաստ, որն ըստ Աշխարհացույցի հավասար էր 3 մղոնի։ Անանունի խրասխը համապատասխանում է հին plethron-ին, որը չափական գրեթե բոլոր սիստեմներում համարվում էր ստադիոնի 1/6 մասը։ Ինչպես Աշխարհացույցում, նույնպես և այս հատվածում՝ կոտորակները դարձյալ չեն նշանակված։ Որովհետև Անանունի մղոնը 1050 քայլ է և հավասար է 48 խրասխի, ուստի այս խրասխը հավասար կլինի՝ 1050:48=$21^7/_8$ քայլի կամ 2100:48=$43^3/_4$ կանգունի, իսկ ասպարեսը՝ 48:7=$6^6/_7$ խրասխի։

Խրասխի երկարությունն այժմ մետրերով ստացվում է՝ 1610,784:48=33,558 մետր։ Դեկուրդեմանշը փիլետերյան նոր բաժանման պլեթրոնը ենթադրում է՝ 230,112:45=38,352 մետր[18], ուստի Անանունի այս խրասխը կազմում է փիլետերյան այդ պլեթրոնի 7/8-ը։

Քայլի և կանգունի մասին Անանունն ունի հետևյալ վկայությունը՝

«Մէկ մղոնն 1050 քայլ և 2100 կանգուն. 10 ասպարէզն 1500 քայլ է»։

Քայլն այստեղ, ինչպես տեսնում ենք, հավասար է 2 կանգունի։ Անանունի մղոնի երկարությունը վերև մենք հաշվել էինք 1610,784 մետր. ուրեմն՝ նրա քայլը հավասար կլինի՝ 1610,784:1050=1,53408 մետրի, իսկ կանգունը՝ 1610,784:2100=0,76704 մետրի։ Ինչպես վերևի մեր հաշիվներում, նույնպես և այստեղ՝ քայլը կրկնակի քայլ է։

Քայլի և կանգունի վերաբերյալ մեր եզրակացությունները երաշխավորում են մեր հաշիվների ճշտությունը։ Անանունի կանգունը կատարելապես համապատասխանում է փիլետերյան հին բաժանման երկար կանգունին[19] (=0,76704 մետր)։ Իսկ ամենակարևորը և ուշագրավն այն է, որ փիլետերյան այդ սիստեմը յոթնորդական սիստեմ էր և հենց նրանից, ըստ երևույթին, ծագել է Անանունի չափական սիստեմը։

Բացի վերև քննված չափերից Անանունի մոտ հիշատակված են նաև երեք նոր չափեր՝ ներբան, բուռն և գարեհատ՝ հետևյալ հատվածում՝

«Քայլն 14 բուռն է. մէկ կանգունն 7 բուռն է. մէկ քայլն 7 ներբան է. մէկ ներբանն 16 գարէհատ է»։

[18] Traité pratique, էջ 76։

[19] Նույնը, էջ 75։

Այս վկայության համաձայն քայլի երկարությունը ստացվում է՝ 7 ներբան, 14 բուռն կամ 112 գարեհատ. կանգունի երկարությունը՝ $3^1/_2$ ներբան, 7 բուռն կամ 56 գարեհատ. բուռն երկարությունը՝ 8 գարեհատ։ Բուռը, ինչպես հայտնի է, հին չափական սիստեմներում հավասար էր 4 մատի։ Անանունի մոտ բուռը չէր կարող, իհարկե, պակաս լինել 4 մատից, ուստի մատը նրա մոտ հավասար է, հավանորեն, 2 գարեհատի։

Կանգունի երկարությունն էր ըստ մեր հաշվի 0,76704 մետր. ուրեմն՝ վերոհիշյալ չափերի երկարությունն այժմյան մետրերով կլինի՝

1. ներբան՝ 0,76704:$3^1/_2$=0,21915$^3/_7$ մետր.
2. բուռն՝ 0,76704:7=0,10957$^5/_7$ մետր.
3. [մատ՝ 0,76704:28=0,2739$^3/_7$ մ.].
4. գարեհատ՝ 0,76704:56=0,01369$^5/_7$ մետր.

Այս չափերից բուռը և մատը ճիշտ և ճիշտ համապատասխանում են դարձյալ փիլետերյան հին բաժանման չափերին (տե՛ս Դեկուրդեմանշի մոտ, էջ 75՝ բուռն=0,10957$^5/_7$ մետր, մատ=0,02739$^3/_7$ մետր)։

Համեմատական մետրոլոգիայի համար Անանունի չափերի այս լուծումը կարևոր մի նորություն է։ Չափական այս սիստեմը, ըստ երևույթին՝ Հայաստանում գործածվող հիմնական սիստեմներից մեկն է։ Վենետիկի Դ ձեռագրի հավելվածում ևս կանգունը ցույց է տրված հավասար 7 բուռն (Բացատրություն, էջ 39, ծանոթ. 8)։

Չափական այս սիստեմի գլխավոր առանձնահատկությունն այն է, որ երկար կանգունը բաժանված է 28 մասի՝ կանգունը=7 բուռն և բուռը=4 մատի։ Յոթնորդական այս բաժանումը հատկանշային է, գլխավորապես, փիլետերյան հին սիստեմում։

Հետագայում փիլետերյան երկար կանգունը, Դեկուրդեմանշի կարծիքով, բաժանված է եղել 8 բուռն և այսպիսով առաջ է եկել փիլետերյան նոր բաժանումը, որը համապատասխանում է այն բաժանումներին, որ սովորական էին հին չափական սիստեմներում։

Յոթնորդական սիստեմի մուտքը Հայաստան հավանական է ենթադրել Պարսկաստանից։ Վերև մենք տեսանք, որ ասպարեսն այս սիստեմում Պարսից մեծ ասպարեսն է (=230,112 մետր.)։ Որ բյուզանդական չափական սիստեմը տարբեր էր այս սիստեմից, այդ երևում է Հուլիանոս Ասկալոնացու մի վկայությունից, որը տպված է Վիդեբանտի հետազոտություններում[20]։

Ավելորդ չեմ համարում քաղվածորեն մեջ բերել այդ հատվածը, որ հիմնովին զանազանվում է Անանունի հատվածից։

[20] Forschungen, էջ 123—124։

Համաձայն Ասկալոնացու վկայության՝ ուղուկը կամ բուռնը 4 մատ է. ոտը 4 բուռն է կամ 16 մատ. կանգունը (միջակ) $1^1/_2$ ոտ է կամ 6 բուռն կամ 24 մատ. քայլը 2 կանգուն է կամ 3 ոտ կամ 12 բուռն. գիրկը 2 քայլ և կամ 4 կանգուն կամ 6 ոտ. ձողը (akaina) $1^1/_2$ գիրկ է կամ 6 կանգուն կամ 9 ոտ և կամ 36 բուռն. պլեթրոնը 10 ձող է կամ 15 գիրկ կամ 30 քայլ կամ 60 կանգուն կամ 90 ոտ. ստադիոնը 6 պլեթրոն է ևն.:

Չափական այս սիստեմը, ինչպես տեսնում ենք, յոթնորդական չէ: Նրա մեջ գիրկը հավասար է 6 ոտի և ոտը 16 մատի: Եվ այս բաժանումը հատուկ է նաև չափական հին սիստեմների մեծամասնության: Որ Հայաստանում ևս այս երկրորդ կարգի բաժանումը հայտնի է եղել, այդ մասին հետաքրքիր մի տեղեկություն բերված է Ալիշանի Այրարատում:

Խոսելով մղոնաչափերի մասին՝ Ալիշանը ծանոթության մեջ հաղորդում է հետևյալը (էջ 412—413, ծան. 6)՝

«Հեղինակն թուի Անանիա Շիրակացին, երէ չիցէ հնագոյն քան զնա ոք, զի գրի և ընդ գործս սորա և ընդ աշխարհագրութեան խորհնացուոյ, եւ ընծայի ի հեղինակէն առ երկասիրող ոմն ի գործս Պապայ Աղեքսանդրացւոյ և Պորփիւրի և նմանեաց. ինքն միայն զչափն մղոնից եդեալ է. յետոյ Սարգիս ոմն յաւելեալ է և զասպարէզն, որ է $^1/_5$ մղոնի, և զնետաձիգն որ է $^1/_{60}$ ասպարիզի. իսկ մղոն համարեալ է 1000 քայլ· քայլն 6 ոտն, ոտն 6 մատն և այլն: Կամ ըստ այլ օրինակի՝ մղոնն (ասպարէզն) 167 գիրկ, գիրկն 6 թիզ, թիզն 8 կոճ, կոճն 2 ըղունգն և «յղղընգանն վերայ 2 գարի դադարէ»:

Այս ծանոթությունը վերաբերվում է մղոնաչափերի ցանկին, որը հրատարակված է նաև Աղվեսագրքում[21] և Սեն-Մարտենի մոտ (Mémoires II, էջ 395—397):

Ալիշանի ենթադրությունը այս ցանկի հեղինակի մասին, իհարկե, վիճելի է ու անհավանական: Սակայն ուշագրավ է ծանոթության վերջին մասը: Ըստ այդ տեղեկության՝ Ալիշանի ձեռքի տակ եղած ձեռագրներից մեկն ասպարեսի մասին ունեցել է, ինչպես տեսնում ենք, կարևոր մի նոր հաշիվ: Համաձայն այդ հաշվի՝ ասպարեսը 167 գիրկ է, գիրկը 6 թիզ, թիզը 8 կոճ, կոճը 2 ըղունգ և ըղունգը 2 գարի: Միանգամայն պարզ է, որ այս հաշիվը յոթնորդական չէ, այլ համապատասխանում է սովորական մյուս բաժանման:

Գիրկն այստեղ, այսինքն orgyia-ն՝ հավասար է, ինչպես և չափական հին սիստեմների մեծամասնության մեջ, 96 ըղունգի կամ մատի. թիզը (=16 ըղունգի) համապատասխանում է իր երկարությամբ նույն սիստեմների ոտին, իսկ ասպարեսը, որ 167 գիրկ էր, իմ կարծիքով, ավելի մեծ եղած պիտի լիներ, քան Պարսից կամ ասպարիսաց ասպարեսը, որի երկարությունն Անանունի մոտ, ինչպես վերև տեսանք, 150 քայլ էր:

Թեև Պարսից կամ ասպարիսաց ասպարեսը համարվել է յոթերորդ դարում ամենաերկար ասպարեսը, սակայն նոր վկայությունից դժվար չէ հետևեցնել, որ Ալիշանի հիշած ասպարեսը բացառիկ ու հազվագյուտ մեծության ասպարես է: Այս կարևոր եզրակացությունը մեծապես նպաստում է վերոհիշյալ չափերի լուծման:

Ալիշանի մատնանշած այս ասպարեսը, մեր կարծիքով, կարող է լինել Պտողեմյան շրջանի Աղեքսանդրացոց սիստեմի ասպարեսը: Այս սիստեմի չափական որոշ միավորները, ինչպես վկայում է Դեկուրդեմանշը[22], համապատասխան են եղել եբրայական չափերին և հանդիպում են Հին և Նոր Կտակարանների վկայություններում: Հասկանալի է ուրեմն, որ այդ չափերը լուսաբանված պիտի լինեին մեկնաբանական հայ գրվածքներում:

Արդ՝ Աղեքսանդրացոց սիստեմի ստադիոնը հավասար էր, ինչպես հայտնի է, $266,3^1/_2$ մետրի: Ալիշանի ծանոթության մեջ ասպարեսի երկարությունը պետք է ենթադրել հավասար ոչ թե 167, այլ $166^2/_3$ կամ $500/3$ գրկի: Կոտորակները, ինչպես վերոհիշյալ վկայություններում, նույնպես և այստեղ՝ անտես են առնված: Ենթադրելով ասպարեսը, որ $166^2/_3$ գիրկ՝ ստանում ենք հետևյալ նորերը ($=266,3^1/_3$ մետրի)՝ հաշիվը՝

1. գիրկ՝ $266,3^1/_3 : 500/3 = 1,598$ մետր.
2. թիզ՝ $1,598 : 6 = 0,266\ ^1/_3$ մետր.
3. կոճ՝ $0,266^1/_3 : 8 = 0,33^7/_{24}$ մետր.
4. ըղունգ՝ $0,033^7/_{24} : 2 = 0,016^{31}/_{48}$ մետր.
5. գարի՝ $0,016^{31}/_{48} : 2 = 0,008^{31}/_{96}$ մետր.

Այս բոլոր չափերն իրական են և միանգամայն հավանական: Ուշագրավ է խոսա, որ գիրկը և թիզը համապատասխանում են Երատոստենեսի ստադիոնի վերոհիշյալ քայլին ու ոտին, որ վերև մենք մատնանշել էինք Աշխարհացույցի ընդարձակ խմբագրության վերաբերյալ հաշիվներում, նաև աշխարհագրական ասպարեսի հատուկ աղյուսակում: Այս զուգադիպությունը չի կարող, հարկավ, պատահական լինել և, ինձ

[21] Տե՛ս «Գիրք աշխարհաց և առասպելաբանութեանց որ է Ազուէսագիրք», Մարսիլեայ, 1683, էջ 61—64:

[22] Traité pratique, էջ 78:

թվում է, այս վերջին լուծումը ևս կարելի է համարել բավարար ու ընդունելի։

Մեր եզրակացություններն Անանունի հատվածի և Ալիշանի ծանոթության չափերի մասին՝ կարևոր ենք գտնում տալ նաև հատուկ աղյուսակի մեջ, մանրամասն նշելով առանձին չափերի թվական հարաբերությունները։ Փակագծերի մեջ մենք նշանակել ենք հին չափական սիստեմները և այն առանձին չափերը (ըստ Դևկուրդեմանշի), որոնց համապատասխանում են մեր քննած չափական միավորները։

Երկարության բոլոր հրատարակված չափերը, որ վերագրվել են ենթադրաբար Անանիա Շիրակացուն, ինչպես տեսնում ենք, լուսաբանվում ու լուծվում են, և միաժամանակ ստացվում են խիստ կարևոր հետևություններ չափական միանգամայն նոր ու անհայտ սիստեմների մասին։ Վերև առաջ բերված մեր աղյուսակներից առաջինը, որ ծագել է, հավանորեն, փիլետերյան հին բաժանման չափական սիստեմից, կարող է ըստ իս կապ ունենալ միջնադարյան պարսկական չափերի հետ։ Այս ենթադրությունն անսպասելի նոր հնարավորություններ է ընձեռում մասնագետ մետրոլոգներին հետազոտություններ կատարելու նաև այս ուղղությամբ։

Ալիշանի ծանոթության չափերը նույնպես ուշադրության արժանի են։ Այդ երկրորդ աղյուսակի մեջ առանձնապես ուշագրավ է գիրկը, որը փիլետերյան-հռոմեական մղոնի ուղիղ $^1/_{1000}$-րդ մասն է։ Հնարավոր է միանգամայն, որ այդ գիրկն իրական չափ էր Հայաստանում և Մերձավոր Արևելքում. անհավանական չէ նաև, որ նույն գիրկը կարող էր կապ ունենալ փիլետերյան-հռոմեական սիստեմի չափերի հետ, որոնք ըստ Վիդեբանտի գործ էին ածվում Արևելքում։ Վերոհիշյալ հաշիվները կարող են, ուրեմն, ելակետ ծառայել նորանոր ծանրակշիռ ընդհանրացումների և նպաստել համեմատական մետրոլոգիայի այն պրոբլեմների լուսաբանության, որ վերաբերվում են Մերձավոր Արևելքին։

Մեր այս աշխատությունը սկզբնական հետախուզումն է միայն, որի մեջ լուսաբանված են ու լուծված Անանիա Շիրակացուն վերագրված կշիռները և չափերը։ Ինքն ըստ ինքյան հասկանալի է, որ տարբեր դարաշրջաններում և Հայաստանի զանազան մասերում կարող էին գործածական լինել տարբեր սիստեմների կշիռներ ու չափեր։ Չափագիտական այս խնդիրն իր ընդարձակ ծավալով կարոտ է, անշուշտ, նոր քննության հետագա ուսումնասիրություններում։ Կարելի է հուսալ, որ այդ հետախուզումների համար կգտնվին անտիպ նյութեր և որոշ կռվաններ էջմիածնի ու մյուս մատենադարանների ձեռագիրներում։ Նման նյութերի հավաքման ու մշակման անհրաժեշտությունը, կարծում եմ, ավելորդ

Երկարության չափերն Անանունի հատվածում.

Գործոն	.	.	.	.	.	.	.	.	.	1	0,013·69$^1/_2$ մետր
Մատ (=մատ՝ միլեսս. հին բաժանման)	.	.	.	.	.	.	.	.	1	2	0,027·39$^1/_2$ »
Բուռն (յուն՝ միլեսս. հին բաժ.)	.	.	.	.	.	.	.	1	4	8	0,109·575$^1/_2$ »
Ներքան	.	.	.	.	.	.	1	2	8	16	0,219·153$^1/_2$ »
Կանգուն (երկար կ. միլ. հին բաժ.)	.	.	.	.	.	1	3$^1/_2$	7	28	56	0,767·04
Քայլ	.	.	.	.	1	2	7	14	56	112	1,534·08
Հրաման (=7/8 միլ. նոր բաժ. ալեքիոնի)	.	.	.	1	217$^5/_8$	433$^1/_4$	1521$^1/_8$	3061$^1/_4$	1225	2450	33,558
Ասպարեզ (Պարսից, միլ. նոր բաժ. և ուր.)	.	.	1	6$^{6}/_{7}$	150	300	1050	2100	8400	16800	230,112
Մղոն	1	7	48	1050	2100	7350	14700	58800	117600	1610,784	

Երկարության չափերն Ալիշանի ծանոթության մեջ.

Գործի	.	.	.	.	.	.	.	1	0,008·31$^1/_{96}$ մետր
Հյուսնի	.	.	.	.	.	.	1	2	0,016·63$^1/_{48}$ »
Նիզ	.	.	.	.	.	1	2	4	0,033·27$^1/_{24}$ »
Իլիզ (=ոտ՝ արմնագլ. սիստ.)	.	.	.	.	1	2	8	16	0,266·13$^1/_3$ »
Գեզերկ (=ձող՝ արմեն. սիստ.)	.	.	.	1	8	16	32	64	1,598 »
Ասպարեզ (=աստիճան՝ Ալեքս. սիս.)	.	.	1	6	48	96	192	384	386,31$^1/_3$ »

է այլևս շեշտել։ Վերև ստացված մեր հետևությունները պարզ ցույց են տալիս նրանց բացառիկ կարևորությունը թե մետրոլոգիական և թե տնտեսագիտական տեսակետից։

Ուստի այդ նոր աղբյուրների գիտական հրատարակությունը պետք է համարել հերթական մի գործ՝ արժանի հատուկ ուշադրության։

Երևան.
Մայիս 1930 թ.

ՅԱՆՑ ԱՂԲՅՈՒՐՆԵՐԻ ԵՎ ԳՐԱԿԱՆՈՒԹՅԱՆ

Աղբյուրներ

1. Անանիա Շիրակացու՝ «Յաղագս կշռոց և չափուց». տպագրված է հետևյալ հրատարակությունների մեջ՝ ա. Հ. Ալվերյան, «Բացատրութիւն չափուց և կշռոց նախնեաց», Վիեննա, 1821, էջ 21—32. բ. Ք. Պատկանյան, «Անանիայի Շիրակունւոյ, Մնացորդք բանից», Ս. Պետերբուրգ, 1877, էջ 27—31. օգտվել ենք նաև Էջմիածնի մատենադարանի № 596 (Կար. ցուց. 582) և № 2195 (Կար. ցուց. 2152) ձեռագրներից։

2. «Յաղագս ընթացից արեգական և համարոյ չափուց» համառոտ վկայությունը. տպագրված է Հ. Ալվերյանի և Ք. Պատկանյանի վերոհիշյալ հրատարակություններում. օգտվել ենք նաև Լազարյան ճեմարանի № 125 ձեռագրից, որ գտնվում է այժմ Էջմիածնի մատենադարանում։

3. Աշխարհացույցի համառոտ ու ընդարձակ խմբագրությունները. համառոտը տպագրված է հետևյալ հրատարակություններում՝ ա. «Մովսէսի Խորենացւոյ, Մատենագրութիւնք», Վիեննա, 1843, էջ 585—616. բ. M. J. Saint-Martin, Mémoires historiques et géographiques sur l'Arménie, II, Paris, 1819, էջ 301—394. գ. К. Патканов, Армянская география VII века, СПб, 1877, ընդարձակը հրատարակել է Արսեն Սուքրյանը՝ «Աշխարհացույց Մովսեսի Խորենացւոյ յաւելուածովք նախնեաց», Վիեննա, 1881։

4. Անանուն հեղինակի ասպարիսական չափերի վերաբերյալ հատվածը, տե՛ս ա. Saint-Martin, Mémoires, II, էջ 379. բ. Ք. Պատկանյան, «Անանիայի Շիրակունւոյ, Մնացորդք բանից», էջ 32—33։

5. Ալիշանի ծանոթության վկայությունը, տե՛ս Այրարատ, Վիեննա, 1890, էջ 412—413։

6. Եպիփան Կիպրացու, «Յաղագս չափուց և կշռոց», տե՛ս Հ. Ալվերյան, Բացատրություն, էջ 1—20։

1 «Ամիրտովլաթի Ամասիացւոյ, Անգիտաց անպէտս», հրատ. Կ. Բասմաջյանի, Վիեննա, 1926։

2 «Գիրք աշխարհաց և առասպելաբանութեանց որ է Ազուէսագիրք», Մարսիլեաւ, 1683։

3 J. A. Decourdemanche, Traité pratique des poids et mesures des peuples anciens et des arabes, Paris, 1909.

4 Նույնը՝ Étude métrologique et numismatique sur les dirhems arabes, տե՛ս Revue Numismatique, IV série, tome douzième, Paris, 1908.

5 Dictionnaire des antiquités grecques et romaines, հրատ. M. Edmond Saglio et M. Edmond Pottier, Paris.

6 Զարբհանալյան Հ. Գ., Հայկական հին դպրության պատմություն, Վիեննա, 1897։

7 Lagarde P. de, Gesammelte Abhandlungen, Leipzig, 1866.

8 Նույնը՝ Symmicta II, Göttingen, 1880.

9 Christensen A., L'empire des Sassanides, Kobenhavn, 1907.

10 Chronique de Denys de Teil-Mahré, publ. et trad. par I. B. Chabot, Paris, 1895.

11 Cremer A., Culturgeschichte des Orients unter den Chalifen, Wien, 1875.

12 Մանանդյան Հ., Նյութեր հին Հայաստանի տնտեսական կյանքի պատմության, I, Գիտ. և Արվ. ինստիտուտի «Տեղեկագիր», Երևան, 1927, № 2։

13 Նույնը, Նյութեր հին Հայաստանի տնտեսական կյանքի պատմության, II, Պետհամալսարանի Գիտ. «Տեղեկագիր», Երևան, 1928, № 4։

14 «Մխիթարայ Գօշի Դատաստանագիրք Հայոց», հրատ. Վ. Բաստամյանցի, Վաղարշապատ, 1880։

15 Noeldeke Th., Tabari, Geschichte der Perser und Araber zur Zeit der Sasaniden, Leyden, 1879.

16 Орбели И. А., Вопросы и решения вардапета Ананиа Ширакаци, Пг., 1918.

17 «Պատմութիւն Սեբէոսի եպիսկոպոսի ի Հերակլն», հրատ. Ք. Պատկանյանի, Ս-Պետերբ., 1879։

18 «Պատմութիւն նահանգին Սիսական, արարեալ Ստեփանոսի Օրբելեան արքեպիսկոպոսի», Թիֆլիս, 1911։

19 Viedebantt Oskar, Antike Gewichtsnormen und Münzfusse, Berlin, 1923.

20 Նույնը, Forschungen zur Metrologie des Altertums, Leipzig, 1917.

21 Նույնը, Ueber die Erdumfangberechnungen des Eratosthenes, Hipparchos, Poseidonios, Klio 14, 1914.

22 Տեր-Մկրտչյան Գ., Անանիա Շիրակացի, Վաղարշապատ, 1896։

23 Zeitschrift für armenische Philologie, Erster Band, Marburg, 1903

ՔԱՂԱՔՆԵՐԸ ՀԱՅԱՍՏԱՆՈՒՄ 10—11-ՐԴ ԴԱՐԵՐՈՒՄ

10—11-րդ դարերը հայ ժողովրդի պատմական անցյալում տնտեսական և կուլտուրական մեծ ու անօրինակ վերելքի շրջան էին: Այդ վերելքի հիմքը և առանցքը կազմում էին, ինչպես այժմ պարզված է, քաղաքների արագ բարգավաճումը, առևտրի ու ապրանքային տնտեսության բուռն զարգացումը և հարուստ ու ազդեցիկ առևտրական հայ բուրժուազիայի զորեղացումը:

Հովհաննես Դրասխանակերտցին տնտեսական այս վերելքի մասին գրում է.

«Իսկ այն օրերում Տերը բարեհաճ վերաբերվեց Հայաստան աշխարհին, պատսպարեց և աջողություն շնորհեց ամեն տեսակ բարի գործերում: Ամեն մարդ բնակվեց իր ժառանգության մեջ և, սեփականելով իր երկիրը՝ տնկեց այգիներ և աճեցրեց ձիթենիների ու պարտեզների բուրաստաններ. հերկեցին հերկ փշերից հետու և հավաքեցին պտուղ հարյուրապատիկ. լիքը լցվեցին հունձը վերջանալուց հետո ցորենի ամբարները և լցվեցին այգեկութից հետո գինու հորերը. ցնծությունը սիրեց լեռներին, որովհետև նրանց վրա շատացան արածող տավարի նախիրները և ոչխարի հոտերը: Նվ մեր գլխավոր նախարարները, ապահովվելով և հանգստանալով ասպատակների հարձակումներից՝ շինում էին մեծաստաններում, ավաններում ու ագարակներում քարաշեն, հաստահեղույս, կրաձույլ եկեղեցիներ»:

«Իսկ աշխարհիս Հայաստանեայց յաւուրսն յայնոսիկ այց արարեալ Տեառն և պատսպարեալ և յաջողեալ ի բոլոր բարութիւնս՝ բնակեցան իւրաքանչիւրոք ժառանգութիւնս իւրեանց. և սեպհականեալ զերկիր՝ տնկեցին այգիս և արմատացուցին բուրաստանս ձիթենեաց և պարտիզաց. հերկեցին հերկս արտաքոյ փշոց և կթեցին պտուղ հարիւրաւորս. զեղան շտեմարանք ցորենոյ ի ժամանակի լրութեան հնձոց. լցան գուբք գինւոյ ի կութս այգեստանեայց և լերինք ցնծութիւն զգեցան, զի բազմացան ի նմա արօտականք անդեայք արջառոց և հօտք ոչխարաց: Եւ գլխաւոր նախարարք մեր յապահովեցեալք և հանգուցեալք ի հինից ասպատակաց՝ շինէին եկեղեցիս վիմարդ, հաստահեղոյս ծուլեալ կրով՝ ի մենաստանս և յաւանս և յագարակս»[1]:

Որ Բագրատունյաց թագավորության ժամանակաշրջանը, իրոք, մի նոր դարաշրջան էր Հայաստանի տնտեսական ու կուլտուրական մեծ վարգացման՝ այդ պարզ երևում է ոչ միայն հայ, այլև օտար աղբյուրների վկայություններից:

Ինչպես հայտնի է նորագույն աշխատություններից, արաբական մատենագիրները Բագրատունյաց Հայաստանը համարում էին իրենց ամենահարուստ երկրներից մեկը: Տասերորդ դարի արաբական աշխարհագիր Իբն-Ֆակիհը իր «Գիրք երկրների մասին» գրվածքում մատնանշում է, որ միմիայն Արաքսի գետահովիտում նրա ժամանակ եղել են մոտ 1000 քաղաք ու գյուղ[2]: Նմանապես և Յակուտն իր «Աշխարհագրական բառարանի» մեջ Հայաստանում գտնվող քաղաքների ու գյուղերի քանակի մասին տալիս է դարձյալ չափազանց մեծ թիվ՝ 18.000 մեծ և փոքր գյուղաքաղաքներ[3]:

Արաբական հեղինակների այս և նման տեղեկությունները, որ թվում են խիստ չափազանցված՝ ճիշտ են, ըստ երևույթին, միայն այն չափով, ինչ չափով որ նրանք համապատասխանում են Ստեփանոս Ասողիկի վկայության: Տարոնեցի այս պատմիչը, որը Բագրատունյաց շրջանի պատմագիր է՝ մատնանշում է, որ Սմբատ Ա-ի (890/1—913/4 թ.) և Աշոտ Ա-ի (887—890/1 թ.) ժամանակ, ուրեմն, իններորդ դարի վերջերում և տասերորդ դարի սկզբներում՝

«Հայոց աշխարհում շենություն էր և խաղաղություն, և համաձայն մարգարեության ամեն մեկը հանգչում էր իր որթի ու թզենու տակ: Նվ մարգարեության ամեն մեկը հանգչում էր իր որթի ու թզենու տակ: Այսպես իրենց բազմամարդությամբ ու ընչեղությամբ ագարակները դառել էին ավաններ և ավանները քաղաքներ. մինչև իսկ հովիվներն ու նախրապանները հագնում էին մետաքսե պատմուճաններ»:

(«Յաւուրս սորա և յիշխանութեան հօր իւրոյ էր շինութիւն և խաղաղութիւն յաշխարհիս Հայոց ըստ մարգարէութեանն՝ հանգչել իւրաքանչիւր ուրուք ընդ որթով իւրով և ընդ թզենեաւ: Եւ այսպէս ագարակքն շիւր ընդ որթով իւրով և ընդ թզենեաւ: Եւ այսպէս ագարակքն շինէին և աւանացեալ քաղաքացեալ բազմամարդութեամբ և ընկաց աւանացեալ և աւանաց քաղաքացեալ բազմամարդութեամբ և ընկաց

---

[1] Յովհաննու կաթողիկոսի Դրասխանակերտցւոյ, Պատմութիւն Հայոց, Թիֆլիս, 1912, էջ 198—199:

[2] Տե՛ս նաև. Հայաստանը Բյուզանդիայի և Իսլամի միջև (Ֆրանսերեն), Փարիզ, 1919, էջ 44:

[3] Նույնը, էջ 44:

չեղութեամբ, մինչև հովուաց և անդէորդաց մեռաքսնայս զգենուլ պատմուճան»)[4]։

Ասողիկի այս վկայության մեջ չափազանցված է, անտարակույս, նրա հաղորդած տեղեկությունը նախարապանների ու հովիվների մեռաքսե շորերի մասին։ Մենք մատնացույց էինք արել «Հայաստանի առևտրի ու քաղաքների մասին» ռուսերեն մեր աշխատության մեջ, որ Բագրատունյաց թագավորության ժամանակաշրջանում բնակչության ստորին խավերի դրությունը ոչ միայն չէր թեթևացել, այլև խիստ ծանրացել էր[5]։ Սակայն, Ասողիկի մյուս կարևոր տեղեկությունները Հայաստանի բարգավաճման և ագարակների ավանացման ու ավանների քաղաքացման մասին, ինչպես տեսնում ենք, լիովին համապատասխանում են արաբական մատենագիրների վերոհիշյալ վկայություններին և, ուրեմն, կարող են միանգամայն հավաստի ու վստահելի համարվել։

Ասողիկի և արաբական աղբյուրների վկայություններին կարող է նոված ծառայել, ըստ իս, նաև այն, որ հայ մատենագրական երկերը Բագրատունյաց Հայաստանում հիշատակում են, իրապես, մեծ թվով «գյուղաքաղաքներ» և «քաղաքագյուղեր», որոնք, հավանորեն, հենց այն հին ավաններն էին, որ դառել էին քաղաքներ։ Հովհաննես Դրասխանակերտցու մոտ մատնանշված են, օրինակ, հետևյալ «քաղաքագյուղերը»՝ «Արուճ», «Աւան», «Բագարան», «Երազգաւորք», «Երևան», «Կողբ», «Մրեն», «Քարունջ», «Գառնոյ գիւղաքաղաք» ու «Թալնայ գիւղաքաղաք» են։

Դվին—Պարթավ հին ճանապարհի վրա, ինչպես մատնացույց էինք արել «Հին Հայաստանի գլխավոր ճանապարհները» մեր աշխատության մեջ[6], նաև այժմ գտնվում են հին Բերդկունքի ու Մաքենիսի ընդարձակ ավերակները, որոնք կոչվում են «Ազատ քաղաք»-ներ և որոնք նշանավոր կենտրոնավայրեր են եղել Բագրատունյաց թագավորության ժամանակաշրջանում։

Հավանորեն, թե այս «Ազատ քաղաք»-ները և թե Հովհաննես Դրասխանակերտցու մոտ հիշատակված վերոհիշյալ «գիւղաքաղաք»-ները հենց այն «քաղաքացեալ աւան»-ներն են, որ հիշված են նաև Ասողիկի մոտ։

Հայաստանի բարգավաճ վիճակը և քաղաքային կյանքի զարգացումը Բագրատունյաց շրջանում, 10—11-րդ դարերում, ինչպես տեսնում ենք, միանգամայն անժխտելի է և հաստատվում է մատենագրական, բազմաթիվ վկայություններով։

* *
*

Արդ՝ ինչո՞վ պետք է բացատրել այդ արտակարգ բարգավաճումը 10—11 դարերում։

Մեր նախորդ աշխատություններից մեկում մենք արդեն մատնացույց էինք արել[7], որ արաբական տիրապետության սկզբնական շրջանում՝ 7—8-րդ դարերում, Հայաստանի տնտեսական կյանքը ետ էր նում, մղվել իր առաջավոր դիրքերից և զարգանում էր բնական տնտեսության հետադարձ հիմքերի վրա։

Օմայանների և առաջին Աբբասյանների ժամանակ Արևելքի առևտուրը Բյուզանդիայի հետ գրեթե անհնարին էր դառել շնորհիվ բյուզանդա-արաբական պարբերաբար կրկնվող համառ պատերազմների։

Այս դրությունը հետզհետե փոխվեց, սկսած իններորդ դարից և, գլխավորապես, 10—11-րդ դարերում։

Արաբական խալիֆայության ասպետական թուլացման և Բյուզանդական կայսրության զորեղացման պատճառով Բագրատունյաց Հայաստանի քաղաքական ու տնտեսական զարգացման համար անսպասելի կերպով ստեղծվեցին այդ ժամանակ բացառիկ նպաստավոր պայմաններ։ Իններորդ դարի վերջերին Շիրակի Բագրատունիները, որոնք դարեր էին արաբական խալիֆայության ենթակա, սակայն ինքնուրույնություն էին ձեռք բերել, ամրանալ ու ընդարձակել իրենց տիրույթները, դարձել էին արաբական խալիֆայության ամենահզոր թագավորներ՝ աշխատեցին չեզոք մնալ ու չմասնակցել բյուզանդա-արաբական կռիվներին։ Նրանց երկիրը, որը Թեոդոսուպոլսի ու Արտաշատի վրայով հաղորդակցություն ուներ Տրապիզոնի և բյուզանդական մյուս նավահանգիստների հետ՝ ոչ միայն մեծ նշանակություն ստացավ իբրև համաշխարհային առևտրի տրանզիտային ճանապարհ, այլև դարձավ տնտեսական իդեալական բուֆեր երկիր և չեզոք վայր միջազգային առևտրի։

Ռուս գիտնական Գուրկո-Կրյաժինը, որը մատնացույց է արել կարևոր այս փաստը՝ Բագրատունյաց Հայաստանի առևտրական դերը համարում է բացառիկ ու արտակարգ այն պատճառով, որ այս ժամանակաշրջանում բոլորովին ընդհատված էին համաշխարհային առևտրական ուղիները։

[4] «Սեբէոսի Տարօնեցւոյ Ասողկան, Պատմութիւն տիեզերական», Ս. Պետերբ., 1885, III գլ. Գ, էջ 161։

[5] Տե՛ս „О торговле и городах Армении в связи с мировой торговлей древних времен", Эривань, 1930, էջ 115։

[6] Տե՛ս էջ 185—192։

[7] Տե՛ս „О торговле и городах Армении", էջ 130—140։

Վան հարաբերությունները Ասորիքի ու Փոքր Ասիայի վրայով։

Պոնտական Տավրոսից սկսած մինչև Միջերկրական ծովը, ասում է Գուրկո-Կրյաժինը[8], մոտ 600 կիլոմետր երկարությամբ և 300 կիլոմետր լայնությամբ տարածվում էր սահմանային լայն գիծը, որը երկու կողմից էլ ծածկված էր ամրություններով և բյուզանդական ստրատիոտների ու մուսուլմանական զորինների զորական բնակավայրերով, որոնք դարերի ընթացքում վարում էին սահմանային կռիվներ։ Աշխարհագրական այս պայմաններում Բագրատունյաց Հայաստանը դառել էր, բնականաբար, գլխավոր ու միակ տրանզիտային ճանապարհը և միակ հարմար ու ապահով վայրը համաշխարհային առևտրի։

Բագրատունիների հովանավորության տակ զարգացող մեծ առևտրի վերակենդանացմանը պետք է վերագրել, անշուշտ, թե՛ Հայաստանի տնտեսական բարգավաճ վիճակը և թե՛ հոյակապ քաղաքների հիմնումն ու նրանց բուռն արագ աճումն այս ժամանակաշրջանում։

* * *

Տնտեսական այս վերելքի շրջանում, տասերորդ դարում, հիմնվել են Հայաստանում, խալիֆայությունից Դվինի վրայով Տրապիզոն տանող տարանցիկ ճանապարհի մոտ՝ Անին, Կարսը և Արծնը, որոնք ամենակարճ ժամանակում դառան խոշոր ու փայլուն քաղաքներ։

Անին, որը հայ մատենագրության մեջ 10-րդ դարից առաջ հիշատակված է որպես ամրոց՝ շուտով հայտնի եղավ իբրև տիեզերահռչակ մեծ քաղաք։ Աշոտ Ողորմածի ժամանակ՝ 953 թվին, նա դառավ գահանիստ կենտրոն ու Շիրակի թագավորության մայրաքաղաք։ Նրա ընդարձակ պատմությունը և պեղումների միջոցով հայտնաբերված հնությունների մանրամասն նկարագրությունը տվել են ակադեմիկներ Ն. Մառը և Հ. Օրբելին[9]։

Անիից Արծն և Արտանուջ տանող ճանապարհի վրա գտնվում էր Կարսը, որը նախքան տասերորդ դարը հիշվում է նույնպես որպես ամրոց՝ «ամուրն Կարուց բերդն»։ Սրա արագ աճումը և վերածվելը տասերորդ դարում խոշոր քաղաքի կապ ուներ դարձյալ տրանզիտային ու միջազգային մեծ առևտրի զարգացման հետ։ Աշոտ Երկաթի

[8] Տե՛ս *В. Гурко-Кряжин*, Прошлое и настоящее Советской Армении, „Новый Восток". М., 1927, кн. 16—17, էջ 205—206։

[9] Տե՛ս **Н. Я. Марр**, Ани, Л., 1934 և Օրբելի, Անվո ավերակները, թարգմ. ռուսերենից, 1911։

եղբայրը և հաջորդը՝ Աբաս Ա-ը (928—953) ի նկատի ունենալով Կարսի ռազմական ամուր դիրքը՝ նրան դարձրեց իր թագավորության աթոռանիստ կենտրոնը։ Իսկ Աբաս Ա-ի մահից հետո՝ նրա որդին՝ Մուշեղը, չճանաչեց իր մեծ եղբոր՝ Անիի թագավոր Աշոտ Ողորմածի իշխանությունը և իր կուսակիցների կողմից ինքը ևս կարգվեց Կարսի մեջ թագավոր։ Եվ այսպիսով սկիզբ դրվեց Կարսի կամ Վանանդի թագավորության։ Նկարագրելով այս քաղաքի ավերումը Սելջուկյան արշավանքների ժամանակ՝ 11-րդ դարի հայ մատենագիր Արիստակես Լաստիվերտցին վկայում է, որ նա հարստացել էր «բազում ընչեղությամբ ի ծովէ եւ ի ցամաքէ ամբարեալ»[10]։ Լաստիվերտցու այս խոսքերը, ինչպես տեսնում ենք, պարզ կերպով ցույց են տալիս, որ Կարսի հարստացման աղբյուրը եղել է ծովային ու ցամաքային առևտուրը։

Կարսից միջազգային առևտրի տարանցիկ ճանապարհը գնում էր Թեոդոսուպոլսի մոտ գտնվող Արծն քաղաքը, որը նույնպես հիմնված էր 10-րդ դարում։ Արիստակես Լաստիվերտցին վկայում է, որ Արծն քաղաքը

«Հոյակապ էր ու հայտնի էր բոլոր երկրներում, իբրև մի քաղաք որ լեռան վրա է. և ծովը և ցամաքը երկնում էին և առատաձեռն կրում էին սրան իրենց կարողությունը»։

(«Որ հոյակապ և ականաւոր էր ամենայն աշխարհաց, իբրև զքաղաք, որ ի վերայ լերինն կայցէ. և ծով և ցամաք երկնէր և առատանայր կրել ի սմա զզօրութիւն իւր)[11]։

Ինչպես մատնացույց է արել ֆրանսիական պատմագետ Լոռանը[12], Արծն քաղաքը հիշատակված է նաև բյուզանդական մատենագիրների Ատտալիատեսի և Կեդրենոսի հետևյալ վկայություններում։

1. Միքայել Ատտալիատես, Պատմություն, Բոննն, 1853, էջ 148՝

«Թեոդոսուպոլիսը թողնված էր ու լքված տարիներ առաջ և գերազանցություն էր տրված լավ դիրք ունեցող հարևան Արծն քաղաքին, ուր ծավալվել էր մեծ անպարիսպ այդ քաղաքը և ուր վաճառվում էին այն ամենը, ինչ որ արտադրում էին Պարսկաստանը, Հնդկաստանը և Ասիայի մյուս երկրները»։

2. Կեդրենոս, Ժամանակագրություն, Բոննն, 1838, II, էջ 577՝

[10] Տե՛ս «Պատմութիւն Արիստակեայ վարդապետի Լաստիվերտցւոյ», Թիֆլիս, 1912, գլ. ԺԵ, էջ 91։

[11] Տե՛ս նույնը, գլ. ԺԲ, էջ 78։

[12] «Հայաստանը Բյուզանդիայի և Իսլամի միջև», Փարիզ, 1919, էջ 44, ծան. 1։

«Սա (Արծնը) անպարիսպ քաղաք է, բազմամարդ և խիտ հարուստ։ Այստեղ բնակվում էին տեղական վաճառականներ և նաև մեծ թվով ասորիներ, հայեր և ուրիշ ժողովուրդներ։ Որովհետև սրանք շատ էին թվով, ուստի և անհրաժեշտ չէին համարում ապրել պարիսպների ետև, չնայած որ մոտ էր Թեոդոսուպոլիսը, որը մեծ ու հզոր քաղաք էր և ուներ անառիկ շրջապարիսպ»։

Ինչպես տեսնում ենք, նաև Արծն քաղաքի միջազգային առևտրական կենտրոն լինելը պարզ երևում է մեջ բերված վկայություններից։

Կարս քաղաքից մի այլ գիծ գնում էր Արտանուջի վրայով դեպի Սև ծովի արևելյան նավահանգիստները։ Առևտրական այս ճանապարհագծի վրա խոշոր ու հարուստ քաղաք էր դառել Արտանուջը, ուր ութերորդ դարի վերջում հաստատվել էր Բագրատունիների կղարջքի ճյուղը, որն իններորդ դարում հիմնադիր եղավ նոր հարստության Վրաստանում։ Արտանուջի առևտրական մեծ դերը մատնացույց է արել բյուզանդական Կոստանդին Միրանածին կայսրը (913—959) իր «Պետության կառավարման մասին» գրվածքում (գլ. 46)[13]։

«Վաճառականները,— ասում է նա,— գալիս են այստեղ Տրապիզոնից, Վրաստանից, Աբխազիայից և բոլոր կողմերից։ Այդ վաճառականներից ստացվում է բավական մեծ մաքս»։

Բացի Անիից, Կարսից, Արծնից և Արտանուջից, որոնք ամենակարճ ժամանակում զարգացել ու դառել էին շքեղ ու փարթամ քաղաքներ, 10—11-րդ դարերում զորեղացել ու հարստացել էին նաև Հայաստանի նախկին քաղաքները՝ Դվինը, Վաղարշապատը, Վանը, Արճեշը, Խլաթը և մյուս կենտրոնները։

Քաղաքների ու քաղաքային կյանքի արտակարգ մեծ զարգացումը 10—11-րդ դարերում, որ հետևանք էր միջազգային առևտրի բուռն վերակենդանացման, ինչպես տեսնում ենք, դարձյալ ակներև ու ցայտուն կերպով ցույց է տալիս, որ Բագրատունյաց թագավորության ժամանակաշրջանը տնտեսական մեծ վերելքի մի շրջան էր։

* * *

Բագրատունյաց Հայաստանի բուռն այս վերելքը պայմանավորված էր, անտարակույս, նաև նրանով, որ Հայաստանը, 10-րդ դարի երկրորդ քառորդից սկսած, ավելի քան մեկ դար, գրեթե չենթարկվեց հարձակումների ու ավերածությունների և ապրեց խաղաղ ու հանգիստ մինչև 11-րդ դարի քառասնական թվականները՝ մինչև Սելջուկյան արշավանքները։

Քաղաքական անդորրության և տնտեսական բարգավաճման բարենպաստ պայմաններում ցայտուն կերպով արտահայտվեցին հայ ժողովրդի ստեղծագործական մեծ ընդունակությունները կուլտուրական շինարարության ու զարգացման բոլոր ասպարեզներում՝ գրականության ու գիտության, արվեստի ու արհեստների և, մանավանդ, ճարտարապետության մեջ։

Նյութական հարստությունների անընդհատ աճումը և դրամական մեծ միջոցների կուտակումը իշխանական տոհմերի, խոշոր առևտրականների և եկեղեցու ձեռին արտակարգ նպաստավոր պայմաններ ստեղծեցին համատարած շինարարության համար։ Թագավորները, խոշոր ֆեոդալները և հարուստ առևտրականները մրցում էին իրար հետ, և աշխատելով իրար գերազանցել՝ կառուցում էին շքեղ ու ճոխ եկեղեցիներ, պալատներ ու այլ շենքեր։

Անշուշտ, հսկայական միջոցներ էին հարկավոր կառուցելու համար ճարտարապետական այնպիսի գլուխգործոցներ, ինչպիսիներ են Բագրատունիների երկհարկանի պալատն Անիում, Անիի հոյակապ կաթուղիկեն, Հովիվի եռահարկ եկեղեցին, ինչպես և գեղեցիկ ու փարթամ մյուս շենքերը, որոնց ավերակները պահպանվել են Անիում, Կարսում և այլ տեղերում։

10—11-րդ դարերում, Սելջուկյան արշավանքներից առաջ, շինարարությունը խիտ զարգացել ու մեծ չափերի էր հասել ոչ միայն Անիի, Կարսի և Լոռիի Բագրատունյաց թագավորություններում, այլև Վասպուրականում, Սյունիքում, Տարոնում և Հայաստանի մյուս շրջաններում։

Բացի եկեղեցիներից ու ապարանքներից, այս ժամանակ կառուցվել են հոյակապ ու ընդարձակ քաղաքային պարիսպներ, ինչպես, օրինակ, Աշոտ Ողորմածի (953—977 թ.) և նրա որդու Սմբատ Բ-ի (977—989 թ.) կառուցած Անիի պարիսպները, քարե մեծ կամուրջներ, օրինակ, հայկական մեծ կամուրջներն Ախուրյան գետի վրա, որոնք զարմանք են պատճառում այժմյան ճարտարապետներին, կուռ ու ամուր բերդեր, ջրմուղներ, իջևաններ և զանազան այլ շենքեր։ Հատուկ ուշադրության արժանի են զանազան տիպի ջրմուղները։ Նիկ. Մառի 1910 թվին Անիում կատարած պեղումներից հայտնի է, որ այստեղ կավե խողովակները ջրի ուժեղ ճնշումից ապահովելու համար ամփոփված են եղել լավ շինված ու միմյանց պինդ հագցրած քարե խողովակների մեջ։

Գաղափար տալու համար, թե ինչպիսի մեծ ծավալ ու շքեղ բնույթ

[13] De administrando impio, ed. Bonn, էջ 208։

է ունեցել 10—11-րդ դարերի շինարարությունը՝ ավելորդ չեմ համարում հակիրճ կերպով մեջ բերել Թովմա Արծրունու վկայություններն Ախթամարի շինության մասին տասերորդ դարի սկզբներում։

«(Գագիկ Արծրունին),—պատմում է Թովմա Արծրունին,—հրաման տվեց բազմաթիվ արհեստավորների ու անթիվ մարդկանց, որ նրանք կտրեն ծառեր ու դժվարակիր վեմ քարեր և դցեն ծովի անհնաբին խոր հատակը։ Եվ որոշ ժամանակվա ընթացքում, շնորհիվ մեծ արքայի հանձն առած ջանքերի՝ հանկարծակի քարահատակ ամբարտակը վեր ելավ ու կանգնեց, բարձրանալով հինգ կանգուն ծովի երեսի վրա։ ... Նրա վրա նա շուրջանակի կառուցեց լարաձգությամբ պարիսպը մոտ հինգ ասպարեզ տարածությամբ։ Եվ պարիսպն էր հրաշակերտ, ահեղակերպ, զարդարված էր բարձրաբերձ լայնանիստ բուրգերով ու բարձր աշտարակներով և ուներ իր մեջ անկյունավոր, խորանանման, տախտակաձև հանգստանալու գահույքներ, ուր իր որդիների ու ազատակույտ զորքերի հետ միշտ ուրախանում էր արքան։ Իսկ պարսպի ծայրերը նա տարավ քարանձավի դժվարամած կիրճերը և սերտ կերպով միացրեց իրար։ Ծովի խորահատակ հիմքերի բերանին նա դրեց ահավորատես, հաստահեղույս, բևեռապինդ դռներ. և այսպիսով, ծովի մի մասն առնելով կղզու կողմը՝ նա հրաշալիք գործեց և ստեղծեց նավերի բազմության համար խաղաղ ու ապահով նավահանգիստ»։

(«Հրաման տուեալ բազում արուեստաւորաց և անթիւ մարդկան զհատեալ վէմս ծանունս և դժուարակիրս հոսել ընկենուլ յատակս ծովուն անհնարին խորութեանն. և ժամանակաւ ինչ այսպէս ջան յանձին կալեալ մեծի արքային՝ և յանկարծակի եկն եկաց կանգնեցաւ քարայատակն ամբարտակ կանգունս հինգ ի վերայ բարձրացեալ մկանաց ծովուն, ... յորոյ վերայ լար եղեալ ձգէ զպարիսպն շուրջանակի իբր ձիաւրշաւանօք հինգ և պարիսպն է հրաշակերտ, ահեղակերպ, բարձրաբերձ լայնանիստ բրգամբք և բարձրացեալ աշտարակօք զարդարեալ, անկիւնաւոր խորանանման տախտակաձև յինքեան ունելով գահոյք զբօսանաց, յորում հանդերձ որդւովք և ազատակոյտ զօրօք միշտ ուրախանայր արքայ։ Իսկ և զզլուխս պարսպին ածեալ ի կիրճս դժուարամածս քարանձաւին՝ ի համբոյրս միմեանց մերձեցուցանէ. ի շրթունս խորայատակ հիմանցն ծովուն դնէ դրունս ահաւորատեսս, հաստահեղոյսս, բևեռապինդս. որով և զմասն ինչ ծովուն ի կղզին կոյս հատանելով՝ հրաշալիս իմն ներգործեաց, բաղում նաւաց յօրինեալ խաղաղ և անքոյթ նաւահանգիստ»)[14]։

14 «Թովմայի վարդապետի Արծրունւոյ, Պատմութիւն տանն Արծրունեաց», 1887, IV, գլ. է, էջ 293—294։

Այնուհետև, ինչպես վկայում է Թովմա Արծրունին, Գագիկ Բագավորը կատարում է իր մոտ հավաքված իշխանների, ազնվականության, հոգևորականության ու ռամիկների խնդիրը և թույլ է տալիս, որ այդ հողակորակության մեջ, որը լինելու էր իբրև ապաստանի վայր հարձակվող թշնամիներից՝ նրանք կառուցեն շինություններ ու ձեռակերտներ։ Եվ հինգ տարվա ընթացքում արագ կերպով քաղաքը շինվում է և պայծառանում։

Առանձնապես հետաքրքրական է Թովմայի մոտ նաև Բագավորական քառանկյունի պալատի կառուցման նկարագրությունը։

«Եվ որովհետև արքունիքում հավաքվել էին,—պատմում է Թովմա,—բազմաթիվ արհեստավորներ, պատվավոր մարդիկ, ժողովված մարդ,—բազմաթիվ արհեստավորներ, պատվավոր մարդիկ, ժողովված երկրի ամեն ազգերից, որոնք կարող էին անել արքայի ուզածը և գործը կատարում էին իսկույն համաձայն հրամանի՝ Բագավորը հրամայեց նրանցից մի ոմն ճարտարապետի, իմաստուն և հանճարեղ անձի, շինել քառանկյունի պալատ, որի լայնության ու երկարության չափը քառասուն կանգուն էր, նույնքան էր և բարձրությունը։ Սրա որմերի լայնությունն ուներ երեք մեծաքայլ չափ տարածություն, և նրանք անապակ կրի ու քարի զանգված էին, որ իրար էին խառնված ինչպես կապարի ու պղնձի ձուլվածքը։ Եվ պալատի շինությունը հիմքից մինչև օդի մեջ կախված նրա գլուխը մնում էր հաստատուն առանց սյուների. և այս, իրավի, մտքից վեր է ու արժանի է զարմանքի։ Պալատն ուներ և կամարակից խորաններ ու անկյուններ և գեղապաճույճ շրջապատեր, որոնք մտքի համար անթվարկելի էին և աչքերի համար անընդելի։ Նա ուներ նաև երկնքի պես բարձր, ոսկեզարդ և լուսաճաճանչ գմբեթներ, որոնց եթե մեկը ուզենար նայել, թագավորին իբր պատիվ անելով՝ նախ պետք է խույրը գլխից հաներ և ապա, տանջելով վիզը՝ հազիվ կկարողանար նշմարել զանազան ներկերով նկարված պատկերները»։

(«եւ քանզի էին ի դրան արքունի գումարեալք արուեստաւորք բազումք, արք պատուաւորք ժողովեալք յամենայն ազգաց յերկրէ, որք ոչ վրիպէին առնել զոր խորհէր արքայ, այլ ըստ հրամանին վաղվաղակի և գոծն առնոյր զկատարումն՝ ումեմն ի նոցանէ ճարտարապետի առն իմաստնոյ և հանճարեղի հրամայէ թագաւորն շինել տաճար մի քառանկիւն, ի կանգնաւ ունելով զչափ լայնութեան և երկայնութեան, նմանպէս և զբարձրութիւնն. որոյ որմոյն լայնութիւնն երիւք մեծաքայլուք և զմասն ինչ ծովուն ի կղզին կոյս հատանելով՝ հրաշալիս իմն ներգործեաց, բաղում նաւաց յօրինեալ խաղաղ և անքոյթ նաւահանգիստ»)[14]։

շրջապատս գեղապաճոյնս, անթիւ մատց և անզնեելի աշաց. ունի և գոմբէթս երկնահարթս ոսկեզարդս և լուսաճաճանչս, յոր թէ նալել ոք կամիցի՝ իբր թագաւորի իմն պատիւ առնելով՝ նախ ի բաց առցէ զխոյր գլխոյն, և ապա տանջեալ զպարանոցն հազիւ թէ նշմարիլ կարիցէ զպանազան գեղոցն կերպագրութիւնս»[15]:

Թովմա Արծրունին, այս հոյակապ պալատի զարմանալի որմնանկարները և երկբացիկ ու գեղեցիկ դռները նկարագրելուց հետո՝ կարևոր տեղեկություն է հաղորդում պալատի շինության համար գործադրված երկաթի քանակի մասին:

«Պատմեց մեզ,—ասում է նա,—քաղաքի գործավարներից վստահելի մի վերակացու, որ պալատի շինության վրա բանեցվել է 200.000 լիտր երկաթ. և նա հավանորեն ու ճշմարտապես ավելի շուտ պակաս է ասել, քան թե առատությամբ ավելացրել է ու բազմապատկել: Իսկ փառաց պալատի դիրքը քաղաքի մեջ երևում էր որպես մի մեծ բլուր գավառի բոլոր կողմերից: Նա իր բարձրությամբ ավելի ցած չէր քան կղզու ծայրում գտնվող քարանձավը:

Անմերձենալի ամրություններով թագավորը պարսպել էր նաև ամրոցի ծայրերը և շինել էր նրա մեջ մեծամեծ շտեմարաններ և համբարանոցներ, նմանապես և գանձատներ և անհուն ու բազմաքանակ զենքերի ու ձիու զարդերի համար պահեստներ»:

(«Պատմեաց մեզ և հաւատարիմ ոստիկան մի ի գործավարաց քաղաքին, եթէ եմուտ ի շինուած տաճարին երկաթ լտերս իբրև ՄՌ. և հաւաստապէս ճշմարտութեամբ նուազեաց գասկն, քան թէ առատութեամբն յաւելեաց ի բազումս. իսկ և նիստ փառաց տաճարին յամենայն կողմանց գաւառին ի մէջ քաղաքին երևի իբրև զմեծ մի բլուր. ոչինչ նուազեալ բարձրութեամբ քան զքարանձաւ ծայր կղզոյն:

Պարսպէ անմերձենալի ամրութեամբ և զծայրս ամրոցին, և շինեալ ի նմա շտեմարանս մեծամեծս և համբարանոցս, միանգամայն և տունս գանձուց և զինուց և ասպազինաց անհուն բազմութեանց»)[16]:

Հարուստ ու հոյակապ այս շինարարությունը և ճարտարապետության ու արվեստների մեծ զարգացումը, որ մատնանշված են Թովմա Արծրունու մոտ, ընդհանուր ու համատարած երևույթ էին վերածնվող Հայաստանի բոլոր շրջաններում:

Ուշագրավ են մեջ բերված վկայությունների մեջ ոչ միայն արվեստի

15 «Թովմայի վարդապետի Արծրունւոյ, Պատմութիւն տանն Արծրունեաց», 1887, IV, գլ. է, էջ 295:

16 «Թովմայի վարդապետի Արծրունւոյ, Պատմութիւն տանն Արծրունեաց», 1887, IV, գլ. է, էջ 296:

ու ճարտարապետության, այլև շինարարական տեխնիկային վերաբերող տեղեկությունները: Թովմա Արծրունու մատնանշած կապարի ու պղնձի հալվածքի նման պինդ կրաքարային որմածքը, քառանկյունի հսկայական պալատը, որ կառուցված էր առանց սյուների, և այդ պալատի վրա բանեցված 200.000 լիտր կամ մոտ 5000 փութ[17] երկաթը՝ կարևոր ցուցումներ են, անշուշտ, որ կարող են դեռ ուշադիր քննության համապատասխան մասնագետների կողմից:

Շքեղ ու հարուստ շինարարության գլխավոր կենտրոններն էին 10—11-րդ դարերում, առավելապես, Հայաստանի վերոհիշյալ մեծ քաղաքները և հայկական մանր իշխանությունների նստավայրերը: Սակայն այդ պատմական վայրերում գտնվող հուշարձաններն ու նյութական կուլտուրայի մնացորդները, դժբախտաբար, բավարարաչափ դեռ չեն ուսումնասիրված: Բացառություն են կազմում միմիայն Անին ու նրա հիշատակարանները, որոնք շնորհիվ ակադեմ. Նիկ. Մառի գիտական լուրջ ու երկարատև աշխատանքների, ուսումնասիրված են և մեզ գոնե մասամբ թե Բագրատունյաց դարաշրջանի քաղաքների և թե, ընդհանրապես, միջնադարյան հայ կուլտուրայի ու ներքին կենցաղի մասին:

Արդ՝ ամենից առաջ, պետք է պարզել, թե ինչ էին ներկայացնում հենց իրենք՝ Բագրատունյաց շրջանի քաղաքները:

Հիմնվելով Ն. Մառի և Թ. Թորամանյանի Անիում կատարած երկարամյա հնագիտական հետախուզումների վրա՝ դժվար չէ, իմ կարծիքով, համոզվել, որ Անին ու Բագրատունյաց Հայաստանի մյուս մեծ քաղաքները շատ քիչ էին տարբերվում Առաջավոր ու Միջին Ասիայի ժամանակակից քաղաքներից:

Պարսկաստանի ու Միջին Ասիայի մեծ քաղաքները, ինչպես երևում է ակադեմ. Բարտոլդի հաղորդած տեղեկություններից[18], բաղկացած էին երեք մասերից, որ անվանվում էին «կուխենդուզ», «շահրիստան» և «ռաբադ»: «Շահրիստան»-ը, որը շրջապատված էր հատուկ պարիսպով՝ քաղաքների ներքին մասն էր, և կարելի է ասել, որ նա հենց բուն քաղաքն էր: Նրա կենտրոնում, մայր մզկիթի շուրջը, գետեղված էին մեծ շուկաները, և նրա մեջ էր գտնվում նաև «կուխենդուզ»-ը՝ քաղաքի միջնաբերդը կամ ամրոցը: «Շահրիստան»-ին կից և նրա պարիսպներից դուրս գտնվում էին քաղաքի արվարձանները՝ «ռաբադ»-ը, որը համարյա վոտ էր նույնպես քաղաքի մասը և հաճախ շրջապատված էր, ինչպես

17 Լիտրը Թովմայի վկայության մեջ, հավանորեն, հրաքի լիտրն է, որը հավասար է 408 գրամի:

18 Տե՛ս В. Бартольд, Историко-географический обзор Ирана, СПб., 1903 էջ 8, 9, 29, 35 և ն.

և «շահրիստան»-ը, հատուկ պարիսպներով։ «Շահրիստան»-ում ապրում էին ազնվականությունը և իշխող դասերը, իսկ «ռաբադ»-ում, գլխավորապես, աշխատավոր ռամիկ բնակչությունը, որի մեջ մեծ թիվ էին կազմում հողից զրկված ու քաղաք գաղթած չքավոր գյուղացիները։ «Ռաբադ»-ը ևս ուներ իր շուկաները և նրա մեջ էին գտնվում, մեծ մասամբ, նաև արհեստավորական առանձին թաղերը։

Բագրատունյաց թագավորության նշանավոր Անի քաղաքը, ինչպես հայտնի է, իր ավերակներում պահպանել է հայկական մեծ քաղաքի բնույթն ու կերպարանքը։ Եվ դժվար չէ ըստ իս պարզել ու որոշել, որ նա ըստ իր հատակագծի միանգամայն համապատասխանում է արևելյան վերոհիշյալ երկրների քաղաքներին։ Պարիսպների մեջ գտնվող նրա ներքին մասը, որ մանրամասն ուսումնասիրել ու նկարագրել է ակադեմ. Նիկ. Մառը, պարզապես Անիի «շահրիստան»-ն է, որն Աբիստակես Լաստիվերտցու պատմության մեջ անվանված է «շահաստան»[19]։ Սրա մեջ էին գտնվում Անիի միջնաբերդը և Բագրատունիների երկհարկանի ապարանքը, որոնք համապատասխանում են Պարսկաստանի ու Միջին Ասիայի «կուխենդուզ» անվանվող ամրոցներին։ Պարսպապատ Անին, որի տարածությունն ընդամենը մոտ 170 հեկտար է, ինչպես շատ ճիշտ նկատել է Թորամանյանը[20], հաղիվ կարող էր բավականանալ Բագրատունիների ընտանիքին, ազնվականությանը, պաշտոնեությանը և բարձրաստիճան եկեղեցականներին։ Ուստի և, նրա կարծիքով, մեծագույն մասն Անի քաղաքի, որի մեջ բնակվում էր հասարակ ժողովրդի բազմությունը, պետք է ենթադրել պարիսպներից դուրս շրջակա արվարձաններում։

«Անիի պարիսպի հիւսիսային կողմը տարածուած ընդարձակ դաշտավայրին մէջ,—ասում է Թորամանյանը,—քննական պտոյտ մը շատ բան կը բացատրէ պարիսպէն դուրս ապրող ժողովուրդի կեանքին և դիրքին վրայ։ Աւագ դռնէն մօտաւորապէս կէս քիլօմէթր հեռու դէպի հիւսիս մեծ բաղնիքի մը կիսականգուն մնացորդը, մէկ քիլօմէթր աւելի անդին Հովիւի եկեղեցին, անկէց աւելի հեռուն դէպի հիւսիս պարձակ մի ուրիշ մատուռի ու անոր կից գեղեցիկ մահարձանի մը մնացորդները պատահական կերպով աննպատակ չէին շինուած։ Եթէ մօտավորապէս մէկ ու կէս քիլօմէթր դէպի հիւսիս կարելի է այսպէս բնակութեանց մատուռներու ու դամբարաններու մնացորդներ տեսնել, նոյն բաները կարելի է տեսնել նաև դէպի արևելք, շատ քիչ ընդհատումներով մինչև Հոռոմոսի վանքը, և դէպի արևմուտք մինչև Անի գիւղի արևմտեան սահմանները»[21]։

Մատնանշելով և ուրիշ հիշատակարանների մնացորդներ Անիի շրջակայքում՝ Թորամանյանը ենթադրում է, որ

«պարիսպներէն դուրս էր բուն Անի քաղաքը և պարիսպը քաղաքին ամրոցն էր»[22]։

Թորամանյանի այս ենթադրություններից ճիշտ չէ, իհարկե, նրա կռահումը, որ իբրև թե Անիի պարսպապատ մասը քաղաքի ամրոցն էր։ Այդ մասը, իրապես, ինչպես տեսանք, «շահրիստանն» էր կամ «շահաստանը»-ը, որի հարավային անկյունում գտնվում էր բարձր տեղում Անիի միջնաբերդը կամ ամրոցը։

Սակայն միանգամայն ուղիղ է և համոզիչ Թորամանյանի հիմնական եզրակացությունը։ Անի քաղաքի մեծագույն մասը, ինչպես փաստական տվյալներով ցույց է տրված Թորամանյանի հոդվածում, կազմել են ակներևաբար ընդարձակ ավերակներն Անիի արվարձաններում, որոնք, ինչպես տեսանք, միջնադարյան արևելյան քաղաքների կարևոր մասն էին և անվանվում էին «ռաբադ»։

* *
*

Անիի մասին կարևոր այս եզրակացությունը բոլորովին նոր լույս է սփռում Բագրատունյաց Հայաստանի մեծ քաղաքների տարածության և ազգաբնակության թվի վիճելի խնդիրների վրա։

Արաբական մատենագիրները հաղորդում են, որ Առաջավոր ու Միջին Ասիայի քաղաքները, օրինակ՝ Մերվը, Ռեյը, Պարթավը և ուրիշները՝ ունեին ավելի քան մեկ փարսախ կամ մոտ 6 կիլոմետր երկարություն ու նույնքան լայնություն և գրավում էին մոտ 40 քառակուսի կիլոմետր տարածություն, այսինքն՝ մոտ 4000 հեկտար։ Միանգամայն հավանական է, իմ կարծիքով, որ նույն տիպի և մոտավորապես նույն մեծության քաղաքներ էին նաև Անին և 10—11-րդ դարերի հայկական մյուս մեծ քաղաքները։ Այս վերջինների մակերեսը որոշելիս անհրաժեշտ է, սակայն, հաշվի առնել, որ նրանց մեջ մտնում էին նաև ամրոցները, որոնք, ինչպես տեսանք, ունեին ավելի փոքր տարածություն։

---

19 Տե՛ս գլ. Ժ, էջ 63. Համեմատ նաև «Մելիտինէ շահաստան», Լաստիվ., գլ. ԻԹ, «շահաստան Բոնավէժ», «շահաստան Նիշապուհ», Ղազար Փարպեցի, II, 48 և III, 68, «շահաստան Բազէշ», «շահաստան Դուին», Յովմա Արծրունի (Ս. Պետերբ., 1887), II 6, էջ 110 և III 22, էջ 230 ևն։

20 Տե՛ս նրա հոդվածը՝ «Անի քաղաք ԲԸ՞ ամրոց», Ազգագրական հանդես, XXII, № 1, Թիֆլիս, 1912, էջ 66։

21 Տե՛ս նույնը, էջ 68։

22 Նույնը, էջ 70։

ժեշտ է, իհարկե, ի նկատի ունենալ ոչ միայն նրանց պարսպապատ «շահաստան» մասը, որն Անիում ընդամենը կազմում է մոտ 170 հեկտար, այլև նրանց արվարձանները։

Եվ եթե ճիշտ են մեր այս դիտողությունները, ինձ թվում է, կարող ենք նաև վստահորեն եզրակացնել, որ Բագրատունյաց շրջանի խոշոր ու նշանավոր քաղաքներն իրենց բնակչության քանակով շատ ավելի մեծ են եղել, քան միջնադարյան եվրոպական քաղաքները, որոնք առ առավելն ունեցել են 25.000 բնակիչ, իսկ, ընդհանուր առմամբ, ավելի ևս պակաս[23]։

Դվինի, Անիի ու Արծնի բնակչության թվի մասին մատենագրական աղբյուրների մեջ կան, մեծ մասամբ, անուղղակի վկայություններ։ Բովմա Արծրունին, օրինակ, նկարագրելով 893 թվի Դվինի մեծ երկրաշարժը՝ վկայում է, որ այդ երկրաշարժի ժամանակ Դվինում մահացել էին ավելի քան 70.000 մարդ[24]։ Բյուզանդական պատմագիր Կեդրենոսը հաղորդում է, որ Սելջուկյան 1049 թվի արշավանքի ժամանակ ավերված ու հրդեհված Արծն քաղաքում սպանվել ու այրվել էին մոտ 140.000 բնակիչ[25]։ Անի քաղաքի մեջ, պատմիչների ասելով, հաշվվում էր 10.000 տուն և 100.000 բնակիչ[26]։

Մեջ բերված այս կլոր թվերը կարող են, իհարկե, համարվել վիճելի ու անհավաստի։ Սակայն ի նկատի առնելով Անիի և մյուս մեծ քաղաքների ընդարձակ արվարձանները, ինձ թվում է, կարող ենք վստահորեն ենթադրել, որ Բագրատունյաց Հայաստանի խոշոր քաղաքներն ունեցել են, հավանորեն, ավելի քան 50.000 և նույնիսկ մինչև 100.000 բնակիչ։

Քաղաքների բնակչության իրավական դրության մասին մենք գրեթե չունենք տեղեկություններ։ Մատենագրական մի քանի վկայություններից կարելի է միայն կռահել, որ իրենց սոցիալական դրությամբ քաղաքացիները ավելի բարձր են եղել դասված, քան գյուղացիները։

Խոսելով Վաղարշակ թագավորի սահմանած կարգերի մասին՝ Խորենացին հատկապես մատնանշում է, որ քաղաքացիներին պետք է ավելի հարգել ու պատվել քան գյուղացիներին։

«Հրաման է տալիս (Վաղարշակը),—ասում է Խորենացին,—որ

---

23 Տե՛ս Карл Бюхер. Возникновение народного хозяйства, вып. второй, СПб., 1907, էջ 131։

24 Տե՛ս «Պատմութիւն տանն Արծրունեաց», Ս. Պետերբուրգ, 1887, III, 22, էջ 230—231։

25 Տե՛ս հրատարակ. Բեկկերի, Բոն, 1839, հատոր II։

26 Տե՛ս Հ. Օբելի, Անվո ավերակները, Հայեր. թարգմ., Վաղարշապատ, 1911, էջ 26։

քաղաքացի մարդիկ ավելի հարգված ու պատվված լինեն քան գյուղացիները և որ գյուղացիները պատվեն քաղաքացիներին ինչպես իշխաններին, իսկ քաղաքացիները շատ չպարծենան գյուղացիների մոտ, այլ նրանց հետ վարվեն եղբայրաբար, որպեսզի պահպանվի բարեկարգությունը և աննախանձ կյանքը, որ պատճառ են բարեկեցության և կենաց խաղաղության»։

(«Հրա՛ման տայ՝ և քաղաքացեաց մարդկան արգոյ և պատիւ լինել առաւել զգեղջկաց. և գեղջկաց պատուել զքաղաքացիս որպէս զիշխանս. և քաղաքացեաց մի կարի առ գեղջկօքն պերճանալ, այլ եղբայրարար վարիլ, վասն բարեկարգութեան և աննախանձոտ կենաց, որ է շինութեան և խաղաղութեան կենաց պատճառք»[27])։

Խորենացու այս վկայության մեջ կարևոր է ոչ թե նրա պատմական կողմը, այլ այն, որ Խորենացու ժամանակ, իններորդ դարի երկրորդ կիսում, քաղաքացիներն ավելի հարգված ու արտոնված դաս են համարվել, քան գյուղացիները։

Քաղաքացիների այս արտոնյալ դրությունը մատնացույց է արված նաև Հովհաննես Դրասխանակերտցու ուշագրավ մի վկայության մեջ։ Խոսելով Զվարթնոց եկեղեցու շինության մասին՝ նա հաղորդում է, որ Ներսես Գ. Կաթողիկոսը՝

«Ազատ ժամանակ գտնելով՝ իր շինած հրաշակերտ եկեղեցու դրսի կողմը փակում ու ամրացնում է պաշտպանող շրջապարիսպով և բնակվելու տուն է կառուցում իրեն համար սրա ներսում կոփած հաստահենվելու տուն է կառուցում իրեն համար սրա ներսում կոփած հաստահեղջյուս քարերից։ Այլև նույնպես հաստատում ու բնակեցնում է այնտեղ նրդերի մարդկանց բազմությունը քաղաքների բնակչության պայմանով»։

(«Բայց հայրապետն Ներսէս պարապ անձին գտեալ՝ զարտաքոյս հրաշակերտ եկեղեցւոյն, զոր իւր իսկ էր շինեալ՝ շուրջանակի պատուար պարսպով փակեալ ամրացուցանէր, յօրինեալ ի նմա յարկս բնակութեան ինքնեան հաստահեղոյս կոփածոյ քարամբք։ Այլ և կարգեալ կացուցանէր ի նմա ամբոխութիւնս երդումարդաց ըստ պայմանի քաղաքականաց»[28])։

Թե ինչպիսի ներքին կազմակերպություն են ունեցել և թե ինչպես են կառավարվել վերոհիշյալ քաղաքները՝ այդ մասին ևս մենք, դժբախտաբար, պարզ տեղեկություններ չունենք։ Որոշ է միայն, որ նրանք

---

27 Տե՛ս «Մովսիսի Խորենացւոյ, Պատմութիւն Հայոց», Տփղիս, 1913, II, գլ. Ը, էջ 117—118։

28 Տե՛ս «Յովհաննու կաթողիկոսի Դրասխանակերտցւոյ, պատմութիւն հայոց», Թիֆլիս, 1912, էջ 88։

լինելով թագավորական կամ իշխանական երկրների կենտրոնավայրեր, գտնվել են Բագրատունիների, Արծրունիների և աշխարհիկ կամ հոգևոր ֆեոդալների իշխանության տակ:

Մատենագրական աղոտ ու պատահական վկայություններից երևում է նույնպես, որ հայկական մեծ քաղաքները նման են եղել արևելյան հարևան երկրների մեծ քաղաքներին ոչ միայն ըստ իրենց տիպի, այլ մասամբ նաև ըստ իրենց վարչական ներքին կարգերի: Անիի արձանագրություններում հիշատակված է, օրինակ, Անի քաղաքի կարևոր պաշտոնյաներից մեկը՝ «մութսիբ»-ը կամ «մուսայիպ»-ը[29], արաբական հայտնի «մուխթասիբ»-ը, որին թե խալիֆայության և թե Բագրատունյաց քաղաքներում հանձնարարված է եղել վերահսկողություն առևտրի, արհեստների, շուկայի, կշիռների և չափերի վրա ու գանձումը քաղաքային հարկերի:

Աղբյուրների որոշ ցուցումներից ու ակնարկներից դժվար չէ նաև հետևցնել, որ քաղաքային կյանքում կարևոր տեղ է ունեցել երկրագործությունը և քաղաքների բնակչության զգալի մասը կազմել են հողատեր ազնվական կամ ռամիկ քաղաքացիները, որոնք քաղաքի արվարձաններում ունեցել են այգիներ, բանջարանոցներ և հողագործական այլ տնտեսություններ: Բայց մեծ քաղաքների հարստության գլխավոր աղբյուրը ոչ թե գյուղատնտեսությունն էր, այլ, ինչպես վերև տեսանք, միջազգային ու ներքին մեծ առևտուրը: Ուստի և հասկանալի է, որ քաղաքային տնտեսության մեջ մեծ կշիռ ու նշանակություն էին ստացել հայ վաճառականությունն ու բուրժուազիան և խոշոր դեր էին կատարում նմանապես և արհեստավորները:

Արհեստավորության մասին Կովկասում և Հայաստանում խիստ հետաքրքրական են ակադեմ. Ն. Մառի դիտողությունները: Մառը ենթադրում է, որ արհեստներով զբաղվել են այս երկրներում տարբեր ցեղեր և որ այդ որոշ տեղերում պահպանվել է մինչև մեր օրերը: Նա ընդունում է նույնպես արհեստագործության ժառանգական լինելը, արհեստակցական եղբայրությունների գոյությունը և ընտրական սկզբունքի կիրառումն այս կազմակերպություններում, որոնք հետագայում վերածվել են համքարությունների[30]:

Ակադեմ. Մառի այս ենթադրությունները միանգամայն հնարավոր կռահումներ են, և ավելի քան հավանական է, որ նորագույն դարերի արհեստավորական համքարությունների ծագումը շատ հին է և որ նրանք

[29] Տե՛ս Կ. Կոստանյանց. Վիմական տարեգիր, Ս. Պետերբ., 1912, էջ 27 և 291:

[30] Տե՛ս Н. Марр, Кавказский культурный мир и Армения, Петроград 1915, էջ 16—17:

գոյություն են ունեցել դեռ Բագրատունյաց Հայաստանում և, հավանորեն, նաև ավելի հին ժամանակներում: Համքարությունները հայերի մոտ, ինչպես շատ ճիշտ մատնանշել է Ախվերդովը[31], իրենց ծագումը պարտական են արևելյան կյանքի ինքնուրույն հիմունքներին և գոյություն են ունեցել մինչև իսկ հին Պարսկաստանում: Եվ իրավի, Սասանյան Պարսկաստանի և արաբական խալիֆայության ներքին կյանքին վերաբերող նորագույն ուսումնասիրություններից հայտնի է, որ արհեստավորների խմբական միավորություններ գոյություն են ունեցել ինչպես արաբական խալիֆայության, նույնպես և ավելի առաջ Սասանյան Պարսկաստանի քաղաքներում:

* * *

Դառնալով հարմար ու չեզոք տերիտորիա տրանզիտային ու միջազգային առևտրական հարաբերությունների համար՝ Բագրատունյաց Հայաստանը և նրա քաղաքային կենտրոններն իրենք ևս մեծ չափով մասնակից եղան համաշխարհային այդ առևտրին սեփական իրենց արտադրության ապրանքներով: Այդ մասին ուշագրավ տեղեկություններ հաղորդում են, գլխավորապես, արաբական աղբյուրները, որոնց վկայությունները բավական ընդարձակ մեջ են բերված ֆրանսիական գիտնական Լոռանի «Հայաստանը Բյուզանդիայի և Իսլամի միջև» աշխատության մեջ:

Արաբական մատենագիր Տաբարին, օրինակ, իր պատմության մեջ վկայում է, որ Հայաստանը հարուստ է եղել հացաբույսերով և իր գրեթե արտահանել է Բաղդադ[32]: Այս կարևոր վկայությունից պարզ երևում է, որ ապրանքային լայն շրջանառության մեջ մտած է եղել մինչև իսկ Հայաստանի ֆեոդալական-երկրագործական մշակույթը:

Առանձնապես հետաքրքրական են նաև արաբական մատենագիրների հաղորդած տեղեկությունները Հայաստանի մեծ անտառների և Հայաստանից արտահանվող շինարարական փայտի մասին[33]: Արաբական աշխարհագիր Իբն ալ-Ֆակիհի վկայությամբ՝ Հայաստանի անտառներում կարում էին ծառեր 20 թիվ հաստությամբ և համեմատաբար

[31] Տե՛ս Тифлисские амкары, из записок Ю. Ф. Ахвердова. Тифлис, 1883, էջ 6—7:

[32] Տե՛ս Լոռան. Հայաստանը Բյուզանդիայի և Իսլամի միջև, Փարիզ, 1919, էջ 38:

[33] Նույնը, էջ 40:

մեծ քանակությամբ վաճառում էին ընկուզենիներ: Ուշադրության արժանի է և այն, որ Իստախրիի մոտ մատնացույց են արված մեծ անտառներ՝ հատկապես Արարատ լեռան լանջի վրա: Այս վկայություններից պարզ երևում է, որ Բագրատունյաց շրջանում անտառային տարածությունը եղել է Հայաստանում անհամեմատ ավելի ընդարձակ, քան հետագա ավելի ուշ ժամանակներում:

Իբրև վաճառքի ու արտահանության կարևոր առարկաներ արաբական մատենագիրների մոտ հաճախ հիշատակված են Հայաստանի ձկները՝ Վանա լճի տառեխը, Սևանա լճի իշխանը և Կուր գետի շամային: Ուշագրավ է, որ միջին դարերում չորացրած ու աղած ձուկը լայն սպառման առարկա էր ոչ միայն Արևմտյան Եվրոպայում, այլև Արևելքում: Տառեխը և շամային, ինչպես հայտնի է արաբական աղբյուրներից, վաճառվում էին մինչև իսկ Հայաստանից դուրս՝ Ադրբեջանում, Իրաքում և այլ երկրներում: Իբն Հալդունի հարկացուցակից հայտնի է նույնպես[34], որ բացի դրամական մեծ հարկերից, արաբական խալիֆայությունը վերցնում էր Հայաստանում իբրև բնահարկ մեծ քանակությամբ աղած ու թթու դրած ձուկ:

Իբն Հալդունի հարկացուցակի մեջ մատնանշված է առանձնապես, որ իբրև բնահարկ Հայաստանը յուրաքանչյուր տարի խալիֆայությանը տալիս էր 200 ջորի: Ըստ երևույթին, Հայաստանի ջորիները, ինչպես և ձիերը, շատ բարձր էին գնահատվում ոչ միայն հին քսենոֆոնյան, այլև արաբական այս ժամանակաշրջանում: Հայկական ձիերի պահանջը, ինչպես վկայում է Իբն Հաուկալը, նրանց պնդակազմության ու դիմացկանության պատճառով, շատ մեծ էր ամբողջ Խորասանում, Իրաքում և Ասորիքում[35]:

Արաբական և հայկական աղբյուրները նույնպես հիշատակում են մի շարք լեռնային արդյունաբերության արտադրանքներ, որոնք արդյունահանվում էին Բագրատունյաց Հայաստանում: 8-րդ դարի վերջին քառորդում, ինչպես հայտնի է Ղևոնդ պատմագրի վկայությունից[36], Հայաստանի լեռներում, հավանորեն Սպերում, գտնվել էին արծաթի հանքեր: Յակուտի աշխարհագրական բառարանում մատնանշված են երկաթի հանքեր Վարաժնունիք գավառում և Բալուի մոտ[37]: Պղնձի հանքեր կային դարձյալ այս Վարաժնունիք գավառում[38] ու նաև Գուգարքում և Ապահունիքում: Մյուս հանածոներից աղբյուրների մեջ հիշատակվում են բորաքս և զառիկ, որոնց արտահանությունը տալիս էր, ինչպես վկայում է Իբն Հաուկալը[39], մեծ վաստակ: Համաձայն Յակուտի և Իբն ալ-Ֆակիհի վկայություններին, Հայաստանում արդյունահանվում էին նաև լեռնային ձյութ, սնդիկ, պղնձարջասպ և արճճ[40]: Աղահանքերից, որ հիշատակված են մի քանի շրջաններում, ամենից նշանավորն էր Կողբի աղահանքը:

* *
*

Ավելի մեծ է եղել Բագրատունյաց Հայաստանի մասնակցությունը միջազգային ու տեղական մեծ առևտրին արհեստագործական իր ապրանքներով:

Աղբյուրների վկայություններից երևում է, որ վերածնության այս ժամանակաշրջանում արագությամբ զարգացել էր մանածագործական արդյունագործությունը: Այդ արդյունագործության և հատկապես Հայաստանում պատրաստվող բրդե, բամբակե ու մետաքսե զանազան գործվածքների ու կտորների մասին կարևոր տեղեկություններ հաղորդում են արաբական մատենագիրները՝ Իստախրին, Իբն Հաուկալը, Յակուբին, Մասուդին և ուրիշները: Սրանց վկայություններում հիշատակվում են Դվինի կտորներն ու հագուստները, որոնք անվանվում էին «մարիզի» (marizi), գոտիները, որոնք արժեին 1-ից մինչև 10 դենար (=մոտավորապես 5-ից մինչև 50 ոսկի ռուբլի), գլխի փաթթոցները, ծածկոցները, բազմոցների ու բարձի երեսները, բիկնոցները և վարագույրները: Հիշատակվում է նաև Դվինում պատրաստվող երփներանգ ու ծաղկավոր «բոզյուն» (bozjun) կոչվող մետաքսե ծանր կտորը:

Հայաստանի մանածագործվածքներն արտահանվում էին ոչ միայն խալիֆայության արևելյան երկրները, այլև Բյուզանդիա: Գերմանական պետական կրեմերի ցուցումներից[41], որոնք հիմնված են արաբական աղբյուրների վրա՝ հայտնի է, որ Տրապիզոնում, որը բյուզանդա-արաբական առևտրի գլխավոր նավահանգստային կենտրոնն էր՝ վաճառվում էին մետաքսե հիանալի հայկական գործվածքներ՝ դիպակ (dubag) և

[34] Տե՛ս A. Kremer, Culturgeschichte des Orients unter den Chalifen, I, էջ 358.

[35] Տե՛ս Լոռան, Հայաստանը Բյուզանդիայի և Իսլամի միջև, էջ 39:

[36] Տե՛ս Հրատ. Մալխասյանցի և եղյանցի, Ս. Պետերբ., 1887, գլ. Լէ, էջ 155:

[37] Մկր. Պազարյան, Հայաստանը արաբական տիրապետության տակ (գերմ.), Մարբուրգ, 1903, էջ 74:

[38] Նույնը, էջ 74:

[39] Տե՛ս Լոռան, էջ 41:

[40] Համեմատե H. A. Караулов, Сведения арабских писателей о Кавказе Армении и Азербайджане. Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа, 1902, XXXI. էջ 39:

[41] Տե՛ս Culturgeschichte des Orients unter den Chalifen, I, էջ 342:

«բոզյուն» (bozjun) ու նաև այլ կտորներ։ Հայկական գորգերը համարվում էին ընտիր ու արժեքավոր, և Հայաստանը յուրաքանչյուր տարի խալիֆայությանը տալիս էր իբրև բնահարկ 20 գորգ[42]։ Թանկարժեք հայկական գորգերը հիշատակված են նվերների թվում, որ ուղարկել էր Ղազնևիայան Մահմուդը Կաշգարի Կադըր-խանին[43]։

Շքեղ ու ոսկեզարդված մետաքսե հագուստների ու նաև բազմոցների փարթամ ու նկարազարդված երեսների մասին, որ նվիրել էր Սմբատ Ա-ը (890/1—914 թ.) Աշտիշատի Յուսուֆ ոստիկանին՝ հետաքրքրական են նույնպես Հովհաննես Դրասխանակերտցու հետևյալ վկայությունները.

1. «Յովհաննու կաթողիկոսի Դրասխանակերտւոյ, Պատմութիւն Հայոց», Թիֆլիս, 1912, էջ 198՝

«Իսկ արքան, ուրախանալով նրա (Յուսուֆի) առատաձեռն պարգևների վրա և ընդունելով մեծ շնորհակալությամբ՝ նրանից ոչ պակաս, այլ ավելի դեռ շատ ինքը նրան ընծայեց հանդերձանքների բարեվայելուչ, չքնաղատես ու երևելի զարդարանքներ և բազմոցների նկարազարդված ու կարմիր որդանաներկ գործվածքներ, և ըմպանակներ ու դավաթներ, և ամբողջովին ոսկուց շինված քամար՝ գործ հռոմ վարդապետների, տեսակ տեսակ ապակու գույներով...»։

(«Իսկ արքայի խրախ լեալ ի բարեձիր պարգևս նորա՝ և ընկալեալ մեծաւ շնորհակալութեամբ, ոչ սակաւ ինչ քան թէ բազմամասնաբար յիւրմէն ևս նմա ընծայէր բարեվայելուչ և չքնաղատես և երևելի զարդս հանդերձանաց, և նկարակերտ կազմուածս բազմականաց կարմրութեամբ որդանց, և ըմբակս և նուագս և կամար ի համակ ոսկւոյ՝ գործ հռոմայական ճարտարաց, յերանգս գունակ գունակ ապակւոյ...»)։

2. Նույնը, էջ 210՝

«Իսկ երբ պատրվակը բացվեց և հասկանալի եղավ մեզ հագարացի վայրագ գաղանի մոմոռոն ու սպառնալիքը՝ ըստ բարի կամեցողության արքա Սմբատի ու նաև այլ նախարարների հանձնարարության՝ ևս ճանապարհվեցի ու գլուխս քաշ գնացի պարսկական Ատրպատական դառնաբարո ոստիկանի մոտ և արքունի թանգարաններից նրան տրա բազմազան ընծաներ ու նվերներ՝ ոսկեկար երևելի զգեստներ և շատ բազմոցներ, որ գործել էին նկարազարդող կանայք, և շատ ձիեր ու ջորիներ, որ հարդարված էին զենքերով ու զարդերով, նաև ոսկու և արծաթի գանձեր»։

---

42 Նույն տեղում, էջ 358։

43 Տե՛ս Бартольд, Историко-географический обзор Ирана.

(«Իսկ արդ իբրև բացաւ պատրուակն՝ զեկուցաւ մեզ մոմոռումն և սպառնութիւնն վայրագն գազանի Հագարացւոյն, ըստ բարոյականի կամեցողի արքային Սմբատայ և այլոց ևս նախարարացն սադրելոյ, դէմ եղեալ ևս տարադէմ գնացի և Պարսս Ատրպատականի առ ոստիկանն զառնացող ընծայիւք և պատարագօք բազմօք յարքունի թանգարանաց երևելի ոսկեճամուկ զգեստուք և ի նկարակերտ կանանց ոստայնանկութեանց բազում բազմականս կազմեալ, և բազում ձիս ու ջորիս ի զարդս և ի զէնս յարդարեալ, այլ և գանձս ոսկւոյ և արծաթոյ»)։

Միջնադարյան հայ մանածագործության ուսումնասիրության ու գնահատման համար առանձնապես կարևոր են, իհարկե, նաև այն մանածագործվածքները, որոնք ձեռք են բերված պեղումներով։ Այս տեսակետից կարևոր գյուտեր են արված Անիում կատարված պեղումների ժամանակ։ Ակադեմիկ Հ. Օրբելու «Անվո ավերակները» աշխատության մեջ[44] մատնացույց է արված, որ 1908 թվին Անիում

«Գտնված է մետաքսե ամբողջ հագուստ ոսկե բանվածքներով ու մետաքսով, և ոսկով նուրբ հյուսած քող և մետաքսե ժապավենից գոտի»։

* *
*

Մանածագործական արդյունաբերության զարգացման համար Հայաստանը ոչ միայն ուներ հումք՝ բուրդ, բամբակ ու մետաքս, այլև ամեն տեսակ ներկեր, որոնց պահանջը չափազանց մեծ էր միջին դարերում։

Ինչպես հայտնի է հունական, հռոմեական և հին հայկական աղբյուրներից, Հայաստանը դեռ հին ժամանակներում խիստ հարուստ էր հանքային և բուսական ներկերով։ Ստրաբոնն իր «Աշխարհագրության» մեջ հաղորդում է[45], որ Սպերում կար «սանդիկ» (sandix) մետաղը, որն անվանվում էր նաև «հայկական ներկ» և նման էր ծիրանի ներկին։ Պլինիուսը նույնպես իր «Բնական պատմության» մեջ[46] հիշում է Հայաստանում պատրաստվող մի ներկ, որ նկարիչներն անվանում էին «որոբիտիս» (orobitis), նաև Հայաստանից արտահանվող մի քար, որ կոչվում էր «արմենիում» (armenium) և ներկում ոսկեբորակի (chrysocolla) նման։ Խորենացու «Աշխարհագրության» մեջ[47] Աղձնիք նահանգում հի-

---

44 Տե՛ս հայերեն թարգմ., Վաղարշապատ, 1911, էջ 46։

45 Տե՛ս հայերեն թարգմ., Վաղարշապատ 1911, XI, 14, 9։

46 XXXIII, 27, 1 և XXXV, 28, 1 (հրատր. Լիտրեյի, Փարիզ, 1883)։

47 Տե՛ս «Մատենագրութիւնք», Վենետիկ, 1843, էջ 607։

շատակված է «գղիոր»-ը, որը, ըստ երևույթին գործադրվում էր ևս ներկի համար։

Բայց ամենից հռչակավոր ու մեծագին ներկը Հայաստանի «որդան կարմիրն» էր, որն արդյունահանվում էր Արարատյան դաշտում։ Այս ներկի մասին կարևոր տեղեկություն է տալիս Ղազար Փարպեցին.

«Նաև իզուր չէ,— ասում է նա,— Արարատյան ամենաբաղձալի դաշտըն իրեն մեջ սնուցանում է եղեգնատեւ բույսերի արմատներ, այլ նա, ծնելով նրանցից որդեր իբրև կարմրատեսիլ գույների զարդ՝ ընծայում է օգուտ սիրողներին որպես շահ և շքեղություն»։

(«Նաև զարմատս եղէգնատեր բուսոցն ոչ ընդունայն սնուցանէ յինքեան ամենաբաղձ դաշտն Այրարատոյ, այլև ի նմանէ ծնեալ որդունս, ի զարդ կարմրատեսիլ գունոց, ընծայէ օգտասիրացն շահս և շքեղութիւնս»)[48]։

Արաբական աղբյուրների մեջ այս ներկն անվանված է «կիրմիզ»։ Նա մեծ քանակությամբ ծախսվում էր Պարթավում, Բաղդադում և արևելյան մեծ քաղաքներում և, ինչպես մատնանշում է գերմանական գիտնական Հայդը[49], նրանով Բաղդադում ներկում էին մետաքսե գործվածքները, որոնք «կիրմիզ» անունով արտահանվում էին նույնիսկ Եվրոպա։ Հայաստանում ներկարարության ամենախոշոր կենտրոնն էր Դվինի մոտ գտնվող Արտաշատը, որն արաբական մատենագիր Բելազորին անվանում է «կիրմիզ»-ի, այսինքն՝ «որդան կարմիրի գյուղ»[50]։

Արհեստագործական արտադրության մյուս ճյուղերից մեծապես զարգացած էր Հայաստանում բրուտությունը։ Սրա զարգացման պարզ ապացույց է այն ամանեղենը, որ ձեռք է բերված պեղումներով և պահվում է թանգարաններում։ Անիի ու Դվինի պեղումների ժամանակ, ինչպես հայտնի է, գտնված են ոչ միայն սովորական կավեղեններ, այլ մինչև իսկ շքեղ հախճապակի։ Մասնավորապես Անիում գտնված հախճապակյա ամանների մասին, որոնք, մեծ մասամբ, Անիում են շինված, ուշագրավ են ակադեմ. Օրբելու հաղորդած տեղեկությունները։

«Զարմանալի են,— ասում է Օրբելին,— հախճապակյա ամանները իրենց թափանցիկ կողերով և ուռուցիկ ու խոր գծած նկարներով, և ճենապակիից ամանները՝ իրենց հարուստ և բազմազան ոսկեզօծ ու բազմերանգ նկարներով, նույնպես և ուռուցիկ ու ներս ընկած զարդարանքներով. դրանք գտնված են թագավորական ապարանքի պեղումներում։

[48] «Ղազարայ Փարպեցւոյ, Պատմութիւն հայոց», Տփղիս, 1904, I գլ. 7, էջ 10։
[49] Տե՛ս Heyd. Histoire du commerce du Levant, հատ. II, էջ 609։
[50] Баладзори, перев. П. К. Жузе, Баку, 1927, էջ 10։

Բևկորներից երևում է, որ ամանների մեծագույն մասը թափովի է, և աչքի են ընկնում թափման (որ հինգ տեսակից ավելի է) բարձր կատարելությամբ, նույնպես և գեղարվեստորեն կատարված լինելովն ու ներկերի պայծառությամբ»[51]։

Մետաղների արդյունահանման և մշակման մասին պատահական ու հարևանցի տեղեկություններ տալիս են հայկական աղբյուրները։ Մետաղագործությունը, ինչպես մատնացույց է արել ակադեմ. Ն. Մառը, կովկասյան ժողովուրդները ժառանգել էին հարեթական բնիկներից, որոնց մոտ մետաղագործական արհեստները զարգացած էին դեռ հնագույն ժամանակներում։ Հատկապես Բագրատունյաց շրջանում Մովսես Կաղանկատվացու մոտ հիշված են արհեստագործներ, որոնք ունեին գիտություն «ոսկեգործության, արծաթահալության, երկաթահանության և պղնձագործության»[52]։

Անիի և Դվինի պեղումների ժամանակ հայտաբերված են մի շարք իրեր, որոնք գաղափար են տալիս նաև Բագրատունյաց ժամանակաշրջանի դարբնության, զինագործության, ոսկերչության ու այլ արհեստների մասին։

Ակադեմ. Օրբելու վերոհիշյալ աշխատության մեջ հիշատակված են, օրինակ, Անիի պեղումների ընթացքում գտնված մետաղե հետևյալ իրերը՝ մեծ սուր, եռաժանի տեգ, նիզակների ծայրեր, արույրե ու պղնձե սափորներ, պղնձե սկավառակ, արծաթե գավաթներ, երկաթե երգաքակալներ և այլն։ Պետք է սակայն մատնանշել, որ շատ դժվար է ճշտիվ որոշել այդ իրերի ծագման դարաշրջանը։

* *
*

Քաղաքների ու քաղաքային տնտեսության բուռն ու արագ զարգացումը 10—11-րդ դարերում արժանի է առանձին ուշադրության։ Լինելով կենտրոններ արհեստների, արդյունաբերության և փողային ու ապրանքային տնտեսության՝ Բագրատունյաց Հայաստանի քաղաքները իրենց մեջ պարունակում էին ֆեոդալական կազմակերպությանը ներհակ ու ընդդիմադիր նոր ուժեր, որոնք, ինչպես և Արևմտյան Եվրոպայում, հետզհետե ծնունդ էին տալիս տնտեսական ու սոցիալական նոր հարաբերությունների։

[51] Տե՛ս «Անվո ավերակները», հայեր. թարգմ., Վաղարշապատ, 1911, էջ 48—49։
[52] «Պատմութիւն Աղուանից աշխարհի», Մոսկվա, 1860, II, 16, էջ 131։

Տնտեսական կյանքում պարզ նկատելի էր այս ժամանակաշրջանում բացահայտ հեղաբեկումը փողային շրջանառության զարգացման ուղղությամբ։ Արձանագրությունների տեղեկություններից երևում է, որ դրամական շրջանառությունը տարածվել էր ամբողջ երկրում ամենամեծ չափերով։ Մեր նախորդ աշխատություններից մեկում մենք արդեն ցույց էինք տվել, որ 10-րդ և 11-րդ դարի առաջին կիսի տուրքերից շատերը եղել են դրամական[53]։

Սյունյաց Սուփան իշխանի 901 թվի Մաքենոցք վանքի արձանագրության մեջ ասված է՝

«Ես Սուփան, Սյունյաց իշխան, շինեցի Մաքենոցքի եկեղեցիները և առատորեն զարդարեցի պատվական կահույքով և աստվածային գրքերով. և տվի սրան, որ եկեղեցու անունով կոչվում է Աստվածածին, մեր սեփական հողը բոլոր սահմանով՝ լեռ ու դաշտով. և տվի ձկան որսատեղին Բողաշենը սեղանին, և 700 դրամ Դեղձանագետի կապալից, 200 դրամ Կաթուկից, 350 Անմեռից, որ միասին կանե 1250 դրամ»։

(«Ես Սուփան, Սիւնեաց իշխան, շինեցի զՄաքենոցաց եկեղեցիս, և անխնայաբար զարդարեցի պատուական սպասուք և աստուածային կտակարանաւք և ետու զսեփական տեղն մեր ի սա, որ ըստ անուան եկեղեցւոյս Աստուածածին ասի, ամենայն սահմանաւք՝ լերամբ և դաշտիւ, և ետու որս ձկանց զԲողաշէն, սեղանոյն և եւթն հարիւր դրամ ի Դեղձանագետոյ ղապալէն, երկու հարիւր դրամ ի Կաթկայ, երեքհարիւր յիսուն յԱնմեռէն, որ լինի ՌՄՕ. դրամ...»)[54]։

Նմանապես՝ Շապուհ Բագրատունին, հայոց Աշոտ Թագավորի որդին, 903 թվի Վանեվանի արձանագրության մեջ ասում է.

«Եվ տվի (Վանեվանի եկեղեցուն) հինգ գյուղի սահման՝ Կոթաքարը, Աղաբո վանքը, Շավառնահողը, Գետամեջը, Կթանոցը, Գետավանաց ծովը՝ 260 դրամ Կոթաքարից, 530 Բրտենիքից, 660 Աղաբո վանքի ծովից, 990 Կարբի գետերից և նավերից»։

(«Եւ ետու հինգ գեղոց սահման՝ Կոթաքարն, Աղաբոյ վանայն, Շաւառնահողն, Գետամէջն, Կթանոցն, Գետավանաց ծովն, երկու հարիւր վաթսուն դրամ ի Կոթաքարէն, հինգհարիւր երեսուն ի Բրտենեացն, վեց հարիւր վաթսուն յԱղաբոյ վանացն ծովէ, իննհարիւր իննսուն ի Կարբին գետերէն և նաւերէն»)[55]։

---

53 Տե՛ս «Հայաստանի պատմությունը թուրք-թաթարական արշավանքների շրջանում», Երևան, 1922, էջ 93—94։

54 Տե՛ս «Վիմական տարեգիր», կազմ. Կ. Կոստանյանց, Ս. Պետերբ., 1913, էջ 5։

55 Նույնը, էջ 6։

Գագիկ Շահնշահը 1010 թվի Մաստարայի արձանագրության մեջ հայտնում է՝

«Ես Գագիկ Շահնշահս, Աշոտի որդին, հայտնեցի իմ կամքը՝ թողի Մաստարայի հարկի ավելորդը, 6000-ը դարձրի 5000»։

(«Կամ եղև ինձ Գագկայ Շահինշահի, որդւոյ Աշոտոյ, թողուլ զՄաստարայի հարկին զաւելորդն ՁՈ. և ածի ԵՈ.»)[56]։

Մեջ բերված արձանագրությունների բովանդակությունից երևում է, որ 10—11-րդ դարերում նույնիսկ գյուղական հարկերը ստացվել էին դրամով։

Միանգամայն բնական է ու հասկանալի, որ Բագրատունյաց Հայաստանում ևս, ինչպես և ֆեոդալական այլ երկրներում, դրամական տնտեսության աճման ու խորացման հետ զուգընթաց ուժեղանալու էր վաշխառուական կապիտալի դերը և ծանրանալու էր ռամիկ բնակչության դրությունը, որը հարկադրված էր վաշխառուներից դրամ վերցնել ահագին տոկոսներով։ Ժողովրդի այս ստորին խավերի անողոք շահագործումը և ծանր դրությունը ցայտուն կերպով նկարագրված է Արիստակես Լաստիվերտցու պատմության մեջ։

Խոսելով Արծն քաղաքի ավերման մասին 1049 թվին՝ Լաստիվերտցին վկայում է, որ այստեղ

«սահմանվել էին վաշխի և տոկոսների օրենք և ցորենի բազմապատկություն, որով երկիրը պղծվում է և խանգարում է արգանդին իր ժամանակին պտուղ տալ որպես մարդկանց ուտելիք։ Ով խաբում էր ընկերոջը՝ պարծենում էր, որ խմաստուն է, և ով հափշտակում էր՝ ասում էր,—ես հզոր եմ։ Մեծատունները հափշտակում էին ընտանեկից աղքատների տները և նաև նրանց անդաստանների սահմանները»։

(«Վաշխից և տոկոսաց օրէնք եղան, և ցորենոյ բազմապատկութիւն, որով երկիր պղծի և արդելու զարգանդ առ ի տալոյ զպտուղ ի ժամու իւրում առ ի կերակուր մարդկան։ Որ խաբէր զընկերն՝ պարծէր իմաստուն գոլ, և որ յափշտակէր՝ ասէր,—ես հզօր եմ։ Զտունս տնակից աղքատացն, և զսահմանս անդաստանաց նոցա յափշտակէին մեծատունքն...»)[57]։

Նույն հեղինակը, նկարագրելով Անի քաղաքի ավերածությունը և կոտորածը 1064 թվին՝ վաշխի մասին տալիս է դարձյալ հետևյալ տեղեկությունը.

«Այլև նրա մեջ կատարված անիրավության ճարպից այրվեց բարձրաշեն ու գեղեցկահարմար ապարանքը և բոլոր բնակարանները դառան

---

56 Նույնը, էջ 13։

57 «Պատմութիւն Արիստակէս վարդ. Լաստիվերտցւոյ», 1912, ԺԲ, էջ 79։

սոսկ մի հողաբլուր. և վաշխն ու նենգությունը, որ նրա մեջ տեղի էին ունենում, դադարեցին: Այս է անիրավ քաղաքների բաժինը, որոնք շինվում են զրսեցիների արյունով և փարթամանում են տանկների քրտինքով և իրենց տներն ամրացնում են վաշխով ու անիրավություններով»:

(«Այլ և ի ճարպոյ անիրաւութեան ի նմա գործելոցն տոչորեցաւ բարձրաշէն և գեղեցկայարմար ապարանքն, և եղև ամենայն բնակութիւնն իբրև հողաբլուր. և վաշխն և նենգութիւնն, որ ի նմա խափանեցաւ: Այս է բաժին անիրաւ քաղաքաց, որ շինեն զինքեանս արեամբ օտարաց, և ի քրտանց տանկաց փարթամանան, և ի վաշխից և յանիրաւութեանց զտունս իւրեանց ամրացուցանեն»)[58]:

* * *

11-րդ դարի առաջին կիսում, Սելջուկյան արշավանքներից առաջ, ֆեոդալական Հայաստանի կյանքը, ինչպես շատ ճիշտ մատնանշել է ակադեմ. Նիկ. Մառը[59], իրենից ներկայացնում էր հակադրում, մի կողմից, աշխատավոր հայ ժողովրդի կեղեքվածության և, մյուս կողմից, հարստությունների կուտակման իշխող դասերի փոքրաթիվ խմբի ձեռին:

Թե ինչպիսի մեծ հարստություններ հավաքվել էր նույնիսկ հայ եկեղեցու և հոգևորականության մոտ՝ այդ պարզ երևում է, օրինակ, Մատթեոս Ուռհայեցու կարևոր մի վկայությունից:

Խոսելով Արծն քաղաքի ավերման մասին 1049 թվին՝ Ուռհայեցին պատմում է, որ կողոպտված

«ոսկու, արծաթի ու դիպակների մասին ավելորդ է խոսել, որովհետև անկարելի է այդ գրի առնել: Բայց ես շատերից հաճախ լսել եմ քորեպիսկոպոսի մասին, որին անվանում էին Դավթուկ, որ նրա գանձանոցը վերցրել էր Աբրհիմ-ը և նրա գանձերը բեռնել էին քառասուն ուղտի վրա. նրա տնից դուրս էին ելնում (հերկի) ութ հարյուր գութան, որոնցից յուրաքանչյուրին լծված էին վեց լուծ եզ»:

(«Այլ զոսկւոյ և զարծաթոյ և զդիպակաց աւելորդ է ասել, վասն զի ոչ արկանի ընդ գրով. բայց զայս բազում անգամ լուեալ է մեր ի բազմաց յաղագս քորեպիսկոպոսին՝ որ ասէին Դաւթուկ, եթե զգանձատունն

58 Նույնը, ԻԴ, էջ 166—167:

59 Տե՛ս Անի, էջ 29:

նորա Աբրհիմն էառ և քառասուն ուղտ բարձան զգանձարանն նորա, ութ հարիւր վեցկի եզանց ելանէին ի տանէ նորա»)[60]:

Որ Բագրատունյաց թագավորության ժամանակ Հայաստանի տնտեսական կյանքը վերակառուցվում էր նոր հիմքերի վրա և որ այդ հեղաշրջումը կատարվում էր փողային ու ապրանքային տնտեսության զարգացման, դասակարգային հակասությունների խորացման և բնակչության սոցին խավերի անողոք շահագործման ուղղությամբ՝ այդ երևում է Արիստակես Լաստիվերացու կրոնա-բարոյական գաղտղությունների նախկին ժամանակների առաքինի բարքերի ու երջանիկ կյանքի մասին, որ նա հակադրում է իր ժամանակվա անիրավ ու արծաթասեր բարքերին և փարթամ ու շվայտ կենցաղին:

Խոսելով Արծն քաղաքի կոտորածի մասին 1049 թվի Սելջուկյան արշավանքի ժամանակ՝ Արիստակես Լաստիվերացին այդ քաղաքի հին արդարակյաց նիստուկացը հակադրում է նրա նոր անիրավ կյանքին:

«Արդ՝ առաջվա ժամանակները,— ասում է նա,— երբ սա առաւտրեն բարի գործերով էր զարդարված՝ ամեն ինչ սրա ուղածի պես էր լինում. և սա նման էր նորահարս կնոջ, որն ամենքին ցանկալի էր վայելուչ գեղեցկության ու պայծառ զարդերի պատճառով... Բայց երբ մեր եկեղեցիները մուտք գործեցին Սեքստացիք և Պիհռոնացիք և արդարության օրենքները վերածեցին անիրավության ու հարվեց ավելի արծաթասիրությունը, քան աստվածսիրությունը և մամոնան քան Քրիստոսը՝ այն ժամանակ բոլոր համեստ կարգերը փոխվեցին և վերածվեցին անկարգության: Սրա (Արծն քաղաքի) իշխանները դառան գողերի ընկերակիցներ, չարագործներ ու արծաթի ծառաներ: Սրա դատավորները դառան կաշառակերներ և կաշառքի համար խարդախում էին իրավունքը...»:

(«Արդ սա յառաջինն՝ մինչդեռ բարեաց առատութեամբ պսակեալ էր, ամենայն ինչ ըստ մտի էր սորա. և նման իմն էր նորահարսն կնոջ, որ գեղոյն վայելչութեամբ և զարդուցն պայծառութեամբ՝ ցանկալի գոլ ամենեցուն: ...Բայց յորմէ հետէ մտին յեկեղեցիս մեր Սեքստացիք[61] և Պիհռոնացիք, և արդարութեան օրէնքն յանիրաւութիւն դարձաւ, և յարգի եղէ արծաթասիրութիւն քան զաստուածսիրութիւն և մամոնայն քան զՔրիստոս. յայնժամ ամենայն համեստութիւն կարգաց զառածեալ՝ յանկարգութիւն դարձաւ: Իշխանք սորա գողակիցք եղեն գողոց, վրիժագործք և արծաթոյ ծառայք. դատաւորք սորա կաշառառուք և վասն կաշառաց գողանային զիրաւունս...»)[62]:

60 Տե՛ս Սամբէաս Ռահայեցի, «Ժամանակագրութիւն», Վաղարշապատ, 1898, էջ 103:

61 Ուղղել ենք Սեքստացիք փխ. «Սեքսարայիք»:

62 Տե՛ս գլ. ԺԲ, էջ 78—79:

Բագրատունյաց Հայաստանի տնտեսական զարգացումը 10—11-րդ դարերում մեզ հիշեցնում է Արևմտյան Եվրոպայի զարգացումը ռեֆորմացիայից առաջ 14—15-րդ դարերում: Արդյունագործական արտադրության և ապրանքային ու դրամական տնտեսության զարգացման զուգընթաց, ինչպես հայտնի է, Եվրոպայում սկսվել էին հեղաբեկվել ֆեոդալական հին կարգերը և այդ հեղաբեկումը կատարվում էր դասակարգային սուր պայքարի պայմաններում: Նույնը նկատելի է ըստ իս գերմանական ռեֆորմացիայից մոտ չորս դար առաջ՝ Բագրատունյաց Հայաստանում:

Արաբական տիրապետության ժամանակ, ինչպես մատնանշել ենք մեր նախորդ ուսումնասիրություններում[63], Հայաստանի տնտեսական կյանքը մեծապես հետադիմել էր և զարգանում էր բնական տնտեսության հետադարձ հիմքերի վրա: Բայց 10—11-րդ դարերում ապրանքադրամական տնտեսության բուռն զարգացումը Հայաստանում ևս, ինչպես և Արևմտյան Եվրոպայում, հնազհետե քայքայելով նախկին բնատնտեսությունը, սկսել էր արդեն անդրադառնալ ֆեոդալական կարգերի վրա և, նպաստելով տնտեսական ու սոցիալական նոր հարաբերությունների գոյացման՝ ուժեղացրել էր դասակարգային պայքարը:

Այս ժամանակաշրջանում վաշխառուական կեղեքումների պատճառով խիստ սաստկացել էր գյուղացիության հողազրկումը և ոամիկ ժողովրդի աղքատացումը: Արիստակես Լաստիվերտցին, ինչպես վերև տեսանք, պարզ մատնանշում է, որ մեծատուները հափշտակում էին աղքատների տները ու նրանց անդաստանները, և որ քաղաքները շինվել էին տնանկների արյունով ու քրտինքով, վաշխով ու անիրավություններով:

Ինչպես ֆեոդալական արևմտյան երկրներում, նույնպես և Արևելքում, հողազուրկ ու աղքատ ռամիկ բնակչությունը կուտակվում էր մեծ մասամբ, քաղաքների արվարձաններում: 10-րդ դարի արաբական մատենագիրները մատնանշում են, որ ընչազուրկ մասսաները, որոնք ապրում էին «ռաբադ»-ներում, այսինքն՝ շահաստան քաղաքների արվարձաններում, պետության ամենաանհանգիստ տարրն էին և մեծ դեր էին կատարում քաղաքացիական կռիվներում[64]: Ն. Մառը, հիմնվելով իր

[63] Տե՛ս „О торговле и городах Армении", էջ 133—137:

[64] Համեմատե А. Ю. Якубовский, Махмуд Газневи, „Фердовси", Сборник статей. էջ 63:

կատարած պեղումների վրա՝ մատնացույց է արել, որ ժողովրդի ստորին այս խավերն Անիում ապրում էին մուրացկանային հյուղերում և քարքարոտ գետնում փորված որջերում[65]:

Միանգամայն բնական է, որ քաղաքներում խմբված թշվառ ու անգործ այս բնակիչների գլխավոր զբաղմունքը պետք է լիներ կամ մուրացկանությունը կամ գողությունն ու ավազակությունը:

Այդ տեսակետից բնորոշ է ու հետաքրքրական Ասողիկի վկայությունը գիշերային կողոպուտների ու ավազակությունների մասին Կարս քաղաքում:

«Եվ սկիզբ դնելով ամեն տեսակ բարեգործությունների,—պատմում է Ասողիկը,—Կարսի Աբաս թագավորը (984—1029 թթ.) ամենից առաջ իր երկրում վերացրեց ավազակությունը և մարդադավությունը, որ Վանանդի ժողովուրդը, ինչպես ասում է պատմագիրը[66], համարում էր իբր հայրենի գործ: Սրա հետ ժամանակ ոչ միայն ճանապարհներին ու բաց տեղերում էին թալանում, այլև հենց քաղաքի մեջ երեկոյան ժամերին ու ամբողջ գիշերը լսվում էին կողոպուտների անվերջ ճիչեր ու ձայներ: Իսկ սա ինքը վրեժխնդիր եղավ և բռնված գողերին անաչառ կերպով մահվան դատապարտեց, առանց խնայելու մեծերին կամ փոքրերին, իշխաններին կամ շինականներին: Եվ նա այնպես խաղաղեցրեց իր երկիրը, որ բոլորը նույնիսկ գիշերները ման էին գալիս ինչպես ցերեկը և անգամ անմարդաբնակ տեղերում շրջում էին որպես ապրանքում: Ամենքը պարապում էին շինության ու աշխատանքի գործերով և ուղղվել էին արդարադատ դատաստանի միջոցով»:

(«Եւ սկիզբն արարեալ ամենայն բարեգործութեանց՝ նախ և առաջին եբարձ նա յաշխարհէն իւրմէ զաւազակութիւն, զմարդադաւութիւն, զոր ազգն Վանանդայ իբրև զհայրենիք ունէին, ըստ ասելոյ պատմագրին: Եւ յաւուրս հօր սորա ոչ միայն ի ճանապարհս և ի բացեայ տեղիսն կողոպտէին՝ այլ ի նոյն ինքն ի քաղաքին՝ յերևկոյացեալ ժամուն և զգիշերն ամենայն ճիչք և ձայնք կողոպտանաց լինէին: Այլ սա ինքնին վրէժխնդիր եղեալ, և զգտեալ գողսն անաչառ մահու դատապարտեալ՝ ոչ խնայելով ի մեծս կամ ի փոքունս, յիշխանս կամ ի շինականս. և այնպէս խաղաղացոյց զաշխարհն իւր՝ մինչ զի ի գիշերի իբրև ի տունջեան, և յանապատի իբրև յապարանս շրջէին ամենեքեան, շինութեան և աշխատութեան գործոց պարապէին, արդարադատ իրաւամբք ուղղեալք»)[67]:

[65] Տե՛ս Ann. J., 1934, էջ 29:

[66] Տե՛ս «Մովսիսի Խորենացւոյ, Պատմութիւն Հայոց», Տփղիս, 1913, III, գլ. 44, էջ 313:

[67] «Ստեփաննոսի Տարօնեցւոյ Ասողկան, Պատմութիւն տիեզերական», Ս. Պետերբ., 1885, III, գլ. ԺԷ, էջ 196, 197:

* *
*

Քաղաքների ու ապրանքա-դրամական հարաբերությունների զարգացման այս ժամանակաշրջանում Բագրատունյաց Հայաստանում ևս, ինչպես ռեֆորմացիայից առաջ Արևմտյան Եվրոպայում, դասակարգային պայքարի սաստկացման պարզ ցուցանիշներ էին գյուղացիական ապստամբական շարժումները։

Գանվելով տնտեսական ծանր դրության մեջ, հայ գյուղացիությունը, որն այժմ ամենամեծ չափերով շահագործման էր ենթարկվում, ապրատամբել էր իշխող հողատեր ազնվականության դեմ տասերորդ դարի սկզբներում։ Այդ ապստամբությունը, որ տեղի էր ունեցել Սմբատ Ա-ի մահից (914 թ.) և Ատրպատականի Յուսուֆ ոստիկանի աշխարհավեր արշավանքներից հետո՝ հիշատակված է Հովհաննես Դրասխանակերտցու պատմության հետևյալ հատվածում.

«Ստորները,— ասում է կաթողիկոս պատմիչը,— աշխատում էին ավելի առաջ անցնել քան մեծամեծները, և ծառաները, խրոխտանալով, փքվելով ու մեծ ապստամբություն բարձրացնելով՝ Սողոմոնի նման հերյուրում էին, որ ոտերը տրեխ հագնեն և գետնի վրա ման գան, իսկ իրենք բարձրանան երկարավիզ և ոտնատակ տրորող ձիերի վրա։ Իսկ մեր թագավորներին, պետերին և իշխաններին, որոնք ի բնե մեր նախարարություններն էին, աշխատում էին հանել և դուրս քշել նրանց բնակություններից և ուզում էին ըստ իրենց ցանկության կարգել պատահական ու նոր պալատաններ և սպասալարներ»։

(«Վասնզի նուաղունքն քան զմեծամեծսն ձեռներեց լինել ջանային և ծառայքն ըստ Սողոմոնի հնարէին, զի զետաս տրեխաւորեալ՝ ի գետնի գնացուսցեն և ինքեանք ելցեն յերիվարս ահիպարանոցս և առաքուր հարցուս՝ խրոխտացեալք և սոնքացեալք մեծաւ ապստամբութեամբ։ Իսկ թագաւորք մեր և պետք և իշխանք, զորս ի բնէ նախարարութիւնք էին, ջանային վարատել և խլել յիւրաքանչիւրոցն բնակութեանց, և ըստ ախորժից իմն ձեռական և նոր ստեղծանել պալատաս և սպասալարս»)[68]։

Դասակարգային հակասությունների սրման ու ֆեոդալական կարգերի դեմ մղվող պայքարի ուժեղացման արտահայտություններից մեկն էր 10—11-րդ դարերում նաև Բոնդրակեցիների աղանդի լայն տարածումը, որն ուներ ոչ միայն կրոնական, այլև սոցիալական բնույթ։ Այս շարժումը պարզապես դեմոկրատական էր և սրա հետևորդը գրեթե բացառապես աշխատավոր հասարակ ժողովուրդն էր։

[68] «Յովհաննու կաթողիկոսի Դրասխանակերտեցւոյ, Պատմութիւն Հայոց», Թիֆլիս 1912, էջ 258, 259։

Բոնդրակեցիները, որոնք, հավանորեն, հաջորդներն էին հայ Պավլիկյանների՝ ամենախիստ քննադատությանն էին ենթարկում պաշտոնական հայ եկեղեցին, նրա դավանաբանությունը, ծիսակատարությունները և ֆեոդալական բնույթ ունեցող նրա երարխիական կազմակերպությունը։ Բոնդրակյան աղանդավորների գաղափարախոսությունը հիմնականում մի սուր բողոք էր ոչ միայն հզփացած ու այլասերվող տիրող եկեղեցու դեմ, այլ նաև հայկական ֆեոդալիզմի և իշխող դասերի հարստահարությունների ու ճնշման դեմ։

Հայ երկրում և հայ միջավայրում ծագած ու սնած Պավլիկյան ու Բոնդրակյան աղանդավորները, որոնք դաժան հալածանքների էին ենթարկվել Հայաստանում, ինչպես հայտնի է, վտարվել էին, մեծ մասամբ, Ասորիք, Փոքր Ասիա և մասամբ նաև Բուլղարիա։ Եվ հենց այս աղանդավորներն եղան, ինչպես այժմ ենթադրում են, հիմնադիրները և նախահայրերը բուլղարական բոգոմիլների և հարավային Ֆրանսիայի ալբիգենների, որոնք նախակարապետներն էին գերմանական ռեֆորմացիայի և եվրոպական պրոտեստանտիզմի։

* *
*

Տնտեսական ու սոցիալական այն երևույթները, որ վերև մենք մատնանշեցինք, ցուցանիշներ են, իհարկե, որոշ տեղաշարժի ու փոփոխությունների, որ տեղի էին ունենում Հայաստանի ներքին կյանքում 10-րդ և, մանավանդ, 11-րդ դարերում։ Այդ երևույթները հատկանշական են ու բնորոշ քայքայվող ֆեոդալիզմի համար, որի սկիզբը կարելի է, ըստ իս, Հայաստանում ենթադրել հենց այս ժամանակաշրջանում։

«Ֆեոդալիզմը Հին Հայաստանում» մեր ընդարձակ աշխատության մեջ մենք ուսումնասիրել էինք Հայաստանի նախարարական կազմակերպությունը միմիայն Արշակունյաց թագավորության և մարզպանության շրջաններում։ Հայկական ֆեոդալիզմի լրիվ ուսումնասիրության համար անհրաժեշտ է, իհարկե, նաև նրա անկման այս շրջանի մանրամասն պարզաբանումը, որը կարող է դեռ լուրջ ու ուշադիր քննության։

Թողնելով այդ ապագային՝ մենք ավելորդ չենք համարում տալ այժմ ֆեոդալիզմի այս շրջանի մասին մի քանի թռուցիկ դիտողություններ։

Մատենագրական աղբյուրների քննության, իմ կարծիքով, ընդհանրապես որոշվում է, որ 10-րդ և, գլխավորապես, 11-րդ դարի առաջին կիսում, տնտեսական ուժեղ ու արագ զարգացման հետ միասին,

ֆեոդալական կյանքի աստիճանական վերասերումը տեղի էր ունենում հիվանդագին կերպով՝ իշխող դասերի հուսալքման ու անկումային տրամադրությունների մթնոլորտում: Այս հոռետեսությունը, մելամաղձությունն ու միստիկան նկատելի են, ըստ իս, 11-րդ դարի գրականության ու գաղափարախոսության մեջ, որ հետագայում պետք է մանրամասն լուսաբանվեն պատմական-գրական հատուկ ուսումնասիրությունների միջոցով:

Ուշագրավ է նախ և առաջ այն, որ սոցիալական հակասությունների սրման ու հին կյանքի աստիճանական կազմալուծման այս ժամանակաշրջանում դժգոհությունը չար ու անիրավ կյանքից իր գործնական արտահայտությունն էր գտել վանական ու ճգնավորական կյանքի մեջ, որը խիստ զարգացել էր հատկապես 10-րդ դարում: Այս ժամանակվա իդեոլոգիայի մեջ իշխում էր աշխարհի ու կյանքի ունայնության գաղափարը և փրկությունը բոլոր չարիքներից համարվում էր մարմնի ոչնչացումը և խորշումը զգալի աշխարհից: Հուսահատական փախուստը կյանքից և միստիկական մոայլ այդ աշխարհայեցողությունը, ինչպես հայտնի է, իրենց կատարյալ արտահայտությունն են գտել մեծագույն հայ բանաստեղծի, Գրիգոր Նարեկացու, ճգնավորական ողբերգության մեջ:

Հուսաբեկումը և իր ժամանակվա շվայտ ու ամբարտավան կենցաղի դատապարտումը, ինչպես վերև տեսանք, մեծ տեղ է գրավում Արիստակես Լաստիվերտցու պատմական երկում:

Առանձնապես հետաքրքրական են այս շրջանում նաև այն ներհակությունները, որոնք աճել ու խորացել էին ոչ միայն իշխող ու շահագործվող դասակարգերի, այլև սրանց հակադիր գաղափարախոսությունների մեջ: Մի կողմից խիստ զարգացել էր այս դարերում եկեղեցական սխոլաստիկական ու միստիկական գրականությունը, որի մեջ բնորոշ էին տխուր մարգարեություններն աշխարհի վերջը մոտենալու մասին, իսկ մյուս կողմից հետզհետե փարատվում էր թանձր միջնադարը և արդեն ծնունդ էր առնում աշխարհիկ ու ժողովրդական գրականությունը, որի մեջ մարմնավորվում էին ռամիկ ու աշխատավոր ժողովրդի ակնկալությունները և ձգտումները: Ժողովրդական նոր մտածողության և աշխարհայեցողության արտադրություններ պետք է համարվեն, անտարակույս, մասնավորապես Թոնդրակեցի կոչված վերոհիշյալ հայ աղանդավորների գրվածքները, որոնցից, ժամանակագրորեն, մեր ձեռքը հասել են միմիայն աննշան մնացորդներ:

Մեր վերոհիշյալ փաստական դիտողություններից Հայաստանի տնտեսական ու սոցիալական զարգացման առանձնահատկությունների մասին 10—11-րդ դարերում, կարելի է, ըստ իս, հետևցնել, որ առևտրի, քաղաքների, արդյունագործության և դրամական ու ապրանքային տնտեսության բուռն ու արագ աճմամբ Հայաստանում ևս ֆեոդալիզմը սկսել էր քայքայվել և որ հասարակական կյանքն այստեղ ևս կարող էր վերակառուցվել առաջադեմ նոր հիմքերի վրա, ինչպես այդ հինգ դար հետո տեղի ունեցավ Արևմտյան Եվրոպայում: Բագրատունյաց Հայաստանի տնտեսական բնական ու առաջադեմ ընթացքը, ինչպես հայտնի է, շուտով ընդհատվեց թուրք-թաթարական աշխարհավեր արշավանքների պատճառով, և նրա զարգացումը ետ շպրտվեց իր առաջավոր դիրքերից ու վերսկսվեց բնական տնտեսության զորեղացման հետադարձ հիմքերի վրա:

Հայաստանի քաղաքների ու տնտեսության բուռն ու ուժգին վերելքը 10—11-րդ դարերում, մինչև սելջուկյան արշավանքները, որ մենք ուրվագծեցինք վերև համառոտ ու ընդհանուր կերպով, պետք է, իհարկե, ապագայում ենթարկվի ընդարձակ ու մանրաքննին հետազոտության:

Հանրամատչելի ու հակիրճ մեր այս տեսությունը նախապատրաստական մի փորձ է միայն, որի մեջ մենք անհրաժեշտ համարեցինք տալ նախնական ընդհանուր մեր դիտողությունները կարևորագույն այս ժամանակաշրջանի մասին:

РИМСКО-ВИЗАНТИЙСКИЕ ХЛЕБНЫЕ МЕРЫ И ОСНОВАННЫЕ НА НИХ ИНДЕКСЫ ХЛЕБНЫХ ЦЕН

Хлебные меры Ближнего Востока как римской, так и последующих эпох до сих пор еще не выяснены с достаточной определенностью, и в метрологических трудах имеются о них противоречивые и, большей частью, крайне неопределенные представления. Объясняется это, главным образом, тем, что в распоряжении метрологов имелись об этих мерах либо скудные, либо же неясные и спорные сведения.

В позднеримскую и ранневизантийскую эпохи основными хлебными мерами, как известно, служили на Востоке «артабы» или же «модии» различного размера. Артабами измеряли зерно в Египте, а модиями—в римско-византийских провинциях. Западноевропейские метрологи считают твердо установленным размер египетской артабы; что же касается вопроса о ближневосточных модиях, то предположения о них, как увидим, крайне противоречивы и спорны. Неопределенность размеров модиев и послужила, очевидно, причиной того, что Миквиц, при составлении индекса хлебных цен римско-византийской эпохи[1], определил лишь цены для Египта, где употреблялись хлебные меры артабы, хлебные же цены других стран Востока, в которых в употреблении были модии, не мог определить и не принял в расчет.

В настоящей статье мы хотим рассмотреть невыясненный и спорный вопрос о ближневосточных модиях при помощи данных метрологического труда «О весах и мерах» армянского математика VII в. н. э. Анании Ширакского.[2] Этот ценный труд, к сожалению, до сих пор еще не переведен на русский и европейские языки и недостаточно использован в метрологической литературе[3].

[1] См. *Mickwitz*. Geldwertindex der römisch-byzantinischen Zeit. Aegyptus XIII, 1933; ср. также *И. Пигулевская*. Месопотамия на рубеже V—VI вв. н. э. Л., 1940, с. 76—78.

[2] Древнеармянский текст этого трактата вместе с другими трудами Анании был издан К. Паткановым (М., 1877, с. 27—34).

[3] Меры веса, жидкостей и сыпучих тел, приведенные у Анании Ширакского, определены мною в килограммах и литрах в подробном моем метрологическом исследовании, изданном в 1930 г.; см. мои «Веса и меры в древнейших армянских источниках». Ереван, 1930 (на арм. яз.).

* * *

У Анании Ширакского артабы и модии, как и другие меры сыпучих тел, определены с помощью основной древней меры «ксеста», который, как он указывает, имел в разных местах различную величину. Анания дает сведения о размерах ксестов, бывших в употреблении в Александрии, Италии, Понте и Никомидии, и о двух других ксестах, которые он называет «кастресиос» (καστρήσιος ξέστης) и «эллинскими» ксестами. Как выяснено мною («Веса и меры в древнейших армянских источниках», стр. 60—61), этот эллинский ксест, вмещавший в себе $1^1/_4$ либры, или римского фунта, зерна ($1^1/_4$ Libra=326.4 ÷ 81.6=408 г), был той основной единицей, которою определены у Анании размеры артабы, модиев и других мер.

Приведенное новое и ценное сообщение Анании об эллинском ксесте, равном по весу 408 нынешним граммам, которым измерялись артаба, модии и другие меры, должно привлечь особое внимание метрологов. Оно, как увидим, ставит под сомнение некоторые общие положения метрологических обобщений германской старой школы[4], которой не было известно, что ходячей мерой на Востоке был не италийский ксест в 20 унций (27.2×20=544 г), а восточно-эллинистический или «эллинский» ксест в 15 унций (27.2×15=408 г). Данные об этом ближневосточном ксесте собраны и правильно разъяснены в метрологическом исследовании Оскара Видебанта[5].

Последний, полемизируя с метрологами старой немецкой школы, указывает, что в эпоху владычества Рима основной мерой на Востоке был не италийский ксест, а официальный римский ксест, называвшийся ξέστης Ρωμαϊκός. Емкость италийского ксеста, или секстария, наполненного водой, указана у Видебанта равной 0.544 нынешнего литра; емкость же ближневосточного римского ксеста, наполненного маслом, указана в 0.453 нынешнего литра. Так как весовое отношение воды и масла древние метрологи предполагали 10:9, то вес входившего в него масла будет равен $453 \times {}^9/_{10} = 408$ нынешним граммам[6].

Этот римский ксест, соответствовавший аттическому διχοῦς, египетскому hin'у и еврейскому log'у, был, очевидно, общерас-

[4] *Fr. Hultsch*. Griechische und römische Metrologie, 2-te Pearb. Berlin, 1882.

[5] *Oscar Viedebantt*. Forschungen zur Metrologie des Altertums. Leipzig, 1917.

[6] Ibid., pp. 128, 129, 131, 133—150.

пространенной мерой на всем эллинистическом Востоке еще до владычества римлян. Он именно и назван у Ананий «эллинским» ксестом в отличие от италийского.

Вместимость этого ксеста, или лога, мне кажется, правильно вычислена у французского метролога Декурдеманша. Так как весовое отношение воды и зерна условно предполагалось в древности 100 : 80, то емкость ксеста-лога, наполненного зерном, он определяет в $0.408 \times 100/80 = 0.51$ нынешнего литра[7]. Необходимо, однако, отметить, что относительно емкости древних мер, преимущественно хлебных и сыпучих тел, в руководствах и исследованиях западноевропейских метрологов существуют непримиримые разногласия,[8] которые должны быть рассмотрены в особой статье. Мы считаем поэтому целесообразным определить соотношения ближневосточных хлебных мер не по их емкости, а по соответственному весу.

* * *

При изучении и определении размеров ближневосточных хлебных мер исследователь сталкивается с большими трудностями. Эти трудности объясняются, главным образом, тем, что имеющиеся по этому вопросу в источниках сведения не только недостаточны, но и крайне спорны. Для определения означенных мер основным источником является небольшой метрологический трактат Епифания Кипрского (IV в. н. э.) «О мерах и весах», сохранившийся на греческом и сирийском языках[9]. В трактате этом имеются сведения о модиях, бывших в употреблении у евреев и у понтийцев. Именно один из этих модиев, названный у Епифания и Анании Ширакского «священной мерой», как мы увидим, и был официальной и общераспространенной римской мерой на Востоке.

Так как свидетельство Епифания об этом модии неправильно понято и истолковано всеми как германскими, так и французскими и другими метрологами, я считаю нужным, прежде всего привести подробно и без сокращений все те свидетельства первоисточников, на которых основаны их выводы.

1. Lagarde. Symmikta II, 176, 24—33: «Название σάτος взято из того же еврейского языка; в нем оно женского рода, а в греческом языке—среднего, так как мы говорим σάτον а не σάτος

[7] *J. A. Decourdemanche*, Traité pratique des poids et mesures des peuples anciens et des Arabes. Paris, 1909, p. 100.

[8] См. мои «Веса и меры», с. 54, 67—68 и др.

[9] *O. Viedebantt*, Questiones Epiphanianae metrologicae et criticae. Lipsiae, 1911; *Paul de Lagarde*. Symmikta I—II, Goettingen, 1877, 1880.

Он—модий с излишком (μόδιος ὑπέρογκος), поскольку наполняет модий и дает излишек в $^1/_4$ модия. На том же еврейском языке он называется и означает «взятие» или «отнятие», так как при измерении кто-то должен брать меру и разгружать. (Теперь о модии)[10]: имя модий, как обнаружено, с большой точностью у евреев составляет 22 ксеста, не приблизительно или же в общем, а совершенно точно».

2. Lagarde. Symmikta II, 179,30—180, 35: «Эту меру евреи называют священной потому, что она равна 22 ксестам согласно вышеуказанным числам... Ибо многие другие народы увеличили или уменьшили эту меру, а у евреев с точностью сохранилось это число. Но и у римлян имелась подобной же вместимости мера, называемая модием».

3. Lagarde. Symmicta II, 201, 12—15: «В случае расширения снаряжения модия требуется излишек, т. е. добавка к модию, составляющая $^1/_2$ модия (?). Поэтому, когда модий узок, он равен 5 кабам, а когда широк—равен 6 кабам».

4. Lagarde. Symmicta II, 186,1—3: «Каб (κάβος)—из того же (еврейского) языка—является различной мерой: иногда составляет $^1/_4$ модия, иногда $^1/_5$, а иногда $^1/_6$».

5. Анания Ширакский, издание Авгеряна, Венеция, 1821, стр. 30: «Мера, равная 22[11] ксестам, составляет 1 модий; он называется «согласием» соответственно 22 старейшинам, 22 книгам Ветхого завета и 22 буквам еврейского алфавита; называют его священным модием».

6. Анания Ширакский, то же издание, стр. 30: «Мера в 22 ксеста составляет 1 грив, который является мерой, одинаковой с модием».

7. Eusebios. Metrol. script. I, 227, 19 в. «Сатон равен $1^1/_2$ модиям, именно половине и целому модию, 24 ксестам».

8. Isidor von Sevilla. Metrol. script. II, 119, 12: «Сатон—обычная мера в провинции Палестине и вмещает в себе $1^1/_2$ модия».

Из приведенных свидетельств видно, что у евреев имелись модии трех различных размеров: малый модий, модий-сатон (μόδιος ὑπέρογκος) и большой модий-сатон, называвшийся священным модием (μόδιος ἅγιος или же μέτρον ἅγιον). Согласно третьему и четвертому свидетельствам, соотношение между ними устанавливается в пропорции $1 : 1^1/_4 : 1^1/_2$ или же 4 : 5 : 6. Из этих же свидетельств явствует, что мера каб, как правильно указано Видебантом[12], представляла собою меру одинакового и неизменного

[10] *Ср. Viedebantt.* Forschungen, S. 127.

[11] В издании Патканова (СПб., 1877), с. 31—«24 ксестам» вм. «22 ксестам».

[12] O. *Viedebantt.* Forschungen, s. 131—132.

размера и, в соответствии с вышеозначенным соотношением модиев, составляла иногда $^1/_4$, иногда $^1/_5$, а иногда $^1/_6$ модия.

Эта еврейская мера каб, как выяснено в сравнительной метрологии,[13] была равна 4 еврейским логам. Поэтому Видебант, основываясь на тех же свидетельствах (№№ 3 и 4), мог без труда установить, что малый модий был равен 4 кабам или 16 логам, модий-сатон—5 кабам или 20 логам и большой модий-сатон—6 кабам или 24 логам. А так как еврейский и финикийский лог и египетский hin, как было сказано выше, были тождественны с эллинистическим или римско-ближневосточным ксестом и соответствовали по весу 408 нынешним граммам,—следовательно, определяя по логу вышеуказанные еврейские модии, получаем для них следующие точные цифры веса:

Малый модий = 16 логам = 408×16 = 6 кг 528 г;
Модий-сатон = 20 логам = 408×20 = 8 кг 160 г;
Большой модий-сатон = 24 логам = 408×24 = 9 кг 792 г.

Приведенное соотношение модиев, как видим, ясно показывает, что свидетельства Евсевия и Исидора Севильского (№№ 7 и 8) относятся к большому модию-сатону, который был равен, действительно, $1^1/_2$ малым модиям (6 кг 528 г + 3 кг 264 г = 9 кг 792 г).

Вышеприведенные подлинные свидетельства первоисточников приводят нас и к другим общим выводам.

1. Выясняется, что еврейский большой модий-сатон, называвшийся священной мерой, как определено связано в цитированном нами свидетельстве Епифания (№ 2), был тождествен с употреблявшимся на Востоке римским модием, имевшим подобную же вместимость.

2. Именно этот модий, как видно из сообщения Анании Ширакского (№ 6), в византийско-сасанидскую эпоху был основной хлебной мерой в Армении и назывался там гривом.

3. Исходя из персидского названия этого модия—«грив» или «гриван» (перс. gribān), можно, кроме того, предположить, что модий-грив был ходячей мерой не только в Армении, но и в Сасанидской Персии.

4. Цитированные тексты Анании Ширакского (изд. Патканова) и Евсевия (№ 5, прим. и № 7) определенно свидетельствуют также, что «священный модий, или модий-грив, был равен 24 ксестам, под которыми, очевидно, подразумевались эллинистические или римско-ближневосточные ксесты, соответствовавшие по весу зерна 408 нынешним граммам.

Следует, однако, отметить, что в вышеприведенных свидетельствах Епифания и Анании Ширакского (№№ 1, 2, 5, 6) еврейский большой модий-сатон, называвшийся священным, считается равным не 24, а 22 ксестам. Это кажущееся противоречие, как полагает Видебант[14], объясняется тем, что в Палестине, кроме логов, соответствовавших эллинистическому или римско-ближневосточному ксесту (408 г), имелись, вероятно, также и местные ксесты несколько большего размера. Этот вопрос, однако, не совсем ясен и нуждается в специальном и более подробном изучении.

* * *

Итак, как было сказано выше, еврейский большой модий-сатон, считавшийся священным и равный 6 кабам или 24 логам-ксестам, заключал в себе 9 кг 792 г зерна. Он в $1^1/_2$ раза превышал малый модий, который был равен кабам или 16 логам-ксестам, заключая в себе 6 кг 528 г зерна. Еврейский же модий-сатон, названный в свидетельстве Епифания (№ 1) μοδιος ὑπέρνομος и равный 5 кабам или 20 логам-ксестам, заключал в себе 8 кг 160 г зерна. Он превышал в $1^1/_4$ раза малый модий.

Несмотря, однако, на достаточную ясность свидетельств Епифания, подтверждаемых и другими сообщениями первоисточников, в западноевропейской метрологической литературе относительно модиевсатонов до сих пор еще ведутся споры и высказываются неправильные предположения

Совершенно неприемлемы, прежде всего, вычисления о европейских хлебных мерах Гульча, которому не были известны новые данные об особых римско-эллинистических мерах на Востоке. Его метрологический труд—Grieechische und römische Metrologie, считавшийся еще недавно лучшим руководством, в настоящее время уже устарел и требует коренного пересмотра. Такой пересмотр и происходит сейчас в метрологической науке.

Свидетельство Епифания о еврейском модии-сатоне, названном им μοδιος ὑπέρνομος неправильно истолковано также в статье К. Лемана-Гаупта, помещенной в журнале Klio (XIV, с. 357). Этот модий-сатон, равный $1^1/_4$ малого модия или 20 логам-ксестам, он считал $1^1/_4$ не малого модия, а большого модия-сатона, называвшегося священным и равного 22 ксестам. Поэтому вместимость этой меры Леман-Гаупт предполагал не в 20 логов-ксестов, а в $27^1/_2$ римско-италийских ксестов: $22 + ^{22}/_4 = 27^1/_2$. Это, конечно, неправильно и не соответствует свидетельству Епифания[15].

Видебант, полемизируя с Леманом-Гауптом и считая сомнительным существование у евреев, кроме вышеуказанных трех модиев, еще и четвертого модия, допустил и сам явную ошибку. Ев-

[13] *Tr. Hultsch.* Griechische und römische Metrologie S. 451; *O. Viedebantt.* Forschungen, S. 132.

[14] *O. Viedebantt.* Forschungen, S. 132.

[15] Ср. *O. Viedebantt.* Forschungen, S. 127—128.

рейский большой модий-сатон, называвшийся священным, который, как мы видели, был равен 24 логам-ксестам или 22 местным ксестам, он неправильно отождествил[16] с модием-сатоном, названным у Епифания μόδιος ὑπέρογκος (=20 логам-ксестам). Поэтому и у него тоже получились ошибочные выводы о модиях-сатонах, противоречащие фактическому материалу. Ошибка Видебанта в этом вопросе тем удивительнее, что он в данном месте своего исследования правильно определяет величину всех трех еврейских модиев[17], основываясь на двух других свидетельствах Епифания, приведенных у меня под № 3 и 4.

Следует еще отметить, что большой модий-сатон, называвшийся священным, неправильно определен и в исследованиях французских ученых—и в частности, в метрологической работе Декурдеманша «Traité pratique».[18] По его мнению, означенный модий содержал 8 кг 812.8 г зерна и был равен $21^3/_5$ лога. Хотя некоторые, полагает Декурдеманш, считают эту меру равной 24 логам или $^1/_3$ epha, но это, на самом деле, является результатом недоразумения. Однако, как мы видели, правы именно эти «некоторые» метрологи, которых он не называет. Что большой модий-сатон был равен не $21^3/_5$, а 24 логам-ксестам или $^1/_3$ еврейской меры, тождественной с египетской артабой, или же $^1/_{30}$ европейского кора, ясно и определенно свидетельствует Анания Ширакский[19], труд которого является ценным и новым источником сравнительной метрологии.

Таким образом, как мы видим, относительно еврейского большого модия-сатона, соответствовавшего эллинистическому или римско-ближневосточному модию и древнеармянскому модию-гриву и являвшегося одной из основных мер Ближнего Востока, удается получить новые любопытные выводы, которые вскрывают ошибочность предположений вышеуказанных западноевропейских метрологов.

*
* *

Кроме указанных еврейских модиев, у Епифания Кипрского имеются сведения и о понтийских хлебных мерах. В его сообщении,—правда, не совсем исправном,—подробно указаны три различные хлебные меры понтийцев: кипр, малый модий и большой модий. «Марис,—сообщает Епифаний,—есть мера понтийцев, равная 2 гидриям; гидрия же равна у них 10 ксестам, поэтому кипр равняется 20 александрийским ксестам. Кипр у этих же самых понтийцев является мерой сухих тел и равен 2 модиям. Говорят, что (последняя мера) равна у них 5 хойникам, а хойник равен у них 2 ксестам, а поэтому кипр равняется 20 ксестам. Большой же модий равен у них 24 ксестам»[20].

Для перевода указанных в этом свидетельстве мер в современные единицы необходимо выяснить, чему равнялись по весу вышеозначенные ксесты. Александрийский ксест, как сообщает Анания Ширакский,[21] соответствовал по весу 2 либрам или римским фунтам, а именно: 326.4×2=652.8 г. А под 24 ксестами, составлявшими большой модий, как нетрудно догадаться, следует подразумевать эллинистические или римско-ближневосточные ксесты, соответствовавшие по весу 408 г. Следовательно, определяя по этим ксестам понтийские меры, получаем, как подробно указано в моих «Весах и мерах» (стр. 78—79), следующие выводы об этих мерах сухих тел:

Большой модий=403×24=9 кг 792 г.
Кипр=652.8×20=13 кг 56 г.
Малый модий=13 кг 56 г : 2=6 кг 528 г.
Хойник=652.8×2=1 кг 305.6 г.

Приведенные меры подробно рассмотрены и в метрологической работе Гульча (Hultsch),[22] но они определены у него так же неправильно, как и вышеозначенные еврейские меры. Согласно Анании Ширакскому,[23] александрийский ксест соответствовал по весу 2 либрам или римским фунтам (т. е. 24 унциям=24×27.2=652.8 г), а римско-италийский ксест 20 унциям (24×27.2=544 г). Значит, александрийский ксест относился к более легкому римско-италийскому ксесту, как 24:20 или 6:5. Гульч же в своей метрологии указывает их отношение, как 4 : 3.[24] Кроме того, как было отмечено выше, ему не было известно существование и особого римско-ближневосточного ксеста, соответствовавшего по весу 408 г. Поэтому вычисления Гульча не могут быть признаны правильными и должны быть отвергнуты.

*
* *

Что вышеприведенные хлебные меры правильно определены мною по их весу, свидетельствуют и другие существенные сообра-

[16] Ibid., S. 131—132.
[17] Ibid.. S. 132.
[18] *J. A. Decourdemanche.* Traité pratique des poids et mesures des peuples anciens et das Arabes. Paris, 1909, p. 100.
[19] См. мои «Веса и меры», с. 82—84.
[20] *P. de Lagarde.* Symmicta II, 198, 81—87.
[21] См. мои «Веса и меры», с. 57—61.
[22] *Fr. Hultsch.* Griechische und römische Metrologie, S. 573—575.
[23] См. мои «Веса и меры», с. 57—61.
[24] *Fr. Hultsch.* Griechische und römische Metrologie, S. 633.

жения. Малый модий, величина которого, как мы видим, была одинакова и в Палестине и в Понте и была равна по весу 6 кг 528 г, соответствовал совершенно точно аттическому ἑκτεύς'у и эллинистическому модию, распространенному повсюду на Востоке и сохранившемуся здесь в качестве римской официальной меры. Он подробно рассмотрен и правильно определен не только в метрологическом исследовании Видебанта[25], но еще до него и французскими метрологами,[26] труды которых не упоминаются, однако, у Видебанта.

Интересное документальное подтверждение соответственного веса малого модия сохранилось у Плиния Старшего в его Historia naturalis (кн. XVIII, 12,3—4). Этот модий, наполненный хлебным зерном, привозимым в Рим из Галлии, Херсонеса или Александрии, Плиний считает равным по весу 20 либрам, или римским фунтам (326.4×20=6 кг 528 г).

Также и размер двойного модия, называвшегося в Понте киром и содержавшего 20 александрийских ксестов, или 40 либр, или римских фунтов зерна (326.4×40=13 кг 56 г), данными источников подтверждается с полной определенностью. Понтийский кипр был, несомненно, тождественен со σπόριμος μόδιος или modius castrensis, которые также содержали 40 римских фунтов зерна.[27] О том, что σπόριμος μόδιος содержал действительно 40 римских фунтов зерна, определенно свидетельствует греческий математик I в. н. э. Герон Александрийский[28]. Кроме того, из вычислений Ф. И. Успенского, основанных на метрологических материалах IX—X вв., также видно, что σπόριμος μόδιος осеменял 200 кв. саж. земли и был равен 40 либрам и 346.600 ситококкам жита[29].

Размер и третьей хлебной меры—большого модия понтийцев, соответствовавшего еврейскому большому модию-сатону, эллинистическому или римско-ближневосточному модию и древнеармянскому гриву, подтверждается косвенным указанием Анании Ширакского.

В моих «Материалах по истории экономической жизни древней Армении»[30] было указано, что вес употребительной в Армении хлебной меры кайта соответствовал 19 кг 584 г. Большой же модий или грив, как мы видели, соответствовал по весу 9 кг 792 г.

[25] *O. Viedebantt.* Forschungen. Гя. IV—Das attische Hohlmass-System, S. 56—65 и гл. XI—Das helienistische und amtliche römische Hohlmass des Ostens, S. 133–151.

[26] *Ср. Decourdemanche.* Traité pratique, Paris, 1909, pp. 97—99.

[27] См. *Qucipo.* Essai sur les systemes métriques et monétaires des anciens peuples, I. Paris, 1859, pp. 220, 567 и др.

[28] См. Metrologici scriptores, ed. Hultsch I, pp. 190, 17.

[29] *См. Ф. И. Успенский,* Византийские землемеры. Труды VI Археологического съезда в Одессе, 1884. Одесса, 1888, с. 237—290, 293—294.

[30] «Известия Госуниверситета Армении», 1928, № 4, с. 55, 76.

Следует отметить, что меры эти переложены мною на современные единицы независимо друг от друга и на основании совершенно различных данных. Сравнивая же полученные нами цифры соответствующего им веса, мы видим, что мера кайт равнялась точь-в-точь 2 модиям-гривам (19.584:9.792=2). Это точное соотношение модия-грива к хлебной мере кайту, мне кажется, может служить доказательством правильности наших выводов.

Так как выяснение размера древнеармянской хлебной меры кайта представляет большой интерес для сравнительной метрологии, мы считаем не лишним дать о ней более подробные сведения. Точное определение ее размера имеется в «Задачнике» Анании Ширакского в следующей задаче (№ 23):

«Была у меня житница, в которой было двести кайтов ячменя; мыши забрались туда и съели весь ячмень; я поймал одну из мышей и подверг ее наказанию; она призналась и сказала: «Мне досталось восемьдесят зерен». Итак, узнай, сколько всего было в житнице зерна, а также, сколько было мышей, которые их съели»[31].

В решении этой задачи[32] сказано, что в житнице было 82 944 000 зерен ячменя. Таким образом емкость кайта, согласно этой задаче, получается 82 944 000:200=414720 ячменных зерен, или же, как правильно вычислено Г. Тер-Мкртчяном,[33] 60 либр, или римских фунтов. И действительно, в трактате Анании «О весах и мерах» указано, что римский фунт, или либра, вмещал 6912 ячменных зерен,[34] следовательно 414 720 ячменных зерен составляли 414 720 : 6912=60 либр, или римских фунтов, или же 326.4×60=19 кг 584 г.

Свидетельство Анании устанавливающее точный размер кайта, крайне ценно, так как подтверждается им мнение, высказанное Видебантом о размере римской артабы, упомянутой у Африкана.[35] Как сообщает Африкан (Lagarde. Symmicta I, стр. 169, 75—77), большая артаба была равна 4½ италийским модиям, а малая, которой в его время пользовались римляне, была равна 3 модиям; как совершенно правильно указывает Видебант, в свидетельстве Африкана подразумеваются римско-италийские малые модии

[31] См. «Вопросы и решения вардапета Анании Ширакаци», изд. и перев. *И. А. Орбели,* Пг., 1918, с. 23.

[32] Там же, с. 55.

[33] См. *Г. Тер-Мкртчян.* Анания Ширакский. Вагаршапат, 1896, с. 19 (на арм. яз.).

[34] Следует отметить, что в анонимной статье, которой пользовался Ф. И. Успенский («Византийские землемеры», с. 289), указано, что либра имела 8640 ситококков, а Анания Ширакский свидетельствует, что в либре было 6912 ячменных зерен. Свидетельство Анании соответствует данным древних источников.

[35] *O. Viedebantt.* Forschungen, S. 136—137 и 143.

(=6 кг 528 г). Поэтому артаба в $4^1/_2$ модия была, очевидно, древней египетской артабой (ἀρτάβη Πτολεμαϊκή), равной по весу $6.528 \times 4^1/_2 = 29$ кг 376 г, а артаба в 3 модия (κατὰ τὴν Ῥωμαϊκὴν χρῆσιν) была римской артабой, равной по весу $6.528 \times 3 = 19$ кг 584 г. Эта последняя римская артаба более позднего времени, как видим, точь-в-точь соответствует древнеармянскому кайту.

Римско-италийские и римско-ближневосточные основные хлебные меры, как видно из вышеизложенного, устанавливаются не грубо и приблизительно как часто утверждают в метрологической литературе, а совершенно точно.

Выводы наши об этих мерах мы считаем необходимым дать для наглядности в особой таблице (в первой графе—килограммы, в остальных—отвлеченные числа) (см. табл. на с. 359).

Из приведенных в этой таблице мер римско-италийский малый модий совершенно не упоминается у Анании Ширакского, а у Епифания Кипрского, Евсевия и Исидора Севильского он особо также не упоминается, а служит лишь мерилом для определения величин еврейских и понтийских мер—модиев-сантонов и кипра. Этот модий, по-видимому, был ходячей хлебной мерой, главным образом в Италии и в западных областях Римской империи.

Еврейский модий-сатон, названный у Епифания μόδιος ὑπέργομος, также не упоминается в числе понтийских и древнеармянских мер, и можно поэтому предположить, что он был местной мерой в Палестине и Сирии.

Основной же и общей хлебной мерой Востока, употреблявшейся и в Палестине, и в Понте, и в Армении, был, очевидно большой модий, тождественный с еврейским священным модием и древнеармянским гривом, который заключает в себе 9 кг 792 г зерна. Размер этого римско-ближневосточного модия, неизвестного западноевропейским метрологам, как мы видели, определен впервые в моих «Весах и мерах» (стр. 69—79).

Таким образом, из нашего подробного анализа метрологических сведений первоисточников выясняется с достаточной определенностью наличие в Италии и на Ближнем Востоке трех различных модиев и двух различных артаб, которые были, по-видимому, основными и официальными хлебными мерами позднеримской и ранневизантийской эпох: 1) римско-италийский малый модий; 2) modius castrensis, равный двум малым модиям; 3) римско-ближневосточный большой модий, равный $1^1/_2$ малым модиям; 4) римско-италийская артаба, равная 3 малым модиям и 5) римско-ближневосточная или египетская артаба (Πτολεμαϊκή), равная 3 большим и $4^1/_2$ малым модиям.

В западноевропейских научных журналах недавно появились две статьи об индексах цен позднеримской и византийской эпох,

Артаба египетская (Πτολεμαϊκή) . .	29,376	1							
Артаба римская, кайт	19,584	$1^1/_2$	1						
Modius castrensis, σπάργιος μόδιος, кипр	13,056	$2^1/_4$	$1^1/_2$	1					
Модий большой, сатон, грив . .	9,792	3	2	$1^1/_3$	1				
Модий-сатон, μόδιος ὑπέργος	8,160	$3^3/_5$	$2^2/_5$	$1^3/_5$	$1^1/_5$	1			
Модий римско-италийский малый	6,528	$4^1/_2$	3	2	$1^1/_2$	$1^1/_4$	1		
Каб	1,632	18	12	8	6	5	4	1	
Ксест римско-ближневосточный, log, hin .	0,408	72	48	32	24	20	16	4	1
Либра или римский фунт (libra)	0,3264	90	60	40	30	25	20	5	$1^1/_4$

*
* *

в которых приведены также индексы хлебных цен.[36] Авторы этих статей, основываясь на данных папирусов или же других источников, не только дают индексы средних хлебных цен по векам, но устанавливают также падение этих цен в более поздние века. В частности, Острогорский указывает на различие цен в Египте и в других частях Византийской империи. Следует, однако, отметить, что составителям указанных индексов, пользовавшимся метрологическими трудами ученых преимущественно старой школы, не было известно, что в западных и восточных областях Римской, а позднее и Византийской империи в качестве официальных мер употреблялись римско-италийские и римско-ближневосточные модии и артабы различных размеров. Поэтому многие даже основные выводы их исследований крайне спорны и едва ли приемлемы. Не считая возможным в нашей краткой статье входить в подробное рассмотрение этих спорных выводов, мы вкратце укажем лишь те общие метрологические их предпосылки и положения, которые считаем ошибочными или сомнительными.

1. Главнейший камень преткновения у Миквица (Mickwitz), как я полагаю, заключается в том, что он, при составлении для Египта индекса средних цен, считал артабы единообразными в

[36] *G. Ostrogorsky.* Löhne und Preise in Byzanz.—Byz. Ztschr., Bd. 32, 2 Halbjahresheft, 1932, S. 293—333; *Gunnar Mickwitz.* Ein Goldwertindex der römisch-byzantinischen Zeit. Aegyptus. Anno XIII, fasc. I. 1933, S. 95—106.

размерах. Это положение, конечно, спорно. У Острогорского[37] приведено свидетельство папируса P. Strassb. 40569 г., в котором определенно указаны артабы, «измеряемые официальной мерой малой формы». Следовательно, можно предположить, что под артабами могли в папирусах подразумеваться как египетские или римско-ближневосточные (=29,376 кг) артабы, так и римско-италийские (=19.584 кг).

2. При составлении индекса цен ранневизантийского периода Миквиц приводит максимальные цены эдикта Диоклетиана, но цены в применении к modii castrenses не принимает в расчет, так как размеры этих модиев он считает неустановленными. Мне кажется не совсем правильным и это его указание. Размер модия castrensis, как мы видели, был равен 2 римско-италийским малым модиям и 40 либрам (13.056 кг).[38] Для определения средних цен эта мера представляла, несомненно, особый интерес, так как наименование ее точно указано и размер ее нетрудно было определить.

3. Составители индексов, при вычислении средних хлебных цен,обычно предполагают, что артаба была равна $3^1/_2$ модиям. Однако Бьюри, основываясь на P. Cairo Cat. 67 138, указывает, что артаба, видимо, равнялась 3 модиям.[39]

О том, что артаба равнялась не $3^1/_2$, а $3^1/_3$ модия, имеются, действительно, сообщения в фрагменте περὶ μέτρων, изданном Гульчем (Metrol. script. I, стр. 257, 22), а также у Гиеронима и в Carmen de ponderibus.[40] Однако более чем вероятно, что эти свидетельства, как правильно полагает Видебант, являются результатом описки и основаны на неправильном чтении цифровых знаков у Африкана.[41]

Правильно, несомненно, вышеприведенное указание Бьюри на отношение артабы и модия 1 : 3. Но нетрудно догадаться, что в указанном им сообщении не имелись в виду соотношения модиев и артаб вообще; в нем, по-видимому, приравнивалась египетская или римско-ближневосточная артаба к 3 римско-ближневосточным модиям.

Действительное же соотношение различных артаб и модиев, как мы видели, зависело от их размеров, подробно указанных нами в вышеприведенной таблице:

а) артаба египетская или римско-ближневосточная (29.376 кг) = $=2^1/_4$ modii castrenses (13.056 кг) = 3 большим римско-ближневосточным модиям-гривам (9.792 кг) = $4^1/_2$ малым римско-италийским модиям (6.628 кг);

б) артаба же римско--италийская (19.534 кг) = $1^1/_2$ modii castrenses (13.066 кг) = 2 большим римско-ближневосточным модиям-гривам (9.792 кг) = 3 малым римско-италийским модиям (6.528 кг).

Из приведенных данных о римско-италийских и римско-ближневосточных модиях и артабах, мне кажется, можно заключить, что индексы хлебных цен западноевропейских ученых нуждаются в проверке и что составителями их должны быть приняты во внимание те новые данные о хлебных мерах римской и ранневизантийской эпох, которые определены нами при помощи ценных свидетельств метрологического трактата «О весах и мерах» Ананнии Ширакского.

---

[37] *Ostrogorsky*. Löhne und Preise in Byzanz, S. 296

[38] Этот размер указан совершенно правильно также и у *Н. Пигулевской*. Месопотамия на рубеже V—VI вв. н. э., с. 77.

[39] *G. Ostrogorsky*. Löhne und Preise in Byzanz, S. 320; ср. также *Н. Пигулевская*. Месопотамия на рубеже V—VI вв. н. э. с. 77.

[40] *O. Viedebantt*. Forschungen S. 136—137.

[41] Ibid., S. 136.

ՅԱՆԿԵՐ

ԱՆՁՆԱՆՈՒՆՆԵՐԻ ՅԱՆԿ

Աբաս, Կարսի թագավոր 343
Աբաս Ա, Հայոց թագավոր 319
Աբբասյաններ 252, 317
Աբգլ-Մելիք 252, 258
Աբրիհիմ, սելջուկ զորավար 340
Ալիշան Ղ. 232, 294, 308—310
Ախվերդով Յու. 331
Անանիա Շիրակացի 231—236, 240—257, 260—294, 308, 310
Աշոտ Ա, Հայոց թագավոր 315, 338
Աշոտ Բ Երկաթ, Հայոց թագավոր 318
Աշոտ Գ Ողորմած, Հայոց թագավոր 318, 319, 321
Առոդիկ 343, տե՛ս նաև Ստեփանոս Տարոնեցի
Ավգերյան Հ. 231—234, 238, 244, 246, 249, 252, 260, 262, 263, 265, 267, 274, 275, 283, 294, 298
Ատաալբատես Միթայել, մատենագիր 319
Արիստակես Լաստիվերցի, պատմագիր 319, 326, 339, 341, 346
Արծրունիներ 330

Բագրատունիներ 317, 318, 321, 326, 330
Բագրատունիներ Կղարջքի 320
Բաստամյանց Վ. 248
Բարտոլդ Վ. 325
Բևլազորի 258, 336

Գագիկ Արծրունի, Վասպուրականի թագավոր 322, 323
Գագիկ Ա Բագրատունի, Հայոց թագավոր 339
Գրիգոր Նարեկացի 346
Գուրկո-Կրյաժին 320

Դավիթ եպիսկոպոս 340
Դավիթ եպիսկոպոս Սյունյաց 239
Դևկուրգեմանը 232, 263, 267, 273—275, 277, 279, 280, 282, 284, 286, 287, 296, 301, 302, 306, 307, 309, 310
Դըլազարդ Պ. 234, 237, 273, 290
Դիոնիսիոս Տելմահարցի 289, 290
Եպիփան Կիպրացի 234, 235, 237, 243, 249, 250, 266, 267, 269—276, 279, 283—288, 290

Եվսեբիոս 277
Երատոսթենես 296, 298, 301, 302, 309

Թոմա Արծրունի 322—325, 328
Թորամանյան Թ. 325—327

Իբն ալ-Ֆակիհ 315, 331, 333
Իբն Հալդան 332
Իբն Հաուկալ 332, 333
Իբն Խորդադբեհ 258
Իսիդոր Սևիլացի 277
Իսահակ 332, 333

Լոռան 319, 330

Խոսրով Պարվեզ 256, 257
Խրիսաենան Ա. 258

Կադըր-խան Կաշգարի 334
Կավադ 257
Կեդրենոս, պատմագիր 319, 328
Կոդամա 258
Կոստանդին Շիրանածին, կայսր, պատմագիր 320
Կրիմեր Ա. 258, 333

Հազկերտ 257
Հայդ 336
Հերակլ կայսր 247
Հիպարքոս 296
Հյուբշման Հ. 244
Հովհաննես Դրասխանակերտցի 314, 316, 329, 334, 344
Հուլիանոս Ասկալոնացի 307

Ղազար Փարպեցի 336
Ղևոնդ պատմագիր 332

Մահմադ Ղազնևիտյան 334
Մառ Ն. 318, 321, 325, 330, 337, 340, 342
Մասուդի 333
Մատթեոս Ուռհայեցի 340
Մխիթար Դոշ 239, 341, 247, 248
Մովսես Խորենացի 233, 294, 308, 328, 329
Մովսես Կաղանկատվացի 337
Մուշեղ, Կարսի թագավոր 319

Յակուբի 333
Յակուտ 315, 332, 333
Յուսուֆ, Ատրպատականի ամիրա 334, 344

Ներսես Գ կաթողիկոս 329
Նյոլդեկե Թ. 257—259

Շապուհ Բագրատունի, պատմագիր 338

Պապա Աղեքսանդրացի 308
Պատկանյան Ք. 231, 232, 252, 260, 274, 278, 304
Պերոզ, Պարսից շահ 257
Պլինիոս 335
Պոսեդիոս 296
Պորփյուր 308
Պտղեմեոս 296

Սեբեոս, պատմագիր 256
Սեն-Մարտեն 294, 297, 304, 308
Սմբատ Ա, Հայոց թագավոր 315, 321, 334, 335, 344
Ստեփանոս Տարոնեցի (Ասողիկ) 315, 316
Ստեփանոս Օրբելյան 239
Ստրաբոն 335
Սուփան, Սյունյաց իշխան 338

Վաղարշակ, Հայոց թագավոր 328
Վիդեբանտ Օ. 233, 237, 243, 250, 265, 270, 273, 274, 276—278, 280, 282, 284, 285, 287, 288, 300, 301, 307

Տարարի 256, 258, 331
Տեր-Մկրտչյան Գ. 261

Փիլիպպե, Սյունյաց իշխան 239
Օգոստոս կայսր 244, 245
Օմայաններ 317
Օրբելի Հ. 318, 335—337

Ֆինկ Ն. 249

Абага-хан 203
Аббас Багратид 154
Аббасиды 136, 138, 143, 164
Абгар, царь 31
Абд-ал-Азиз, востикан 140, 141
Абдуллах ал-Хаками 138
Абулмеликъ, халиф 126, 127
Абулсувар Шеддадид 193, 194
Абу-Саид, ильхан 192, 216, 220
Авгерян А. 123
Август 70, 89
Агафангел 40
Адонц Н. 27, 35. 36, 51, 88, 122
Адриан 77, 83
Аксидар 82
Александр Македонский 20, 22, 23, 25, 28, 32, 33, 48
Алексей Комнин 198
Алишан Г. 96, 100, 202
Алп-Аслан 149, 158, 188, 190, 193
Амфикрат 55
Анания Ширакский 122—125, 128—135, 348—358, 360
Анастасий I, император 88

Анатолий, полководец 89
Аноним Равенский 100—105, 108—112, 114, 120, 121
Антиох I 41
Антиох III 23, 37, 38
Антиох Гиеракс 26
Антиох Епифан 22
Антоний, император 45
Аппиан 54, 55
Аргун-хан 205, 213
Ариарат, царь Каппадокии 28
Аристобул 41, 43
Арриан 28, 115
Аристакес Ластивертский 147, 149, 151, 154, 158, 187, 193
Арслан-шах, сельдж. султан 195
Артабазан, сатрап 23, 24
Артавазд II, царь Армении 39, 55, 62
Артаксиды 30
Арташес I (Артаксий I), царь Армении 24, 28, 30, 31, 36—38, 40, 51
Арташир, сын Шахиншаха 203
Арцруниды 156
Аршак II, царь Армении 57
Аршакиды 63
Аршакиды армянские 23, 37, 65, 69, 72, 80—83, 87, 120
Аршакиды парфянские 49, 50
Аршам, царь Софены 26
Асохик 102, 107, 146
Астиаг 33, 59, 87
Астурян 83
Атропат, сатрап 23
Атталиат Михаил 154
Ашот Багратид 145
Ашот Мсакер 153
Ашот I, царь Армении 152
Ашот II Железный, царь Армении 153
Ашот III Милостивый, царь Армении 153, 154
Африкан 134, 357, 360
Афшин Саджид 147
Ахемениды 7, 8, 12, 22, 48, 59
Багарат, армянск. князь 51, 53
Багратиды армянские 136, 140, 143, 145, 147, 148, 153, 187, 188
Багратиды грузинские 154
Баладзори, арабск. историк 138, 141, 142, 160, 164, 165
Бартольд В., востоковед 43, 73, 76, 157, 163, 205, 216
Бачу, монгольск. военачальник 203
Белох 21, 29
Бельк В. 58, 94, 96, 105, 110, 121
Болтунова А. 29
Брюсов В. 187
Буга 142
Бьюри 360

Вагарш, царь Армении 62, 83—85
Василий II, византийск. император 187
Василий I, византийск. император 144, 145
Васко де Гама 221
Вардан, армянск. историк 197
Вардан Мамиконян 80, 100
Варрон 41, 43
Вачутяны 191
Вахушт, грузин. историк 175
Вебер М. 7, 8
Веспасиан, император 30, 72
Видебант О. 128, 129, 132, 134, 341, 351, 352, 356, 357, 360

Габиб ибн-Маслама 165
Гагик Арцруни 148
Газан-хан 204
Гайкуни С. 97, 99
Ганнибал 38, 39
Гейд В. 207—210, 213
Гельцер, византинист 55
Георгий III, царь Грузии 190, 194
Георгий Кедрин, византийск. историк 154, 158
Геродот 12, 14, 19, 23, 25, 34, 49, 54
Герон Александрийский 132, 356
Гиероним 360
Гиппал, мореплаватель 72
Григорий Просветитель 40
Григорий Туркский 80
Гулау-хан 203
Гульч 353, 355, 360
Гурас 51, 53
Гурко-Кряжин, В. советский историк 43, 64, 65, 139, 146
Гюрканос (Гиркан) 62
Гютербок, ученый 80

Давид II Строитель, царь Грузии 190, 194
Давтак, епископ 150
Дадарш 34
Дарий I Гистасп, персидский царь 7—9, 23, 32, 34
Декурдеманш, франц. ученый 185, 350, 354
Джавахашвили И. (И. Джаваков), груз. историк 34, 35
Джалал-эд-Дин, хорезмшах 191
Джелаириды 192, 220
Джеханшах 193
Джугиды 216
Димитрий, царь Грузии 194, 201
Диодор, греческ. историк 28
Диоклетиан, византийск. император 360
Дион Кассий 83
Дионисий, сын Клеопатры 62
Дионисий из Тель-Махрэ, сирийск. историк 137
Диоскорид, врач 78
Долгорукие, армянские князья 192
Домициан, император 75
Допяны 191

Еврипид 39
Евсевий 358
Евстафий Фессалоникский, митрополит 78
Евтрон 57, 59
Епифаний Кипрский 129, 131, 132, 350, 352—354, 358
Ервандиды 24, 29, 30, 55
Ерванд Последний, армянск. царь 29—31, 86

Захариды 194, 195, 199, 202, 203
Захарий Долгорукий 191, 194, 200
Зарех 87
Зариадр 36, 37

Иамблих 39
Ибн-ал-Атир 122
Ибн-ал-Факих, географ 160, 161
Ибн-Батута 219
Иване Долгорукий 191
Ибн-Халдун 148, 160, 163
Ибн-Хаукаль, географ 148, 152, 159, 160, 161, 162, 165, 167, 168, 171—173, 175, 177, 180
Ибн-Хордадбе 126, 143, 171, 173, 175, 178
Ибрагим, сельджук. полководец 150
Ибрагим Яннал 187
Иездигерт-шах 125
Ильдигиз, атабек 195, 197
Инджиджян Г. 88
Иоанн, католикос Армении 91, 147, 150, 163, 164
Иоанн Козерн 151
Иоанн Куркуас 144
Иовиан, византийск. император 61, 66, 80
Иосиф Флавий, историк 62
Исидор Севильский 358
Исидор Харакский 75
Исмаил ибн-Якут 191
Истахрий 152, 155, 159, 160, 167, 168, 171—173, 175, 177, 178.

Кавад, персид. шах 125
Камбиз 8
Камсараканы 86, 153
Карануин 201
Караулов 168, 171, 172, 175, 177, 178, 180
Карбе 110
Касторий, географ 75, 91, 92
Кей-Султан Шеддадид 195

Киперт Г. 57
Киперт Р. 93, 96, 99—102, 111, 207—209, 211, 212
Кир, персидск. царь 8, 13, 14, 33, 59
Клеопатра, царица Палестины 62
Клеопатра, дочь Митридата 52
Ключевский 142
Кодама 171, 172, 175, 178
Константин Дука, византийск. император 188
Константин Мономах, византийск. император 188
Константин Порфирородный, визант. император 154
Корбулон 57, 85, 97, 108, 109
Косма Индикоплевст, купец 76
Красс, римск. полководец 62
Кремер А. 126, 163
Ксенофонт 10. 12, 13, 15, 17—19, 34—36, 49, 108. 110
Кулишер Т. 81
Курций Руф, историк 28
Кутулмыш 150, 187

Лангелс Г. 212, 215
Лазарь Парпский 68, 87, 100, 119
Лев V, царь Киликии 190
Левон II, царь Киликии 189, 207
Лекапен Роман. византийск. император 144
Леман-Гаупт К. 54, 58, 99, 105, 110, 353
Леонтий, армянск. историк 96, 138—141, 160, 161
Лизимах 33
Линч 211
Лоран, франц. историк 144, 159
Лукулл, римск. полководец 40, 49, 53, 54, 56, 58, 110

Магаффи, англ. ученый 42
ал-Мансур, халиф 138, 139
Манучэ Шеддадид 192, 194, 216
Маран Тирский, географ 75
Маркварт И., немецкий ученый 24, 27, 34, 40, 82—84, 92, 93, 99, 100, 105, 108—110, 118, 120—122, 143, 171, 173, 175, 184, 211
Марко Поло 205, 207, 212, 213, 218, 219
Маркс К. 73
Марр Н. 35, 111, 150, 153, 157, 165, 182, 188, 193, 197—199
Марций Вер 84
Маслама, арабск. полководец 137
Масуди 156
Матвей Эдесский 150
Махди Махмет, халиф 139
Махмуд Кадыр-хан, 163
Мелик-шах, сельджук. султан 190, 191
Менандр 79
Менуа, урарт. царь 99
Мерван ибн Мухамед 141, 160
Метрадор из Скепсиса, философ 55
Миквиц 131, 135, 348, 359, 360
Миллер К. 91—93, 101—104, 108, 111, 114—119, 121, 122
Минорский 141, 178, 180
Мираншах 220
Митрас, 29, 30
Митридат Евпатор 47, 49, 52, 56, 76, 102
Михаил Сириец 138
Мищенко 10, 24
Моисей Каганкатваци 161
Моисей Хоренский 30, 31, 39, 56, 59, 61, 62, 82, 84, 87, 91, 92, 94, 96, 100, 163, 164, 186
Молон, сатрап 23
Мольтке 58
Моммзен, Т., немецк. историк 39, 53, 54, 83, 84, 157
Морьер 211
Мотамид, халиф 145
Мотасым, халиф 141
Муктадир, халиф 144
ал-Муккадасий 152; 155, 156, 167, 168, 171, 175, 178, 180
Мутасим-биллах 142
Мухамед ибн-Мерван 160
Мухаммед ибн-Халид 142
Мушех Багратид, Карсский царь 154

Мхитар Гош 195
Мюллер А. 144

Нейман К. 44
Нерон, император 71, 85
Нерсес I, арм. католикос 99
Нерсес III Строитель, армянск. католикос 40
Низам ал-Мульк 190, 191
Нольдеке Т. 125, 126

Омейяды 136, 137
Орбеляны 191
Оронт (Ерванд), сатрап 10, 29
Оронтиды 29
Осман, халиф 141
Острогорский 134, 135, 359

Пакор, парфянск. царевич 39
Патканов К. 76
Патрокол 41
Пахомов Е. 32, 33, 63
Превкест, сатрап 29
Пеголлоти Б. 205, 209—212, 215
Пероз, персид. шах 125
Перч. нумизмат 126
Петрушевский И. 212, 215, 216
Плиний Старший 41, 45, 51, 52, 55, 58, 70, 72, 132, 356
Плиний 13, 21, 22, 26, 27, 163
Плутарх 38—40, 55, 60, 102, 147
Полиэн, историк 26, 28
Полибий 22—24, 26
Помпей 41, 43, 44, 48, 49, 57, 65, 96, 102. 114
Приск Старший, полководец 83
Прокопий Кесарийский, 80, 81, 88
Прошяны 191
Птолемеи 21, 71
Птолемей 75, 87, 93, 97, 116, 119

Рамузио, издатель 219
Рейнак Т. 42, 47, 54, 56, 60
Рубен, основатель княжества Рубенидов 188
Рубениды 188, 189, 207
Рубрук 215

Саладин 194
Салмансар II, ассирийск. царь 78
Сальман ибн-Рабиа 141, 142
Самуил Анийский 137
Санатрук, царь Армении 82, 83, 85
Сардух, эмир Эрзерума 197
Сасаниды 53, 72—74, 128
Сахмадин, сын Аветика 203
Себеос, историк 83, 116, 125
Селевк I Никатор 21, 22, 41
Селевк Каллиник 26
Селевкиды 22. 25, 28, 33, 37, 40, 48, 53, 71
Сельджукиды 196, 197
Сен-Мартен, франц. ученый 182, 219
Септимий Север, римск. император 83
Симеон сирин 204
Скилак из Карианды 8
Смбат I Багратид, царь Армении 145—147, 152, 165
Смбат II Багратид. царь Армении 153
Страбон 10, 12, 21, 27, 30, 33, 34, 37, 41, 44, 45, 49, 54, 56, 57, 71, 72, 77, 97, 101, 102
Сукман II, шахармен 194, 197

Табари 125—127, 159
Тамара, царица Грузии 191, 194
Тамерлан 192, 220
Тацит 51, 52, 57, 58, 97, 102
Теофан Митиленский 43, 44, 102
Тер-Мкртчян Г. 134, 357
Томашек В. 26, 112
Тигран I, царь Армении 87
Тигран II Великий, царь Армении 48—56, 58—63, 87
Тигран Средний 84
Тигран Оненц 200, 201, 203
Тимуриды 193, 220
Тирибаз 10
Тиридат (Трдат) I, царь Армении 57, 71, 82, 85
Тиридат III, царь Армении 40
Тит, римск. император 30
Тораманян Т. 157, 159

Траян, римск. император 85

Умек, парон 201—203
Успенский Ф. 132, 356

Фадлун Шеддадид 194
Фауст (Бюзанд), армянск. историк 57, 58, 61, 62, 82, 83, 86, 87, 97, 120
Феодосий, византийск. император 88—90
Флавии 71
Фома Арцруни 158

Хабиб ибн Маслама 160
Хад, епископ 99
ал-Хаками, востикан 138
Халатянц Г. 11, 31, 48, 78
Хамдаллах Казвини 212, 215, 216, 218
Ханзадян З. 118, 119
Ханыков Н. 216
Хатун-оглы бек 217
Хачатрян 105
Хишам, халиф 138
Хосров Нушырван, персидск. шах 81
Хосрой Парвиз, персидск. шах 125, 126
Христофор Колумб 221
Хулагиды 205, 216
Халагу хан 212, 219
Чамчян М. 219
Чар, парон 201—203
Чармахан, монгольск. военачальник 203, 204
Чингизиды 204
Чобаниды 220

Шаваси Арцруни 82
Шапур II, (Шапух), персид. шах 57, 66, 80, 86, 87
Шах-армены 190, 191
Шаханшах Захарид 194, 200
Шеддадиды 190, 191, 193, 194, 196
Шпек 15
Штейн Э. 80
Штреккер В. 103
Эдуард I, англ. король 212
Экгард, ученый 110
Энгельс Ф. 35

Ювенал, римский сатирик 39
Юль М. 207, 208, 210
Юстин II, византийск. император 74
Юстиниан I, византийск. император 74, 81, 88, 89
Юстиниан (V в.) 79
Юсуф Саджид 145, 146

Язид, халиф 138
Язид ибн Усайд 141, 142
Якут, географ 159, 161, 215
Якубовский А. 199

Arbanes 31
Ardoates 29
Arakha 34

Bagadates 53
Barhebraeus 110, 289

Decourdemarch 232

Eusebios 351

Guillielmus Adae 213

Heyd W. 143, 205
Hoffmann G. 26
Hurtington 27

Lagarde P. 350, 351

Orontas 31

Sabaris 33

Tigranes 33

Viedebantt 232

Աբխազիա 320
Աղբիւրեան 332
Ախթամար 322
Ախուրյան գետ 321
Աղերսանդրիա 270
Աղձնիք 335
Ապահունիք 333
Անի 318—321, 325—328, 330, 336, 337, 339, 343
Ասորիք 318, 332, 345
Աստպատական 334, 335
Ավան 316
Առաջավոր Ասիա 265, 325
Արարատյան դաշտ 336, 344
Արարատ լեռ 332
Արաքս գետ 315
Արծն 318—320, 328, 339—341
Արճեշ 320
Արշակունյաց Թագավորություն 345
Արտանուջ 317, 320
Արտաշատ 336
Արուճ 316

Բագարան 316
Բագրատունյաց Թագավորություն 315, 316, 320, 326, 341
Բագրատունյաց Հայաստան 316—318, 320, 325, 327, 328, 331—333, 337, 339, 342, 344
Բալու 332
Բաղդադ 331, 336
Բևրդունք 316
Բյուզանդիա 242, 257, 317, 333
Բրաւենիք 338
Բուլղարիա 345

Գառնի 316
Գեղամագիտ 338
Գուգարք 333

Դեղձանագետ 338
Դվին 316, 318, 320, 328, 333, 336, 337

Եգիպտոս 264, 265
Եվրոպա 332, 336, 337, 344
Երազգավորք 316
Երևան 316

Էջմիածին 234, 249, 260, 262, 263, 265, 268

Թալին 316
Թեոդոսիպոլիս 317, 319, 320

Իրաք 248, 332

Լոռիի Թագավորություն 321
Լոռվը 232

Խլաթ 320
Խորասան 332

Կաշգար 334
Կարբի գետ 332
Կարս 318—321, 343
Կարսի (Վանանդի) Թագավորություն 319, 321
Կիլանոց 338
Կղարջք 320
Կողբ 316
Կովկաս 330
Կոտարքար 338
Կուր գետ 332

Հայաստան passim
Հնդկաստան 319
Հռոմ 232
Հունաստան 232

Մասեաց 339
Մարաստան 256
Մարևենիս 316
Մերձավոր Արևելք 232, 310
Մերվ 327
Միջագետք 289
Միջին Ասիա 325—327
Մրեն 316

Նիկոմեդիա 268

Շավառնաձոր 338
Շիրակ 317
Շիրակի Բագավորություն 318

Պաղնատին 277
Պարտավ (Պարթավ) 316, 327, 336
Պարսկաստան 307, 319, 325, 326
Պարսկաստան Սասանյան 255—261, 280, 331
Պոնտական Տավրոս 318
Պոնտոս 290

Ռեյ 327
Ռուսաստան 248

Սյունիք 321
Սպեր 332, 335
Սև ծով 320
Սևանա լիճ 332

Վաղարշապատ 320
Վան 320
Վանա լիճ 332
Վասպուրական 321
Վարաժնունիք 332, 333
Վիննափիկ 231—238, 244—250, 254, 260, 262, 263, 265, 268, 270, 271, 273, 282, 283, 285, 287, 307
Վրաստան 320

Տարոն 321
Տիգրոն 257
Տրապիզոն 317, 318, 320, 333

Փորր Ասիա 318, 345

Քարունջ 316

Ֆրանսիա 248, 345

Абастуман 111, 114
Абула, село 112
Абхаз 180
Абхазия 154, 167
Авромана 22
Агверан 93
Агкала 184
Агридаг 86, 97, 116
Адана 189, 207
Адельдживас 93
Аден 213
Адеционц, улица в Ани 201
Аджи-чай 119, 120
Адиадена 10, 49, 50, 55
Азара, город 40
Азербайджан 63, 65, 136, 140—143, 152, 155, 167, 171, 178, 204, 215, 216
Азербайджан Кавказский 32
Азов 205
Азовское море 14, 24
Айне, насел. пункт 42
Айас 189, 205, 207—209, 212, 218
Айрарат (Арарат) 18, 64, 100, 160
Айраратская область 24, 96
Айраратская равнина 31, 156, 163, 166
Акдизе 118
Акилисена 10, 37
р. Акстафа 122, 141
р. Акчай 211
Алагез 64
Аладаг 109
Аладжа 102
Алатаг 219, 220
Алашкертская равнина 99, 100, 210, 215, 217
Албания 41, 43, 44, 49
Александраполь 184
Александрия 20, 21, 42, 70, 73, 75, 128, 132, 183, 184, 349, 356
Алтан, развалины 178
Амасия 182
Амасос (Самсун) 45

Америка 221
Амид 15, 144, 157, 167, 168
Амстердам 182
р. Аму-Дарья 41, 42
Анабад 207
Анабад-су 207
Анапа 14
Анатолия 65
р. Ангара 183
Ани 147—150, 153, 154, 156—159, 161, 163, 165, 166, 187, 192—196, 199, 200, 203
Анийское царство 154, 187, 188
Антак 100
Антемус, город 22
Антильские острова 221
Антиохия 20—22, 53, 73, 189
Антитавр 37
Апамея, город 22
Апаран 111
Апахуния 105, 107, 108
Арабия, Аравия 8, 21, 48, 73
Арабский проход 71
р. Аракс 23, 24, 30, 38—41, 49, 93, 97, 99—101, 121, 140, 141, 159, 172, 178, 209, 210
Араксенская равнина 38
Аральское море 41, 42
Аралых 40
Арамана, деревня 100
р. Арацанин 10, 17, 26, 49, 82, 101, 105, 108, 110, 137
Арахосия (Кандагар) 75
Ардабиль 152, 167, 175, 177, 178, 183
Ардаган 111
Ардаганская область 167
Арджиш (Арчеш) 87, 112, 140, 157, 167, 168, 219
Арзан 167
Арзанене 110, 158
Арзинга, Арзинджан (Ерзинган) 212
Арзирон (Эрзерум) 219
Арзис, Арчеш 219
Арзн 57, 58, 157
Арзн-ар-Рум 212
Арксата 38, 40
Армавир 24, 29—31, 61, 85, 96, 111
Армения Аршакидская 67, 97, 115, 119, 120
Армения Багратидская 145, 153, 154, 157—160, 163—166, 171, 196
Армения Захаридская 202
Армения Киликийская 205
Армения марзпанская 67, 119
Армянское нагорье 10
Арпа-чай 97, 172, 184
Арран 142, 152, 156
Артаз, область 116, 118, 211
Артаз, город 41
Артаксата 38, см. также Арташат
Артамана 166
Артанудж 153, 154, 157
Арташат 38—40, 44, 45, 47, 53, 59, 61, 71, 75—77, 85—87, 90—93, 97, 79—83, 104, 105, 108, 115, 116, 121, 122, 164, 166, 186
Арташир, село 39
«Артимеда город» 84
Арудж, Аруч 96, 97, 201
Арцн 147—150, 153, 154, 156, 158, 166, 193, 196
Арчеш 212, 215, 217, 219, см. также Арчиш
Аршамашат 26, 27
Аршарунния 30, 153
Архачан 118
Ассирия 55
Ассиро-Вавилония 7
Астара 121
Астелефос 115
Астрахань 220
Атропатена 22—25, 38, 40, 41, 45, 50, 120
Афины 55
Африка 183
Ахалкалак 112, 184
Ахалцих 112
Ахардеон 44
Ахбак Большой 50
Ахновит 87
Ахлат 93, 168, 218, см. также Хлат

Ахтамар, остров 105, 148
р. Ахурян 30, 97, 153, 199, см. также Арпа-чай
Ашкала 92, 101—103, 209
Аштарак 111, 112

Баб-ул-Абваб 175, 178, 180
Багаван 83, 87, 93, 94, 96—101, 104, 105, 108, 109, 153, 166, 210, 219
Багарич 102
Багдад 136, 143, 155, 159, 164, 212, 213, 220
Багдадский халифат 191, 212
Багеш 157
Багратидское царство 147
Багратидское грузинское царство 190
Багреванд 93, 96, 99, 100, 105, 108
Базудзор 211
Байбурт 209
Байлакан 177, 178, 216
Байлату 96
Бактрия 22, 41, 42, 74, 76
Бактры 75
Бакуриани 184
Баласаджан 178
Балу 26, 27, 83
Балхаб 177, 178
Балыкгел 96
р. Бамбак 184
Бардедж 180
Барит 73
Басиан 100, 187
Басоропеда 37
Батум 42
Башкала 50
Баш-Норашен 121
Баязет 97
Безабда 15
Бердаа 138, 141—143, 152, 155, 156, 159, 163, 171—173, 175, 177, 178, 180, 216
Берзенд 175, 177, 178, 180
Беркри 109, 157, 167, 168
Берткунк 183, 184
Бехистунская скала 14
Бийана 87
Бингель-даг 64
Битлис, Бедлис 104, 167, 168
Битлисский вилайет 109
Ближний Восток 14, 72, 130, 131, 196, 348, 355, 358
Болгария 150
Болгарское царство 187
Болорапахак 210
Бост-аван 109
Бостакенд 109, 110
Босфор 73
Бохтан-су 10
Булаг-баш 94
Булгар 198, 199

Вавилон, город 21, 25, 34, 61, 62
Вавилония 11, 12, 14, 26, 31, 44, 45, 71
Вагаршаван 187
Вагаршанат 61, 62, 69, 78, 82—86
Ван 61, 85, 87, 157
Вананд 18, 100
Ванское озеро 18, 87, 93, 104, 105, 108, 109, 156, 159—161, 168, 187, 193, 218
Ванское царство 13
Варажнуния 161
Варданакерт 183
Вардкесаван 61, 62, 84, 85
Варсан 177, 178
Васпуракан 187, 193
Васпураканское царство 188
Венеция 198, 207, 215
Византия, Византийская империя 65, 66, 72—74, 77, 79, 80, 81, 85, 88, 134, 137,139, 140, 142, 144, 145, 150, 163, 166, 167, 183, 187, 188, 196, 198, 359
Вифинское царство 42
р. Волга 142, 198, 199
Воронцовка, село 184
Востан 104, 105, 109, 157

Габан, ущелье 207—209
Гавгамелы 28
Гайлату, озеро 97
Галлия 132, 356
р. Галис 207
Галиция 217
Гангра 182
Гандзак 142, 183
Гандзак в Атропатене 40, 44, 120, 121
Ганлиджа 45, 111, 112
Гардабан (грузинский) 175
Гармозика 91
Гегам, область 121, 122
Гекатомпил 75
Гексюн 207, 208
Гелакуни 184
Генуя 189, 198, 202, 207, 213
Гергер 15
Германия 215
Гинду-куш 42
Гирканское море 23
Глидзор 200, 201
Гогарена 37, см. также Тугарк
Годоляры, станция 184
Горгоппия, город 14
Горийский уезд 32
Горохенец, село 200
Греция 34, 69
Грузия 32—34, 142, 165, 167, 184, 187, 190—192, 194, 195, 197, 198, 217, 218
Гугарк 122, 161
Гурган 143
Гюмния, город 18
Гюмри 18
Гянджа 141, 142, 156, 177

Дабиль 152, 162, 165, 168, 171—173, см. также Двин
Давлис 171
Дальний Восток 47, 72, 204
Дамаск 73, 136, 143, 183
Дара, город 89
Даран (Даран-дашт) 219
Дарман 178, см. Юнан
Дахарракана 167
Двин 39, 80, 88, 140, 141, 144, 151, 152, 156, 158, 162, 165, 166, 168, 171—173, 182—186, 194, 199, 216
р. Дебед 122, 184
Делибаба, область 210
Дейран 178, см. также Дарман
Дербент 175, 180, 215, 216
Дербентский проход 44
Дерджан 10, 103
Деркесена (Держан) 37, 47
Дехаркан 168
Джабал 141
Джазира 160, 161
Джанза, город 175
Джасар-Самур 180
Дзжезире-ибн-Омар 15
р. Джихан 207, 208
р. Дзорагет 166, 190
Дзохкерт 94, 96, 97
Диадин 93, 97, 210, 219
Диарбекир 144, 168
Диврига 208
Дидем 105, 110
Дилижан 122, 141
Диоскуриада 114, 115
Диоскурия 45, 86, 111
р. Днепр 142
Доброй Надежды мыс 221
р. Дон 142, 143
Доневанк, село 107, 108
Дубиль 172, см. также Дабиль
Думис 171

р. Евфрат 10, 12, 15, 17, 20, 25—27, 47, 50, 53, 75, 79, 82, 102, 103, 105, 110, 183, 209, 215
Евксин 41
Евксинское море 24
Европа 67, 73, 139, 153, 158, 159, 164, 204, 213, 221
Египет 7, 14, 20, 21, 42, 50, 75, 131, 135, 189, 213, 348, 359
р. Егри (Араз) 101
Европ, город 22
Екатериненфельд 184
Елегакан, село 107, 108
Елегия 103
Еленовка 184
Еразгаворк 153
р. Ерасх 30, см. также Аракс

Ервандашат 24, 30, 31, 61, 85, 86, 97, 166
Ереван 66, 141, 151, 184, 201
Ерзингян 10, 168, 203, 205, 207, 208, 209, 212, 218, 219

Загр 14, 22, 23
Закавказье 22, 32, 33, 38, 41, 43, 47, 114, 120, 141, 143, 145, 148, 155—157, 171, 186, 215, 216
Зарехаван, город 61, 85—87, 97, 166
Зариншат 61, 85, 87
Зевгма, город 21, 22, 53
Зекарский перевал 114
Зерех 75
Зибин, река 10
Зодский перевал 172, 184
Золотая орда 216
Зомик 107, 110
Зоникарт 110
Зугдидский уезд 63
Зурава, населенный пункт 42, 118

Иберия 43, 44, 47, 49, 80, 121, 154
Игдыр 97
Иерусалим 183
Икар, река 41
Илиджа 93, 101, 103
р. Инд 8, 20, 21
Индийский океан 21, 72, 75
Индия 8, 12—14, 20—22, 31, 40, 41, 44, 45, 70—76, 80, 120, 139, 154, 164, 213, 221
Ирак 155, 159, 160, 161, 203, 213
Иран 41, 72, 74, 77, 128, 190, 216
р. Ирис 47
Иркания (Гиркания) 41
Иркапское море 41
Испаган 155
Испания 139
Иссык-Куль, озеро 199
Италия 70, 128, 358
Итиль 81, 143
Ихиан, город 22
Иудейское царство 50
Иудея 62

Кавказ 12, 45, 74, 172, 190
Кавказские горы 44
Кавказский край 24
Кагызман 93, 96
Казандаг 207
Казах 141
Каир 190
Кайлаквин 171, 173
Кайнеполь 84, 93, см. также Багаршанат
Кайсери 207—209, см. также Кесария
Кала-ибн-Кандаман 175, 177
Каланкатуйк 173
Калахена 10
Калдарич 166, 209
Каликала 91, 140
Каликут, гавань 221
Каллиникум (Ракка) 79
Калькатус 171—173, 175
Камарлю 40, 186
Камах 215
Кандагар 75
Каппадокийское царство 29
Каппадокия 12, 29, 54—56, 77, 122
Кара-Лйне, село 118, 211
Карабах 64, 178
Каравансарай, перевал 96, 97
Карадербент, проход 100
Кангуц, село 200
Карин 83, 154, 182, 183
Карин, область 10, 88
Каракала 111
Каракенд 116, 118, 210, 211
Караклис 97, 99, 100, 122, 210
Каранлуг 184
Кара-су 82, 101, 102, 178
Караурган 93
Каренита, область 37
Каркатнокерт 26, 27
Кармир-гет 211
Карс 200, 215
Карское (Ванандское) царство 147, 153, 154, 156, 166, 188, 190, 193, 194, 196, 199, 202, 203
Карфаген 40, 47

р. Касах 84
Каспиана 37
Каспийские ворота 22
Каспийское море 12, 22, 38, 41—45, 48, 53, 74, 143, 183, 205
Каффа 205
р. Келькид 47, 92
Кенгавер 75
р. Кентрит 10, см. также Бохтан-су
Кеприкей 93, 97, 99, 100, 101, 210, 217, 219
Кеприкенд 180
Керинд 75
Кесария 207, 208
Киевская Русь 143
Кизиль-чай 211
Киликийское армянское царство 189, 190
Киликия 10, 14, 54, 55, 144, 187—190, 209
Киль-вей 172
Кильдиз 59, 109, 110
Килькуй 171, 173
Киль-Курэ, Киликун, см. Канлакви, Килькуй
Кир (местность) 41
Кировабад 141
Кисаджан 172
Кисал, город 141
Китай 12, 40, 42, 69—76, 97, 104, 139, 221
Коблиан 111
Коговит 116
Кокисон 207, см. также Гекеюн
Колония 182
Колхида 23, 31, 38, 45, 71, 102
Комана 45, 47, 77
Комана Каппадокийская 208
Коммагена 53
Кондахсаз 112
Константинополь 73, 74, 79, 103, 183, 188, 198
Коп-даг 102
Копидара, крепость 207
Копанис, село 23
Кордуена 49, 50, 55, 57, 110
Котелия, деревня 184
Коти-гех, Котекевх 183, 184
Котур, город 211
Котур, мост 209
Котурский перевал 168, 211
Кохб 184
Кош 201
Кремозор (Гармсир) 213
Красное море 8, 21, 42, 73, 213
Крым 198, 199, 205
Ктезифон 79, 125, 183
Куба 180
Куджахский перевал 96, 97
Кульи 93, 161, 183, 184
Кульи-су 110
Кумам 178
р. Кура 37, 38, 41—43, 48, 49, 65, 112, 114, 121, 141, 142, 154, 159, 175, 178, 180, 184, 219
Курдистан 219
Кур-сере 167, 168
Куфа 183
Кыз-кала, крепость 175

Лал, крепость 122
Лаодикея, город 22
Латинская империя 198
Ленинакан 18, 184
Ленкорань 121
Лидия 7, 14
р. Лик 47
Лич 102
Ломбардия 215

Магнесия 37
Мадагис, деревня 173
Мазаз 184
Мазак, город 54
Маку 116
Маласджирд 212, см. также Манаскерт
Малатия 15, 144
Малая Азия 15, 20, 26, 27, 42, 72, 90, 93, 144, 167, 168, 187, 188, 191, 196, 209, 212, 215
Малая Армения 25, 33, 37, 47
Малистра 207
Мамахатун 103, 209

Маназкерт (Мелазкерт) 104, 107, 108,157, 168, 201, 212, 215, 217, 219
Марага 116
Маранд 116, 119, 168, 212
Мардастан 108
Мардин 219
Мармашен 112
Марсель 182
Мартирополь 59, см. также Маяфаркин
Масий 15, 57
Масис 116, 207, 210
Матиена 15
Маяфаркин 58, 144, 157, 162, 167, 168
Мелитена 15, 83, 122, см. также Малатия
Меотида 22, 24
Мерага 167, 168
Меранд 162, 171
Мерв 75
Месопотамия 15, 20, 21, 27, 49, 50, 53, 54, 56, 65, 74, 77, 122, 136, 138, 144, 167, 196
Метрис 171—179
р. Мецамор 39, 93
Меянидж 167, 168
Мигдония, область 22, 50, 53, 57
Мидия 12, 21—24, 34, 40, 44, 45, 47, 71—74, 78, 140
Мидия Атропатенская 50
Мингрелия 63
Миос-Гормос, гавань 71
Мокс 190
Монголия 204
Монгольская империя 192
Мосул 144, 213
Мраморное море 73
Мрен 201, 203
Мшакунец, село 200
Мурад-чай 101
Мури 101
Мутавакилия 142
Мутеваккил 175, см. также Шамкур
Мухар, местность 208
Муш 104, 109, 215, 219
Мушская равнина 109, 110
Мцбин 82, см. также Низибин
Мцунн 82
Мцури, город 78, 82, 83, 85
Мысун 96
Меотидское море 44
Меотидско-Колхидская магистраль 14, 44, 71, 115, 120
Наджаран 27
Нахичеван 85, 87, 116, 118, 140, 141, 183, 185, 186, 199, 215
Нахичеванский край 32, 63
Нашава 168, 171
Нварсак 118
Неокесария 78, 182
Нерджик, деревня 105, 109
Нерония 85
Низибин, Нисибин 22, 51, 53, 57, 75, 77, 79, 82, 85, 119, 122, 183
Никефорий, город 22
Никефорий, река 57, 58
Никомедия 39, 128, 349
р. Нил 8, 21
Ниневия 21, 54, 183
Нисея 41
Новгород 81
Нора, село 121
Нор-Кахак (Вагаршапат) 62

Овк 201
р. Окс 41, см. также Аму-Дарья
Ордену 116, 118
Ордубад 121
р. Оронт 20
Осроена 49, 50, 53, 73
р. Ох 41
Ошакан 201

Палестина 48, 61, 62, 189, 353, 356
Палу 161
Папенц, гостиница 201
Парахот 94, 86, 166
Париадр 37
Париж 190
Парнаут 93, 104
Парск 120
Партав 143, 155, 156, 171, 172, 183, 184
Парфия 50, 65, 71—75, 83, 213
Пасен 100
Пасинская равнина 215
Пасин-су 99, 100, 210
Патнос 87, 107
Патранс, аван 109
Пекеридж 93
Пентаполис 183
Передняя Азия 20, 25, 44, 157, 221
Персидский залив 7, 8, 13, 21, 75, 183, 213
Персидское царство 11, 13
Персиса, область 29
Персия 9, 14, 73, 74, 77, 78, 81, 154, 155, 157, 192, 203, 204, 212, 220
Персия Ахеменидская 20, 21, 35
Персия Сасанидская 65, 66, 74, 79 80, 88, 116, 119, 120, 124, 126, 127, 133, 352
Петра 21
Пистек 110
Пога 112
Понт 23, 24, 28, 47, 56, 64, 73, 77, 78, 90, 122, 128, 132, 142, 167, 349, 356
Понт Эвксинский 22, 24
Понтийский хребет 45
Понтийское царство 42, 47, 49, 55, 102
Поти 45, см. также Фасис
Причерноморье 32
Птолеманда 50, 62

Рей 141, 155, 160
Решт 121
Рим, город 70, 183, 356
Рим, государство 48, 50, 64, 65, 69, 70—72, 77, 78, 81, 85, 128, 132
Римская империя 134, 359, 360
р. Рион 23, 42, 111, 114
Рифайе 209
Россия 31, 32, 217, см. также Русь
Рум 143, 152, 193
Русь 191, 192
Рштуник 190

Садаг 102, см. также Сатала
Саламас, Салмас 162, 167, 168
Самарканд 75
Самосат, Самсат 15, 144
Сапфа 15
Сарай 204, 215
Сарды, город 14
р. Сарис-су 207, 208
Сарыкамыш 93, 166
Сасун 190
Сасунские горы 151
Сатала 77, 86, 87, 92, 93, 97, 99, 101, 104, 122, 166
Себастия 78, 122, 208
Себиль, улица в Ани 195
Севанское озеро 121, 172
Севастополь 86, 111, 114, 115, см. также Диоскуриада
Сгерт, город 57, 58, 105
Селевкия 20—22, 25, 72, 75, 85
Селевкидская империя, царство 25, 28, 32, 53
Селимский перевал 184
Семирамиды город 87
Семиречье 198
Сенгарич 93, 102
Сенте 183
Сивас 168, 207, 208, 209, 212, см. также Себастия
Сидон, город 12, 21
Сингамес 115
Синдская гавань 14
Синоп 45
Синория, крепость 101, 102
Сирия 14, 42, 50, 51, 53, 56, 62, 64, 70, 73, 136, 159, 160, 167, 189, 196, 204
Сис 207
Сисаджан, Сисакан 172, 173, 184, см. также Сюния
Сиспиритида 163
Скепсис, город 55
Скифия 12

Сотк 172
Софена 15, 25—28, 31, 33, 37, 49
Софиан 212
Спаркерт 109
Спер 160, 163
Средиземное море 20, 21, 48, 53, 70, 72, 73, 139, 188, 204
Средняя Азия 20, 43, 69, 71, 72, 74, 76, 91, 97, 120, 157, 198, 204
Судак, город 199
Сузы, город 14
Султания, город 189, 205, 213, 215, 216, 220
Супиритис 10
Сурам 32
Суук-су 93
Сюверек 15
Сюник 122, 190

Тавр 15, 38, 83, 108, 139, 188, 207
Тавриз 116, 120, 121, 162, 168, 189, 204, 205, 207, 209, 211—213, 215, 216, 218, 220, 221
Тадван 105, 108
Тадзан 104, см. также Датван
Тайзавар, долина 211
Тайк 187
Таморита 37
Тана, город 205, 220
Танаис 31, 44, 71, 120, 143
Тапаравани, озеро 112
Тапариз 116
Тарон 83, 107—109
Тарс 144, 189, 207
Тарсурас 115
Таруберан 161
Тасвидж 116, 119, 212
Тахт-и-Сулейман 116
Ташбурун, село 94, 96
Ташир 190
Тбилиси 33, 141, 143, 175, 177, 184, 190, 202, 216
Теврик 208
Тегеран 211
р. Тертер 172, 173
Тефрика, крепость 144
р. Тигр 17, 20—22, 25, 26, 49, 57, 58, 75, 85
Тигранокерт 53—60, 83, 86, 87, 91, 93, 97, 104, 105, 107—110, 122
Тир, город 12, 21, 73
Тифлис 175, 177, 183, см. также Тбилиси
Тифлисская губерния 32
Товарацатан 100
Тогарма 12
Тодурга, деревня, озеро 208
Томиса, стоянка 26
Торис, город 213
Тосп, Тушпа, область, город 87
Трапезунт 42, 45, 73, 77, 86, 103, 140, 153, 154, 156, 163, 166, 198, 199, 204, 209, 212, 215, 220
Трапезунская империя 198
Триполис 183
Туркестан Каспийский 204

Урарту 17
Урартское царство 9, 10
Ургенч 204
Урмийское озеро 119, 120, 167, 168, 212
Урфа 183
Учь-Килиса, деревня 96, 97, 210

Фавнитида 37
Фавора, гора 183
Фаркин 58, 59, 105, 107, 109, 110, 168, см. также Маяфаркин
Фасис, город 42, 45, 86, 114, 115
Фасис, река 23, 41, 42
Феодосиполь 80, 88—90, 100, 140, 141, 147, 154, 166, 193, 196, 197, 201, 203
Феодосия 205
Филадельфия 119
Финикия 12, 14, 50, 62
Фракия 42
Франция 127

Хазария 143
Хаздар (Хасдур, Ханзыр) 99
Хайаса 18
Халдой-арич (Калдарыч) 100—102
Халдское царство 76
Хамлих, город 143
Хан-Бабек 178
Хараба, село 26, 27, 118
Харбердская долина 15, 27
Хариент 115
Харк 105, 107, 108
Харпут 26, 27
Харракан 167, 171
Хасан-кала 100
Хатерк, область 172
Херсонес 132, 356
Хива 204
Хлат (Хилат) 157, 167, 168, 183, 190, 203
Хлимар 183
Хнус 83, 168, 212
Хобос 115
Хой 116, 118, 119, 168, 207
Хорасан 74, 155, 160
Хор-Вирап 40, 93
Хорезм 191
Хорес 15
Хоспия 45, 111, 112
р. Храм 175
Хувей 167, 168, см. также Хои
Хузац-Махмуд, село 200
Хузистан 155
Хунадж 167, 168
Хунан 175, 177
Хунаракерт 183

Цамакцов, село 200
Царьград 81
Цахкадзор 153
Цейлон 72—74, 76
Цмак 201
Цумб, село 107

Черное море 8, 15, 20, 22, 31, 32, 38, 41, 42, 45, 69—73, 77, 97, 122, 143, 154, 156, 167, 197—199, 204, 205, 221
Чингильский перевал 96, 97
Чобан-кепри, мост 210

Шаваран (Шабаран) 180
Шамаха, Шемаха 180, 215
Шамкур 175, см. также Шамхор
Шамхор 141, 142, 175, 177
Шамшат 27, см. также Аршамашат
Шар 208
Шарван 180
Шарур 184
Шеник 105, 110
Шимшат 142
Ширак 18, 153
Ширакаван 153
Ширван (Шарван) 180
Шоганские ханы 103
Шуприя 10
Шуша 178

Эгейское море 42
Эгин 208
Эдесса 22, 39, 73, 85
Экбатана 14, 22, 24, 40, 48, 50, 72, 75, 85, 87, 91, 104, 105, 116, 119, 122, 166
Эмеса 183
Эндек 100
Эндерес 209
Эпифания 22
Эрзерум 10, 97, 101, 103, 144, 154, 168, 193, 196, 197, 201, 203, 205, 207, 209—212, 219
Эрзингян 103
Эриванская губерния 32, 63
Эфиопия 74
Эчмиадзин 164

Юнан 175, 177, 178

Ярымджи 26, 27

Adconfluentes 99—101
Ad Mercurium 111, 112, 114
Aegea (Egea) 101, 103
Aggia 209, 210
Agreboce 208
Ajazzo 207, 209
Andaga (Andacas) 99, 100
Anteba 104, 105, 115, 118

Apulum (Apolum) 111, 112
Aguilleam 121
Arabum (Aradum) 115
Arablarmezar 101
Arachene 105, 108
Arachia 104, 105, 107, 108
Arauraci 209, 210
Aretissa 112
Armanas 99, 100
Armastica (Armozike) 120, 121
Arsinos 110
Arson 110
Artaxata 104, 105, 107 110, 111, 115, 116, 119—121, 209, 211
Artaza 41, 118
Arzanas (Arzan, Arzon) 109
Arzerone 209, 210
Arzinga 208, 209
Axara portum 121

Bagauna 97, 99, 104, 105, 109, 110, 210
Barantea, Banantea 99—101
Basaro 102
Bastauna 109
Belaius 121
Bustica 121

Cadue 208
Cagara 99, 101
Galacresti 209, 210
Calcidava (Chalchidara) 99, 101, 103
Camia 121
Camuzoni 209, 211
Carcathiocerta 27
Cariente 114, 115
Casena 207, 208
Caspiae (Caspi) 111, 112
Castillum 121
Catispi 104, 105, 115, 116, 118
Choble 118
Chobys 114, 115
Chos 118, 211
Chŏj 118, 211
Cildiza 110
Cilicia Pedias 50
Cipro polum 121

Colchion 99
Coloceia (Zotozeta) 104
Comk 173
Condeso 111, 112
Condro 209, 212
Cyanes 114, 115
Cyldiza 59
Cymiza 59, 101, 109, 110
Cyropolis 121

Dagnevana (Dognavana) 104, 105, 107—109
Darucinte 101, 103
Darxinte 103
Datamisa 101
Datvan 104
Daymis 173
Deba 110
Derxene 103
Didyma 104, 105, 108
Dubpura 208
Dudriaga 208
Dybanas 118
Dyzanas (Dizanas) 104, 109, 118

Ecbatanis 115, 119
Elegacana 108
Elegosine 108
Eneca 115
Eniru 114
Ermu 111, 114

Filadelfia 115, 119
Flagoana 104, 107, 108
Fontfelice (Ad fontem felicem) 111, 114

Gadue 208
Gandon 207
Gareas 121
Gaulita 111, 112
Gavala 111, 112
Gavazera dell'amiraglio 208
Gavazera di casa Jacomi 208
Gavazera fuori d'Arzerone 208
Gavazera sulla montagna 208

Gaza (Gazaca) 121
Gelakhuni 173
Gelami 121
Geluina 120, 121
Gobai 115, 116, 118—120, 211
Gravete 120
Greboco 208

Hariza (Hariba) 104, 118
Hark 105, 107
Hatherkh 173
Hatris 173
Hekatompulos 75
Hesna de Zajid 110

Indua 104, 105
Indus 13
Isumbo 104, 107, 108

Janio 111, 112

Karnoy Khaghakh 88
Kommagene 107
Kommagia 107

Lala (Laia) 120
Lalla 122
Lazo 121
Lezela 120
Ligurdi 209
Liponissa 120
Locce 209
Lucus Basaro 101—103

Martyropolis 58
Matia 107
Matiene 107
Melita 107
Melitene 107
Metris 173
Misium 111, 112
Molchia 104, 109
Mtkuari 114
Mughisar 208

Nasabi 104, 105, 115, 118, 119
Naucanio 115
Naxouana 116
Nicea Nialia (Nicanicio) 115
Nisibi 119

Ortispi (Ortispu) 116, 210, 211

Paracata 104
Parecaca 104, 115, 116, 119, 120, 211
Patansana 104, 109
Patansauna 109
Phasin 114
Philado 120, 121
Piana di Falconieri 209, 201
Piana del Fiume rosso 209, 211
Pogas 111, 112
Polorbecch 209, 210

Raugonia (Ragauna) 104, 105
Rhasum (Rapsum) 115

Salmalasso 101, 103
Salvastro 208
Sandoddi 209, 212
Sanora 120—122
Satala 99, 101, 103, 209
Satara (Cacara) 121, 122
Sautkh 173
Savatinum 111, 112
Sazala 110, 121
Scaracanti 116, 209, 210
Sebastopolis 111, 114, 120
Sevastopolis 111
Sermessa calo 209, 210
Si canabis 114, 115
Si nara 101—103
Sindus, река 13
Sorvae 115, 116, 118
Sorue 104, 105
Sotto Larcance 209, 210
Stran gira 111, 112
S tranguria 111

Ta ncio, Tanco 111
Tarsambaram 121
Tar spedo 212, Trisped*a*
T assires (Tasburas) 114 . 5
Tegamia 120, 121
Teleda (Telada) 20, 121

Tendava 111, 112
Terua 116
Tharsidarate 101
Tigranocerta, Tigranocarten 104, 105 107, 109, 110
Tilida 120
Torisi 209, 212
Tre chiese 209, 210
Trispeda (Torspedo) 115, 119
Tsumbo 107
Tumerta (Ad tomenta) 115

Ugubre (Ucubri) 120, 122

Vagharshapat 84
Vanand 100
Vastauna (Bastauna) 104, 105, 109
Volandum castellum 97

Zancerto (Zancerion) 59, 104. 109. 110
Zancerta 110
Zautis 173

Ἀζαρα (Ἀρεατα)40

Βαρίλα 97
Βαβαρσυ 97

Γυμνίας (Γυμρίας) 18

Ζαγοκάρα 97

Ὀλανή 97

Σαγαυάνα 97
Σαγοκαρα 97

ЭТНОНИМЫ И ТОПОНИМИЧЕСКИЕ ТЕРМИНЫ

ак-коюнлу 193, 220
аланы 199
алародии 24
албанцы 34, 38, 43
анариаки 24
аорсы 44
арабы 53, 136, 140, 141, 144, 168, 196
армены 9, 11, 12, 15, 17—19, 24, 25, 49
ассирийцы 11

болгары 143

венецианцы 205
византийцы 141, 144, 196, 199

генуэзцы 205, 215
герреи 21
греки 15, 17, 156
грузины 191, 194
горцы 190

евреи 63, 142, 350, 351
елимеи 24

иберы 34, 37, 38, см. также грузины

кадусии 24
кара-коюнлу 192, 193, 220
катаоны 10, 37
киммерийско-скифские племена 18
киммерийцы 19
колхы 32, 45
курды 152
кыпчаки 190

македоняне 22, 25
марды 109
масхиды 138
матиены 9, 24
мидийцы 34, 37, 44, 87, 125
монголы 191, 192, 202—204
моссинойки 10, 37

парфяне 48, 50, 72, 83
персы 9, 14
половцы 199

ревенди 194
римляне 50, 351
руссы, русские 156, 199

савартиды (севордик) 142
саспейры 24
сельджуки 190, см. также турки-сельджуки
семиты 11
синды 14
сираки 44
сирийцы 37, 63
славяне 142

татары 218
турки-сельджуки 195, 197, 199
туркмены 192

урартийцы 9, 14

хазары 137, 142, 199
халды 13, 14, 18, 87
халибы 10, 37
черкесы 156
эллины 9

Gimirrai 19

Ἰνδοι 13
Σίνδοι 13

ԲՈՎԱՆԴԱԿՈՒԹՅՈՒՆ

О торговле и городах Армении в связи с мировой торговлей древних времен

Предисловие ко второму изданию 6

Глава I

Внешняя торговля Армении в эпоху древнеперсидского владычества

§ 1. Общая характеристика международной торговли в Ахеменидской Персии 7
§ 2. Территория древней Армении в эпоху Ахеменидов 9
§ 3. Торговля Армении с Вавилоном по Евфрату 10
§ 4. Спорные свидетельства о торговых сношениях армян с финикией и Индией 12
§ 5. Царская дорога, пролегавшая через Армению 14
§ 6. Следы хозяйственного и общественного быта у арменов 15

Глава II

Хозяйственный подъем Армении и основание в ней городов в эпоху эллинизма

§ 7. Расцвет эллинизма и развитие торговых сношений с Востоком . 20
§ 8. Колонизаторская деятельность селевкидов в северной Месопотамии и Мидии 21
§ 9. Расцвет Софены и основание городов Аршамошата и Каркатиокерта 25
§ 10. Проникновение эллинизма в Большую, или Великую Армению . 28
§ 11. Монетные клады Закавказья подтверждают оживление торговых связей Армении в эпоху эллинизма 32
§ 12. Усиленное разложение родовых отношений 33
§ 13. Возвышение Большой или Великой Армении и основание города Арташата 37
§ 14. Транзитная торговля через Черное море и крупное значение дороги через Арташат 41

Глава III

Развитие торговли и городов в царствование Тиграна Великого

§ 15. Благоприятные условия усиления и роста Армении в предшествующие эпохи 48
§ 16. Империя Тиграна Великого и ее общественно-политический строй . 50
§ 17. Экономическая политика Тиграна Второго и основание города Тигранокерта 52
§ 18. Предания об экономической жизни Армении в эпоху Тиграна . . 59

Глава IV

Торговля и торговые центры Армении в римско-парфянскую и византийско-сасанидскую эпохи

§ 19. Неблагоприятное буферное положение Армении 64
§ 20. Феодальные отношения в послеаршакидской Армении 66
§ 21. Мировая торговля Запада с Востоком 70
§ 22. Международная торговля в Армении до начала VII века . . . 76
§ 23. Города Армении до времени арабского владычества 81
§ 24. Главные торговые пути Армении по tabula Peutingeriana . . . 91
§ 25. Веса, монеты и меры жидкостей византийско-сасанидской эпохи . 122
§ 26. Хлебные меры византийской эпохи и основанные на них индексы хлебных цен 130

Глава V

Торговое значение Армении в эпоху арабского халифата и царства Багратидов

§ 27. Застой торговли и упадок городов Армении в первые века арабского владычества 136
§ 28. Возрождение торговли и расцвет городов Армении в IX—X и первой половине XI века 143
§ 29. Города Армении багратидской эпохи 151
§ 30. Данные источников о хозяйстве и промыслах багратидской Армении 159
§ 31. Внутренняя жизнь городов багратидской эпохи 164
§ 32. Главные торговые пути багратидской эпохи 166

Глава VI

Торговля и города Армении после падения Багратидского царства

§ 33. Положение Армении в эпоху тюрко-татарских нашествий . . 187
§ 34. Города и торговые сношения армянских областей до времени монгольского владычества 193
§ 35. Развитие международной торговли в монгольскую эпоху и участие в ней народов Армянского нагорья 202
Указатель цитированных источников и литературы 222

Կշիռներ և չափեր հիշատյն հայ աղբյուրներում *230*
Առաջարան *235*
Անանիա Շիրակացուն վերագրված կշիռները *262*
Անանիա Շիրակացուն վերագրված չափերը *294*
Ասպարիսական չափերը *312*
Յանկ աղբյուրների և գրականության **314**
Քաղաքները Հայաստանում 10—11-րդ դարերում
Римско-византийские хлебные меры и основанные на них индексы хлебных цен 348
Յ ա ն կ ե ր 362
Անձնանուններ 362
Տեղանուններ 369
Ցեղեր և ժողովուրդներ 382

Հ. ՄԱՆԱՆԴՅԱՆ

ԵՐԿԵՐ

Ջ

Հրատ. խմբագիրներ՝ Փ. Հ. Մադանյան, Մ. Բ. Գևորգյան
Գեղ. խմբագիր՝ Հ. Ն. Գործակալյան
Տեխ. խմբագիր՝ Հ. Մ. Մանուչարյան
Սրբագրիչներ՝ Գ. Ս. Ստեփանյան, Ս. Գ. Պիրոևա

ՀԲ № 910

Հանձնված է շարվածքի 16.11.1984։Ստորագրված է տպագրության 15.02.1985թ.։ ՎՖ 06862։ Չափը 60×90¹/₁₆։ Թուղթ № 1։ Տառատեսակ «գրքի սովորական», բարձր տպագրություն։ Տպագր. 24,13 մամուլ։ Հրատ.-հաշվարկ. 25,5 մամուլ։ Տպաքանակ 5000։ Հրատ. № 6340։ Պատվեր № 905։ Գինը 4ռ. 20 կ.

Издательство АН АрмССР 375019, Ереван, пр. Маршала Баграмяна, 24 г.

ՀՍՍՀ ԳԱ հրատարակչություն, 375019, Երևան, Մարշալ Բաղրամյան պող. 24 գ.։
ՀՍՍՀ ԳԱ հրատարակչության տպարան, 378310, ք. Էջմիածին։

Типография Издательства АН АрмССР, 378310, г. Эчмиадзин.